

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

1980 ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет по проблеме «История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР

Институт истории СССР Институт всеобщей истории

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник
1980

Ответственный редактор
академик М. В. НЕЧКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1984

В очередной том историографического ежегодника включены статьи и материалы по истории отечественной и зарубежной исторической науки. Среди них — статьи, посвященные ленинской концепции исторического процесса, исследования по советской историографии, отечественной и всеобщей историографии. Группа статей содержит критический анализ современной буржуазной историографии. В двух статьях анализируется содержание 100 томов «Исторических записок» (по периодам феодализма и капитализма). В раздел «Историки и их труды» вошли статьи об исторических взглядах М. Д. Чулкова, В. И. Пичеты, З. Неедлы. Помещены статьи по истории нескольких исторических учреждений, а также библиография работ М. М. Ковалевского,

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик М. В. НЕЧКИНА,
В. И. БУГАНОВ (зам. ответственного редактора),
М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ,
Б. Г. ВЕБЕР, Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ,
Е. В. ГУТНОВА, В. А. ДУНАЕВСКИЙ,
член-корреспондент АН СССР А. А. ИСКЕНДЕРОВ,
академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
В. П. НАУМОВ,
член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ,
В. И. САЛОВ, В. В. СОГРИН, Б. М. ТУПОЛЕВ,
А. О. ЧУБАРЬЯН, В. П. ШЕРСТОВИТОВ
Рецензенты А. Ф. СМИРНОВ, В. С. ЛЕЛЬЧУК,
М. Н. МАШКИН

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ ОБ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. Г. Гришков

Ленинское учение об электрификации — составная часть ленинского наследия. Оно объясняет историческую роль электрификации в условиях капитализма, перехода от капитализма к социализму, в становлении коммунистической формации. В нашей стране ленинское учение об электрификации получило конкретное выражение в плане ГОЭЛРО, в довоенных и послевоенных планах строительства социализма. Именно поэтому оно привлекло внимание многих исследователей, причем не только историков и экономистов, но и работающих в области естественных наук. Вопросы ленинского учения об электрификации рассмотрены в трудах, посвященных В. И. Ленину, в работах по истории плана ГОЭЛРО, электрификации СССР, индустриализации СССР и т. д. Имеются статьи, специально посвященные этой теме. В настоящее время назрела необходимость подвести итоги изучению ленинского теоретического наследия по вопросам электрификации. Попытка сделать это и предпринята в данной статье. Тема в историографическом плане до сих пор не рассматривалась. Только в работе Р. М. Савицкой «Деятельность В. И. Ленина в области экономического строительства» коротко освещаются некоторые фрагменты историографии этой темы¹.

В связи с тем что тема «Ленинское учение об электрификации» разрабатывалась совместными усилиями ученых, представляющих различные отрасли советской науки, ограничить историографический анализ ее трудами историков, на наш взгляд, было бы неверно. Под советской историографией ленинского учения об электрификации мы понимаем совокупность исследований на эту тему, подготовленных историками, экономистами, представителями естественных наук, историю изучения ими ленинского учения об электрификации.

* * *

В научной литературе утвердилось мнение о постепенной разработке В. И. Лениным учения об электрификации. «Отношение В. И. Ленина к электрификации,— писал В. Ю. Стеклов,— должно рассматриваться в историческом аспекте, так как оно начало складываться еще задолго до победы Великой Октябрьской социалистической революции»².

Авторы работ, посвященных электрификации нашей страны, при анализе ленинских идей электрификации вначале опирались на труды В. И. Ленина, написанные им в начале XX в. и в последующие годы³. Несколько позже В. Стеклов и Л. Фотиева, изучая ленинское учение об электрификации, ввели в научный оборот высказывания В. И. Ленина об электричестве, содержащиеся в таких его трудах, написанных в конце XIX в., как «Развитие капитализма в России», «Капитализм в сельском хозяйстве»⁴. В последующем исследователи также приводили первые высказывания В. И. Ленина о роли электрификации, по работам, написанным в конце XIX — начале XX в.

К какому времени сложилось ленинское учение об электрификации? А. Ханьковский, раскрывая ленинское понимание значения электрификации для построения социализма, ссылается главным образом на работы В. И. Ленина, относящиеся к 1920—1921 гг.⁵ С. Игнат отмечает, что В. И. Ленин задолго до Октябрьской революции высказал мысль об электрификации как материально-технической базе социализма⁶. Так как эта мысль главная в учении В. И. Ленина об электрификации, то, следовательно, по мнению С. Игната, ленинское учение об электрификации создано до Октябрьской социалистической революции. Такое мнение следует признать ошибочным. В. И. Ленин определил роль электрификации в создании материально-технической базы социализма в работах послеоктябрьского периода.

Неточность по этому вопросу допущена в некоторых работах В. Ю. Стеклова. В 1936 г. он писал, что В. И. Ленин после Октябрьской революции в своих статьях, выступлениях «развивал и оттачивал свое учение об электрификации»⁷. То же самое писал В. Ю. Стеклов в 1961 г.⁸ В своей большой работе «В. И. Ленин и электрификация» В. Ю. Стеклов избежал указанной неточности⁹. Говоря о ленинских идеях электрификации, сформулированных после Октябрьской революции, он подвергает анализу работы В. И. Ленина, написанные главным образом в 1920—1921 гг.

Вопрос о хронологических рамках и этапах складывания ленинского учения об электрификации рассмотрен в нашей статье, опубликованной в 1973 г. В ней отмечается, что началом разработки ленинского учения об электрификации следует считать конец XIX — начало XX в. (1899—1901 гг.), а завершилась разработка учения об электрификации в 1921 г. В рамках всего этого периода можно выделить два основных этапа: первый — с конца XIX — начала XX в. до Октябрьской революции, второй — со времени Октябрьской революции до 1921 г. В работах, написанных до Октябрьской революции, В. И. Ленин раскрыл экономическую и социальную сущность электрификации в условиях капитализма, показал революционизирующее воздействие электрификации на развитие производительных сил, на исторический процесс в целом; после революции, главным образом в 1920—1921 гг., он всесторонне раскрыл значение электрификации для построения нового общества¹⁰.

В литературе начиная с 1930 г. прочно укоренилось представление о преемственности ленинских идей электрификации и взглядов Маркса и Энгельса на роль электричества в развитии производительных сил и производственных отношений. Опираясь главным образом на такие источники, как воспоминания В. Либкнехта о К. Марксе¹¹, письмо Ф. Энгельса Эд. Бернштейну от 27 февраля — 1 марта 1883 г.¹², исследователи пришли к заключению, что основоположники научного коммунизма еще на заре электрической техники увидели в ней великую революционизирующую силу, причем не только в сфере развития техники, производительных сил, но и в развитии общественных отношений¹³.

Некоторые авторы, отмечая преемственность взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на роль электричества в историческом процессе, одновременно утверждают, что В. И. Ленину не были известны высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса по этому вопросу¹⁴. Действительно, письмо Ф. Энгельса Эд. Бернштейну от 27 февраля — 1 марта 1883 г., в котором он писал о том, что благодаря применению электрической энергии «производительные силы настолько вырастут, что управление ими будет все более и более не под силу буржуазии», не было известно В. И. Ленину, ибо оно впервые было опубликовано в 1924 г.¹⁵ Что касается воспоминаний В. Либкнехта о К. Марксе, в которых изложено содержание беседы между ними, состоявшейся в начале июля 1850 г. (мысль К. Маркса: электричество — неизмеримо более революционная сила по сравнению с паровой энергией, «необходимым следствием экономической революции будет революция политическая, так как вторая является лишь выражением первой») ¹⁶, то они, безусловно, были известны В. И. Ленину. Воспоминания В. Либкнехта были изданы на немецком языке в 1896 г. На русском языке они опубликованы в 1905 г.¹⁷, а в 1918 г. переизданы в Москве и Петрограде. В Кремлевской библиотеке В. И. Ленина имелись три экземпляра книги В. Либкнехта на русском языке¹⁸. К тому же В. И. Ленин, проживший ряд лет за границей, мог прочитать ее в подлиннике. Статья Ф. Энгельса «Похороны Карла Маркса», в которой выражен взгляд К. Маркса и Ф. Энгельса на электричество как силу, оказывающую «революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще»¹⁹, впервые опубликована на русском языке в журнале «Под знаменем марксизма» в 1923 г. (№ 2/3), но В. И. Ленин мог ее прочитать на немецком языке в период своего пребывания за границей.

К. Маркс и Ф. Энгельс определили историческую миссию электрификации в рамках капиталистической формации. В условиях, когда электрическая техника только зарождалась, они не могли показать созидательную роль электрификации для формирования общества без эксплуататоров. В. И. Ленин, деятельность которого протекала в новую историческую эпоху, развил взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, создал цельное учение об электрификации, важнейшей частью которого являются идеи, определяющие роль электрификации в условиях утверждения власти трудящихся

Первую страницу историографии ленинского учения об электрификации, по существу, открывает «План ГОЭЛРО», который следует рассматривать не только как перспективный план восстановления и развития народного хозяйства нашей страны, но и как серьезный научный труд по истории российской экономики, подготовленный коллективом ученых, специалистов под руководством Г. М. Кржижановского в 1920 г. Начальный раздел этого труда «Электрификация и план государственного хозяйства», в котором раскрывается значение электрификации для развития производительных сил, народного хозяйства, написан Г. М. Кржижановским на завершающем этапе работы комиссии, осенью 1920 г. К тому времени ленинское учение об электрификации в основном было уже разработано. Мысли В. И. Ленина об электрификации были хорошо известны председателю комиссии ГОЭЛРО по опубликованным трудам В. И. Ленина, его письмам, адресованным Г. М. Кржижановскому, по неоднократным беседам с ним, состоявшимся в конце 1919—1920 году. Вот почему есть все основания считать, что, несмотря на отсутствие в «Плане ГОЭЛРО» ссылок на труды В. И. Ленина, ленинские идеи электрификации были положены в основу разработки плана ГОЭЛРО, явились его теоретической основой. Об этом свидетельствует идентичность ряда ленинских идей электрификации и оценки значения электрификации, которая дана в указанном разделе плана ГОЭЛРО. Как и в трудах В. И. Ленина, электрификация в плане рассматривается как основа современного технического прогресса, один из решающих факторов ликвидации кризисов топлива, продовольствия, транспорта, сырья и др., преодоления технико-экономической отсталости страны, как надежное орудие интенсификации, механизации и рационализации труда, как основа советского хозяйственного строительства²⁰. В таком же аспекте следует рассматривать труд И. И. Степанова в историографии ленинского учения об электрификации²¹.

Одной из первых работ, в которой предпринята попытка специально рассмотреть, правда в общем виде, взгляды В. И. Ленина по вопросам электрификации, является небольшая статья А. Ярцева «Ленин и электрификация», опубликованная в 1925 г., когда завершилось восстановление народного хозяйства и намечался переход к социалистической реконструкции всего народного хозяйства. В статье отмечена связь между ленинским пониманием электрификации и учением В. И. Ленина о диктатуре пролетариата. Из содержания диктатуры пролетариата, отметил автор, вытекает ленинская постановка вопроса об электрификации. Суть ленинского понимания электрификации он определил следующим образом: электрификация, во-первых, средство восстановления и развития промышленности; во-вторых, средство реорганизовать на социалистических началах не только промышленность, но и сельское хозяйство; в-третьих, электрификация — средство создания и упрочения союза рабочего класса и крестьянства. «Реорганизация хозяйства на основе электри-

фикации является социализмом. Социалистическое производство есть производство электрифицированное»²².

В статье Ем. Ярославского, написанной в 1926 г., отмечается, что В. И. Ленин считал электрификацию главной частью плана индустриализации, впервые развернутого в плане ГОЭЛРО. В. И. Ленин, писал Е. Ярославский, в совокупности рассматривал вопросы электрификации, индустриализации, кооперирования крестьянских хозяйств²³.

Интерес к ленинскому теоретическому наследию по вопросам электрификации возрастает в первой половине 30-х годов, в условиях развертывания широким фронтом социалистической реконструкции народного хозяйства, а также в связи с 10-летием и 15-летием плана ГОЭЛРО. В 1930—1936 гг. одна за другой появляются работы А. Ханьковского, Ю. Флаксермана, В. Стеклова, в которых были рассмотрены важнейшие положения ленинского учения об электрификации. В трудах этих и некоторых других авторов ленинская теория электрификации раскрывалась в диалектическом единстве, как совокупность взглядов В. И. Ленина на роль и значение электрификации, которые складывались постепенно, начиная с конца XIX — начала XX в., как составная часть всего ленинского учения о строительстве социализма. А. Ханьковский, Ю. Флаксерман, В. Стеклов отметили, что В. И. Ленин еще до Октябрьской революции, обобщив достижения научно-технического прогресса, развития экономики в крупнейших капиталистических странах мира, указывал на революционизирующую роль электрификации в развитии производительных сил, подчеркивал, что электрификация способствует укрупнению производства, более рациональному размещению производительных сил, в частности в промышленности, уничтожению противоположности между городом и деревней²⁴. В. Стеклов обратил внимание и на то, что В. И. Ленин в своих дореволюционных трудах определил социальную сущность электрификации в условиях капитализма²⁵. В своей более поздней работе «В. И. Ленин и электрификация» В. Ю. Стеклов развернуто излагает ленинское понимание социальной сущности электрификации в условиях капитализма. «Определив электрификацию как основу развития современных производительных сил, В. И. Ленин показал, что рост производительных сил приводит к обострению противоречий капиталистического общества. Он подчеркивал, что развитие электрификации в условиях капитализма происходит не в интересах трудящихся, а для увеличения прибыли капиталистов»²⁶. В. И. Ленин указывал, что «производительные силы капитализма, бурно растущие на основе электрификации, приходят в противоречие со сковывающими их производственными отношениями: готовятся революционный взрыв огромной силы»²⁷.

Правда, В. Ю. Стеклов, анализируя работы В. И. Ленина, написанные до Октябрьской революции, включил в их число замечания «О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии» и в связи с этим сделал вывод, что В. И. Ленин до Октябрьской революции сформулировал следующее положение: «Электрификация для своего полного и эффективного развития требует

планового ведения хозяйства, что возможно только в условиях социализма»²⁸. В действительности, замечания на тезисы по аграрному вопросу Французской компартии написаны в декабре 1921 г.²⁹

А. Ханьковский, Ю. Флаксерман, В. Стеклов показали, что В. И. Ленин не только раскрыл социально-экономическую сущность электрификации в условиях капитализма, но и теоретически обосновал значение электрификации для построения социализма. В условиях капитализма электрификация способствует созданию материальных предпосылок социализма. После установления власти трудящихся масс, диктатуры пролетариата, она является органической частью процесса строительства социализма и коммунизма. Анализируя труды В. И. Ленина, написанные в 1918—1923 гг. («Набросок плана научно-технических работ», «Задачи Союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г.», «Доклад на III конгрессе Коммунистического Интернационала о тактике РКП, 5 июля 1921 г.», «Лучше меньше, да лучше» и др.), А. Ханьковский пришел к заключению, что В. И. Ленин в условиях России рассматривал электрификацию как средство ускорения восстановления народного хозяйства, важнейшее условие индустриализации страны, технической и социальной реконструкции сельского хозяйства, средство ликвидации антагонизма между городом и деревней, главное звено социалистической реконструкции всей экономики, важнейшее условие построения в нашей стране социализма³⁰.

К таким же выводам пришел, изучая ленинские идеи электрификации, Ю. Флаксерман³¹. В. Стеклов и Л. Фотиева отметили, что «Ленин видел в электрификации материальную базу социализма»³².

Таким образом, в литературе 20—30-х годов была довольно полно определена суть ленинских идей, сформулированных до Октябрьской революции и характеризующих социально-экономическую сущность электрификации в условиях капитализма, а также определена основа теоретических положений В. И. Ленина, сформулированных после победы Октябрьской социалистической революции и раскрывающих значение электрификации для построения социализма и коммунизма.

Новые успехи в изучении ленинского учения об электрификации достигнуты в послевоенные годы. В эти годы представление о ленинском учении об электрификации становится более многогранным, более полным, обогащается новыми заключениями и выводами. Э. Б. Генкина в статье, опубликованной в 1947 г., отметила роль электрификации не только в преобразовании экономики, но и в развитии культуры. Ссылаясь на речь В. И. Ленина на III съезде комсомола 2 октября 1920 г., она сделала вывод, что В. И. Ленин вопросы электрификации неразрывно связывал с вопросами культурной революции³³. Она также зафиксировала ленинское положение о том, что электрификация играет важную роль в социалистическом преобразовании национальных районов, не прошедших этапа капиталистического развития³⁴. Эти же положения ленинского учения об электрификации отметила И. М. Некрасова³⁵.

П. Б. Жибарев в работе «Ленин и электрификация Советской страны» (1960 г.) одним из первых привлек для характеристики ленинских идей электрификации такой небольшой, но очень емкий ленинский документ, как «Заметки об электрификации» (декабрь 1920 г.), впервые опубликованный в XXXIV Ленинском сборнике в 1942 г. В «Заметках об электрификации», пишет он, «В. И. Ленин указывает на значение электрификации для технического перевооружения всего народного хозяйства, на связь электрификации со всеми хозяйственными, политическими, культурными задачами, стоящими перед Советским государством»³⁶. С осуществлением электрификации всей страны Ленин связывал создание материально-технической базы социализма и коммунизма³⁷.

А. Д. Педосов впервые обратил внимание на тезис «электрификация как база демократии», сформулированный В. И. Лениным в плане доклада на VIII Всероссийском съезде Советов, и сделал попытку объяснить его. Электрификация приобщает людей к культуре через современное социалистическое организованное производство и благодаря развитию собственно культурных форм: школ, радио, кино, печати и т. д. «Повышая, таким образом, всеобщую грамотность, образованность и сознательность населения, электрификация способствует поднятию политического уровня и активности трудящихся. Иначе говоря, электрификация выступает как могучий рычаг культурного и политического подъема многомиллионных масс населения, роста их сознательности и активности, вовлечения их в работу управления производством и государством»³⁸.

Развернутая характеристика ленинского учения об электрификации дана в книгах «Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление» и В. Ю. Стеклова «В. И. Ленин и электрификация», подготовленных к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В них учение В. И. Ленина показано как составная часть всего марксистско-ленинского учения о строительстве социализма. Раскрывая взгляды В. И. Ленина на роль и значение электрификации в строительстве социализма, авторы этих работ показали, что: а) электрификация в ленинском понимании неразрывно связана с созданием крупной машинной индустрии, она — основа промышленного развития страны; б) электрификация органически связана с кооперированием крестьянского хозяйства, она — важный фактор социалистического переустройства сельского хозяйства; в) электрификация — важный фактор культурной революции; г) электрификация играет важную роль в повышении производительности труда, улучшении жизненных и производственных условий трудящихся; д) электрификация — верный путь ликвидации противоположности между городом и деревней, различий между физическим и умственным трудом; е) электрификация, индустриализация — материальная база обеспечения фактического равенства всех народов, перехода ранее отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития³⁹.

В концентрированном виде значение электрификации для строительства нового общества В. И. Ленин определил известной форму-

лой «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Она встречается в четырех работах В. И. Ленина: в речи на Московской губернской конференции РКП(б) «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии» (21 ноября 1920 г.)⁴⁰, в «Заметках об электрификации» (декабрь 1920 г.)⁴¹, в плане доклада на VIII Всероссийском съезде Советов (до 22 декабря 1920 г.)⁴² и в «Докладе о деятельности Совета Народных Комиссаров на VIII Всероссийском съезде Советов» (22 декабря 1920 г.)⁴³. Вместе с тем следует отметить, что истоки этой формулы можно найти в более ранних работах В. И. Ленина. Так, 18 февраля 1920 г., отвечая на вопрос корреспондента английской газеты «Daily Express», В. И. Ленин писал: «Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране, основ культурной жизни без эксплуататоров, без капиталистов, без помещиков, без купцов»⁴⁴.

В трактовке ленинской формулы среди исследователей нет полного единства. Одни считают, что она определяет конечный результат, цель нашей созидательной деятельности, другие исходят из того, что эта формула выражает динамику, движение к цели. К первым следует отнести, например, П. Б. Жибарева. «Ленинскую формулу: „Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны“, — писал он, — надо понимать как итог, как результат построения коммунизма, высшей фазы коммунистического общества»⁴⁵.

Другие авторы (их большинство) видят в ленинской формуле не конечный результат, а движение к цели нашей созидательной деятельности. Г. М. Кржижановский в своей работе «Основы технико-экономического плана реконструкции СССР» (1931 г.) отметил, что к трем элементам этой формулы необходимо подходить не в их статическом состоянии, а в их движении. Советскую власть как один из трех элементов этой формулы следует понимать как власть трудящихся, утверждающуюся в результате революции. Чтобы расчистить путь к коммунизму, необходимо каждой нации, стране пройти через свой победоносный Октябрь. Под электрификацией как элементом триединой формулы следует понимать новейшую техническую основу всего нашего хозяйственного строительства⁴⁶.

Не достигнутую цель, а движение к цели видят в ленинской формуле авторы работы «Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление». Эта формула, отмечают они, «определяет генеральный путь построения материально-технической базы коммунистического общества»⁴⁷. Пути достижения цели видят в ленинских словах «Советская власть плюс электрификация всей страны» М. А. Виленский, И. М. Некрасова, М. Г. Чиликин, Н. С. Музтовкин, Э. К. Звездин и др.⁴⁸

Как аргумент справедливости утверждений второй группы исследователей можно привести слова самого В. И. Ленина. В середине февраля 1920 г. в беседе с корреспондентом американской газеты «The World» Линкольном Эйром В. И. Ленин сказал: «Завершение электрификации явится первой важной ступенью на пути к коммунистической организации экономической жизни общества»⁴⁹.

Итак, триединая формула В. И. Ленина определяет содержание не конечного результата созидательной деятельности революционных масс, а пути, ведущего к намеченной цели. Составными частями, средствами для достижения этого являются Советская власть, т. е. власть трудящихся во главе с рабочим классом (политический аспект пути), электрификация, т. е. создание на новейшей технической основе крупного машинного производства (экономический аспект пути). Отмечая это, мы в то же время должны помнить, что В. И. Ленин не сводил содержание пути к намеченной цели лишь к Советской власти и электрификации. По пути к этой цели Советская власть должна решать и другие задачи. Среди них электрификация являлась одной из главнейших, это во-первых, и во-вторых, она должна благотворно сказаться на решении всех других задач.

Как правило, в нашей литературе отмечается или предполагается, что В. И. Ленин формулой «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» определял пути строительства как социализма (первой фазы коммунизма), так и коммунизма (высшей фазы коммунистического общества)⁵⁰. Вместе с тем имеются работы, в которых эта формула рассматривается применительно к более узким временным рамкам. Так, А. Ханьковский в статье, опубликованной в 1930 г., рассматривает ленинскую формулу применительно к этапу строительства социализма⁵¹.

Вопрос о временных рамках ленинской формулы рассмотрен в нашей статье. В ней на основе анализа работ В. И. Ленина, в которых встречается триединая формула, сделан вывод, что В. И. Ленин применял ее к этапу строительства социализма, первой фазы коммунизма⁵². Применение В. И. Лениным термина «коммунизм» к социалистическому этапу строительства нового общества в статье объясняется, во-первых, тем, что социализм — это тоже коммунизм, только неполный, первая фаза коммунизма, во-вторых, тем, что в 1920 г. термин «коммунизм» применительно к будущему обществу без эксплуататоров имел широкое распространение. «В ленинских трудах 1921—1922 гг. об электрификации говорится уже применительно к понятию «социализм», «социалистическое общество»⁵³.

Большой интерес для уяснения ленинского понимания социальной направленности электрификации представляют такие труды В. И. Ленина, как «Тезисы доклада о тактике РКП на III конгрессе Коммунистического Интернационала (первоначальный проект)» и «Доклад на III конгрессе Коммунистического интернационала о тактике РКП». «Единой материальной основой социализма, — отмечал В. И. Ленин в «Тезисах доклада о тактике РКП» 13 июня 1921 г., — может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны»⁵⁴. Думается, что нельзя рассматривать ленинскую триединую формулу вне связи с только что процитированными ленинскими словами. Вместе с тем мы считаем необходимым уточнить высказанное нами

ранее мнение по этому вопросу. Хотя В. И. Ленин, выдвигая свою триединую формулу, имел в виду прежде всего строительство социализма, ибо это был первоочередной этап коммунистического строительства, однако нет прямых данных считать, что В. И. Ленин ограничивал суть своей формулы рамками строительства социализма.

Содержание формулы В. И. Ленина рассмотрено в монографии В. В. Алексеева «Электрификация Сибири». Автор отметил, что В. И. Ленин «расценивал электрификацию как важный элемент материально-технической базы социализма и одну из гарантий его окончательной победы. Именно в таком плане звучит знаменитое ленинское высказывание на VIII Всероссийском съезде Советов: *«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»*⁵⁵. Несколько далее В. В. Алексеев подчеркнул, что ленинская формула в полной мере соответствует развитому социализму. «Выдвинутая более полувека назад, она сохраняет принципиальное значение до сих пор»⁵⁶.

Ленинское учение об электрификации получило дальнейшее развитие в документах КПСС. В Программе Коммунистической партии, принятой XXII съездом КПСС, подчеркнута ведущая роль электрификации в формировании экономики коммунистического общества. «Электрификация, являющаяся стержнем строительства экономики коммунистического общества, играет ведущую роль в развитии всех отраслей народного хозяйства, в осуществлении всего современного технического прогресса»⁵⁷. Именно поэтому ленинская формула *«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»* сохраняет определяющее значение в период развитого социализма и постепенного перерастания его в коммунизм⁵⁸.

Ленинское учение об электрификации, как и в целом учение марксизма-ленинизма, по своей сущности интернационально. Ленинские идеи электрификации, если их рассматривать в совокупности, являются определяющими в процессе строительства нового общества не только в странах слабо развитых или недостаточно развитых в экономическом отношении, но и высокоразвитых буржуазных странах, становящихся на путь революционных изменений. Свою историческую миссию электрификация может в полной мере выполнить в любой стране, в том числе и имеющей высокий уровень электрификации, лишь на основе новых социальных отношений, в условиях, когда политическая власть принадлежит трудящимся массам во главе с рабочим классом.

* * *

С того времени, когда В. И. Ленин завершил разработку учения об электрификации, прошло более 60 лет. Практика строительства социализма и коммунизма за эти годы полностью подтвердила жизненность этого учения. 5 июля 1921 г. в докладе на III конгрессе Коммунистического Интернационала В. И. Ленин, говоря о первом успехе Советской страны в области электрификации, заявил: «12 тысяч киловатт — очень скромное начало. Быть может, иностранец,

знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним»⁵⁹. Эти ленинские слова оказались пророческими. Ныне СССР занимает второе место в мире по производству электрической энергии, тогда как до Октябрьской революции наша страна занимала по этому показателю восьмое место в мире⁶⁰. Если в 1913 г. было произведено электроэнергии 2039 млн. кВт·ч⁶¹, то в 1980 г. — уже 1,3 триллиона кВт·ч⁶². В 1913 г. мощность всех электростанций страны составляла 1141 тыс. кВт⁶³, между тем в настоящее время только в течение одного года вводится в строй не менее 10—11 млн. кВт новых электромощностей. СССР имеет самые мощные в мире электростанции, самые протяженные электролинии, у нас успешно развивается атомная энергетика. Не только города, но и все сельские населенные пункты обеспечены электроэнергией. Электрификация является важнейшим фактором научно-технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства.

Успехи в осуществлении ленинского учения об электрификации имеют международное значение. На VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. В. И. Ленин заявил, что «если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии»⁶⁴. Время не только подтвердило справедливость слов В. И. Ленина, но и внесло в них некоторые дополнения. Наше социалистическое, коммунистическое хозяйственное строительство является образцом не только для социалистических стран Европы, Азии, но и ряда стран Африки, Латинской Америки, вставших или становящихся на путь строительства социализма. Между социалистическими странами существуют отношения подлинно братского сотрудничества, взаимопомощи, основанные на принципах пролетарского интернационализма. Об этом свидетельствует и существование объединенной энергосистемы «Мир», которая, в частности, обеспечивает передачу электроэнергии из СССР в ряд европейских социалистических стран. Недалеко то время, когда будет создана на огромной территории от Тихого океана до западных границ ГДР единая энергетическая система СССР и европейских социалистических стран. Тем самым реализуется мысль В. И. Ленина о том, что «современная передовая техника настоятельно требует *электрификации всей страны — и ряда соседних стран — по одному плану*»⁶⁵.

Успехи в электрификации Советской страны велики. И все же уровень ее еще нельзя признать достаточным. Борьба за сплошную электрификацию страны — важное направление деятельности Коммунистической партии, всего нашего народа по дальнейшему совершенствованию развитого социалистического общества.

¹ Савицкая Р. М. Деятельность В. И. Ленина в области экономического строительства, Октябрь

1917 — июль 1918 г.: Историко-графический очерк. М., 1975, с.198—199.

- ² *Стеклов В. Ю.* В. И. Ленин и электрификация. 2-е изд. М., 1975, с. 19. (Далее ссылки на эту работу даются лишь по 2-му изданию).
- ³ *Ханьковский А.* Электрификация—ведущее звено социалистической реконструкции.— В кн.: На новом этапе социалистического строительства: Сб. статей. М., 1930, т. 1, с. 307; *Он же.* Ленин и план ГОЭЛРО.— Электрификация сельского хозяйства, 1931, № 1, с. 27; *Флаксерман Ю.* Классики марксизма и партия об электрификации. М., 1932, с. 51; *Рубинштейн Н.* Вопросы электрификации промышленности во второй пятилетке.— Большевик, 1932, № 13, с. 12.
- ⁴ В. И. Ленин об электрификации. М., 1936. Введение, с. 16; *Стеклов В. Ю.* Электрификация Страны Советов. М., 1936, с. 99—100.
- ⁵ *Ханьковский А.* Электрификация—ведущее звено социалистической реконструкции, с. 310—311.
- ⁶ *Игнат С.* Ленинский план электрификации.— Большевик, 1936, № 2, с. 11.
- ⁷ *Стеклов В. Ю.* Электрификация Страны Советов, с. 102.
- ⁸ *Стеклов В. Ю.* В. И. Ленин и план электрификации.— Энергетика СССР: Сб. статей. М.; Л., 1961, с. 37.
- ⁹ *Стеклов В. Ю.* В. И. Ленин и электрификация, с. 26, 28.
- ¹⁰ *Гришков И. Г.* Некоторые вопросы проблемы «В. И. Ленин и электрификация».— В кн.: Вопросы истории и методики: Науч. тр. Курск. пед. ин-та. 1973, т. 11 (104), с. 6.
- ¹¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 91.
- ¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 374.
- ¹³ *Ханьковский А. И.* Десятилетний юбилей плана ГОЭЛРО: Доклад на заседании Коммунистической академии 2 декабря 1930 г.— Проблемы экономики, 1930, № 11/12, с. 183; *Он же.* Электрификация—ведущее звено социалистической реконструкции.— В кн.: На новом этапе социалистического строительства: Сб. статей. М., 1930, т. 1, с. 342; *Флаксерман Ю., Н.* Классики марксизма и партия об электрификации. М., 1932, с. 51; *Игнат С.* Указ. соч., с. 11. *Кржижановский Г. М.* Ленин и ГОЭЛРО.— Вестн. Академии наук СССР, 1946, № 1, с. 5; *Жибарев П. Б.* Ленин и электрификация Советской страны. М., 1960, с. 12—14; *Стеклов В. Ю.* В. И. Ленин и электрификация, с. 13—17 и др.
- ¹⁴ *Мелещенко Ю. С., Шудардин С. В.* Ленин и научно-технический прогресс. Л., 1969, с. 169—170; В. И. Ленин об электрификации. 2-е изд. М., 1958, с. 11. Во введении к сборнику «В. И. Ленин об электрификации» (М., 1964, с. 10) В. Стеклов и Л. Фотиева внесли уточнения в этот вопрос. Они писали, что В. И. Ленину не были известны «основные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса по электрификации».
- ¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 375.
- ¹⁶ Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 91.
- ¹⁷ *Либкнехт В.* Воспоминания о Марксе: Пер. с нем. Одесса, 1905.
- ¹⁸ Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961, с. 113.
- ¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 351.
- ²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 104; т. 5, с. 135, 138, 139, 150, 151; т. 27, с. 365; т. 40, с. 108, 148; т. 41, с. 179; т. 42, с. 30—31; т. 43, с. 228; т. 44, с. 51 и др.; План электрификации РСФСР: Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. 2-е изд. М., 1955, с. 34, 35, 37—40, 43, 44.
- ²¹ *Степанов И.* Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. М., 1922. 390 с.
- ²² *Яруев А.* Ленин и электрификация.— Спутник коммуниста: Орган Тверского губернского комитета РКП(б), Тверь, 1925, № 3/4, с. 27—28.
- ²³ *Ярославский Ем.* Проблема индустриализации в учении Ленина.— Правда, 1926, 22 апр.
- ²⁴ *Ханьковский А.* Электрификация—ведущее звено социалистической реконструкции, с. 307; *Он же.* Ленин и план ГОЭЛРО, с. 27; *Флаксерман Ю.* Указ. соч.,

- с. 52; *Стеклов В. Ю.* Электрификация . Страны Советов, с. 99—100.
- ²⁵ *Стеклов В. Ю.* Электрификация Страны Советов, с. 101—102.
- ²⁶ *Стеклов В. Ю. В. И. Ленин и электрификация*, с. 24.
- ²⁷ Там же, с. 25.
- ²⁸ Там же, с. 26.
- ²⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 281.
- Ханьковский А.* Электрификация — ведущее звено социалистической реконструкции, с. 306—311; *Он же.* Десятилетний юбилей плана ГОЭЛРО, с. 187; *Он же.* К победе социализма в сельском хозяйстве: Проблема социалистической реконструкции сельского хозяйства и электрификация. М.; Л., 1930, с. 81, 95, 99—100; *Он же.* Ленин и план ГОЭЛРО.— Электрификация сельского хозяйства, 1931, № 1, с. 25—27.
- ³¹ *Флаксерман Ю.* Указ. соч., с. 55—62.
- ³² В. И. Ленин об электрификации, с. 14; *Стеклов В. Ю.* Электрификация Страны Советов, с. 104.
- ³³ *Генкина Э. Б.* К истории выработки ленинского плана социалистического строительства.— Вестн. Моск. ун-та, 1947, № 11, с. 43.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Некрасова И. М.* Развитие электрификации СССР (40—60-е годы). М., 1974, с. 4—5.
- ³⁶ *Жибарев П. Б.* Указ. соч., с. 26.
- ³⁷ Там же, с. 29.
- ³⁸ *Педосов А. Д.* Партия большевиков и технический прогресс. М., 1969, с. 401.
- ³⁹ Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление. М., 1969, с. 25—34; *Стеклов В. Ю. В. И. Ленин и электрификация*, с. 29—35.
- ⁴⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 30.
- ⁴¹ Там же, с. 227.
- ⁴² Там же, с. 380—381.
- ⁴³ Там же, с. 159.
- ⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 148. В плане доклада на VIII Всероссийском съезде Советов ленинская формула встречается дважды. В одной из них вместо «Советская власть» употребляется «советский строй». — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 380.
- ⁴⁵ *Жибарев П. Б.* Индустриализация СССР — великий подвиг советского народа. М., 1969, с. 36.
- ⁴⁶ *Кржижановский Г. М.* Избранное. М., 1957, с. 363—367.
- ⁴⁷ Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление. М., 1969, с. 5.
- ⁴⁸ *Виленский М. А.* По ленинскому пути сплошной электрификации. М., 1969, с. 8—9; *Некрасова И. М.* Развитие электрификации СССР, М., 1974, с. 4; *Чиликин М. Г., Мutowкин Н. С.* Начало перспективного социалистического планирования: (К 50-летию плана ГОЭЛРО). — Вопр. истории КПСС, 1970, № 12, с. 34; *Звездин Э. К.* От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. М., 1979, с. 30.
- ⁴⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 155—156.
- ⁵⁰ *Гладков И. А.* От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М., 1956, с. 65; *Шильняк И. П.* Основные черты ленинского учения о социалистической электрификации. — В кн.: Сборник научных работ кафедр общественных наук Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта. Харьков, 1958, с. 217—218; *Соболев Д. З.* Осуществление ленинского плана электрификации страны. М., 1965, с. 5; *Кодуа И. И.* Ленинское учение об электрификации как составная часть теории научного коммунизма. — Тр. Тбил. гос. ун-та, Сер. экон. наук, 1965, т. 112, вып. IV, с. 86—87; *Плеганов М. Е.* История электрификации железных дорог СССР. Свердловск, 1967, с. 20; Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление, с. 53; *Виленский М. А.* Указ. соч., с. 8—9; *Чиликин М. Г., Мutowкин Н. С.,* Указ. соч., с. 34 и др.
- ⁵¹ *Ханьковский А.* План ГОЭЛРО и план электрификации на 1931 г. — Плановое хозяйство, 1930, № 12, с. 89—90.
- ⁵² *Гришков И. Г.* Указ. соч., с. 10—13. Ранее автор считал, что

- В. И. Ленин своей формулой определял пути строительства социализма и коммунизма.
- ⁵³ Там же, с. 12.
- ⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 9.
- ⁵⁵ Алексеев В. В. Электрификация Сибири, ч. II, с. 7—8.
- ⁵⁶ Там же, с. 11. В. В. Алексеев в своей монографии, исходя из ленинских взглядов на электрификацию, предпринял попытку дать развернутое определение понятия «социалистическая электрификация» (с. 14). На наш взгляд, это определение следует признать интересным и в целом правильным.
- ⁵⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и плену-
- мов ЦК. 8-е изд. М., 1972, т. 8, с. 247.
- ⁵⁸ Там же, с. 244.
- ⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 51.
- ⁶⁰ Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбил. стат. ежегодник. М. 1977, с. 30.
- ⁶¹ Там же, с. 201.
- ⁶² Тихонов Н. А. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года: Доклад XXVI съезду КПСС. М. 1981, с. 23.
- ⁶³ Народное хозяйство СССР за 60 лет, с. 201.
- ⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 161.
- ⁶⁵ Там же, т. 44, с. 280.

О ЕЖЕГОДНИКЕ «ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УКРАИНСКОЙ ССР» (1968—1973 ГГ.)

Н. В. Комаренко

(Киев)

В 1964 г. при Секции общественных наук Академии наук Украинской ССР был создан Научный совет по истории исторической науки. В 1965 г. Научный совет по истории исторической науки при Отделении истории АН СССР совместно с республиканским подготовили и провели в Киеве всесоюзную научную сессию «В. И. Ленин и историческая наука», а в 1966 г. вместе с Одесским университетом организовали в Одессе республиканскую сессию по вопросам отечественной и зарубежной историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Материалы этих конференций опубликованы¹. В 1967 г. была выпущена издательством «Наукова думка» АН УССР подготовленная советом Записка о состоянии и развитии исследований по проблеме «История исторической науки в Украинской ССР». Вышла из печати работа, посвященная развитию исторической науки на Украине в советский период².

В 1969 г. республиканский научный совет провел конференцию «Ленинское теоретическое наследие и развитие украинской советской историографии», посвященную 100-летию со дня рождения В. И. Ленина³. Этой же теме была посвящена написанная членами совета коллективная монография⁴. В 1970 г. к 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса научный совет провел в Киеве сессию «Фридрих

Энгельс как историк»⁵, а член-корреспондент АН УССР И. А. Гуржий издал монографию⁶.

Следует отметить, что на проводимых на Украине историографических сессиях и конференциях неизменно их участниками были ученые Москвы. С докладами выступали академики АН СССР М. В. Нечкина, Е. М. Жуков, Н. Н. Поспелов, В. М. Хвостов, член-корреспондент АН СССР П. А. Жилин, многие доктора и кандидаты исторических наук.

Проблематика украинских историографов тесно увязывалась с проблемами, стоявшими перед исторической наукой в СССР. Это нашло свое отражение в работах, посвященных различным этапам исторической науки, видным историкам, а также борьбе против фальсификаций буржуазных историков как в прошлом, так и в настоящее время.

Одним из важных аспектов деятельности совета была публикация на украинском языке ежегодника «Историографические исследования в Украинской ССР». Необходимость такого издания диктовалась обилием исторической литературы, которую требовалось проанализировать, обобщить. Исследованиями в области историографии занимались сотрудники отдела историографии и источниковедения Института истории АН УССР*, а также преподаватели университетов и других вузов республики. Результаты этой плодотворной исследовательской работы нашли определенное отражение в рассматриваемых сборниках.

На протяжении 1968—1973 гг. в издательстве «Наукова думка» АН УССР вышли в свет шесть выпусков «Историографических исследований в Украинской ССР» тиражом от 600 до 1600 экземпляров, объем которых колебался в пределах от 14,6 до 19 печатных листов**. Сборники выходили на украинском языке, в конце каждой статьи давалось резюме на русском. Ответственными редакторами выпусков были члены-корреспонденты АН УССР Ф. П. Шевченко (вып. 1, 2), И. А. Гуржий (вып. 3—5), доктор исторических наук П. М. Калениченко (вып. 6).

Издание ежегодника, его идейную направленность положительно оценил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий⁷. Оно было отмечено научной ответственностью в союзных изданиях, на него опубликованы рецензии в республиканских и зарубежных изданиях⁸.

В шести выпусках историографических сборников общим объемом более 100 авторских листов опубликовано 79 статей 49 авторов — историографов из разных городов Украинской ССР. В сборниках затронут широкий круг разнообразных историографических проблем — с древнейших времен до начала 70-х годов нашего столетия.

Третий выпуск, изданный в 1970 г., был посвящен ленинской тематике и вышел к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Во всех

* Функционировал в 1963—1973 гг., после чего был реорганизован в отдел источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

** См.: Историографические исследования в Украинской ССР. 1968. Вып. 1, 1969. Вып. 2; 1970. Вып. 3; 1971. Вып. 4; 1972. Вып. 5; 1973. Вып. 6.

выпусках уделялось значительное внимание освещению огромной роли ленинского теоретического наследия в развитии советской исторической науки. На страницах сборников историческая лениниана на Украине была представлена разнопланово. На примере исследований проблем отечественной истории авторы сделали попытку раскрыть неисчерпаемое методологическое богатство ленинской исторической концепции и показать конкретно, как ее положения способствовали изучению разнообразных вопросов исторического прошлого и актуальных тем современности.

В статьях Н. В. Поды «Критика В. И. Лениным идеалистических концепций народнической историографии (По проблемам экономического развития пореформенной России)» (1) * и «Ленинская концепция формирования фабрично-заводского пролетариата в пореформенной России (В полемике с представителями либерально-народнической историографии)» (3), а также в работах А. М. Пономарева «Ленинский анализ экономической природы русской мануфактуры и изучение этой проблемы в советской историографии» (3), В. Г. Сарбеев «Разработка в украинской советской историографии ленинской концепции революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в.» (3) и «Проблемы истории революционного движения на Украине в материалах II съезда РСДРП» (4), Г. Я. Сергиенко «Ленинская концепция историографии декабристского движения» (3) и С. А. Сосновчика «Ленинская оценка революционного народничества и его отражение в современной советской историографии (По материалам Украины)» (3) показано, какой значительный вклад внес В. И. Ленин в разработку коренных вопросов отечественной истории, в том числе и Украины, периодов феодализма, капитализма, империализма. Авторы показали, что ленинские теоретические положения, основанные на глубоком изучении конкретного исторического материала, являются методологическим фундаментом исследований украинских советских историков, посвященных различным социально-экономическим формациям. В названных статьях исследователи подчеркнули также, что глубоко аргументированные ленинские положения показывают абсолютную несостоятельность буржуазно-националистических утверждений об отсутствии украинского рабочего класса и украинской буржуазии.

В ряде статей авторы раскрыли огромное значение ленинского теоретического наследия для развития социалистического общества. Несомненный интерес вызывает работа И. А. Гуржия и С. К. Гутянского «Теоретическое наследие В. И. Ленина и советская историография культурной революции на Украине» (3), в которой впервые в украинской советской историографии проанализирована литература, отражающая воплощение ленинских идей культурной революции на Украине.

«Ленинское отношение к наследию прошлого. На примере выдающихся историков АН УССР» (3) — так называется статья

* Здесь и далее по тексту в скобках указаны номера выпусков «Историкографических исследований», в которых помещены упоминаемые материалы.

Л. Г. Москвич. Автор показала, какое значение придавал В. И. Ленин использованию прогрессивного наследия прошлого, как в первые же годы Советской власти были созданы необходимые условия для творческой и научно-организационной деятельности первых украинских академиков, выдающихся историков Д. И. Багалая, А. Е. Крымского, О. И. Левицкого, Д. И. Яворницкого.

В статье Ж. П. Тимченко «Ленинское учение о союзе рабочего класса и беднейшего крестьянства в 1917 г. в украинской советской историографии» (3) отмечается, что в работах украинских советских историков освещаются вопросы о значении крестьянских съездов на Украине в 1917 г., о роли массовых организаций трудящихся, особенно Советов, в сплочении беднейшего крестьянства вокруг рабочего класса.

Б. Л. Корогод в статье «Осуществление ленинского кооперативного плана на Украине и его освещение в литературе 20-х — первой половины 30-х годов» (3) дает обстоятельную характеристику литературы, отмечая, что она, соединив в себе публицистическую направленность с научным анализом, смогла отразить характерные черты одного из сложных периодов строительства социализма.

«Историческая литература первых лет Советской власти о В. И. Ленине как вожде Великого Октября» (3) — с такой статьей выступил Е. И. Журавский. В ней раскрыта историческая обстановка периода зарождения и развития советской исторической науки, когда роль В. И. Ленина как вождя социалистической революции освещалась в условиях острой борьбы с врагами и фальсификаторами различных толков.

Лениниане в исторических журналах Украинской ССР посвящаются две статьи: Н. В. Комаренко «Страницы о В. И. Ленине в журнале „Летопись революции“» (3) и С. К. Гутянского «Ленинская тематика на страницах „Украинского исторического журнала“ (1957—1967 гг.)» (2). В статьях определен вклад журналов украинских советских историков в пропаганду и распространение теоретического наследия В. И. Ленина, в освещение жизни и многогранной деятельности вождя.

Вместе с тем следует сказать, что идейное наследие основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса на страницах выпусков представлено не достаточно широко. В статье П. М. Шморгуна «Распространение трудов Ф. Энгельса на Украине в советской историографии» (5) скрупулезно собраны и проанализированы работы по данному вопросу. Заслуживают внимания высказанные автором предложения и пожелания о дальнейшей углубленной разработке проблемы, а именно: выяснение всех случаев переиздания произведений Ф. Энгельса в документальных сборниках, журналах и газетах Советской Украины; дальнейшее изучение деятельности издателей и переводчиков произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, особенно в дооктябрьский период и в первые годы Советской власти; обнаружение и изучение всех книжных изданий произведений Ф. Энгельса начала 20-х годов; исследование вопроса об издании и распространении произведений основоположников марксизма рево-

люционными народниками 70—80-х годов и ранними марксистскими кружками конца XIX в.

В статье В. Г. Сарбея «Основоположники марксизма и творческое наследие Иоахима Лелевеля по истории Польши и Украины» (6) акцентировано внимание на отражении в работах польского историка вопросов истории Украины и польско-украинских отношений. В. Г. Сарбей считает составленный К. Марксом конспект «Истории Польши» Лелевеля ценным источником для исследователей истории Украины.

Определенное внимание на страницах выпусков было уделено методологическим вопросам историографии. Так, в статье Ф. П. Шевченко «Историография — важная историческая дисциплина», открывавшей первый выпуск, давалось определение понятия «историография», освещались ее место и роль среди других специальных исторических дисциплин. Автор раскрыл специфику объекта историографических дисциплин и методику их проведения, указал на органическую связь и соотношение историографии с другими отраслями и дисциплинами исторической науки. К сожалению, этим и ограничились публикации по данному вопросу.

Одно из центральных мест в сборниках заняли статьи, посвященные различным аспектам историографии Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Они публиковались в каждом выпуске. В обобщающей статье «По пути Великого Октября» (2) Ф. П. Шевченко показал, что лишь в условиях социализма историческая наука на основе марксистско-ленинской методологии способна объективно отображать исторические процессы, правильно оценивать роль народных масс в истории, глубоко исследовать ход событий в аспекте дружбы и сотрудничества народов и всесторонне осветить вклад каждой нации в общечеловеческий исторический прогресс.

Истории крестьянства и Советам крестьянских депутатов в 1917 г. посвящены статьи Ю. М. Гамрецкого «Советская историография крестьянского движения на Украине в 1917 г.» (1) и Ж. П. Тимченко «Советская историография о Советах крестьянских депутатов в 1917 г.» (2). Исследователи отметили значительные достижения в разработке и этих чрезвычайно важных вопросов, прежде всего истории возникновения Советов крестьянских депутатов на Украине и их роли в развертывании революционного аграрного движения, глубокую характеристику украинского крестьянства и его участия в вооруженной борьбе против контрреволюционной Центральной рады за установление Советской власти на селе. Анализ литературы по проблеме приводит к выводу о нарастающем процессе углубленного изучения истории крестьянского движения.

В статье В. И. Бутенко «Колхозное строительство на Украине периода гражданской войны в советской историографии» (5) прослеживается развитие в советской историографии научной разработки истории первых колхозов на Украине. В рассмотренной автором литературе содержится общий вывод о том, что колхозное движение в

самом зародыше явилось закономерным результатом победы социалистической революции.

В статье М. Ф. Дмитриенко «Историография большевистской печати Украины периода Октябрьской революции» (1) разбирается процесс накопления научных знаний по истории большевистской печати Украины и сделана попытка определить степень изученности темы. На многочисленных примерах и фактах автор убедительно показывает, каким важным историческим источником Октябрьской революции являются большевистские газеты.

В статье В. Е. Тычины «Некоторые проблемы в изучении истории освободительной борьбы против немецких оккупантов и внутренней контрреволюции на Украине в 1918 г.» (2) в историографическом плане рассматриваются такие принципиальные вопросы проблемы, как организация обороны Правобережной Украины от австро-германских оккупантов и создание фронта обороны Левобережной Украины; значение образования революционных «островов» на оккупированных землях Украины; вооруженное восстание трудящихся Украины в августе и его политическая оценка; становление первых регулярных частей Красной Армии на Украине; роль Советов. М. З. Бердута в статье «Советская историческая литература второй половины 50-х — 60-х годов о борьбе большевистской партии за преодоление мелкобуржуазных взглядов на заключение Брестского мира 1918 г.» (6) показал, что литература, посвященная сложному вопросу о Брестском мире, убедительно раскрывает действительные цели всех политических партий по вопросам войны и мира, а особенно правильность политики большевиков во главе с В. И. Лениным.

Анализ проблематики по историографии Октября и гражданской войны на Украине, особенно в ретроспективном разрезе, позволяет увидеть и ее слабые стороны. Так, по нашему убеждению, следовало бы рассмотреть на страницах сборников историографию деятельности большевистских организаций, рабочего класса, Советов рабочих депутатов на Украине в этот период.

В сборниках уделялось определенное внимание историографическим проблемам советского периода, в частности изучению истории рабочего класса и крестьянства УССР, развитию исторических учреждений и журналов, науки, культуры, дружбы народов СССР и др. Так, в статьях В. П. Сидоренко «Вопросы рабочего контроля и национализации промышленности в украинской советской историографии» (2), «Некоторые вопросы историографии советского строительства в исторической литературе (1921—1941 гг.)» (4), Л. М. Гордиенко «Историческая литература о ликвидации безработицы в Украинской ССР (1921—1930 гг.)» (6) определяется степень изученности важных вопросов социалистического строительства в нашей стране. Авторы подчеркивают, что эта проблематика начала изучаться сразу по следам событий. Это имело важное значение для дальнейших, углубленных исследований. Упомянутые историографы подвели итоги разработке проблем, определили круг вопросов, требующих дальнейшего изучения.

Украинские советские историки исследуют актуальные вопросы

развития села УССР послевоенного периода. Глубокий анализ не только исторической литературы, но и работ экономического, публицистического, очеркового и мемуарного характера по указанной проблематике дал А. В. Санцевич в статье «Трудящиеся послевоенного села Украины в советской историографии» (1). Автор определил основные направления, по которым идет разработка проблемы: руководящая роль Коммунистической партии в сельском хозяйстве, трудовая активность крестьян, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, социалистическое соревнование, повышение материального и культурного уровня трудящихся села, новые починены в период коммунистического строительства и др. Важно, что А. В. Санцевич указывает на недостатки и пробелы в историографии послевоенного украинского села. Он справедливо замечает, что авторы акцентируют внимание преимущественно на достижениях передовых колхозов и явно недостаточно показывают трудности и их преодоление в сельскохозяйственном производстве, не уделяют внимания деятельности совхозов.

Как известно, в последние десятилетия ученые-обществоведы прилагают много усилий, чтобы исследовать закономерности развития национальных отношений, дружбы народов СССР. Ведется эта работа и в УССР. В статье В. Ф. Панибудьласки «Дружба народов СССР периода коммунистического строительства в советской историографии» (5) подведены некоторые итоги исследований, посвященных проблемам изучения закономерностей развития социалистических наций в период коммунистического строительства, вопросам экономических, общественно-политических и культурных взаимосвязей народов. Автор проанализировал общесоюзные работы и исследования украинских авторов.

Значительное внимание в сборниках было уделено развитию советской исторической науки на Украине, деятельности ее учреждений и организаций исторического профиля, периодическим изданиям. Так, в статьях Н. В. Комаренко «Создание и деятельность исторических кафедр на Украине в 20-е годы» (4), «Вклад Украинского института марксизма-ленинизма в развитие исторической науки (1923—1931)» (5), «Историко-археографический институт Всеукраинской академии наук (февраль — ноябрь 1934 г.)» (6) исследованы вопросы становления и развития рожденных Великим Октябрем новых исторических учреждений на Украине, марксистско-ленинской методологии в исторических исследованиях, формирования кадров историков-марксистов. Автор прослеживает изменение тематики научных исследований по истории и отмечает, что в 20—30-е годы на первом месте была проблематика, связанная с героической борьбой пролетариата за победу социалистической революции и построение социализма. Впервые начинала изучаться история народных масс — рабочего класса, крестьянства, советской интеллигенции. В статье показано, какое большое внимание развитию исторических исследований уделяли Коммунистическая партия и правительство Советской Украины, какую заботу они проявляли о творческих работниках, условиях их жизни и быта, как бережно относились к видным уче-

ным старой формации, пытаюсь использовать их знания в строительстве новой жизни. Автор показала значение названных исторических учреждений и организаций и определила их вклад в развитие советской исторической науки на Украине.

Уровень развития исторических исследований, их тематика и круг авторов отражаются, как известно, в периодических изданиях. Кроме уже упомянутых статей о лениниане в «Летописи революции» и «Українському історичному журналі», в ежегодниках дана историографическая оценка журнала «Східний світ», проанализированы другие материалы «Українського історичного журналу». В статье «Журнал „Східний світ“ (1927—1931). Историографический обзор» (2) М. Ф. Дмитриенко рассказала о деятельности Всеукраинской научной ассоциации востоковедения (ВУНАВ) и ее печатном органе, которому принадлежит особое место в развитии украинской советской ориенталистики и организации специалистов-востоковедов, положивших начало изучению истории, искусства, этнографии стран как зарубежного, так и советского Востока. Автор сделала интересные подсчеты: в 12 номерах журнала было опубликовано 415 материалов 180 авторов на эти темы.

В статьях С. В. Сороковской «Критика и библиография на страницах „Украинского исторического журнала“» (2), И. Л. Шермана «„Украинский исторический журнал“ в 1968—1970 гг.» (5) говорится о том вкладе, который вносит журнал украинских советских историков в освещение вопросов методологии и методики исторических исследований, изучение периодов феодализма, капитализма и социализма. Справедливо подчеркивается, что на страницах журнала больше всего внимания уделяется истории социалистического и коммунистического строительства в нашей стране. Говоря о разнообразии печатаемого материала, историографы ставят в заслугу журналу широкое освещение вопросов новой и особенно новейшей истории, публикацию историографических и библиографических обзоров, различных критических и описательных информации о советской исторической литературе, а также выходящей за пределами СССР и УССР, особенно той, которая имеет отношение к истории украинского народа.

На страницах сборников публиковалось много материалов об отдельных выдающихся украинских историках. Опубликованная статья К. И. Гурницкого «А. Е. Крымский в советской историографии» (4) об ученом с мировым именем, одном из основателей Украинской академии наук и ее многолетнем непреходящем (ученом) секретаре, работы Л. Г. Москвич «Творческий путь О. И. Левицкого» (4) и «Вклад О. И. Левицкого в изучение обычного права на Украине» (5) об одном из основателей АН УССР, академике, видном украинском историке, а также работа «Историографическое наследие И. А. Гуржия» (5) о члене-корреспонденте АН УССР, видном советском историке анализируют творческий путь, исторические взгляды ученых, их разнообразную научно-организационную деятельность. В статье об А. Е. Крымском автор критически рассматривает советскую литературу об этом энциклопедисте-обществоведе, главным образом в об-

ласти востоковедения и славянской филологии, говорит о необходимости более углубленно изучать вклад этого выдающегося ученого в историческую науку, подчеркивает настоятельную необходимость переиздания его трудов, ставших в наше время библиографической редкостью. Творческий путь О. И. Левицкого, представителя народнического направления в украинской историографии, рассмотрен многопланово — ученый был известен не только как историк, но также как писатель, археолог, филолог, замечательный знаток памятников материальной культуры Украины. Он сделал много полезного для развития исторической науки. В статье об И. А. Гуржи охарактеризована только часть его богатого творческого наследия, а именно работы в области историографии. Указывается, в частности, на то, что в его работах наметились и прослеживаются важные историографические проблемы: 1) дооктябрьское прогрессивное наследие украинской историографии; 2) критика концепций украинской буржуазно-националистической историографии; 3) значение марксистско-ленинского теоретического наследия для научной разработки проблем истории Украины; 4) достижения, недостатки и перспективы исследовательской работы историков УССР.

Развитию исторического краеведения на Украине посвящены статьи: П. М. Калениченко «Роль научных периодических изданий в развитии исторического краеведения на Украине» (6), А. М. Аббасова «Краеведение Полтавщины в период становления советской исторической науки (до начала 30-х годов)» (6) и «Вклад Полтавской губернской архивной комиссии в историографию Украины» (4). В статьях проанализированы публикации украинских ученых по краеведению в периодических изданиях республики, а также содержание 15 выпусков «Трудов» Полтавской губернской архивной комиссии (1903—1917 гг.). Используя богатый документально-литературный материал, авторы показали особенности становления и роста краеведения, основные этапы его развития, зарождение школьного краеведения — детища Великого Октября.

В «Историографических исследованиях в Украинской ССР» нашла отражение и историко-партийная проблематика. Были опубликованы две статьи Я. С. Калакуры: «Освещение советской историографией деятельности Коммунистической партии Украины в области культурного строительства в послевоенный период» (5) и «Руководство КП Украины деятельностью Советов, профсоюзов и комсомола в период строительства коммунизма (1959—1971 гг.). Историография проблемы» (6), посвященные показу руководящей и направляющей роли Компартии Украины на этапе послевоенного строительства социализма и перехода его на новый, более высокий этап строительства коммунизма. Автор глубоко анализирует научную литературу по названным проблемам, определяет этапы развития послевоенной историографии культурного строительства, общественных организаций, ставит вопрос о необходимости объединения усилий историков для создания обобщающих трудов по истории культурного строительства, развитию ленинских принципов партийного руководства Советами и общественными организациями.

Определенный интерес вызывают помещенные в сборниках четыре оригинальные статьи А. В. Санцевича о развитии советской исторической науки в Украинской ССР за шесть лет — в 1966—1971 гг.: «Украинская советская историческая наука в 1966 г.» (2), «Украинская советская историческая наука в 1967—1969 гг.» (4), «Украинская советская историческая наука в 1970 г.» (5), «Украинская советская историческая наука в 1971 г.» (6). Их автор подчеркивает, в частности, что в эти годы активно разворачивались разнообразные исторические исследования в республике. Этому способствовали такие выдающиеся юбилеи в жизни советского народа, как 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции и победы Советской власти на Украине, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, 150-летие со дня рождения Ф. Энгельса. Историков вдохновлял на новые свершения XXIV съезд КПСС.

А. В. Санцевич анализирует обобщающие коллективные монографические исследования, оставившие заметный след в украинской советской историографии, такие, как двухтомники «История Украинской ССР», «История рабочего класса Украинской ССР», «История крестьянства Украинской ССР», «История Академии наук Украинской ССР», а также работы «Развитие украинской культуры за годы Советской власти», «История Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Украины», «В. И. Ленин и победа Октябрьской революции на Украине», «Торжество ленинской национальной политики на Украине», «По пути, озаренному Лениным», «Ленинское теоретическое наследие в украинской советской историографии» и др.

Характеризуя состояние исторической науки в Украинской ССР в 1966—1971 гг., А. В. Санцевич отмечает, что историки республики внесли существенный вклад в исследование разнообразной тематики по отечественной и зарубежной истории, в изучение историографии, источниковедения, специальных исторических дисциплин, исторической библиографии. Глубокий анализ вышедших работ позволил автору сделать интересные выводы и обобщения. Он отметил, в частности, что в исследовании древней истории тесно сочетались творческие усилия историков и археологов; по феодальной эпохе средневековья особенно выделялись разработки по истории украинской культуры, чему раньше уделялось явно недостаточно внимания. В общем в освещении дооктябрьской истории Украины, попытожил автор, исследователи сосредоточили свои усилия преимущественно на вопросах классовой борьбы, участия народных масс в социально-экономической и культурной жизни. В изучении же советского периода автор усматривает значительное расширение тематики по истории рабочего класса и крестьянства 20—30-х годов, Великой Отечественной войны, истории дружбы и сотрудничества украинского народа с великим русским, другими народами нашей многонациональной Родины.

На страницах выпусков нашли отражение исследования большого историографического наследия, которое досталось от дооктябрьской эпохи истории Украины. Были опубликованы статьи о жизненном и творческом пути отдельных представителей дооктябрьской

украинской историографии. Исторические взгляды М. П. Драгоманова рассмотрены в статьях И. С. Савченко «Исследование творческого наследия М. П. Драгоманова за последние годы» (2), В. Г. Сарбея «К вопросу о взаимоотношениях М. П. Драгоманова с деятелями марксистской группы „Освобождение труда“» (5), Г. И. Черныхивского «История социальной и национально-освободительной борьбы украинского народа в период до воссоединения с Россией в освещении М. П. Драгоманова» (6). Их авторы разносторонне анализируют труды и мировоззрение этого противоречивого деятеля. В поле зрения историографов оказался и такой аспект деятельности М. П. Драгоманова, как его идейные связи с руководителем первой русской марксистской группы Г. В. Плехановым.

Две статьи Ю. А. Пинчука посвящены известному деятелю до-октябрьской буржуазной историографии Н. И. Костомарову — «До-октябрьская и советская историография о Н. И. Костомарове как историке» (4) и «Н. И. Костомаров об украинско-русских связях в период освободительной войны 1648—1654 годов и роли в них Б. Хмельницкого» (6). Изучая общественную деятельность Н. И. Костомарова и его творческое наследие в области истории, исследователь знакомит читателей с критическими выступлениями (рецензиями) на исторические работы Н. И. Костомарова представителей официальной и отдельных течений и направлений буржуазной историографии, видных прогрессивных ученых, представителей революционных демократов, а также анализирует труды советских ученых. Значительное внимание уделено тем работам Н. И. Костомарова, в которых он в условиях монархической реакции высказывал критические суждения в адрес самодержавия и крепостничества, одним из первых с прогрессивных позиций сделал попытку на богатой документальной основе осветить историю русско-украинских отношений 1648—1654 гг. и положительно оценить их.

В статье Л. А. Коваленко «Исторические взгляды С. А. Подолинского» (1) раскрывается малоисследованная сторона многогранной деятельности известного экономиста второй половины XIX в. Автор обстоятельно излагает демократическую концепцию исторического развития С. А. Подолинского и считает его работу в этой области определенным вкладом в развитие украинской историографии пореформенных десятилетий. Объективно оценивая взгляды С. А. Подолинского, ученый правильно отмечает, что он не стал марксистом.

Поискам источников по истории Украины известного западно-украинского буржуазно-либерального историка, его издательской деятельности, связанной с публикацией исторических источников, посвятил свою статью Н. Н. Кравец «А. С. Петрушевич — издатель „Сводной Галицко-русской летописи 1600—1800 гг.“» (4). В ней отмечаются ценными для специалистов по истории западноукраинских земель, в частности Галиции. Рассказано о той плодотворной работе, которую провел историк по собиранию, систематизации и публикации будущего издания, получившего высшую оценку Ивана Франко.

Взгляды М. Ф. Владимирского-Буданова на проблемы истории Украины раскрыты в статье О. Ф. Скакун «М. Ф. Владимирский-Буданов как историк Украины» (6). Автор проанализировала исследованные историком актуальные вопросы исторического развития прошлого Украины, показала его концепцию по проблемам закрепощения крестьян, классовой структуры общества и развития феодализма, колонизации украинских земель в XII—XVII вв., происхождения казачества, национально-освободительной войны 1648—1654 гг.

Упомянутые авторы единодушны в том, что необходимо глубокое исследование наследия лучших представителей дооктябрьской украинской историографии на основе ленинских принципов партийности и историзма, что следовало бы опубликовать их наиболее ценные избранные произведения.

Авторы сделали определенные обобщения богатого фактического материала многочисленных работ по разнообразным вопросам исторического прошлого украинского народа, унаследованного советской исторической наукой от дооктябрьской историографии. В сборниках рассматриваются вопросы развития украинской историографии второй половины XVII — начала XVIII в., дан анализ работы А. Ригельмана по истории Украины, летописи Самийла Величко, некоторого историко-этнографического материала.

В исследовании Ю. А. Мыцька «„Кройника“ Феодосия Софоновича в исторической литературе» (6) обстоятельно анализируются выдающиеся памятники украинской историографии XVII—XVIII вв., рассматриваются исторические и общественно-политические взгляды их авторов, раскрываются источники памятников, их характеры и стили. Автор определяет значение рассмотренных им работ для развития украинской историографии и общественно-политической мысли XIX в., для творчества великого kobzаря Т. Г. Шевченко и указывает на необходимость научных изданий подобных памятников с обстоятельными предисловиями и комментариями.

В сборнике публиковались работы, исследующие в историографическом плане далекое прошлое наших народов. В статье М. Ю. Брайчевского «История изучения черняховской культуры» (1) дается обзор литературы, посвященной этой проблеме, начиная от открытия первых памятников черняховской культуры в конце XIX в. до середины 60-х годов нашего столетия. Автор отметил значительные успехи в разработке различных аспектов проблемы в послевоенные годы в ряде зарубежных социалистических стран (ПНР, ЧССР, РНР) и особенно в нашей стране, указал на имеющиеся трудности, в частности при рассмотрении вопроса об этнической интерпретации черняховской культуры и ее отношения к славянам.

Ряд актуальных вопросов истории феодализма рассмотрен в статьях И. М. Гапусенко «Украинские советские историки о Киевской Руси» (1) и «Освещение в советской историографии борьбы украинского народа против зарубежных поработителей в период феодализма» (4), Н. Ф. Котляра «Денежное обращение на территории Украины в отечественной историографии» (4), В. М. Кулаковского «Историография городов Левобережной Украины XVIII в.» (5). Ис-

следователи прослеживают, как показан в дореволюционной и советской историографии периода Киевской Руси процесс зарождения и развития феодальных отношений у восточных славян, образования Древнерусского государства. Характерно, что авторы статей показывают тесное сотрудничество историков РСФСР, УССР и БССР в освещении этого сложного периода в истории трех братских народов, а также в области изучения денежного обращения на территории Украины в VIII — первой половине XIX в.

Следует подчеркнуть, что опубликование на страницах сборников статей не только по историографии и источниковедению, а также и по вспомогательным историческим дисциплинам, в частности нумизматике, краеведению, говорит о довольно широком и разнообразном исследовательском диапазоне этого издания.

О тесных связях прогрессивных представителей исторической мысли на Украине на рубеже XVIII и XIX вв. с передовой русской историографией рассказывается в статье Л. А. Коваленко «Роль революционеров-дворян и прогрессивных дворянских историков в разработке истории украинского народа» (4). Автор показал, что дворяне-революционеры — А. Н. Радищев и декабристы — внесли значительный вклад в историографию Украины, особенно по вопросам крепостного права. В статье показано, что в работах прогрессивных дворянских историков в противовес провинциальной ограниченности консервативной дворянской историографии выдвигается тезис о связи истории Украины с общими процессами всемирной истории.

Хронологически и тематически эту статью продолжает работа Г. Я. Сергиенко «Историография Кирилло-Мефодиевского общества» (4). Ее автор проводит мысль о том, что деятельность общества была связана со всероссийским освободительным движением, начатым декабристами и развитым последующими поколениями революционеров. В ней даны аргументированная критика буржуазно-националистической литературы и анализ советской историографии, прослежено отражение в научной литературе дискуссионных вопросов, намечены пути дальнейшей разработки проблемы. Автор правильно отмечает важность публикации корпуса документов о Кирилло-Мефодиевском обществе.

Определенной новизной в оценках отличается статья А. З. Барабоя «Историография инвентарной реформы 1841—1848 гг.» (2). Исходя из идей В. И. Ленина о соотношении реформы и революции и о том, что царизм был особенно склонен к лжереформам, автор считает необходимым показать в научной литературе, что инвентаризация помещичьих имений, задуманная как «некий шаг вперед», в силу своей классовой природы уже в процессе законодательного оформления превратилась в реакционное мероприятие.

Ряд аспектов зарубежной истории отражен в статьях Г. А. Пляшко «Некоторые вопросы украинской советской историографии польского восстания 1863 г.» (2), Л. А. Коваленко «Вопросы истории зарубежных славян в украинской историографии первой половины XIX в.» (6).

Внимание исследователей привлекли и историографические про-

блемы народничества 70-х — начала 80-х годов XIX в., участие революционной интеллигенции в борьбе против самодержавия, распространение марксизма. Именно эти вопросы подняты и освещены в статье А. К. Волощенко «Общественно-политическое движение на Украине в 70-х — начале 80-х годов XIX в. в дооктябрьской и советской историографии» (5). Представляются очень полезными и своевременными выводы и предложения автора относительно путей дальнейшего изучения различных аспектов проблемы: создание обобщающей работы по историографии всего общественно-политического движения на Украине, изучение либерально-оппозиционного движения, деятельности земств, украинских «громад», студенческого движения.

В статье Н. Н. Лещенко «Историография классовой борьбы в украинской деревне в годы первой русской революции 1905—1907 гг.» (1) особое внимание обращено на фальсификаторские измышления буржуазных и буржуазно-националистических историков, которые игнорировали или же искажали роль народных масс в истории, фальсифицировали положение украинского крестьянства и его героическую борьбу в годы первой русской революции. Автор, анализируя обширную литературу, показал, как украинская советская историография, вооруженная марксистско-ленинской методологией, разоблачила научную несостоятельность подобных утверждений и создала подлинную историю украинского народа.

Определенная работа была проведена и в области исследования творческого наследия украинских революционеров-демократов, в трудах которых нашли отражение глубокие раздумья о настоящем и будущем украинского народа, объективные оценки выдающихся исторических событий прошлого, классовая борьба трудящихся за свое социальное и национальное освобождение, развитие истории культуры, общественно-политического движения. В статьях С. М. Шевченко «И. Я. Франко о роли народных масс в истории политического развития досоциалистических формаций» (1) и «И. Я. Франко о классовой борьбе крестьян Галиции в период распада феодализма» (2) на основании глубокого и всестороннего анализа работ Каменяра делается правомерный вывод о том, что И. Я. Франко, обладая энциклопедическими знаниями, в том числе и по истории, был убежден в том, что во всех исторически сложившихся формациях трудящиеся массы играли выдающуюся роль в развитии общества, что только им под силу революционная перестройка капиталистических порядков. Важны и выводы автора о том, что И. Франко, изучив произведения основоположников научного коммунизма, полагал, что именно рабочие явятся главной силой прогрессивного развития общества при капитализме, а их неизменным союзником в классовой борьбе за лучшее будущее будет угнетенное и эксплуатируемое помещиками крестьянство. Разнообразные формы классовой борьбы крестьянства в период разложения феодализма пост-революционер хорошо показал на примере Галиции; он стал одним из первых историков, кто попытался вскрыть социальные причины опришкинства как формы крестьянского движения.

Большевистская периодическая печать в дооктябрьский период истории Украины сыграла, как известно, важную роль в развитии исторической науки. Этим объясняется огромный интерес историков к изучению этой проблемы. Определенный вклад в это внесли авторы сборников. В статьях В. Г. Сарбея «Страницы истории рабочего класса и крестьянства Украины в ленинской „Искре“ (1900—1903 гг.)» (1) и «Газета „Южный рабочий“ (1900—1903 гг.) и ее вклад в историографию истории Украины» (2) дан анализ относящихся к Украине материалов, помещенных на страницах ленинской «Искры», а также газеты «Южный рабочий», которая была создана по инициативе ведущих деятелей Екатеринославского комитета РСДРП И. В. Бабушкина и И. Х. Лалаянца и была наиболее интересным из всех периодических изданий местных социал-демократических комитетов в указанный период. Следует особо подчеркнуть, что автор, давая историографический и источниковедческий анализ «Южного рабочего», сделал попытку, опираясь на высказывания В. И. Ленина, вопреки установившейся в исторической литературе отрицательной оценке ее деятельности раскрыть то полезное, положительное, прогрессивное, что делала эта газета. Подводя итоги своим исследованиям, В. Г. Сарбей заключает, что, хотя оппортунистическое направление одноименной социал-демократической группы нашло определенное отражение в материалах газет, в целом последняя благодаря активной авторской и редакционной работе в ней революционеров-большевиков и тесной связи с ленинской «Искрой» сыграла прогрессивную роль.

Каждый выпуск «Историографических исследований в Украинской ССР», за исключением пятого, заканчивался библиографией украинской историографии за соответствующие годы. Как уже отмечалось, третий выпуск сборников был тематическим и посвящался ленинской тематике. Он завершался «Библиографией украинской историографии по проблеме „В. И. Ленин как историк“» (составители Л. Н. Гудзенко, Т. Н. Шелюх), состоявшей из разделов: В. И. Ленин и историческая наука; В. И. Ленин и проблемы отечественной истории (Общие работы. Дооктябрьский период. Советский период); В. И. Ленин и большевистские организации Украины; В. И. Ленин и проблемы зарубежной истории. В остальных выпусках были помещены: «Библиография украинской историографии (1956—1965 гг.)» (1), составители Л. Н. Гудзенко, Т. Н. Шелюх; «Библиография украинской историографии (1966—1968 гг.)» (2), составитель Т. Н. Шелюх; «Библиография украинской историографии (1969 г.)» (4), составитель Т. Н. Шелюх; «Библиография украинской историографии (1970—1971 гг.)» (4), составители Е. Г. Кузнецова, Т. Н. Шелюх.

В целом сборники содержат немало интересных научных исследований, в которых сконцентрирован разнообразный материал по актуальным проблемам дооктябрьской и советской историографии, источниковедению и некоторым специальным историческим дисциплинам. Авторами выступали как известные историки республики, так и начинающие исследователи-аспиранты, младшие научные сотруд-

ники. Следует особо подчеркнуть, что статьи ежегодника стимулировали появление монографических исследований по историографии Украинской ССР⁹.

Ежегодник сыграл важную роль в формировании квалифицированных кадров историков Украинской ССР, представляя им столь необходимую трибуну для освещения своих изысканий. «Историографические исследования в Украинской ССР» подводили определенные итоги по важным проблемам украинской советской исторической науки, анализировали творческий опыт историков-исследователей и тем самым содействовали дальнейшим актуальным разработкам.

Конечно, как и в любой работе, в издании «Историографических исследований» имелись свои недостатки. На некоторые из них было указано в упомянутых выше рецензиях. Ныне мы можем сказать о том, что удельный вес статей, посвященных советскому периоду, мог бы быть значительно большим. Видимо, в республике были основания и возможности на страницах выпусков показать более широкие достижения в области развития ряда специальных исторических дисциплин. Думается, что и украинская лениниана могла бы быть представлена более широко.

Редколлегия следовало привлекать к участию в сборниках ведущих историографов Москвы, членов Научного совета по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР. Упущением было также и то, что в сборниках почти отсутствовал материал по историографии городов и сел, фабрик и заводов, хотя республика первой в стране осуществила 26-томное издание «Истории городов и сел Украинской ССР». Однако, конечно, не недостатки определяли облик полезного издания.

¹ В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; Вопросы Великой Октябрьской социалистической революции в отечественной и зарубежной историографии. Киев, 1967. На укр. яз.

² Развитие исторической науки на Украине за годы Советской власти. Киев, 1973. На укр. яз.

³ См. об этом: Вестн. АН СССР, 1970, № 2, с. 94—95; Вісник АН УРСР, 1970, № 2, с. 15—17. На укр. яз.

⁴ Ленинское теоретическое наследие в украинской советской историографии. Киев, 1969. На укр. яз.

⁵ См. об этом: Український історичний журнал (далее: УІЖ), 1971, № 1, с. 146—148. На укр. яз.

⁶ Гуржий И. А. Фридрих Энгельс об Украине. Киев, 1970. На укр. яз.

⁷ См.: Щербицкий В. В. Воспитывать сознательных, активных строителей коммунизма. М., 1974, с. 21.

⁸ Нечкина М. В., Городецкий Е. Н. Историографические исследования в СССР.— В кн.: Развитие советской исторической науки, 1970—1974. М., 1975, с. 81; УІЖ, 1969, № 5, с. 133—135; 1970, № 6, с. 141—142; 1971, № 9, с. 147—148; Kwartalnik Historyczny, 1970, N 1. Warszawa, 1970, с. 236—237.

⁹ Санцевич А. В. Проблемы истории Украины послевоенного периода в советской историографии. Киев, 1967. На укр. яз.; Комаренко Н. В. Журнал «Летопись революции»: Историогр. очерк. Киев, 1970. На укр. яз.; Она же. Учреждения исторической науки в Украинской ССР, 1917—1937 гг. Киев, 1973. На укр. яз.; Сар-

бий В. Г. В. И. Ленин и дооктябрьское наследие историографии Украины. Киев, 1972. На укр. яз.; *Калакура Я. С.* Комму-

нистическая партия Украины в борьбе за решение задач строительства коммунизма: Историограф. очерк. Киев, 1976. На укр. яз.

**ВОПРОСЫ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ТАКТИКИ
РАБОЧЕГО КЛАССА
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1905—1907 ГГ.
В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Д. А. Колесниченко

Использование рабочим классом России представительных учреждений буржуазной демократии, отношение к возникшим в ходе первой революции их российской разновидности — Государственным думам — явилось воплощением в жизнь большевистских принципов революционного парламентаризма.

Эта тактика, разрабатываемая революционными марксистами во главе с В. И. Лениным еще до революции 1905 г., представляла собой последовательную защиту и творческое развитие всего лучшего, наиболее ценного, что было накоплено международной социал-демократией в области использования буржуазного парламентаризма в интересах развития массового революционного движения.

Раскрывая классовую ограниченность буржуазного демократизма и парламентаризма, большевики во главе с В. И. Лениным не отрицали значения их использования, поскольку публичная парламентская трибуна облегчала социал-демократии дело агитации и пропаганды во всех слоях населения и защиту интересов трудящихся масс, способствуя созреванию политических предпосылок социалистической революции¹.

Программа РСДРП, принятая II съездом в 1903 г., включала требование низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания для установления в России демократической республики, конституционного обеспечения демократических свобод и «самодержавия народа». Вместе с тем в программе указывалось, что необходимым условием победы социалистической революции является установление диктатуры пролетариата².

В России свержение самодержавия и установление демократического политического строя могло быть осуществлено только путем всенародной вооруженной борьбы. Уже осенью 1901 г. В. И. Ленин выдвинул лозунг политической подготовки вооруженного восстания.

Ориентация на революционные действия народных масс, возглавляемых пролетариатом при направляющей роли марксистской партии, — такова была главная тактическая линия большевиков. Этим определялось и отношение к использованию парламента и парла-

ментских форм борьбы, которые для большевиков никогда не имели самодовлеющего значения.

В. И. Ленину принадлежит заслуга в обосновании, конкретной разработке и применении принципов революционного парламентаризма, суть которого состояла в подчинении парламентских форм борьбы задачам и целям массового движения для достижения решительной победы буржуазно-демократической революции, создания действительно полновластного и подлинно демократического парламента. Буржуазный парламентаризм, согласно В. И. Ленину, должен быть использован пролетариатом «(α) для революционного выступления *во главе*, а не в хвосте движения; — (β) для служения массовому революционному движению; — (γ) под контролем его; — (δ) в постоянной связи легальной работы и нелегальной; — (ε) в постоянной борьбе до конца, до раскола с оппортунистами и *чиновниками* рабочего движения»³.

Большевистские принципы революционного парламентаризма, осуществленные в тактике использования представительных учреждений России — Государственных дум, обогатили тактическое оружие российского и международного рабочего движения.

Под натиском революции 1905 г. царизм вынужден был «даровать» народу сначала законосовещательную, так называемую «булыгинскую» думу, а затем Государственную думу, которая обладала минимумом законодательных прав и созывалась на основе антидемократического избирательного закона 11 декабря 1905 г.

Большевики применили в отношении Булыгинской и I Государственной дум тактику активного бойкота. Однако большевики не были сторонниками только тактики бойкота в отношении мнимого российского «парламента», созываемого царизмом как вынужденная мера, имеющая главной целью расколоть революционное движение с помощью контрреволюционной буржуазии, колеблющихся слоев мелкобуржуазных масс и создать в России мнимо представительный строй при сохранении полноты власти за царизмом.

Как подчеркивал В. И. Ленин, тактика бойкота большевиков вытекала не из оценки степени реакционности того или иного представительного учреждения, а из условий, при которых они созываются, конкретного соотношения борющихся сил⁴.

Уже в ходе работы I Государственной думы большевики выдвинули идеи использования ее трибуны и конфликтов с правительством для революционной агитации, призванной разоблачить всю тщетность «конституционных», «парламентских» иллюзий масс, раскрыть предательскую роль либералов в осуществлении царизмом контрреволюционных замыслов, добиться размежевания крестьянских депутатов с кадетами, укрепления союза рабочего класса и крестьянства, гегемонии пролетариата. Эта тактика должна была осуществляться для подготовки нового вооруженного натиска всего народа во главе с пролетариатом против царизма.

Еще более богатой по содержанию и формам была парламентская тактика большевиков в период избирательной кампании во II Думу и на трибуне самой Думы.

На различных этапах революционной борьбы — на восходящем и нисходящем — первой российской революции, во время столыпинской реакции, в период нового революционного подъема — большевики во главе с В. И. Лениным всегда боролись за осуществление рабочим классом подлинно революционной парламентской тактики. Ее важнейшими чертами были безусловное подчинение парламентской деятельности задачам развития революционного движения, политического просвещения и сплочения пролетариата и широких масс народа вокруг рабочего класса; использование всех форм парламентской деятельности не для «законодательной», «органической» работы, а прежде всего для революционной агитации и пропаганды; правильное сочетание парламентской деятельности со всеми формами массового рабочего и демократического движения, теснейшая и постоянная связь рабочих депутатов с массами и самое активное их участие во внепарламентской работе; подчинение парламентской фракции общепартийным решениям, руководству и контролю со стороны руководящих органов партии; осуществление в парламентской деятельности партии «левоблокиской» тактики при сохранении безусловной самостоятельности партийной фракции, заключении ею временных соглашений с революционно-демократическими партиями против черносотенцев и против либералов во имя отрыва мелкобуржуазных масс и их партийных представителей от либералов и сплочения их вокруг пролетариата.

В советской историографии освещение вопросов использования рабочим классом думской трибуны, думской тактики большевиков тесно связано с исследованием широкого комплекса проблем революционно-освободительного движения 1905—1917 гг. Они нашли отражение в обобщающих трудах по истории буржуазно-демократических революций в России, истории рабочего класса, борьбы классов и партий в ходе революций и на трибунах Государственных дум; в историко-партийных исследованиях, ведущих изыскания по коренным проблемам истории Коммунистической партии, ее стратегии и тактики.

Имеется целый ряд монографий и статей, специально посвященных изучению думской тактики большевиков, ленинских принципов революционного парламентаризма, отдельных крупных и более частных вопросов этой обширной темы.

В то же время историографическое обобщение по вопросам парламентской тактики рабочего класса и его марксистского авангарда — большевиков — отсутствует. Историографические же введения к исследованиям по этим вопросам носят, скорее, характер библиографических справок, чем обобщения итогов разработки проблемы.

Данная статья не претендует на всеобъемлющее освещение итогов разработки в советской историографии всех вопросов, связанных с парламентской тактикой российского рабочего класса. В ней делается попытка подвести некоторые итоги ее разработки в связи с решением в советской историографии таких кардинальных проблем истории освободительного движения периода первой российской революции, как гегемония пролетариата, тактика «левого блока» боль-

шевиков; борьба большевиков с меньшевиками и мелкобуржуазными партиями по вопросам парламентаризма, осуществление принципов революционного парламентаризма в деятельности социал-демократических фракций первых Государственных дум. В статье при этом делается попытка наметить некоторые спорные или еще недостаточно решенные вопросы.

В начальный период советской историографии (с 1917 г. до середины 30-х годов) развернулось широкое изучение первой российской революции, были поставлены практически все ее основные вопросы, велась публикация обширного документального материала⁵. В целом для этого периода было характерным утверждение ленинской концепции по многим вопросам истории первой русской революции, и прежде всего о характере и движущих силах революции, о гегемонии пролетариата, о значении и роли партии большевиков в революционной борьбе 1905—1907 гг.⁶ Большевицкая тактика революционного парламентаризма не нашла в работах этого периода сколько-нибудь полного освещения. В трудах по истории первой революции мимоходом затрагивались вопросы борьбы большевиков с меньшевиками за революционное использование думской трибуны, скупо освещалась деятельность социал-демократической фракции в Государственной думе. Революционная тактика пролетариата, направленная на сплочение всех революционно-демократических сил для создания единого демократического фронта в борьбе против монархии и полукрепостнического строя, отражение ее и в думской тактике партии как последовательное продолжение и специфическое преломление тактики «левого блока» — не получила освещения в работах 20-х — первой половины 30-х годов.

Это в полной мере относится и к немногочисленным в 20-е годы работам по истории Государственной думы, в некоторой степени освещавшим и деятельность социал-демократической фракции⁷. Положительным в этих работах была постановка вопросов использования рабочим классом думской трибуны для борьбы с царизмом и буржуазией, освещение позиций и тактики политических партий в Государственных думах, борьбы представителей рабочего класса в думах с либералами-кадетами за освобождение от влияния либерализма крестьянских представителей в Думе — трудовиков. В то же время в оценке кадетов, трудовиков, эсеров и энесов авторы не проводили четкого отнесения их к разным политическим лагерям, борющимся в период первой русской революции — либерально-монархическому и демократическому, возглавлявшемуся пролетариатом⁸.

В 30-е годы появилась работа Ф. И. Савинского, специально посвященная исследованию парламентской тактики социал-демократии в период первой русской революции 1905—1907 гг.⁹, в которой автор близко подошел к проблеме большевицких принципов революционного парламентаризма.

Написанная на обширном материале ленинских работ, решений партии, партийной публицистики, она рассматривала борьбу большевиков с меньшевиками по теоретическим вопросам парламентской тактики. Особенно глубоко разработан им вопрос о большевицких

принципах оценки парламентских форм борьбы как форм классовой борьбы пролетариата, подчиненных задачам доведения до конца буржуазно-демократической революции. Ф. Савинский поднял также один из важных вопросов, который до сих пор продолжает привлекать внимание историков: противопоставляя революционный подход к парламентским формам борьбы большевиков меньшевистскому, оппортунистическому, Ф. Савинский остановился на оценке большевистского бойкота булыгинской и I Думы и связанного с ним вопроса о «пересмотре» тактики в отношении II Думы большевиков и меньшевиков. В своей статье Ф. Савинский последовательно развивал ленинское положение о том, что отказ от бойкота II Думы не был пересмотром большевиками своей революционной тактики. Как писал В. И. Ленин, это был не пересмотр тактики, а «последовательное *различие* старой тактики, но не *повторение* ее, вывод из прежнего бойкота, но не прежний бойкот»¹⁰. Пересмотр тактики, как это обстоятельно показал впервые в нашей литературе Ф. Савинский, был совершен меньшевиками, которые до IV съезда РСДРП и на самом съезде, окончательно разделившись «со своими декабрьскими бойкотистскими грехами», признали новый революционный подъем и вооруженное восстание на ближайшее (исторически) время невозможным, а потому перенесли свое внимание исключительно на «вопросы об избирательных соглашениях и внутридумской тактике»¹¹. Для большевиков вопрос о пересмотре тактики в связи с отказом от бойкота Думы и принятием на конференции в Таммерфорсе в ноябре 1906 г. решения об участии во II Думе не стоял. Наоборот, как подчеркивал Ф. Савинский, «Особое мнение» большевиков, внесенное ими на конференции, ставило вопрос о единстве революционной тактики как вне, так и в самой Думе, исходившей, как и прежний бойкот, из задач развития революции и классового сознания пролетариата, сближения с революционной демократией, разоблачения перед всем народом конституционных иллюзий и рассмотрения думской кампании не как главной, а как второстепенной формы борьбы, подчиненной задачам развития революционного движения самих народных масс.

Ф. Савинский, близко подойдя к формулированию сущности революционной тактики парламентаризма большевиков, не рассматривал ее осуществления в деятельности социал-демократических фракций в Думах. Неправильно датируется и постановка большевиками вопроса об отношении к парламентским формам борьбы. Ф. Савинский относит ее лишь к концу 1905 г., в то время как вопрос об отношении к различным формам буржуазных представительных учреждений встал перед большевистской партией фактически с момента ее создания, поскольку предстоящая революция требовала от русской социал-демократии ее принципиального отношения к парламентским формам борьбы¹².

Первая монография, посвященная исследованию думской тактики социал-демократии в I, II и отчасти в III Государственных думах, была написана в 1939—1940 гг. ленинградским историком М. Б. Павловым¹³. Хотя она была опубликована в 1947 г. (автор погиб в

1941 г.), в советской историографии она справедливо относится к концу первого периода развития советской исторической науки как своеобразное продолжение работы Ф. Савинского¹⁴. Она является работой, подведшей итог разработке данной проблематики советской историографией за первый период.

Книга М. Б. Павлова посвящена борьбе большевиков против меньшевиков по вопросам думской тактики. Ее отличает широта постановки вопросов и привлечение к их решению не только опубликованных материалов, но и архивов. М. Б. Павлов показал на обширном материале, что тактика и деятельность большевиков в Думах была продолжением их общей стратегии и тактики в революции, направленной на доведение революции до ее победоносного конца, на укрепление и развитие союза пролетариата с крестьянством и утверждение гегемонии пролетариата в революции. «Основным стержнем думской тактики большевиков в 1905—1907 гг. была борьба за крестьянство,— писал М. Б. Павлов,— за высвобождение его из-под влияния либерально-монархической буржуазии. Большевики стремились сплотить все подлинно революционные, демократические силы страны для свержения самодержавия и обеспечить необходимую перегруппировку сил для перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Во всех трех думских кампаниях большевики стремились на практике осуществить гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции, революционный союз с крестьянством, изоляцию либеральной буржуазии»¹⁵. В связи с этим М. Б. Павлов остановился на оценке тактики большевиков в отношении к трудовой группе, показав, что различие в подходе к ней большевиков и меньшевиков отражало не только их принципиально противоположный подход к крестьянству и союзу пролетариата с крестьянством, но и различное понимание ими сущности и характера буржуазной демократии в революции 1905—1907 гг.¹⁶

В работе М. Б. Павлова впервые нашла освещение внедумская деятельность большевистских депутатов, входивших в социал-демократическую фракцию II и III Дум. Заслугой М. Б. Павлова было и то, что он показал борьбу В. И. Ленина за установление и проведение в жизнь большевистских принципов взаимоотношений партии, ее руководящих органов с социал-демократическим представительством в думах, раскрыл борьбу В. И. Ленина и большевиков за установление определенных форм контроля рабочего класса за деятельностью социал-демократических депутатов. М. Б. Павлов вплотную подошел к формулированию основных принципов революционного использования большевиками парламентских форм борьбы. В то же время в работе М. Б. Павлова тактика пролетариата, направленная на создание единого фронта революционно-демократических сил, ленинская тактика «левого блока», была сужена до осуществления ее лишь в думской тактике партии, лишь в отношении к крестьянским представителям в думах — к трудовикам.

В нашей историографической литературе, подводящей итоги изучению проблем первой российской революции, подробно освещены как достижения, так и недостатки исследований периода с конца

30-х до середины 50-х годов. Справедливо в ней отмечены такие важнейшие ее недостатки, как односторонность и нарушение принципа историзма в изучении опыта борьбы большевиков во главе с В. И. Лениным за революционные массы и тактики большевиков, направленной на достижение единства действий со всеми левыми силами против самодержавия и крепостнического строя в России, сужение проблем левоблокнистской тактики большевиков только до ее думской тактики. В результате ядро ленинской концепции первой буржуазно-демократической революции — проблема гегемонии пролетариата не получила в этот период своего подлинного освещения¹⁷. Это в полной мере относится и к тем трудам, в которых освещались те или иные вопросы деятельности большевиков по использованию думского прищипа борьбы. Статьи, освещавшие думскую тактику большевиков, концентрировали свое внимание главным образом на борьбе В. И. Ленина и большевиков с оппортунизмом меньшевиков и кадетов, на разоблачении эсеров¹⁸. В то же время было бы несправедливым не отметить, что работы 40-х — первой половины 50-х годов, в той или иной степени освещали многие конкретные вопросы деятельности партии, социал-демократической фракции в Государственных думах. В этой связи можно отметить статью П. Н. Милюкова «Первая парламентская кампания большевиков»¹⁹. Статья интересна уже самой постановкой вопроса о «парламентской» тактике большевиков. Сам термин со времен Ф. Савинского не употреблялся в исторической литературе, молчаливо исходившей из того, что в России не было парламента в буржуазном смысле этого слова. Отмечая известную условность вводимого им термина, П. Н. Милюков в своей статье тем не менее отстаивал термин «парламентаризм» и «парламентская тактика» применительно к использованию большевиками думской трибуны именно на том основании, что «в ходе избирательной кампании во время выборов II Государственной думы большевики показали, как надо по-революционному использовать парламентаризм»²⁰. Революционность парламентской тактики состояла, по мнению П. Н. Милюкова, именно в том, что она «не означала отказа от основных лозунгов партии в демократической революции. Переход к этой тактике для того и производился, чтобы другим способом и в другой форме бороться за те же лозунги», отстаивать в массах «основные лозунги пролетарской нелегальной партии», использовать парламентаризм для всенародной революционной борьбы против царской деспотии, отстаивая эту идею как в подпольной печати, так и в легальных выступлениях в конце 1906 — начале 1907 г.²¹ Статья П. Н. Милюкова, сформулировавшая сущность революционного использования большевиками парламентаризма, интересна и в том плане, что она показывает характерную для литературы 40-х — первой половины 50-х годов узость в решении этой проблемы, поскольку традиционно тактику «левого блока» связывает только с парламентской тактикой. Однако в этом плане можно увидеть и ряд новых моментов, отражающих отход от сложившихся представлений. Так, рассматривая борьбу большевиков за создание «левого блока» в ходе избирательной кампании во II Думу и в самой Думе, П. Н. Милюков

затронул отношение большевиков не только к трудовой группе, но к народническим партиям вообще, представители которых, по мнению П. Н. Милюкова, хотя и непоследовательно, часто идя на поводу у кадетов, но выражали интересы различных слоев крестьянства. Поэтому разработанная Лениным «большевистская избирательная тактика левого блока», исходившая из идеи союза пролетариата с крестьянством, по мнению Милюкова, осуществлялась «не столько путем тех или иных политических соглашений, сколько путем пролетарской, выдержанной, систематической критики всех отклонений народническо-трудовических представителей крестьянства от революционной борьбы за интересы крестьянства»²².

Новый этап в изучении первой русской революции был связан с публикацией документов о революционной борьбе 1905—1907 гг. и публикацией историко-партийных источников, начатой в связи с 50-летним юбилеем первой русской революции. Одна только 18-томная документальная серия «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы», изданная в 1955—1965 гг., ввела в научный оборот около 9 тыс. новых документов. Важнейшее значение имело издание 5-го Полного собрания сочинений В. И. Ленина, новые издания документов и материалов съездов РСДРП, происходивших в период первой российской революции²³. Вышел сборник документов по общим вопросам созыва Государственной думы и думской тактики большевиков²⁴.

С середины 50-х до конца 70-х годов все многообразие и многоплановость исследований проблем первой русской революции концентрировалось вокруг ведущих направлений, магистральной идеей которых было раскрытие ленинской концепции истории первой русской революции и ее сердцевины — идеи гегемонии пролетариата. Ими являются темы, раскрывающие характер революции 1905—1907 гг. как первой народной революции эпохи империализма, освещающие теоретическое, историографическое значение ленинского наследия, ленинскую тактику «левого блока», международное значение первой русской революции и опыта партии большевиков по руководству рабочим и общенародным движением.

В свете этих ведущих направлений велось исследование принципов и конкретного проведения революционной парламентской тактики Коммунистической партии. Обобщенные представления по этим вопросам нашли отражение в учебнике «История Коммунистической партии Советского Союза» под редакцией академика Б. Н. Пономарева, первое издание которого вышло в 1959 г., и во втором томе многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза»²⁵. В этих трудах раскрывается механизм осуществления гегемонии пролетариата на всех этапах революции, многообразие форм деятельности партии большевиков по руководству движением пролетариата и общенародной революционной борьбой как в период подъема, так и в период отступления революции, сочетание легальных и нелегальных, парламентских и непарламентских средств борьбы, левоблокистская тактика большевиков, проводившаяся на протяжении всей революции как составная часть единой тактики большевизма, направлен-

ной на развитие союза пролетариата с крестьянством, укрепление гегемонии пролетариата в этом союзе и на изоляцию либерализма, идеи В. И. Ленина об использовании парламентаризма и думского попррища борьбы для укрепления связи партии с массами, конкретные формы осуществления единой на всем протяжении революции тактики «левого блока» в думской тактике пролетариата. Однако насколько непросто утверждался этот подход, свидетельствует тот факт, что не только в 50-е, но даже и в конце 60-х — начале 70-х годов в ряде трудов были высказаны мнения о том, что в революции 1905—1907 гг. пролетариат лишь выросстал в гегемона революции, но гегемоном ее не стал, об утрате пролетариатом своей гегемонии во время деятельности I и II Государственных дум²⁶.

Работы Ф. И. Калинычева и М. А. Ковальчук, появившиеся в конце 50-х — начале 60-х годов, внесли заметный вклад в раскрытие сущности революционного использования парламентских форм борьбы пролетариатом и роли В. И. Ленина в разработке и практическом осуществлении основных принципов революционной тактики использования буржуазных парламентов в условиях империализма — на примере буржуазно-демократической революции в России и последующего периода²⁷. В статьях был поставлен вопрос о международном значении большевистского опыта использования парламентаризма. В связи с этим в них была показана вся новизна ленинских идей о революционной марксистской линии поведения представителей пролетариата в парламентских учреждениях, были сформулированы основополагающие принципы большевистского революционного парламентаризма: неразрывная связь парламентской тактики со всей большевистской стратегией и тактикой партии, направленной на достижение победы буржуазно-демократической революции, укрепление союза рабочего класса и крестьянства и гегемонии пролетариата в революционной борьбе; безусловное подчинение парламентской деятельности интересам рабочего движения. Рассмотрены в них и такие важнейшие принципы ленинской тактики революционного парламентаризма, как безусловная самостоятельность пролетарских представителей в проведении избирательных кампаний и отстаивании программных революционных принципов в самих парламентах, взаимоотношения парламентского представительства и партии. Подробно рассмотрены, особенно в статьях Ф. И. Калинычева, различные формы парламентской деятельности пролетарских представителей в трех Думах на разных этапах революционной борьбы, в том числе использование вносимых социал-демократией законопроектов, всегда освященных задачами пропаганды и агитации революционных идей и программных положений партии. Авторами показана внедумская деятельность рабочих депутатов. В статьях авторы коснулись важнейших вопросов о теоретическом вкладе В. И. Ленина и его личном руководстве деятельностью большевистских представителей в социал-демократических фракциях в Думах.

Вместе с тем следует отметить, что осуществление ленинской тактики «левого блока» в конкретной думской тактике партии дано в статьях лишь декларативно.

Эти сюжеты стали более обстоятельно рассматриваться в статьях и монографиях, появившихся со второй половины 60-х годов и особенно в 70-е годы. Вышли работы, специально посвященные большевистской тактике «левого блока» и ее проведению на всем протяжении революции, а также в думской тактике большевиков как тактики классовых союзов, соглашений и боевого сотрудничества с непролетарскими партиями и организациями для создания общедемократического фронта во главе с рабочим классом²⁸.

Монографии и статьи, посвященные исследованию думской тактики большевиков, в центре внимания ставили вопросы борьбы партии за гегемонию пролетариата, осуществление тактики «левого блока» большевиков в избирательных кампаниях в Думы, в конкретной деятельности социал-демократических фракций, в борьбе большевиков с меньшевиками по коренным вопросам стратегии и тактики²⁹.

В разработке теоретических и конкретно-исторических проблем парламентской тактики большевиков советская историческая наука в 70-е годы достигла значительных успехов.

Среди работ, внесших вклад в освещение этих вопросов, следует выделить обобщающие коллективные монографии «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 г.)» (М., 1975), «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Том третий. Начало революционных битв XX века» (М., 1978), а также работы М. А. Ковальчук, Г. И. Зайчикова, О. Н. Знаменского и В. А. Шишкина³⁰. Большую роль в разработке вопросов революционного парламентаризма большевиков сыграла юбилейная сессия, посвященная 70-летию первой российской революции³¹.

Советские исследователи не только сформулировали основные принципы революционного использования парламентских форм борьбы пролетариатом на всем протяжении буржуазно-демократического этапа освободительного движения в России, но также показали, как это осуществлялось на практике. Само утверждение термина «парламентская» тактика большевиков имело большое политическое значение, ибо современные ревизионисты и фальсификаторы истории нашей партии, отстаивающие тезис об «ограниченности» и «специфичности» опыта русской революции, его неприменимости и неприемлемости для современного рабочего и демократического движения, ссылаются в том числе и на отсутствие якобы у большевистской партии и российского пролетариата достаточного опыта открытой, легальной деятельности, в особенности опыта парламентской борьбы.

Отмеченные нами работы относят постановку Лениным вопроса об отношении пролетариата к парламентским формам борьбы не к концу 1905 г., а к моменту создания большевистской партии³². Освещая опыт большевистской партии по революционному использованию парламентаризма в годы первой российской революции и после нее, советские историки в 70-х годах показали, что вставший перед российским пролетариатом вопрос об отношении к Государственным думах решался большевиками, исходя из конкретной обстановки и оценки перспектив развития революции. III съезд РСДРП, выдви-

нувший лозунг демократической республики и Учредительного собрания, указал на решающую роль в обстановке нарастания революции внепарламентских методов борьбы, и прежде всего вооруженного восстания. Но даже в этих условиях В. И. Ленин выступил на III съезде против категорического отказа от участия в каких бы то ни было выборах в создаваемые правительством карикатурные подобию народного представительства, прозвучавшего в речах ряда делегатов съезда. После III съезда, когда подъем революции был совершенно очевиден, ЦК РСДРП принял решение развернуть широкую агитацию за бойкот булыгинской думы, за «прямой революционный путь против зигзагообразного пути монархической конституции»³³. Активный бойкот I Государственной думы, созываемой на основе вырванных революционной борьбой масс некоторых уступок, расширяющих как избирательные права народа, так и права самой Думы, был связан также не с отрицанием парламентаризма, а с оценкой конкретных перспектив развития революции³⁴.

Большевистская тактика активного бойкота I Государственной думы, а также причины, приведшие к отказу от бойкота II Думы и принятию решения об участии в ней, по-разному трактуются в нашей исторической литературе. На это справедливо обратил внимание Е. Д. Черменский, отметивший, что среди советских историков до последнего времени дается противоречивая оценка тактике активного бойкота большевиками I Думы³⁵. Имеются некоторые оттенки мнений среди историков и в решении вопроса о причинах отказа большевиков от тактики бойкота II Думы. Так, В. А. Агеев, выступив против высказанного в советской исторической литературе мнения о том, что отказ от бойкота был связан со спадом революционного движения и начавшимся постепенным отступлением революции, выдвинул как решающий момент не это, а подтвержденную на опыте деятельности I Думы «возможность использования ее трибуны в целях революционной агитации»³⁶. Авторы коллективной монографии «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 гг.)» достаточно полно ответили на вопрос о причинах отказа большевиков от тактики бойкота второй Думы. Учитывая, что в обстановке постепенного отступления революции даже такое учреждение, как Дума (и опыт работы I Думы подтвердил это), могло, по словам В. И. Ленина, принести «известную, хотя и скромную, пользу»³⁷ революции как трибуна для агитации, большевики приняли решение об участии в избирательной кампании во II Думу. При этом авторы монографии употребляют, с нашей точки зрения, более правомерный и точный термин: не «пересмотр», а «изменение» большевистской тактики в отношении Думы, произошедшее в результате изменения объективной обстановки в стране. Большевики остались верны своим революционным принципам и, идя на выборы, открыто заявили, что думская кампания есть подчиненная, второстепенная форма борьбы, главной же формой — в силу объективных условий момента — остается революционное движение широких народных масс³⁸.

В монографиях и исследованиях 70-х годов нашли глубокое тео-

ретическое обобщение и насыщенное богатым фактическим материалом конкретное освещение генеральная ленинская идея гегемонии пролетариата, механизм и многообразные формы ее осуществления на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России. В них показан богатый арсенал тактических средств, с помощью которых большевики сплачивали рабочий класс, крестьянство, широкие слои демократии для доведения до победного конца буржуазно-демократической революции, в том числе «левоблокистская» тактика большевиков, сочетание мирных и немирных, легальных и нелегальных, парламентских и внепарламентских путей и средств борьбы.

В названных работах прослежена постановка В. И. Лениным вопросов парламентских форм борьбы пролетариата, начиная с 90-х годов XIX в., в предреволюционную эпоху 1900—1904 гг., в 1905 г., в 1906—1907 гг., в обстановке реакции и нового революционного подъема, и последующее развитие им вопросов парламентаризма в новых исторических условиях — после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Важной особенностью исследований 70-х годов является историзм в раскрытии всей глубины и диалектичности ленинских оценок различных институтов буржуазной демократии — парламента, Учредительного собрания, возникающих в течение 1905—1917 гг. различных представительных учреждений России, в показе выработки Лениным тактики их использования пролетариатом.

Раскрывая диалектичность оценок В. И. Лениным значения институтов буржуазной демократии, исследования 70-х годов показали, как уже в период первой российской революции, в огне которой возникли новые институты политической демократии — Советы, В. И. Ленин выдвинул идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и Советов как форму ее осуществления, идею временного революционного правительства, как гарантии обеспечения победы буржуазно-демократической революции и ее дальнейшего перерастания в революцию социалистическую.

Работы 70-х годов внесли значительный вклад в освещение деятельности социал-демократических фракций в Государственных думах четырех созывов, острейшей борьбы большевиков с меньшевиками по всем вопросам парламентской тактики, думской и внедумской деятельности фракции.

При этом обстоятельную разработку получили вопросы овладения рабочими парламентариями всеми формами внутрипарламентской техники и использования ее в революционных целях: обсуждение бюджета, аграрного, рабочего, национального и других вопросов, внесение собственных законопроектов прежде всего «в целях раскрытия перед массами лицемерия и лживости социал-реформаторства, в целях вовлечения масс в самостоятельную массовую экономическую и политическую борьбу»³⁹; широкое использование права запросов, внесения деклараций, формул перехода к очередным делам, широкая критика правительственных законопроектов, законопроектов и деятельности других партий и многие другие. Значительный интерес имеет рассмотренный в коллективной монографии «Проблемы геге-

мопии пролетариата в демократической революции...» вопрос об опыте проведения большевиками избирательных кампаний в думы как массовых политических кампаний. В работе раскрыты формы и методы их организации, подчеркнута роль избирательной платформы партии, как отражающей общие принципы партийной программы.

Значительным вкладом в исследование проблем парламентских форм борьбы большевиков является разработка вопроса о безраздельном влиянии РСДРП в пролетарской среде во время выборов в Государственные думы. В составе уполномоченных, выбираемых непосредственно на предприятиях, и среди выборщиков, избравшихся из числа уполномоченных, члены РСДРП всегда составляли более 50%, а с сочувствующими партии — около 80%. При этом представителям других партий ни разу не удалось получить депутатского мандата по рабочей курии. Вместе с тем дано объяснение, почему большевики не всегда составляли большинство среди депутатов рабочей курии (во II Думе — 47% ее состава, в III — 50, в IV — 67%). Это объяснялось характером избирательной системы, уравнивавшей все губернские рабочие курии независимо от имевшегося в них числа рабочих. Примечательным при этом был тот факт, что основные промышленные губернии, в которых сосредоточивались крупные предприятия с большим количеством рабочих, посылали именно большевиков, в то время как меньшевики проходили главным образом от наименее развитых в промышленном отношении губерний⁴⁰. В монографии также приведен убедительный материал о неуклонном росте влияния партии пролетариата среди городских демократических слоев. Об укреплении влияния РСДРП в демократическом лагере свидетельствовало также проведение партией своих кандидатов в Думу по крестьянской курии и во многих национальных районах⁴¹.

Вопросы борьбы авангарда рабочих не только против либеральной буржуазии, пытавшейся возглавить освободительное движение и направить его в узкое русло «парламентской» деятельности, но и против меньшевиков по вопросам использования пролетариатом парламентских форм борьбы представляют тот важный сюжет, которому справедливо в исследованиях советских историков всегда уделялось большое внимание.

Как показали советские исследователи, в основе разногласий большевиков с меньшевиками, а также и эсерами по вопросу об использовании парламентских форм борьбы лежал принципиально противоположный подход большевиков и мелкобуржуазных партий к оценке характера, движущих сил и перспектив революции. Стержнем борьбы большевиков с меньшевиками и эсерами по всем вопросам революции, а также по вопросу использования парламентаризма было главное, кардинальное противоречие между ними, вскрывавшееся на каждом этапе революции как альтернатива — быть пролетариату вождем демократической революции, ведущим за собой широкие демократические массы, или плестись в хвосте либеральной буржуазии. Эти вопросы нашли всестороннее освещение как в обобщающих работах, так и в специальных монографиях и статьях 70-х годов, рассматривающих деятельность большевиков в Государственных думах.

Большое внимание уделено в работах 70-х годов таким важнейшим сторонам революционного парламентаризма большевиков, как упор на введумскую деятельность фракции, на взаимоотношения думской фракции с партией не как независимого от нее учреждения, а как одного из отрядов партии, всецело подчиненного ее руководству, проводящему партийные взгляды, директивы партийных съездов и ее руководящих органов. На конкретном материале показано, что живая связь депутатов-большевиков с партией была источником роста их влияния и силы в рабочем классе; с другой стороны, тесная связь их деятельности в Думе с массовым пролетарским движением вела к тому, что небольшая по численности большевистская группа депутатов выступала в Думах как реальная политическая сила, за которой стоял революционный пролетариат всей страны.

В исследованиях 70-х годов была сделана четкая постановка вопроса о большевистских принципах революционного парламентаризма в условиях революции и после ее поражения в их единстве и специфических особенностях. Справедливо было отмечено, что если в обстановке революции эти принципы нашли свое частичное воплощение в силу того, что главными для большевиков оставались непосредственно революционные формы борьбы, то в обстановке реакции вопросы избирательной и парламентской деятельности партии, как часть общей тактики сочетания легальных и нелегальных форм борьбы, разработанных В. И. Лениным, приобретали особо важное значение. Эти принципы проводились партией на протяжении 1908—1917 гг. в борьбе «против меньшевистского оппортунизма, ликвидаторства и парламентского кретинизма»⁴².

Как убедительно показано в исследованиях 70-х годов, большевистский опыт парламентской тактики далеко выходил за рамки российской социал-демократии, дал мощное оружие в руки мировой революционной социал-демократии в ее борьбе с оппортунизмом и парламентскими иллюзиями, абсолютизацией парламентской деятельности, в утверждении взглядов на относительность использования парламентаризма как одного из видов тактики, значение которой меняется в зависимости от конкретных условий⁴³.

Принципы революционного парламентаризма, осуществленные большевиками в тактике «левого блока» применительно к избирательным кампаниям в думы и в самих думах и подчиненные тем же целям и закономерностям, что и тактика «левого блока» большевиков в ходе массовых революционных битв, получили достаточно полное освещение в работах 70-х годов.

Заслуживает внимания поднятый в них вопрос о четко обозначенных границах политического понятия «левый блок» в конкретном применении левоблокизма в парламентской тактике большевиков. Так, авторы коллективной монографии «Проблемы гегемонии пролетариата...» показали, что применение большевиками тактики «левого блока» в избирательных кампаниях и в самих думах не вело к выставлению общей для соглашающихся партий программы, ограничивалось общим списком кандидатов и не связывало большевистскую партию в деле решительной критики половинчатости и непоследова-

тельности мелкобуржуазных демократов. Решающую роль в осуществлении тактики «левого блока» большевиков в думах играла самостоятельная, принципиально выдержанная политика представителей РСДРП. В отличие от меньшевиков, в угоду «органической работы» в думе и создания единого блока с либералами урезывавших программные требования РСДРП, большевики решительно отвергали все попытки меньшевиков «снизить тон» выступлений социал-демократов в Думе. Пропаганда программных требований РСДРП и революционных лозунгов партии была важнейшим принципом тактики большевиков в думах. Именно эта выдержанная революционная линия большевиков не только обеспечивала широкий резонанс и популярность выступлений большевистских парламентариев среди трудящихся масс страны, но и способствовала сближению рабочих депутатов с представителями крестьянской демократии, укрепляла «левый блок» в самой думе⁴⁴.

Левоблокистская тактика, которую последовательно отстаивали большевики, не будучи в думах организационно оформленной, выступала в совместных действиях левых парламентских групп как «коалиция двух классов»⁴⁵, т. е. союз пролетариата и крестьянства. Это сотрудничество рабочих и крестьянских депутатов вопреки колебаниям меньшевиков и трудовиков в сторону либерализма пробивало себе дорогу как преобладающая тенденция.

Рассматривая такие формы осуществления большевиками «левого блока» в ряде избирательных кампаний и в самих думах, как выставление общего списка кандидатов на последних стадиях выборов, создание «информационных бюро» левых фракций, совместные выступления, голосования и запросы рабочих депутатов с трудовиками, эсерами и энесами, авторы монографии показали, что именно принципиальная позиция большевиков лучше всего служила целям высвобождения мелкобуржуазных демократов-трудовиков из-под идейного влияния кадетов. В подталкивании мелкобуржуазной демократии в сторону последовательных революционных, а не либеральных требований было одно из важнейших проявлений пролетарской гегемонии и на поприще думской, парламентской деятельности⁴⁶. В работах 70-х годов показана большая работа В. И. Ленина по руководству большевистской частью социал-демократической фракции в I и II Государственных думах. Большевистские парламентарии, находившиеся в тесном контакте с В. И. Лениным, руководствовались его указаниями, осуществляя тактику «левого блока», добивались соглашений с партиями, выражавшими интересы крестьян, привлекали крестьянских представителей на свою сторону⁴⁷.

Острейшая идейная борьба между большевиками и меньшевиками, которая привела к практическому размежеванию их тактик в ходе избирательной кампании, а затем и в самой думе по конкретному политическому вопросу о том, с какими партиями «буржуазной демократии» допустимы избирательные, а также и думские соглашения, на какой основе и в каких пределах они должны осуществляться, глубоко проанализирована в нашей исторической литературе. Вместе с тем такой существенно важный вопрос, как принципиаль-

ное отличие большевистской тактики «левого блока» не только от меньшевистской, но и народнической ее трактовки, все еще слабо отражен в нашей литературе.

В. И. Ленин, которому принадлежит выдающаяся заслуга в теоретическом обосновании и конкретном осуществлении тактики «левого блока» пролетариата в буржуазно-демократической революции, в период избирательной кампании во II Государственную думу и в ходе ее работы неоднократно выступал против партийного соглашения с мелкобуржуазными демократами. Он подверг тщательному анализу возможные варианты блока социал-демократии с крестьянской демократией — «трудовиками» как типом мелкобуржуазных, преимущественно крестьянских партий и выступил против партийного соглашения с ними, признав необходимыми лишь частные соглашения с ними на высших стадиях избирательной кампании⁴⁸.

Отказ большевиков от партийного соглашения с трудовиками и эсерами вытекал не из отрицания большевиками фиксированных политических соглашений между партиями вообще. Наоборот, анализируя события революции, В. И. Ленин указывал, что ее история полна и неоформленных совместных действий пролетарской и мелкобуржуазной демократии, и вполне оформленных политических соглашений партии и беспартийных организаций⁴⁹.

Принципиально четкие границы «левого блока» в избирательных кампаниях и в Думах, отмеченные в нашей исторической литературе, были обусловлены политическим поведением партий и организаций мелкобуржуазной демократии. Ценные наблюдения и выводы советских историков о политическом оппортунизме энесов, эсеров и трудовиков помогают понять причины, побудившие большевиков очень осторожно решать вопрос о том, с какими мелкобуржуазными партиями, в каких пределах и формах «левый блок» может осуществляться⁵⁰. Все же внутренние процессы, происходившие в среде мелкобуржуазных партий и организаций после разгона I Думы и поражения вооруженных восстаний летом 1906 г., освещены в нашей литературе далеко еще не полностью. Значительно восполняет этот пробел монография Н. Д. Ерофеева. В статье этого же автора освещены некоторые стороны образования и деятельности «мелкобуржуазного блока», в который неоднократно объединялись энесы, эсеры, трудовая группа, а в период избирательной кампании во II Думу и меньшевики⁵¹. Существенно также проследить характерные особенности «народнического блока» и ошибочность трактовки трудовиками «левого блока», строящегося на принципиально иных основах, чем тактика «левого блока» большевиков как в избирательной кампании, так и в самой Думе⁵². Дальнейшая разработка этого вопроса поможет еще более глубокому освещению осуществления тактики «левого блока» большевиков применительно к парламентским формам борьбы.

Таким образом, вопросы революционного использования парламентаризма большевиками в период первой русской революции и в последующий период получили довольно широкое освещение в нашей литературе, в том числе и в обобщающих трудах. Однако мно-

гие вопросы продолжают вызывать споры или же получили все еще недостаточное освещение. Разработка вопросов о принципах революционной парламентской тактики большевиков, в особенности вклада В. И. Ленина как в ее обоснование, так и в руководство большевистскими парламентариями, заслуживает самого пристального внимания советских историков.

В начале 80-х годов появился ряд новых коллективных монографий и специальных исследований, в которых проблемы революционного использования рабочим классом парламентских форм борьбы в период первой российской революции и в 1907—1917 гг., думской тактики большевиков, принципов революционного парламентаризма и вклада В. И. Ленина в их разработку и конкретное осуществление получили дальнейшую разработку⁵³.

- ¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 142; т. 6, с. 83.
- ² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 1, с. 62—63.
- ³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 231.
- ⁴ См.: Там же, т. 16, с. 4.
- ⁵ Под подсчетом В. Г. Егорова, с 1918 до середины 30-х годов по общим и отдельным проблемам первой русской революции было издано около 800 книг и более 650 журнальных статей. См.: *Егоров В. Г.* Ленинская концепция первой русской революции в советской историографии 20-х — начала 30-х годов. — В кн.: *Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции*: Сб. статей. М., 1973, с. 22—23.
- ⁶ Очерки истории и исторической науки в СССР. М., 1966, т. 4, с. 425; *Приймак Н. И.* Советская историография первой русской революции 1905—1907 гг. (середина 30—60-е годы). — В кн.: *Советская историография классово-борьбы и революционного движения в России*. Л., 1967, т. 2, с. 31—34; *Егоров В. Г.* Указ. соч., с. 29—48.
- ⁷ *Слепков А. Н.* Классовые противоречия в I Государственной думе. Пг., 1923; *Томсинский С. Г.* Борьба классов и партий в первой Государственной думе. — Труды ИКП, М.; Пг., 1923, т. 1; *Он же.* Борьба классов и партий во второй Государственной думе. Краснодар, 1924.
- ⁸ Подробнее см. об этом: *Черменский Е. Д.* I и II Государственные думы: Исторический очерк. — В кн.: *Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции*.
- ⁹ *Савинский Ф.* Парламентская тактика с.-д. в эпоху первой русской революции. — Пролетарская революция, 1930, № 11/12.
- ¹⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 346.
- ¹¹ *Савинский Ф.* Указ. соч., с. 44.
- ¹² Подробнее об этом см.: *Цехновицер Л. Я.* В. И. Ленин об использовании парламентских и внепарламентских форм борьбы (1905—1910 гг.). — Учен. зап. Орлов. гос. пед. ин-та. Кафедра истории КПСС, 1964, т. XXV, с. 317—318.
- ¹³ *Павлов М. Б.* Думская тактика большевиков в революции 1905—1907 годов. Л., 1947. Об истории ее опубликования см. в предисловии к монографии — с. 3.
- ¹⁴ См.: *Приймак Н. И.* Указ. соч., с. 34—35.
- ¹⁵ *Павлов М. Б.* Указ. соч., с. 7.
- ¹⁶ Там же, с. 127.
- ¹⁷ См.: *Приймак Н. И.* Указ. соч.; *Яковлев Н. Н.* Некоторые вопросы истории первой русской революции в трудах В. И. Ленина и в советской историографии; *Маслов Н. Н.* В. И. Ленин и советская историография КПСС. — В кн.: *Ленин и историческая наука*. М., 1968; *Слепков Л. А.* Применение большевиками тактики левого блока. — *Вопр. истории*, 1973, № 1; *Козицкий Н. Е.* В. И. Ленин о единстве действий

- левых сил: Разработка левоблок-кистской тактики и борьба большевиков за ее осуществление накануне и в годы первой российской революции. Киев, 1979.
- 18 См.: *Зорин Д. Д.* Борьба большевиков за изоляцию либеральной буржуазии в связи с реакционной булыгинской думой. — Науч. зап. Ленингр. фиц.-эконом. ин-та, 1955, вып. 8; *Соболева П. И.* Борьба большевиков с эсерами по тактическим вопросам в период первой русской революции. — Вестн. МГУ. Сер. ист.-филол., 1956, № 1; *Серебренников Б. И.* Борьба В. И. Ленина с оппортунизмом по вопросам тактики в период первой русской революции. — Тр. Рост.-на-Дону ин-та с.-х. машиностроения, 1957, вып. 7 и др.
- 19 *Милоков П. Н.* Первая парламентская кампания большевиков. — Вопр. истории, 1956, № 4.
- 20 Там же, с. 58.
- 21 Там же, с. 59—60.
- 22 Там же, с. 61.
- 23 Третий съезд РСДРП: Сб. док. и материалов. М., 1955; Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959; Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959; Пятый (Лондонский) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1963.
- 24 Государственная дума в России: Сб. док. и материалов / Под ред. Ф. И. Калинычева. М., 1957.
- 25 История Коммунистической партии Советского Союза. 4-е изд. М., 1973; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 2.
- 26 См. об этом: Об одном неправильном толковании роли пролетариата в революции 1905—1907 годов. — Коммунист, 1955, № 2; *Голуб П. А., Лаврычев В. Я., Соболев Н. Н.* О книге «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». — Вопр. истории КПСС, 1972, № 9; О гегемонии пролетариата в первой русской революции / Кол. авт. — История СССР, 1973, № 4.
- 27 *Калинычев Ф. И.* Некоторые вопросы думской тактики большевиков. — Вопр. истории КПСС, 1957, № 4; *Он же.* Из деятельности рабочих депутатов Государственной думы. — Вопр. истории КПСС, 1960, № 4; *Он же.* В. И. Ленин об использовании буржуазного парламентаризма и о думской тактике большевиков. — В кн.: Великая сила ленинских идей: Сб. статей. М., 1960; *Ковальчук М. И.* Борьба большевиков против оппортунизма за революционную думскую тактику в годы реакции. — Вестн. ЛГУ. № 8. История, язык и лит., 1959; *Она же.* Разработка В. И. Лениным парламентской тактики большевиков в годы реакции. — Вестн. ЛГУ. № 2. История, яз. и лит., 1961, вып. 1.
- 28 См.: *Слепов Л. А.* Левоблок-кистская тактика большевиков в революции 1905—1907 гг. — В кн.: Научная сессия, посвященная 60-летию революции 1905—1907 гг. в России: Тезисы докладов. М., 1965; *Он же.* Применение большевиками ленинской тактики левого блока; Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905—февраль 1917 гг.). М., 1975; *Косыльников А.* Разработка Лениным тактики «левого блока». — В кн.: Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение: (Материалы научной конференции). М., 1976; *Бабаева Н. Н.* Ленинская тактика «левого блока» в революции: 1905—1907 гг. Л., 1977 и др.
- 29 *Цезлювичер Л. Н.* В. И. Ленин об использовании парламентских и внепарламентских форм борьбы, 1905—1910. *Он же.* К истории думской левоблок-кистской тактики большевиков. — Учен. зап. Курск. гос. пед. ин-та, т. 58. Вопросы истории. Орел, 1970; *Федотов Б. Ф.* Из истории втородумской социал-демократической фракции. — Вопр. истории КПСС, 1966, № 6; *Кирюшин Е. И.* Разоблачение В. И. Лениным меньшевистской фальсификации левоблок-кистской тактики большевиков в годы первой русской революции. — В кн.: Из истории борьбы КПСС за победу социалистической революции и построение коммунистического общества: Сб. статей. М., 1970, вып. 1; *Агеев В. А.* В. И. Ленин о думской тактике меньше-

- виков (на примере II Государственной думы); *Москвин В. В.* Работа московских большевиков в массах в ходе избирательной кампании во вторую Думу.— В кн.: Ленинская партия в борьбе за победу социалистической революции. Сб. статей. М., 1973.
- ³⁰ *Ковальчук М. А.* Ленинские принципы революционного парламентаризма. Л., 1973; *Зайчиков Г. И.* Думская тактика большевиков (1905—1917 гг.). М., 1975; *Знаменский О. Н., Шишкин В. А., Ленин, революционное движение и парламентаризм.* Л., 1977.
- ³¹ Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение: Материалы науч. конф. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академии наук СССР, Академии обществ. наук при ЦК КПСС, Высшей партийной школы при ЦК КПСС с участием ученых-марксистов зарубежных стран; См. доклады: *Гусев К. В.* Некоторые вопросы гегемонии пролетариата в демократической революции; *Костин Л.* Третий съезд РСДРП и дальнейшая разработка Лениным основ большевистской тактики; *Косульников А.* Разработка Лениным тактики «левого блока».
- ³² Подробно этот вопрос освещен в монографии О. Н. Знаменского и В. А. Шишкина — см. гл. I. На рубеже XX века. Идеи Земского собора и Учредительного собрания, с. 7—29. Проблемы гегемонии пролетариата..., с. 189; Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение..., с. 146—149.
- ³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 10.
- ³⁴ См.: Там же, т. 12, с. 309.
- ³⁵ *Черменский Е. Д.* I и II Государственные думы: Исторический очерк, с. 231.
- ³⁶ *Азеев В. А.* Указ. соч., с. 38—39.
- ³⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 343.
- ³⁸ См.: Проблемы гегемонии пролетариата..., с. 192—195.
- ³⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 27.
- ⁴⁰ См.: Проблемы гегемонии пролетариата..., с. 205—217.
- ⁴¹ Там же, с. 205—217.
- ⁴² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 1, (1898—1917), с. 278.
- ⁴³ Об этом см.: Международное рабочее движение... М., 1978, т. 3, с. 82, 126—135, 254—257.
- ⁴⁴ Проблемы гегемонии пролетариата..., с. 217—245.
- ⁴⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 382.
- ⁴⁶ Проблемы гегемонии пролетариата..., с. 244—245.
- ⁴⁷ Там же, с. 225—229; Международное рабочее движение..., т. 3, с. 72—74, *Зайчиков Г. И.* Указ. соч., с. 80—100, 111—113.
- ⁴⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 80—81, 88, 94—95.
- ⁴⁹ См.: Там же, т. 17, с. 383—390.
- ⁵⁰ *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л., 1974; *Бабаяева Н. П.* Ленинская тактика «левого блока» в революции 1905—1907 гг.; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979, и др.
- ⁵¹ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в избирательной кампании во II Государственную думу.— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1976, № 6.
- ⁵² Отчасти этот пробел восполнен в статье: *Колесниченко Д. А.* Парламентская тактика большевиков и народнический блок в избирательной кампании во II Государственную думу.— Ист. зап. М., 1979, т. 104.
- ⁵³ Ленин и революция. Л., 1980; *Бабаяева Н. П.* В. И. Ленин о думской тактике большевиков и борьбе против оппортунизма в 1905—1907 гг.— В кн.: Борьба ленинской партии против оппортунизма. Л., 1980, с. 19—31; *Зайчиков Г. И.* Борьба рабочих депутатов Государственной думы против царизма в 1907—1914 гг. М., 1981; История рабочего класса СССР: Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. М., 1981, с. 315—322; *Тютюкин С. В.* Первая рос-

сийская революция и Г. В. Плеханов. М., 1981, с. 218—260; Черменский Е. Д. К истории думской тактики партии большевиков (1905—1914 гг.). — *Вопр. истории КПСС*, 1981, № 10; Ковальчук М. А. Ленинские принципы

революционного парламентаризма и думская тактика большевиков в годы реакции. Л., 1982; История рабочего класса СССР: Рабочий класс России, 1907—февраль 1917 гг. М. 1982, с. 159—164, 214—220; и др. работы

ОСВЕЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ КОНЦА XVII В. В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ И ОБОБЩАЮЩИХ ТРУДАХ (1917—1981)

Л. Н. Пушкарев

Особой формой развития науки является создание обобщающих трудов, учебников и учебных пособий, а также хрестоматий, сборников документов, программ и т. д. Авторы этих трудов обычно бывают ограничены жесткими рамками объема публикуемого материала, историографической традиции, общей схемы периодизации исторического процесса и проч. На авторов и редакторов подобного рода трудов оказывают существенное влияние цели и задачи учебника или обобщающего труда, уровень и специфика читателя, для которого он предназначен, требование тщательного отбора фактов и данных, которые должны быть достаточны и необходимы для создания полной и в то же время экономно написанной картины прошлого.

Учебники представляют собою определенное обобщение, созданное на основе монографических исследований. Авторы монографий, как правило, идут впереди, работают на переднем крае науки, исследуя еще не изученные пласты источников. Однако всегда проходит определенное время, прежде чем добытые исследователями результаты пройдут через сито критики и станут достоянием обобщающих трудов и учебников. Вот один из примеров. Известно, что неограниченное значение для изучения общественно-политической мысли России конца XVII в. имеют и монографические труды по истории естественнонаучных знаний в России, так как в этих работах затрагиваются вопросы формирования мировоззрения русского общества того времени. Так, в книге Т. Районова говорится о своеобразном Возрождении в русской науке XVII в., о формировании естественнонаучных взглядов в то время, о развитии географических знаний, астрономических и биологических воззрений¹. Однако в общие курсы лекций по истории СССР, читавшиеся в это время, все эти данные еще не вошли, и разделы по истории русской культуры XVII в. продолжали основываться на старых, добытых еще дореволюционной наукой данных. Вопросы общественно-политической мысли занимали в них еще подчиненное место, преувеличивалась отсталость России в XVII в.

по сравнению с западноевропейскими странами, мало говорилось о подготовке петровских реформ².

Авторы и редакторы обобщающих трудов и учебников вынуждены весьма строго и критически относиться к опубликованным результатам монографических исследований, включая в учебники и обобщающие труды лишь устоявшиеся научные концепции и теории, получившие признание научной общественности. Это не значит, конечно, что подобные факты и теории в дальнейшем не могут быть пересмотрены, но самый факт включения их в учебник или обобщающий труд говорит об их апробации и определенной положительной оценке.

В связи со всем вышеизложенным представляется интересным проследить, как именно освещалась в советских учебниках и обобщающих трудах та или иная тема либо проблема. Можно заранее сказать, что учебники и обобщающие труды являются своеобразным прибором, чутко отзывающимся на изменения в общественной и научной жизни, регистрирующим появление и признание (или молчаливое отрицание) новых теорий и взглядов, одновременно строго отсеивающим все мелкое, частное, наносное и отдающим предпочтение главному, определяющему, основному, тому, что впоследствии окажется лежащим в фундаменте исторической науки.

Подобный подход ни в коей мере не заменяет и не может заменить обычного историографического исследования, опирающегося на всю совокупность опубликованных и неизданных трудов по той или иной проблеме, но он существенно дополняет подобное исследование. Обзор учебников и обобщающих трудов тем более интересен и необходим, что обычно авторы в историографических обзорах обращают главное свое внимание на монографические исследования, оставляя в стороне учебную, методическую и научно-популярную литературу.

В качестве одного из примеров историографического анализа учебников и обобщающих трудов ниже предлагается обзор того, как в них освещалась общественно-политическая мысль России конца XVII в. Выбор советского периода объясняется желанием дать сводку материала, отражающего последние достижения науки в этой области (хотя, конечно, вполне допустимо взять и досоветский период!). Выбор проблемы мотивируется тремя обстоятельствами. Во-первых, отсутствием обобщающих советских трудов в области истории общественно-политической мысли России конца XVII в.; во-вторых, научной значимостью этой проблемы для решения многих важных вопросов истории России на рубеже двух эпох, усиленно дискутируемых за последнее время, и, в-третьих, возможностью на данном примере показать, что в учебниках и обобщающих трудах как в капле воды отражаются общие закономерности историографического характера, присущие истории как науке в целом.

* * *

Первые годы Советской власти не принесли — и не могли еще принести — изменений в освещении интересующей нас проблемы по сравнению с учебниками и обобщающими трудами дореволюционно-

го периода. Вышедшие тогда учебники представляли собой чаще всего простую перепечатку ранее вышедших изданий³. Учебные пособия базировались еще на старых идеях, концепциях. Написанные в предреволюционные годы, эти книги, хотя и вышли в свет после 1917 г., содержали устаревшую к этому времени терминологию («Соляной бунт», «Мятеж Стеньки Разина» и т. д.), в них нет попыток по-новому пересмотреть и осмыслить дореволюционное историографическое наследие⁴.

Неверно думать, однако, что нарождающаяся советская историческая наука в первые годы народной власти занималась лишь переизданием ранее созданных трудов. Уже в это время стали появляться в свет книги, в которых авторы пытались по-новому осветить известные факты, события. Такова, например, работа М. Н. Покровского, который кратко коснулся вопросов общественно-политической мысли (раскола) в известном своем обобщающем труде «Русская история в самом сжатом очерке». Автор говорит о роли церкви в современном государстве, об ее эксплуататорской сущности и о борьбе церкви с феодальным государством за власть⁵. М. Н. Покровский пишет о создании «народной веры» и «народной церкви», которую официальное православие стало называть раскольничьей, о сочувствии народных масс раскольникам и о невозможности создания раскольниками нового государства взамен того, которое они отрицали.

М. Н. Покровский поднял важные вопросы истории русской общественно-политической жизни конца XVII в. Сжатый характер изложения не дал возможности автору остановиться на других фактах общественно-политической мысли того времени.

Н. А. Рожков в своей многотомной «Русской истории» рассматривает вторую половину XVII в. как конец дворянской революции в России, завершившейся реформами Петра Великого. Он полагал, что и экономика, и государственный строй, и культура второй половины XVII в. подготовили реформы первой четверти XVIII в. Новый период русской истории Н. А. Рожков начинал серединой XVI в., а реформы Петра трактовались им как завершение периода дворянской революции.

Особый раздел пятого тома его труда составляет духовная культура второй половины XVII в. Автор анализирует раскол, состояние просвещения и образования, говорит о деятельности виднейших представителей русской общественной мысли того времени — Е. Славинецкого, С. Полоцкого, Е. Чудовского, С. Медведева, Ю. Крижанича и др. Театр, архитектура, живопись, гравюра были исследованы Н. А. Рожковым под углом зрения западного влияния в русской культуре. Автор привел несколько выразительных характеристик людей того времени — А. Л. Ордина-Нащокина, В. В. Голицына и т. д.⁶

Несмотря на то что в предисловии к своему сочинению Н. А. Рожков специально подчеркивал, что его работа является «трудом новым, уже по преимуществу социологического характера, построенным на основе сравнительно-исторического метода»⁷, тем не менее вопросы общественно-политической мысли России конца XVII в.

решены им в русле дореволюционной буржуазной историографии. Ни новых фактов, ни попыток иного их толкования в этой работе Н. А. Рожкова мы не найдем. В других обобщающих трудах этого времени⁸ вопросы общественно-политической мысли России конца XVII в. вообще не рассматривались.

Во второй половине 20-х — начале 30-х годов понижается интерес к изучению общественно-политической мысли России конца XVII в. Советская историческая наука преимущественное внимание в это время стала уделять новой и новейшей истории. В общих курсах по истории России вопросы общественно-политической мысли, как правило, не ставились⁹, на что обратила в свое время внимание научная критика¹⁰. История, как известно, «вовсе была изгнана из системы преподавания в начальной и средней школе»¹¹, а в высшей школе преподавание не выходило из рамок абстрактных социологических схем¹².

Известные постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. и 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» имели важное значение для освещения общественно-политической мысли России конца XVII в., в первую очередь в обобщающих трудах и учебниках, которые вышли после этого времени. В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по „Истории СССР“» И. Сталин, А. Жданов и С. Киров четко поставили задачу создания такого учебника, «где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории — это во-вторых»¹³.

Эти замечания имели самое непосредственное отношение к изучению общественно-политической мысли. Передовая «Правды» от 27 января 1936 г. правильно отмечала, что до сих пор русская (в значительной мере и советская) историография изучала главным образом историю великороссов, история братских народов (за исключением Украины и Белоруссии) была разработана явно недостаточно¹⁴.

Созданные после этих постановлений учебники не сразу еще избавились от указанных недостатков. Достаточно сказать, что для классных занятий в Высшей школе пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б) еще в 1937 г. пользовались материалами из учебника по русской истории проф. С. Ф. Платонова (9-е издание в 1917 г.; переиздано в 1937 г.). Вновь написанные учебные пособия также были еще далеки от требуемого уровня. В «Постановлении жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник» от 22 августа 1937 г. указывалось на ряд допущенных ошибок¹⁵.

После принятых постановлений Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) существенно изменилось содержание курсов истории СССР в вузах страны, что нашло отражение в тех вузовских учебниках, которые были созданы в конце 30-х годов. Так, Институт истории АН СССР разработал проект схемы пятитомника по истории СССР, в который были включены вопросы раскола, культуры и просвещения в Рос-

сии конца XVII в.; особо подчеркивалась проблема западного влияния и влияния Украины. Общественно-политическая мысль в самостоятельный раздел не выделялась¹⁶.

В Ленинграде на истфаке ЛГУ В. В. Мавродин, продолжая курс Б. Д. Грекова по истории СССР, уделил большое внимание характеристике культуры России конца XVII в. В особый раздел курса был выделен раскол, автор пытался показать его роль в формировании крестьянской идеологии. Большое место в курсе уделялось проблеме западного влияния, деятельности Б. И. Морозова, А. Л. Ордина-Нащокина, А. С. Матвеева, Ф. М. Ртищева, Симеона Полоцкого. Однако общественно-политическая мысль не стала еще предметом специального рассмотрения¹⁷.

Сходный курс читался в это время и в МГУ; вопросы культуры и общественно-политической мысли начали включаться в лекционные курсы, в которых они занимали, правда, пока подчиненное место.

Так, в сжатом изложении лекций В. И. Лебедева, читанных им на историческом факультете МГУ в конце 30-х годов и изданных на правах рукописи, дается краткая характеристика раскола и его социального значения. Раскол характеризуется автором не только как протест против нарушения церковной обрядности, но и как протест народных масс против церковных феодалов, против усиления феодально-крепостнической эксплуатации, как религиозная оболочка классовой борьбы. Общественно-политическая мысль России конца XVII в. включена автором в раздел «Культура и просвещение в Московском государстве во второй половине XVII века». В. И. Лебедев не сообщает новых фактов. Он подчеркивает значение проникновения западноевропейской культуры в быт и жизнь московского общества, особо останавливается на деятельности Ю. Крижанича, замечая при этом, что «ценные соображения Крижанича воплотил позднее талантливейший представитель господствующего класса Петр I»¹⁸.

Вопросы общественно-политической мысли России конца XVII в. получили широкое освещение в главе С. В. Бахрушина «Культура XVII в.» из первого тома учебника для истфаков университетов и пединститут^{ов}, созданного Институтом истории АН СССР и кафедрой истории СССР истфака МГУ в 1939 г. под редакцией В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина. Основное достоинство этой главы состоит в том, что общественно-политическая мысль в ней рассмотрена на широком историко-культурном фоне. Автор рассказал об изменениях в материальном быту общества, о школе, просвещении, науке, литературе, фольклоре, театре, живописи, скульптуре, архитектуре и музыке. Особо С. В. Бахрушин остановился на украинско-белорусском влиянии и противостоящем ему греческому влиянию, на значении Немецкой слободы как проводника западноевропейской культуры. Из деятелей общественно-политической мысли выделены Г. Котошихин, Ю. Крижанич и С. Полоцкий¹⁹.

При обсуждении этого тома²⁰ рецензенты отметили слабую связь

проблемы общественно-политической мысли с вопросами формирования русской, украинской и белорусской наций. Н. М. Раскин говорил о недостаточной освещенности истории научных знаний в этот период и роли общественно-политической мысли в их распространении²¹. В рецензии В. И. Шункова указывается, что «проблема образования национального государства не получила в учебнике развернутого и убедительного решения»²². В остальных рецензиях на этот том учебника вопросы общественно-политической мысли России конца XVII в. затронуты не были²³.

В это время более широко и углубленно стали изучаться вопросы раскола, равно как и антицерковного движения, особенно в связи с Крестьянской войной под предводительством С. Разина. Материалы по истории общественно-политической мысли начинают включаться в хрестоматии²⁴ и программы²⁵.

Учебники послевоенного времени также мало внимания уделяли русской общественно-политической мысли конца XVII в. Как правило, излагалась лишь история культуры (образование, наука, литература, искусство), а общественно-политическая мысль оставалась в стороне. Это можно подтвердить примерами как из учебников²⁶, так и из методических руководств²⁷, а также учебных программ²⁸.

Несколько шире история общественно-политической мысли раскрыта в учебнике по истории СССР для истфаков университетов и пединституты издания 1956 г.²⁹ Этот учебник был переведен на ряд языков братских республик (украинский — в 1958 г., литовский — в 1959 г., узбекский — в 1960 г., молдавский — в 1960 г.) и оказал определенное воздействие на советскую историографию. Однако и в нем вопросы общественно-политической мысли тонули в изложении материалов по истории культуры³⁰.

Хрестоматии по истории СССР, вышедшие в послевоенное время, также в весьма ограниченных масштабах включали в себя материалы по истории общественно-политической мысли России конца XVII в.³¹ Некоторые же методические пособия вообще опускали тему по истории общественно-политической мысли XVII в.³²

Из обобщающих исторических трудов начала 50-х годов, имеющих значение для раскрытия интересующей нас темы, необходимо отметить «Историю Москвы». В первом томе этого издания дана краткая характеристика раскола, обрисовано состояние просвещения, научно-технической мысли, театра и литературы в Москве конца XVII в. — все главным образом по уже имеющейся литературе, без привлечения новых данных³³. Еще более краток очерк по истории русской культуры этого времени, написанный М. Н. Тихомировым для «Всемирной истории»³⁴.

Видное место в историографии интересующего нас вопроса занимает очередной том «Очерков истории СССР. Период феодализма», посвященный XVII в. В главе о русской культуре авторы С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, Л. Н. Пушкирев, А. Н. Свиринов, Н. В. Устюгов и А. Г. Чиняков охарактеризовали просвещение и школу, научную и техническую мысль, фольклор, литературу и искусство XVII в. Особый параграф был посвящен расколу (Н. С. Ча-

ев). В книге были затронуты и вопросы культуры народов СССР³⁵. В то же время и в этом обобщающем труде вопросы общественно-политической мысли специально не освещались, они включались как составная часть в характеристику русской культуры.

В конце 50-х годов вышло в свет первое учебное пособие А. М. Сахарова, в котором вопросы общественно-политической мысли России XVII в. рассмотрены в специальном разделе. Их анализ начинается с обзора русской публицистики начала XVII в., затем А. М. Сахаров рассказывает о взглядах Ю. Крижанича и исторических сочинениях XVII в. Вопросы устного народного творчества, литературы, раскола и т. д. изложены особо. Но все же общественно-политическая мысль оказалась урезанной, обедненной, неполной: нет анализа взглядов С. Полоцкого, С. Медведева, К. Истомина и др.³⁶ Однако самый факт выделения общественно-политической мысли в самостоятельный раздел следует оценить весьма высоко, тем более что в учебных программах этого времени общественно-политическая мысль России как самостоятельный раздел начинает выделяться лишь с конца XVIII в.³⁷

Определенный шаг вперед в историографии интересующей нас проблемы представляет собой коллективный труд Института философии АН СССР и философского факультета МГУ «История философии в СССР» в пяти томах. Авторы главы 9 первого тома К. В. Шохин, М. Н. Пеунова и В. А. Пузиков показали развитие русской философской и социологической мысли в первой половине XVII в., охарактеризовали философские и социологические идеи в старообрядческом движении (приравняв тем самым старообрядчество к расколу, что, конечно, неверно) и остановились на развитии светских тенденций в русской философской мысли второй половины XVII в. Наряду с характеристикой Е. Славинецкого, С. Полоцкого, С. Медведева, Ю. Крижанича мы находим здесь и анализ трудов А. Белобочко. Авторы стремились показать, что в центре идейного развития России в это время «была борьба за распространение научных идей и за светское просвещение, против безраздельного господства официальной церкви в сфере духовной жизни»³⁸. Большим достижением современной науки следует признать очередной том «Очерков русской культуры XVII века», в котором общественная мысль выделена в особую главу. Ее автор В. С. Шульгин начинает изложение с рассказа об откликах общественной мысли на события польско-шведской интервенции, выделяет памятники, вышедшие из среды восставших, говорит о деятельности С. Полоцкого, Ю. Крижанича, А. Л. Ордина-Нащокина, подчеркивая, что «русская общественная мысль XVII в., особенно второй его половины, выдвинула целый ряд важных идей, получивших дальнейшую разработку в следующем столетии. Были заложены основы политической идеологии абсолютизма, осознана необходимость проведения широких преобразований, намечена программа этих преобразований и разведаны пути их осуществления»³⁹.

Обзор обобщающих трудов и учебников для вузов по истории СССР, вышедших за последние полвека, свидетельствует о том, что советская наука стремится, с одной стороны, к расширению анализируемого материала (появление новых имен при рассмотрении общественно-политической мысли, анализ новых произведений уже известных авторов и т. д.), а с другой — к углублению анализа, к раскрытию причин возникновения тех или иных явлений русской общественно-политической мысли конца XVII в. Показательно также желание советских исследователей поставить факты русской общественно-политической мысли в связь с историей мировой культуры, а также подчеркнуть национальное своеобразие анализируемых явлений. В этом плане особое внимание привлекает утверждение в обобщающих работах тезиса о барокко как «общем стиле эпохи», способствовавшем раскрепощению личности, обмирщению русской культуры, отступавшем от средневековых форм культуры к новым, европейским формам, которые получили свое дальнейшее развитие в эпоху Петра I⁴⁰.

В то же время нельзя не отметить и тот факт, что в учебниках и обобщающих трудах лишь начинается новый подход к освещению общественно-политической мысли России конца XVII в., она становится предметом самостоятельного рассмотрения. Как правило, она освещалась лишь как одна из составных частей (причем отнюдь не самая главная) русской культуры XVII в. Объясняется это, с одной стороны, отсутствием специальных обобщающих трудов в этой области, а с другой — непреодоленной еще тенденцией относить начало изучения общественно-политической мысли к более позднему времени, когда уже достаточно четко определились и идеологи борющихся классов, и те идеи, которые господствовали и получали широкое распространение в обществе.

Настоящий обзор наглядно свидетельствует также и о том, что авторы обобщающих трудов и учебников не включили еще в орбиту своего внимания общественно-политическую мысль трудового народа России конца XVII в. Не отрицая важности изучения раскола, взглядов А. Л. Ордина-Нащокина, В. В. Голицына, А. С. Матвеева, С. Полоцкого, Ю. Крижанича и других видных общественно-политических деятелей той эпохи, следует подчеркнуть, что уже в это время демократические слои посада и крестьянства выступили в рукописной литературе и фольклоре со своими произведениями. Авторы фольклорных произведений и некоторых рукописных сатирических повестей отчетливо противопоставляли свои взгляды и идеи господствовавшим в то время дворянским идеям крепкой царской власти, церковным идеям богоустановленности правления, выступали с критикой церкви, суда, ставили проблемы соотношения бедности и богатства и т. д.

Цель настоящего обзора — обратить внимание авторов обобщающих трудов, учебников, учебных пособий, хрестоматий, учебных программ и т. д. на необходимость изменения самого подхода к освещению общественно-политической мысли России конца XVII в.

Пора перестать считать ее Золушкой, в лучшем случае уделяя ей небольшое внимание в разделах по культуре⁴¹. Общественно-политическая мысль России интересующей нас эпохи — это область бурной общественной жизни, столкновения идей и взглядов, оказавшая огромное влияние на идеологическую подготовку реформ первой четверти XVIII в. Без самостоятельного освещения этой темы нельзя правильно понять ни предшествующее время начального этапа формирования абсолютной монаршей власти, ни последующие реформы Петра I. Находясь на грани двух эпох, общественно-политическая мысль России конца XVII в. как бы связывает собою последние яркие достижения духовной культуры допетровской Руси с первыми шагами культуры эпохи преобразований первой четверти XVIII в.

¹ Районов Т. Наука в России XI—XVII веков: Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу. М.; Л., 1940, ч. III, с. 270—470.

² См., напр.: *Базилевич К. В.* Русское государство в XVII веке: Стенограмма лекций, прочитанных 3 и 5 января 1940 г. в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1940, с. 58—66; переиздано: Курс истории СССР в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), лекции 13—23. М., 1940. См. также: История СССР/Под ред. В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова, А. В. Шестакова. М., 1941, т. 1, с. 186—189; Учебник по истории СССР для неисторических факультетов; (раздел по истории культуры XVII в. написал А. А. Савич); Программа по истории для Ленинских курсов при ЦК ВКП(б). — В помощь марксистско-ленинскому образованию. М., 1941, № 7, с. 33—49; Программа по истории СССР для исторических факультетов университетов и пединститутов. М., 1942, с. 20—21; Программа по истории СССР, ВПШ при ЦК ВКП(б). М., 1943, с. 10; и др. работы.

³ См., напр.: *Ковалевский М. Н.* Русская история. М., 1922; *Гусин В. П.* Очерки русской истории. — В кн.: Народная школа на дому: Издание для самообучения. Пг., 1918, кн. 6, с. 81—112; *Острогорский М.* Учебник русской истории. Пг., 1917; *Волжанин Вл.* Русь: Начальный курс родной истории. Пг., 1919; и др. учебники.

⁴ См., напр.: *Сивков К. В.* Русская история: Курс элементарный. М., 1917—1918. Ч. 1, 2.

⁵ *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1920, ч. 1, с. 89—97. В последующих переизданиях раздел о расколе автором не изменялся.

⁶ *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). М., 1922, т. 5. Конец дворянской революции в России. Ее третий момент, с. 73—98; 2-е изд. пятого тома — 1923 г., 3-е изд. — 1928 г.

⁷ Там же. Л., М., 1927, т. 1, с. 7.

⁸ *Пчелин Н. Н.* История России (с древнейших времен до преемников Петра Великого). Тифлис, 1924; Книга для чтения по истории народов СССР/Под. общ. ред. М. Н. Покровского. Харьков, 1930. Т. 1; *Иванов К. Д.* Программа по истории России. Орел, 1922.

⁹ См., напр.: История России/Курс ведет Н. Рубинштейн, Арк. Сидоров, А. Шестаков, Л., 1929. Вып. 1—8. Эта тематика отсутствовала и в учебниках по истории СССР для средней школы. См.: *Гуковский А. П., Трахтенберг О. В.* История. Эпоха феодализма: Учебник для средней школы. 6—7-й годы обучения. Харьков; Киев, 1933; *Ванач Ч. Н.* и др. Краткий очерк истории народов СССР. М., 1932. Ч. 1.

¹⁰ *Троцкий И.* Основные вопросы древней русской истории в литературе последних лет. — Исто-

- рик-марксист, 1928, № 8, с. 182—191.
- ¹¹ За полноценные исторические учебники. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 4, с. 3.
- ¹² См.: Методическое пособие по истории России и СССР к учебнику М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» и учебным пособиям ИМЗО «История народов СССР». Партиздат, 1934; Программа курса «История России и СССР» для 3-го диджитного отделения Всесоюзного коммунистического с.-х. университета. Л., 1934; Производственный план по истории СССР на 1934/35 год. Л., 1934; Программа по истории СССР. 1-й курс истфака. М., 1934. (В программе этого курса из фактов общественно-политической мысли рассматривался только раскол в плане его связи с крестьянским движением); Схема программы по истории народов СССР до конца XVIII в. Истфак МГУ. М., 1936.
- ¹³ На фронте исторической науки. В Совнарком Союзе ССР и ЦК ВКП(б). М.: Партиздат, 1936, с. 15.
- ¹⁴ Там же, с. 25.
- ¹⁵ К изучению истории: Сб. М.: Партиздат, 1937, с. 32—39. См. также: *Диманштейн С. С.* История народов СССР и положение на фронте исторической науки. — Революция и национальности, 1936, № 3, с. 13—26.
- ¹⁶ Схема пятитомника по истории СССР. — Историк-марксист, 1938, № 1, с. 185—186.
- ¹⁷ *Маеродин В. В.* История СССР с середины XVII по XVIII в. Лекции 1—4. Л., 1938. Литогр.; тираж 100 экз.; *Он же.* История СССР: (Стенографированные лекции). Л., 1938. Ч. 1; тираж 1200 экз.
- ¹⁸ *Лебедев В. И.* История СССР до XIX в. М., 1939, с. 258. Второе издание вышло под тем же названием в 1945 г. Текст, посвященный интересующему нас периоду, существенной правке не подвергся. В рецензии (*Савич А. А.* Полезное пособие по истории СССР. — Книга и пролетарская революция, 1939, № 7/8, с. 98—102) вопросы освещения общественно-политической мысли России конца XVII в. затронуты не были.
- ¹⁹ *Базрушин С. В.* Культура XVII в. — В кн.: История СССР. М., 1939, т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в., с. 524—542. Во втором издании учебника (М., 1947) текст по культуре XVII в. остался почти неизменным. В рецензии на этот том (*Берков Е.* Военные вопросы в учебнике «История СССР». — Воен.-ист. журн., 1940, № 4, с. 133—139) указывается, что русская военная культура того времени освещена недостаточно.
- ²⁰ См.: *М. О.* Итоги обсуждения учебников в Институте истории АН. — Историк-марксист, 1940, № 9, с. 144—148; *Иринархова Т.* Обсуждение учебника «История СССР» (т. I). — Воен.-ист. журн., 1940, № 3, с. 151—153; *А.* Отчет об обсуждении I тома учебника для вузов по истории СССР. — Историк-марксист, 1940, № 4/5, с. 107—113.
- ²¹ *Раскин Н. М.* История науки в учебниках истории для высшей школы. — Вестн. АН СССР, 1941, № 5/6, с. 109—110.
- ²² Вестник древней истории, 1940, № 2, с. 129. См. также рец.: *Браславский И.* — Советская наука, 1940, № 5, с. 146—151.
- ²³ *Сидоров А. Л., Кудрявцев И. А.* Крупное событие на историческом фронте. — Историк-марксист, 1940, № 4/5, с. 100—107; *Юшков С. В.* Вопросы государства и права в «Истории СССР». — Советское государство и право, 1940, № 3, с. 131—136; *Лихачев Д.* Ложка дегтя. — Ленинград, 1940, № 4, с. 24; *Смирнов И. И.* — Ист. журн., 1940, № 4—5, с. 132—139.
- ²⁴ Хрестоматия по истории СССР/Сост. Лебедев В. И., Сыроечковский В. Е., Тихомиров М. Н.: Пособие для учителей истории средней школы. М., 1937, т. 1, с. 356—367; Материалы и документы по истории СССР/Под ред. К. В. Базилевича. М., 1941. Вып. V.
- ²⁵ Программа по истории СССР: Проект. Утверждено Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР. М., 1939, с. 21—22. Про-

- грамма по истории СССР (для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов). М., 1940. В более поздних программах вводится раздел о культуре России в XVII в. (связи с Украиной и Белоруссией, просвещение, школа, литература, Крижанич, Котошихин, театр, живопись, нравы и обычаи), но общественно-политическая мысль в специальный раздел не выделяется. См., напр.: Программа по истории СССР для Ленинских курсов при ЦК ВКП (б). М., 1944, с. 8.
- ²⁶ *Базилевич К. В.* История СССР от древнейших времен до конца XVII века: Курс лекций, прочитанных в ВПШ при ЦК ВКП(б). М., 1945, с. 174—181; см. также: 1946, с. 469—479; 1949, с. 411—416; 1950, с. 411—417; *Тихомиров М. Н.* История СССР: Учебник для педагогических училищ. М.; Л., 1947, с. 129—136; *Тихомиров М. Н., Дмитриев С. С.* История СССР. С древнейших времен до 1861 г. М., 1948, т. 1, с. 181—183; *Белан Ю. Я., Марченко М. И., Котов В. И.* История СССР. Киев, 1949, вып. 1, с. 121—125; История СССР: Учебное пособие/Под ред. Б. Д. Давцова. М., 1970. Ч. 1; 4-е изд. М., 1973.
- ²⁷ *Александров В. А.* Культура Русского государства в XVII в.: (Материалы к уроку).— Преподавание истории в школе, 1952, № 2, с. 19—39; *Белявский М. Т., Горский А. Д.* История СССР. Период феодализма: Учебно-методическое пособие для студентов заочных и вечерних отделений. М., 1962, с. 67—68; *Ермолаев И. П.* и др. Методическое пособие по истории СССР для заочных подготовительных курсов. Казань, 1971, с. 40.
- ²⁸ Программа по истории СССР для истфаков университетов и пединститутов. М., 1946, с. 18; М., 1950, с. 17.
- ²⁹ История СССР. М., 1956. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г.
- ³⁰ История СССР. 2-е, перераб. и доп. изд. М., 1964. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г.; см. также: *Артемов Н. Е., Лебедев В. И.* История СССР с древнейших времен до XVIII в.: Пособие для учителей. М., 1959, с. 365—371. В учебном пособии ВПШ «История СССР» (М., 1960; 2-е изд. М., 1963) вопросы истории культуры и общественно-политической мысли России конца XVII в. вообще опущены. Остались в стороне эти проблемы и в учебнике для педагогических институтов под ред. П. И. Кабанова и А. И. Казаченко (История СССР. М., 1961. Ч. 1). Второе издание этого учебника (М., 1966), а также обобщающий труд «История СССР с древнейших времен до наших дней» (В 2-х сер. и 12-ти т.) остались на старых позициях. Так, в 3-м томе обобщающего труда по истории СССР (М., 1967) в разделе о русской культуре XVII в. общественно-политическая мысль вообще не рассматривается. Нет этого материала и в новом учебнике: История СССР. М., 1979. Ч. 1. С древнейших времен до 1861 года. Для истфаков педвузов/Под ред. проф. В. В. Мавродина.
- ³¹ Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв./Под ред. А. А. Зимина; Сост. В. А. Александров, В. И. Корецкий. М., 1962, с. 572—587. Весьма скупо представлена общественная мысль и в изд.: Хрестоматия по истории Белоруссии. С древнейших времен до 1917 г./Сост. А. П. Игнатенко, В. П. Сидорцев. Минск, 1977; а также: Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 г.: Пособие для учителей/Сост. проф. П. П. Елифанов. М., 1980. Гораздо более полный в характеристике общественно-политической мысли России конца XVII в. последний сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период феодализма) (ч. IV. XVII век/под ред. А. М. Сахарова. М., 1973), в котором помещены документы, связанные с расколом, отрывок из «Политики» Ю. Крижанича, материалы А. Л. Ордина-Нащокина, проекты В. В. Голицына.
- ³² Пособие по истории СССР для поступающих в вузы/Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1975. Ч. 1, 2; *Кондуфор Ю. Ю., Ко-*

- тов В. Н. История СССР. Поступающим в вузы. Киев, 1977; Богатов В. В. и др. История философии народов СССР: Учебно-методическое пособие. М., 1970; Беляевский М. Т., Горский А. Д. История СССР. Период феодализма: Методические указания. М., 1978; Мальков В. В. Пособие по истории СССР для поступающих в вузы. 3-е изд. М., 1979; Орлов А. С., Георгиев В. А. Пособие по истории СССР для подготовительных отделений вузов. М., 1979. Ч. 1.
- ³³ История Москвы: В 6-ти т. М., 1952 т. 1. Период феодализма, XII—XVII вв., с. 597—637 (авторы раздела — С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, Н. В. Устюгов). В кратком очерке «История Москвы» (М., 1974) эти данные изложены очень бегло.
- ³⁴ Всемирная история. М., 1957, т. 5, с. 183—187.
- ³⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в. М., 1955, с. 552—663. Подобные обобщающие очерки появлялись и позже. См., напр.: Лихачев Д. С. Культура русского народа X—XVII вв. М.; Л., 1961, с. 87—110; Леонтьев А. К. История русской культуры в эпоху феодализма. М., 1968, с. 64—73; Смирнова Э. С. Культура Древней Руси. Л., 1967; Лихачев Д. С. Древнерусская культура и современность. — Вопр. философии, 1969, № 11, 129—134 с. См. также раздел о культуре XVII в. в кн.: Краткая история СССР. 2-е изд. Л., 1972, ч. 1, 159—166 (автор — Д. С. Лихачев).
- ³⁶ Сахаров А. М. Очерки истории СССР. XVII век: Пособие для учителей. М., 1958, с. 191—195; см. также: Сахаров А. М., Муравьев А. В. Очерки русской культуры IX—XVII вв.: Пособие для учителей. М., 1962, с. 284—308.
- ³⁷ Программа по истории СССР для истфаков университетов. М., 1959, с. 18. Правда, в 1970 г. общественная мысль начинает выделяться в самостоятельный раздел начиная с эпохи Петра I. См.: Программа по истории СССР: Для исторических факультетов университетов. М., 1970, с. 14.
- ³⁸ История философии в СССР. М., 1968, т. 1, с. 277. См. также: Галактионов А. А. Никандров П. Ф. Русская философия XI—XIX ввек. Л., 1970, с. 65—72.
- ³⁹ Шульгин В. С. Общественная мысль. — В кн.: Очерки русской культуры XVII века, ч. 2. Духовная культура. М., 1979, с. 46.
- ⁴⁰ Краткая история СССР. 2-е изд. Л., 1972, ч. 1, с. 166. 3-е изд. Л., 1978, где текст остался без перемен.
- ⁴¹ О том, что это на самом деле так, свидетельствуют и последние программы курсов по истории СССР, причем не только пединститутов, но даже и истфаков университетов. См.: История СССР: Программы педагогических институтов. /Отв. ред. проф. А. А. Мухин; Подгот. кафедрой истории СССР ЛГПИ им. А. И. Герцена. М., 1970; 2-е изд. М., 1977; Программа по истории СССР для исторических факультетов государственных университетов/Сост. комиссией под председательством акад. И. И. Минца. М., 1970.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АМЕРИКАНСКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США XX В. (60—70-Е ГОДЫ)

В. В. Согрин

В исторической немарксистской науке США последние два десятилетия ознаменованы формированием широкого критического направления, выступившего с позиций радикального пересмотра апологетических — как консервативных, так и либеральных — концепций буквально по всем сколько-нибудь важным проблемам американской истории. Значение критического направления, рассмотренное в контексте борьбы течений в американской буржуазной историографии, заключается, с одной стороны, в ниспровержении монопольного положения школы «консенсуса» (бесконфликтности), утвердившейся в период «холодной войны» и доминировавшей почти 15 лет, а с другой — в развитии традиций прогрессистской, бирдовской школы.

Социально-исторической «средой» становления критического направления явились массовые движения социального протеста 60-х годов, и в частности выступление «новых левых». Критическое направление пополнялось за счет как идейно-политических лидеров «бунтарей», так и воспринявших острокритическое отношение к американской действительности представителей академической общины. Среди последних влияние этого направления упрочилось в 70-е годы.

Современная критическая немарксистская историография США обозначалась разными определениями: «новая левая», «радикальная», «неопрогрессистская». Однако ни одно из них не содержит в себе адекватного выражения характера критической историографии. Термин «новая левая», слишком откровенно привязанный к политической практике молодежного бунта 60-х годов и явно сужающий теоретическое содержание и методологические позиции критической историографии, изжил себя (на наш взгляд, он был применим и полезен в качестве «рабочего» названия при определении критической историографии в 60-е годы). Термин «радикальная», наиболее широко используемый применительно к критической историографии сегодня, исключает из нее исследователей, выступающих со схожих с «радикальными» историками теоретических и методологических позиций, но не готовых или воздерживающихся от принятия их политических принципов и выводов. Термин «неопрогрессистская» затушевывает отличия между современной критической историографией и ее предшественницей — прогрессистской школой.

Рассматриваемая в данной статье критическая историография США испытала влияние всех методологических «новшеств» 50—70-х годов: междисциплинарного подхода, клиометрии, «новой социальной истории», «новой рабочей истории» и проч. Не менее, а может

быть и более, важно учитывать и то обстоятельство, что она испытала воздействие критических направлений буржуазной философии и социологии послевоенного периода — от экзистенциализма и франкфуртской школы до молодежной леворадикальной «контркультуры» 60-х. Некоторые из этих направлений, как известно, выступали под знаменем «открытого марксизма», означая попытку эклектического соединения Марковского учения с модными буржуазными и мелкобуржуазными философскими и социологическими доктринами. Идеи (соответственно препарированные) Маркса, Энгельса, Ленина, Грамши, Розы Люксембург пользуются популярностью у авторов современного критического направления, что также отличает его от прогрессистской школы.

Наконец, еще одно отличие критической историографии 60—70-х годов от прогрессистской школы состоит в существенном расширении и серьезном «смещении» исследовательской проблематики. Если историки-прогрессисты интересовались главным образом проблемами исторического развития США эпохи буржуазных революций, то основное внимание представителей современной критической историографии сосредоточено на эпохе монополистического капитализма.

Одно из ведущих мест в современной американской критической историографии занимает тема характера и содержания внешней политики США. При этом повышенное, почти всепоглощающее внимание уделяется XX в. Обостренный интерес к выяснению роли США в качестве мировой державы является, можно сказать, *idee fixe* критической историографии. Это определяет тематику критической историографии: роль США в колониальной политике империалистических держав на рубеже XIX—XX вв., в событиях первой и второй мировых войн и послевоенного устройства мира, отношение Америки к СССР, к мировому революционному процессу и национально-освободительным движениям.

Критическая немарксистская историография внешней политики США, как и современная американская критическая историография в целом, сформировалась во второй половине 50-х годов, когда «консенсусные» концепции либерально-консервативной историографии подверглись пересмотру. Среди прочих критических выступлений была монография профессора Висконсинского университета В. Э. Вильямса «Трагедия американской дипломатии» (1959)¹.

Влияние монографии было велико. Не будет преувеличением сказать, что критическая историография внешней политики США «вышла» из книги Вильямса. Фактически автор сформулировал или высказал все теоретические и методологические принципы освещения внешней политики США, поднятые вскоре на шит и развитые критической историографией. Своеобразное признание влияния Вильямса содержится в работе либерального историографа Р. Мэддокса, не сумевшего скрыть раздражения и досады по поводу широкого распространения идей «Трагедии американской дипломатии». «Истинная трагедия, — восклицал он, — заключается в том, что книга (Вильямса. — В. С.) была слишком серьезно воспринята теми, кому следовало бы проявить лучшее знание прошлого»².

Досаду Мэддокса легко понять: по стопам Вильямса пошли не только ученики его, нареченные «висконсинской школой» (название явно неудачное, ибо до этого в США уже существовала другая, к тому же в корне отличная по характеру «висконсинская школа» последователей Дж. Коммонса в изучении истории рабочего движения), но и большая группа других исследователей. Всех их впоследствии окрестили «ревизионистами» по сложившейся в американской историографии традиции именовать так любых ниспровергателей ортодоксальных школ и концепций. Название это нивелировало, смазывало как своеобразие позиции Вильямса и его последователей, так и — что еще более важно — идейно-политическую направленность их исследований. Если принять во внимание, что одними из первых в американской историографии «лавры» «ревизионистов» снискали консервативные ниспровергатели прогрессистской школы, тогда станет понятным, что это определение, будучи примененным к В. Вильямсу и его последователям, не только затемняет, но и искажает характер их критических выступлений.

Книга Вильямса со всеми ее необычными, острокритическими положениями вряд ли могла рассчитывать на широкий успех и уж, конечно, едва ли была бы воспринята в качестве откровения целым поколением исследователей внешней политики США, если бы этому не благоприятствовала конкретно-историческая ситуация начала 60-х годов. Происходившая в эти годы стремительная эскалация агрессии США во Вьетнаме до предела обнажила лицемерный и демагогический характер «демократических» принципов и посул американских внешнеполитических доктрин, а исследование Вильямса, вскрывавшее исторические истоки, природу и содержание «Трагедии американской дипломатии», как раз и содержало, по мнению его почитателей, «ключ» к анализу и пониманию вьетнамского «тупика». Вильямс наряду с социологом Р. Миллсом быстро снискал славу «пророка» «нового левого» движения, стал кумиром леворадикальных кругов интеллигенции.

Работы представителей критического направления неравнозначны с научной точки зрения; в данной статье мы проанализируем в первую очередь те исследования, в которых оригинальность постановки и видения проблемы сочетается с высоким профессиональным уровнем ее изучения. Среди авторов таких исследований, кроме В. Э. Вильямса, должны быть названы Г. Алпровиц, Д. Ш. Клеменс, Л. К. Гарднер, Д. Горовиц, Г. Колко, У. Ф. Лафебр, Г. Н. Левин, А. Дж. Мейер, Т. Маккормик, К. П. Паррини, Дж. М. Суомли, Р. Дж. Уолтон, Д. Ф. Флеминг.

Понятие «критическая историография» внешней политики США приобретает определенность при соотнесении ее с двумя ведущими американскими буржуазными школами в изучении международных отношений: «политического идеализма» и «политического реализма».

Школа «идеалистов» исходит из отождествления внешнеполитических устремлений США с самим «народным духом»; используя понятие «империализм» при исследовании характера внешней политики США, она в то же время облагораживает его, объявляет экс-

пансионистские устремления продуктом «национального настроения», народного волеизъявления.

В основе магистральной линии внешней политики США, доказывали мэтры идеалистов С. Ф. Бемис, Х. Фей, Д. Перкинс, Ф. Танненбаум, Э. Мэй, лежат фундаментальные моральные ценности, международное право, обязательства, законы. Отсюда абсолютизация ими значения традиционных источников по истории внешней политики — правительственных внешнеполитических доктрин и заявлений, официальных договоров и т. п., рассмотрение их в рамках «чистой» дипломатической истории, вне контекста борьбы антагонистических социально-экономических сил и классов.

Принципиально отказываясь от раскрытия классовых мотивов внешнеполитической линии американского государства, «идеалисты» противопоставляли им в качестве объекта изучения националистические мотивы, которые препарируются в идеалистическом (морально-легалистском) духе; Америка признается ими в качестве центра цивилизованного миропорядка, что исключает возможность каких-либо подозрений относительно благотворного характера ее фундаментальных моральных установок. «Идеалистам» свойственно подчеркнуто почтительное отношение к тем президентам и государственным деятелям (например, В. Вильсону), которые объявляли себя крестоносцами фундаментальных моральных ценностей Америки³.

«Идеалисты» не отказывают себе в праве критиковать те или иные внешнеполитические действия и акции США в случае, если последние представляют явные отклонения от американских моральных ценностей, но они решительно отказываются признать органическую связь этих действий и акций с самой империалистической природой американского капитализма. Подобная «критика» не отрицает, а лишь маскирует апологетику школы «идеалистов».

В 50-е годы построения «идеалистов» были подвергнуты развернутой критике последователями школы «политического реализма», быстро утвердившейся на господствующих позициях в буржуазной историографии. Отвергнув «легалистско-моралистскую», по определению Дж. Кеннана, интерпретацию «идеалистов», «реалисты» противопоставили ей «силовые» факторы в качестве движущей силы внешней политики. Магистральной линией внешней политики США было объявлено не утверждение «царства» моральных установок и права, а достижение «баланса сил», исключавшего преобладание одной державы в каком-либо регионе мира. Империалистические и экспансионистские устремления США были подчинены в схемах «реалистов» целям достижения «баланса сил» во всех регионах мира (что, совершенно очевидно, означало обеление этих устремлений)⁴. Критическое нарушение «баланса сил» было объявлено «реалистами» источником войн, назначение которых заключалось, по их мнению, в восстановлении этого баланса.

Расхождения между «идеалистами» и «реалистами» в понимании движущих сил американской внешней политики приводили к серьезным различиям в оценке внешнеполитического курса того или иного американского правительства. «Реалисты» не испытывали дове-

рия к государственным деятелям, выступающим с позиций моралистов и миссионеров, но не способным соразмерить свои замыслы с реальным соотношением сил в мире и возможностями США. И все же, несмотря на отличия «реалистов» от «идеалистов», между ними существует сходство, свидетельствующее о принадлежности их к апологетическому направлению американской историографии.

Это сходство заключается в отрицании классовых мотивов и классовой обусловленности внешнеполитической стратегии США. «Реалисты» подходят к анализу международных отношений с позиций прагматизма, бихейвиоризма, психоанализа, структурно-функционального метода, т. е. такой методологии, которая оставляет вне поля зрения классовую и историческую обусловленность той или иной системы международных отношений, выводит противоречия на международной арене из абстрактной и вечной «природы вещей», а не из империалистического характера капиталистических государств и, как отмечал В. Ф. Петровский, «нацеливает на сохранение сложившегося порядка вещей, на предотвращение качественных изменений в системе и на изыскание способов обеспечения равновесия»⁵.

Используемые «реалистами» при анализе международных отношений категории «баланс сил», «борьба за власть», «национальная безопасность», «жизненные интересы», «мировой порядок» являются образцом объективистских дефиниций, освящающих и оправдывающих империалистическую внешнюю политику капиталистических держав. Охранительная функция этих теоретических построений очевидна. Так, основополагающая концепция «баланса сил» накладывает табу на революционные преобразования в мире, обусловленные объективными закономерностями развития общества.

Критика «реалистами» внешнеполитического курса тех или иных американских правительств не выходит за буржуазно-либеральные рамки. В роли критиков выступала при этом не вся школа «политического реализма», а ее умеренное крыло, признанными лидерами которого являются Г. Моргентау и Дж. Кеннан. В центре их внимания всегда была критика несоответствия внешнеполитических целей США средствам их достижения. В связи с утратой США монополии на атомное оружие и установлением ядерного паритета между СССР и США они осудили ставку американских правящих кругов на силу, военное превосходство как средство достижения внешнеполитических целей. Исходя из того, что реализация планов мирового господства в современных условиях грозит всеобщим ядерным уничтожением человечества, «реалисты» поддержали разрядку, мирное сосуществование США и СССР. Эти выводы «реалистов» носят позитивный характер. Вместе с тем подобные признания не означают примирения с утратой капитализмом ведущей роли в историческом развитии. «Реалисты» просто отстаивают мирные, политические и идеологические, а не губительные для мира в целом военные средства борьбы за упрочение позиций капиталистической системы.

Примечательно в этом смысле их отношение к мировому революционному процессу и национально-освободительному движению. Признавая неизбежность глубоких социально-экономических преоб-

разований в мире, осуждая контрреволюционный интервенционализм США, подобно войне во Вьетнаме, «реалисты» типа Г. Моргентау полагают необходимым направить национально-освободительные движения в русло, безопасное для интересов американского капитализма. «При этом,— писал советский историк-международник Г. А. Трофименко, критикуя подобный подход,— профессор Моргентау будто не понимает, что любая подлинно народная революция (национально-освободительное движение) в современную эпоху является... антиимпериалистическим, антиколониальным движением и поэтому никак не может быть „не враждебна“ интересам США, стоящих во главе сил мировой империалистической реакции»⁶.

Несовпадение взглядов представителей современной немарксистской критической историографии США с положениями апологетических школ отражает их мировоззренческие позиции: прежде всего неприятие теории «баланса сил», как увековечивающей социально-политическое статус-кво и препятствующей реализации естественного и неотчуждаемого права каждого народа на национальную независимость и суверенитет⁷. Такие радикальные историки, как Горовиц, Колко, Вильямс, Лафебр, почти в каждом исследовании разрабатывали особую тему, содержание которой заключалось в обосновании глубоко естественного и неискоренимого характера антиимпериалистических национально-освободительных движений, сужающих границы и позиции капиталистической системы и подрывающих тем самым выгоды для США и их союзников «баланс сил»⁸. При этом представители критической историографии показывали, как это делал Дж. Джераши на примере Латинской Америки⁹, полную несостоятельность попыток США направить процесс антиимпериалистических революций в либерально-реформистское русло.

В отличие от марксистско-ленинской теории империализма, рассматривающей высшую стадию капитализма как канун социалистической революции и выводящей историческую неизбежность краха капитализма из закономерностей поступательной революционной смены общественно-экономических формаций, построения американской критической историографии о сужении сферы господства империализма носят эмпирический характер, не выходят за рамки конкретно-исторических обобщений. Кроме того, они основаны преимущественно на материалах национально-освободительных антиимпериалистических революций 50—70-х годов.

И все же, несмотря на ограниченность как с теоретической, так и с фактической точки зрения, построения американской критической историографии имеют позитивное значение в плане борьбы с расхожими буржуазными пропагандистскими доктринами («вмешательство извне», «право» капиталистических держав на «сдерживание революций»), поддержание «баланса сил»).

Другое существенное различие критической историографии от школ «идеалистов» и «реалистов» состоит в определении движущих сил внешней политики США. Критики решительно отвергают концепции «внеклассового» и «плюралистского» характера движущих сил американской внешней политики, отказываются подходить к ее

анализу с позиций бихейвиористского, психоаналитического или структурно-функционального метода. Они противопоставляют им выявление связи внешней политики США с экономическими мотивами и потребностями частнокапиталистической системы и классовыми интересами монополистической буржуазии. Такой подход отражает как методологические, так и классовые принципы историков-критиков, которые объективно соответствуют мировоззрению демократических слоев американского общества, составляющих если не реально, то потенциально современную антимонополистическую коалицию.

Критической историографии свойственно вычленение двух разнопорядковых движущих сил американской внешней политики: одна — иррациональная, не зависящая от сознания и воли людей и заключенная в экономической структуре капитализма США, другая — рациональная, вступающая в действие на уровне принятия решений и заключенная в системе политической власти. Анализ первого фактора характерен для Вильямса и его учеников, изучение второго — для историков «новой левой» волны, таких, как Колько.

Вильямс и его ученики видят магистральную линию американской внешней политики в империалистической экспансии, которую объявляют имманентной чертой американского капиталистического общества, обусловленной его структурными характеристиками. Они выделяют два главных фактора (рассматриваемых неизменно в органическом единстве), порождающих империалистическую экспансию. Первый заключен в особенностях рыночной капиталистической экономики, сориентированной на извлечение максимальной прибыли, «не способной» в силу этого поглотить товарную продукцию такой развитой индустриальной и сельскохозяйственной державы, каковой являются США, и вторгающейся на мировой рынок. Второй фактор лежит в остроконфликтных социальных отношениях американского буржуазного общества, которые побуждают правящие круги к экономической, а вслед за ней и политической экспансии как важному средству разъединения эксплуатируемых масс и в конечном итоге гашения классовых антагонизмов.

Наиболее полно эта социально-экономическая «модель» возникновения американской империалистической экспансии проанализирована критической историографией на примере эпохи перехода к империализму, охватывающей конец XIX — начало XX в. Сначала В. Э. Вильямс в «Трагедии американской дипломатии», затем У. Ф. Лафебр в фундаментальном исследовании «Новая империя: интерпретация американской экспансии, 1860—1898»¹⁰ и Т. Макормик в монографии «Китайский рынок: стремление США к неформальной империи, 1893—1901»¹¹ рассмотрели этот период как новый качественный этап в становлении американской империи. Они показали, что завершение после гражданской войны капиталистической индустриализации и начало образования монополий вдохнули новую жизнь в империалистическую экспансию, и открыли, что взлеты экспансионистских настроений и пропаганды почти с хронологической точностью совпадали с периодами острых экономических кризисов (1873—1878, 1882—1885, 1893—1897 гг.).

В их исследованиях было также показано, что резкое обострение в эти годы классовой борьбы и исчезновение ее естественного транквилизатора — «свободных» земель, служивших прежде источником распространения в массах частнособственнических настроений и иллюзий, — поставили перед правящими кругами проблему поиска новых средств идейно-политического и социально-экономического «пленения» низов, каковые и были найдены в интенсивной империалистической экспансии и в буржуазном реформизме.

Концепция империалистической экспансии как средства разрешения структурных социально-экономических противоречий американского капитализма была распространена затем критической историографией на более поздние периоды: 20-е, 30-е годы, период второй мировой войны, послевоенный этап. Приверженность некоторых авторов этой концепции выражена в самих названиях их исследований. Так, работа К. П. Паррини, посвященная внешней политике США периода формирования версальско-вашингтонской системы, озаглавлена «Наследница империи: экономическая дипломатия Соединенных Штатов, 1916—1923», а работа одного из наиболее способных учеников Вильямса, Гарднера, о внешней политике Рузвельта — «Экономические аспекты дипломатии нового курса»¹².

Монография Гарднера приобрела особую известность: в ней обрело научную жизнь высказанное еще Вильямсом положение о том, что социально-экономические преобразования Ф. Д. Рузвельта 30-х годов, призванные ликвидировать последствия экономического кризиса 1929—1933 гг., потерпели фиаско и что единственным средством преодоления этих последствий стала внешнеэкономическая экспансия, неизбежно втягивавшая США во вторую мировую войну.

Положение об обусловленности внешнеполитической экспансии социально-экономическими противоречиями капитализма было экстраполировано критической историографией и на ранние периоды американской истории. Не случайно Вильямс начинал анализ «трагедии американской дипломатии» с исследования воззрений «отцов-основателей» и этапа становления национального самосознания в США. Оно, доказывал историк, было изначально поражено имперской идеей. Вильямс подробно рассматривал воззрения тех «отцов-основателей» (Дж. Мэдисона, А. Гамильтона, Дж. Адамса), для которых экспансия выступала в качестве средства «снятия» противоречий между фракцией богатого меньшинства США, с одной стороны, и фракцией неимущего и малоимущего большинства — с другой¹³.

Определение движущих факторов американской внешней политики, обоснованное школой Вильямса, позволило ей развернуть фронтальную критику выводов как «идеалистов», так и «реалистов». Ее представители смогли убедительно доказать, что те акции и действия американского государства (например, объявление Маккинти войны Испании или притязания В. Вильсона на роль миротворца), которые объявлялись «реалистами» продуктом политического «невежества» или «идеализма», в действительности выражали экспансионистские потребности капиталистической экономики США. Они показали неправоту подхода «реалистов», обосновавших несоот-

ветствие «целей» и «средств» внешней политики США и декларировавших, что отказ от несостоятельных «средств» способен избавить американскую внешнюю политику от провалов. Критическая историография выявила единство и взаимозависимость империалистических средств и целей внешней политики США.

Представители этого направления историографии отвергли и ряд других апологетических концепций. В частности, они развенчали популярную и живучую теорию «границы» Ф. Тернера, объявлявшую территориальную экспансию — сначала освоение земель американского Запада, а затем и проникновение на неамериканские территории — «движущей силой» расширения и развития американской демократии. Критики сорвали с теории «границы» романтический ореол, показав, что истинный смысл и назначение американской «подвижной границы» заключались в «снятии» или смягчении социально-экономических антагонизмов и катаклизмов.

Эти исследователи дали простое и убедительное объяснение сочетания в политике американского государства империалистической экспансии и буржуазного реформизма, которые рассматривались буржуазно-либеральными историками как взаимоисключающие явления, олицетворение порока и добродетели. Критическая историография, выветив социальную функцию империалистической экспансии, обнаружила, что она ничем не отличается от социальной функции буржуазного реформизма. Так экспансия и реформизм были сведены в единую систему классового господства буржуазии¹⁴.

В то же время анализу критической историографии присущи и недостатки, раскрывающие ограниченность ее методологии и теоретических позиций. Увязывание ею понятия «империализм» с экономическими чертами капитализма США весьма далеко от стадийно-формационного подхода к изучению и определению империализма, характерного марксистско-ленинскому учению. Для критической немарксистской историографии империализм — это прежде всего определение внешней политики американского капитализма, применимое к разным его этапам. Американская критическая историография исходит из того, что империализм является «первородным грехом» США. Идею наследие «отцов-основателей», на их взгляд, включало в себя империалистические доктрины, освоенные и развитые в новейшее время. Хотя представители критической историографии выделяют два крупных этапа в эволюции империалистической экспансии США — до и после 90-х годов, т. е. до и после оформления монополистического капитализма, им порой свойственно стирание качественных различий между ними. «Американский империализм прошлых времен предвосхитил его будущее», — писал Вильямс¹⁵.

Еще более категорично формулировал эту мысль Джераши: «Для либерального подхода характерно проведение качественных различий между империалистической политикой США в прошлом и настоящем. В действительности основное различие между империализмом США, как он существовал сто лет назад и как он существует сегодня, заключается в том, что сегодня он обладает большей сферой влияния и более осознанно формулирует свои цели. Внешняя поли-

тика США была всегда самонадеянной, всегда экспансионистской и являлась в основе империалистической с 90-х годов XVIII в.»¹⁶ Суждение Джераши, совершенно очевидно, несет на себе полемическую нагрузку: споря с буржуазно-либеральными авторами, обеляющими американский капитализм доимпериалистической эпохи, он сам вообще стирает различия в содержании внешней политики США на разных исторических этапах.

Высказанная нами критика в адрес Вильямса и его последователей на первый взгляд может быть подвергнута сомнению в связи с тем обстоятельством, что эти историки объявляют монополию движущей и руководящей силой империалистической экспансии современной эпохи, а начало этой эпохи датируют 90-ми годами, в которые как раз и совершается переход капитализма в его высшую, империалистическую стадию. Данные сомнения, однако, развеиваются, как только мы рассмотрим подход американской критической историографии к экспансионистской политике США доимпериалистической эпохи. Ее представители не только считают тождественными экономические первопричины экспансии в доимпериалистическую и империалистическую эпоху, но и объявляют американское фермерство движущей силой экспансионизма в доимпериалистическую эпоху и прямым «империалистическим» предшественником монополистической буржуазии.

Идентификация «империалистических» мотивов американского фермерства и монополистической буржуазии, проявляющаяся в наиболее полной мере в работах Вильямса и Лафевра¹⁷, должна быть признана одной из самых грубых теоретических и исследовательских ошибок критической историографии. Если следовать ее логике в этом вопросе, то можно прийти к выводу, что американское фермерство избавилось от «империалистических грехов» благодаря только тому обстоятельству, что было устранено к концу XIX в. с исторической сцены в качестве влиятельной социальной силы и уступило свою «роль» монополистической буржуазии.

Отметим еще один недостаток концепции империализма американской критической историографии. Ее представители, справедливо рассматривая империализм США как самый агрессивный и мощный в мире, исследуют его как бы изолированно, вне связи и взаимосвязи с развитием империализма в других странах. В их исследованиях нет общей теории империализма, а империализм США выступает в качестве самодовлеющей модели, начала и венца империалистической политики. Такой подход делает их построения уязвимыми для критики «справа». Так, консервативный историк Р. Такер не преминул заметить, что критическая историография, выступив с отрицанием теории «американской исключительности», сама создала такую же теорию, но только с противоположным знаком и значением¹⁸.

Если оформление новейшего империализма США связывается критической историографией непосредственно с рождением монополистического капитализма, то ключом к пониманию его исторического своеобразия она объявляет доктрину «открытых дверей» 1899 г.

«Ноты „открытых дверей“ государственного секретаря Джона Хейя в 1899 и 1900 гг.,— формулирует их концепцию Вильямс,— свели воедино всю эту коллекцию побуждений, давлений и теорий и превратили ее в одну классическую программу империалистической экспансии»¹⁹. Доктрина «открытых дверей», провозглашавшая «равенство капиталистических держав на мировом рынке, явилась для США рычагом создания, по определению Лафетбра (вынесенное в заглавие его монографии), «новой империи», которая основывалась не на политическом господстве, а на экономическом могуществе одного из государств. В отличие от всех прежних, закрепленных юридически «формальных» империй это была «неформальная» империя²⁰.

Критическая школа впервые в немарксистской историографии США обнажила истинные мотивы американского «неоимпериализма», скрывавшиеся за риторикой «открытых дверей». «Открытые двери», «равенство возможностей» были американским вариантом притязаний на мировое господство в условиях, когда колонии были поделены между ведущими капиталистическими державами, среди которых не было самих США, запоздавших в силу исторических обстоятельств к дележу колониального «пирога». Этот вариант был приемлем для США по той причине, что к концу XIX в. они совершили резкий скачок в экономическом развитии, опередив по важнейшим показателям европейских конкурентов, и, без сомнений, возобладали бы на мировом рынке над всеми другими странами, согласись те на «открытые двери».

По меткому сравнению В. Э. Вильямса, «открытые двери» в условиях утверждения экономического превосходства американских монополий над европейскими соперниками должны были обеспечить США доминирующее положение на мировом рынке, так же как фритредерство обеспечивало такое положение Англии в эпоху «свободного» капитализма, когда та выступала в качестве «мастерской мира». Более того, «открытые двери» стали, по Вильямсу, американским аналогом фритредерства в условиях монополистического капитализма²¹.

Раскрытие критической историографией содержания американской империалистической экспансии, совершавшейся под покровом «открытых дверей», сопровождалось ошибками в анализе ее характера. Стремясь к более четкому определению исторического своеобразия создаваемой США «долларовой империи», ее представители абсолютизировали это своеобразие. Она была обозначена как «антиколониальная империя», т. е. не претендующая и не нуждающаяся в отличие от прежних «колониальных империй» в территориальных приобретениях. Тогда же, когда критической историографии приходилось объяснять аннексию США тех или иных территорий, например Гавайских островов и Филиппин, она объясняла эти захваты исключительно целью создания форпостов экономической экспансии²². В результате подобной интерпретации политические и военномилитаристские цели американской экспансии оставались в тени или получали искаженное освещение.

Глубоко противоречиво определение движущих сил американского «неоимпериализма», данное Вильямсом и Лафебром.

С одной стороны, исследуя содержание «великих дебатов» в США в 90-е годы, в ходе которых было сформулировано идеологическое обоснование американской империалистической экспансии, они отвергли официальную интерпретацию, рассматривавшую эти дебаты сквозь призму борьбы империалистов и антиимпериалистов. Было показано, что лидеры «антиимпериалистов» во главе с У. Д. Брайаном, противясь колониальным захватам, противопоставляли им «долларовую экспансию», которой как раз и суждено было стать основой «новой империи».

С другой стороны, американская критическая немарксистская историография в лице В. Э. Вильямса, У. Ф. Лафебра, Дж. У. Роллинса, К. Лэша, У. Помроя дала однобокую, выдержанную в псевдорадикальном духе оценку антиимпериалистическому движению в США²³. Она объявила всех участников антиимпериалистического движения «антиимпериалистическими экспансионистами», «неоколониалистами» (это определение принадлежит Помрою), игнорируя или закрывая глаза на наличие в нем искренних противников экспансии в любой ее форме. Как убедительно показано в исследовании И. П. Дементьева, наличие «этой парадоксальной и нигилистической трактовки американских демократических традиций» основано на глубоко ошибочном отождествлении экономических мотивов и рыночных потребностей мелкой буржуазии и монополистического капитала, отказе от «анализа социального состава „антиимпериалистического“ движения, социальной дифференциации фермерства»²⁴.

Стратегия «открытых дверей» рассматривалась школой В. Э. Вильямса не только в качестве основы американской империалистической экспансии в XX в., но и в качестве своего рода гордоев узла всех противоречивых действий и связей США на международной арене и даже как источник бесчисленных тупиков впоследствии во взаимоотношениях США с социалистическими и развивающимися странами, как генератор контрреволюционной исторической миссии США и олицетворение «трагедии американской дипломатии». Короче говоря, «открытые двери», обеспечивавшие американскому империализму в случае успеха господствующее положение в мире, объявлялись фундаментом зловещего «Пакс Американа». Высказанное в 1959 г. Вильямсом мнение о том, что «история открытых дверей» стала историей американской внешней политики с 1900 по 1958 год»²⁵, послужило своего рода паролем критической историографии в период ее оформления.

Достоинства и недостатки такого подхода ярче всего раскрылись, на наш взгляд, в монографии Л. К. Гарднера «Экономические аспекты дипломатии нового курса».

Гарднер, подобно другим последователям Вильямса, показал напористое вторжение стратегии «открытых дверей» в разные уголки земного шара. Предназначенная первоначально для расчистки путей американской империалистической экономической экспансии в Китае, доктрина «открытых дверей», подобно ее «знаменитой» пред-

шественнице — доктрине Монро, была распространена на весь мир. Гарднер, привлекая огромный архивный материал, характеризующий проникновение американских экономических интересов в Европу, Латинскую Америку, Азию, Дальний Восток, вскрыл одновременно активную, наступательную роль в этом процессе правительства Ф. Д. Рузвельта. Автор убедительно раскрыл империалистический характер политики Ф. Д. Рузвельта в Латинской Америке, скрытый за фасадом тактики «добраго соседа», и, подобно другим представителям критической историографии, доказал несовместимость национальных интересов латиноамериканских стран с любой, как либерально-реформистской, так и колониальной, формой их зависимости от США.

Принципиально важное значение в плане борьбы с апологетической историографией имело раскрытие Гарднером широкого аспекта экономических и, как следствие, политических противоречий между США и Германией в Латинской Америке, США и Японией на Дальнем Востоке. Историк пришел к важному выводу о том, что эти противоречия влияли на генезис второй мировой войны и что, следовательно, империалистические интересы США имели самое непосредственное отношение к ее происхождению²⁶. Этот вывод звучал диссонансом на фоне апологетических историографических концепций, в которых роль США в мировой политике 30—40-х годов исчерпывается защитой мира и «демократии».

Принципиальный характер имело и обоснование Гарднером тесной связи и зависимости между внешней и внутренней политикой Рузвельта: он доказывал, что неспособность администрации справиться с последствиями экономического кризиса 1929—1933 гг. при помощи активного вмешательства государственной власти в регулирование экономики и социальных отношений стимулировала ее обращение к внешней экономической и политической экспансии.

Гарднеру, как и другим представителям критической историографии, свойственно широкое толкование воздействия стратегии «открытых дверей» на американскую внешнюю политику. Он разделял выдвинутый и обоснованный Вильямсом тезис о том, что стремление США к утверждению экономического господства в мире неизбежно дополняется стремлением к подчинению мира американским идеологическим и политическим принципам и расправе с любыми попытками выхода из-под их влияния. Однако попытка критической немарксистской историографии вывести основополагающие направления и характер внешней политики США эпохи империализма из доктрины «открытых дверей» страдает узостью подхода, типичной для последователей экономического детерминизма. Налицо отличие этого подхода от исторического материализма и лежащего в его основе учения об общественно-экономических формациях: формационный подход, являющийся методологической основой марксистско-ленинской историографии международных отношений, позволяет установить зависимость содержания и характера внешней политики США новейшего времени от главного фактора XX в. — борьбы социализма и капитализма, вышедшей на авансцену истории и уходящей с исторической арены общественных систем.

Несмотря на узость методологического подхода, американская критическая немарксистская историография смогла дать весьма широкую картину контрреволюционной роли США в мировом историческом развитии XX в. Необходимо отметить, что в 60-е годы по мере все большего расширения агрессии США во Вьетнаме тема американского «сдерживания революций» в XX в., как обозначала ее сама критическая историография, занимала в ней самостоятельное место. Смещение исследовательских интересов критической историографии может быть прослежено на примере работ того же Гарднера. Если первое его исследование было посвящено экономическим аспектам дипломатии «нового курса», то в монографии «Вильсон и революции, 1913—1921» (1976)²⁷ центральное место отведено раскрытию контрреволюционной позиции США в международных отношениях.

Гарднер исследовал контрреволюционную позицию США в традиционном для школы Вильямса ключе: американское правительство, доказывал он, стремилось силой предотвратить любое политическое изменение, угрожавшее их империалистическим интересам. Автор при этом не проводил принципиального различия между контрреволюционной позицией Вильсона по отношению к Мексиканской революции 1910 г. и Октябрьской революции 1917 г., которая якобы в равной степени вытекала из доктрины «открытых дверей»²⁸.

Необходимо отметить, что ряд представителей критической историографии смогли преодолеть узость подхода Вильямса и его школы. Так, в работах А. Дж. Мейера и несколько в меньшей степени в монографии Г. Н. Левина, посвященных исследованию эволюции внешней политики США в эпоху Великой Октябрьской социалистической революции²⁹, обосновывался тезис об определяющем значении этой революции и ее последствий для эволюции внешней политики США.

Дипломатическая история после первой мировой войны исследована Мейером в контексте и тесной взаимосвязи движущих факторов того периода: революции и контрреволюции, нарождающегося мира социализма и старой капиталистической системы. Версаль, приходил к выводу Мейер, знаменовал оформление новой внешнеполитической стратегии США и всего буржуазного мира, направленной на создание механизма сохранения капитализма и «сдерживания» революционного процесса.

Подлинный исторический смысл Парижской мирной конференции, проходившей под флагом подведения итогов первой мировой войны, Мейер видел в политике «удушения большевизма». Эта политика включала создание «санитарного кордона» из граничащих с Россией стран, территориальные уступки и оказание военной и экономической помощи Польше, Чехословакии, Румынии и другим предполагаемым звеньям «санитарного кордона», поддержку всеми средствами белой армии и подготовку собственного военного вторжения стран Антанты в Россию, экономическую блокаду России и Венгрии, изоляцию большевизма от социал-демократии и других левых политических партий и групп Запада³⁰.

Если Мейер сделал упор на выявление целей США в послевоен-

ном устройстве мира, то Левин поставил задачей анализ выработанных американским правительством средств достижения этих целей. В центре книги Левина — соперничество программ мира, предложенных вождем социалистической революции В. И. Лениным и претендовавшим на роль духовного лидера капиталистического мира В. Вильсоном. Как и все представители критической историографии, Левин рассматривал «14 пунктов» послевоенного устройства мира Вильсона как непосредственный ответ на ленинскую Программу мира, призванный нейтрализовать ее влияние. Историк оценил позицию Вильсона как новую империалистическую стратегию, призванную не только утвердить гегемонию США в мире, но и обеспечить ей привлекательность в глазах народов мира. Это должно было, согласно американскому историку, служить альтернативой «автократическому германскому империализму», утвердить американизированный мировой порядок, очищенный «как от традиционного империализма, так и от революционного социализма»³¹.

Во внешнеполитической стратегии В. Вильсона американская критическая историография видела, таким образом, начало практических притязаний США на гегемонию в мировой империалистической политике и на роль лидера капиталистической системы в борьбе с революционными общественными преобразованиями в мире. Одновременно она связывала с внешнеполитической стратегией Вильсона становление нового качества империализма США — идейно-политической надстройки, призванной «облагородить» его цели. Такая надстройка, определенная В. Э. Вильямсом как «моральный империализм», со временем начинает доминировать в официальном внешнеполитическом курсе Вашингтона. Это, как отмечали представители критической историографии, и послужило материалом для фальсификации его подлинной сущности различными апологетическими школами.

Американская критическая историография уделила большое внимание развенчанию американского «морального империализма», воплощенного впервые в «14 пунктах» В. Вильсона. Она показала, что провозглашенные в этой программе принципы права наций на «самоопределение», «свободу» и «равенство» всех народов даже в их идеологическом обосновании не противоречат, а вполне согласуются с эгоистическими интересами США. Так, право наций на самоопределение обуславливается в американской имперской идеологии принятием и усвоением этими нациями американских «демократических ценностей».

Дж. Джераши писал, что во времена Вильсона, а затем и Ф. Д. Рузвельта США выступили с широковещательными программами экономической помощи слаборазвитым государствам, стимулирования их промышленности, но такая помощь неизменно рассматривалась как попытка переделать эти государства по своему образу и подобию. США в 30-е годы выступили с обещанием прекратить вмешательство в страны Латинской Америки, но при условии утверждения там «либеральных», т. е. скроенных по североамериканскому образцу, политических систем. Исторический опыт свидетельству-

ет, заключал Джераши в монографии с многозначительным названием «Великий страх в Латинской Америке», что любые либерально-реформистские преобразования в латиноамериканских государствах не могут обеспечить им подлинной независимости от США, в лучшем случае создавая лишь видимость национального суверенитета³².

Критическая историография рассматривала американский империализм как первую историческую форму неокOLONиализма, сложившуюся еще в 20 — 30-е годы (некоторые историки, например Помрой, относят его возникновение к самому началу XX в.). Горовиц, анализируя особенности империализма США, указывал, что тот, соперничая в 30-е годы с германским и японским империализмом и следуя вильсоновским предначертаниям, стремился упрочить свое либерально-реформистское реноме. В результате продолжала развиваться особенно опасная «невидимая империя» США, означавшая утверждение гегемонистских политических целей и экономического господства американского капитализма не с помощью штыков и порабощения государств и народов, а руками компрадорской буржуазии и правительств зависимых государств³³.

Особое место в американской критической историографии занимала тема разногласий в правящих кругах США в межвоенный период по вопросу глобальной внешнеполитической стратегии США. В подходе к этому вопросу правящие круги разделились на интервенционистов, последователей В. Вильсона, и изоляционистов. В отличие от апологетических школ критическая историография рассматривала конфликт между интервенционистами и изоляционистами не более как тактический спор о средствах достижения гегемонистских целей США в мире: если Вильсон и его последователи надеялись добиться господствующей роли США с помощью завоевания командных позиций в Лиге наций и других международных организациях, то изоляционисты утверждали, что США достигнут гегемонистских целей только при условии сохранения «свободы рук», т. е. придерживаясь тактики, освященной доктриной Монро и нотами «открытых дверей»³⁴.

В целом критической историографии удалось найти верное объяснение характера расхождения между изоляционистами и анти-изоляционистами, однако использование одних и тех же оценок применительно к различным этапам дискуссии в правящих кругах США заключает в себе опасность игнорирования новых содержательных моментов в их спорах. Так, в канун второй мировой войны разногласия между изоляционистами и антиизоляционистами переместились в плоскость споров об отношении к агрессии германского фашизма, причем позиция изоляционистов означала открытое поощрение агрессии, а антиизоляционистов — ее осуждение. Наконец, критическая историография не учитывала того важного обстоятельства, что как изоляционизм, так и антиизоляционизм на всех этапах их существования включали в себя часть искренних антиимпериалистов, вкладывавших в провозглашаемые ими принципы демократическое содержание.

Одна из концепций критической историографии состояла в датировании начала «холодной войны» последними годами президентства В. Вильсона и признании его самого ее крестным отцом. Эту концепцию обосновывают Горовиц, Колко³⁵, а Флеминг вынес ее в название своей шумевшей двухтомной монографии «Холодная война и ее происхождение, 1917—1960»³⁶. Название исследования Флеминга включает в себе богатый и в общем-то легко различимый подтекст: «холодная война» признается движущим фактором внешней политики США новейшего времени и выступает в качестве *alter ego* империализма США.

В рамки «холодной войны», как ее толковала критическая историография, вместились множество важнейших событий, сюжетов, тенденций, в том числе вторая мировая война, советско-американские отношения, отношение США к национально-освободительному движению, мировому революционному процессу. В нее включена и «холодная война» в общепринятом ее смысле, т. е. «крестовый поход» против СССР и социализма, провозглашенный империалистическими странами во главе с США после разгрома фашистской Германии.

Критическая историография в целом вкладывала в понятие «холодная война» классовый смысл, оно служит для обозначения стратегии борьбы капиталистической системы против социализма начиная с 1917 г. Очень часто «холодная война» трактовалась как стратегия «сдерживания» революционного и национально-освободительного движения, иногда она понималась более узко — как антисоветская политика США. Перенесение критической историографией понятий «холодная война» и «сдерживание» революций, оформившихся в империалистической идеологии после второй мировой войны, в исторические условия 20—30-х годов определенно страдает натяжкой и может послужить основанием для обвинений ее в антиисторизме. Но этот недостаток не отрицает значения того факта, что критической историографии удалось показать единую классовую направленность и характер внешнеполитической стратегии США на разных этапах новейшей истории.

Представители критической историографии, ведущие отчет американской стратегии «холодной войны» от образования первого в мире социалистического государства, выделили в ее развитии два крупных этапа: до и после второй мировой войны. На каждом из этих этапов, согласно их концепции, «холодная война» имела неодинаковый удельный вес в общей внешнеполитической стратегии США. На первом этапе американская стратегия «сдерживания» революционного процесса не могла получить полного развития в силу острого антагонистического соперничества между США и другими империалистическими державами, в первую очередь Германией и Японией. Разгром Германии и Японии во второй мировой войне, согласно интерпретации критической историографии, «снял» противоречия в капиталистическом мире, дал раздолье «холодной войне», которую США вели на основе сколачивания военно-политических блоков в различных регионах мира. Ретроспективной оценке второй мировой

войны критической историографией присуща однобокость: война проанализирована в плане упрочения империалистических и гегемонистских целей США, а ее всемирно-историческое значение для разгрома фашизма и восстановления национальной независимости европейских народов явно недооценено ею.

Данная концепция получила развитие в работах Горовица и Колко. Они ставят политику «сдерживания» революций и антисоветизма на первое место во внешнеполитической стратегии В. Вильсона, а его «14 пунктов» характеризуют как «контрманифест», противопоставленный идеологии Октябрьской революции. В. Вильямс и его последователи, подчеркивая инициативную роль США в развязывании антисоветского «крестового похода» в 1917—1918 гг., в то же время склонны уделять большее внимание межимпериалистическим противоречиям внутри капиталистического лагеря как движущему фактору американской внешней политики в период между двумя мировыми войнами. Именно эти противоречия, важнейшим двигателем которых являлась борьба США за сферы влияния в различных регионах мира, выступают в их исследованиях первопричиной второй мировой войны.

В американской критической историографии нет специальных исследований, посвященных второй мировой войне,— она интересует ее представителей в первую очередь как разъединительный этап в развитии «холодной войны», вдохнувший в последнюю новые качества и содержание. Пожалуй, только монография Колко «Политика войны. Мир и внешняя политика Соединенных Штатов, 1943—1945» посвящена непосредственно одному из периодов второй мировой войны³⁷. Но и этого автора роль США во второй мировой войне интересовала исключительно с точки зрения борьбы Вашингтона за мировое господство и развития стратегии «сдерживания» революций.

Монография Колко — крайнее выражение распространенной в критической историографии концепции о целях США во второй мировой войне. Согласно ей эти цели представляли собой развитие вильсоновской теории «мирового порядка», в основе которого лежало экономическое господство, политическая гегемония и моральное лидерство Соединенных Штатов. Достижение подобных целей предполагало вслед за победой над империалистическими соперниками США — Германией и Японией — попытку сокрушить СССР, что делало неизбежным переход к тотальной антикоммунистической «холодной войне»³⁸. «Холодная война», согласно выводам Колко, была логическим продолжением глобальных целей США во второй мировой войне, обозначившихся явственно в 1943—1945 гг.

Смягченный по сравнению со взглядами Колко вариант определения империалистических целей США во второй мировой войне дал Горовиц. Эта война была, по его мнению, средством разрешения «вторичного» конфликта мировых международных отношений (главный конфликт он, как уже отмечалось, видел в противоречии между миром капитализма и социализма). Этот «вторичный» конфликт заключался, по Горовицу, не столько в соперничестве империалистических интересов разных капиталистических стран, сколько в борь-

бе за гегемонию двух империалистических систем: буржуазно-либеральной во главе с США и феодально-милитаристской во главе с Германией и Японией. Вторая мировая война приобрела, доказывая Горовиц, характер буржуазно-демократической революции, что «создало почву для временного союза между буржуазными и социалистическими силами, объединившимися против угрозы антидемократической, антикоммунистической, фашистской реакции»³⁹. Но устранение фашистской угрозы с пути «буржуазно-либерального» империализма США выдвинуло на авансцену истории с еще большей остротой противоречие между ним и социалистической системой. Вслед за второй мировой войной, заключал Горовиц, неизбежно должна была последовать «холодная война».

Еще один характерный для критической историографии вариант определения целей и стратегии США во второй мировой войне дан в монографии Д. Ш. Клеменс, посвященной Ялтинской конференции. США, стремившиеся к гегемонистской позиции в мировой политике, вынуждены были, согласно Клеменс, развернуть «одновременно четыре войны»: боевые действия против Германии на Европейском театре, боевые действия против Японии на Тихом океане, борьбу с Великобританией, направленную формально на разгром колониализма, а фактически на подчинение своему контролю Европы и Азии, и, наконец, «идеологическую борьбу против большевистской России, не прекращавшуюся на протяжении всей второй мировой войны». К 1945 г. США одержали победу в первых трех войнах (такое расчленение не представляется оправданным). Незавершенность, по мнению Клеменс, «четвертой войны» предопределила неизбежность возникновения «холодной войны»⁴⁰.

Критическая историография выделяет три конкретно-исторические причины, побудившие США к разветвлению начиная со второй половины 40-х годов тотальной «холодной войны». Их формулировку дал Р. Бенет в статье «Сдерживание коммунизма в Азии: теория и практика». Это — укрепление позиций социализма в Европе; ослабление позиций империализма в Азии в результате образования Китайской Народной Республики; мощный подъем национально-освободительного движения, означавшего резкое сужение сферы господства империализма в Азии, Африке, Латинской Америке⁴¹. Все три фактора, доказывали представители критической историографии, отражали и отражают объективные закономерности исторического развития, по этой причине стремление США противостоять им означало не что иное, как «сражение против истории».

Все без исключения представители критической историографии согласны в том, что главным объектом «холодной войны» для США являлся Советский Союз. Подавляющее большинство из них придерживались концепции односторонней ответственности США за развязывание «холодной войны». Среди изученных нами исследований авторов данного направления только Лафебр следует распространенной в буржуазно-либеральной историографии концепции «разделенной ответственности» США и СССР за возникновение «холодной войны» (консервативная историография возлагает ее только на

СССР). Но в отличие от либеральных историков Лафебр считал, что США вынудили Советский Союз к ведению «холодной войны», носившей с его стороны оборонительный характер⁴².

Одним из лучших исследований советско-американских отношений в момент перехода США от сотрудничества с СССР к «холодной войне» является монография Клеменс «Ялта». Автор первая среди англо-американских исследователей использовала советские документальные публикации по истории Ялтинской конференции (4—12 февраля 1945 г.). Клеменс пришла к выводам, прямо противоположным тем, которые распространены в апологетической историографии. Если последняя приписывает срыв Ялтинских соглашений СССР, то Клеменс, анализируя итоги Ялты и последующую внешнеполитическую практику ее участников, убедительно доказала, что отход от договоренностей по вопросам о репарациях, политическом развитии Польши, условиях осуществления контроля над побежденной Германией произошел по вине США и Англии. Срыв «Ялты» был осуществлен сознательно и целенаправленно Трумэновской администрацией сразу после смерти Ф. Д. Рузвельта⁴³.

Исследуя ход и атмосферу переговоров в Ялте, Клеменс пришла к выводу: «Протоколы конференции ясно свидетельствуют, что Советский Союз сделал в Ялте больше уступок Соединенным Штатам и Великобритании, нежели те сделали Советскому Союзу»⁴⁴. Вывод Клеменс о том, что СССР в период второй мировой войны проявлял добрую волю, постоянно стремился к сотрудничеству с Соединенными Штатами и Великобританией, характерен для критической историографии в целом. Ее представители доказывали, что США сознательно пошли на бойкот и разрыв такого сотрудничества, ибо это противоречило их глобальным замыслам, обозначившимся после сокрушения гитлеровской Германии.

Критическая историография показала массивную психологическую атаку правящих кругов США на американское общественное мнение и сознание масс американцев, призванную создать у них ложное представление об СССР, его социально-политической природе и внешней политике. На 1945—1947 гг., как раскрыто в работах Вильямса, Лафебра, Колко, Алпровица, Горовица, в США пришелся пик антисоветской пропаганды, увенчанной доктриной «сдерживания коммунизма».

Признавая положительную роль критической немарксистской историографии США в разоблачении антисоветских мифов, необходимо в то же время указать, что некоторые авторы этого направления заняли левацкую позицию в оценке советской внешней политики. Так, Колко и Горовиц доказывали, якобы к концу второй мировой войны в Греции, Италии и Франции существовали реальные условия для победы радикальных политических сил и партий и что если они не были реализованы, то произошло это исключительно-де в силу «соглашательства» СССР, «позволившего» западным союзникам подавить развитие революционного процесса в названных странах⁴⁵. Подобный взгляд отражает, совершенно очевидно, не объек-

тивную историческую реальность, а субъективную позицию его авторов, оказавшихся в данном случае в плену троцкистских схем.

Американская критическая историография дала анализ многих конкретных шагов американской администрации, означавших срыв договоренностей с СССР по ключевым вопросам экономической помощи и военной безопасности. Она создала хлесткие, запоминающиеся портреты родоначальников «холодной войны» — Г. Трумэна, Дж. Форрестолла, Дж. Даллеса. Ею в целом верно определен классовый смысл и историческое содержание американской послевоенной внешней политики, направленной на утверждение экономического господства и политической гегемонии США в мире, на реставрацию позиций капитализма и колониализма, «сдерживание» революций и экспорт контрреволюции. Ее представители вскрыли лицемерие политики американской администрации, попытавшейся переложить вину за обострение международных отношений на СССР. «Американцы согласились на переговоры с СССР, но переговоры с „позиции силы“, — заключал в связи с этим Вильямс, — однако переговоры с „позиции силы“ фактически никаких переговоров и не предполагают, ибо под переговорами здесь подразумевается принятие американских предложений»⁴⁶.

Среди представителей критической историографии существуют определенные разногласия по конкретным вопросам послевоенной внешней политики США. Например, Клеменс и Колко не придают фактору использования США атомной бомбы принципиального значения в формировании внешнеполитического курса американской администрации. Другие историки (Вильямс, Алпровиц), напротив, считают, что обладание США монополией на атомную бомбу существенно повлияло на их внешнеполитическую стратегию. Для развития этого положения особое значение имела монография Алпровица «Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам»⁴⁷.

Алпровиц начал свое исследование с острой критики расхожих буржуазных историографических версий о причинах использования атомной бомбы, которые в целом не идут дальше объяснения, данного Г. Трумэном: «Применение атомных бомб привело к окончанию войны и спасло миллионы жизней». Американский историк обосновывал другой тезис: их применение имело не военное, а политическое значение, явившись венцом «атомной дипломатии», которая была взята на вооружение президентом Трумэном сразу после вступления в должность в апреле 1945 г. и преследовала цель радикального пересмотра итогов второй мировой войны в пользу США. Монопольное обладание бомбой, доказывал Алпровиц, не породило и не изменило гегемонистских целей США, но наделило их самонадеянной уверенностью в возможности быстрого достижения этих целей и вдохнуло жизнь в тактику переговоров с СССР с «позиции силы»⁴⁸. Шаг за шагом рассмотрел Алпровиц формирование «атомной дипломатии» США, означавшей отказ от ялтинских договоренностей, существенное изменение внешнеполитического курса Ф. Д. Рузвельта, возведение фундамента «холодной войны».

Алпровиц принадлежит к тем представителям критической историографии, которые признают наличие различных фракций в правящих кругах США и доказывают, что изменения в правительственной администрации после смерти Ф. Д. Рузвельта и вступление в президентскую должность Трумэна оказали самое непосредственное воздействие на внешнеполитическую стратегию Вашингтона.

Крайним выражением такой позиции являются суждения Флеминга, персонифицирующего борьбу умеренной и реакционной тенденций во внешней политике Вашингтона и датирующего «инаугурацию холодной войны» (в данном случае вступление в силу) днем смерти Ф. Д. Рузвельта и вступления в должность президента Г. Трумэна. Флемингу свойственна, кроме того, идеализация внешнеполитических мотивов Рузвельта, возведение непреодолимой пропасти между ними и внешнеполитическими мотивами Трумэна. Рузвельт и его единомышленники, согласно Флемингу, полагали, что успешное урегулирование международных проблем может быть достигнуто только через Организацию Объединенных Наций, в которой США будут сотрудничать с Советским Союзом. Полную противоположность взглядам Рузвельта являла позиция Трумэна, поборника крестового похода против коммунизма⁴⁹.

Алпровиц и Вильямс считали, что Рузвельт и Трумэн разошлись в понимании средств, а не целей американской внешней политики. Рузвельт и его окружение, доказывал Вильямс, и не помышляли о «коренном пересмотре американской концепции о роли самой Америки и остального мира»⁵⁰. Это заключение не мешало Вильямсу, как и Алпровицу, придерживавшемуся схожей концепции, видеть серьезные различия во внешнеполитическом курсе Рузвельта и Трумэна. Главное среди них, доказывали историки, сводится к тому, что Рузвельт принимал реальности послевоенного устройства мира, не домогался их пересмотра, надеялся на достижение глобальных целей США с учетом этих реальностей. Точка зрения Вильямса и Алпровица отличается не только от точки зрения Флеминга, но и от крайности другого рода — утверждений Колко, Горовица и некоторых других представителей критической историографии о том, что в позициях Рузвельта и Трумэна вообще не было никаких различий.

* * *

Современная критическая немарксистская историография США обязана своим рождением и оформлением в значительной степени острым событиям 60-х годов. Особое воздействие оказала на нее агрессивная война США во Вьетнаме. Открытые попытки США подавить кубинскую революцию, эскалация американской агрессии во Вьетнаме стали для критической историографии символами нового этапа «холодной войны» и новых качеств империалистической стратегии Вашингтона. Эти драматические события заслонили в глазах ее представителей определенные позитивные изменения во внешней политике США, имевшие место в конце президентства Дж. Ф. Кеннеди⁵¹. Более того, 60-е годы, по мнению представителей

критической историографии, во многих отношениях явились более опасным этапом «холодной войны», чем предшествующий 15-летний период.

Многозначительно и понятно в свете сказанного суждение, которым открывается монография Вильямса: «В течение многих лет внешняя политика США представляла собой крестовый поход против коммунистов и других радикалов, кульминацией которого стали антикубинские и антивьетнамские кампании»⁵². Симптоматична и характерна для критической историографии концепция внешней политики Дж. Ф. Кеннеди, вынесенная одним из ее представителей, Р. Дж. Уолтоном, в названии монографии: «Холодная война и контрреволюция: внешняя политика Джона Ф. Кеннеди»⁵³.

Подход критической историографии к современной империалистической стратегии США трудно понять вне связи с социально-политическим мировоззрением ее представителей. Мировоззренческий подход ощущается даже в тематическом содержании их исследований по периоду 60-х годов. Совершенно не случаен тот факт, что из всех важных направлений внешней политики США: отношения с СССР, западноевропейскими партнерами, с развивающимися странами — они сосредоточили внимание почти исключительно на последнем. Такой выбор объясняется не только тем, что леворадикальное направление, которое преобладает в критической немарксистской историографии США, проявляет повышенный интерес к национально-освободительным движениям, но и тем, что идея национальной независимости и самоопределения, давшая в 1776 г. первоначальный толчок формированию американской демократической традиции, особенно близка критической школе.

Переход США в 60-е годы от стратегических доктрин «сдерживания», «освобождения», «массированного возмездия», основывавшихся на уверенности в ядерной мощи, к доктринам «локальных» войн, «гибкого» и «реалистического» реагирования рассматривался критической историографией как более изощренный способ борьбы за гегемонистские империалистические цели. Анализ новой тактики США в отношении национально-освободительных движений основывался на признании несовместимости подлинной национальной независимости и суверенитета развивающихся стран с любыми — открыто диктаторскими, умеренными или либерально-реформистскими — методами империалистического вмешательства США.

Критическая историография показала, что современная неокOLONиалистская тактика США не означала отказа и от прямого военного диктата. Она разоблачала итоги и последствия «локальных» войн США во Вьетнаме, Гватемале, Корее, Доминиканской Республике и других странах. Ее представители видели единственную возможность достижения развивающимися странами подлинного национального суверенитета в революционном разрыве их уз с США и прогнозировали дальнейший подъем национально-освободительных революций⁵⁴.

Современный период империалистической политики США не получил в критической историографии столь полного освещения, как

предшествующие этапы. Тем не менее есть все основания говорить о наличии в ней концепции генезиса и эволюции империалистической политики США XX в.

Недостатки, ошибки, упущения критической историографии в изучении империализма США объясняются как ее методологическими, так и мировоззренческими позициями. Главный методологический изъян критической немарксистской историографии США, как это было показано, заключается в отождествлении содержания понятия «империализм» только с американской внешней политикой; ей чужд стадияльно-формационный подход к анализу эпохи империализма, понимание этой эпохи как высшей и последней стадии капитализма. Мировоззренческие позиции критической историографии проявляются в принятии леворадикальных, иногда откровенно левацких определений движущих факторов мирового революционного процесса XX в., недооценке решающей роли в нем СССР и социалистической системы.

Отмечая и критикуя методологические, теоретические и конкретно-исторические ошибки и просчеты критической историографии, вместе с тем необходимо (без чего невозможно верное определение ее места в борьбе современных историографических течений в США) не упускать из виду ее исследовательского пафоса, направленного на развенчание установок апологетических школ истории внешней политики США.

Важно также иметь в виду серьезные различия внутри самой критической историографии, отличать авторов, догматически следующие левацкой позиции, от исследователей, которые под воздействием самой логики, объективных закономерностей классовой борьбы в мире способны приближаться и приближаются к научному постижению исторических путей внешней политики империализма США.

¹ *Williams W. A. The Tragedy of American Diplomacy.* Cleveland, 1959 (2nd ed. N. Y., 1962; 3rd ed. N. Y., 1972).

² *Maddox R. D. The New Left and the Origins of the Cold War.* Princeton, 1973, p. 37.

³ Подробнее см.: Американская историография внешней политики США. М., 1972, с. 91—106; *Combs J. Nationalist, Realist and Radical: Three Views of American Diplomacy.* N. Y., 1972.

⁴ *Morgenthau H. J. In Defense of the National Interest.* N. Y., 1950, p. 4—24, 25—37.

⁵ *Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль.* М., 1976, с. 69.

⁶ *Трофименко Г. А. Американская литература по вопросам военно-*

политической стратегии США. — В кн.: *Американская историография внешней политики США*, с. 23.

⁷ Здесь мы должны возразить О. Л. Степановой, рассмотревшей взгляды историков-«ревизионистов» Вильямса и Колко в рамках концепции «баланса сил», от которой те отреклись и которую решительно осуждали. См.: *Степанова О. Л. О новейшем обосновании доктрины «баланса сил».* — В кн.: *США: политическая мысль и история.* М., 1976, с. 240, 242, 248, 254.

⁸ *Horowitz D. Imperialism and Revolution.* L., 1969, p. 16, 23; *Kolko G. The Roots of American Foreign Policy. An Analysis of Power and Purpose.* Boston, 1969,

- p. XI, XV; *La Feber W. F. America, Russia and the Cold War, 1945—1966.* N. Y., 1967, p. 155—157, 165, 198, 207, 215, 222; *Williams W. A. The Tragedy of American Diplomacy.*
- ⁹ *Gerassi J. The United States and Revolution in Latin America.*— In: *Struggle Against History. U.S. Foreign Policy in an Age of Revolution/Ed. by N. D. Houghton.* Wash., 1968, p. 175—176.
- ¹⁰ *La Feber W. The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860—1898.* Ithaca, 1963.
- ¹¹ *McCormick T. China Market: America's Quest for Informal Empire, 1893—1901.* Chicago, 1967.
- ¹² *Parrini C. P. Heir to Empire: United States Economic Diplomacy, 1916—1923.* Pittsburgh, 1969; *Gardner L. C. Economic Aspects of New Deal Diplomacy.* Madison, 1964.
- ¹³ *Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии.* М., 1960, с. 27—29.
- ¹⁴ *Williams W. A. The Tragedy of American Diplomacy.* N. Y., 1972, ch. 1; *La Feber W. The New Empire,* p. 8, 64, 95—101, 412; *McCormick T. Op. cit.,* p. 100.
- ¹⁵ *Williams W. A. Americans in a Changing World. A History of the United States in the Twentieth Century.* N. Y.; L., 1978, p. 39.
- ¹⁶ *Gerassi J. The United States and Revolution in Latin America,* p. 163.
- ¹⁷ *Williams W. A. America in a Changing World,* p. 34—45; *La Feber W. The New Empire,* p. 8—10.
- ¹⁸ *Tucker R. W. The Radical Left and American Foreign Policy.* Baltimore; London, 1971, p. 8—9.
- ¹⁹ *Вильямс В. Э. Указ. соч.,* с. 38.
- ²⁰ *La Feber W. The New Empire,* p. 408.
- ²¹ *Вильямс В. Э. Указ. соч.,* с. 41—67.
- ²² *La Feber W. The New Empire,* p. 410, 411.
- ²³ *Williams W. A. Americans in a Changing World,* p. 34—35; *La Feber W. The New Empire,* p. 412—415; *Rollins J. W. The Anti-Imperialists and Twentieth Century American Foreign Policy.*— *Studies on the Left,* 1962, N 2, p. 3—24; *Lash C. The Anti-Imperialists, the Phillippines and the Inequality of Man.*— *Journal of Southern History,* 1958, Aug., p. 319—331; *Pomeroy W. J. American Neo-Colonialism.* N. Y., 1970.
- ²⁴ *Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии: (на рубеже XIX—XX вв.).* М., 1973, с. 26—28, 31—32.
- ²⁵ *Вильямс В. Э. Указ. соч.,* с. 42.
- ²⁶ *Gardner L. C. Economic Aspects of New Deal Diplomacy,* p. 60, 64, 78, 84, 112, 123, 293—294, 325.
- ²⁷ *Gardner L. C. Wilson and the Revolutions, 1913—1921.* Philadelphia, 1976.
- ²⁸ *Ibid.,* p. 18.
- ²⁹ *Mayer A. J. Wilson vs Lenin: Political Origins of the New Diplomacy, 1917—1918.* Cleveland, 1959; *Idem. Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918—1919.* N. Y., 1967; *Levin G. N. Woodrow Wilson and World Politics: American Response to War and Revolution.* N. Y., 1968.
- ³⁰ *Mayer A. J. Politics and Diplomacy of Peacemaking,* p. 9.
- ³¹ *Ibid.,* p. 2, 8, 18—19, 31, 254, 257, 260.
- ³² *Gerassi J. The Great Fear in Latin America.* N. Y., 1965.
- ³³ *Horowitz D. Op. cit.,* p. 26—28.
- ³⁴ Наиболее полно позиция критической историографии в этом вопросе изложена в статье Р. Ф. Смита. См.: *Smith R. F. American Foreign Relations 1920—1942.*— In: *Towards a New Past: Dissenting Essays in American History/Ed. by B. J. Bernstein.* N. Y., 1968, p. 232—262.
- ³⁵ *Horowitz D. Op. cit.,* p. 26—28; *Kolko G. Main Currents in Modern American History.* N. Y., 1976.
- ³⁶ *Fleming D. F. The Cold War and Its Origins, 1917—1960.* N. Y., 1961. Vol. 1, 2.
- ³⁷ *Kolko G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943—1945.* N. Y., 1968.
- ³⁸ *Ibid.,* p. 19—30, 241—254, 597—602.
- ³⁹ *Horowitz D. Op. cit.,* p. 190.
- ⁴⁰ *Clemens D. Sh. Yalta.* N. Y., 1970, p. 288—289.

- ⁴¹ *Benet R.* Containing Communism in Asia: Theory and Practice.— In: *Struggle Against History*, p. 244.
- ⁴² *La Feber W. F.* America, Russia and the Cold War, p. 13, 16—18, 30.
- ⁴³ *Clemens D. Sh.* Op. cit., p. 279, 290.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 269.
- ⁴⁵ *Kolko G.* Main Currents in Modern American History, p. 356; *Horowitz D.* Op. cit., p. 191, 197.
- ⁴⁶ *Вильямс В. Э.* Указ. соч., с. 150.
- ⁴⁷ *Alperovitz G.* Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use of Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. L., 1965.
- ⁴⁸ *Ibid.*, p. 227—229, 233—236, 240.
- ⁴⁹ *Fleming D. F.* Can Pax Americana Succeed? — In: *Struggle Against History*, p. 271.
- ⁵⁰ *Вильямс В. Э.* Указ. соч., с. 143.
- ⁵¹ В этот период были достигнуты такие важные результаты, как соглашение между СССР, США и Англией о запрещении испытания ядерного оружия в трех сфе-
рах, и ряд других важных договоренностей, нанесших чувствительный удар по «холодной войне». См.: *Громыко Анаст.* Внешняя политика США: уроки и действительность, 60—70-е годы. М., 1978, с. 106 и др. *Мельников Ю. М.* От Потсдама к Гуаму: Очерки американской дипломатии. М., 1974, с. 247, 287—297.
- ⁵² *Williams A. W.* Americans in a Changing World, p. XII.
- ⁵³ *Walton R. J.* Cold War and Counter-Revolution: the Foreign Policy of John F. Kennedy. N. Y., 1972.
- ⁵⁴ См., например: *Kolko G.* The Roots of American Foreign Policy, p. XI—XVII, 94, 192; *Horowitz D.* Op. cit., p. 192—193; *La Feber W. F.* America, Russia and the Cold War, p. 257—258; *Williams W. A.* Americans in a Changing World, p. 374—375, 415, 422, 431; *Gardner L. C.* Wilson and the Revolutions; *Gerassi J.* The United States and Revolution in Latin America, p. 175—176.

ИСТОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ УРБАНИСТИКЕ

Л. П. Репина

Трудно найти другую отрасль западной исторической науки, исследования в которой наращивались бы в последние десятилетия такими же быстрыми темпами, как исследования по городской истории. Одновременно эта область стала излюбленным местом приложения сил сторонников междисциплинарного подхода, столь популярного в западноевропейском и особенно в американском обществоведении. Действительно, город как объект исследования представляет собой сложный структурный и функциональный комплекс, который может быть всесторонне изучен лишь в фокусе пересечения целого ряда общественных наук: истории, социологии, экономической и исторической географии, этносоциологии и др. Каждая из этих наук имеет свои специфические методы и подходы к изучению города, в том числе и самые современные. Суть, однако, не в технических приемах, а в том, чтобы поставить их на единую

методологическую основу. Именно эта проблема стала камнем преткновения в современной буржуазной урбанистике, и именно о различных путях решения главной теоретической задачи исторической урбанистики¹ — определении места города в истории человеческого общества — будет идти речь ниже.

Все имеющиеся общие, социологические определения города, которых зачастую придерживаются и историки, сводятся (с некоторыми отклонениями и модификациями) к триаде классика американской социологии Л. Вирта, который учитывает численность, плотность и гетерогенность населения². Однако эта формула давно уже не удовлетворяет не только историков, но и многих социологов³. В исторических работах определение иногда заменяется эмпирически установленным набором признаков, которые могут быть взяты в разных сочетаниях. Те социологи, которым не чужд исторический подход, отмечают бесплодность таких определений и самой попытки дать общую дефиницию города без учета особенностей данного общества. В тех работах, которые будут здесь рассмотрены, справедливо отвергается сама возможность подобного определения как в историческом, так и в историко-социологическом исследовании.

Действительно, стремление дать межформационное определение города, исходя только из внутригородских характеристик, неизбежно наталкивается на неразрешимое противоречие: дефиниция, призванная отразить сущностные признаки явления, в данном случае в состоянии зафиксировать лишь его внешние, физические параметры.

И еще одно. Поскольку речь пойдет о выяснении теоретико-методологических основ различных концепций и направлений исторической урбанистики, которые создавались не в идейном вакууме, а в определенной теоретической и историографической ситуации, представляется необходимым предварить разбор конкретных работ по возможности кратким экскурсом в историю развития англо-американской буржуазной социологии и характеристикой современного состояния урбан-социологии, а также историографии города, ибо без этого невозможно будет понять и показать существо и место рассматриваемых концепций, а также их происхождение и представителность.

С 20 — 30-х годов и до середины 50-х годов XX в. наблюдается постепенный отрыв социологии от истории. В конце 50-х годов начинается новое сближение истории и социологии, но уже на иных принципах. В 60—70-е годы развивается так называемая эволюционная социология, представители которой пытаются выйти за рамки исследования статического состояния общественных систем и охватить их динамику методом сравнительной типологии, без учета генетического развития системы⁴. Именно в эти годы происходит беспрецедентный рост сравнительных исследований в области общественных наук в Западной Европе и США, их методика становится объектом пристального внимания как историков, так и социологов, возникает потребность в «исторически информированных социологических работах», возрождается интерес к исторической и сравнительной социологии⁵, а также к наследию М. Вебера, кото-

рый сочетал конкретно-исторический, сравнительно-типологический и идеально-типический методы рассмотрения общественных процессов (т. е. исторический и социологический подход), к чему стремятся многие современные буржуазные историки и социологи⁶. Недостатки сравнительно-типологического метода были подмечены некоторыми западными социологами: например, английский социолог П. Манн писал: «Социология, в сущности, в своей основе, есть исследование социальных изменений». При этом хотя и сравнительно-типологический и исторический подходы могут объяснить какую-либо данную социальную ситуацию, но следует отдать предпочтение историческому методу, поскольку главная задача (и потребность) современной социологии — учет фактора времени, динамики жизни общества. Собственно сравнительному методу П. Манн отводит ограниченную сферу применения — в работах антропологов, изучающих изолированные, примитивные общества⁷.

С начала 60-х годов развернулась широкая дискуссия об отношениях между историей и социологией, в которой выявилась специфическая расстановка сил в разных странах, обусловленная национальными особенностями развития этих двух наук. М. А. Барг, проанализировав теоретические работы, появившиеся в это время в Западной Европе и в США, отметил, что если во Франции активной, инициативной стороной в диалоге между историей и социологией были историки, то в США эта роль безраздельно принадлежала социологам, в то время как историки упорно сопротивлялись призывам к сближению двух наук⁸. Та же ситуация сложилась и в Великобритании. Однако дискуссия приняла затяжной характер, поиски выхода из теоретического кризиса современной буржуазной историографии продолжались в 70-е годы, одновременно развивался и начавшийся ранее процесс историзации наук об обществе на Западе⁹. В результате стало неоспоримой реальностью определенное, хотя зачастую и довольно поверхностное, взаимопроникновение истории и социологии, что привело значительное число английских и американских историков к отказу от традиционного эмпиризма и признанию необходимости социологизации истории. В последние годы тезис о взаимосвязи и взаимном притяжении исторической социологии и социальной истории стал общим местом в западной научной литературе¹⁰. Однако вопрос о характере их связи, о платформе, на которой в действительности происходит их сближение и на которую должна быть поставлена их кооперация, остается дискуссионным.

Возникшая в конце 60-х годов оживленная полемика продолжается и в настоящее время. Толчком для нее послужил выход в свет в 1968 г. сборника статей под редакцией Ричарда Хофстедтера и Сеймура Липсета «Социология и история: методы». В предисловии к сборнику Р. Хофстедтер объявил о возникновении «нового мира аналитической истории со сложной концептуальной задачей и расширенной компетенцией». Он отметил взаимообогащение истории и социологии за счет того, что историки заимствовали у социологов концептуальный аппарат и методы исследования и в свою очередь

предоставляют последним помощь в преодолении вневременного подхода¹¹. В том же сборнике С. Липсет подчеркнул, что главной ошибкой социологии (речь идет, естественно, о буржуазной социологии) было игнорирование исторического развития общественных систем, и призвал к созданию «социологии развития», т. е. к соединению анализа социальных структур с анализом общественных изменений. Развертывая тот же тезис о взаимообогащении, он сделал акцент на том, что историки могут проверить некоторые социологические обобщения об изменениях в общественных структурах¹².

Иные оценки и подходы к проблеме были продемонстрированы при обсуждении материалов сборника на страницах английского исторического журнала «Past and Present» в 1971 г. Дэвид Ротман (Колумбийский университет, США), рассматривая вопрос о соотношении истории и социологии, противопоставил формулировке С. Липсета призыв к повороту «от социологической истории к исторической социологии» и к повышению роли истории как науки. Задача историков, по убеждению Д. Ротмана, не только подтверждать социологические обобщения, но и самим их формулировать: история в рассматриваемом дуэте должна выступать как активная сторона. Поставив важный вопрос, выиграет ли историческая наука от своего нового обращения к теории, Д. Ротман, однако, отвечает на него скороговоркой: в конечном счете выиграет, так как любая теория, пусть несовершенная, лучше, чем никакая¹³.

С других позиций подходит к освещению тех же проблем английский социолог Филип Абрамс¹⁴. Констатируя проникновение принципов социологического мышления в историю, Ф. Абрамс делает упор на то, что социология и история не только не являются двумя отдельными науками, но вообще не могут быть разграничены¹⁵. Этот главный тезис Абрамса, который он неоднократно и последовательно развивает, безусловно проистекает из понимания им генерализаций, обобщений в качестве неотъемлемой части (одновременно и как результата и как предпосылки) исторического исследования в противовес имевшим место в буржуазной социологии многочисленным попыткам продемонстрировать научную уникальность социологии и свести функции истории исключительно к вспомогательным.

Ф. Абрамс неустанно подчеркивает: «Историки в совершенстве способны умело и эффективно использовать любую социологическую процедуру, которая может показаться подходящей для выбранной исторической задачи»; «Когда историки хотят подойти к более генерализованным объяснениям, чем анализ отдельных групп фактов, они могут сделать это без труда и не переставая быть историками»¹⁶. Водоразделы между историей и социологией, по мнению Абрамса, не могут быть обозначены ни в предмете исследования, ни в методологии, остаются только приемы, и именно технику исследования подразумевают Р. Хофстедтер и С. Липсет, когда они говорят о методах. Ф. Абрамс видит опасность подчинения теоретических проблем приемам исследования, жертвами которого он называет авторов и редакторов сборника. Говоря об ограниченности количественных методов и многофакторного анализа, разделяющего интегрированные

явления, Абрамс отмечает, что их самостоятельная объясняющая роль вне теоретических построений иллюзорна. Главное для исторической науки, как ее понимает Ф. Абрамс, не приемы, а точка зрения, концепция, в конечном счете теория, и «здесь уже не социология должна чему-то учить историков, а философия науки»¹⁷.

Итак, участниками обсуждения были подмечены основные негативные черты современного процесса сближения буржуазной истории и социологии: его односторонняя направленность и некритический характер. Поворот современной западной историографии к теории ограничился обращением к позитивистской социологии, которая сама находится в состоянии кризиса. Этот путь подвергли острой критике вступившие в дискуссию представители английской лево-радикальной и марксистской историографии. В статье английского историка-социалиста Гарета Стедмана Джоунса, озаглавленной «От исторической социологии к теоретической истории», был поставлен вопрос о теоретическом фундаменте этого процесса и отмечено, что развитие английской буржуазной социологии и истории происходило на одной и той же идейной основе, и на основании этого сделан вывод о том, что само по себе их сближение не в состоянии помочь выходу истории из теоретического кризиса. «Позитивистская социология, — пишет автор статьи, — называющая себя пост-марксистской, на самом деле предлагает теорию, которая делает шаг назад по сравнению с марксистской теорией, поставившей историю на научную основу». Поэтому в качестве альтернативы Стедман Джоунс предлагает сотрудничество историков и социологов без претензий последних на готовую научную теорию¹⁸.

Поверхностный характер обращения современной историографии к другим общественным наукам в поисках новых концепций критикует английский историк-марксист Эрик Хобсбоум. В статье «От социальной истории к истории общества» он высказывает серьезные сомнения по поводу как «превращения социальной истории в проекцию социологии, так и экономической истории — в ретроспективную экономическую теорию, поскольку эти дисциплины не обеспечивают нас в настоящее время работающими моделями или аналитическими построениями для исследования долговременных социально-экономических преобразований... Они не имеют дела с подобными изменениями, за исключением такого направления, как марксизм. Более того, можно доказать, что в основных аспектах их аналитические модели строились в полном отрыве от исторических наблюдений, особенно в социологии и социальной антропологии, теоретические конструкции которых строятся без учета исторических изменений»¹⁹.

Главный итог дискуссии, которая, видимо, еще будет продолжаться, уже теперь достаточно ясен: влияние социологии на историю в настоящее время сводится лишь к заимствованию терминологии, приемов и методик, т. е. к обогащению исследовательской техники, в то время как обе отрасли буржуазного обществоведения — и социология и историография — нуждаются в коренном пересмотре своих теоретических и методологических основ.

Характерные для современного этапа тенденции в отношениях между социологией и историей в полной мере, и даже, можно сказать, в наиболее яркой, выпуклой форме, проявляются в трудах историков и социологов, объектом исследования которых является город, городское развитие и процесс урбанизации, а в более широком плане — и в работах экономистов, географов и представителей других дисциплин. Видимо не случайно некоторые участники общетеоретической дискуссии внесли весомый вклад в развитие исторической урбанистики (Ф. Абрамс, П. Манн, Г. Стедман Джоунс).

Социология города, оказывающая ныне большое влияние на городские исследования в целом, сформировалась как самостоятельная дисциплина в середине 20-х годов в США, и до сих пор американские урбан-социологи определяют направленность развития этой отрасли социологии во всем капиталистическом мире. История развития и современные направления американской буржуазной социологии города подверглись обстоятельному критическому анализу в работе советского урбаниста О. Н. Яницкого, которая содержит также много важных конструктивных положений марксистской теории урбанизации²⁰. С учетом этого представляется нецелесообразным останавливаться здесь подробно на характеристике основных школ и направлений в урбан-социологии, поэтому ограничимся лишь необходимыми замечаниями. О. Н. Яницкий разделил современные теории урбан-социологии на экологические, типологические и эволюционистские. Экологические теории, в которых город рассматривался как автономное целое и независимая переменная, применяются в настоящее время в основном в этнографических и географических исследованиях, причем и в этой сфере их влияние ограничено. Типологические схемы, в которых город фигурирует уже как зависимая переменная, но без указания на основание этой зависимости, прикладываются без учета категории времени к конкретному материалу разных стран и эпох. Эти два направления имеют длительную историю и своих родоначальников в лице классиков буржуазной социологии Р. Парка, М. Вебера и Э. Дюркгейма. В 60-е годы XX в. в процессе критики первых двух направлений известными американскими и английскими социологами сформировалось третье, эволюционистское направление, в русле которого рассматривается не город как таковой, а процесс урбанизации как одна из сторон исторического процесса, понятого в рамках общесоциологических эволюционных теорий. С точки зрения буржуазной урбан-социологии несомненным достижением теорий этого направления явился определенный, хотя и узкоограниченный, сдвиг в сторону исторического подхода. Именно это направление оказало наиболее сильное влияние на формирование современной исторической урбанистики в целом, в том числе на возникновение новых течений в англо-американской урбан-истории.

Если от собственно урбан-социологии обратиться к исторической урбанистике в том понимании, которое было оговорено выше, то можно обнаружить в этой междисциплинарной области исследований несколько подходов, которые могут быть условно определены как:

1) сравнительно-типологический (предмет исследования — город вообще и его варианты); 2) эволюционистский, или универсалистский (предмет исследования — урбанизация); 3) локальный (предмет исследования — город в его жестко фиксированных связях с местной периферией, т. е. биография города, городские институты, в сочетании с местной историей) и, наконец, 4) социально-контекстуальный (город берется в его социальном окружении и рассматривается как функция более крупной содержащей его общественной системы). Если первые два подхода имеют явно социологическое происхождение — причем первый вообще применяется почти исключительно в социологических исследованиях — то третий является традиционным в англо-американской историографии с XIX в. Последнее же направление было теоретически обосновано совсем недавно и определено его теоретиком Ф. Абрамсом как «новая история и социология города».

Остановимся подробнее на нескольких наиболее значительных работах в области урбанистики, представляющих разные подходы к исследованию городов.

В работе американского антрополога Р. Фокса сравнительно-типологический подход проявляется в чистом виде и в отточенных формулировках. Обвинив историков в том, что они рассматривают город как автономную социальную систему, Р. Фокс защищает «урбан-антропологию», которая хотя и применяется главным образом при анализе гомогенных обществ, но может быть распространена и на исследования специфических аспектов сложных структур²¹. Город для Р. Фокса — это функция от социокультурного окружения, которое в его понимании сводится к государственной власти. Государство создает среду, к которой приспособляются городские поселения, поэтому различным типам государств соответствуют различные типы городов. Тип государства оказывает глубокое воздействие на внешние связи и культурные функции, которые все города выполняют в той или иной степени. Эти функции Р. Фокс подразделяет на идеологическую, административную, торговую и промышленную. Различия в типах городов определяются доминированием одной из этих функций или ее историческим приоритетом. Соответственно он классифицирует городские центры на: 1) регально-ритуальные, 2) административные и колониальные, 3) торговые города и города-государства и 4) промышленные. Тип города обуславливается различными сочетаниями типов государственной власти (сегментарной или бюрократической) и типов городского хозяйства (зависимое или независимое). Зависимое городское хозяйство в бюрократическом государстве порождает второй тип города, независимое — четвертый; при сегментарной государственной власти зависимая городская экономика определяет первый тип города, а независимая — третий²². Если не абсолютизировать эмпирически найденные и предложенные Р. Фоксом признаки, то они могут принести некоторую пользу историкам в разработке типологии города в рабовладельческих обществах, при всей очевидной статичности построенной им схемы; впро-

чем, ее условность (как и всякой другой схемы) и ограниченность признаются самим автором.

Ведущее место и по широте построений и по интенсивности социологических исследований занимает в современной исторической урбанистике эволюционистское направление, наиболее авторитетно представленное в многочисленных работах известного американского урбан-социолога Гидеона Сьоберга²³. Абстрагируясь от социокультурной специфики, Г. Сьоберг выделяет в истории три типа обществ 1) народный (folk), или общество дописьменной эпохи (preliterate society), т. е. в нашем понимании первобытное общество; 2) «феодальный», или цивилизованное доиндустриальное общество, начало которого он относит к середине IV тысячелетия до н. э., а разложение которого происходит еще, по его мнению, в некоторых регионах и в настоящее время; и 3) индустриально-урбанистический. Городские агломерации присутствуют только в феодальном и индустриальном обществе. Главная независимая переменная, аргумент функции — это технология, город и общество рассматриваются как функциональные переменные от развития технологии.

При этом Г. Сьоберг старательно отмежевывается от технологического детерминизма, подчеркивая, что в его модели учитывается воздействие на общественную структуру и других переменных, в частности самого города, культурных установок, социальных и политических сил, которые могут влиять и на саму технологию. Опасаясь обвинения в материализме, Г. Сьоберг предваряет его: «Технология — это не некая материалистическая безличная сила вне социокультурного контекста или вне человеческого контроля». В понятие технологии он включает источники энергии, орудия труда и производственный опыт, т. е. способ использования первых двух элементов, — иными словами, производительные силы. Переход от доиндустриального общества к индустриальному связывается с переходом от одушевленных источников энергии к неодушевленным, от примитивных орудий к развитому комплексу орудий и машин, от простых навыков к специализированному производственному опыту, включившему в себя науку и научные методы.

Г. Сьоберг применяет господствующий в буржуазной социологии структурно-функциональный метод с существенными модификациями, которые заключаются в признании субординации функций, наличия антагонистических структур (в индустриальных городах и обществах) и даже их значения для поддержания системы (в противовес теории «внутренней интеграции»). Используя понятийный аппарат марксизма, Сьоберг, однако, выступает с враждебных марксизму позиций и критикует марксистскую теорию города и понимание города в советской литературе, которая, по его мнению, неправильно выделяет стадии городского развития в соответствии со стадиями развития экономической организации общества: рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической. Чтобы составить представление об уровне аргументированности этой критики, достаточно того, что познания Г. Сьоберга в области советской исторической литературы о городе не простираются дальше

статьи из БСЭ и работы Ш. Месхи «Города и городской строй феодальной Грузии, XVII—XVIII вв.» (Тбилиси, 1959).

Один из главных тезисов Г. Сьoberга: доиндустриальные города в разных странах и в разные эпохи имеют аналогичные структурные характеристики, которые отличают их существенным образом от индустриальных городов, также объединенных общими чертами. Автор приводит длинный перечень этих характеристик во всех областях: экономической, социальной, политической, идеологической, культурной. Доиндустриальные города, по утверждению Г. Сьoberга, всегда функционируют в основном как административные и культурные и лишь в последнюю очередь — как торговые центры. Наиболее характерная черта их общественной структуры — пропасть между элитой и низшими классами, причем элита господствует не только в городе, но и во всем доиндустриальном обществе и не участвует, за редким исключением, в экономической деятельности. Для городской экономики этого периода характерны: ограниченное разделение труда, специализация по конечному продукту, низкий уровень стандартизации производственного процесса, ограниченные возможности накопления капитала.

Далее Сьoberг отмечает иерархичность политической системы; жесткость религиозных установок, которые предписывали нормативы повседневной жизни горожанина; религиозно-философский характер традиционного образования, укрепляющего привилегированное положение элиты; и наконец, отсутствие экспериментальной науки, отрыв теоретических аспектов знания от практических.

Что касается индустриального города, то в качестве его основных характеристик упоминаются: повышенная социальная и профессиональная мобильность; углубленная стратификация; специализация производственных процессов; подъем демократии; культурная однородность; секуляризация; рост национализма и сциентизма; система образования, построенная на научном методе; индустрия развлечений и т. д. Достаточно беглого взгляда на эти перечни, чтобы понять, что указанные характеристики внутри каждого ряда совершенно несравнимы по своему значению и, что еще важнее, не могут в своей совокупности рассматриваться как присущие любому доиндустриальному или индустриальному обществу. Попытки приложить модель Сьoberга к какому-то конкретному историческому материалу наталкиваются на непреодолимую преграду — частокор разнородных и разномерных характеристик, которые не могут составить ни одного комплекса: в каждом случае либо не хватает нужных, зато остаются лишние, либо наоборот. А это значит, что признаки, которые Сьoberг признает универсальными для всех доиндустриальных или для всех индустриальных городов, на самом деле таковыми не являются.

Так или иначе при обращении к модели Г. Сьoberга неизбежно встает вопрос, почему он все-таки выделяет только два типа городов, т. е. абсолютный минимум, без которого типология уже просто невозможна. В некоторых случаях это вытекает из задач, которые он ставит в своих работах: в ряде их автора не интересует собствен-

но доиндустриальный город, он служит, по его выражению, лишь театральным задником, контрастный фон которого выделяет городские центры, находящиеся в процессе индустриализации, т. е. города переходного периода, и индустриальные города, которые являются конечным продуктом этого процесса и главным объектом изучения социологов (отметим, что здесь вводится еще один, переходный тип). Но это, конечно, лишь формальное объяснение. Истинная причина лежит в области методологии, в эволюционистском представлении об универсальных тенденциях. В развитии «технологии» (т. е. фактически производительных сил) без учета системы отношений в процессе общественного производства действительно непросто вычленишь какие-то крупные этапы с эпохи неолита до промышленного переворота. Выделяя типы, варианты явления, Сьоберг игнорирует внутреннее развитие варианта, что совершенно недопустимо, если учесть его предельно широкое определение каждого типа. И наконец, последнее по порядку, но не по важности: противопоставление доиндустриального и индустриального городов и обществ прекрасно укладывается в прокрустово ложе теории конвергенции, ревностным защитником которой Сьоберг является. Именно в эту сторону направлен пафос тех разделов его работ, в которых приводятся характеристики индустриальных городов. Он отвергает противопоставление «капиталистический — социалистический», делая упор на структурные аналогии между СССР и США, и сводит все различия в развитии городов в этих странах к альтернативным политическим решениям.

Изменения внутри выделенных вариантов интерпретируются Г. Сьобергом в категориях подъема и упадка, причем для объяснения причин этих явлений он вводит новые моменты в свою модель: выдвигается гипотеза о структуре политической власти как основной переменной, детерминанты внутренних сдвигов.

Надо сказать, что теория Сьоберга подверглась серьезной критике с самых разных сторон, в этой критике совершенствовались уже существовавшие концепции и формировались новые. Американский социолог, представитель школы «ценностных установок» Дж. Фридман критиковал его с позиций экологического направления. Он не видит существенных различий между индустриальным и доиндустриальным городом, признавая их только между городским и сельским образом жизни²⁴. Нацупав слабое место теории Г. Сьоберга, английский социолог Р. Пол писал: «Не может быть единого идеального типа доиндустриального города, существующего тысячелетия». По его мнению, не может быть также и единого варианта индустриального города, а тот факт, что развитые индустриальные общества в некоторых важных аспектах конвергируют, еще должен быть доказан дальнейшими исследованиями²⁵.

Английский социолог Оливер Кокс полемизирует с Г. Сьобергом по трем главным теоретическим положениям, связанным с доиндустриальным городом: во-первых, в отношении выбора технологии как ключевой детерминанты социальных систем; во-вторых, по представлению о всех доиндустриальных городах как зависимых подси-

стемах «феодалных обществ» и, в-третьих, по вопросу об эвристической ценности типологии «индустриальный — доиндустриальный». В первом случае О. Кокс вслед за Г. Сьобергом впадает в вульгаризацию марксизма, но если Сьоберг понимает марксизм как «эволюционный экономизм», то для Кокса это прежде всего «технологическая интерпретация истории», а такое толкование позволяет ему упрекнуть Сьоберга в приверженности марксизму.

Вместе с тем, выступая против «технологизма», О. Кокс не подвергает сомнению значение науки и техники как движущей силы социальных изменений, но считает, что отношение «технология — общественная система» гораздо сложнее, чем это представляется Сьобергу. Кокс подчеркивает, что роль и эффективность науки и техники все более определяются общественным строем, и суть не в развитии науки и техники как таковых, а в том, какая общественная система — капитализм или социализм — может наиболее успешно ему способствовать. Таким образом, О. Кокс наносит чувствительный удар по ядру концепции Г. Сьоберга, т. е. эволюционистским схемам и теории конвергенции. Однако центр тяжести критической статьи Кокса находится в другой плоскости — в рассмотрении доиндустриального города. Он считает, что нельзя рассматривать все доиндустриальные города как подсистемы крупных социальных систем. Это верно, пишет он, лишь для некоторых обществ (племенные центры в примитивных обществах, города Индии, Китая и исламского Востока), античные же и средневековые города Западной Европы развивались, по его мнению, как автономные системы.

Сверхобобщенная, универсалистская концепция доиндустриального города, созданная Г. Сьобергом, вызвала правомерные возражения, но в данном вопросе критика О. Кокса неконструктивна, более того, она ведет социологическую теорию города назад, разрушая главное рациональное зерно гипотезы, то, в чем Сьоберг сделал шаг вперед по сравнению со своими коллегами, — включение города в более широкую развивающуюся общественную структуру. Историю городских центров Западной Европы, да и собственно формирование современных наций, Кокс выводит из «автономного средневекового города» А. Пиренна, возвращая нас к концепции «города в себе», представляющей вчерашний день в изучении проблемы городского развития²⁶. Аргументы Пиренна против модели Сьоберга не открывают новые пути решения этой проблемы.

Растяжимость типологии Г. Сьоберга, охватывающей в каждом типе совершенно различные социальные структуры, сводит на нет ее значение как рабочей гипотезы. Неудивительно, что многие историки в еще большей степени, чем социологи, были шокированы идеей единого городского типа, занимающего более пятидесяти пяти веков человеческой истории. Модель Сьоберга оказалась неприемлемой для исторически мыслящих ученых, поскольку его «доиндустриальный город» универсален для всех предшествовавших эпох. Эта модель не может быть применена в историческом исследовании — так недвусмысленно подытожил английский историк Джон Паттен критику в адрес Г. Сьоберга по этому вопросу²⁷.

Концепция «индустриального города» получила дальнейшее развитие в книге известного американского социолога Леонарда Рейсмана «Процесс урбанизации. Города в индустриальных обществах»²⁸. В ней автор, последовательно раскрыв гносеологические просчеты существовавших в американской социологии города различных теорий (экологической, сельско-городского континуума или дихотомии, теории «урбанизма как образа жизни»), делает вывод о том, что главная причина их несостоятельности — ложное допущение возможности рассмотреть в одной концепции всю городскую историю. Л. Рейсман считает ошибкой понимание города как непрерывного исторического явления. Ратуя, как и Г. Сьоберг, за «новую урбантеорию», т. е. за теорию урбанизации как одной из сторон общественного процесса, и не замечая вслед за ним внутренних противоречий в содержании категории «индустриальный город», Л. Рейсман тем не менее совершает значительный шаг вперед в том, что касается характеристики городского развития на предшествовавших этапах истории. Он подчеркивает, что античный, средневековый и индустриальный города фактически представляют собой совершенно различные общественные явления. И сразу же вводит еще одно понятие переходного типа — «прединдустриальный город» — для городов XVI—XVII вв. «Город в каждый из крупных периодов человеческой истории был в высшей степени специфическим явлением, детально приспособленным к каждой исторической эпохе. И хотя они могут напоминать друг друга в некоторых отношениях (например, размерах), но социальные основы их городской организации будут различными. Нас не должна вводить в заблуждение наша собственная семантика: ведь слово город так же трансформировалось в истории, как и явление, которое оно обозначает»²⁹. Переход от средневекового города к индустриальному Л. Рейсман определяет как следствие глубокой трансформации средневекового общества, происшедшей в ходе индустриализации и сопровождавшей ее урбанизации, которую автор понимает широко, как сложный процесс, включающий экономический, социальный, политический и идеологический аспекты. «Индустриальный город,— пишет Л. Рейсман,— это радикальный разрыв с предшествовавшей городской историей по всем критериям»³⁰.

Книга Л. Рейсмана полемически заострена против теорий исторического континуитета, против количественного, эволюционного подхода к урбанизации как к универсальному процессу всех эпох, имеющего распространение в современной западной историографии³¹. Но в этой критике автор останавливается на полпути: его радикализация эволюционистских теорий не выходит за рамки доиндустриальной эры, не переступает порога промышленной революции XVIII в. Далее следует лишенная качественных скачков поступательная эволюция индустриального общества, характеризующаяся четырьмя переменными. Это: 1) рост городов, за показатель которого берется процент населения страны, проживающего в городах с населением более 100 тыс. человек; 2) степень индустриализа-

ции, устанавливаемая по проценту промышленного производства от валового национального продукта; 3) рост «средних классов», определяемый доходом на душу населения, и 4) рост «национализма», в качестве индекса которого принимается процент грамотного населения, начиная с 15 лет. На основании данных мировой статистики за 1950 г. Л. Рейсман строит по указанным четырем параметрам типологическую модель, охватывающую 45 государств всех континентов с различным общественным строем. Он предлагает сложную типологию обществ, в которой вычленяется четырнадцать стадий развития (четыре основные и 10 неосновных), которую он рассматривает как предварительную рабочую схему для построения систематической теории индустриального города и городского развития в рамках типологии обществ. Таким образом, в понимании индустриального города, который и является непосредственным объектом его исследования, Л. Рейсман остается в русле эволюционистских теорий урбанизации.

Теориям и методам урбан-социологии принадлежит заметная роль в современной англо-американской исторической урбанистике, они во многом определяют ее научный уровень и оказывают растущее воздействие на формирование ее новых тенденций, а также заставляют видоизменяться старые, традиционные для историографии этих стран.

Исследования локально-биографического жанра сегодня уже не отражают лица исторической науки о городе. Модернизированный локальный подход с его разноплановыми аспектами, фиксирующий город в его связях с экономической, административной, политической историей местного масштаба, несмотря на численное³² превосходство исследований подобного рода, также не в состоянии обеспечить будущее ее развитие, прежде всего потому, что, будучи частными по проблематике и разноплановыми по методу, локальные исследования не дают основы не только для широкого обобщения, но зачастую и для элементарного сопоставления добытого с их помощью исторического материала.

Бурный количественный рост исследований по истории города за последние 20 лет привел, однако, и к некоторым качественным сдвигам: смещению интереса от политической и административной истории к социальным и экономическим проблемам, а также к формированию под влиянием урбан-социологии новой, относительно обособившейся дисциплины — урбан-истории со своим научным центром, печатным органом и ежегодными международными конференциями³³.

Одним из пионеров урбан-истории был известный английский историк Эйза Бриггс, который в лекции, опубликованной в 1960 г., а затем в своей монографии о викторианских городах призвал историков к заимствованию концепций урбан-социологии и к включению в свой арсенал междисциплинарного подхода³⁴. Не исчерпывая всех методов урбан-истории, которая выделяется из общей историографии в основном по предметному признаку и включает в себя все исследования, ведущиеся по проблемам городской истории, междисциплинарный подход составляет ее центральное ядро.

Одной из первых работ, посвященных теоретическим вопросам урбан-истории, был изданный в США сборник статей «Историк и город». В предисловии к нему отмечена необходимость исторического подхода, отвергающего идею статичного и автономного города. Акцентируя внимание на городах нового времени, Оскар Хэндлин подчеркнул их зависимость от общественного развития в целом³⁵. В том же сборнике Сильвия Трапп исходит из предположения, что в городе, в том числе в средневековом, сосредоточиваются социальные характеристики цивилизации³⁶. Эрик Лампард указал в своей статье, что следует расширить горизонты исторических урбан-исследований и сделать упор на выявление связи истории отдельных городов с изменениями, преобразующими общество³⁷. Таким образом, были поставлены чрезвычайно важные для определения будущего направления исторических исследований вопросы, причем большинство авторов явно склонялось в сторону социально-контекстуального подхода.

При всей внутренней гетерогенности современной урбан-истории ее главные успехи все больше связываются со сравнительным изучением городов и городского общества, с переходом от рассмотрения города как местного, изолированного явления к анализу его как части определенной общественной системы, с расширением спектра исследуемых городских проблем, с применением новейших методов социальных наук. Именно указанные черты обеспечили этому детищу англо-американской исторической науки быстро растущую популярность и в других западных странах, прежде всего во Франции и в Италии³⁸.

Однако те положительные моменты, которые привлекают исследователей, составляют специфику не урбан-истории как самостоятельной исторической дисциплины, а лишь одного, наиболее передового ее течения. Состояние же самой урбан-истории вызывает неудовлетворенность не только ее критиков, но и многих специалистов в этой области, в том числе ее ведущих представителей. Уже в докладах и в дискуссиях на первой международной конференции по урбан-истории, организованной Лестерским университетом в 1966 г., выяснилось наличие внутри нее целого ряда направлений, различающихся по теоретическим установкам, методам и даже по предмету исследования. Этот факт были вынуждены признать в своих выступлениях руководители научных центров по урбан-истории профессор Лестерского университета Г. Дайос и профессор университета Глазго О. Чекланд. Большинство участников дискуссии согласилось, что рамки урбан-истории должны быть предельно широкими³⁹. Позднее Г. Дайос пришел к выводу, что урбан-история — это область знания, но не единая дисциплина в обычном смысле, т. е. в отношении предмета. В редакционной статье первого выпуска «Ежегодника городской истории», поставив перед новым изданием задачу способствовать развитию научного подхода к изучению городской истории, а также выработке более четкого определения ее объектов и более точных технических приемов, Г. Дайос вновь прокламовал плюрализм концепций и методов⁴⁰.

Между тем критики урбан-истории решительно, и не без основания, не желают считаться со всеми этими допущениями и обвиняют ее в отсутствии единой методологии, всеобщей теории городского развития, четко обозначенного единого предмета и содержания, общей модели, которая позволила бы связать отдельные локальные исследования, в недостаточном уровне обобщений, в безоговорочном принятии традиционных подходов и нетворческом заимствовании понятий и гипотез социологии, географии, экономики⁴¹. Причем перечисленные недостатки свойственны и английской и американской урбан-истории, хотя последняя в целом менее разнородна и более социологизирована, чем первая. Английская социология в большей степени, чем американская, подверглась историзации: пристальное внимание некоторых английских социологов к современным тенденциям в историографии и высокая оценка, данная ими историческому методу⁴², создали благоприятные предпосылки для сотрудничества и способствовали становлению и теоретическому обоснованию наиболее перспективного, социально-контекстуального подхода, или так называемой «новой истории и социологии города».

Первые работы, в которых можно обнаружить воплощение социально-контекстуального подхода, появились в английской историографии еще в 50-е годы под определенным воздействием марксистской методологии истории⁴³. Этот подход обозначился уже в статье А. Б. Хибберта «Происхождение средневекового городского патрициата», опубликованной в 1953 г.⁴⁴, и в дальнейшем нашел свое место в целом ряде работ представителей довольно разнообразного спектра школ и направлений прогрессивной англо-американской историографии, группирующихся вокруг английского исторического журнала «Past and Present». Однако теоретическое осмысление и обобщение этого подхода было осуществлено относительно недавно уже в результате социологизации западной исторической науки и в целях соединения исторического и социологического методов.

В 1978 г. вышел в свет сборник публикаций исторического общества «Past and Present», в который вошли некоторые статьи, опубликованные ранее в одноименном журнале, а также доклады, представленные на ежегодную конференцию этого общества в 1975 г. Название сборника говорит само за себя: «Города в обществах. Очерки экономической истории и исторической социологии»⁴⁵. Всего в сборнике помещено 12 статей. Кроме двух теоретических (о них речь пойдет ниже), известная статья А. Хибберта, в которой происхождение городов и средневекового патрициата связывалось с внутренней трансформацией феодализма и «старых классов»; работы Э. Ригли, Ч. Фитьян-Адамса и М. Донтона, в которых история Лондона и провинциальных городов Англии рассматривается в контексте изменяющейся экономической и социальной структуры английского общества в XIV—XVIII вв. В статье Д. Херлиги картина имущественной и социальной стратификации населения средневековой Флоренции вставлена в рамки экономики и общественных связей Тосканы, в очерке Дианы Хьюз особенности городского развития и структура семьи в средневековой Генуе объясняются системой со-

циальных отношений в регионе. Социально-контекстуальный подход применяется также в статьях: К. Хопкинса — о городах ранней Римской империи, М. Элвина — о китайских городах X—XIII вв., в статьях К. Фридрихса и Дж. Ли — о классообразовании в немецком городе при переходе к капитализму и о процессе урбанизации в Германии в XIX — начале XX в. Итак, решающая роль в исследовании города отводится решению вопроса, какой общественной системе он принадлежит.

Сборник «Города в обществах» издан под редакцией профессора социологии Даремского университета, постоянного члена редколлегии журнала «Паст энд Презент» с 1958 г., уже неоднократно здесь упоминавшегося Ф. Абрамса и известного специалиста по экономической истории профессора Э. Ригли. Перу Ф. Абрамса принадлежит введение и большая теоретическая статья «Город и экономическое развитие: некоторые теории и проблемы», в которой параллельно с критическим анализом предшествующих концепций обосновывается «новая социология и история города» (термин принадлежит Ф. Абрамсу), в той или иной мере апробированная другими авторами сборника в конкретно-исторических исследованиях⁴⁶. Главное, что их объединяет, — это понимание города как частного выражения более крупных социальных систем (государств, обществ, способов производства) в противовес дуалистическим концепциям, отделяющим город от его окружения и противопоставляющим их друг другу как качественно различные системы. Ставится задача рассмотреть отделение города от деревни как результат общественного разделения труда, при этом подчеркивается относительное единство города и деревни.

В интерпретации Ф. Абрамса, отправной точкой широко распространенной в социологии и историографии концепции города как общественной структуры особого рода была идея А. Смита, развитая К. Марксом, об отделении города от деревни, об антагонизме между ними. К приверженцам этой концепции он относит марксистов, а также таких историков и социологов, как Зомбарт, Вебер, Дош, Мэтланд, Пиренн, Постан, Бродель, Сьоберг, Хозелиц и др. В качестве примера влияния этой идеи Абрамс приводит, в частности, известную книгу Мориса Добба, в которой развитие городов связывается с распадом феодальных общественных отношений⁴⁷. Однако он вынужден сразу признать, что переход от феодализма к капитализму М. Добб объясняет не подъемом городов, а борьбой различных социальных групп внутри феодального строя за господство над мелким производством и присвоение доходов от торговли.

Таким образом, главный акцент М. Добб делает именно на противоречии, которое было вообще присуще феодализму, а в городе проявлялось наиболее отчетливо, в концентрированном виде. Нельзя не заметить, сколь близок этот тезис основной теоретической предпосылке «новой социологии и истории города». Следует также подчеркнуть, что М. Добб отрицал наличие в его работе идеи обособленности, чужеродности города по отношению к феодализму, которую ему приписывали в последовавшей за публикацией книги дис-

куссии; он подчеркнул, что рост городов, по крайней мере в определенных границах, был внутренним для феодальной системы процессом⁴⁸.

Анализируя концепцию Добба, Абрамс признает, что связь марксистской историографии с теориями социальной автономии города «была совсем мимолетной» и что в конечном счете сама стратегия анализа и общетеоретические положения марксизма таковы, что исключают социологическое понимание города как обособленной общественной структуры, хотя в ряде работ К. Маркса город рассматривается как объект *sui generis*. Показательно, пишет Ф. Абрамс, что сам К. Маркс вслед за лаконичным указанием на антагонизм между городом и деревней сразу возвращается к анализу общественных систем⁴⁹. Эта мысль, вскользь высказанная Ф. Абрамсом, представляется чрезвычайно важной для выяснения Марксовой концепции города, однако она не получила дальнейшего последовательного развития в статье. И пожалуй, не случайно: ведь это неизбежно должно было привести, во-первых, к раскрытию мнимого новаторства «новой истории и социологии города» в ее главном теоретическом постулате, составляющем единственную общую платформу этого направления. А во-вторых, к потере последним из-за признания «незаконной связи» с марксизмом ореола респектабельности, необходимого для привлечения широкого круга специалистов и поддержания своей репутации в глазах научного истеблишмента.

Далее Абрамс все внимание направляет на анализ теорий, непосредственно подготовивших почву для «новой истории и социологии города». Он отмечает, что многие социологи и историки, понимавшие город как особую, автономную социальную структуру, терпели неудачу, пытаясь эмпирически подтвердить свои посыпки. Он подробно останавливается на работе известного французского историка Ф. Броделя, поскольку она, по его мнению, ближе всего подводит к осознанию необходимости отказа от этой концепции. Заслугу Броделя Абрамс видит также в том, что его типология («открытые», «подчиненные» и «закрытые» города) основана не на вариациях в самом городском факторе, а на принципе разности отношений между городскими и внегородскими социальными группами⁵⁰.

Действительно, несмотря на утверждения о том, что «идеалом было бы определить город сам по себе, вне экономики или цивилизации», что «все города имеют определенные общие характеристики, которые в основном остаются устойчивыми от эпохи к эпохе», что «там, где он есть, город есть город», несмотря на это, Бродель рассматривает город как «то, чем общество, экономика и политика позволяют ему быть», а интерес к городам видится ему не в каком-либо их специфическом вкладе в экономическое развитие или стагнацию, а в проявлении ими отличительных особенностей и тенденций каждой национальной версии соответствующего строя⁵¹.

Все существующие классификации городов Ф. Абрамс считает ширмой, прикрывающей недостатки теории. Он указывает на то, что единственной характеристикой, которая признается в различных теориях города как специфически городская, является его гетероген-

ность⁵². Поэтому неудивительно, что историки и социологи, которые, поставив город в более широкий исторический контекст, все же не хотят отказаться от понимания его как особой общественной структуры, неизбежно должны прибегать к типологии: например, «производящие» и «паразитические» города Хозелица⁵³, «патрицианские» и «плебейские» и другие пары идеальных типов Вебера, «города типа Льежа» и «города фламандского типа» Пирепна, «доиндустриальные» и «индустриальные» города Сьоберга, классификация Броделя и т. д.⁵⁴

Здесь следует сделать два замечания. Во-первых, в данном случае, как и при обсуждении концепции Добба, Абрамс, игнорируя в своем критическом анализе стоящие перед исследователем научно-познавательные задачи, не различает понимание города как структуры, автономной от совокупной общественной системы, и как структуры специфической, отличной от других частей системы. Обоснованно считая невозможным рассмотрение части вне целого, он абсолютизирует этот принцип до полного растворения города как объекта в системе, его аннигиляции как ее особого элемента⁵⁵. Очевидно, что сама по себе типология, будучи естественной и необходимой ступенью познания процесса, явления, любого объекта научного анализа, не означает признания реального отрыва части от целого, например независимости города от содержащей его социальной системы, ведь противоположный подход также не исключает этого научного метода, и Абрамс вынужден сам впоследствии обратиться к классификации.

Второе немаловажное обстоятельство — это то, что различные методологические подходы к изучению города и в высшей степени разнородные принципы построения рассматриваемых Ф. Абрамсом типологий не позволяют оценить их так однозначно, как это было им сделано. Кроме того, одни из них охватывают всю историю, другие — относятся к определенным ее периодам, одни различают типы городов во времени, пространстве и в совокупности функций, другие — только в статике и лишь по одному признаку. Среди этих классификаций типология Броделя, безусловно, выделяется своим историзмом. По крайней мере для Западной Европы он связывает три выделенных типа городов, хотя и условно, последовательными эпохами истории: «открытый город» — античность, «закрытый город» — средневековье, «подчиненный город» — XVI—XVII вв.⁵⁶ И конечно, как правильно подметил Абрамс, суть этого историзма лежит в рассмотрении города в его социальном контексте.

Абрамс считает неправильным представлять город как единое социальное явление независимо от исторических эпох, а урбанизацию как универсальную социальную тенденцию, как это делают представители эволюционистского направления в социологии и истории города. Тем не менее важное место в его теоретической статье занимает анализ концепции Сьоберга, которая в какой-то степени послужила отправной точкой для «новой истории и социологии города». Ведь Сьоберг неоднократно, во всех своих работах, указывает, что его «изначальная посылка состоит в том, что город не может быть

понят вне его связей с более широкой общественной системой, частью которой он является»⁵⁷. Именно поэтому Абрамс в конечном счете высоко оценивает Сьоберга и утверждает, что он ближе всех подходит к тому, что может быть названо аутентичной социологией города. Подмеченную же им неспособность Сьоберга объяснить историческую трансформацию некоторых доиндустриальных городов в переходные и индустриальные города Абрамс считает следствием принятия понятия технологии как независимой переменной и в меньшей степени, — представления Сьоберга о городских типах. Он доказывает, что выбор Сьобергом указанного принципа лишь средство, прием: прогресс технологии как внешний фактор должен объяснить как появление новых городских форм, так и собственно экономическое развитие.

Это отчасти верно, поскольку Сьоберг решительно отвергает всякого рода технологический детерминизм. Однако он вообще не исследует сам процесс трансформации, этот пробел он заполняет простейшим образом — вводом еще одного переходного типа. Вообще Г. Сьобергу чужд генетический подход, а историзм для него неприемлем как отрицание возможности сравнительно-типологического метода, которым он пользуется.

Вернемся, однако, к понятию технологии, оно у Сьоберга гораздо сложнее, чем это кажется Абрамсу. Это, конечно, не просто прием, ибо Сьоберг неоднократно подчеркивает приоритет технологии, определяющей развитие общества вообще. Однако этот пункт не устраивает Абрамса, и он предлагает два других варианта: 1) признать наличие таких реальных доиндустриальных городов, которые в некотором важном аспекте не совпадают с типом доиндустриального города, неспособным к саморазвитию и 2) взять в качестве внутреннего источника изменений противоречия внутри доиндустриальных обществ. Ясно, что выбор любого из этих вариантов ведет к отказу от сравнительно-типологического метода и от исследования города как автономной социальной системы.

Наиболее высоко с точки зрения «новой истории и социологии города» Абрамс оценивает концепцию выдающегося буржуазного социолога и историка Макса Вебера. Вебер, утверждает Абрамс, начал с того пункта, к которому другие урбанисты лишь постепенно приближались: с рассмотрения города с учетом включающей его системы. Ведь понятие «город» у Вебера второстепенно, главное для него — незаконное господство и рациональная экономическая деятельность: город его интересует лишь постольку, поскольку защищается тезис о том, что решающий для развития капитализма на Западе перелом произошел в особой категории городов. Многочисленные классификации, предлагаемые Вебером, основаны на одном критерии — «комплексе господства» в данных городах; таким способом он отличает подлинно социологическую концепцию города от множества экономических, политических и других концепций. Вебер направляет внимание исследователей от феномена города к социальному образованию и узурпации власти, а так как «этот процесс есть собственно контекст для истории и социологии экономического раз-

вития, то требуется исследование многих вариантов городов, многих его разновидностей, но мы можем обойтись без изучения города как объекта *sui generis*»⁵⁸.

Таким образом, анализируя концепции Сьоберга и Вебера, Абрамс находит в них существенные предпосылки «новой социологии города», т. е. социологии, которая отвергает идею автономной социальной сущности города. Город, подчеркивает Ф. Абрамс, это то, что должно быть объяснено (*explanandum*), а не то, что само объясняет (*explanans*). При анализе избранной общественной системы социальные и экономические отношения в городах нуждаются в объяснении именно в связи с пониманием самой системы, а не сами из себя, как отношения в городе как таковом⁵⁹.

Отрицая идею о том, что «город есть город», и руководствуясь историческим подходом, Ф. Абрамс обосновывает другую гипотезу, согласно которой рамки исследований определяются более широкими, включающими в себя город контекстами: «общество», «культура», «хозяйство» и «способ производства» — или такими их спецификациями, как «средневековая Европа», «ренессансная Италия», «феодализм», «капитализм», «империализм», «Англия накануне промышленного переворота» и т. п., т. е. теми контекстами, в которых и через которые исследуются города историками — авторами статей сборника «Города в обществах». При этом оставляется открытым вопрос, какой из этих крупных аналитических контекстов окажется наиболее плодотворным. Сам Абрамс полагает, что значительный прогресс в понимании социальной природы и исторических функций городов может быть достигнут при рассмотрении их в отношении к «комплексу господства» (термин М. Вебера), в борьбе за власть, т. е. в социально-политических отношениях.

Абрамс считает, что социологическая концепция Вебера позволяет обобщить исследования историков-урбанистов, поскольку города и горожане часто рассматриваются во многих конкретных и обобщающих исследованиях сквозь призму борьбы за власть. Он подчеркивает, что эта концепция в высшей степени генерализована и дает общее направление для исторического и социологического анализа, указывая на типы связей, которые помогут понять структуру и функции города в отношении к его окружению во времени и в пространстве. Обращаясь, в частности, к характеристике средневекового города, Ф. Абрамс отмечает, что внутри европейского феодализма в целом создание городов было средством разрушения феодальных социально-правовых отношений, средством установления фискальной автономии, более прямого присвоения продуктов труда, личной свободы в распоряжении собственностью (например, городское держание) и коллективной свободы в осуществлении торговой и ремесленной монополии. Отличия действительности от этих проектов отражали соотношение сил «феодальных и нефеодальных группировок»⁶⁰.

Таким образом, вопреки своей логике и несмотря на призыв рассматривать города как частные проявления внутрисистемных отношений, на деле в конструктивной части статьи автор приходит к тому, в чем он обвинял своих предшественников, — к противопостав-

лению города его окружению. Вообще в научной полемике со своими оппонентами авторы сборника обнаруживают гораздо большее единодушие, чем в своих конструктивных предложениях.

Общая линия всех работ — призыв к радикальному переосмыслению истории и социологии города, к новому пониманию места и роли городов в экономическом и социальном развитии. Авторы сборника объединяет стремление глубже понять процессы, происходящие внутри городов на различных этапах их развития, а также определить место городов в тех более крупных общественных системах, к которым они принадлежат. Но это только самое общее основание подхода. Далее требуется сделать следующий шаг — определить направление и рамки исследования. Ведь если города перестают рассматриваться как замкнутые системы, то неизбежно встает вопрос о более широком контексте, в котором в этом случае они должны анализироваться. Но именно в этом вопросе среди авторов сборника нет единства. Кроме гипотезы Абрамса, существует другая, гораздо более общая тенденция — поместить город в соответствующую крупную хозяйственную систему (Э. Ригли, Ч. Фитьян-Адамс, М. Донтон и др.). Но тут возникает трудность в определении границ экономических систем, поскольку они не обязательно совпадают с границами политических систем, будь то региональные, национальные или межнациональные. Кроме того, нет единства в вопросе о том, в какой степени города могут быть классифицированы и каков характер возможной типологизации. Абрамс считает, что задача историков и социологов — выявить типы «комплексов господства», в которые включаются и которые выражают отдельные города. Ч. Фитьян-Адамс делает акцент на отношениях города и округи; К. Хопкинс и Э. Ригли используют старую классификацию Зомбарта. Сам автор теоретического «кредо» обоснованно утверждает, что было бы неверно преувеличивать как новизну, так и всесторонность предложенной концепции.

Подведем некоторые итоги. Анализ ряда наиболее интересных в концептуальном отношении работ по исторической урбанистике, представляющих разные методологические и дисциплинарные подходы к проблеме города, показывает, что в этой области действуют и проявляются основные тенденции, характерные для современного западного обществоведения в целом. Это, во-первых, проявление стремления социологов к освоению исторического материала (историзации социологии), во-вторых, поворот прогрессивной историографии от эмпиризма к теоретической истории, к социальной истории как истории общественных систем. Все больше историков включаются в поиски общей модели, общей теории, которая позволила бы связать отдельные локальные исследования, сравнить и обобщить их, утвердить историю в положении общественной науки.

Выделенные здесь с неизбежной условностью четыре направления современной исторической урбанистики призваны охватить весь широкий спектр исследований по истории города, однако в будущем приоритет должен быть отдан очевидно социально-контекстуальному подходу. Хотя с точки зрения марксистской методологии общест-

венных наук, в которой понимание общества как единой целостной системы — исходная предпосылка анализа любого социального феномена или процесса, «новая социология и история города» не может претендовать на авторские права в отношении своего главного постулата, однако относительно буржуазной социологии и историографии это направление, безусловно, делает шаг вперед, причем, что нелишне еще раз подчеркнуть, под непосредственным или опосредованным (через другие теории) влиянием марксизма.

Для построения своей аналитической теории «новая социология и история города» нуждается в скорейшем решении двух методологических проблем: в каком именно контексте рассматривать город и что принять за основу развития как города, так и включающей его системы. В обоих этих важнейших вопросах не выработаны еще единые позиции, но если различные линии исследования в двух аспектах — социально-экономическом и социально-политическом — могут в принципе быть объединены в гораздо более плодотворный и перспективный комплексный анализ, то решение второй проблемы упирается в ограниченные общетеоретические установки и остается в рамках структурного функционализма.

- 1 Под исторической урбанистикой здесь понимается междисциплинарная область исследований, в которой город рассматривается в исторической перспективе.
- 2 *Wirth L. Urbanism as a way of life.*—*Amer. J. of Sociology*, 1938, vol. 44, N 1, p. 1—24; Reprinted in: *Cities and society*/Ed. by P. K. Hatt., A. J. Reiss. N. Y., 1957.
- 3 *Berry B. J. L. The human consequences of urbanisation.* N. Y., 1973, p. 14—48.
- 4 См.: *Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв.* Л., 1979, с. 172—205.
- 5 *Comparative perspectives: Theories and methods*/Ed. by A. Etzioni, F. L. Dubow. Boston, 1970; *Sociology and history: methods*/Ed. by R. Hofstadter, S. M. Lipset. N. Y.; L., 1968, p. 13—21.
- 6 См.: *Sociology and history..*, p. 13; *Work, urbanism and inequality*/Ed. by Ph. Abrams. L., 1978, p. 4 etc.
- 7 Замечания А. Манна относятся как к общей, так и к урбан-социологии. (См. *Mann P. H. An approach to urban sociology.* L., 1965, p. 215—219).
- 8 *Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиэвистики.* М., 1973, с. 13.
- 9 Процесс «всеобщей историзации общественных наук» (и некоторые его причины) был рассмотрен английским историком Э. Хобсбаумом, который, однако, несколько преувеличил его значение. (*Hobsbawm E. J. From social history to the history of society.*—*Daedalus*, 1971, vol. 100, N 1, p. 23—24.)
- 10 *Stedman Jones G. From historical sociology to theoretic history.*—*Brit. J. of Sociol.*, 1976, vol. XXVII, N 3, p. 295—305; *Rowney D. R. What is urban history?*—*J. of interdisciplinary history*, 1977, vol. 8, N 22, p. 319—327.
- 11 *Sociology and history..*, p. 18.
- 12 *Ibid.*, p. 20—22, 32.
- 13 *Rothman D. J. Sociology and history.*—*Past and Present*, 1971, N 52, p. 132—134.
- 14 Рассмотрение позиций Абрамса в этой дискуссии важно потому, что именно он позднее выступил в качестве теоретика «новой истории и социологии города».
- 15 *Abrams Ph. Sociology and history.*—*Past and Present*, 1971, N 52, p. 118.
- 16 *Ibid.*, p. 119—122.
- 17 *Ibid.*, p. 122—125.

- 18 *Stedman Jones G.* Op. cit., p. 300—305.
- 19 *Hobsbawm E. J.* Op. cit., p. 27.
- 20 *Яницкий О. Н.* Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии. М., 1975.
- 21 *Fox R. G.* Urban anthropology: cities in their cultural settings. Englewood Cliffs (N. J.), 1977, p. 17.
- 22 *Ibid.*, p. 32—36, 161.
- 23 *Sjoberg G.* The preindustrial city: past and present. Glencoe (Ill.), 1960; *Idem.* Comparative urban sociology.—In: *Sociology today* / Ed. by R. K. Merton et al. N. Y., 1959, p. 334—359; *Idem.* The rise and fall of cities: a theoretical perspective.—Intern. j. of comparative soc., 1963, vol. 4, N 2, p. 107—120; *Idem.* Cities in developing and in industrial societies: a cross-cultural analysis.—In: *The study of urbanization* / Ed. by P. M. Hauser, L. F. Shnora. N. Y., 1966; *Idem.* The origin and evolution of cities.—In: *Cities: their origin, growth and human impact* / Ed. by W. H. Freeman. N. Y., 1973.
- 24 *Friedman J.* Cities in social transformation.—Compar. studies in society and history, 1961, vol. 4, p. 88—103.
- 25 *Pahl R. E.* Introduction. A perspective on urban sociology.—In: *Readings in urban sociology*. L., 1968, p. 3—5.
- 26 *Cox O. C.* The preindustrial city reconsidered.—In: *Urbanism, urbanization and change: comparative perspectives* / Ed. by P. Meadows, E. H. Mizruchi. Reading (Mass.), 1969, p. 19—29.
- 27 *Patten J.* English towns, 1500—1700. Kent, 1978.
- 28 *Reismann L.* The urban process: Cities in industrial societies. N. Y.; L., 1966.
- 29 *Ibid.*, p. 16, 19.
- 30 *Ibid.*, p. 152.
- 31 Так называемый социокультурный подход, отождествляющий процессы урбанизации и цивилизации (Л. Мамфорд, В. Г. Чайлд и др.).
- 32 См.: *Perspectives in english urban history* / Ed. by A. M. Everitt. L., 1973 (Introduction); *The early modern town* / Ed. by Clark P. L., 1976, p. 1—42.
- 33 Научно-исследовательскими центрами по урбан-истории являются Лестерский университет и университет Глазго в Великобритании. В Лестерском университете под редакцией профессора городской истории Гарольда Дж. Дайоса с 1963 по 1973 г. издавался «Бюллетень», а с 1974 г. издается «Ежегодник городской истории» (Urban history yearbook). Ежегодные международные конференции проводятся с 1966 г.
- 34 *Briggs A.* Historians and the study of cities. University of Sydney, 1960; *Idem.* Victorian cities. N. Y., 1965.
- 35 *The historian and the city* / Ed. by O. Handlin, J. Burchard. Harvard Univer. Press, 1963. Introduction.
- 36 *Ibid.*, p. 121—125.
- 37 *Ibid.*, p. 233.
- 38 Международный характер интереса к урбан-истории отразился в издании «Международного справочника по городской истории», подготовленного комиссией под руководством Филиппа Вольфа.—*Guide international d'Histoire urbaine*. P., 1977.
- 39 Часть докладов и материалы дискуссий были опубликованы в сборнике: *The study of urban history*, Ed by H. J. Dyos. L., 1968.
- 40 *Urban history yearbook*, Leicester, 1974.
- 41 *The American city: Historical studies*. Waltham (Mass.), 1972, p. 3; *Lees L. H.* The study of cities and the study of social processes: two directions in recent urban history.—*J. of soc. history*, 1974, vol. 7, N 3, p. 330—337; *Rowney D. K.* Op. cit., p. 327; *Sharpless J. B.*, *Warner S. B.* Urban history.—*Amer. Behavioral Sci.*, 1977, vol. 21, № 2, p. 240—241.
- 42 Достаточно вспомнить некоторые положения П. Манна, Р. Пола, Ф. Абрамса.—См. выше.
- 43 Становление и развитие марксистской историографии в послевоенной Англии оказывало заметное влияние на более широкий круг английских историков. См.: *Хилтон Р.* Об исторической науке в Англии.—*Вопр. истории*, 1953,

- № 10, с. 153—156; Манби Л. М. Некоторые вопросы развития прогрессивной историографии в Англии.— Вопр. истории, 1965, № 5, с. 76—90; Hobsbawm E. The historians' group of the communist party.— In: Rebels and their causes. Essays in honour of A. L. Morton. L., 1978, p. 21—47.
- ⁴⁴ Hibbert A. B. The origins of medieval town patriciat.— Past and Present, 1953, N 3.
- ⁴⁵ Towns in societies. Essays in economic history and historical sociology / Ed. by Ph. Abrams, E. A. Wrigley. Cambridge, 1978.
- ⁴⁶ Содержание этой статьи будет рассмотрено подробно, поскольку если речь идет о том, чтобы реконструировать какую-то концепцию, то важными для ее понимания оказываются не только сами теоретические положения, но нередко и ход мысли, последовательность развертывания аргументов, даже характер оговорок.
- ⁴⁷ Dobb M. Studies in the development of capitalism. L., 1947.
- ⁴⁸ Материалы оживленной и продолжительной дискуссии, развернувшейся вокруг книги М. Добба, были впоследствии переизданы с интересным предисловием, написанным Роднеем Хилтоном. См.: The transition from feudalism to capitalism. L., 1976.
- ⁴⁹ Towns in societies..., p. 13.
- ⁵⁰ Braudel F. Civilisation matérielle et capitalisme (XV—XVIIIe siècle). P., 1967, t. 1, p. 370—403.
- ⁵¹ Towns in societies..., p. 24.
- ⁵² Что касается остальных характеристик, за исключением численности и плотности населения, то не найден ни один объективный признак «города вообще».
- ⁵³ Хозелиц на основе контраста между «производящим» и «паразитическим» типами города пытается объяснить, почему и как образование, существование и рост некоторых городов имели благотворное воздействие на экономическое развитие, в то время как другие оказывали противоположное влияние. Затем он вводит дальнейшее различие между экономическими и культурными изменениями, и оказывается, что город может рассматриваться как культурно производящий, но экономически паразитический, а степень, до которой город является производящим или паразитическим, может изменяться со временем. Критику классификации Хозелица см.: Towns in societies..., p. 301—308.
- ⁵⁴ Ibid., p. 15.
- ⁵⁵ В другой работе, в предисловии к сборнику «Труд, урбанизм и неравенство» (Work, urbanism and inequality..., p. 4—13), Абрамс предложил свою концепцию социальной структуры и динамики индустриального общества как производной от совокупности взаимосвязей разделения труда, неравенства и урбанизма, причем в качестве главного направления анализа было выбрано выяснение взаимодействия этих явлений в развивающейся общественной системе без указания на его основу. Таким образом, суть отношений представлялась им как координация, а не субординация функций.
- ⁵⁶ Braudel F. Op. cit., p. 397—401.
- ⁵⁷ Sjoberg G. The rise and fall of cities..., p. 120.
- ⁵⁸ Towns in societies..., p. 28—29.
- ⁵⁹ Ibid., p. 30.
- ⁶⁰ Ibid., p. 32.

ВОЛЬТЕР И ВОЛЬТЕРЬЯНЦЫ О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ XI—XIII ВВ.

М. А. Заборов

Философы и историки эпохи Просвещения проявляли большой интерес к истории крестовых походов католического Запада на мусульманско-византийский Восток. Наиболее выдающиеся умы XVIII в. нередко посвящали им целые сочинения, в которых стремились проанализировать события этих религиозных войн, образующих крупную веху во взаимоотношениях трех цивилизаций, определить место крестовых походов в мировой истории, уяснить их значение для последующих поколений, короче, вынести им свой «приговор».

Особенно пристально изучал историю крестовых походов Ф. М. Вольтер, самый видный представитель старшего поколения французских вольнодумцев, «великих людей, которые во Франции просвещали головы для приближающейся революции»¹, и самый универсальный из историков XVIII в. В 1751 г. он издал брошюру под названием «История крестовых походов»². В 1753 г., видимо, не удовлетворенный этим, 60-летний мыслитель снова вернулся к той же теме в своем «Микромегасе», дополнив его «Историей крестовых походов и новым планом истории человеческого разума»³. Еще через три года Вольтер отвел крестовым походам три главы в своем «Очерке всемирной истории нравов и духа народов от Карла Великого до Людовика XIII» — капитальном обзоре всемирной истории, имевшем откровенно антиклерикальную направленность.

Интерес к истории «священных войн» католической церкви питали и другие корифеи Просвещения, в той или иной степени подвергшиеся влиянию вольтеровских идей: в Великобритании — Э. Гиббон (1737—1794) и У. Робертсон (1721—1793), в Германии — крупнейшие деятели культуры конца XVIII — начала XIX в. — философ И. Г. Гердер (1744—1803) и поэт-историк Ф. Шиллер (1759—1805). Некоторые из них касались этой темы в своих общеисторических и историко-философских трудах⁴, другие, как, например, Ф. Шиллер, интерпретировали ее в специальных эссе⁵.

Каким же образом истолковывались крестовые походы XI—XIII вв. в произведениях Вольтера и его идейных единомышленников или, во всяком случае, тех, кто в той или иной мере воспринял его взгляды на средневековье?

Их интерпретация данного исторического феномена была тесно связана с общими представлениями просветителей о средневековой эпохе. Принципиальные поборники прогресса, поставившие историю перед судом разума, средние века воспринимали чисто негативно — как времена анархии, варварства, тирании, темноты и невежества, грубости и насилия, страшных преступлений, выдававшихся за великие деяния, а главное, всепоглощающего мракобесия, фанатизма и

суеверия, которые сковывали мысль и ставили неодолимые преграды свободе духа. Просветители, следовательно, относились к средневековью с априорной нетерпимостью убежденных рационалистов, которые черпали в фактах истории средних веков аргументы для обличения ненавистного им феодального строя, в первую очередь католической церкви — ее спекуляций на легковерии паствы, жестокостей, испуганной фанатичности. В эти столетия «человеческий разум, по определению Вольтера, огрубел среди самых подлых и бессмысленных суеверий»⁶.

Крестовые походы, с точки зрения мыслителей вольтеровской «школы», и воплощали в себе многие типичные, по их мнению, стороны «эпохи мрака». Вольтер и его последователи, считая крестовые походы чудовищным порождением «нелепого» и «темного» средневековья, саркастически высмеивали их. Походы были вызваны, полагал Вольтер, в первую голову патологическим фанатизмом попов, получившим повальное распространение в Европе XI—XIII вв. Фернейский патриарх называл крестовые походы «эпидемическим ужасом», а воодушевление крестоносцев, которые «верили, что идут защищать Иисуса Христа» и «отмщают бога», расценивал как «эпидемическое»⁷. Направляя против церкви тщательно отточенные стрелы своего язвительного остроумия, Вольтер старался развенчать и принизить крестоносную эпопею, столь превозносившуюся католическими историками вроде иезуита Л. Мэмбура (1610—1686)⁸.

Самые причины этого бессмысленного двухсотлетнего конфликта, по убеждению философа, нелепы и случайны. Чтобы дискредитировать взгляды католических авторов, на протяжении веков твердивших о якобы сверхъестественном происхождении крестоносных войн, Вольтер изображал их возникновение в заведомо окарикатуренном виде: истоки крестовых походов, в его представлении, сводились к мелким, ничтожным фактам; по Вольтеру, их единственным основанием послужило паломничество Петра Пустынника в Иерусалим, о котором рассказывают средневековые хроники (Альберта Аахенского и его компиляторов). «Этот пикардиец, — писал о Петре Пустыннике автор очерка о нравах и духе народов, сознательно доводя да абсурда богословскую концепцию Альберта Аахенского, — отправившись из Амьена в паломничество в Арабию, был причиной того, что Запад вооружился против Востока и что миллионы европейцев погибли в Азии. Такова связь мировых событий», — едко иронизировал историк, реконструируя вкратце хронологическую канву фактов, якобы составивших завязку крестоносных войн (Петр Амьенский по возвращении из Иерусалима якобы обратился к Урбану II, который и послал его информировать повсюду о видении, бывшем этому монаху в храме господнем и будто бы означавшем призыв к освобождению «святой земли» от ига «неверных»).

В таком освещении причин крестовых походов отчасти сказалась, вероятно, и свойственная Вольтеру склонность к преувеличению роли личности в истории⁹, однако картина «нелепости» связи мировых событий, нарисованная философом, прежде всего обнаруживает его намерение высмеять крестовые походы как следствие пезначи-

тельного самого по себе события — благочестивого странствования жалкого монаха. «Крестовые походы были довольно-таки смешны», — писал Вольтер в одном из посланий к Екатерине II, выражая таким образом свое презрительно-саркастическое отношение к этим рыцарско-папским предприятиям ¹⁰.

«Безрассудность» крестовых походов — «странного памятника» человеческого безумия, детища экзальтированной набожности невежественной Европы — подчеркивали и более историчные, чем Вольтер, пресвитерианский историк-богослов В. Робертсон, находившийся под влиянием его идей ¹¹, и профессор-эрудит из Дижона Ж. Б. Майи (1724—1794) — автор четырехтомного исследования о крестовых походах ¹², который тоже считал их «разновидностью эпидемического бешенства», охватившего всю Европу, особенно Францию ¹³, наконец, английский антиклерикал Гиббон ¹⁴. «Наш рассудок не может одобрить отправки на отдаленный театр военных действий тех бесчисленных сонмищ, которые затопили Азию и обезлюдили Европу», — писал он. По его словам, крестовые походы являлись нелепостью и в политико-стратегическом отношении, ибо «от обладания Палестиной не могли ничего выиграть ни могущество латинов, ни их безопасность». Значит, заключает историк, «только из фанатизма можно было оправдывать завоевание такой отдаленной и небольшой провинции, предпринятое к тому же в нарушение нравственных правил Евангелия» ¹⁵.

Гиббон не ограничивался сожалением и недоумением по поводу необычайной длительности крестоносных войн и того «упорства, с которым Европа возобновляла одно и то же предприятие», когда «шесть новых поколений, очертя голову, устремлялись в открытую перед ними пропасть», жертвуя и общественными интересами, и личным состоянием «из-за безрассудного желания приобрести или обратно получить каменную гробницу в двух тысячах миль от их отечества». Историк клеймил позором фанатизм и суверия, вопреки здравому смыслу бросившие Европу против Востока. Это произошло, с точки зрения Гиббона, потому, что «народы подчинились влиянию своих первосвященников», а «воззвания святых проповедников воспламеняли их религиозное рвение и заглушали голос их рассудка» ¹⁶.

Аналогичные высказывания, выдержанные вполне в вольтерьянском духе, встречаются и у немецких просветителей. Гердер определял крестовые походы как «нейство», совершившееся «дикими, легкомысленными, беспокойными, одурманенными, фанатичными и обманутыми людьми из всех сословий и классов». Он именовал их «сумасбродными» предприятиями ¹⁷. Как «глупость и бешенство» расценивал их поэт-бунтарь Ф. Шиллер: он видел в них «яудовищное порождение духовной нищеты, политических раздоров, папской иерархии и ленной системы» ¹⁸.

Стремление развенчать «Деяния бога через франков» (так обозначались крестовые походы в католической историографии), представив их простой случайностью, обусловленной ничтожными причинами, стремление свести предпосылки крестоносного движения к

одной лишь крайней набожности Западной Европы, объявив события религиозных войн XI—XIII вв. плодом безрассудства и «святой глупости», — все это, конечно, во многом упрощало и лишало историчности действительную картину тех процессов общественного развития, которые вызвали к жизни крестовые походы. Пафос враждебности по отношению к мракобесию и самой церкви мешал Вольтеру и вольтерьянцам сколько-нибудь глубоко проникнуть в социальную и идейную подоплеку крестовых походов, понять их подлинную сущность. К тому же просветители были связаны в своих концепциях метафизическими воззрениями на историю вообще.

Несмотря на все это, они тем не менее достигли серьезного прогресса в освещении истории крестоносных войн по сравнению с предшествующей историографией — католической и протестантской.

Во-первых, просветители полностью порвали с трансцендентным объяснением крестовых походов, целиком освободив их историю от вмешательства сверхъестественных сил.

Во-вторых, мыслители вольтеровского направления, сосредоточив «критику» крестовых походов на их церковном «облачении», деятельности их организаторов и вдохновителей — священнослужителей, многое сделали для уяснения роли религиозного фактора, выступавшего одной из существенных причин и характерных черт восточных войн феодальной Европы. Обличая фанатизм, рационалисты XVIII в. способствовали выявлению того социально-психологического климата, который, не будучи единственно определяющим и еще менее имевшим какое-либо самостоятельное значение слагаемым в сумме исторических обстоятельств, обусловивших возникновение и само развитие крестовых походов, все-таки представлял собой весомый компонент этих обстоятельств (ведь религиозное исступление и нетерпимость хотя и были «вторичны», однако в самом деле подготовили и сопровождали рыцарскую агрессию на Ближний Восток). Кроме того, давая зачастую атеистичное и антиклерикальное изображение крестоносных войн, историки XVIII в. сплошь и рядом разоблачали традиционные, укоренившиеся в католической литературе представления и многочисленные случаи практиковавшегося церковниками благочестивого обмана, которыми полна история крестовых походов.

Блестящие образцы такого рода разоблачений встречаются у Вольтера, пусть они более остроумны, чем доказательны, да и приводятся чаще всего вскользь и попутно. Так, о чудесах, которые якобы творил Бернар Клервоский во время проповедей в Германии («правда, он не воскрешал мертвых, но слепые прозревали, хромые оставляли костыли, больные выздоравливали»), Вольтер язвительно писал: «Насколько можно верить этим чудесам, говорит одно то, что св. Бернар повсюду в Германии проповедовал по-французски»¹⁹. В отличие от Вольтера Майи и Гиббон нередко с основательностью, сохранившей свое значение и поныне, опираясь на свидетельства латинских, греческих и арабских хронистов и историков XII—XIII вв., срывали с крестовых походов ореол благочестия, которым их окружила католическая традиция. Впрочем, будучи верны себе, эти

рационалисты порой также впадали в антиисторичную крайность, рисуя любые факты религиозного обмана и самообмана во время крестовых походов как цепь заранее обдуманых благочестивых мошенничеств и не допуская мысли о возможности в ту эпоху самопроизвольного, стихийного проявления религиозных чувств верующих.

В-третьих, антиклерикальный подход к теме, каковы бы ни были его «издержки», позволил историкам и философам XVIII в. в своих повествованиях и аналитических экскурсах, посвященных крестовым походам, сделать немало реалистических описаний, высказать множество метких суждений частного и генерализующего порядка, сформулировать ряд обобщений, которые в совокупности своей позволяют высоко оценить их вклад в изучение истории крестовых походов в целом. Так, просветители первыми обратили внимание на массовость и длительность крестоносного движения. Правда, они уподобляли его «эпидемической болезни», однако в то же время именно Вольтер рассматривал крестовые походы как огромное, одно из самых крупных в истории переселение народов, т. е. попытался, таким образом, представить крестовые походы значительным явлением социальной жизни эпохи. Он ставил их в один ряд с завоеваниями гуннов, готов, бургундов, вандалов, а затем арабов и османов. «Крестоносцы, — писал Вольтер, — наводнили Сирию в едва ли не большем числе, чем все эти народы вместе взятые во время своих переселений»²⁰.

В-четвертых, стремясь лишить крестовые походы ореола святости, просветители выдвинули глубокие соображения об экономических и социально-политических предпосылках и мотивах крестоносного движения. Вольтер, например, оттенял стремление феодальных сеньоров Франции («беспокойных, любящих раздоры и войну, погруженных большей частью в преступления и... в невежество, столь же постыдное, как и разврат») удовлетворить «свою главную страсть — к грабежу»: «они поэтому охотно взяли крест», когда папа Урбан II в Клермоне предложил им во искупление грехов отправиться на войну за гроб господень. Сеньоры, по словам Вольтера, мечтали о «завоевании царств в Азии» и, считая, что им «нужно для этого немного денег», легкомысленно распродала свои поместья храмам и монастырям. Выразителен итоговый вывод Вольтера о мотивах крестоносного движения: «Эту миграцию (sic! — М. З.) вызывали религия, дух беспокойства — в равной степени»²¹. Хотя на первое место здесь поставлена религия, равными ей по значимости признаются и корыстные побуждения, жажда захватов и наживы.

Суждения Вольтера и сходные с ними высказывания его последователей представляли собой лишь догадки проникательных и тонких мыслителей, отталкивавшихся больше от доводов разума, чем от свидетельств источников, однако для XVIII в. такие суждения означали, бесспорно, куда более глубокую трактовку причин крестовых походов, нежели та, которую предлагали ортодоксально-католические и протестантские историки. Дж. Брэмфитт справедливо заметил, что попытка объяснить крестовые походы экономическими причинами, предпринятая Вольтером, «больше способствовала их пониманию,

чем стремление изобразить это движение как средневековую глупость»²².

Эта линия трактовки крестовых походов была особенно рельефно и по-своему последовательно проведена в трактате Майи, который, не отрицая значения религиозного фанатизма, повлиявшего на массовость крестоносной «эмиграции», центр тяжести в ее объяснении перенес именно на житейские обстоятельства, обусловившие массовость и продолжительность походов. Историчнее, чем Вольтер, подошел к этому вопросу и Гиббон. Собственно говоря, он был первым историком нового времени, объяснившим, в частности, широкое участие крестьянства в крестовых походах его освободительными устремлениями: «Поселяне и обыватели, которые были привязаны к земле узами рабства, могли избавиться от своего высокомерного владельца, став под знамя креста, и могли переселиться вместе со своими семействами в страну свободы»²³.

В-пятых, позитивный вклад, внесенный просветителями в изучение истории крестовых походов, заключался в том, что они весьма реалистично обрисовали облик самих крестоносцев. Вот одно из выразительных высказываний Вольтера: «Несмотря на святость своего предприятия, воины Иисуса Христа вели себя, словно грабители с большой дороги»²⁴. Резню мусульман в Иерусалиме 15 июля 1099 г. он гневно назвал «бойней, устроенной христианами»²⁵. По определению Майи, это было настоящее «варварство», порожденное «отравой крестоносцев фанатизмом»; историк гневно обличает «отвратительную алчность» воинов крестовых, которые обшаривали трупы мусульман, вспарывали их тела²⁶ и пр.

Наконец, для дальнейшего развития историографии крестовых походов не прошла незамеченной и свойственная просветителям тенденция к преимущественно негативной оценке исторических последствий крестовых походов. «Восток стал могилой более двух миллионов европейцев» — такими словами суммировал Вольтер ущерб, причиненный Европе этими войнами, добавляя, что они «обошлись в 200 миллионов ливров»²⁷. Сходные суждения встречаются и у других мыслителей XVIII в. Они вынесли крестовым походам суровый обвинительный приговор: крестоносное неистовство, по Гердеру, «стоило Европе несказанно много денег и человеческих жизней»²⁸. Правда, основания для этого приговора еще были у просветителей довольно зыбкими, система аргументации — неразвитой и безупречной по существу, тем не менее догадки писателей эпохи Просвещения отражали их поиски новых, строже, чем ранее, мотивированных решений проблемы и свободных от католической апологетичности оценок. В конечном итоге они выводили историографию на путь более объективного и критического рассмотрения крестоносной тематики сравнительно с ее прежними истолкованиями.

Взгляды Вольтера и его единомышленников оказали огромное влияние на дальнейшую историографию крестовых походов. Отголоски этого влияния слышны еще и поныне; вполне в вольтерьянском, антиклерикальном духе написана, например, недавняя работа моло-

дого швейцарского публициста-историка Г. Вольшлегера о крестовых походах²⁹. Однако это уже другая тема, выходящая за пределы нашего краткого очерка.

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 189.
- ² Voltaire. Histoire des croisades. S. 1., 1751.
- ³ Voltaire. Micromigas avec une Histoire des croisades et un nouveau plan de l'histoire de l'esprit humaine par la même. В., 1753.
- ⁴ См.: Робертсон В. История государства императора Карла V / Пер. с англ. И. Барышев. М., 1839, т. 1, с. 21—30, 200—228; Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи / Пер. с англ. В. Н. Неведомский. М., 1885. Ч. VI; Herder J. G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit.— In: Herder's Werke (nach den besten Quellen revidirte Ausgabe) / Hrsg. von H. Dunker. В., 1879.
- ⁵ Schiller F. Über Völkerwanderung, Kreuzzüge und Mittelalter.— In: Schiller's Werke / Hrsg. von J. Kellermann. Leipzig, 1895, Bd. XIV; Idem. Vorrede zu der Geschichte des Maltesordens nach Bertot von M. R. bearbeitet.— Ibid.
- ⁶ Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à nos jours. P., 1756, v. 1, p. 310.
- ⁷ Ibid., p. 560—562, 586.
- ⁸ Le Père Louis Maimbourg S. J. Histoire des croisades pour la Délivrance de la Terre Sainte. 3e éd. P., 1684—1685. Vol. 1—3.
- ⁹ См. подробнее: Косминский Е. А. Вольтер и историческая наука.— В кн.: Вольтер / Под ред. В. П. Волгина. М.; Л., 1948, с. 164—165.
- ¹⁰ Lettres de l'imperatrice de Russie et de Voltaire.— In: Oeuvres complètes de Voltaire. A Basle, 1789, t. 68, N XXIV, p. 48.
- ¹¹ Робертсон В. Указ. соч., т. 1, с. 24—25.
- ¹² Mailly J.-B. L'Esprit des croisades ou histoire politique et militaire des guerres entrepris par les Chrétiens contre les Mahométans, pour le recouvrement de la Terre-Sainte, pendant les XIe, XIIe et XIIIe siècles. Dijon; Paris, 1780. Vol. 1—4.
- ¹³ Ibid., vol. 3, p. 167.
- ¹⁴ Гиббон Э. Указ. соч., ч. VI, с. 441, 467 и след.
- ¹⁵ Там же, с. 433, 434.
- ¹⁶ Там же, с. 517. Впрочем, впадая в противоречие с самим собой, Гиббон оспаривал мнение некоторых своих современников, будто крестовые походы являлись делом папской политики. Считая их в первую очередь результатом религиозного помрачения рассудка европейцев, он полагал, что «премники св. Петра, по-видимому, не столько руководили нравами и предрассудками, сколько подчинялись им; они собирали готовые плоды суеверий того времени, не зная заранее, когда они созреют, и не заботясь об обработке почвы... без всяких усилий». См.: Там же, с. 337.
- ¹⁷ Herder J. G. Op. cit., S. 170.
- ¹⁸ Schiller F. Über Völkerwanderung, Kreuzzüge..., S. 200, 209.
- ¹⁹ Voltaire. Essai sur les moeurs..., p. 571—572.
- ²⁰ Ibid., p. 568.
- ²¹ Ibid., p. 559—562.
- ²² Brumfiitt J. H. Voltaire Historian. Oxford, 1958, p. 110.
- ²³ Гиббон Э. Указ. соч., ч. VI, с. 440.
- ²⁴ Voltaire. Essai sur les moeurs..., p. 560.
- ²⁵ Ibid., p. 566.
- ²⁶ Mailly J.-B. Op. cit., vol. 4, p. 429, 431, 433—434 etc.
- ²⁷ Voltaire. Essai sur les moeurs..., p. 585, 599.
- ²⁸ Herder J. G. Op. cit., S. 170.
- ²⁹ Wollschläger H. Die bewaffneten Wallfahrten gegen Jerussalem. Geschichte der Kreuzzüge. Zürich, 1973.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVII В. В АНГЛИИ

И. И. Шарифжанов

Английская революция XVII в. составляет важную веху в историческом процессе утверждения капиталистической общественной формации в Западной Европе. Несмотря на специфически консервативный и незавершенный характер, она стала первой революцией «европейского масштаба», провозгласившей «политический строй нового европейского общества»¹. В результате революции господствовавшему в Англии феодальному общественному порядку был нанесен сокрушительный удар, победа буржуазии и нового дворянства вывела страну на путь всестороннего социально-экономического и духовного прогресса. Но историческое значение английской революции не ограничивается рамками ее влияния на общий процесс смены феодальных производственных отношений капиталистическими. События середины XVII в. дали яркий пример классовой борьбы, широкого демократического движения, высокой организованности и решительности прогрессивных революционных сил. Не случайно поэтому Ф. Энгельс назвал время революции «замечательным периодом английской истории»².

В английской историографии изучение революции XVII в. традиционно занимает центральное место: единственная в истории Англии, она до сих пор остается в ней самым критическим эпизодом и, возможно, самой волнующей страницей. Однако интерес английских историков к событиям революции был обусловлен не академическими, а прежде всего политическими соображениями. На протяжении более двух столетий ее интерпретация стояла в фокусе борьбы между вигами и тори, обе партии стремились использовать опыт критических лет для достижения своих узкоклассовых, своекорыстных целей. В XX в. и особенно после второй мировой войны глубина и масштабность мирового революционного процесса явились важным фактором повышения интереса английских историков к событиям середины XVII в. Последние становятся объектом горячих споров и дискуссий, столкновения приверженцев старых и новых путей, прогрессивных и откровенно реакционных по своей направленности тенденций. Сравнивая современное состояние вопроса о революции в английской историографии с тем, что было в ней в недалеком прошлом, известный британский историк О. Вулрич писал: «Сегодня все выглядит

иначе, и никакое крупное событие в нашей истории не помечено больше вопросительными знаками, чем великий мятеж»³.

Содержание всех посвященных революции научных публикаций, вышедших в Англии в последнее время, трудно передать даже приблизительно. «Революционная» литература обновилась многочисленными работами самого разнообразного характера: здесь и политические биографии выдающихся представителей борющихся сторон, и просопографические исследования местных элит, Долгого парламента, центральной администрации, политических и религиозных группировок, и статистический анализ социальной мобильности в период 1540—1640 гг., и изучение идеологических и религиозных предпосылок. Вошли в моду и пользуются широкой популярностью коллективные сборники трудов, в которых история революции представлена в целом или по периодам⁴. Накопление обильного эмпирического материала все настоятельнее ставит перед английскими историками задачи его теоретического осмысления и обобщения. Не приходится удивляться, что некоторые буржуазные историки пытаются использовать новейшие данные с целью дезавуировать марксистскую концепцию революции, нейтрализовать ее влияние на британскую историческую мысль. В этом отношении обращает на себя внимание, каким ожесточенным нападкам подвергается марксистское учение о классовых различиях и классовой борьбе в английской революции.

Все сказанное определяет исключительную важность и актуальность критической оценки с марксистско-ленинских позиций основных направлений современной английской историографии буржуазной революции XVII в. В исследованиях советских ученых по истории английской буржуазной исторической мысли уже показана несостоятельность отдельных концепций и моделей революции⁵. Однако полного представления о содержании сложной и противоречивой эволюции британской историографии, острой идейно-методологической борьбы, ведущейся в ней сейчас вокруг событий середины XVII в., мы до сих пор не имеем. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть ведущие тенденции в истолковании британскими историками XX в. коренных теоретических, общеметодологических проблем революции, непосредственно связанных с пониманием ее причин, движущих сил, характера и социальных последствий.

Общеизвестно, что английская историография буржуазной революции XVII в. имеет две четко выраженные политические традиции. Одна — торийская — восходит к сочинению графа Кларендона «История мятежа и гражданских войн в Англии», другая — вигская — к работам знаменитых историков XIX в. Г. Галлама, Т. Маколея, Д. Грина, Д. Актона и С. Гардинера. Активный участник событий середины XVII в. Кларендон создал апологетическую легенду о «кротком» и «просвещенном» короле Карле I и «благонравной» политике его правительства. Революция изображалась как «великий мятеж» против законной власти, а вожди революции — как злостные интриганы и безбожники. Эта ультрареакционная монархическая концепция получила широкое распространение и благодаря «Истории Англии» Д. Юма оставалась господствующей в английской историографии

вплоть до начала XIX в. Первый серьезный удар по торийским взглядам нанесла работа Г. Галлама «Конституционная история Англии», три тома которой были опубликованы в 1827 г. «В тот момент, когда Билль о реформе открывал поколение вигской политики, он, — писал Дж. Гуч о Галламе, — открывал поколение вигской истории»⁶. Успех парламентской реформы 1832 г., возрастание влияния промышленных классов в политической жизни страны создали реальные условия для окончательной победы вигской исторической концепции в английской историографии XIX в.

В идеалистической форме вигские историки отчасти признавали закономерный характер революции XVII в., рассматривая ее как результат конфликта двух противоположных политических теорий: монархической и конституционной. С другой стороны, они не скрывали своей симпатии к деятельности Долгого парламента, большинство членов которого были представителями нового дворянства и буржуазии, и всю вину за «трагический» поворот событий возлагали на Карла I. В рецензии на книгу Г. Галлама «Конституционная история Англии» Т. Маколей писал, что закоренелая ненависть к свободе, лежавшая в основе общественной деятельности короля, делала его самым опасным врагом конституции⁷. Карл I, добавляет С. Гардинер, не понимал того, что даже будь он мудрейшим из людей, то все равно не мог постоянно управлять страной без доброго согласия того народа, представителем которого был парламент⁸. Осуждая кровопролитие и насилие, сопровождавшие события середины XVII в., вигские историки противопоставляли им «бескровную» «славную» революцию 1688—1689 гг. как образец компромисса и «политической мудрости».

Либерально-викторианская модель революции утрачивает свое ведущее положение в английской историографии в первые десятилетия XX в., когда под влиянием марксизма в ней намечается крутой поворот от традиционного истолкования событий середины XVI в. в религиозно-политических терминах к их осмыслению как результата социально-экономических процессов. В условиях господства вигской концепции социальные проблемы английской революции оставались в тени. «Либерал девятнадцатого века, — писал Б. Мэннинг, — старался не замечать социальных конфликтов внутри «нации», которая низвергла «тиранию» Карла I. Выход на арену социальной демократии вновь открыл эти конфликты и вновь привлек внимание к социальным классам»⁹. Новые тенденции нашли яркое проявление в исследованиях М. Добба, М. Джеймс, А. Мортон, Р. Тоуни, К. Хилла, Э. Хобсбаума и других прогрессивных английских историков. В их работах давалась широкая картина исторических предпосылок революции, раскрывалась материальная классовая подоплека борьбы между Карлом I и парламентом вокруг «чисто» политических преимуществ, подчеркивалась прогрессивная роль революционных преобразований в английском обществе¹⁰. Особое внимание было уделено анализу объективных тенденций социального и экономического развития предреволюционной Англии. Используя обширный документальный материал, английские прогрессивные историки показали, что в экономике Англии XVI—XVII вв. происходили интенсивные про-

цессы роста и укрепления капиталистического уклада, кристаллизации интересов нового класса, носителя этого уклада — буржуазии, состоявшей из «деловых людей» города и села. Капитальная работа Р. Тоуни «Аграрная проблема в шестнадцатом веке», опубликованная в 1912 г., до сих пор признается классической в английской историографии. В ней британский ученый дал развернутую характеристику перехода английской деревни к капиталистическому сельскому хозяйству, показал влияние аграрной революции на социальное положение различных классов. По словам Л. Стоуна, эта работа Тоуни «открыла новую эру в исторических исследованиях» в Англии и стала «отправным пунктом для громадного числа последующих научных изысканий»¹¹. Сам Тоуни продолжил основную линию своей книги в знаменитой статье «Возвышение джентри», опубликованной на страницах журнала «Экономик хистори ревю» в 1941 г. Здесь он впервые в английской литературе дал социально-статистический анализ классовой структуры Англии и ее изменений в период 1540—1640 гг. Цифровые показатели динамики владения собственностью, представленные в статье, убедительно свидетельствовали о глубоком кризисе, упадке всей социальной и экономической системы феодализма и сосредоточении основных средств производства в руках буржуазии и нового дворянства в ходе столетия, предшествовавшего началу английской революции.

Материальные экономические предпосылки революции английские прогрессивные историки связывали с общим представлением о ней как о революции буржуазной, нанесшей сокрушительный удар господству феодально-абсолютистского строя в стране и открывшей путь для свободного развития в ней капитализма. История Англии середины XVII в., писали К. Хилл и Э. Делл, — это рассказ о том, как один социальный класс был лишен власти другим социальным классом и как форма государственной власти, отвечающая интересам первого, была заменена формой государственной власти, отвечающей интересам второго. Первым классом, правящим классом Англии, в первые десятилетия XVII в. была полуфеодальная земельная аристократия; новым классом, выросшим в недрах английского феодального общества и бросившим вызов абсолютистскому государству, была буржуазия — купцы, промышленники, прогрессивные землевладельцы¹². В другой, более ранней работе К. Хилл оценивал английскую революцию как великое социальное движение, подобное французской революции 1789 г. Он подчеркивал, что и в том и в другом случае имела место борьба среднего класса, буржуазии за достижение политической и экономической власти и религиозной свободы¹³. В широком контексте борьбы между феодальной и буржуазной Европой рассматривал английскую революцию Л. Мортон. По его мнению, война Англии с Испанией в конце XVI в. носила не только национальный, но и классовый характер, будучи борьбой буржуазии против ее классовых врагов на родине и за границей. Поражение Филиппа было поражением феодальной реакции в Европе, одновременно оно послужило стимулом к росту самосознания английской буржуазии: если до 1588 г. она боролась за свое существование, то после разгрома испан-

ской Армады в 1588 г. английская буржуазия начала борьбу за власть в стране. Вот почему, заключал Мортон, войну с Испанией следует рассматривать как начальную фазу английской революции¹⁴. Л. Мортон, К. Хилл, Э. Хобсбаум — все признавали прогрессивный характер победы буржуазии в английской революции. Они указывали, что торжество Карла I и роялистов в гражданской войне означало бы прекращение всякого развития страны, экономическую стагнацию Англии на долгие годы, сохранение отсталого, непроизводительного и паразитического феодализма, а также установление «полного деспотизма» монархии по французскому образцу, что в свою очередь неизбежно привело бы в дальнейшем к еще более кровопролитной борьбе за освобождение. «Гражданская война, — отмечал Мортон, — была борьбой классовой, революционной и прогрессивной»¹⁵.

Важное место в работах английских прогрессивных историков занимали вопросы о революционных традициях английского народа, о решающей роли народных масс в революции XVII в. В них подчеркивалось, что буржуазия и новое дворянство не смогли бы осуществить победоносную революцию, если бы не опирались на героизм и энергию «рядовых честных людей» Англии, которые откликнулись на призывы лидеров парламента поддержать его дело против короля. В работе «Левеллеры и английская революция», переведенной на русский язык, Г. Холореншоу особо указывал, что революционные традиции не являются чуждыми Англии, перенесенными в нее из других стран: вся история движения левеллеров, по его мнению, доказывала, что у революционно-демократической Англии имеются глубокие корни. Вслед за Ф. Энгельсом Г. Холореншоу подчеркивал закон развития раннебуржуазных революций, согласно которому, для того чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы минимальные плоды своей победы, необходимо довести революцию значительно дальше ее непосредственных целей. Проводя параллель между английской и французской революциями, он отмечал, что и там и тут революционное левое крыло вначале энергично помогало среднему классу в общей борьбе против феодальной реакции, а затем в свою очередь было сокрушено, как только средний класс почувствовал в себе достаточно сил для этого. «Индепенденты во многом подобны якобинцам, а левеллеры — последователям Эбера и Бабефа»¹⁶. М. Джеймс и Г. Холореншоу нередко модернизировали взгляды представителей левых течений в английской революции¹⁷, но тем не менее их работы давали богатый материал для понимания революционно-демократического прошлого Англии.

Реальные результаты исследований в трудах британских прогрессивных историков, рост влияния марксизма в английской историографии обострили борьбу в ней вокруг событий середины XVII в., привели к открытому столкновению прогрессивных и откровенно реакционных по своей направленности тенденций¹⁸. Ведущие буржуазные авторы правого толка — Г. Баттерфилд, Д. Брэгэн, Х. Тревор-Ропер — попытались организовать широкое наступление на теоретические позиции марксистской исторической школы в Англии, «опровергнуть» основополагающие методологические принципы диалектико-материали-

листического понимания истории. В рамках общей борьбы с «вредным мифом» революции они стремились представить революцию XVII в. как случайное и незначительное событие, не оставившее никакого следа в истории Англии, как «непристойный перерыв» ее поступательного развития. В противовес высокой оценке революционных традиций английского народа в их работах воспевались непрерывность, постепенность, уважение к закону и традициям, что якобы составляло специфическую особенность истории Англии и «выгодно отличало ее от стран континентальной Европы. «У нас нет надобности прибегать к абстрактной философии, — писал Г. Баттерфилд, — наша свобода покоится на «исторических правах англичан»... И хотя мы действительно имели революцию в XVII в., она не сделала нас «счастливыми на все времена» — она только научила нас еще больше ценить непрерывность нашей истории. Мы поспешили восстановить нити, связывающие прошлое с настоящим. И мы здраво, очевидно, решили не допустить больше никогда, чтобы такая аберрация имела место»¹⁹. Целям очернить роль революционной борьбы английского народа в XVII в. объективно служило и реакционное историко-политическое учение о «цене революции», получившее распространение с выходом в свет книги одноименного названия профессора Кембриджского университета Д. Брэгана²⁰.

Острые критики правобуржуазных историков было направлено против марксистского понимания английской революции как буржуазной. В работе «Джентри в 1540—1640 гг.» Х. Тревор-Ропер старался развенчать концепцию роста экономического могущества английского джентри на протяжении предреволюционного столетия, поставить под сомнение результаты проведенного в статье Р. Тоунн «Возвышение джентри» социально-статистического анализа эволюции классовой структуры Англии накануне революции. Буржуазный автор вынужден был прибегнуть к прямой софистике, чтобы иметь хоть какое-то основание для утверждения о том, что весь метод подсчета маноров у Тоунн якобы «бесполезен»²¹. Также совершенно безапелляционно в работе заявлялось, будто в угоду своей схеме Тоунн и его ученики умышленно игнорировали, с одной стороны, многочисленные случаи оскудения и упадка среди джентри, а с другой стороны, немало случаев расцвета в хозяйствах аристократов. При этом Тревор-Ропер «не замечал», что речь шла не об отдельных примерах возвышения или упадка среди аристократии и джентри, а о господствующих тенденциях в развитии того и другого социального слоя²².

Критика концепции «возвышения джентри» была призвана показать «неоправданность» применения теории классовой борьбы для объяснения событий середины XVII в., расчислить путь для субъективно-идеалистических спекуляций. Одной из них и стало освещение Тревор-Ропером исторических предпосылок и социальной сущности английской революции. Оно включало в себя два основных тезиса: о «всеобщем» упадке и обнищании «простого» джентри Англии в период 1540—1640 гг. и о решающей роли приходящего в упадок джентри в событиях революционного двадцатилетия (1640—1660). Имея в виду оба названных положения своей доктрины, Тревор-Ропер гово-

рил в одной из статей: «Великий мятеж, по моему мнению, не являлся ясно осознанной борьбой крепнущей буржуазии и джентри за свои права, но был скорее слепым протестом угнетенного джентри»²³. Так первая буржуазная революция в Англии под пером консервативного автора превращалась в слепой бунт, лишенный подлинно созидательного начала.

Наряду с Тревор-Ропером открыто выступили против марксистской концепции английской революции как буржуазной манчестерские историки Д. Брантон и Д. Пеннингтон в работе, посвященной социальному составу палаты общин Долгого парламента. Из того очевидного факта, что оба противостоявших друг другу лагеря в палате общин (роялистский и сторонников парламента) включали представителей одних и тех же классов — дворянства и буржуазии, авторы поспешили сделать вывод об отсутствии у роялистов и сторонников парламента в палате общин вообще каких-либо различий в социальных и экономических интересах. На этом основании Брантон и Пеннингтон отклоняли всякую мысль о социальном конфликте в английской революции. По их мнению, гражданская война была не классово-вой борьбой, а просто «ссорой» внутри землевладельческого класса между теми, кто стоял «вовне», и теми, кто находился «внутри», т. е. у руля власти²⁴. Отрицая классовое, социальное содержание борьбы в английской революции, Брантон и Пеннингтон откровенно пренебрежительно отзывались об участии широких масс в событиях 40-х годов, их решающей роли в осуществлении наиболее важных преобразований. Нетрудно было заметить в этой интерпретации прямое влияние взглядов «отца истории парламента» Л. Нэмира, по инициативе и под руководством которого вели свое исследование манчестерские историки²⁵.

Работы Тревор-Ропера, Брантона и Пеннингтона вызвали серьезную критику британских историков самых различных направлений. Давая общую оценку содержанию и смыслу подхода Тревор-Ропера, Брантона и Пеннингтона к изучению английской революции, К. Хилл подчеркивал, что методы, техника анализа названных авторов таили в себе опасность установить «фальшивый акцент» в историческом исследовании, сделать современную интерпретацию революции такой же односторонней, какой она была у С. Гардинера, но в противоположном отношении: своим исключительным вниманием к области «связей» эти историки правого толка создавали впечатление, что всякая политика — это грязная игра, борьба за «теплые местечки», что принципы — это просто камуфляж. Хилл указал на явные несоответствия и противоречия в работе Тревор-Ропера «Джентри в 1540—1640 гг.», касающиеся прежде всего истолкования категории «джентри», расчленения таких понятий, как «придворное» и «провинциальное» джентри, а также описания источника реальных богатств, создаваемых в предреволюционное столетие, понимания роли индепендентов в английской революции и, в частности, определения их отношения к «приходящему в упадок» джентри, характеристики социальной сущности пуританской идеологии. «В самом деле, — писал он, — применение Тревор-Ропером своего анализа для объяснения

гражданской войны является совершенно необидительным»²⁶. В равной степени критически Хилл оценивал и работу Брантона и Пеннингтона «Члены Долгого парламента». Он отмечал, что факты, использованные в их книге, в некоторых важных аспектах получили неправильное истолкование, а их вывод о роли классовых различий в английской революции не следовал прямо из тех материалов, которые ими были собраны. В 1955 г. вышло третье издание популярного очерка К. Хилла «Английская революция». В нем известный британский ученый подтверждал свое глубокое убеждение в том, что гражданская война 40-х годов XVII в. была войной классовой, в которой деспотизм Карла I защищали реакционные силы государственной церкви и консервативных землевладельцев; парламент же, по его мнению, победил короля потому, что он мог использовать активную поддержку торговых и промышленных классов в городе и деревне, йоменов и прогрессивного джентри, а также более широких масс населения²⁷.

Методы исследования Брантона и Пеннингтона стали предметом острой критики в статье Б. Мэннинга «Долгий парламент и английская революция». Автор показал существенные недостатки в анализе манчестерскими историками «связей» членов палаты общин Долгого парламента, игнорирование ими многочисленных фактов, подтверждающих различия в экономических интересах между роялистами и сторонниками парламента²⁸. В следующей своей статье «Дворяне, народ и конституция» Мэннинг решительно отверг все попытки реакционных историков принизить роль широких масс в английской революции. «История, где народ, которым правят, исключен, — писал он, — является, мягко говоря, односторонней»²⁹.

Важное значение для опровержения взглядов Тревор-Ропера на английскую революцию имели результаты работы весьма представительной конференции, организованной журналом «Паст энд Презент» по проблеме «одновременных революций» XVII в. Подводя итоги проведенной дискуссии, Э. Хобсбаум, в частности, отметил, что общее мнение участников складывалось не в пользу концепции, согласно которой английское джентри накануне революции представляло собой приходящий в упадок класс³⁰. Точка зрения Тревор-Ропера на судьбы английского джентри в предреволюционное столетие не получила поддержки также в работах социальных историков, посвященных эволюции аграрного строя тюдоровской и стюартовской Англии. Исследования М. Финча, У. Хоскинса, Дж. Сзирск убедительно доказывали рост капиталистических тенденций в сельском хозяйстве Англии XVI—XVII вв., увеличение богатства и влияния «средних» классов дореволюционного английского общества³¹. Вместе с британскими учеными активное участие в критическом разборе концепции английской революции, выдвинутой в работах Тревор-Ропера, принял и ряд зарубежных авторов. Особые возражения у историков вызвали спекуляции Тревор-Ропера вокруг роли обедневших провинциальных сквайров в событиях середины XVII в., тенденциозное освещение социальной принадлежности и политики индипендентов³².

Выступление Тревор-Ропера по вопросу о причинах и характере

так называемого общеевропейского кризиса XVII в. явилось логическим продолжением борьбы консервативных историков Англии против марксизма. В памфлете «Всеобщий кризис XVII столетия», опубликованном в 1959 г., автор произвольно ставил в один ряд такие социально разнородные исторические события середины XVII в., как английская буржуазная революция, движение Фронды, государственные перевороты 1649 г. в Нидерландах, антикастильское восстание в Каталонии 1640 г., восстановление независимости Португалии от испанской короны, восстание Мазаньелло 1647 г. в Неаполе. Все они провозглашались составными элементами «всеобщей революции» в Европе, во всех он устанавливал одну «общую» черту — по своему характеру они якобы были выступлениями против «невероятно расточительного, пышного, паразитического ренессансного» двора и, *mutatis mutandis*, за возврат к старой, меркантилистской политике средневековых городов. Касаясь революции в Англии, оксфордский профессор писал, что в ней победила не буржуазия, а «страна», т. е. та неопределенная, «неполитическая», но высокочувствительная совокупность людей, которая восстала не против монархии и не против экономического архаизма, а против обширного, деспотического и все расширяющегося аппарата паразитической бюрократии, которая окружила двор и «надстроилась» над экономикой страны³³. В своем стремлении занять активную позицию противоборства по отношению к вигским и марксистским традициям в английской историографии Тревор-Ропер фактически заново переписывал всю историю стран Европы середины XVII в. В угоду абстрактно-спекулятивной схеме искажался объективный смысл событий, отрицались или ставились под сомнение давно установленные исторической наукой факты. Все это не могло не вызвать решительного отпора со стороны историков различных убеждений при обсуждении памфлета Тревор-Ропера на страницах журнала «Паст энд Презент» в следующем году. Во всех рецензиях ведущих специалистов из Англии, США и Франции единодушно выражена негативная оценка претензиям Тревор-Ропера на «новую и оригинальную» интерпретацию событий XVII в.³⁴

Вместе с критикой концепции Тревор-Ропера в английской историографии 50-х годов появляется и тенденция к отказу от объяснения революции с помощью социально-экономических категорий, тенденция к возрождению традиционно-либерального взгляда на ее причины и характер. В статье «Причины английской гражданской войны» известный британский историк С. В. Уэджвуд решительно выступила против так называемого экономического детерминизма, рассматривая теории Тоуни и Тревор-Ропера как в равной степени «неадекватные» объяснения событий середины XVII в. Кризис в Англии XVII в., по словам автора, не являлся в своей основе экономическим кризисом, но был политическим и административным кризисом³⁵. Уэджвуд во многом продолжала традиции своих либеральных предшественников XIX в., в работах которых революция изображалась как исключительно религиозно-конституционный конфликт. В то же время она всячески старалась в отличие от своих викторианских коллег избегать каких-либо моральных оценок или суждений и

откровенно склонялась к этическому релятивизму. «Гардинер писал в эпоху, — читаем мы в одной из ее работ, — когда моральная уверенность была не только возможной, но и естественной вещью; мы же живем в эпоху, когда чрезвычайно трудно достигнуть и поддерживать уверенность относительно моральных проблем политики»³⁶. Уэдждуд расходилась со своими предшественниками и в другом важном отношении: стоя на методологических позициях субъективизма и волюнтаризма, она вела активную борьбу с идеями исторической необходимости и закономерности английской революции, давала упрощенное представление о ней как следствии нагромождения ряда случайностей и ошибок Карла I и его правительства. Показательны в этой связи получившие популярность в Англии ее работы «Мир короля» и «Война короля», посвященные детальному описанию причин и хода гражданской войны»³⁷.

В 60—70-е годы идейно-методологическая борьба в английской историографии буржуазной революции XVII в. проявляется с новой силой, приобретает широкий размах. Этому способствовали факторы не только социально-политического плана (возрастание влияния идей марксизма и обострение идеологической борьбы), но и научно-познавательного: расширение проблематики исследований и круга источников, включение в научный оборот обширного, ранее не использованного документального материала. Много нового и ценного дало изучение хода революции на местах, в отдельных графствах и городах Англии. В свете этих данных вырисовывалась более реалистическая картина революционной борьбы в стране, расстановки в ней социальных и политических сил. В настоящее время абсолютное большинство британских историков в той или иной степени вынуждено признавать надуманный характер теоретической модели английской революции, сконструированной в работах Тревор-Ропера. Исследования Дж. Клайффа, Г. Ллойда, А. Симпсона, Л. Стоуна, У. Хоскинса и других³⁸ окончательно дискредитируют его концепцию приходящего в упадок простого джентри. На различных уровнях они приводят новые данные, свидетельствующие о важных изменениях в социально-классовой структуре Англии XVI—XVII вв., росте в ней экономического могущества буржуазии и нового дворянства.

Подытоживая результаты многочисленных исследований британских и американских историков, посвященных проблемам эволюции социальной структуры Англии в период 1540—1640 гг. и вызревания объективных предпосылок английской революции, Л. Стоун писал: «Едва ли возможно и дальше рассматривать приходящее в упадок простое джентри в качестве главной движущей силы революции»³⁹.

Необоснованность основных посылок концепции Тревор-Ропера, легковесность и шаткость его аргументов наглядно показало изучение истории джентри отдельных графств. Так, тщательное, многолетнее исследование положения джентри Йоркшира в период от Реформации до начала гражданской войны доказывало, что из той его части, которая находилась в экономическом упадке до гражданской войны и которая приняла в ней участие на той или другой стороне, подавляющее большинство (75 процентов) присоединилось к роялистам и

лишь незначительное меньшинство (25 процентов) примкнуло к сторонникам парламента. Если это верно для всей страны, указывал Л. Стоун, то тем самым опровергается гипотеза Тревор-Ропера, по которой «индепендентский мятеж» был восстанием разоренных, обедневших сквайров⁴⁰. Не находит фактического подтверждения в современной британской историографии и точка зрения Тревор-Ропера, касающаяся положения английской аристократии, в частности его тезис об отсутствии каких-либо симптомов ее экономического упадка в ходе столетия, предшествовавшего революции. Фундаментальное исследование социальной эволюции титулованной придворной элиты Англии в период 1558—1641 гг. дало основание Л. Стоуну констатировать наличие «многостороннего кризиса» в делах английской аристократии накануне революции, связанного с утратой ею военной власти, значительных земельных владений и социального престижа⁴¹. На огромном статистическом материале было показано существенное перераспределение экономических ресурсов и национального богатства в пользу «средних» классов в течение предшествующих началу революции ста лет. По словам автора, нет смысла дальше сомневаться в том, что в 1640 г. земли, а следовательно, и национального богатства было в частных, неаристократических руках гораздо больше, чем в 1540 г.⁴² Вслед за Р. Тоуни и К. Хиллом Стоун подчеркивал реакционные черты образа жизни старой феодальной знати, не выполнявшей никаких производительных функций и составлявшей «антипатичную группу излишних паразитов» в тогдашнем английском обществе.

Критика взглядов Тревор-Ропера на источник реальных богатств, создаваемых в предреволюционное столетие, содержащаяся в статье К. Хилла «Новейшие интерпретации гражданской войны», получила поддержку в работе профессора Йоркского университета Д. Эйллера «Служащие короля». Приводимые в ней данные доказывали несостоятельность утверждений Тревор-Ропера о том, что действительно реальные богатства в период, предшествующий революции, создавались джентри не за счет роста доходов от землевладения, а исключительно благодаря причастности ко двору, приобретению прибыльных должностей. Детальное исследование положения около 800 служащих центральной администрации Карла I, проведенное Эйллером, показало, что доходы от службы при короне, за исключением незначительного числа высших должностей, мало что значили по сравнению с «доходами от земли»⁴³.

Полное банкротство теоретических построений Тревор-Ропера в современной британской историографии революции XVII в. привело к активизации деятельности в ней новых групп буржуазных историков, к усилению реакционных тенденций в их общеметодологических воззрениях. «Пора, наконец, поставить под сомнение те предположения, которые разделялись вигскими историками XIX в. и марксистскими историками начала XX в.» — заявляет крупный историк Лондонского университета К. Расселл во введении к сборнику молодых, в основном буржуазных авторов «Происхождение английской гражданской войны»⁴⁴. Общее между марксистскими и вигскими историками

Расселл находил в том, что и те и другие признавали, хотя и с различных точек зрения, историческую неизбежность английской революции, прогрессивный характер победы в ней буржуазии и нового дворянства. С призывом к решительному противодействию всем «прогрессистским» и «детерминистским» концепциям английской революции выступил также дуайен административных историков Англии профессор Кембриджского университета Д. Элтон. В многочисленных рецензиях и ряде статей он настойчиво требует отказа историков от поисков глубоких социальных или политических причин революции, ратует за необходимость рассмотрения ее как «исключительного и непредвиденного» исторического феномена. Крах правительства Карла I, по его словам, не был «неизбежным» следствием глубокого социального размежевания или назревшего конституционного конфликта, он был обусловлен в действительности неспособностью короля и его министров управлять какой-либо политической системой»⁴⁵. Отсюда вытекает главная задача, которую Элтон ставит перед историками революции: она сводится к тому, чтобы понять события середины XVII в. «в их собственном свете»⁴⁶. Кембриджский профессор горячо приветствовал попытку Расселла и других авторов сборника «Происхождение английской гражданской войны» развенчать «вигский миф», утвердить за периодом 1625—1640 гг. право «иметь свои собственные результаты — результаты, не предсказуемые на основании того, что было раньше»⁴⁷. В то же самое время критикуются все работы, в которых отчетливо выражено стремление установить изначальные, восходящие к XVI в. исторические предпосылки революции. В рецензии на книгу Л. Стоуна «Причины английской революции» Элтон откровенно выражает свою негативную реакцию на намерение либерального буржуазного историка раскрыть связь революции с объективными тенденциями развития Англии в XVI—XVII вв. «Мы должны рассматривать XVI век, — утверждает он, — с точки зрения его собственного опыта, а не как предысторию революции. Мы должны рассматривать даже царствования первых Стюартов, не имея убеждения в том, что единственной значимой вещью в их истории является конечное крушение правления, которое, как мы знаем, должно было наступить»⁴⁸.

Доказательству отсутствия каких-либо «революционных напряженностей» в политической истории Англии первых десятилетий XVII в. посвящена специальная статья Д. Элтона «Прямая дорога к гражданской войне?». Центральное место в ней занимает критика упрощенного представления об исторической неизбежности английской революции, основанного на плоском, механическом детерминизме. Однако консервативный автор не только не принимает идею о закономерности революции, но и прилагает все усилия, чтобы ее опровергнуть. Вопреки очевидным фактам утверждает, что в эпоху первых Стюартов не было никакой борьбы парламентской оппозиции с абсолютизмом, не было даже самой оппозиции как таковой. В этой связи весьма тенденциозно трактуется история с известным документом «Апология палаты общин», который выработал собравшийся в 1604 г. при Якове I парламент и в котором прямо говорилось, что у

короля нет абсолютной власти. Он изображается как дело рук отдельных «экстремистских элементов»⁴⁹. С призывом к «исправлению» тенденции рассматривать парламентскую историю Англии 1604—1629 гг. «по образу исторического эскалатора» и как «прямую дорогу к гражданской войне» выступил также Расселл в статье «Парламентская история в перспективе». Здесь находит поддержку и подробно разрабатывается выдвинутый Элтоном тезис о политическом мире в Англии первых десятилетий XVII в.⁵⁰ Идея о случайном характере событий середины XVII в., отсутствии глубоких объективных причин, лежащих в их основе, пронизывает взгляды и авторов сборника «Происхождение английской гражданской войны». «Бесполезно, — пишет один из них, — предаваться широким обобщениям относительно причин гражданской войны, когда детальное исследование предшествующих мятежам приблизительно десяти лет показывает, как мало люди думали о последствиях своих действий»⁵¹.

Отрицая всякую мысль об исторической обусловленности и закономерности английской революции, правобуржуазные историки стремятся посеять сомнения в достигнутых успехах прогрессивных ученых, представить результаты спора между Тоуни и Тревор-Ропером как совершенно негативные. «Ни „возвышение джентри“, ни „упадок джентри“ никогда не имели место», — делает категорический вывод Расселл⁵². Вместе с историками М. Каллэном и К. Томпсоном Расселл принял активное участие в критике метода совокупного подсчета числа проданных и купленных маноров, который Л. Стоун использовал в своей работе «Кризис аристократии» для определения динамики сокращения собственности пэров Англии до революции. Однако, несмотря на очевидные намерения, ни Расселлу, ни другим названным авторам не удалось дискредитировать получившую широкое признание в британской историографии концепцию «возвышения джентри». В лучшем случае речь могла идти об исправлении отдельных недостатков в статистике, но никак не о пересмотре концепции в целом. Отвечая на критику, Стоун подчеркивал, что гипотеза об относительном упадке благосостояния и общественного положения титулованной аристократии и относительно росте материального могущества и общественного влияния джентри и сквайров основывается на целом комплексе взаимосвязанных объективных данных, только часть которых является статистической. Более того, не все цифровые показатели зависят от подсчета числа проданных и купленных маноров, а сам подсчет маноров лишь частично включает данные изменения земельных владений пэров в различные периоды⁵³.

Особым нападкам в работах современных буржуазных историков консервативного лагеря подвергается учение о революционном характере и классовых целях событий середины XVII в. Идея революции в Англии XVII в. — это «злостное» изобретение постмарксистских историков, заявляет П. Ласлетт, руководитель кембриджской группы по изучению истории населения и общественных отношений. Вплоть до промышленной революции Англия, по его словам, представляла собой «одноклассовое общество», на протяжении трех столетий в ней якобы не было никаких значительных социальных конфликтов, ни-

какого значительного изменения общественной и экономической структуры⁵⁴.

С точки зрения Элтона, в английской административной истории было три «революционных периода»: норманский, тюдоровский и викторианский. 1640 и 1688 годы не привели к созданию новой политической системы управления, поэтому уже само обозначение этой эпохи как «века революции» является ошибкой⁵⁵. Против признания классового содержания событий середины XVII в. нацелена выдвинутая К. Расселлом концепция «двух революций». Она механически разрывает события 1640—1642 и 1647—1649 гг., рассматривая их как совершенно самостоятельные и не связанные между собой в социальном и идеологическом отношении. «Мы имеем,— пишет Расселл,— политический мятеж, который в ограниченной степени был успешным, и социальную революцию, которая... почти полностью была безуспешной»⁵⁶. Говоря о социальной революции, Расселл имеет в виду прежде всего выступления левеллеров и других радикально-демократических групп, ни о какой буржуазной революции речи у него здесь нет. Напротив, все усилия лондонского историка направлены на то, чтобы доказать отсутствие каких-либо четко выраженных классовых революционных устремлений буржуазии и нового дворянства в событиях 40-х годов, представить лидеров парламентской оппозиции как «стойких реакционеров». Эти усилия были высоко оценены Д. Элтоном в рецензии на сборник «Происхождение английской гражданской войны». «Ценно встретить историка,— пишет он о Расселле,— который напоминает нам о том, что все, чего добивались парламентские лидеры 1640 г., было не революцией, а должностью»⁵⁷.

Весьма искаженное освещение концепция «двух революций» дает и проблемам, связанным с истолкованием причин и характера гражданской войны. По словам Расселла, последняя была «случайной войной», следствием «недопонимания» обеими сторонами намерений друг друга. В ней будто бы не ставились и не решались никакие классовые задачи. «Трудно видеть глубокие социальные размежевания при выборе сторон»,— заявляет буржуазный автор⁵⁸. Как обычно, расхожим аргументом является однобокое толкование факта раскола среди пэров, джентри и купечества во время войны. Что же касается другого очевидного факта — поддержки парламента в ходе гражданской войны экономически передовыми и богатыми юго-восточными районами Англии и поддержки короля отсталым и бедным северо-западом страны, то он объясняется, по Расселлу, больше движениями армий воюющих сторон, чем каким-либо социальным принципом. Ясно, что данное «объяснение» не выдерживает какой-либо серьезной критики и преследует скорее пропагандистские, чем научные, цели. Его прямым адресатом является работа К. Хилла «Век революции». Здесь Хилл, используя марксистскую аргументацию, в частности, указывал, что если мы хотим понять природу гражданской войны, то взгляд на карту страны, обозначающую районы, которые в ходе военных действий находились под контролем соответственно короля и парламента, имеет гораздо больший смысл, чем любые рассуждения о составе Долгого парламента⁵⁹.

Начиная с 60-х годов все более влиятельные позиции в современной британской буржуазной историографии революции XVII в. начинает занимать группа историков неолиберального направления, в которую входят Д. Андердаун, О. Вулрич, А. Рутс, Л. Стоун, Д. Эйлмер и некоторые другие. Все они — известные авторы, имеющие в своем активе многочисленные труды как по специальным, так и общим вопросам истории английской революции⁶⁰. Нередко они выступают редакторами или организаторами различных тематических сборников⁶¹. По сравнению с интерпретацией революции в работах представителей правобуржуазной историографии подход неолиберальных историков к пониманию событий середины XVII в. имеет ряд отличительных особенностей: они защищают тезис о «революционной природе» кризиса 40-х годов, подчеркивают наличие объективных его причин, отчасти признают научные заслуги марксизма и марксистских историков в освещении исторических предпосылок революции. «Значительный вклад марксизма в объяснение этого периода, — пишет, например, Стоун, — состоял в том, что он показал степень и значение раннекапиталистического развития в торговле, промышленности и сельском хозяйстве на протяжении столетия, предшествовавшего революции. Марксистские и сочувствующие марксизму историки стали во главе исследований в этой области, и сейчас важно признать, какое сильное влияние их работа оказала на все последующие теории»⁶².

Неолиберальные историки отвергают навязываемый авторами правого толка тезис о политическом мире в Англии первых десятилетий XVII в., об отсутствии какой-либо парламентской оппозиции абсолютизму Стюартов и отсюда «случайности» событий 1640 и 1642 гг. «Эта революция была результатом конституционного конфликта», — решительно заявляет Эйлмер⁶³. В предисловии к сборнику «Английская революция» Вулрич отводит особое место анализу генезиса кризиса середины XVII в. Касаясь правления первых Стюартов в Англии, он отмечает, что оно вскоре привело к «новым напряжениям» между парламентом и короной и в конце концов поставило Англию перед лицом угрозы «реальной тирании»⁶⁴. Не находят поддержки у неолиберальных историков и попытки консервативных авторов рассматривать английскую революцию как обычное восстание против «непопулярного» короля. Революционный характер событий 40-х годов, согласно Стоуну, доказывается и словами, и делами: 22 тысячи проповедей, речей, памфлетов и газет, опубликованных в период 1640—1661 гг., представляют собой нечто совершенно непохожее на обычный протест против непопулярного правительства. С другой стороны, суд и казнь короля от имени «народа Англии», уничтожение института монархии, упразднение палаты лордов, ликвидация государственной церкви и конфискация ее собственности, лишение власти особо важных административных учреждений и органов правопорядка — все это символизировало на время фундаментальное изменение политической структуры страны. Здесь же Стоун отклоняет ввиду явной необоснованности все попытки правых изобразить лидеров парламентской оппозиции как «стойких реакционеров», враждебно настро-

енных к любым радикальным идеям. Еще в 1640 г., указывает он, многие из вождей парламента благожелательно внимали или сами выступали с речами, которые были по-настоящему радикальными и по тону, и по содержанию. Десять лет спустя они уже воодушевленно говорили об экспорте политической революции в Европу, используя лозунги и тактику, которые хорошо известны в XX в. В этой связи, по словам Стоуна, «немного трудно понять тех историков, которые отрицают понятие революции применительно к тому, что произошло в Англии середины XVII в.»⁶⁵

Несмотря на определенные позитивные моменты, интерпретация революции в трудах британских неолиберальных историков страдает существенными недостатками и ограниченностью. Для представителей данного направления характерны методологический эклектизм и эмпиризм, преувеличение значимости политических аспектов проблемы, полное отрицание классового содержания событий 40-х годов. Неправомерно отождествляя марксизм с экономическим материализмом, современные либеральные историки противопоставляют ему требование «более широкого», «социологического», «мультикаузального» подхода к анализу исторических предпосылок революции, основанного на позитивистской теории «равноправных» и «независимых» факторов общественного развития. С другой стороны, они не отказываются совершенно от пресловутых догм и стереотипов либерально-вигской историографии XIX в. В соответствии с традициями последней политической и религиозной борьбе в английской революции по-прежнему отводится главная, ведущая роль. Так, подчеркивая многообразие исторических причин революции, Эйлмер, в частности, писал: «Трудно выделить среди столь многих один фактор для объяснения того, почему люди приняли ту или другую сторону. Но, по крайней мере, у высших социальных групп (в особенности джентри) расхождения в политических или конституционных воззрениях были, возможно, решающим фактором»⁶⁶. Еще более категорично высказывается М. Эшли в работе «Гражданская война в Англии. Краткая история». «Глубинные причины первой гражданской войны в Англии, — заявляет автор, — были по существу политическими и религиозными»⁶⁷. Не видя никакой связи политических событий XVII в. с борьбой классов, неолиберальные историки, в свою очередь, стремятся непременно «опровергнуть» марксистскую концепцию английской революции как буржуазной. При этом не только повторяются известные «аргументы» консервативных авторов об отсутствии какой-либо феодально-буржуазной дихотомии в политическом конфликте 40-х годов, но и предпринимаются откровенные попытки поставить под сомнение возможность применения понятия класса к социальной действительности Англии XVII в. Объяснения английской революции, основывающиеся на современном понятии класса, все более выглядят анахронично, заявляет Вулрич, ссылаясь на новейшие локальные исследования буржуазных историков. Они будто бы доказывали, что отношения зависимости и влияния в местных общинах играли в английском обществе XVII в. гораздо большую роль, чем классовые отношения, и что основная линия размежевания в нем проходила между не-

значительным меньшинством тех, кто мог отнести себя к джентльменам, и громадным большинством тех, кто этого сделать не мог⁶⁸.

В равной степени надуманно Стоун утверждает, что марксистская теория классовой борьбы не применима (или применима очень ограниченно) к XVII в., что она вполне подходит для Англии начала XIX в., но якобы серьезно искажает социальную действительность более ранних периодов. «Ни одна из полярностей: феодал — буржуа, наниматель — служащий, богатый — бедный, поднимающееся — приходящее в упадок джентри, графское — приходское джентри — по-видимому, не имела непосредственного отношения к тому, что на самом деле произошло в начале 40-х годов XVII в.»⁶⁹

Ограниченность неолиберальной интерпретации кризиса XVII в. наглядно проявляется также и в освещении ее сторонниками исторического значения английской революции. Подчеркивая, что она явилась «поворотным пунктом в английской истории», «самым важным политическим событием столетия», неолиберальные историки в то же время сводят результаты революции к некоторым моральным урокам или в лучшем случае к ее влиянию на окончательное установление в Англии равновесия политической власти. В этом плане английская революция прямо противопоставляется французской революции 1789 г. «Это была политическая революция,— пишет Стоун о 1640 г.,— с потенциальными, но бесплодными социальными последствиями, в то время как французская революция была политической революцией с частично реализованными социальными последствиями»⁷⁰.

Современный этап идейно-методологической борьбы в английской историографии революции XVII в. отмечен дальнейшим укреплением позиций прогрессивных историков. Немалая заслуга в этом принадлежит работам К. Хилла, ректора Балиол-колледжа Оксфордского университета с 1965 г. Критики на Западе в настоящее время называют его «одним из величайших историков нашей эпохи», «лучшим авторитетом по стюартовскому периоду». В творческом активе Хилла десятки статей и ряд крупных монографических исследований, в которых история революции XVII в. представлена в целом или по отдельным проблемам⁷¹. Опираясь на обширный конкретный материал, Хилл ставит и решает важные теоретико-методологические вопросы, активно выступает с критикой реакционных тенденций, направленных на искажение содержания и сущности событий 40-х годов. Важное место в его работах отводится анализу исторических предпосылок революции, связанных с развитием в Англии 1540—1640 гг. капиталистических общественных отношений, увеличением богатства и влияния «средних» классов, обострением противоречий между «двором» и «страной», быстрым ростом оппозиции абсолютизму Стюартов. Английский историк подчеркивает, что в конечном счете революция 1640 г. была вызвана экономическими изменениями, которые не могли быть признаны в условиях старого режима. Особое внимание Хилл уделяет вопросам о социальной сущности английской революции и ее движущих силах. В одной из последних своих книг он открыто заявляет, что находит марксистскую концепцию буржуазной рево-

люции «самой полезной моделью для объяснения английской революции»⁷². По мнению Хилла, классовый характер революции XVII в. обнаруживается прежде всего в законодательных актах революции, в уничтожении ею тех социальных и политических институтов, которые мешали росту буржуазной собственности, во внутренней и внешней политике правительства Кромвеля, защищавшей интересы английской буржуазии и нового дворянства. В то же время британский ученый доказывает несостоятельность спекуляций буржуазных авторов на своеобразии расстановки классовых сил в английской революции, отличавшей ее, в частности, от французской революции 1789 г. Вслед за К. Марксом он указывает на объективные причины этого своеобразия, вызванного процессом расслоения английского дворянства в период 1540—1640 гг., выделения в нем группы нового дворянства, тесно связанной с буржуазией. Во время революции эта группа выступала в одном лагере с буржуазией. С другой стороны, часть буржуазии (например, монополисты) оказалась в роялистском лагере вследствие ее привилегированного положения при старом режиме.

В соответствии с традициями английской прогрессивной историографии начала XX в. в ряде работ Хилл показывает большую роль в событиях революции левеллеров, диггеров и других радикально-демократических группировок. По его словам, в Англии середины XVII в. было две революции: 1) та, которая успешно совершилась, установила священные права собственности, дала политическую власть имущим и устранила все препятствия на пути к триумфу протестантской этики — идеологии людей собственности, 2) та, которая никогда не произошла, угрожала учредить общественную собственность, широкую политическую демократию, уничтожить государственную церковь и протестантскую этику⁷³. Касаясь противоречивого характера последствий английской революции, Хилл подчеркивал, что она была великой революцией, во многих отношениях подобной французской революции 1789 г., в то же время она была далеко не завершенной революцией, если сравнивать ее все с тем же 1789 г.⁷⁴

Подводя краткий итог рассмотрению эволюции английской историографии буржуазной революции XVII в., необходимо отметить, что она проходит в XX в. два отчетливо выраженных этапа: 1) кризис вигской исторической концепции и усиление влияния марксизма (первые десятилетия XX в.), 2) острое столкновение прогрессивных и откровенно реакционных по своей направленности тенденций (50-е годы). В настоящее время линия размежевания в английской историографии революции XVII в. проходит не только между историками-марксистами и буржуазными историками, но и между различными группами самих буржуазных историков. В этой связи дифференцированный подход и оценка взглядов различных буржуазных авторов представляются весьма актуальными.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 115.

² Там же, т. 22, с. 309.

³ The English Revolution. 1600—1660/ Ed. E. W. Ives. L., 1968, p. 1.

- ⁴ См., например: *The English Revolution 1600—1660; The English Civil War and After, 1642—1658/* Ed. R. H. Parry. L., 1970; *The Interregnum: The Quest for Settlement. 1646—1660/* Ed. G. E. Aylmer. L., 1972; *The Origins of the English Civil War/* Ed. C. Russell. L., 1973; *Politics, Religion and the English Civil War/* Ed. B. Manning. L., 1973.
- ⁵ См.: *Барс М. А.* О концепции английской буржуазной революции XVII в. в работах Х. Тревор-Ропера. — Новая и новейшая история, 1959, № 2; *Семенов В. Ф.* Проблема аграрного переворота в Англии XVI — первой половины XVII в. в английской историографии. — Учен. зап. МГПИ, № 275. Вопросы историографии. М., 1967; *Ерофеев Н. А.* Английская историография нового и новейшего времени (1945—1964). — В кн.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968; *Левин Г. Р.* Современная буржуазная и лейбористская историография о демократическом движении в годы английской революции XVII в. — В кн.: Исследования по новой и новейшей истории. Л., 1972; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1974; *Виноградов К. Б.* Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., 1975; *Сапрыкин Ю. М.* Политическое учение Гаррингтона. М., 1975.
- ⁶ *Gooch G. P.* History and Historians in the Nineteenth Century. L., 1952, p. 274.
- ⁷ *Маколей Т. В.* Полн. собр. соч. СПб., 1860, т. I, с. 146; см. также: СПб., 1861, т. VI, с. 84.
- ⁸ *Гардинер С. Р.* Пуритане и Стюарты, 1603—1660 гг. СПб., 1896, с. 86.
- ⁹ *Manning B.* The Nobles, the People and the Constitution. — Past and Present, 1956, N 9, p. 44.
- ¹⁰ *Tawney R. H.* The Agrarian Problem in the Sixteenth Century. L., 1912; *Idem.* Religion and the Rise of Capitalism. L., 1926; *Idem.* The Rise of the Gentry, 1558—1640. — The Economic History Review, 1941, vol. XI, N 1; *James M.* Social Problems and Policy during the Puritan Revolution, 1640—60. L., 1930; *Morton A. L.* A People's History of England. L., 1938; *Hollorenshaw H.* The Levellers and the English Revolution. L., 1939; *Hill C.* The English Revolution 1640. L., 1940; *Dobb M.* Studies in the Development of Capitalism. L., 1946; *Hill C., Dell E.* (ed.) The Good Old Cause. The English Revolution of 1640—60; Its Causes, Course and Consequences / Ed. C. Hill, E. Dell. L., 1949; *Hobsbawm E.* The General Crisis of the European Economy in the 17th Century. — Past and Present, 1954, N 5—6; The Transition from Feudalism to Capitalism: A Symposium / Ed. M. Dobb. L., 1954.
- ¹¹ *Stone L. R. H.* Tawney. — Past and Present, 1962, N 21, p. 74.
- ¹² The Good Old Cause..., p. 19—20.
- ¹³ *Хилл К.* Английская революция. М., 1947, с. 15, 20.
- ¹⁴ *Мортон А. Л.* История Англии. М., 1950, с. 172.
- ¹⁵ Там же, с. 194. См. также: *Хилл К.* Английская революция, с. 79—80; *Hobsbawm E.* The General Crisis... — Past and Present, 1954, N 5, p. 49; N 6, p. 46.
- ¹⁶ *Холореншоу Г.* Левеллеры и английская революция. М., 1947, с. 119.
- ¹⁷ См.: Английская буржуазная революция XVII в. М., 1954, т. II, с. 237.
- ¹⁸ См.: *Манби Л. М.* Некоторые вопросы развития прогрессивной историографии в Англии. — Вопр. истории, 1963, № 5.
- ¹⁹ *Butterfield H.* The Englishman and his History. Cambridge, 1944, p. 7—8.
- ²⁰ *Brogan D. W.* The Price of Revolution. L., 1952.
- ²¹ *Trevor-Roper H. R.* The Gentry 1540—1640. — In: The Economic History Review Supplements. L., 1953, p. 4.
- ²² В своей статье «Возвышение джентри» Р. Тоуни признавал, что в рассматриваемое столетие среди джентри имелось много семей, не преуспевающих, а, наоборот, разоряющихся, точно так же, как среди землевладельцев-аристократов были те, кто шagal в ногу со временем. Но не они,

- подчеркивал английский ученый, определяли главное содержание той эпохи. См.: *Tawney R. H. The Rise of the Gentry*, p. 15.
- ²³ *Trevor-Roper H. R. The Social Origins of the Great Rebellion.— History Today*, 1955 Jun., p. 379.
- ²⁴ *Brunton D., Pennington D. Members of the Long Parliament. L., 1954, p. 176—184; Pennington D. The Long Parliament.— Past and Present*, 1954, N 6, p. 85—91.
- ²⁵ О Л. Нэмире см. содержательную статью: *Ерофеев Н. А. Л. Нэмир и его место в буржуазной историографии.— Вopr. истории*, 1973, N 4.
- ²⁶ *Hill C. Recent Interpretations of the Civil War.— History*, 1956, vol. XLI, N 141—143, p. 72.
- ²⁷ *Hill C. The English Revolution 1640: An Essay. L., 1955, p. 6.*
- ²⁸ *Manning B. The Long Parliament and the English Revolution.— Past and Present*, 1954, N 5, p. 71—76.
- ²⁹ *Manning B. The Nobles, the People and the Constitution*, p. 44.
- ³⁰ *Seventeenth Century Revolutions.— Past and Present*, 1958, N 13, p. 71.
- ³¹ *Hoskins W. G. The Rebuilding of Rural England, 1570—1640.— Past and Present*, 1953, N 4; *Finch M. E. The Wealth of Five Northamptonshire Families, 1540—1640. Oxford, 1956; Hoskins W. G. The Midland Peasant. L., 1957; Thirsk J. English Peasant Farming. L., 1957.*
- ³² *Hexter J. H. Storm over the Gentry. The Tawney — Trevor-Roper Controversy.— Encounter*, 1958, May, vol. X, N 5; *Yule G. The Independents in the English Civil War. Melbourne, 1958; Zagorin P. The Social Interpretation of the English Revolution.— The Journal of Economic History*, 1959, Sept., vol. XIX, N 3.
- ³³ *Trevor-Roper H. R. The General Crisis of the 17th Century.— Past and Present*, 1959, N 16, p. 60.
- ³⁴ Discussion of H. R. Trevor-Roper: «The General Crisis of the Seventeenth Century».— *Past and Present*, 1960, N 18.
- ³⁵ *Wedgwood C. V. The Causes of the English Civil War.— History Today*, 1955, Oct., p. 673.
- ³⁶ *Wedgwood C. V. The King's Peace 1637—1641. L., 1955, p. 491.*
- ³⁷ *Wedgwood C. V. The King's Peace; Idem. The King's War 1641—1647. L., 1959.*
- ³⁸ *Essays in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England / Ed. F. J. Fisher. Cambridge, 1961; Simpson A. The Wealth of the Gentry, 1540—1660. Chicago, 1961; Hoskins W. G. Provincial England: Essay in Social and Economic History. L., 1963; Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558—1641. Oxford, 1965; Lloyd H. A. The Gentry of South-West Wales, 1540—1640. Cardiff, 1968; Cliffe J. T. The Yorkshire Gentry from the Reformation to the Civil War. L., 1969; Gough J. W. The Rise of the Entrepreneur. L., 1969; Hey D. G. An English Rural Community: Myddle under the Tudors and Stuarts. Leicester, 1974; Spufford M. Contrasting Communities. English Villagers in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Cambridge, 1974.*
- ³⁹ *Stone L. The Causes of the English Revolution, 1529—1642. L., 1972, p. 30.*
- ⁴⁰ *Historical Studies Today / Ed. F. G. Gilbert, St. R. Graubard. N. Y., 1972, p. 129. По некоторым другим графствам см.: Coate M. Cornwall in the Great Civil War and Interregnum, 1642—1660. L., 1963; Dore R. N. The Civil Wars in Cheshire. Chester, 1966; Sterling J. The Civil War in Lancashire. Clapham, 1971; Underdown D. Somerset in the Civil War and Interregnum. Newton Abbot, 1973.*
- ⁴¹ *Stone L. The Crisis of the Aristocracy... , p. 13.*
- ⁴² *Ibid.*, p. 11.
- ⁴³ *Aylmer G. E. The King's Servants: The Civil Service of Charles I, 1625—1642. L., 1961. См. также: Andrews A. Elizabethan Privatizing. Cambridge, 1964; Levaack B. P. The Civil Lawyers in England 1603—1641. A Political Study. Oxford, 1973.*
- ⁴⁴ *The Origins of the English Civil War*, p. 5.
- ⁴⁵ *Elton G. R. Studies in Tudor and Stuart Politics and Government: Papers and Reviews 1946—1972. Cambridge, 1974, vol. II, p. 160.*

- ⁴⁶ *Ibid.*, p. 188.
- ⁴⁷ *The Historical Journal*, 1974, vol. 17, N 1, p. 213.
- ⁴⁸ *The Historical Journal*, 1973, vol. 16, N 1, p. 207.
- ⁴⁹ *Elton G. R.* A High Road to Civil War? — In: *From the Renaissance to the Counter-Reformation*. N. Y., 1965.
- ⁵⁰ *Russell C.* Parliamentary History in Perspective, 1604—1629.— *History*, 1976, vol. 61, N 201.
- ⁵¹ *Hill L. M.* County Government in Caroline England, 1625—1640.— In: *The Origins of the English Civil War*, p. 66.
- ⁵² *The Origins of the English Civil War*, p. 7.
- ⁵³ *Stone* and *Anti-Stone: A Discussion*.— *The Economic History Review*, 1972, vol. XXV, N 1, p. 134.
- ⁵⁴ *Laslett P.* *The World We Have Lost*. L., 1965.
- ⁵⁵ *Elton G. R.* *Studies in Tudor and Stuart Politics and Government...*, vol. II, p. 161—163.
- ⁵⁶ *The Origins of the English Civil War*, p. 3.
- ⁵⁷ *The Historical Journal*, 1974, vol. 17, N 1, p. 213.
- ⁵⁸ *Russell C.* *The Crisis of Parliaments: English History 1509—1660*. Oxford, 1971, p. 340.
- ⁵⁹ *Hill C.* *The Century of Revolution 1603—1714*. Edinburgh, 1962, p. 121.
- ⁶⁰ См., например: *Aylmer G. E.* *The King's Servants: The Civil Service of Charles I, 1625—1642*. L., 1961; *Idem.* *The Struggle for the Constitution 1603—1689*. England in the Seventeenth Century. L., 1965; *Idem.* *The State Servants: The Civil Service of the English Republic, 1649—1660*. L., 1973; *Ashley M.* *The Stuarts in Love*. L., 1963; *Idem.* *Oliver Cromwell and his World*. L., 1972; *Idem.* *The English Civil War: A Concise History*. L., 1974; *Roots J.* *The Great Rebellion 1642—1660*. L., 1966; *Stone L.* *The Crisis of the Aristocracy, 1558—1641*; *Idem.* *The Causes of the English Revolution. 1529—1642*; *Woolrych A. H.* *Battles of the English Civil War*. L., 1966; *Idem.* *Oliver Cromwell and the Rule of the Saints*.— In: *The English Civil War and After, 1642—1658*. L., 1970; *Underdown D.* *Pride's Purge. Politics in the Puritan Revolution*. Oxford, 1971; *Idem.* *Somerset in the Civil War and Interregnum*.
- ⁶¹ См., например: *Social Change and Revolution in England 1540—1640* Ed. L. Stone. L., 1965; *Woolrych A.* *An English Revolution: An Introduction*.— In: *The English Revolution. 1600—1660*. L., 1968; *The Interregnum: The Quest for Settlement. 1646—1660*/ Ed. G. E. Aylmer. L., 1972; *Cromwell: A Profile* / Ed. J. Roots. N. Y., 1973; *The Levellers in the English Revolution* / Ed. G. E. Aylmer. N. Y., 1975.
- ⁶² *Stone L.* *The Causes of the English Revolution...*, p. 54.
- ⁶³ *Aylmer G. E.* *The Struggle for the Constitution*, p. 2.
- ⁶⁴ *The English Revolution 1600—1660*, p. 16.
- ⁶⁵ *Stone L.* *The Causes of the English Revolution*, p. 53.
- ⁶⁶ *Aylmer G. E.* *The Struggle for the Constitution*, p. 120.
- ⁶⁷ *Ashley M.* *The English Civil War. A Concise History*, p. 24.
- ⁶⁸ *The English Revolution. 1600—1660*, p. 4.
- ⁶⁹ *Stone L.* *The Causes of the English Revolution*, p. 56.
- ⁷⁰ *Ibid.*, p. 57.
- ⁷¹ *Hill C.* *The Century of Revolution 1603—1714*. Edinburgh, 1962; *Idem.* *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. L., 1964; *Idem.* *Intellectual Origins of the English Revolution*. Oxford, 1965; *Idem.* *Reformation to Industrial Revolution*. L., 1967; *Idem.* *The World Turned Upside Down: Radical Ideas during the English Revolution*. N. Y., 1972; *Idem.* *God's Englishman: Oliver Cromwell and the English Revolution*. Harmondsworth, 1972; *Idem.* *Change and Continuity in Seventeenth Century England*. L., 1974.
- ⁷² *Hill C.* *Change and Continuity in Seventeenth Century England*. Cambridge (Mass.), 1975, p. 279.
- ⁷³ *Hill C.* *The World Turned Upside Down*, p. 12.
- ⁷⁴ *Hill C.* *The Century of Revolution*, p. 187.

ФЕОДАЛЬНАЯ РИГА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Х. П. Стродс

Исследователи истории феодальной Риги в зарубежной историографии располагали весьма фрагментарными материалами о связях торговых фирм с Ригой или отдельными торговыми договорами, прейскурантами, таможенными тарифами, выездными документами ремесленников и т. п.

Собрание документальных материалов хранят архивы Швеции; в Австрии хранится архив Тевтонского ордена, в Геттингене находились вывезенные немецкими фашистами из Риги, Таллина и Кенигсберга архивы, в которых отражена и история Риги. Однако за исключением шведских и геттингенского архивов неопубликованные источники весьма редко используются исследователями истории феодальной Риги. В 1968 г. в Геттингене была организована выставка документов, украденных немецкими оккупантами из таллинского архива и касающихся истории Таллина. Из числа этих документов опубликованы регесты таллинского порта¹, однако Рига получила отражение лишь в отдельных документах этой публикации. Большая часть исследований по истории феодальной Риги, выходящих в свет за рубежом, базируется лишь на опубликованных документальных материалах и исторической литературе.

Зарубежная историография периода после второй мировой войны истории феодальной Риги представлена почти во всех формах — монографические исследования, научные статьи, помещаемые в сборниках и журналах, научно-популярные брошюры, статьи в научно-популярных журналах.

В данной статье остановимся на следующих проблемах истории феодальной Риги, отраженных в научной литературе:

- 1) история Риги в первые столетия;
- 2) развитие ремесла и торговли;
- 3) социальные отношения и классовая борьба в Риге;
- 4) этнический состав населения Риги и национальные отношения;
- 5) борьба за господство в Прибалтике и Риге;
- 6) культура и быт населения Риги.

Известный вклад в изучение первых столетий истории феодальной Риги представляют собой исследования западногерманского историка Фр. Беннингховена, ученика Пауля Иогансена². Беннингховен продолжил тематику, начатую старой немецкой буржуазной историографией, стремясь ликвидировать пробел монографических работ, посвященных начальному периоду существования города Риги в качестве торгового поселения. В 1961 г. он опубликовал монографию «Происхождение Риги и ранний ганзейский купец»³, в которой он рассматривал главным образом развитие земельной собственности в феодальной Риге, а также эволюцию рижского магистрата и национальный

состав населения. Фр. Беннингховен полагает, что образование Риги не являлось единовременным актом. Так, на протяжении с 1215 по 1234 г. рядом с укрепленным епископским замком находилось поселение ремесленников и купцов⁴. Однако точка зрения Беннингховена, утверждающего, что создание Риги связано с деятельностью целой группы людей и не является делом рук одного епископа Альберта (подобно тому, как это было в Любеке, в соответствии с исследованиями Фр. Кенига), еще не получила распространения в западногерманской консервативной историографии⁵.

Значительный интерес представляют наблюдения Беннингховена над эволюцией рижского магистрата. Точка зрения исследователей, утверждающих, что магистрат был назначен в 1226 г. Вильгельмом Моденским, как известно, уже в 80-х годах XIX в. была отвергнута Бульмерингом. По мнению Беннингховена, Рига уже с 1221 г. выступает в качестве политического субъекта, что было невозможно без наличия магистрата. Назначение Вильгельмом Моденским в 1226 г. городского фогта явилось завершением этого процесса. Существенное значение имеет констатация сотрудничества первых рижских купцов с духовенством, орденом меченосцев и немецкими феодалами за пределами города⁶, свидетельствовавшего о феодализации рижского патрициата. Наряду с территориальной мобильностью Беннингховен констатирует «вертикальную» мобильность купцов, поскольку единственным условием включения купца в состав городского патрициата была его состоятельность. В 1543 г. в Риге около 3/4 земли принадлежало заморским купцам (Fernhändler) и лишь одна четверть находилась в пользовании рижского магистрата (Zinspflichtig), состоявшего из богатых купцов⁷. Вывод Беннингховена о том, что уже в земельных кадастрах Риги за 1286—1494 гг. в качестве землевладельцев наряду с немцами обнаруживаются латыши, русские, эстонцы, ливы и литовцы⁸, опровергает давний тезис прибалтийско-немецкой историографии о Риге как чисто немецком городе: «С древнейших времен до недавнего прошлого,— пишет Беннингховен,— Рига никогда не была чисто немецким, чисто латышским или чисто ливским городом. В составе населения всегда встречались представители различных народов: немцы, ливы, латыши, русские, литовцы и т. д.»⁹. Фр. Беннингховен призывает к изучению роли каждого из этих народов в экономической, социальной и политической жизни Риги. В 1557—1558 гг. в Риге проживало около 4 тыс. человек, из них 2500 (62,5%) составляли немцы и около 1500 (37,5%) — немцы. Кроме того, в Риге работало около 500 крестьян¹⁰. Таким образом, вывод Беннингховена соответствует утверждению пробста Рижского домского капитула Нагеля, что в 1454 г. немцы в Риге составляли примерно 1/3 населения.

Во второй части книги изучается имущественное положение Рижского магистрата в пределах городских стен¹¹, расположение башен рижских укреплений¹², немецкие имена в рижских долговых книгах (1286—1352)¹³ и видные рижские бюргеры до 1250 г.¹⁴

Исследование Беннингховена вносит поправки по крайней мере в три традиционных тезиса немецкой буржуазной историографии: во

первых, о чисто немецком характере Риги, во-вторых, об основании Риги как единовременном акте и, в-третьих, о рижских землях как частной собственности основателя Риги епископа Альберта¹⁵. Говоря о методике работ Беннингховена, необходимо отметить применение сравнительно-исторического метода и ретроспективное использование материалов новейшего времени. Разумеется, исследователь рассматривает древнюю историю Риги сквозь призму немецкого буржуазного специалиста, но его подход приводит и к определенным положительным результатам. Так, сравнивая площадь, занимаемую городами Зюст, Франкфурт-на-Майне и Рига, автор приходит к выводу о значительно более плотной заселенности последней по сравнению с немецкими городами. По подсчетам Беннингховена, на каждого жителя Риги в XIII в. приходилось в среднем 10 м² жилой площади¹⁶, причем 2/3 жителей обитали в качестве жильцов (наимателей). Для изучения распределения и заселенности земельных участков в Старой Риге Беннингховен использовал статистические данные конца XIX и начала XX в. Однако, подобно большинству буржуазных историков, при анализе земельной собственности в Риге, этнического состава и плотности населения он не приходит к констатации классов в феодальном обществе и к анализу классовых отношений. Следует указать, что в области анализа общественных отношений Беннингховен остается на фактографическом уровне.

По основной проблеме истории феодальной Риги — развитию торговли и ремесла — в зарубежной историографии нет сколько-нибудь значительных специальных трудов, а опубликованные небольшие исследования даже в методическом отношении не отражают достижений зарубежной историографии по этой тематике. Отдельные западногерманские историки развитие ремесел рассматривают как непрерывный процесс, состоящий в преодолении трудностей, реализации нововведений и отмирании старых отраслей¹⁷. Выясняется, каким образом отставание немецкой техники и экономики (в сопоставлении с наиболее развитыми капиталистическими странами) повлияло на кризис отношений между мастерами и подмастерьями, как протекал процесс пролетаризации ремесленников¹⁸. Показано, каким образом политика государства, видевшего в ремесле основу военной силы и не обращавшего внимания на ремесла, воздействовала на последние¹⁹. Тем не менее эти новые подходы не оказали влияния на изучение ремесел. Немецкая буржуазная историография по-прежнему стремится использовать историю рижских ремесел для того, чтобы подчеркнуть чисто немецкий характер Риги. В этой связи должны быть упомянуты исследования, посвященные рижским цеховым кубкам, надгробным плитам, выдающимся мастерам и др.²⁰ Так, например, Г. Пенникс в своем исследовании, посвященном архитектору К. Хаберланду, указывает, что избрал эту тему с целью показать преемственность культурных связей (разумеется, однонаправленных) между Ригой и Германией, продолжавших существовать и тогда, когда Рига находилась «под эгидой двуглавого орла».

Обширное исследование гончарного ремесла и истории керамики в Прибалтике принадлежит К. Штраусу²¹. Исследования в области

истории латышских ремесел в Риге проводил архитектор Пауль Кампе. Здесь в первую очередь должна быть упомянута его работа по истории рижского цеха латышских каменщиков в XVII в.²² Однако исследования П. Кампе в основном носят характер историко-архитектурный, а не социально-экономический, автор продолжает начатые еще в 30—40-х годах XX в. исследования рижского градостроительства²³, обращается к истории латышской архитектуры.

В 1952 г. в Хельсинки вышла книга известного финского историка Вилько Ниитемаа «Внутренняя торговля в политике ливонских городов в средние века»²⁴, в которой рассматривались проблемы, намеченные еще в предыдущей книге, посвященной «вопросу о немцах в средневековых городах Ливонии»²⁵. Автор анализирует борьбу ливонских городов с иностранными купцами за внутреннюю торговлю. Он выявляет роль внутренней торговли в торговом законодательстве городов, в их экономической связи с деревней, в расширении денежного обращения. Нельзя, однако, согласиться с негативной оценкой внутренней торговли, которую он связывает с отношением к народной культуре. Автор усматривает отрицательное влияние внутренней торговли в том, что на смену предметам собственного изготовления в крестьянский быт входит и «городское барахло»²⁶. Ограничение крестьянской торговли обострило классовые противоречия между помещиками и крестьянами в сфере торговли, т. е., выражаясь словами автора, сословный эгоизм распространился и на область торговли. Борьба за право на внутреннюю торговлю ослабляла Ганзейский союз. Внутренние торговые разногласия содействовали экспансии соседних стран в Ливонию.

Базируясь на материалах геттингенского архива, опубликованных документах и литературе, Э. Дунсдорф показывает, что с 1510 до 1550—1560 гг. в Риге цена на рожь резко поднялась, в 1560—1568 гг. — упала, а в конце столетия — с 1593 вплоть до 1600 г. — вновь поднялась на 19%²⁷. По мнению Дунсдорфа, рост цен на рожь, с одной стороны, способствовал повышению активности помещиков, а с другой — замедлению темпов создания имений, равно как и экономической экспансии помещиков. Затяжной характер роста цен оказал противоположное воздействие²⁸: участие крестьян в торговле сократилось не только по относительным, но и абсолютным цифрам²⁹.

К исследованиям экономической и социальной структуры Риги обращался в своих работах, посвященных бассейну Балтийского моря, известный западногерманский исследователь социально-экономической истории Герман Келленбенц. В истории рижской торговли, как и торговли других портов Балтийского моря в средние века, Г. Келленбенц выделяет три основных периода³⁰. Первый он относит к так называемой эпохе викингов и к первым столетиям после основания Риги. По мнению автора, это был «крестьянский» период, в частности, период готландских крестьян. Крестьяне готландского побережья не только возделывали землю и ловили рыбу, но и ходили в море на небольших судах. С распространением нового типа морского судна в XIII в. (*der Kogge*) и возвышением бюргерской Ганзы в XIII—XIV вв. морская торговля крестьян сокращается, но продол-

жает существовать и во второй, ганзейский период, когда крестьяне занимались доставкой в города продукции земледелия и животноводства³¹. Стремясь освободиться от ограничений, навязанных Ганзой, купцы из ганзейских городов в XIV—XV вв. выбирают себе в союзники голландских и английских купцов, которые начиная с XV в. активно посещают балтийские порты, в том числе Ригу. Общность интересов бюргеров и англо-голландских купцов, по мнению автора, имела своим следствием образование гильдий и цехов, формулировку условий, в соответствии с которыми гость не имел права торговать с гостем, а также распад Ганзы³² и наступление периода княжеско-государственной торговли. Это был третий период в истории рижской торговли. Наряду с бюргерской торговлей Г. Келленбенц, подобно польскому историку М. Маловисту³³ и финскому исследователю В. Ниитемаа³⁴, уделяет внимание торговле феодалов и особенно ордена и епископов³⁵, выявляя тем самым процесс обуржуазивания феодалов и высшего католического духовенства.

Эксперты в область истории рижской торговли XVII—XVIII вв. встречаются в исследовании профессора Индианского университета Вальтера Кирхнера «Торговые отношения Европы и России в XV—XVIII вв.»³⁶. Автор верно указывает, что во второй половине XVII в. Западная Европа нуждалась в восточноевропейских товарах, для того чтобы перейти к так называемому индустриальному обществу. Средневековые случайные торговые пути в этот период превратились в систему коммуникаций, и балтийские порты оказались в состоянии лучше, чем прежде, снабжать эти страны необходимыми товарами. Российская империя также нуждалась в Балтийском море, поскольку численность ее населения в XVIII в. по сравнению с XVII в. утроилась³⁷, а Нарва, находившаяся в XVII в. в руках России, никак не могла заменить Ригу³⁸. Автор в отличие от целого ряда западногерманских историков допускает мысль, что присоединение Риги к Российской империи было вызвано экономической необходимостью (после присоединения Рига заняла второе место, после Петербурга, по торговому обороту)³⁹. Правительство Российской империи активно содействовало развитию торговли Петербурга, поэтому в середине XVIII в. его торговый оборот уже втрое превышал рижский. Однако отсутствие в России банков, несоответствие русской денежной системы требованиям Запада, неудовлетворительное положение на русских таможах, протекционизм в торговле и высокие таможенные тарифы препятствовали расширению торговли с Европой. Как только действие этих факторов в какой-то мере ослабло, Российская империя в середине XIX в. обратилась к использованию черноморских портов, что позволило избавиться от контроля со стороны датчан, англичан и голландцев. Вмешательство государства в торговлю, по мнению В. Кирхнера, тормозило развитие среднего класса⁴⁰ и было основным препятствием на пути социально-экономического прогресса.

Проблемы развития рижской торговли затрагиваются в работе Вальтера Маккензи «Русская экономическая политика в период Николая I», изданной в Нью-Йорке в 1967 г. Автор признает, что экономическая политика Николая I была весьма неактивной⁴¹ по сра-

нению с русской политикой в XVIII в., вследствие чего промышленность Российской империи не имела возможности конкурировать с импортируемыми из-за рубежа товарами. Это привело к строгим ограничениям на ввоз иностранной промышленной продукции⁴². Введенные тарифы оказали отрицательное влияние на развитие рижской торговли.

Значение фактора «огосударствления торговли» заметно преувеличивает в своей двухтомной истории России западногерманский историк В. Гитерман⁴³. Однако он, подобно некоторым другим авторам, не принимает во внимание отрицательного влияния рижских привилегий и средневековых гильдейских ограничений на развитие торговли в бассейне Балтийского моря. Для работ английских, американских и западногерманских историков характерны актуальные и глобальные, с их точки зрения, выводы, не соответствующие использованной базе источников и уровню исследований.

Различия между марксистской и зарубежной буржуазной историографией в вопросах классовой борьбы выявляются с особенной наглядностью. Некоторые западногерманские историки, следуя тезису, провозглашающему теорию классовой борьбы академическим эрзацем истории конфликтов на основе подлинно политических убеждений⁴⁴, утверждают, что правящим классом становится господствующая бюрократия, представляющая интересы определенной группы. Вследствие этого они не признают существования социальных классов и борьбы между ними ни в прошлом, ни в настоящем⁴⁵. Вместе с прибалтийско-немецкими историками они утверждают, что Рига почти не знала социальной борьбы⁴⁶.

Определенное место в буржуазной историографии социальной истории занимают исследования так называемой горизонтальной и вертикальной социальной динамики. Так, В. Кун в работе «Немецкое заселение Востока в новейшее время» приходит к выводу, что господствующая немецкая прослойка лифляндских городов в XV—XVII вв., стремясь сохранить их немецкий характер, успешно противостояла наплыву несвободных латышей, используя для этой цели свое монопольное положение в магистрате. Проникновение зажиточной части латышей в города и их социальный прогресс уже с XV в. были связаны с онемечением⁴⁷. Однако если не принимать во внимание национальный характер ограничений, подобная политика городских магистратов в Латвии не представляла собой исключения. В XV—XVIII вв. во всей Европе городской патрициат стремился сдерживать горизонтальную и вертикальную мобильность ремесленников, результатом чего являлся экономический упадок сельских ремесел⁴⁸.

Либеральные буржуазные историки, обращаясь к истории социальных отношений, тем не менее пытаются преуменьшить либо вообще замолчать роль классовой борьбы. Так, известный исследователь западноевропейской Реформации Р. Штупперих⁴⁹ в очерке реформационного движения в Прибалтике⁵⁰ анализирует события этого периода и в Риге. Вопреки стремлению видеть в них мирное движение общественного характера автор очерка не может отрицать нали-

чие тесной взаимосвязи между движением реформации и растущей рижской буржуазией. В частности, Р. Штупперих признает, что Андрей Кнопкен был избран на должность архидиакона Петровской церкви рижским магистратом совместно с ольдерменами обеих гильдий⁵¹⁻⁵², однако с большой неохотой пишет о связанном с Реформацией уничтожении икон.

«Календарных беспорядков» в Риге касается З. Лигер в своей книге «История прибалтийских городов»⁵³, в которой нельзя не видеть определенную реалистическую оценку событий. Автор описывает ход «календарных беспорядков», уничтожение икон. Он верно указывает, что «календарные беспорядки» носили политический характер и были направлены против католического сеньора города — архиепископа, против магистрата и польского господства. З. Лигер считает даже, что «календарные беспорядки» носили в большей мере политический, чем религиозный, характер⁵⁴, однако автор не в состоянии сделать вывод, что цель участников беспорядков состояла в расширении прав бюргеров в рижском городском самоуправлении и что в событиях принимали участие не допущенные в гильдии городские жители, громившие дома богатых ратманов. Таким образом, признавая, что «календарные беспорядки» носили характер политической борьбы, автор тем не менее затушевывает основное — их классовый характер. Он не выходит за рамки традиционной для буржуазной историографии оценки: по его словам, «календарные беспорядки» представляли собой и проявление борьбы немецких протестантов и против польско-католического засилья, и против рекатолизации.

Наиболее значительная в научном отношении работа, посвященная истории социальных отношений и классовой борьбы в Риге в XVI в., написана в 1961 г. историком-марксистом из ГДР В. Кюттлером. В монографии «Патрициат, бюргерская оппозиция и движение народных масс в Риге во второй половине XVI в.» (объемом более 30 авторских листов) В. Кюттлер доказывает наличие в Риге в XVI в. глубокого социального расслоения. Так, рижскому магистрату и его членам (примерно 2000 из 14 000 жителей города) в XVI в. принадлежало 27,1—37,5% земельных участков в пределах городских стен, а всего рижский патрициат владел 39,1—51,9% всех городских земельных участков⁵⁵. Помимо того, городской патрициат пользовался многочисленными имениями, расположенными в сельской местности и полученными в залог под ссуду или иным образом⁵⁶. В итоге автор с полным основанием указывает на одворянивание, феодализацию рижской буржуазии⁵⁷. Этот процесс привел к тому, что в XVII в. почти все члены магистрата получили дворянские грамоты и занялись хозяйством в своих имениях, иногда в ущерб торговле⁵⁸. В работе особенно ярко показаны противоречия между рижским патрициатом, с одной стороны, и рядовыми цеховыми ремесленниками и гильдейскими купцами — с другой, — так называемая бюргерская оппозиция. В то же самое время существовали острые противоречия между бюргерами и плебейскими слоями горожан — транспортными рабочими, городскими служащими, кре-

стями патриониального округа, не входившими в гильдии купцами и ремесленниками, подмастерьями и учениками, жителями предместий. Ввиду того что плебейские слои в Риге составляли главным образом латыши, эти противоречия и борьба идентифицировались с борьбой между немецкой верхушкой и латышским населением города, с борьбой немецкого патрициата против латышской плебейской оппозиции⁵⁹. В результате детального анализа истории социальной борьбы⁶⁰ (между прочим, автор не пользуется обозначением «календарные беспорядки», называя события второй половины XVI в. «сословным восстанием» — *Standaufstand*)⁶¹ В. Кюттлер приходит к выводу, что немецкая привилегированная верхушка, организованная в социально-экономическом отношении в гильдии и цехи, после подавления беспорядков укрепила свое господство. В самом большом выигрыше оказался феодализованный рижский патрициат, который был связан с земельными владениями. Он сохранял свое правящее положение как при польском, так и при шведском господстве⁶². Недовольство сословий ослаблялось тем, что господствующему классу удалось изолировать друг от друга все перечисленные социальные группы. Городской патрициат в союзе с сельскими феодалами и польскими властями сумел в зародыше уничтожить попытку объединения городской плебейской оппозиции и крестьянства в единый антифеодальный фронт. В. Кюттлер непосредственно связывает восстание сословий с так называемым вторым изданием крепостничества в деревне. Он считает, что воздействие последнего на городское общество Риги было типичным, поскольку в деревне существовали весьма выгодные условия для развития мызного хозяйства. Далее, социально-экономическое развитие Риги в XVI в. В. Кюттлер ставит в зависимость от общих закономерностей развития средневековой торговли и ремесел, характерных для Европы. Работа В. Кюттлера представляет собой яркий пример превосходства марксистской историографии, проявившегося в анализе и синтезе источников, в оценке фактов с позиций интересов трудового народа. Как выводы, так и методика этого исследования непременно должны найти отражение в работах советских историков.

Почти в каждой работе западногерманских буржуазных историков, посвященной истории феодальной Риги, затрагивается одна из упомянутых выше проблем — этнический состав населения. В отличие от прежних прибалтийско-немецких историков, считавших Ригу чисто немецким городом, современная западногерманская буржуазная историография в целом признает интернациональный характер населения феодальной Риги.

Так, Вильгельм Ленц в работе «Превращение Риги в крупный город» пишет, что в XVII в. в Московском предместье Риги поселились русские старообрядцы. Рижские латыши в середине XIX в. составляли примерно половину населения Риги, играя при этом определяющую роль в городской жизни. В 1842 г. в Риге была основана еврейская община, члены которой становились полноправными горожанами и приобретали недвижимое имущество. Помимо этого, в Риге проживали представители всех мореходных народов. Так, на-

пример, в городе имелась английская колония, состоявшая из 70—80 человек, а с 1830 г.— английская община⁶³. В. Ленц отмечает, что бюргерскими правами обладали 2—5% населения Риги. При этом, однако, он умалчивает о том, какой социальной и этнической группе принадлежали эти права.

Об интернациональном составе населения Риги пишет в научно-популярной работе «Рига. Бастион Запада на Балтийском море» западногерманский историк Юрген фон Хен. Так, в 1800 г. из 29 663 жителей 12 778 были немцы, 7445 латыши и 5005 русские⁶⁴. Приток латышей в Ригу в XIX в. непрерывно возрастал. Однако далее констатации того, что преобладающее большинство «ненемцев» жило в предместьях Риги, Ю. Хен не идет. О социальном положении и социальных отношениях этих этнических групп немецкая буржуазная историография умалчивает.

На протяжении первого десятилетия после второй мировой войны в западногерманской историографии продолжала существовать знакомая нам теория культуртрегерства. В работе «Национализм как европейская проблема», опубликованной в 1954 г. в Геттингене, прибалтийско-немецкий историк Р. Виттрам, призывая, с одной стороны, не превращать национальный принцип в политическое кредо, подчеркивал наднациональные, объединяющие моменты⁶⁵ и говорил о необходимости рассматривать европейскую культуру не как сумму разделенных национальных культур, а как единую ткань, на которой выступают многочисленные национальные орнаменты и цвета⁶⁶. В то же время, говоря о взаимоотношениях немцев и их восточных соседей в средние века, автор указывал, что немцы превосходили их «в технике обработки земли, в строительстве городов, в формах словесного права, ленного права, общинного права, в организации дальней торговли, в дифференциациях социальных форм, в силе воздействия и различии форм выражения искусства»⁶⁷. Хотя, по словам автора, носитель технического прогресса не всегда является культуртрегером, тем не менее, по его мнению, новая промышленная и сельскохозяйственная техника в XIX в. «излучалась» на Восток в основном Германией, а немцы несли культуру восточноевропейским народам и в их числе латышам⁶⁸. Таким образом, Р. Виттрам, призывая остальные европейские народы забыть о национализме, сам в то же время пропагандировал превосходство немецкого народа над своими восточными соседями. Вину за то, что немецкий патрициат Риги подавлял «ненемцев», он стремится возложить на русское правительство. Российский абсолютизм, по мнению Р. Виттрама, к середине XIX в. не только не поколебал феодально-крепостнический строй в Прибалтике, но в некоторых сферах даже укрепил его⁶⁹. Кроме того, по его мнению, в Прибалтике был невозможен какой-либо иной путь развития, чем тот, по которому она шла⁷⁰. Таким образом, западногерманская буржуазная историография фактически реабилитировала политику немецкой правящей верхушки Риги, препятствовавшей развитию города. Столь же тенденциозной является оценка роли отдельных национальных групп в феодальной Риге.

На протяжении первого десятилетия после второй мировой войны

в освещении этого вопроса особенно силен был дух «холодной войны». Наиболее резкая, отрицательная оценка давалась роли русских в Риге. Так, В. Ленц указывает, что русским Рига была чужда, что они в целом отвергали рижские традиции и лишь небольшая часть принимала их⁷¹. Столь же негативная роль в истории Риги рассматриваемого периода приписывается и латышам. Ю. Хен писал, что после того, как «судьба старого ганзейского города» оказалась в руках латышей, населяющих предместья Риги, они уничтожили немецкий дух Риги⁷². Ю. Хен в гитлеровском журнале «Йомсбург» продолжал в 1938 г. развивать тезис о значительном вкладе немецких помещиков, пасторов и бюргеров в дело привлечения латышей к Западной Европе и о попытках «неблагодарных» латышей разрушить эту немецкую культуру⁷³. В течение последнего десятилетия западногерманская буржуазная историография перестала выдвигать этот тезис.

Часть западногерманских историков признает, что власть в городах Латвии принадлежала немецким «ратманским семьям»⁷⁴. Однако немцы-де любили латышей всей душой, занимались сбором народных песен, изучали их культуру и никогда не помышляли о планированном онемечении их⁷⁵. К сожалению, по их словам, вертикальное социальное выдвижение почти автоматически связывалось с онемечением⁷⁶. Замалчивая юридическое и фактическое онемечение латышей, осуществлявшееся правящей немецкой верхушкой, буржуазные немецкие историки стараются приписать попытки колонизации Риги польским, шведским и русским феодалам. По их словам, для того чтобы теснее связать Ригу с Польшей, здесь после 1582 г. не только проводилась рекатолизация, но и по инициативе Стефана Батория вербовались немецкие колонисты-католики для поселения в Видземе. Однако и немецкие буржуазные историки не могут отрицать тот факт, что правящая немецкая верхушка содействовала притоку населения из Германии, одновременно строго следя за тем, чтобы в города не попадали несвободные латыши и эстонцы⁷⁷.

На протяжении последних лет в освещении национального вопроса отмечаются дальнейшие изменения. Так, О. Элиас, обращаясь к изучению латышского населения Риги в XVIII в., признает, что национальный вопрос в Риге этого времени играл важную, если не главенствующую, роль⁷⁸. Наряду с Р. Виттрамом исследованием национального движения в Прибалтике специально занимался Г. Раух. Исходя из тезиса, что для освещения этого вопроса необходимо изучать взаимоотношения с немцами и русскими, Г. Раух всячески стремится подчеркнуть «дружбу» латышей и немцев. По его мнению, латышское национальное движение, а затем и революция 1905 г. объясняются тем, что немцы в отличие от латышей хранили неизменную верность русскому царю. В результате создание единого немецко-латышского фронта против русских оказалось невозможным. Автор, однако, ни слова не говорит о социально-экономических отношениях, об экономическом, политическом и национальном угнетении латышского народа, о привилегиях немецких помещиков и бюргеров, а в заключение выдвигает два тезиса. Во-первых, Российская империя не могла отменить гарантированные сословные при-

вилегии в Прибалтике в условиях роста национально-освободительного движения, не подрывая тем самым целостность государства. Ввиду того что привилегии сохранились, становилось необходимым изменение существовавших форм правления. Во-вторых, верхушка общества, находившаяся в меньшинстве, не могла сопротивляться стремлению большинства к эмансипации. Это стремление не удовлетворялось личной или экономической свободой в условиях запрета языка, культурной независимости и политического развития⁷⁹. Приведенные два вывода являются фактическим признанием того, что привилегии немецких помещиков и бюргеров представляли одну из причин, тормозивших общественное развитие и способствовавших возникновению социального и национального движения. Автор, таким образом, признает определяющую роль народных масс в историческом процессе. Следовательно, в соответствии с изменениями политики немецкой буржуазии и в интересах последней в западногерманской буржуазной историографии в вопросе оценки национальных отношений происходят значительные изменения тактического характера. Эти изменения, однако, не затрагивают основного тезиса, провозглашавшего положительное значение господства немецкой верхушки в Риге. Да иначе и быть не могло.

Совершенно новым подходом к национальному вопросу отличается марксистская историография. Так, В. Кюттлер критикует латышских буржуазных историков, которые, хотя и признавали существование национального вопроса в Риге, не связывали его решение с решением социального вопроса, с борьбой за ликвидацию феодальной системы⁸⁰. Критика В. Кюттлера фактически может быть отнесена ко всей буржуазной историографии.

Наиболее популярной темой в зарубежной историографии стал так называемый балтийский вопрос (упомянутая выше пятая проблема), под которым понимается борьба за господство на Балтийском море и над прилегающими к нему странами в XVI—XVIII вв. и позднее. Балтийскому вопросу посвящены книги, опубликованные в Польше и Англии, а также многочисленные научные статьи и доклады на международных конгрессах.

Так, на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме в 1960 г. балтийскому вопросу в XVI—XVII вв. только на секции нового времени было посвящено три доклада⁸¹. Развитие балтийской торговли и роль Риги в ней обсуждались на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде в 1970 г. Однако в конечном итоге балтийский вопрос в зарубежной историографии после периода чрезмерного внимания в определенной мере утратил научный интерес к себе и стал объектом пренебрежительных замечаний со стороны самих историков. История феодальной Риги в рамках этой проблемы рассматривается главным образом в четырех аспектах:

- 1) роль географического положения Риги;
- 2) политика рижского магистрата, польских и шведских феодалов в Риге;

3) Рига в борьбе России за выход к Балтийскому морю;

4) политика Российской империи в Риге.

В первом из перечисленных аспектов история Риги рассматривается главным образом в трудах немецких буржуазных историков. Так, Адольф Грабовски в своем геополитическом исследовании приходит к выводу, что Рига по географическому положению представляла собой торговый порт первостепенного значения, более удобный для торговли с Западной Европой, чем Петербург⁸². Выгодное географическое положение Риги отмечают также специалисты в области социально-экономической истории. Так, Г. Келленбенц в своей вступительной лекции в Нюрнбергской высшей школе экономической и социальной истории в 1959 г., следуя тезису итальянского историка Армандо Сапори, утверждающего, что приморские города даже в малопродуктивных районах развиваются быстрее, чем расположенные в глубине континента⁸³, в качестве примера привел Ригу. В то же время обстоятельство, что Рига располагалась на побережье внутреннего моря, а не мирового, куда после великих географических открытий распространялись колониальные захваты, по мнению автора, имело тормозящее значение для развития города. Рига вынуждена была добывать свою долю в колониальном грабеже при посредничестве западноевропейских стран⁸⁴. Если Грабовски и Келленбенц все же не абсолютизируют значение географического фактора в развитии Риги, то в работах целого ряда геополитиков (например, Нея) этот фактор гипертрофирован, причем делаются попытки на этой основе объяснять всю историю Риги и Прибалтики.

Развернутые исследования истории балтийского вопроса были предприняты польскими историками. Обширные исследования, посвященные тесной связи Польши с Балтийским морем и прилегающими к нему странами и борьбе за выход к Балтийскому морю, опубликовали около двадцати историков. Фундаментальные труды, в которых, в частности, рассматривается также роль Риги, принадлежат В. Конопчинскому и В. Чаплинскому⁸⁵. В исследованиях акцентируется историческое право Польши на ее прибалтийские земли.

Видное место в зарубежной историографии Риги отводится политике рижского магистрата и государств, заинтересованных в господстве в районе Балтийского моря. Политику Риги в борьбе за господство в районе Балтийского моря анализирует В. Ленц. В работе «Рига между Римом и Польско-Литовским государством (1558—1582)» он продолжает тему, начатую Г. Рамм-Гельмцингом в 1941 г. Базируясь главным образом на неопубликованных материалах архивов Бремена, Гамбурга, Таллина, Кенигсберга и Австрии, автор показывает, что после падения Ливонии и временного присоединения Риги к Польско-Литовскому государству экономическое давление со стороны последнего вызвало рост недовольства рижских купцов. В то же время лояльность их по отношению к Германии возросла, ибо с ней они были связаны экономически. С другой стороны, рижский магистрат, целый ряд членов которого получил земельные наделы в период польско-литовского господства, был лоялен по отношению к Польско-Литовскому государству. Однако в условиях отсутствия ка-

кой-либо военной помощи со стороны Германии Рига была вынуждена покориться полностью Польско-Литовскому государству.

В немецкой и шведской историографии затрагивается влияние политики шведского правительства на планировку и фортификационное строительство Риги⁸⁶. Определенный вклад в изучение этого вопроса, особенно планировки цитадели, дает книга Г. Эймера «Планирование городов в прибалтийском Шведском государстве в 1600—1715 гг.»⁸⁷. Работа основывается на весьма солидной базе источников, так как автор использует неопубликованные материалы шведского военного архива, Шведского государственного архива, библиотеки Упсальского университета и других — всего около 10 архивов. Помимо этого, для выявления эволюции в планировании городов балтийского побережья автор использовал сопоставимый материал из истории градостроительства в Италии и Франции. В этих странах обучались и здесь черпали основные идеи архитекторы того времени. Автор не скрывает того факта, что планирование городов, в том числе Риги, определялось требованиями шведской политики меркантилизма, в задачи которой входило распространять на всю страну равномерную сеть городов, развивать военную промышленность, укреплять города и насаждать в них верных шведскому государству людей, укрепляя таким образом позиции Швеции на Балтийском море⁸⁸. В этой книге детально анализируются разногласия между Дальбергом и Пальмштраухом в вопросе планирования Риги и в особенности ее цитадели. Придерживаясь единого мнения относительно того, что Швеции угрожает опасность с Востока и что город должен быть срочно укреплен, для чего следует выделить крупные средства из государственного бюджета, оба государственных деятеля расходились по поводу принципов застройки Риги. Дальберг в качестве представителя старшего поколения выдвигал традиционный проект, в соответствии с которым рижская цитадель вместе с городом должна была образовать единую крепость. В противоположность ему Пальмштраух в соответствии с новейшими идеями фортификационного искусства и градостроительства предлагал отдельные системы укреплений для города и крепости. Благодаря влиянию, которым Дальберг располагал в Стокгольме, застройка и укрепление Риги были осуществлены в соответствии с его усовершенствованным проектом⁸⁹.

Особую популярность в зарубежной буржуазной историографии приобрел вопрос о роли России в борьбе за господство в Прибалтике. Выдвижение этой темы нельзя не связывать с политическими переменами, происшедшими на побережье Балтийского моря в результате второй мировой войны. Целый ряд американских, английских и немецких буржуазных историков рассматривает балтийский вопрос в XVI—XVII вв. в свете отношений между Прибалтикой и Россией с целью доказать особую роль, которую Россия якобы играла в борьбе за господство на Балтийском море и за обладание Ригой. Несмотря на споры между историками различных направлений, все они единодушны в том, что борьба за господство на Балтийском море и над прилегающими к нему странами носила экономический и по-

литический характер, причем первый определял второй. Так, в работе профессора Индианского университета В. Кирхнера «Торговые отношения России и Европы в 1400—1700 гг.» подчеркивается, что международные экономические отношения представляли собой частично базу политической, социальной и военной истории⁹⁰.

В опубликованной в Лондоне в 1967 г. книге английского исследователя Дж. Ливка «Борьба за господство в Прибалтике в 1600—1725 гг.»⁹¹ освещены географические и экономические причины этой борьбы. В числе последних важное значение в XVII в. имело производство почти всех необходимых для судостроения материалов (мачтового леса, дегтя, смолы, льна и конопли и др.) в Прибалтике, а также экспорт их через порты на Балтийском море, и в особенности через Ригу. Другой английский автор, бывший сотрудник британского адмиралтейства Оливер Уорнер, в научно-популярном очерке «Море и меч. Прибалтика в 1630—1945 гг.» описывает борьбу датчан, шведов, поляков и русских за господство на Балтийском море. Автор правильно указывает, что в XVI—XVII вв. в основе этой борьбы лежало не только стремление захватить господство на Балтийском море, но и желание распространить его на прилегающие страны. Книга написана с позиций интересов английской буржуазии, и в ней акцентируется борьба последней с Голландией за гегемонию в балтийской торговле. В конце XVIII в. на протяжении примерно пяти лет в ходе этой борьбы англичане действовали совместно с русскими⁹². Тему О. Уорнера, главным образом в аспекте развития торговли на Балтийском море в XVIII в., продолжает немецкий буржуазный историк Вальтер Медигер в работе «Россия и Балтийское море в XVIII в.»⁹³. Однако авторы как одной, так и другой из названных работ делают попытку объяснить на основе истории борьбы за Балтийское море нынешнюю политическую ситуацию в странах, примыкающих к Балтике.

Не последнее место в зарубежной буржуазной историографии занимает вопрос о роли Прибалтики в так называемой «европеизации» России. Если некоторые историки говорили о роли Прибалтики в этом вопросе от возникновения Русского государства и до наших дней, то Г. Ротфельс ограничивает ее временем до основания Петербурга⁹⁴. Таким образом, история Риги оказывается частью черно-белого графического изображения, посредством которого буржуазные историки рисуют отношения между Западом и Востоком.

К проблемам борьбы России за выход к Балтийскому морю обращались также многие латышские буржуазные историки в эмиграции. В отличие от большинства зарубежных историков-немарксистов, изображающих связи Риги с Россией и русским народом в черных красках либо вовсе умалчивающих о них, латышский буржуазный эмигрант З. Лигер в книге «История городов Прибалтики», в разделе, посвященном Риге, если не всегда явно, то во всяком случае в подтексте признает положительное влияние, оказанное на историю города Россией и русским народом. Он рассматривает торговые связи Риги с Россией начиная с XIII в.⁹⁵ Во-вторых, З. Лигер подчеркивает активность рижских купцов в Полоцке, Смоленске, Новго-

роде, Витебске в XIV—XV вв. и приходит к выводу, что эта активная торговля привела к экономическому расцвету Риги в данный период⁹⁶. В-третьих, автор в целом положительно оценивает факт присоединения Риги к Российской империи в XVIII в. Он указывает, что российское правительство ограничило исключительные городские права Риги, зато обеспечило длительный мир, и влияние русских в Риге усилилось⁹⁷.

К таким же выводам сегодня приходят и некоторые другие историки. Однако, принимая во внимание, что З. Лигер опубликовал их в 1947—1948 гг., т. е. в самый разгар «холодной войны», мы не можем не признать за ним известной смелости и самостоятельности. Диаметрально противоположные позиции занимал Альфред Билманис. В его работе «История Латвии», изданной в 1961 г. в Мичигане, подчеркивались связи Риги с Ганзой и одновременно преуменьшалось значение связей с Россией. Следуя старой школе немецкой буржуазной историографии, А. Билманис тщательно подсчитывал, сколько лифляндских и курляндских губернаторов происходили из немецких дворян⁹⁸. При этом он забывал, что значение имела не столько национальная принадлежность губернатора, сколько его социальная принадлежность и политическая благонадежность. В этом отношении можно говорить, что А. Билманис проявил себя больше немцем, чем сами немцы. Новейшие исследования немецких буржуазных историков свидетельствуют о том, что большинство прибалтийских немцев верно служили русскому императору⁹⁹ и таким образом вплоть до царствования Александра III сохраняли свое огромное влияние в Прибалтике¹⁰⁰.

Культурой феодальной Риги и бытом горожан занимались главным образом немецкие буржуазные историки и латышские историки в эмиграции. П. Блейхер в 1965 г. опровергал ранее высказанное мнение о том, будто в начале XIII в. монах Петр из Риги (*Petrus de Rigae*) создал стихотворное переложение Библии. В новом издании этого переложения, опубликованном в Индиане, П. Блейхер утверждает, что имя собственное «Рига» было именем сочинителя и ни в какой мере не было связано с названием города¹⁰¹.

Серьезное монографическое исследование «Изменения в образе жизни в Прибалтике в середине XVII в.» опубликовала Бенита Медер в Дортмунде в 1961 г.¹⁰² Основываясь на изменениях в товарном производстве и на факте перемещения экономического, политического и культурного центра Европы из Голландии во Францию, а позднее в Англию, автор прослеживает переход от нижненемецкого к верхненемецкому разговорному языку, распространение западноевропейской роскоши среди верхушки рижского немецкого купечества и ремесленников. Культурные связи с Западной Европой, а также между латышцами и немцами имели место прежде всего на уровне социальных слоев.

Говоря о культурных связях Риги в XVIII в., необходимо упомянуть работу Э. Арро о Рихарде Вагнере в Риге¹⁰³. Отдельные небольшие статьи посвящены Риге и Рижскому взморью, пригородным имениям и их роли в изменении образа жизни¹⁰⁴. Значительную

активность в этой области проявил латышский буржуазный этнограф эмигрант А. Иохансон. Ему принадлежит обширный научно-популярный очерк, посвященный быту и горожанам Риги в новейшее время с отдельными экскурсами в историю и быт феодальной Риги¹⁰⁵. В результате, если не считать упомянутой работы Б. Медер, можно утверждать, что зарубежная историография в области истории культуры и быта феодальной Риги не имеет значительных достижений.

Специфической формой реабилитации прибалтийско-немецкой дворянской и буржуазной историографии являются переиздания работ представителей этого направления в ФРГ — Л. Арбузова, К. Меттинга, А. Транзе-Розенека, Г. Беттфюра, Фр. Г. Бунге¹⁰⁶. Эти переиздания становятся все более частыми в последнее время. Углубленное рассмотрение тематической направленности переизданных работ прибалтийско-немецких историков старой школы показывает, что их целью является подчеркивание «недостаточно» акцентируемых современной немецкой буржуазной историографией вопросов — о немецком характере Риги и об отрицательном воздействии российского законодательства (работа К. Меттинга), о связи Прибалтики с западноевропейской культурой (работа А. Транзе-Розенека).

В заключение сделаем некоторые выводы. История феодальной Риги представлена как в марксистской, так и в буржуазной зарубежной историографии. В марксистской историографии исследования по истории феодальной Риги представлены главным образом трудами ученых из ГДР и Польской Народной Республики, причем детальнее других рассматриваются две проблемы:

- 1) история классовой борьбы в Риге в XVI в. (Кюттлер — ГДР);
- 2) роль Риги в экономической, политической и военной борьбе за господство в Балтийском море в XVI—XVII вв. (Конопчинский, Чаплинский и др. — ПНР).

Эти исследования характеризуются новой интерпретацией исторических источников и освещением истории феодальной Риги с позиций классовых интересов ее трудового населения.

В капиталистических странах доминирующую роль играет буржуазная историография. В рамках буржуазного направления представлен весь спектр, начиная с реакционного направления «остфоршунга» и до либерального, которое с позиций буржуазного объективизма стремится якобы объективно отразить историю Риги. На освещение истории феодальной Риги в буржуазной историографии оказали влияние политическая стратегия и тактика буржуазии, а также развитие теории и практики исследований по истории городов. В третьей четверти нынешнего столетия на освещение истории феодальной Риги в зарубежной буржуазной историографии (в особенности в немецкой) оказали влияние два периода в развитии международных отношений: период «холодной войны» — примерно до начала 60-х годов и период «наведения мостов» — с начала 60-х годов. Если на протяжении первого из них немецкой буржуазной историографией выделялось направление «остфоршунга», представители которого пытались продолжить в неизменном виде старые традиции

буржуазной историографии, то в течение второго периода доминирует упомянутое либеральное направление, делающее попытки ревизовать некоторых устаревших прибалтийско-немецких историков, сохраняя при этом неизменными основные тезисы буржуазной историографии.

Изменения в исследовании истории Риги связаны с переменами в тактике немецкой буржуазии на протяжении последних двух десятилетий в области так называемой немецкой восточной политики в целом и в балтийском вопросе в частности. Еще в 1952 г. на V конференции прибалтийских немецких историков барон А. Таубе рекомендовал не называть впредь Прибалтику «утраченной немецкой восточной областью» (*verlorenes deutsches Ostgebiet*), а обозначать ее как «отдельную часть Европы» (*abgetrenntes Stück Europas*) и искать в ее истории общие с восточными народами линии¹⁰⁷. В результате этого немецкая буржуазная историография Риги после второй мировой войны стала развиваться в диаметрально противоположном направлении по сравнению с периодом между двумя мировыми войнами. Если в то время исследования немецких буржуазных историков были полны упреков по поводу антинемецкой политики латышской буржуазии в Риге¹⁰⁸, гипертрофированного выпячивания роли «немецкой культуры»¹⁰⁹, что превратилось в недвусмысленную декларацию о неизменно немецком характере Риги в период оккупации во время второй мировой войны¹¹⁰, то после ее завершения отмечается обратный процесс. Пользуясь классификацией характера исторического изображения, принадлежащей известному немецкому теоретику исторических исследований Густаву Дройзену (1808—1884), можно сказать, что в новейшем пласте историографии Риги произошел переход от дидактического и описательного изображения к исследовательскому. Тем не менее немецкая буржуазная историография феодальной Риги должна рассматриваться как отражение реальной политической ситуации современной немецкой буржуазии.

С конца XIX и в начале XX в. истории Риги посвящаются переиздания некоторых старых работ (К. Меттинг, Г. Беттфюр и др.), а в научно-популярных брошюрах свое место пытается отвоевать прибалтийско-немецкая историография. Тем не менее доминирующая роль среди исследований 60—70-х годов принадлежит либеральному направлению. Работы его представителей (Беннингховена, Медер, Ленца, Ниитемаа, Келленбенца и некоторых других) свидетельствуют о том, что современная зарубежная историография в случае, если она опирается на солидную базу источников и стремится к объективному отражению истории, способна дать конкретные исследования, с результатами которых нельзя не считаться. Последнее относится к новому фактическому материалу, представленному в них, к некоторым выводам, а также к методам исследований, в особенности к анализу источников и к сравнительно-историческому методу.

Каковы же идеологические цели буржуазной историографии? Так называемая «геттингенская рабочая группа», в которую входили некоторые видные историки фашистского направления, начала пуб-

дикацию серии научно-популярных брошюр по истории «немецкого востока», в которой вышло более 50 наименований. Упомянутая брошюра Ю. Хена из этой серии была посвящена истории Риги¹¹¹. Целью серии, как указано на обложке последней брошюры, было на основе истории, этнографии и краеведения «немецкого востока» «укрепить среди людей, изгнанных с немецкого востока, чувство связи с утраченной родиной и упрочить их самосознание», «оперативно и достоверно информировать о наиболее существенных вопросах, связанных с немецким востоком», воспитывать новое поколение так, чтобы оно получило «общую картину всего государства и народа». Таким образом, исследования по истории Риги должны были воспитывать у граждан ФРГ «правильное восточное сознание». На протяжении последнего десятилетия эти цели не декларируются столь откровенно, однако фактически, судя по тематическому и идеологическому направлению опубликованных работ, они не изменялись. Более глобальные цели ставят перед собой английские и американские буржуазные историки. Упомянувший В. Кирхнер в своей книге «Торговые отношения России и Европы в 1400—1800 гг.», опубликованной в 1966 г., писал: «Экономические показатели международных отношений должны войти в наш образ мышления и стать частичным основанием наших выводов по вопросам политической, социальной, военной и даже церковной истории»¹¹². Воссоздавая историю Риги в рамках так называемого балтийского вопроса, американские историки рассчитывают на проведение параллелей с современным политическим положением на Балтийском море.

Латышские буржуазные историки — эмигранты Э. Дунсдорф, П. Кампе, З. Лигерс и другие — посвятили проблемам феодальной Риги отдельные книги и статьи. Отрицательное воздействие на их исследования оказало сотрудничество с объединениями немецких буржуазных историков, а также с институтами в Западной Германии. В результате целый ряд их не только не отказались от прежней борьбы против фальсификации прибалтийско-немецкой историографии, но сблизились в своих взглядах с «остфоршерами». В итоге латышские буржуазные историки в эмиграции далеко отстают от зарубежной буржуазной историографии и по фундаментальности исследований, посвященных феодальной Риге, и по постановке новых проблем и их анализу.

Для исследований по истории феодальной Риги в зарубежной историографии периода после второй мировой войны характерны по крайней мере три изменения:

а) территориальное распространение. Исследования по истории Риги, ранее концентрировавшиеся за рубежом главным образом в Германии, ныне распространялись также в Польше, Финляндии, Греции, Англии, США. В связи с этим в научный оборот введены ограниченные неопубликованные источники, хранящиеся в этих странах, используются специфические методы исследования;

б) изменение прежнего направления. В исследованиях по истории Риги уменьшилась роль тенденциозных догм прибалтийско-не-

мецкой и немецкой традиционной буржуазной историографии одновременно с усилением оценки явлений с позиций интересов трудящихся (марксистская историография), а также с возрастанием особенностей, присущих национальным историографиям народов и стран, некогда связанных с историей феодальной Риги (в особенности в буржуазной историографии);

в) усиление роли латышского народа в освещении исторических событий в зарубежной и особенно к марксистской историографии. В результате ортодоксальные немецкие и прибалтийско-немецкие историки, продолжающие держаться за «выводы немецкой национальной истории» XIX и первой половины XX в., в последнее время утрачивают свое прежнее влияние.

Работы западногерманских либеральных историков Р. Беннингховена, Б. Медер, В. Ленца и некоторых других, стремящихся в рамках буржуазного объективизма к якобы объективному освещению феодальной Риги, в известной мере продолжают отражать декларированный в Западной Германии в первые годы после второй мировой войны так называемый период «редукции». Эти авторы пытаются отказаться от некоторых недостаточно обоснованных деталей в источниках буржуазной историографии с целью сохранить их существенное ядро.

На исследования истории феодальной Риги за рубежом оказала воздействие оторванность исследователей от основной базы неопубликованных источников, находящихся в Риге. В результате, за исключением отдельных работ, посвященных рижскому цеху и цеховым мастерам-каменщикам, в зарубежной историографии из-за недостатка источников нет работ по развитию рижской торговли и ремесел, рижским фирмам, мануфактурам, т. е. исследований на уровне микроанализа, представляющих собой научную базу любых серьезных обобщений. Помимо недостаточного использования неопубликованных источников, на эти исследования оказали влияние прагматические цели буржуазных историков — выставить как можно более приглядной роль своего государства и народа в истории Риги. Немецкие исследователи в этой связи обращают наибольшее внимание на период XIII—XVI вв., шведские — на XVII в., английские — на XVII—XVIII вв.

Рассмотрение исследований, посвященных феодальной Риге в зарубежной историографии, позволяет сделать некоторые выводы методического характера:

а) экономическая, социальная и культурная история Риги в период феодализма не может быть понята без углубленного изучения экономики, социальных отношений и культуры других городов побережья Балтийского моря. Должны быть расширены исследования социально-экономических и культурных связей между Ригой и этими городами;

б) история феодальной Риги не может излагаться без исследований истории мореходства и торговли на Балтийском море, без широкого применения сравнительного метода;

в) следует расширить изучение влияния торговой политики балтийских государств (в особенности Польши, Швеции, России) на социально-экономическое развитие Риги;

г) история феодальной Риги должна изучаться в тесной взаимосвязи с социально-экономической историей и историей культуры латвийской деревни.

- ¹ *Seeberg-Ebverfeldt R.* Revalen Regesten. Beziehungen Niederländischer und Skandinavischen Städte zu Reval in den Jahren 1500—1795. Göttingen, 1969.
- ² *Benninghoven Fr.* Hansestadt Reval. Siebenhundert Jahre Nordosteuropäischer Geschichte im Spiegel eines Stadtarchivs. Göttingen, 1968, S. 7, 9.
- ³ *Benninghoven Fr.* Rigas Entstehung und der Frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961. 168 S.
- ⁴ *Ibid.*, S. 17, 67.
- ⁵ *Stasiewski B.* Missionsbeteiligung in Ostseeraum im 13. Jh.— In: Der Ostseeraum im Blickfeld der Deutschen Geschichte. Köln; Wien, 1970, S. 21.
- ⁶ *Ibid.*, S. 92.
- ⁷ *Ibid.*, S. 76.
- ⁸ *Ibid.*, S. 103—104.
- ⁹ *Benninghoven Fr.* Rigas Entstehung..., S. 17, 110.
- ¹⁰ *Ibid.*, S. 98—99.
- ¹¹ Rahtseigentum an Liegenschaften und Gewerkebauten Rigas innerhalb der Stadtmauer im Mittelalter, S. 115—145.
- ¹² Nahmen und Lage der Befestigungsströme Rigas im Mittelalter, S. 146—148.
- ¹³ Russen, Undeutsche und Schweden im Rigischen Schuldbuch, (1286—1352), S. 149—164.
- ¹⁴ Führende Bürger Rigas aus der Gründungszeit (vor 1520), S. 165—168.
- ¹⁵ *Benninghoven Fr.* Rigas Entstehung..., S. 68—69.
- ¹⁶ *Ibid.*, S. 100.
- ¹⁷ *Vernet K. Fr.* Handwerksgeschichtliche Perspektiven. Münster; Westfalen, 1963. Vorwort.
- ¹⁸ *Ibid.*, S. 221.
- ¹⁹ *Ibid.*, S. 248, 249.
- ²⁰ *Hoewel R.* Grabmale Riga.— In: Baltische Familiengeschlechtliche Nachrichten. Beilage zum 13. Bd. 1967 der Baltischen Hefte. S. 442—352; *Pönicke H.* Christoph Haberland und der Klassicismus in Riga. Eine Studie zu den Kulturbeziehungen zwischen Mittel- und Ostdeutschland in 18. Jh.— In: Hamburger Mittel- und Ostdeutsche Forschungen 1966, Bd. V, S. 31—39; *Körner G.* Der Meister des Rigischen Willkommen — In: Baltische Hefte, 1963, H. 3, S. 157—160.
- ²¹ *Strauss K.* Die Geschichte des Töpferzunft vom Mittelalter bis zur Neuzeit und die Kunsttöpfereien in Alt-Livland (Estland und Lettland).
- ²² *Campe P.* Organisation und Zunftleben des «undeutschen» Mauerramts in Riga während der schwedischen Regierungszeit. Stockholm, 1951.
- ²³ *Campe P.* Das Stadtgieshaus zu Riga.— Baltische Almanach, Riga, 1931; *Idem.* Der Stadt-Kunst und Werkmeister Rupper Binderschu und seine Wirksamkeit in Riga. Riga, 1944.
- ²⁴ *Niitemaa V.* Der Binnenhandel in der Politik der Livländischen Städte im Mittelalter. Helsinki, 1952. 379 S.
- ²⁵ *Niitemaa V.* Die Undeutsche Frage in der Politik der Livländischen Städte im Mittelalter. Helsinki, 1949.
- ²⁶ *Ibid.*, S. 359.
- ²⁷ *Dunsdorf E.* Rigaer Roggenpreise im 16. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Geschichte der Preisrevolution.— In: Commentationes Balticae, 1962/63. Bonn, 1964, Bd. X/XI, S. 15, 128—129, 137.
- ²⁸ *Ibid.*, S. 145.
- ²⁹ *Ibid.*, S. 25.
- ³⁰ *Kellenbenz H.* Die Mittelalterliche Wirtschafts- und Sozialstruktur in Ostseeraum.— In: Der Ostseeraum im Blickfeld der Deutschen Geschichte. Köln; Wien, 1970, S. 40, 51.
- ³¹ *Ibid.*, S. 52. Подробнее: *Kellenbenz H.* Bäuerliche Unterneh-

- mungstätigkeit im Bereich des Nord- und Ostsees. — WSWG, 1962, Bd. 49.
- 32 *Kellenbenz H.* Die Mittelalterliche Wirtschafts- und Sozialstruktur in Ostseeraum. — In: Der Ostseeraum..., S. 59.
- 33 *Malovist M.* Über die Frage der Handelspolitik des Adels in den Ostseeländern im 15. und 17. Jh. — In: Hansische Geschichtsblätter, 1957, 75.
- 34 *Niitemaa V.* Entrepreneurial Activity of the Livonian Nobility in the Middleage. — In: Explorations in Entrepreneurial History, 1955, VIII, N 1.
- 35 *Kellenbenz H.* The Entrepreneurial Activity of the Holstein Nobility. — In: Explorations in Entrepreneurial History, 1953, VI, 2.
- 36 *Kirchner V.* Commercial Relations between Russia and Europa 1400 to 1800. Indiana University, 1966.
- 37 *Ibid.*, p. 14.
- 38 *Ibid.*, p. 11.
- 39 *Ibid.*, p. 12.
- 40 *Ibid.*, p. 20.
- 41 *McKenzie Pinter Walter.* Russian Economic Policy under Nikolas I. Ithaca; New York, 1967, p. 250.
- 42 *Ibid.*, p. 44—46.
- 43 *Gitermann W.* Geschichte Russlands. Frankfurt am Main, 1965.
- 44 *Lipset S., Bendix R.* Social Status and Social Structure. — British Journal of Sociologie, L., 1951, vol. II, p. 150.
- 45 *Dahrendorf K.* Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957, S. 190, 256.
- 46 Soziale Kämpfe hat Riga kaum gekannt. Nur die Kelenderunruhen von Ende 16. Jahrhunderts hatten einen sozialen Einschlag. *Wittram R.* Riga. Wesen und Geschichte einer Stadt. — In: Rigascher Almanach. Riga, 1943, S. 43).
- 47 *Kuhn W.* Geschichte der Deutschen Ostsiedlung in der Neuzeit. Köln: Granz, 1955—1957, Bd. I, II, S. 51, 109.
- 48 *Kellenbenz H.* Das Merkantilismus und die soziale Mobilität in Europa. Wiesbaden, 1965, S. 52—55.
- 49 *Stupperich R.* Weg und Charakter der Reformation im deutschen Osten. Leer, 1968.
- 50 *Stupperich R.* Die Reformationsbewegung an der deutschen Ostseeküste. — In: Der Ostseeraum im Blickfeld Deutschen Geschichte. Köln; Wien, 1970.
- 51—52 *Ibid.*, S. 98.
- 53 *Ibid.*, S. 98. Cp.: *Spekke A.* Kēniņa Stefana Batorija ienākšana Rīgā in cīņa par Doma baznīcu. (A. Švābe. Straumes un avoti, III. 1965.
- 54 *Ligers Z.* Geschichte der Baltischen Städte. Berlin, 1948; Cp.: *Ligers Z.* Historie des villes de Lettonie et d'Estonie. Des orgines jusqu'a la fin du XVIII siècle. 2e ed. P. 1947, p. 59—60, 66.
- 55 *Küttler W.* Patriziat, Bürgerposition und Volksbewegung in Riga in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts, Th. I—II. Leipzig, 1969, Th. II, S. 164—167.
- 56 *Ibid.*, Th. I, S. 138—159.
- 57 *Ibid.*, S. 160—169, 333.
- 58 *Ibid.*, S. 334—335.
- 59 *Ibid.*, S. 252—260, 335—336.
- 60 *Ibid.*, S. 261—333.
- 61 *Ibid.*, S. 338.
- 62 *Ibid.*, S. 334—335.
- 63 *Lenz W.* Die Entwicklung Rigas zur Grosstadt. Kitzingen am Main, 1954, S. 4, 5, 6.
- 64 *Hehn V. J.* Riga. Bollwerk des Abendlandes am Baltischen Meer. — In: Der Göttingische Arbeitskreis. Schriftreihe Heft 48. Göttingen (O. J.), S. 16.
- 65 *Wittram R.* Das Nationale als europäischen Problem. Göttingen, 1954, S. 89, 90.
- 66 *Ibid.*, S. 59.
- 67 *Ibid.*, S. 54.
- 68 *Ibid.*, S. 58.
- 69 *Ibid.*, S. 154.
- 70 *Ibid.*, S. 160.
- 71 *Lenz W.* Die Entwicklung Rigas zur Grosstadt, S. 8.
- 72 *Hehn J.* Riga. Bollwerk des Abendlandes am Baltischen Meer, S. 26.
- 73 *Hehn J.* Deutsche Kultur und lettisches Volkstum vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. — In: Jomsburg, 1938, H. I, S. 3—28.
- 74 *Lindemuth M.* Krišjanis Valdemars und Atis Kronvalds, zwei lettische Volksthumsämpfer. — In: Baltische Hefte, Hannover; Döhren, 1967, Bd. 13, S. 85.
- 75 *Lenz W.* Umvolkungsvorgänge

- in der ständischen Ordnung Livlands. Posen, 1941, S. 31.
- ⁷⁶ *Ibid.*, S. 86.
- ⁷⁷ *Kuhn W.* Geschichte der Deutschen Ostsiedlung in der Neuzeit. Köln; Graz, 1957, Bd. II, S. 151—152.
- ⁷⁸ *Elias O. H.* Zur Lage der undeutschen Bevölkerung in Riga des 18. Jahrhunderts.— *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Wiesbaden, 1966, N 4.
- ⁷⁹ *Rauch G. v.* Die Nationale Frage in den russischen Ostseeprovinzen im 19. Jahrhundert.— In: *Der Ostseeraum im Blickfeld der Deutschen Geschichte*. Köln; Wien, 1970, S. 179—180.
- ⁸⁰ *Küttler W.* Patriziat, Bürgerposition und..., Th. I, S. 5.
- ⁸¹ *Tangelder F. B. M.* La lutte économique dans la Baltique pendant la seconde moitié du 16e siècle; *Ellehöj S.* The English Navigations Act of 1651 and the Baltic Trade; *Roberts S.* Cromwell and the Baltic.— XIe Congrès International des Sciences Historiques: Resumes des Communications. Upsala, 1960.
- ⁸² *Grabovsky A.* Raum, Staat und Geschichte. Grundlegung der Geopolitik. Köln; [West] Berlin, 1960, S. 174—175.
- ⁸³ *Sapori A.* Le marchand Italien. Affaires et gens d'affaires, I. Paris, 1952, p. XLVI f.
- ⁸⁴ *Kellenbenz H.* Probleme einer deutschen Sozialgeschichte der Neueren Zeit. Nürnberg, 1960, S. 22—23.
- ⁸⁵ *Kopoczyński W.* Kwestia Bałtycka do XX w. Gdansk, 1947; *Czypłński W.* Le probleme baltique aux XVI et XVII siècles. XIe Congrès International des Sciences Historiques. Upsala, 1960, p. 25—47.
- ⁸⁶ *Grundmann G.* Städtebaukunst im Ostseeraum.— *Baltische Studien*, 1965, Bd. 51.
- ⁸⁷ *Eimer G.* Die Stadtplanung im Schwedischen Ostseereich, 1600—1715. Stockholm, 1961.
- ⁸⁸ *Ibid.*, S. 17, 31, 38—40.
- ⁸⁹ *Ibid.*, S. 533—540.
- ⁹⁰ *Kirchner W.* Commercial Relations between Russia and Europe, 1400—1800. Indiana, 1966.
- ⁹¹ *Livk J.* The Struggle for Supremacy in the Baltic, 1600—1725. London, 1967.
- ⁹² *Warner O.* The Sea and the Sword. The Baltic, 1630—1945. London, 1965, p. 111.
- ⁹³ *Mediger W.* Russland und die Ostsee im 18. Jahrhundert.— In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1968, Bd. 16, H. 1, S. 85—103.
- ⁹⁴ *Rothfels H.* Das Balticum als Problem Internationaler Politik.— In: *Zeitgeschichtliche Betrachtungen*. Vorträge und Aufsätze. 2. Aufl. Göttingen, 1964, S. 219—220.
- ⁹⁵ *Ligers Z.* Geschichte der Baltischen Städte. Bern, 1948, S. 39.
- ⁹⁶ *Ibid.*, S. 48—49.
- ⁹⁷ *Ibid.*, S. 86—87, 90, 96.
- ⁹⁸ *Bilmanis A.* A History of Latvia. Michigan, 1961, p. 215.
- ⁹⁹ *Rauch G.* Die Nationale Frage im 19. Jahrhundert.— In: *Der Ostseeraum im Blickfeld der deutschen Geschichte*. Köln; Wien, 1970, S. 174.
- ¹⁰⁰ *Rasch A.* Die Bundesrepublik und Osteuropa. Grundfragen einer künftigen deutschen Ostpolitik. 2. erweiterte Auflage. Köln, 1965, S. 19.
- ¹⁰¹ *Aurora.* Petri Rigae Biblia Verificata. Part I—II. Editor Paul E. Bleicher, Notre Dame, Indiana, 1965.
- ¹⁰² *Meder B.* Der Strukturwandel in der Baltischen Lebensart um die Mitte des 18. Jahrhunderts. Dortmund, 1961.
- ¹⁰³ *Arro E.* Richard Wagners Rigaer Wanderjahre. Über einige baltische Züge im Schaffen Wagners.— In: *Musik des Ostens*. Kassel, 1965, Bd. 3, S. 123—168.
- ¹⁰⁴ *Johansons A.* Jerusalem bei Riga.— In: *Baltische Hefte*, 1970, S. 1969—1972; *Rosenberg W.* Die Altrigischen Höfchen.— In: *Baltische Hefte*, 1957, S. 212—220; *Johansons A.* Zwischen Aa und Meer. Der Rigaer Strand. Anwesenheit seiner Majestät des Kaisers Alexander II in Riga am 25., 26. und 27. Mai 1856.— In: *Baltische Kuriosa I*. Hamburg; Rahlstedt, 1966.
- ¹⁰⁵ *Johansons A.* Rīgas svārki mugurā. Nujorka, 1966.
- ¹⁰⁶ *Böthführ A. J.* Die Rigaische Rahtslinie 1226 bis 1876.— Nachdruck der zweiten, vollständig um-

gearbeiteten Auflage. Riga, 1877; *Mettig C.* Geschichte der Stadt Riga.— In: Nachdruck der Ausgabe. Riga, 1897; *Arbusow L.* Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands.— Nachdruck der 3. umgearbeiteten Auflage, Riga, 1908; *Kaffka J. Chr.* Schilderung von Riga während des ersten Jahrzehnts unseres Jahrhunderts.— Nachdruck der Ausgabe, Riga, 1898; *Bunge Fr. G.* Die Stadt Riga im dreizehnten und vierzehnten Jahrhundert (Nachdruck). Amsterdam, 1968; Cp.: *Wegner A.* Geschichte der Stadt Libau.— Nachdruck der Ausgabe. Libau, 1898; *Transehe-Roseneck A.* Die ritterlichen Livlandfahrer des 13. Jahrhunderts / Hersg. von Lenz. Würzburg, 1960.

- ¹⁰⁷ Baltische Briefe, 1952, H. IX.
¹⁰⁸ *Deubner A.* Riga auf Abbruch. Das Schicksal einer deutschen Stadt. Berlin, 1936.
¹⁰⁹ Deutsche Kulturleistungen in Riga: Dokumente. Danzig, 1939.
¹¹⁰ Das deutsche Riga: Dokumente. Leipzig, 1942; *Wittram R.* Riga. Wesen und Geschichte einer alten Stadt.— In: Rigascher Almanach. Riga, 1943.
¹¹¹ *Hehn J. v.* Riga. Bollwerk des Abendlandes am Baltischen Meer.— In: Der Göttingensche Arbeitskreis Schriftreihe. Heft 48. Göttingen [O. J.].
¹¹² *Kirchner W.* Commercial Relations between Russia and Europa 1400 to 1800. Indiana University, 1966. Preface.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

АКАДЕМИК Б. Д. ГРЕКОВ — ИСТОРИОГРАФ

В. Г. Сарбей

Как известно, большой историк, как правило, является также и историографом. Это обуславливается, во-первых, тем, что разработка и утверждение в науке новой концепции обычно начинается с историографического анализа наследия предшественников, в ходе которого что-то критически отбирается в качестве ее «строительного материала», а что-то и решительно отбрасывается на основе выдвигаемых аргументов. Во-вторых, историк с широким кругозором не может быть равнодушным к перспективам и направлениям исследовательской работы в ближайшем или более отдаленном будущем. Правильно наметить их можно, также только опираясь на историографический анализ того, что уже сделано или не сделано вовсе в изучении тех или иных исторических проблем. В-третьих, в течение длительного творческого пути всякому историку приходится давать более или менее развернутые отзывы на результаты исследовательской работы своих коллег. А глубоко аргументированная рецензия, по общему признанию, относится к разряду историографических исследований, тем более если она принадлежит перу талантливого автора. В-четвертых, крупные историки в своей исследовательской практике обычно не чуждаются и специальной историографической проблематики, в частности «персоналийных» исследований. Наконец, в-пятых, если видный ученый-историк одновременно является и умелым педагогом, то в любом лекционном курсе он знакомит студентов и с элементами его историографии.

В творческом наследии Бориса Дмитриевича Грекова все пять отмеченных нами видов историографической деятельности нашли свое воплощение. Однако, если задаться целью раскрыть в рамках небольшой статьи все эти виды историографической деятельности ученого, то ничего другого, пожалуй, не получится, кроме более или менее полного библиографического перечня соответствующих его работ с краткими аннотационными характеристиками отдельных из них. Конечно, и такая работа по изучению творческого наследия крупного специалиста исторической науки необходима. Но это первый этап исследования, обычно дающий лишь общее, схематическое представление об изучаемом историке. А если попытаться проникнуть в глубь его исследований, с тем чтобы показать творческую индивидуальность ученого, то, пожалуй, самый приемлемый путь — изучить и осветить лишь один вид, одно направление его историографической деятельности. Поэтому автор данной статьи освещает

очень широкую и глубокую тему «Академик Б. Д. Греков — историограф» главным образом на примере его монографических трудов конкретно-исторической проблематики. В сущности это будут некоторые наблюдения над творчеством академика Б. Д. Грекова как историографа (в узком значении этого слова как специалиста по истории исторической науки).

Уже в первом своем крупном монографическом исследовании «Новгородский Дом святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины)», впервые опубликованном до Великой Октябрьской социалистической революции и переизданном в советское время, Б. Д. Греков в ходе освещения некоторых спорных проблем социально-экономической жизни страны в XVI—XVII вв. счел нужным дать их историографический разбор. Наиболее обстоятельное историографическое отступление здесь касается вопроса о бобылях, о котором автор тогда не без оснований заявил, что этот вопрос — «один из самых темных в истории русского права»¹. «...Определению существа бобыльства, — продолжает здесь же молодой Б. Д. Греков, — посвящено немало страниц почти у всех представителей науки, но одна только пестрота высказанных мнений свидетельствует уже о том, что вопрос далеко не решен в окончательном виде, что он только настойчиво поставлен»².

А далее следует собственно работа историографа. Во-первых, Б. Д. Греков классифицирует длинный список исследователей, одни из которых рассматривали бобыльство как явление «русской жизни определенного периода», другие низводили его лишь к частным случаям «организации крестьянского мира». Во-вторых, исследователи разделяются автором по их попыткам определить сущность бобыльства по следующим признакам: а) хозяйственным, б) хозяйственно-правовым, в) чисто правовым. В-третьих, среди исследователей обнаруживаются и такие (В. И. Сергеевич), которые отличали бобылей друг от друга по территории: одно дело, мол, новгородские бобыли (поземщики-арендаторы) и другое дело — московские бобыли (бессрочные слуги). Правда, это территориальное разделение бобылей Б. Д. Греков категорически отверг с самого начала, прибегнув и к мнению своих коллег в науке — М. А. Дьяконова, А. С. Лаппо-Данилевского, М. Ф. Владимирского-Буданова, и в результате своих собственных исследований. Ведь до опубликования своей первой монографии Б. Д. Греков был известен как автор специальных работ о бобылях, напечатанных в «Чтениях в обществе истории и древностей российских» и в «Журнале Министерства народного просвещения».

И вот главный аргумент против утверждений об отличиях новгородских бобылей от московских. «Наличность новгородских порядных, значение, какое им придают в новгородских приказах — пишет Б. Д. Греков, — неопровержимо свидетельствует, что поряжаются не только в Москве, как думал В. И. Сергеевич»³. Как видим, Греков-историограф здесь опирается на данные Грекова-источниковеда. Эта черта в историографической деятельности Б. Д. Грекова станет основной. Действительно, прочная источниковая база обес-

печивает весомость историографических замечаний Б. Д. Грекова, дает возможность добиваться точности терминологических определений. Он не может согласиться с мнением своих предшественников, отказавшихся от попыток увидеть что-то общее в многочисленных различных категориях бобылей, и предлагает искать его не в экономических, а в правовых отношениях. «Во всяком случае это не экономическая группа, а юридическое состояние»⁴, — делает вывод Б. Д. Греков, направляя своих будущих продолжателей по исследованию бобыльства на путь поисков и глубокого изучения содержания документальных первоисточников юридического характера (в данном случае — порядных), а не на путь только «экономических и всяких других наблюдений над жизнью крестьянина»⁵.

Б. Д. Греков на протяжении всей творческой жизни не упускал из виду бобылей в своих исследованиях, вводил в научный оборот новые документы и переосмысливал свои заключения. Таким образом, если историографический экскурс, опирающийся на первичное изучение источников, в монографии 1914 г. автор завершил осторожным предположением, что, по-видимому, бобыли были свободными, нетяглыми людьми, вступившими в зависимые отношения с господином через особую бобыльскую порядную, то в последней обобщающей опубликованной работе «Краткий очерк истории русского крестьянства», изданной уже после смерти автора, он дал терминологическое определение бобылей весьма четкое, точное и безоговорочное: «Бобылем назывался крестьянин или посадский человек, не включенный в обязанность нести тягло и платящий лишь более легкий бобыльский оброк»⁶. Категоричность вывода в данном случае была достаточно обоснована источниками.

В первом же своем монографическом труде Б. Д. Греков требует от авторов анализируемых им работ четкости и определенности формулирования мыслей и выводов. С этой точки зрения он не может согласиться с умозаключениями Н. И. Серебрянского, автора работы «Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле», о сущности так называемых приписных монастырей⁷. Его не удовлетворяют и слишком общие выводы по тому же вопросу, не опирающиеся на специальное исследование, в работе В. Милютина «О недвижимых имуществвах духовенства в России»⁸. Вместе с тем Б. Д. Греков-историограф отнюдь не принципиальный противник научных гипотез в исторической науке. Напротив, он считает их вполне правомерными, особенно в случаях недостатка фактического материала у исследователей, как, например, у М. Ф. Владимирского-Буданова и В. О. Ключевского при определении ими социально-экономической и юридической сущности поместья⁹.

В историографической статье «Итоги научной обработки новгородских писцовых книг», говоря о книге А. М. Андрияшева «Материалы по исторической географии Новгородской земли» (ч. I—II. М., 1913—1914 гг.), Б. Д. Греков замечает: «В научный обиход русского историка поступил большой запас как готового обработанного материала, так и ценных наблюдений и гипотез, заставляющих своим научным достоинством серьезно с собой считаться»¹⁰. Вслед за ака-

демиком Б. Д. Грековым блестящие образцы введения в научный оборот убедительных гипотез демонстрируют академики Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, М. В. Нечкина и др.

Как правило, историографические экскурсы Б. Д. Греков предпочитал делать в ходе изложения конкретно-исторического материала своих исследований. Причем такие экскурсии органически входили в канву содержания работы, давали возможность автору в полной мере использовать присущий ему талант полемиста.

В фундаментальном труде «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века», в свое время удостоенном Государственной премии СССР, труде, который, по авторитетной оценке академика М. Н. Тихомирова, уже один дает право Б. Д. Грекову занять почетное место среди историков нашей Родины¹¹, на многих страницах находим самый подробный научный разбор тех или иных положений предшественников автора в исследовании отдельных сторон темы, которая ранее в таких обширных хронологических рамках вообще не освещалась. В этой, как и в других своих работах, Б. Д. Греков выступает пионером среди советских историков в комплексном использовании разнообразных источников, в том числе историографических, авторами которых являются специалисты исторической, археологической, этнографической, лингвистической и других отраслей обществоведческого научного знания.

Примечательно, что уже в первой своей печатной работе — рецензии на издание учебных карт по истории Европы III—IX веков двадцатипятилетний Б. Д. Греков поднял вопрос о необходимости широкого использования специалистами-историками данных археологии и филологии¹². Сегодня это общепризнанная истина, но академику Б. Д. Грекову приходилось ее доказывать и в не столь отдаленном от нас времени. В монографии «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века» (1946; 1952—1954) он вынужден был специально напоминать, что историки древнейшего периода народного хозяйства нашей страны не должны «игнорировать блестящие открытия археологов»¹³. Эту же мысль он настойчиво повторял в другой своей наиболее известной широким массам читателей монографии, «Киевская Русь»¹⁴, выдержавшей шесть изданий.

Такое же отношение к археологическим источникам Б. Д. Греков ценил и популяризировал в работах своих коллег, в том числе и специалистов по истории зарубежных славянских народов. В предисловии к первому тому «Истории чешского народа» Зденека Неедлы. Борис Дмитриевич, например, счел нужным специально подчеркнуть то, что автор очень хорошо показал, как нужно пользоваться данными археологии для решения вопросов древней истории, и тем самым окончательно ликвидировал пропасть, искусственно вырытую не только чешской, но вообще буржуазной историографией между историей и так называемой предысторией, которая не освещена письменными источниками¹⁵.

Освещая проблему места земледелия в хозяйстве Древней Руси и характеризуя сельскохозяйственную технику древнейших времен, Б. Д. Греков охотно прибегает к материалам археологических рас-

копок В. В. Хвойки, Т. С. Пассек, К. А. Фляксбергера, В. И. Равдоникаса¹⁶. Решающее значение в споре со сторонниками теории о господстве охоты в производственной деятельности древнеславянского населения Восточной Европы Б. Д. Греков придавал работам Б. А. Рыбакова над археологическими материалами радимичей, дреговичей и культуры «полей погребения»¹⁷. Касаясь процесса этнической эволюции от антов к восточным славянам, возникновения частной собственности и классов образования Восточной Европы, развития здесь феодальных отношений в деревне и городе, Б. Д. Греков снова ссылается на работы Б. А. Рыбакова, отмечая собранный автором обильный материал и его интереснейшие наблюдения¹⁸. Многократно в монографии «Киевская Русь» автор привлекает в поддержку своей концепции положения самой крупной в то время работы Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси». А общая оценка ее выражена в следующем суждении: «Большая работа Б. А. Рыбакова „Ремесло Древней Руси“ вполне подтверждает мое понимание Киевской Руси»¹⁹. «Книга Б. А. Рыбакова совершает настоящий переворот в нашей историографии», — заявлял академик Б. Д. Греков на страницах центральной периодической печати в связи с присуждением Рыбакову за эту книгу Государственной премии. «После выхода в свет этой работы уже совершенно невозможно повторять старые заблуждения о зависимости культуры Киевской Руси от Запада или Востока»²⁰.

В обстоятельном историографическом обзоре советской исторической литературы об образовании городов в Восточной Европе²¹ Б. Д. Греков в монографии «Киевская Русь» дает высокую оценку работам Н. Н. Воронина, А. В. Арциховского, В. И. Равдоникаса, М. Н. Тихомирова, в общем поддерживает предположение Б. А. Рыбакова о более раннем, чем VIII век, времени возникновения городов на Среднем Приднепровье. А поскольку города появляются «вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству»²², то существование городов несовместимо с племенным строем. И в заключение — снова о значении археологической науки. «Теоретически здесь все ясно, — пишет Б. Д. Греков, — но решить задачу применительно к древней Руси на прочном основании источников совсем не просто.

Письменные источники дают нам слишком мало. Разрешить задачу может только археология. Нужно отдать справедливость, наши археологи уже сделали немало. С каждым годом наша наука обогащается новыми ценными материалами. Но, самое главное, археологи с полной очевидностью показали, что они в данном вопросе могут вывести историческую науку из трудного положения. Весь вопрос во времени.

В свете новых археологических открытий по-новому начинают звучать и наши скудные письменные источники»²³.

Нужно отдать должное историографической прозорливости выдающегося советского ученого, сумевшего увидеть в археологии надежное средство обогащения наших знаний о древнерусском периоде отечественной истории. Именно археологические раскопки послед-

них десятилетий дали множество ценных материалов для изучения истории древнерусских городов, в том числе помогли обосновать 1500-летнюю дату возникновения Киева. Как опытный историограф, академик Б. Д. Греков из потока появляющихся публикаций не только извлекает самые крепкие кирпичи для возведения прочного здания своей концепции, но и публично популяризирует такие работы коллег. Таким образом, читатели монографии «Киевская Русь» могли узнать о том, что работы П. Н. Третьякова и Б. А. Рыбакова «дают нам возможность более конкретно понимать повествование летописи о восточнославянских племенах»²⁴.

Активную поддержку на страницах монографий академика Б. Д. Грекова нашли и начатые тогда П. Н. Третьяковым археологические раскопки со специальной целью изучения истории земледелия в нашей стране. Обосновывая необходимость расширения фронта таких археологических исследований, академик Б. Д. Греков выдвигает здесь же грандиозную задачу, не утратившую своей актуальности и сегодня: создать коллективными усилиями ученых историков и агрономов историю земледелия в СССР с древнейших времен до наших дней²⁵. Возражая В. О. Ключевскому, Н. А. Рожкову и другим историкам, считавшим древних восточных славян неземледельческим народом, Б. Д. Греков высказывает мнение, что из трех приводимых в «Повести временных лет» вариантов сведений о Кие наиболее вероятным (ему и сам летописец отдает предпочтение) является тот, который представляет Кия князем²⁶. Напомним в этой связи, что новейшие изыскания советских ученых в связи с обоснованием даты 1500-летия Киева подтверждают этот вывод.

Б. Д. Греков-историограф лишен вульгарно-догматических предрассудков, не позволяющих увидеть положительное в прошлом науки. Критически осмысливая с позиций марксистско-ленинской методологии наследие буржуазной и дворянской историографии, ученый извлекает из него все ценное, фактический материал, отдельные наблюдения и обобщения в поддержку своих собственных умозаключений, не останавливается и перед тем, чтобы не воздать должное буржуазному исследователю за вклад в изучение той или иной проблемы. Так, например, историка начала XIX в. И. Ф. Эверса Б. Д. Греков ценит не только за его антинорманистскую позицию, но и называет «первым историком России, подошедшим к своему предмету социологически»²⁷. В очерке историографии древнерусской общины Б. Д. Греков дает всестороннюю оценку каждому исследователю, находит какое-нибудь более или менее значительное положение в поддержку своей концепции даже у тех дореволюционных или советских историков, основное содержание работ которых он не приемлет²⁸.

Впрочем, это вполне ленинский подход к историографическому наследию прошлого. Хорошо известно, что В. И. Ленин даже в трудах историков-реакционеров находил заслуживающие внимания мысли и положения, не говоря уже о фактическом материале. Но требуя от ученых-марксистов усвоения и переработки действительных достижений буржуазных исследователей, В. И. Ленин указывал

на необходимость при этом *«уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»*²⁹. Так именно и поступает Б. Д. Греков, анализируя наследие буржуазной историографии. Весьма характерный пример в этом отношении М. С. Грушевский. В предисловии к своему труду «Крестьяне на Руси...» Б. Д. Греков дает ему обстоятельную критическую характеристику как украинскому буржуазному националисту, пытавшемуся отрицать, что Киевская Русь была общей колыбелью русского, украинского и белорусского народов, что социальные отношения, порожденные нормами «Русской Правды», получили распространение на всей территории Руси, в том числе и на северо-востоке. Вскрывается политическая подоплека распространявшихся Грушевским теорий бесклассовости и безбуржуазности украинского народа, надклассовости государственной власти: они имели целью обосновать положение о якобы неоправданности социалистической революции на Украине всем ходом предшествующего исторического развития.

Б. Д. Греков прямо связывает концепцию Грушевского с антинаучными постулатами буржуазной историографии в целом: «Всем этим предвзятым концепциям в работах Грушевского,— пишет Б. Д. Греков,— подчинено и конкретное изложение истории крестьянства, что, в частности, проявилось в идеализации положения смердов Киевской Руси и украинских крестьян. Совершенно очевидно, что при подобных искусственных построениях буржуазных историков не могло быть и речи о подлинно научном освещении истории крестьян в России»³⁰. В то же время при самом критическом отношении к творческому наследию Грушевского Б. Д. Греков многократно привлекает отдельные положения его работ, в частности многоотомной «Історії України — Руси», в монографиях «Крестьяне на Руси...» и «Киевская Русь». Они принимаются или отвергаются, поддерживаются или отрицаются. В работе «Киевская Русь» автор пишет: «Я не касаюсь здесь его антинаучной концепции, а отмечаю только факт признания им целого большого периода в нашей истории, которую Грушевский путем явной фальсификации источников пытается приспособить к истории одной только Украины»³¹.

Такой же подход, учитывающий все требования марксистско-ленинской методологии, основывающийся прежде всего на ее незыблемых принципах партийности и историзма, характерен для Б. Д. Грекова в отношении любого деятеля буржуазной исторической науки прошлого. Для него, например, совершенно неприемлемо именно с точки зрения учения об общественно-экономических формациях отождествление В. О. Ключевским холопского и крепостного права, положения раба и крепостного крестьянина³². Буржуазный исследователь той же проблемы холопства в древнерусском праве П. И. Беляев подвергается критике за эклектизм, игнорирование принципа историзма в использовании источников разных времен, так как при этом, по замечанию Б. Д. Грекова, «всегда теряется самое главное — текучесть и изменяемость явления, иначе — его подлинная жизнь»³³. Сущность холопства как социально-экономического

явления Древней Руси, подчеркивает Б. Д. Греков, смогла раскрыть только советская историография и «в новой постановке вопрос получил очень большой удельный вес: от того или иного его решения зависит представление о ходе едва ли не всей истории Руси этого периода»³⁴.

Специальный историографический обзор Б. Д. Греков посвятил вопросу о смердах, обратив внимание на то, что ему стало отводиться видное место в общих трудах по истории Украины и Киевской Руси и что «вопрос близится к своему правильному решению»³⁵. Правда, полагаем, что привлечение высокого авторитета В. И. Ленина к гипотезе о наличии двух категорий смердов в древнерусском государстве: свободных общинников и феодально зависимых людей — не имело достаточных оснований. Ведь в ленинских трудах и намек нет на какую-либо классификацию смердов, а советские исследователи за тридцать с лишним лет, прошедших после смерти академика Б. Д. Грекова, существенно уточнили его понимание этого вопроса, отвергли его мнение о смердах как основной массе русского народа, из которой в процессе классового образования выделились другие классы русского общества³⁶. Уже в 1972 г. академик Л. В. Черепнин в работе «Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.» подвел итоги исследований следующим заключением: «Существующие в литературе точки зрения на смердов как на свободных общинников или как на все древнерусское крестьянство не подтверждаются источниками»³⁷. А автор самой новой и самой обстоятельной работы о смердах академик Б. Д. Рыбаков считает, что нет оснований отождествлять их со всей массой крестьян-общинников, что в Киевской Руси XI—XII вв. они обрисовываются как значительная часть полукрестьянского феодально зависимого населения, занимавшего промежуточную позицию между «людьми» крестьянской верви и низшим разрядом свободных княжеских министериалов³⁸.

Можно было бы привести подобного рода высказывания и других наших современников, свидетельствующие о том, что в ряде вопросов (например, о значении барщины в хозяйственной жизни XVI в.)³⁹, изучавшихся Б. Д. Грековым, его последователи пошли дальше, углубили или даже поправили его выводы. Они отнюдь не бросают тень на историка, с трудами которого, как справедливо сказано в четвертом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», в значительной мере связано «становление марксистского представления о происхождении крепостного права»⁴⁰, а отражают развитие исторической науки. Сам Б. Д. Греков предусматривал критическую переоценку отдельных выдвигаемых им положений не только в будущем, но еще при его жизни. Так, один из своих историографических экскурсов в «Крестьянах на Руси...» и в «Киевской Русп» он заключил следующим оригинальным использованием свидетельства древнерусских летописцев: «Эта справка послужит извинением и мне, „оже я где буду описал, или переписал, или не дописал“»⁴¹.

Охватывающая своим содержанием период XV—XVII вв. вторая

книга монографии «Крестьяне на Руси...» по сравнению с первой книгой, может быть, имеет количественно меньше таких обзоров, но зато главнейшие из них отличаются здесь особой обстоятельностью и подробностью. Прежде всего имеем в виду исторические очерки проблемы закрепощения крестьян на Руси и связанные с ней вопросы о причинах хозяйственного разорения страны в 70—80-х годах XVI в., об «указном» или «неуказном» возникновении крепостного права, о «Юрьеве дне», «заповедных годах» и т. п. Ведь по данной проблеме накопилась огромная историческая литература, создававшаяся еще со второй половины XVIII в., а жаркие споры о судьбах русского крестьянства в общественной мысли России разгорелись еще в XVI в. Их освещению Б. Д. Греков отводит даже целую главу в своей монографии. Опубликованная под названием «Крестьянский вопрос в публицистике XVI в.», она, конечно же, по своему содержанию носит историографический характер. Однако и эта глава, как и все прочие историографические экскурсы в его монографии, для автора играет вспомогательную роль в решении конкретно-исторических вопросов. Он сам прямо заявляет об этом, когда отмечает, что размышления русских публицистов XVI в. по крестьянскому вопросу построены на точных наблюдениях над фактами. «Это последнее обстоятельство, — пишет Б. Д. Греков, — особенно ценно, так как дает нам возможность глубже понять имеющийся в нашем распоряжении многочисленный актовый материал и лаконический язык писцовых книг»⁴².

Б. Д. Греков глубоко анализирует творческое наследие представителей прогрессивной мысли, противников существовавших тогда социально-экономических и политических порядков Русского государства (Ермолай Еразм, Иван Пересветов, Максим Грек, Матвей Башкин, Феодосий Косой), и консерваторов, сторонников и защитников сохранения установившегося режима (князь Курбский, Иосиф Волоцкий, Зиновий Отенский, Сильвестр). Очерк наполнен яркими историографическими характеристиками названных деятелей и глубокими обобщениями их творчества в связи с исторической обстановкой, в которой они жили. Заметив, например, враждебное отношение к вельможам-боярам, выраженное в сочинениях Ермолая Еразма, Ивана Пересветова, Максима Грека и «еретиков» Матвея Башкина и др., Б. Д. Греков заключает: «Едва ли здесь какой-либо сговор. Это знамение времени. Это голос растущего нового общественного слоя, борющегося за свое место на земле и видящего в вельможах-боярах, т. е. старой знати, своих противников, тормоз дальнейшего развития страны»⁴³.

Диалектика реальной, но уже давно минувшей жизни, мысли и поступки людей, живших много веков тому назад, далеко не всегда укладываются в четкие, явно страдающие односторонностью схемы определений и оценок, которыми наполняем мы наши современные писания, пытаюсь максимально приближенно к действительности воспроизвести историческое прошлое. В этом отношении Б. Д. Греков-историограф — также образец для подражания. Его историографические характеристики передовых для своего времени русских ис-

ториков-публицистов XVI в. глубоко, тонки и диалектичны, я бы даже сказал, деликатно-тактичны, самим своим существом направлены против вульгарно-социологических определений. Вот примеры из монографии «Крестьяне на Руси...»

«Чей же идеолог был Ермолай-Еразм? На этот вопрос ответить не легко: с одной стороны, он как будто стремился к облегчению положения крестьян, с другой — он полностью признает право феодала на эксплуатацию крестьянина. В его проекте наибольший удар падает на боярство, что было в интересах дворян-помещиков...»⁴⁴

«Подводя итоги соображениям Максима Грека по крестьянскому вопросу, мы вправе сказать, что у него нет продуманной по этому предмету программы. Критика действий монахов-стяжателей в отношении монастырских крестьян, конечно, не делает Максима Грека идеологом угнетенных классов. Эта критика служит ему лишь средством для того, чтобы показать «антиморальный характер» поведения своих противников из лагеря «осифляи». Он мирится с существующей системой взаимоотношений между землевладельцем и крестьянином»⁴⁵.

Зато по отношению к своим современникам и коллегам Б. Д. Греков в историографической критике был беспощаден, если видел отступление от историзма, если не учитывалась социальная и патриотическая функция советской исторической науки. По этому поводу он прямо высказывает свое историографическое кредо в работе «Киевская Русь». «Самым решительным образом я расхожусь и с теми из современных историков, которые обнаруживают явную тенденцию недооценивать значение этого важного периода в истории нашей страны»⁴⁶. В частности, Б. Д. Греков одним из первых не только выступил против антиисторических представлений ряда советских историков о Киевской Руси как о примитивном, «варварском» государственном образовании дофеодального периода, но и доказал необоснованность попыток утвердить подобные взгляды ссылками на высокий авторитет К. Маркса путем цитирования отдельных мест его выписок из секретных дипломатических документов XVIII в., своим содержанием направленных против России⁴⁷.

Особенно резкой критике подвергается в монографиях Б. Д. Грекова его современник и collega видный советский историк М. Н. Покровский за некритическую трансформацию им антинаучных теорий дореволюционной дворянско-буржуазной историографии о будто бы многовековом бродяжничестве крестьянства на Руси, о возникновении городов как стоянок купцов-разбойников и т. п., а также за его собственные умозрительные, совершенно не основанные на фактах суждения вроде того, что до образования Московского царства Ивана IV на Руси не было ничего похожего «на то, что мы называем „государством“»⁴⁸.

«Я считаю, — заявляет Б. Д. Греков, — что у нас имеются все данные так же энергично поддерживать первоначальное представление Покровского об оседлости крестьянина, как и отказаться от его же теории бродяжничества»⁴⁹. В другом месте своей монографии о Киевской Руси Б. Д. Греков пишет: «Высказав правильную мысль о

том, что киевское вече XII в. отлично от веча родового общества, Покровский едва ли поступает правильно, отказываясь искать хотя бы и отдаленных предков киевского народного собрания XII в. Ведь задача историка прежде всего и заключается в том, чтобы изучать общественные явления в их последовательном развитии. М. Н. Покровский не пожелал этим заниматься»⁵⁰. В адрес М. Н. Покровского высказывались самые уничижительные замечания, если дело шло о недооценке роли народных масс в истории. Ошибочная позиция такого рода у М. Н. Покровского критикуется в «Кратком очерке истории русского крестьянства» Б. Д. Грекова: «Надо было отвлечься от конкретных общественно-политических условий жизни или, вернее, ничего в них не понимать, чтобы защищать подобное мнение о крестьянстве, т. е. основной массе народа, на труде которой строилась вся общественная и политическая жизнь страны»⁵¹.

Как известно, в историографическом наследии Б. Д. Грекова имеется и специальная работа, посвященная критике концепции М. Н. Покровского по истории древней и средневековой Руси — «Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского». Впервые она была опубликована в 1939 г. Статья Б. Д. Грекова, основные положения которой вырабатывались на протяжении многих лет с начала 30-х годов, в ходе полемики утверждения его новаторской концепции о зарождении и развитии феодальных отношений в нашей стране, и сегодня не утратила своей научной ценности и политической актуальности. Она заостряет чувство бдительности у наших современников к любым попыткам принизить роль нашей страны в общемировом историческом процессе. Академик Николай Михайлович Дружинин в своих воспоминаниях так оценивает патриотическую позицию своего старшего коллеги и товарища: «Борис Дмитриевич Греков горячо любил свою Родину и ее национальные достижения, был решительным противником нигилистических мнений М. Н. Покровского»⁵².

В предисловии «От редакции» ко второму тому вышедшего в свет после смерти Б. Д. Грекова собрания его избранных трудов (том издан под редакцией академика Л. В. Черепнина и члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто) справедливо замечено, что полемика всегда обогащала научное творчество выдающегося советского ученого⁵³. Историографическое наследие Б. Д. Грекова, идет ли речь о его специальных историографических статьях и обзорах или об историографических экскурсах в конкретно-исторических монографиях, насыщено авторскими полемиками замечаниями как академического, так и публицистического характера. Ведь утверждать свою концепцию Б. Д. Грекову приходилось на основе: а) критического преодоления огромного наследия дореволюционной дворянско-буржуазной историографии; б) настойчивого аргументированного убеждения тех советских историков, которые расходились с ним во взглядах по тем или иным проблемам исторического процесса; в) решительного разоблачения наших прямых идейных противников из-за рубежа, рядящихся в профессорские мантии (в этой связи следует напомнить о блестящих публицистических выступлениях ученого на

страницах советской периодической печати, направленных против фальсификаторских измышлений отдельных деятелей современной шведской и финской буржуазных историографий⁵⁴).

В заключение приведем некоторые общие характеристики историографической части творческого наследия академика Б. Д. Грекова, высказанные его современниками — близкими коллегами. Академик М. Н. Тихомиров, говоря об этом наследии, счел нужным в сущности одну и ту же мысль повторить дважды: «Историографические темы занимают в трудах Б. Д. Грекова большое и почетное место»; «Вопросы историографии вообще занимали немалое место в трудах Б. Д. Грекова»⁵⁵. А член-корреспондент АН СССР В. И. Шунков еще при жизни академика Б. Д. Грекова метко заметил, что его историографические работы — это не некрополь, а двигатель научной мысли⁵⁶. Надеемся, что эти высокоавторитетные высказывания подтверждаются и нашим вышеизложенным анализом даже части историографического наследия крупнейшего советского ученого. Полагаем, что уже пора в специальном большом исследовании осветить выдающийся вклад академика Б. Д. Грекова в развитие историографии, важной исторической дисциплины, по своей функциональной заданности прежде всего призванной содействовать прогрессу науки, поддерживать ее высокий идейно-теоретический уровень, отстаивать незыблемость принципов марксистско-ленинской методологии.

- ¹ Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1960, т. 4, с. 250.
- ² Там же, с. 250—251.
- ³ Там же, с. 261.
- ⁴ Там же, с. 272.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же, с. 272; *Он же*. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958, с. 183.
- ⁷ Там же, с. 238—239.
- ⁸ Там же, с. 237.
- ⁹ Там же, с. 290, 295.
- ¹⁰ Греков Б. Итоги научной разработки новгородских писцовых книг. — Русская мысль, 1915, № 12, с. 28.
- ¹¹ Тихомиров М. Н. К пятилетию со дня смерти академика Бориса Дмитриевича Грекова. — История СССР, 1958, № 5, с. 53.
- ¹² Б. Г. Исторические карты К. Неслуховского 1. Карта великого переселения народов в III—VI вв. 2. Европа в половине IX в. / Издание К. Неслуховского и Ф. Соколова. — Русская школа, 1908, № 4, Критика и библиография, с. 12.
- ¹³ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. 2-е изд., испр. и доп. М., 1952, кн. 1, с. 23.
- ¹⁴ Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1959, т. 2, с. 32.
- ¹⁵ Неядлы З. История чешского народа. М., 1952, т. 1. Чехия в древнейшие времена, с. 13.
- ¹⁶ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 23—24, 28—29, 35, 43—44; *Он же*. Избранные труды, т. 2, с. 32—33, 37, 39—41, 48.
- ¹⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 33—34, 86; *Он же*. Избранные труды, т. 2, с. 40.
- ¹⁸ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 87, 102; *Он же*. Избранные труды, т. 2, с. 81, 107—108, 341.
- ¹⁹ Греков Б. Д. Избранные труды, т. 2, с. 229.
- ²⁰ Там же. М., 1960, т. 3, с. 469.
- ²¹ Там же, т. 2, с. 80—81.
- ²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 49.
- ²³ Греков Б. Д. Избранные труды, т. 2, с. 85.
- ²⁴ Там же, с. 265.
- ²⁵ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 48; *Он же*. Избранные труды, т. 2, с. 51.
- ²⁶ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 26; *Он же*. Избранные труды, т. 2, с. 35.

- 27 Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 59.
- 28 Там же, с. 60—64, 67—72; *Он же*. Избранные труды, т. 2, с. 61—64, 66—71.
- 29 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.
- 30 Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 12.
- 31 Греков Б. Д. Избранные труды, т. 2, с. 226.
- 32 Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 145.
- 33 Там же, с. 146.
- 34 Там же, с. 149.
- 35 Там же, с. 187; *Он же*. Избранные труды, т. 2, с. 175.
- 36 Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 213; *Он же*. Избранные труды, т. 3, с. 197.
- 37 Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 176.
- 38 Рыбаков Б. А. Смерды. — История СССР, 1979, № 2, с. 54, 56—57.
- 39 Панеях В. М. Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корецкого). — История СССР, 1972, № 1, с. 160.
- 40 Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1966, т. 4, с. 278.
- 41 Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 169—170; *Он же*. Избранные труды, т. 2, с. 161.
- 42 Греков Б. Д. Крестьяне на Руси... М., 1954, кн. 2, с. 229.
- 43 Там же, с. 219.
- 44 Там же, с. 218.
- 45 Там же, с. 227—228.
- 46 Греков Б. Д. Избранные труды, т. 2, с. 236.
- 47 Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982, с. 43.
- 48 Греков Б. Д. Избранные труды, т. 2, с. 49, 85, 228.
- 49 Там же, с. 50; *Он же*. Крестьяне на Руси..., кн. 1, с. 46.
- 50 Греков Б. Д. Избранные труды, т. 2, с. 287.
- 51 Греков Б. Д. Краткий очерк русского крестьянства. М., 1958, с. 171—172; *Он же*. Крестьяне на Руси..., кн. 2, с. 72—73.
- 52 Дружинин П. М. К 90-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. — История СССР, 1972, № 5, с. 106.
- 53 Греков Б. Д. Избранные труды, т. 2, с. 5.
- 54 Греков Б. Д. О роли варягов в истории Руси (по поводу статьи шведского профессора Туре Арне); *Он же*. Антинаучные измышления финского профессора. — В кн.: Греков Б. Д. Избранные труды, т. 2, с. 554—563.
- 55 Тихомиров М. Н. К пятилетию со дня смерти академика Бориса Дмитриевича Грекова. — История СССР, 1958, № 5, с. 56.
- 56 Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952, с. 13.

«ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА» В. И. ПИЧЕТЫ И ЕЕ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Н. Н. Улащик

Владимир Иванович Пичета родился и провел детские и юношеские годы в Полтаве, затем окончил Московский университет и после четырехлетнего пребывания на Украине возвратился в Москву, где прожил до 1921 г. Отец его был герцеговинец, мать — украинка. Дипломная работа Пичеты, которую высоко оценил В. О. Ключевский, была написана о Юрии Крижаниче. Всю жизнь Пичета интере-

совался историей южных славян, ряд его работ посвящен истории России и Украины, последние годы жизни он занимался главным образом исследованиями по истории Польши¹. При всем том широкая известность этого ученого основана на работах, касающихся истории Великого княжества Литовского, в особенности Белоруссии. В связи с этим представляется важным проследить, как возник интерес ученого к истории Белоруссии.

Когда В. И. Пичета учился в гимназии и университете, относительно богатая литература имелась только по этнографии, фольклору и языку Белоруссии. Крупнейшими специалистами в этих областях были Е. Ф. Карский², М. В. Довнар-Запольский³, Е. Р. Романов⁴ и др. Что касается истории, то она была представлена очень немногими работами общего характера. Наиболее ранней из них является монография О. В. Турчиновича, вышедшая в свет в 1857 г.⁵ Книга Турчиновича охватывает период от «древнейших времен» (от скифов и будинов) и до присоединения восточной Белоруссии к России. «Обзорение» Турчиновича посвящено лишь восточной Белоруссии (до реки Березины), и уже вследствие одного этого оно устарело по существу к моменту издания.

Напечатанные в 1889 г. «Очерки по истории Белоруссии» представляют собой отрывок из монографии М. В. Довнар-Запольского «Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия»⁶. «Кароткая гісторыя Беларусі» Власта, вышедшая в 1910 г., была действительно краткой. К 1917 г. все эти работы стали библиографической редкостью.

Значит ли это, что история Белоруссии за весь период от создания Киевского государства и до начала XX в. оставалась совершенно неизвестной? Конечно, нет. Дореволюционная русская, польская, украинская, немецкая историографии накопили немало данных, но в них Белоруссия рассматривалась или как часть Великого княжества Литовского, или же как один из районов России, без всякого учета особенностей истории белорусского народа.

В буржуазной русской историографии за Великим княжеством Литовским (официально называвшимся Великим княжеством Литовским, Русским и Жомойтским или Литовским, Жомойтским и Русским) в последние десятилетия XIX в. закрепилось название Литовско-Русское. Наиболее убедительно это название обосновал М. К. Любавский, который писал, что Великое княжество «с самого начала было не просто литовским, а литовско-русским», причем автор утверждал, что русский элемент там был более важным, чем литовский⁷. Некоторые же из русских историков из числа настроенных националистически были склонны называть Великое княжество Западной Россией или Западной Русью⁸.

Польская буржуазная историография обычно называла Великое княжество Литовское просто Литвой, в тех же случаях, когда она касалась славянских земель княжества, называла их Литовской Русью. Название «Литовская Русь» для Белоруссии и Украины употребляли и некоторые русские ученые.

Хронологически почти все работы, посвященные Великому кня-

жеству, оканчивались 1569 г., т. е. годом заключения Люблинской унии, так как считалось, что с этого времени Великое княжество Литовское стало просто одной из провинций Польши.

Не ставя себе задачу дать сколько-нибудь полный обзор работ, относящихся к истории Великого княжества, коснемся лишь наиболее важных, учитывая, что В. И. Пичета использовал их при создании своей «Истории». К ним относится монография М. И. Лаппо «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория» (СПб., 1901). Автор доказывал, что Великое княжество Литовское и после Люблинской унии продолжало существовать как отдельное государство, находившееся с Польшей в федеративных отношениях ^{8а}.

Значительное внимание русская буржуазная историография уделяла вопросу религиозному, в особенности церковной унии и угнетению православного населения. Важнейшими из таких работ являются исследования Н. Н. Бантыш-Каменского ^{8б}, П. Н. Жуковича ^{8в}, затрагивал эту тему М. О. Коялович ⁹.

В конце XIX — начале XX в. вышел ряд монографий, посвященных основным проблемам социально-экономической истории Великого княжества Литовского. Они оказали на молодого Пичету настолько сильное воздействие, что он воспринял в большой мере не только тематику этих ученых, но и их методологию. Этими исследователями были М. К. Любавский и М. В. Довнар-Запольский.

Любавский, считавшийся в начале XX в. самым крупным специалистом по истории Великого княжества Литовского, вместе с тем был знатоком истории России феодального периода; Белоруссии в своих работах он касался лишь как части Великого княжества Литовского ¹⁰.

Довнар-Запольский, опубликовавший в начале XX в. две крупные монографии по истории Великого княжества Литовского ¹¹, в течение 1883—1901 гг. издал большое число работ, касавшихся главным образом этнографии Белоруссии. Наряду с этим он издал два тома источников по истории Великого княжества Литовского и ряд статей по истории белорусской литературы XIX в. ¹²

При всем различии взглядов названных ученых оба они называли Великое княжество Литовское Литовско-Русским и при этом не пытались выделить историю отдельных народов, населявших это государство.

Довнар-Запольский в 1920 г. или, возможно, значительно ранее написал «Историю Белоруссии», но она не была напечатана ¹³.

В своих воспоминаниях о годах учебы в Московском университете (написаны в 1930 г.) В. И. Пичета писал, что в его время там преподавали многие выдающиеся историки: В. О. Ключевский, В. И. Герье, П. Г. Виноградов ¹⁴. Он отмечает, что, будучи студентом четвертого курса, прослушал «в высшей степени оригинальный и интересный курс» В. О. Ключевского по историографии, хронологии и метрологии, работал в его семинаре по «Русской правде». Но, по его утверждению, Ключевский «не учил нас работать над памятником и не вводил нас в лабораторию научной работы, а занимался толкова-

нием Русской правды, ее статей, отдельных слов и выражений». «В сущности, — заканчивает В. И. Пичета, — приват-доценты знакомы нас с русской историей»¹⁵.

На третьем курсе Пичета прослушал курс М. К. Любавского «История Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (в сильно переработанном виде издан в 1910 г.), а на четвертом занимался в семинаре у того же Любавского по Литовскому статуту 1529 г. «Занятия под его руководством мне дали много в отношении метода работы над источником и его использования», — вспоминал В. И. Пичета¹⁶. Ко времени окончания В. И. Пичетой университета две капитальные работы М. К. Любавского (см. выше) вышли в свет, и Пичета, конечно, весьма основательно проштудировал их. В 1901 г. появилось «Государственное хозяйство» М. В. Довнар-Запольского, тоже, вероятно, тщательно изученное.

Крупнейшим исследованием В. И. Пичеты, написанным им в до-революционный период, является «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве»¹⁷. Он избрал эту тему, всего вероятнее, под воздействием в первую очередь М. К. Любавского, хотя «реформе» гораздо больше внимания уделял не он, а М. В. Довнар-Запольский.

Реформа была мероприятием настолько крупным и воздействие ее на последующую жизнь государства настолько значительным, что этого вопроса касались, пожалуй, все, кто занимался историей Великого княжества в XVI в. и в более поздний период.

О реформе кратко упоминали еще Ярошевич¹⁸, Любавский¹⁹, М. В. Довнар-Запольский (в «Государственном хозяйстве») ²⁰. Но «Очерки» последнего²¹ в основном посвящены именно реформе. М. К. Любавский называл это мероприятие «померой», Довнар-Запольский — «реформой». В. И. Пичета, приняв название «реформа», расширил и уточнил его²².

Когда В. И. Пичета начал работать над «Реформой», неясно, во всяком случае, не сразу после возвращения в Москву в 1905 г. и даже не в первые годы после возвращения, когда, видимо, основные усилия были направлены на сдачу магистерских экзаменов. Сдав экзамены и начав работать в университете в качестве приват-доцента, В. И. Пичета очень скоро оставил преподавание в знак протеста против распоряжений министра Кассо. Именно с этого времени (с 1911 г.) появляется большое количество его печатных работ. Наряду с этим В. И. Пичета занимается редакторской деятельностью. Поскольку написать за короткий срок все те работы, которые были напечатаны в 1911 г., было едва ли возможно, то можно думать, что В. И. Пичета стал заниматься этим не позднее 1909—1910 гг.

В годы, предшествующие первой мировой войне, В. И. Пичета проявил интерес и к Великому княжеству Литовскому. Об этом свидетельствуют такие работы: «Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-польской шляхты»²³⁻²⁵ и «Литовско-Русское государство»²⁶.

Поскольку в 1912—1913 гг. интерес Пичеты был сосредоточен на вопросах, касавшихся Русского государства в разные эпохи, а в

1917 г. у него уже была готова трехтомная «Реформа», то, следовательно, никак не позже 1914 г. Пичета должен был переключиться (в основном, так как в первые годы войны он много писал о южных славянах) на создание «Реформы», а вместе с тем капитально ознакомиться с историей Белоруссии.

«Реформу» ученый завершил и напечатал (первые две части) в конце 1917 — в 1918 г. В феврале 1918 г. В. И. Пичете за первый том этого труда была присуждена степень магистра, а в марте того же года за вторую часть — степень доктора²⁷. С этого времени и почти до самой кончины в центре внимания Владимира Ивановича становится история Белоруссии.

В то время обстановка в Белоруссии была очень сложной. Осенью 1915 г. Германия захватила Западную Белоруссию, а в феврале 1918 г. немецкие войска оккупировали почти всю страну. О какой-либо работе там не могло быть и речи. В Советской России велась энергичная работа по созданию Белорусской советской республики. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» дала мощный толчок этой работе. В тогдашних условиях необходимы были работы, которые бы показали, что белорусы представляют собой народ, и определили размеры территории, им заселенной.

Крупнейший белорусовед того времени Е. Ф. Карский издал в 1903 г. этнографическую карту²⁸, которую перепечатали в 1917 г.²⁹, но она не удовлетворяла необходимым требованиям хотя бы потому, что это была карта «племени». Что касается истории белорусского народа, то ее предстояло написать.

Организацией, начавшей после революции заниматься в Москве вопросами белорусоведения, стало Белорусское научно-культурное общество. Его членами-учредителями были В. И. Пичета, Н. А. Янчук, Д. Г. Коновалов, В. И. Качалов и др., почетными членами — Е. Ф. Карский, М. К. Любавский, П. Н. Жукович, М. В. Довнар-Запольский и А. П. Сапунов³⁰. Судя по тому, что среди членов-учредителей на первом месте назван В. И. Пичета, можно думать, что он был одним из инициаторов создания и руководителем общества. Едва ли не единственным памятником деятельности этой организации является брошюра, содержащая доклад М. К. Любавского «Основные моменты истории Белоруссии», прочитанный им на первом публичном заседании общества 14 июля 1918 г.

Будучи специалистом по истории Великого княжества Литовского до 1569 г., М. К. Любавский и в докладе больше всего внимания уделил раннему периоду истории Белоруссии. Все, что дано им сверх этого, имеет до чрезвычайности отрывочный характер (вся брошюра содержит 23 страницы небольшого формата). Основная идея доклада заключается в том, что Белоруссия на протяжении всей своей истории отдавала свои интеллектуальные (и все другие) силы в пользу соседних народов — литовцев, украинцев, русских (о поляках не упоминается). В особенности много белорусы дали для Литвы. «В русской общественности,— пишет Любавский,— литовские князья (имеется в виду начальный период образования Литовского государства.— Н. У.), по всем признакам, могли почерпать более сил

и средств для утверждения государственности, чем в общественности литовской. Русь давала,— пишет он далее,— в их (литовских князей.— Н. У.) распоряжение военный люд, по военной выправке и храбрости не уступавший западному рыцарству»³¹.

При более высоком по сравнению с Литвой общественно-экономическом развитии Белоруссии «литовские князья для утверждения государственности старались почерпнуть политические силы и средства именно в присоединенной к Литве Руси, откуда брали воинов и должностных лиц, переносили на Литву тамошние порядки и установления, русский официальный язык» и т. д. Вместе с тем «племя, населявшее древнюю Полоцкую землю, потеряло много жизненных сил, которые ушли в Великое княжество Литовское на строительство чужого государства и общественности, на созидание иной, но чисто русской культуры»³².

Как и другие исследователи того же периода, Любавский сильно преувеличивает полонизацию Белоруссии. Он считал, что после 1569 г. ополчилась не только шляхта, но «отчасти и состоятельное мещанство» таких наиболее крупных городов Белоруссии, как Полоцк, Витебск. Любавский утверждает: «Все, что было сознательно-го, развитого и культурного в Белоруссии, стало или становилось польским. Край в значительной степени утратил свой русский характер и приобрел характер польский»³³. Мы знаем, что если магнаты, шляхта и отчасти мещанство восприняли польскую одежду, а письменным языком стал польский, то белорусский язык удержался как живой, разговорный у основной массы населения.

Очень своеобразно трактует Любавский историю украинского казачества и участие в этом процессе белорусского населения. Он утверждал, что «казачьие ватаги, промышлявшие на различных „уходах“ на Днепре, Суле, Ворскле, Орели, Самаре и „за порогами“, до второй половины XVI в. состояли преимущественно из белорусов», которые направлялись туда с Двины, с верхнего Днепра, с Березины и Сожа. Осенью эти ватаги, распродав добычу в Киеве и других приднепровских городах, возвращались домой. Однако после 1569 г., когда Украина оказалась под польским владычеством, в Поднепровье хлынул народ из Галиции и Волыни. Переселенцы стали захватывать те угодья, которыми ранее пользовалось белорусское казачество. Не желая уступать свои «уходы», белорусы стали оседать там на постоянное жительство, в результате чего Белоруссия лишалась своего наиболее предприимчивого и смелого населения»³⁴.

Заключительная часть доклада посвящена «русскому периоду», т. е. периоду, когда Белоруссия стала частью Русского государства. Здесь Любавский резко критикует царское правительство за то, что оно ликвидировало церковную унию самыми грубыми средствами. Ошибкой (и тоже грубой) Любавский считал и то, что земство в Белоруссии было введено с опозданием (1911 г.), притом же в урезанном виде, да и то не везде: в западной Белоруссии оно вообще не вводилось.

Едва ли не в то самое время, когда происходило первое заседание Белорусского общества, в Москве начал работать Белорусский на-

родный университет. Судя по лекциям, которые читались в университете и были частично опубликованы, Любавский участия в работе университета не принимал. Видимо, главным деятелем там числился В. И. Пичета. Лекции, прочитанные в университете, были позже изданы отдельной книгой под названием «Курс белорусоведения»³⁵.

Лекции в университете читались на разные темы, важнейшим вопросом оставался вопрос о территории: какую область следует признать белорусской? Длительное время после присоединения Белоруссии к России Белоруссией называли лишь губернии Витебскую и Могилевскую. Во второй половине XIX в. к ним стали присоединять еще Минскую и Смоленскую. В ряде работ, вышедших под редакцией такого специалиста, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, белорусскими назывались губернии Могилевская, Витебская, Минская и Смоленская, а Виленская, Гродненская и Ковенская — литовскими³⁶, хотя большинству авторов было известно, что в Гродненской губернии литовцев почти совсем не было, а в Виленской литовское население находилось только в западной части; что западная часть Витебской заселена латышами и т. д.

Лекцию о территории Белоруссии («К вопросу о белорусской территории») прочитал Д. Н. Анучин. Весьма характерно для того времени, что он начал свою лекцию с вопроса о возможности образования самостоятельного белорусского государства, однако мнение по этой проблеме высказал в весьма туманной форме. В частности, Анучин сказал: «Нельзя, например, пользоваться данными истории, потому что данные эти противоречивы, и если одни из них говорят в пользу несомненных прав Белоруссии на национально-политическую самостоятельность, то другие, напротив того, могут служить доказательством традиционной зависимости Белоруссии от Литвы, Польши, Великороссии»³⁷. Как и почти все остальные авторы работ, помещенных в «Курсе», Анучин считал белорусов не народом, не нацией, а племенем. О том, какую область он считает белорусской, Анучин не сказал. И. П. Силинич, автор географического очерка, утверждал, что белорусскими «разумеют» губернии Смоленскую, Могилевскую, Минскую и Витебскую³⁸, А. Ф. Фортунатов к белорусским отнес пять губерний: Минскую, Могилевскую, Витебскую, Виленскую и Гродненскую³⁹.

Иную позицию занял В. И. Пичета. Его статья озаглавлена «История белорусского народа». Следовательно, Пичета сразу отказался от «племени», что имело принципиальное значение. Новым в его работе было и то, что он излагал историю Белоруссии от древнейших времен до начала XX в. включительно.

«История» написана на основании существовавшей в то время литературы и опубликованных источников; новые архивные материалы не привлекались, что вполне понятно: на подготовку курса⁴⁰ имелось предельно мало времени.

«История» разделена на 20 параграфов, очень неодинаковых по размерам. Из приложенного в конце статьи библиографического списка следует, что при написании «Истории» были использованы многие публикации и научные труды, — всего 63 названия (в том числе

ряд серийных археографических изданий). Среди источников названы «Начальная летопись по Ипатьевскому списку» (очевидно, Полное собрание русских летописей, т. II) ⁴¹, «Русская правда» под ред. А. И. Яковлева ⁴², Акты западной России, т. I—V ⁴³, Акты Виленской археографической комиссии, т. 1—38 ⁴⁴; Археографический сборник документов, т. I—XIV ⁴⁵, три тома «Витебской старины» ⁴⁶, все три Литовских статута ⁴⁷, «Положение» 19 февраля 1861 г. ⁴⁸, работа Данилевича о Полоцкой земле ⁴⁹, Голубовского — о Смоленской ⁵⁰, Грушевского — о Киевской ⁵¹, Довнар-Запольского — о Кривичской и Дреговичской землях ⁵², «Славянские древности» Нидерле ⁵³.

Все эти публикации и исследования послужили базой для создания первых четырех очерков, охватывавших события примерно до вхождения Белоруссии в состав Великого княжества Литовского (В. И. Пичета продолжает называть это государство Литовско-Русским). Для этих же очерков были использованы работы М. К. Любавского ⁵⁴, В. В. Святловского ⁵⁵, а также, очевидно, только что вышедший из печати один из первых томов «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» Н. А. Рожкова ⁵⁶.

Очерк пятый «Истории» посвящен событиям, происходившим в Великом княжестве в целом (унии, заключенные с Польшей, волочная номера, положение шляхты и мещан).

В ряде следующих очерков Пичета попытался уяснить, что собой представляла Белоруссия как часть Великого княжества Литовского. Так, в параграфе шестом говорится о судьбах бывших княжеств — Полоцкого, Витебского — и об «областных конституциях», т. е. о привилегиях, выданных центральной властью этим княжествам.

Вопросы, освещенные в шестом очерке, были капитально изучены М. К. Любавским, и В. И. Пичета здесь в общем изложил труды своего предшественника. Новым для того времени был раздел седьмой: «Белорусское Возрождение», в котором говорится о статутах, типографиях, о деятельности Скорины. Он занял лишь три страницы, и поэтому значение его в том, что автор впервые ввел в науку выражение «белорусское Возрождение». Два следующих параграфа касаются религиозной жизни, в частности церковной унии 1596 г. и католической реакции. Очерк или раздел десятый («Белоруссия и Северо-Восточная Русь в XIV—XVIII вв.») содержит данные о положении в Белоруссии во время бесконечных войн между Великим княжеством Литовским и Московским государством. Последующие два очень небольших параграфа посвящены положению крестьян и евреев в XVII—XVIII вв.

Очерк шестнадцатый озаглавлен «Политико-социальная программа белорусской шляхты в XVIII—XIX вв.». В нем говорится о положении шляхты в последние годы существования Речи Посполитой, отношении шляхты к разделам, к восстанию Костюшко, к Наполеону (в 1812 г.). Заключительная часть посвящена восстанию 1830—1831 гг. и отношению к нему шляхты. В главе о 1812 г. отмечено только, как была разорена страна в результате войны, и затем указано, что и через какие порты экспортировала Белоруссия. О выступлениях крестьян не говорится ничего. Далее в очерке XVI автор со-

общает о правительственной политике Николая I: закрытии Виленского университета, отмене действия Статута, введении обязательных инвентарей, люстрации государственных имений. В следующем очерке автор касается религиозной политики правительства, в частности приемов ликвидации унии в 1839 г. Относительно много внимания (с. 63—71) уделено крестьянской реформе 1861 г., причем более всего места заняло изложение «Положений», на основании которых реформа проводилась в Белоруссии. Заключительная глава самая пространная, в ней говорится о помещицьем и крестьянском пореформенном землевладении, о наличии угодий, об урожайности, о росте промышленности в конце XIX в. Говоря о пародном хозяйстве, Пичета оперирует данными Смоленской, Могилевской, Минской и Витебской губерний.

Что давала «История» читателю того времени, когда она вышла в свет, и как ее следует оценить с точки зрения современного состояния науки?

Написанная в большой спешке в первый год после революции, «История» имела научно-популярный характер. Сейчас она вызывает интерес лишь в историографическом плане. Ясно видны ее недочеты даже для того времени. В списке использованных работ, например, отсутствуют такие исследования, как т. 1 «Белорусов» Е. Ф. Карского и труда офицеров Генерального штаба П. Бобровского, И. Зеленского и А. Коревы, содержащие описание Гродненской, Минской и Виленской губерний по состоянию на начало 60-х годов XIX в.⁵⁷

Отдельные главы «Истории» плохо увязываются между собой; в сущности, это отдельные очерки. В работе полностью отсутствуют какие-либо данные о классовой борьбе. Даже в разделе X, в котором коротко говорится о войне 1654—1667 гг. между Россией и Речью Посполитой, о выступлениях крестьян и городских низов против гнета феодалов автор ничего не сообщает. В. И. Пичета кратко упомянул о восстании под руководством Т. Костюшко и восстании 1830 г., но ни слова не говорит о событиях 1863 г., о революции 1905—1907 гг. Можно указать и еще на ряд недочетов. Но дело не в этом. «Историю» нужно расценивать с точки зрения не нашего времени, а первых лет революции. В то время это был единственный труд, в котором была изложена история народа за более чем тысячелетний период. Кроме того, это была история «народа», что для того времени имело огромное значение.

Этот курс предназначался для массового читателя, и он действительно читался и изучался многими людьми, находившимися на разном уровне развития. Но было одно, что объединяло всех: все читали историю своего народа впервые. В этом и было самое большое значение «Истории».

- ¹ *Королюк В. Д.* Владимир Иванович Пичета.— В кн.: Славяне в эпоху феодализма: К столетию академика В. И. Пичеты. М., 1978, с. 5, 8.
- ² Список работ Е. Ф. Карского помещен в его книге «Труды по белорусскому и другим славянским языкам» (М., 1962, с. 673—689).
- ³ Список работ М. В. Довнар-Запольского находится в издании: «Записки Аддзела гуманітарных навук. Працы клясы гісторыі». Минск, 1929, т. III, кн. 8, с. 566—570.
- ⁴ Библиография работ Е. Р. Романова дана в книге: Дооктябрьская книга на русском языке о Белоруссии. Минск, 1976.
- ⁵ *Турчинович О. В.* Обзор истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857.
- ⁶ *Довнар-Запольский М. В.* Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия.— Киев, 1891.
- ⁷ *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910, с. 15, 16.
- ⁸ Обзор литературы, касающейся этого вопроса, дан в работе: *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973, с. 7—9.
- ^{8a} То же положение И. И. Лаппо обосновал и в двухтомной работе, посвященной Литовскому статуту 1588 г. *Лаппо И. И.* Литовский статут 1588 г. Каунас, 1934, Т. 1. Ч. 1; Каунас, 1936. Ч. 2.
- ^{8b} *Бантыш-Каменский Н. Н.* Историческое известие о возникновении в Польше унии с показанием важнейших в продолжении оной через два века приключений. М., 1805; 2-е изд. Вильно, 1864.
- ^{8в} *Жукович П.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией. СПб., 1901—1912. Вып. 1—6. *Он же.* Борьба против унии на современных ей литовско-польских сеймах. СПб., 1897.
- ⁹ *Козлович М. О.* Лекции по истории западной России. СПб., 1864, и другие работы того же автора.
- ¹⁰ См.: *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892; *Он же.* Литовско-русский сейм. М., 1901; *Он же.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно.
- ¹¹ *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллогах. Киев, 1901; *Он же.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905.
- ¹² См.: Документы Московского архива Министерства юстиции. М., 1897; Акты Литовско-Русского государства. М., 1899; Литовские упоминки татарским ордам. Симферополь, 1898.
- ¹³ На обложке книги «Курс белорусоведения», вышедшей в Москве в 1918—1920 гг. (так указана выходная дата), среди прочих работ, приготовленных к печати, числятся две М. В. Довнар-Запольского: «История Белоруссии» и «Паны и мужики в прошлом Белоруссии». Ни одна из них не увидела свет.
- ¹⁴ *Пичета В. И.* Воспоминания о Московском университете (1897—1901).— Славяне в эпоху феодализма, с. 52.
- ¹⁵ Там же, с. 54.
- ¹⁶ Там же, с. 55.
- ¹⁷ Эта реформа, или «волочная помера», была проведена в середине XVI в. в государственных имениях Литвы и Западной Белоруссии, позже она проводилась в Восточной Белоруссии, а также в частновладельческих имениях. Сущность ее заключалась в том, что земля делилась на одинаковые по размерам участки — волоки (21, 4 га) и с каждой волоки в зависимости от качества почвы следовала повинность. Реформа сопровождалась созданием многочисленных фольварков и прикреплением крестьян к участкам, на какие они были посажены при реформе.
- ¹⁸ *Jaroszewicz J.* Obraz Litwy pod wzgledem jej cywilizacji. Wilno, cz. II, 1844, s. 113—120.
- ¹⁹ *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 448, 451.
- ²⁰ *Довнар-Запольский М. В.* Го-

- сударственное хозяйство Велико-го княжества Литовского при Ягеллонах, с. 294—318.
- ²¹ *Довнар-Запольский М. В.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке, с. 157—286.
- ²² В последние годы своей жизни В. И. Пичета называл реформу «землеустроительной политикой Великого княжества Литовского». Это название, однако, не пришло, и в настоящее время реформа чаще всего называется «волочной померой». О «землеустроительной политике» см. «Аграрная реформа», изд. 1958 г., с. 4.
- ^{23—25} Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 605—631.
- ²⁶ См.: Русская история в очерках и статьях / Ред. М. В. Довнар-Запольский. М., 1910, т. 2, с. 357—439.
- ²⁷ 1-й 2-й тома «Реформы» изданы в Москве в 1917, 1918 гг. Третий том в виде отдельных статей напечатан в 1922—1929 гг. Полностью все три тома помещены в посмертном издании работ В. И. Пичеты — «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве». (М., 1958), «Белоруссия и Литва в XV—XVI ст.» (М., 1961).
- ²⁸ *Карский Е. Ф.* К вопросу об этнографической карте белорусского племени. СПб., 1903.
- ²⁹ *Карский Е. Ф.* Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917.
- ³⁰ *Любавский М. К.* Основные моменты истории Белоруссии. М., 1918. В предисловии, написанном Ф. Туруком, и находится сообщение об организации Общества и его составе.
- ³¹ Там же, с. 15, 16.
- ³² Там же, с. 16, 17.
- ³³ Там же, с. 19.
- ³⁴ Там же, с. 19, 20.
- ³⁵ Курс белорусоведения. М., 1918—1920, с. 1—86. Содерж.: Турук Ф. Предисловие (с. I—IV); Пичета В. И. История белорусского народа (с. 1—86); Анучин Д. Н. К вопросу о белорусской территории (с. 87—100); Силихин И. П. Географический очерк Белоруссии (с. 101—125); Фортуна-тов А. Ф. Из сельскохозяйствен-ной статистики пяти белорусских губерний (с. 126—244); Чепурковский Е. М. Антропология белорусов (с. 145—151); Янчук Н. А. Этнографический очерк Белоруссии (с. 152—184); Расторгуев П. А. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии (с. 185—253); Жилунович Д. Ф. Белорусская литература (с. 258—288); Силищенский М. И. К вопросу о методике родиноведения (с. 294—304); Акад. Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени.
- В предисловии к «Курсу» Ф. Турук отметил, что в сборник не вошли следующие лекции, прочитанные в университете (авторы не названы): 1. Земледелие в Белоруссии. 2. Лесоводство в Белоруссии. 3. Кооперация в Белоруссии. 4. Из истории национально-революционного движения в Белоруссии. 5. История образования в Белоруссии. 6. Элементы театра в белорусской народной поэзии. 7. Этнографический очерк о Белоруссии.
- Этнографический очерк помещен в «Курсе», автором его был Н. А. Янчук. Очевидно, первоначально он был написан Е. Ф. Карским. Почему его заменили другим, Ф. Турук не сообщает.
- ³⁶ Живописная Россия. СПб., 1882. Т. III. Ч. I. Литовское полесье. Ч. II. Белорусское полесье: Россия. Полное географическое описание отечества. СПб., 1905. Т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия.
- ³⁷ Курс белорусоведения, с. 87.
- ³⁸ Там же, с. 101.
- ³⁹ Там же, с. 126.
- ⁴⁰ Употребляю в данном случае слово «курс», а не «лекция» или «статья», так как у остальных авторов издавалась одна из лекций, прочитанных в университете, В. И. Пичета же читал целый цикл лекций, поскольку его материал занял 84 страницы (и 2 страницы список литературы).
- ⁴¹ Полное собрание русских летописей, т. II. Очевидно, изд. 1908 г.
- ⁴² Русская правда / Под ред. А. И. Яковлева. М.: Изд. Ключкова, 1914.
- ⁴³ Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изда-

- ваемые Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1853. Т. I—V.
- ⁴⁴ Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Вильна, 1864—1915. Т. 1—39.
- ⁴⁵ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867—1904. Т. I—XIV.
- ⁴⁶ Витебская старина. Витебск, 1883—1888. Т. I, IV, V.
- ⁴⁷ Литовский статут 1529, 1566 и 1588 гг. М.: Изд. Московского О-ва истории и древностей российских, 1854—1855.
- ⁴⁸ Положение 19 февраля 1861 г. о крепостях, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861; М., 1916.
- ⁴⁹ Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896.
- ⁵⁰ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
- ⁵¹ Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891.
- ⁵² Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. Киев, 1891.
- ⁵³ Niderle Lubor. Slovanské starozitnosti. Praha, 1902, Т. 1—4.
- ⁵⁴ Любавский М. К. Лекции по древней Русской истории до конца XVI в. М., 1913.
- ⁵⁵ Святоловский В. В. Примитивно-торговое землевладение в России. Варшава.
- ⁵⁶ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М., 1918. Т. 1.
- ⁵⁷ Карский Е. Ф. Белорусы. Варшава, 1903. Т. I; Бобровский П. Гродненская губерния. СПб., 1863. Ч. 1, 2; Зеленский И. Мянская губерния. СПб., 1864. Ч. 1, 2; Корса А. Виленская губерния. СПб., 1861.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

М. Д. ЧУЛКОВА

Е. А. Бондарева

Восемнадцатый век — век «великих перемен» в истории Русского государства. В истории культуры он был ознаменован разносторонней, широкой деятельностью просветителей, выступавших на поприще различных наук, литературы, искусства.

К числу замечательных, хотя и мало известных, деятелей культуры русского просвещения принадлежит М. Д. Чулков. Историкам он известен как автор многотомного труда «Историческое описание российской коммерции...», знаменовавшего новый этап в развитии русской исторической науки, первого специального фундаментального исследования истории экономического развития России.

Однако творческое наследие Чулкова принадлежит не только исторической науке. Он был крупным писателем, поэтом, публицистом, издателем. Ему принадлежит заслуга первой публикации произведений народного творчества.

Энциклопедизм творчества Чулкова был обусловлен его просветительской направленностью, о чем свидетельствует целый ряд серьезных, научных изданий юридического, экономико-географического, медицинского характера¹. Деятельность Чулкова во всей ее совокупности представляет собой явление культуры в жизни России того

времени и должна исследоваться с учетом ее внутреннего единства, логики и последовательности формирования. Чулков проявил себя просветителем по призванию и основному содержанию жизнедеятельности. Изучая различные стороны жизни народа, его обычаи, он учился у него многому — образности языка, восприятию окружающего — народному мироощущению; своими знаниями стремился поделиться со своими читателями.

Задача настоящей статьи — охарактеризовать социально-экономические взгляды М. Д. Чулкова на материале его творческого наследия — научного и литературно-художественного. Задача эта в достаточной мере новая, так как прежде предпринимались специальные исследования отдельных сторон деятельности М. Д. Чулкова: анализ экономических положений «Исторического описания»², оценка его художественного творчества³ и пр. Нам кажется, более полное представление о личности Чулкова можно составить только при исследовании его наследия комплексно, всесторонне. Чулков не принадлежит к числу широко известных деятелей русской культуры, да и в целом эпоха русского Просвещения знаменуется в основном деятельностью Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева. Однако общественная жизнь этой эпохи в не меньшей степени характеризуется просветительской работой «второго эшелона культурных деятелей» — представителей демократической интеллигенции, являвшихся посредниками между научной средой и простым народом. К ним принадлежал и М. Д. Чулков, представлявший собой тип разночинного демократического просветителя.

Прежде чем характеризовать его социально-экономические взгляды, целесообразно привести некоторые биографические сведения, тем более что многие из них были установлены нами в ходе архивных исследований и публикуются впервые.

Точная дата рождения, место и родители Чулкова неизвестны⁴. Сам он указывал, что происходит из «солдатских детей», по-видимому, родился (в начале 40-х годов XVIII в.) и вырос Чулков в Москве. В 1756—1758 гг. он учился в гимназии для разночинцев при Московском университете, участвовал в студенческих спектаклях и затем перешел в труппу императорского театра, где, однако долго не задержался. Чулков сменил несколько занятий — был придворным лакеем, квартирмейстером (состоял, видимо, при Павле). С середины 60-х годов он полностью посвятил себя литературной работе. В 1766 г. вышли три части «Пересмешника»⁵ — сборника сказочных повестей. Героями целого ряда повестей стали современники автора, изображенные в реальных жизненных обстоятельствах. Уже в ранних повестях Чулкова реализуется основная идея Просвещения — взаимодействие социальной среды и человека, их соотношение и противоречивость характера воздействия общества на личность. По мысли Чулкова, человек в условиях крепостной России вынужден бороться за существование, и авторские симпатии оказываются на стороне активных и удачливых бедняков.

Необходимо подчеркнуть еще две особенности, чрезвычайно характерные для творчества Чулкова: преемственность повествователь-

ной традиции с народным творчеством начала XVIII в.⁶, патриотическая позиция автора.

Эпоха русского Просвещения озаменована развитием таких явлений, как становление русской нации и национального самосознания. Эти процессы ярко отражены в творчестве писателя⁷. Характерно, что «Пересмешник» издан Чулковым под псевдонимом Россиянин. Исследование творчества писателя подводит к выводу, что Чулков в значительно большей степени связан с национальными литературно-поэтическими традициями, чем многие его современники, он сознательно противопоставлял национальные, народные основы своего творчества космополитизму дворянской культуры⁸.

Вслед за выходом в свет «Пересмешника» Чулков предпринял издание в 1767 г. «Краткого мифологического лексикона», который следует рассматривать как первое просветительское начинание. Этим изданием Чулков стремился облегчить недворянскому читателю ориентацию в литературе классицизма. Уже в этом предприятии Чулкова видно стремление сделать литературу доступной и понятной возможно более широкому кругу людей из народа.

В 1769 г. стал выходить журнал Чулкова «И то и сие». Много места на его страницах уделено описанию нравов, обычаев, народных празднеств⁹. В этот же период он создал несколько «ироикомических поэм», выступая в новом, непривычном для русского читателя жанре вслед за «Елисеем» В. Майкова.

В 1770 г. в следующем своем журнале «Парнасский щепетильник» Чулков создает цикл пародий на бесталанных авторов и поэму «Плачевное падение стихотворцев».

В 1770 г. вышел в свет его роман «Пригожая повариха, или похождения развратной женщины», считающийся первым русским оригинальным романом¹⁰⁻¹². Это произведение Чулкова уже в XVIII—начале XIX в. пользовалось большим успехом у читателей, было библиографической редкостью. По цензурным условиям оно не переиздавалось с 1770 г.

В 1770 г. Чулков поступает на государственную службу, так как прожить с семьей только на литературные заработки было невозможно¹³.

Чулков сначала поступил на службу в Сенат, затем в Герольдмейстерскую контору и, наконец, в 1772 г. перешел на службу в Коммерц-коллегию, президентом которой в это время был А. Р. Воронцов. Годы службы в Коммерц-коллегии до 1780 г., когда Чулков перешел в Главный магистрат¹⁴, были отданы написанию основного научного труда — «Историческое описание российской коммерции». Этот важный и сложный труд был задуман и осуществлен писателем при постоянной поддержке А. Р. Воронцова (покровительствовавшего также и А. Н. Радищеву, историкам И. И. Голикову и В. В. Крестину). Труд Чулкова, огромный по объему (7 томов, 21 книга), имел большое практическое и научное значение для развития экономической истории России, законоведения, историографии. Чулков работал над «Историческим описанием» восемь лет¹⁵. Он привлёк основной контингент доступных русскому читателю опубликованных

исторических, статистических, географических, экономических научных трудов, как русских, так и переводных. Основу источниковой базы «Исторического описания» составили архивные фонды Сената и коллегий, на материале которых Чулковым воссоздается история русского экономического законодательства¹⁶. Вслед за «Историческим описанием» Чулков опубликовал ряд «экстрактов» из него в качестве самостоятельных изданий: «Краткая история российской торговли», «Словарь существующих в России ярмарок», «Наставление необходимо нужное для молодых людей...». Эти книги служили чисто просветительским, практическим целям. Издавая их, автор стремился поднять образовательный уровень русского купечества, облегчить торговую практику, вооружив его необходимой справочной литературой.

Экономическая тематика в этот период жизни Чулкова явно преобладает, и на этом поприще он остается верен просветительским принципам, стараясь возможно скорее сделать научные достижения достоянием широких кругов читателей. Но и в 70-е годы, отданные «Историческому описанию», Чулков продолжает изучение и собирание произведений народного творчества. В 1770—1774 гг. он издает первый в России сборник народных песен — «Собрание разных песен». Основную часть его составили песни патриотические, исторические, песни народного протеста. Впервые увидели свет песни разинского цикла, что имело особое значение в преддверии восстания Пугачева¹⁷. Чулков поставил и решил «Собранием разных песен» новую и оригинальную задачу обнародования возможно полного репертуара национальной песни. Ряд текстов сохранился только в чулковском сборнике и в более поздних собраниях зафиксирован не был. «Собрание разных песен» — это только одно из звеньев в деятельности Чулкова-фольклориста.

В 80-е годы он продолжил работу над этнографической тематикой, опубликовав «Словарь», или «Абевегу русских суеверий» (в двух изданиях — 1782 и 1783 гг.). Нам кажется правомерным рассматривать такого рода начинания, во-первых, как просветительскую деятельность, направленную на искоренение широко распространенных «суеверий», и, во-вторых, как его научную деятельность в области фольклора и изучения народного мировоззрения, образа жизни и пр.

Успешно сочетая служебную и литературную деятельность, М. Д. Чулков в 80-е годы несколько улучшил свое имущественное положение. В эти годы он переехал в Москву, служил в московском 5-м департаменте Сената обер-секретарем¹⁸.

Опыт государственной службы, литературной работы, научных изысканий, непосредственного соприкосновения с жизнью русской деревни — крестьян и помещиков — лег в основу последнего художественного цикла Чулкова — пятой части «Пересмешника», изданной в 1789 г. В нее вошли наиболее социально и художественно зрелые произведения писателя. Повести «Пряничная монета», «Драгоценная щука», «Горькая участь» написаны в реалистической манере и демонстрируют авторскую зоркость в социальных процессах жиз-

ни русского общества, неприятие многих явлений существующей системы общественных отношений. В последних повестях Чулкову удалось нарисовать картину жизни русского общества, разных его слоев, основываясь на народной традиции, обобщив опыт развития народного рассказа.

Несомненно в этих повестях Чулкову удалось подняться до художественного обобщения, типизации эмпирического материала, выделить наиболее характерные черты в своих героях и обстоятельствах их жизни.

Значительно в меньшей степени, чем художественные произведения и научные работы Чулкова, исследованы его просветительские издания, хотя обращение к их материалам могло бы существенно дополнить характеристику его творчества. В конце 80-х годов им был задуман «Словарь земледелия, домостроительства и скотоводства». Материал к нему, по-видимому, был уже в значительной степени собран, однако опубликовать его сразу было сложно, не хватало средств. Вышедший в 1789 г. «Сельский лечебник» представляет собой часть подготовленных к нему материалов. Это — серьезный, на научной основе составленный справочник (часть 1 состоит из 5 томов), в котором, помимо описаний болезни и способа ее лечения, Чулков разъяснял многие вопросы медицины и естествознания (см., к примеру, статью «Анатомия»¹⁹).

В начале 90-х годов Чулков приступает к новому предприятию. Он начинает издание «Юридического словаря», включающего выдержки из существующих законов²⁰. Зная пороки несистематизированного российского законодательства, Чулков стремился облегчить его использование. Предприятие это сложное и длительное. Как нам удалось установить, для его реализации Чулков заложил свои деревеньки²¹, а вот довести издание до конца он уже не успел. При его жизни вышла только I часть, завершал издание уже кто-то другой (возможно, его сын). М. Д. Чулков скончался 24 октября 1792 г. в Москве.

В предисловии к «Юридическому словарю» Чулков характеризует задачи своего издания («книги, какой доныне в России еще не было»): 1) помочь жителям отдаленных районов страны в использовании законодательных материалов, 2) сохранить навсегда историю российских законов, а также 3) послужить правителям России основой в их государственной политике²².

Изучая экономическую историю России, положение и роль в общественно-экономической жизни различных сословий, современные хозяйственные проблемы, Чулков размышлял над перспективами развития России. Нет сомнения в том, что он в полной мере осознавал, какую роль играет в экономике страны сельское хозяйство, или, как тогда пазывали, земледелие. Однако также очевидно и убеждение Чулкова в том, что поступательное развитие экономики России связано в первую очередь с прогрессом в сфере промышленного производства, с расширением товарных внутренних и внешних связей.

Констатируя роль, которую играло сельское хозяйство в жизни страны в конце XVIII в., Чулков писал: «Земледелие и скотоводство

пользу роду человеческому приносит, нужнейшими к житию продуктами снабждает... Оным Европа приводится в цветущее состояние... Земледелие — вещь, для того нас мало восхищающая, что мы оное вседневно видим. В самом же существе оное есть сокровище, от которого одного человеческого благополучие составляется»²³. Чулков выделяет особо роль земледелия и скотоводства, дающих экономике первоначальный продукт, они являются «бесpośredственным источником» сырья для производства.

Наибольшее значение в развитии экономики он придавал промышленности: «Умножением мануфактур и заводов, — писал Чулков, — всегда обогащаются государства, и в лучшем и сильнейшем состоянии находятся не те области, которые материальными товарами (сырьем. — *Е. Б.*) избыточествуют, но предпочитают от них паче те, где мануфактуры и полезные искусства умножены и процветают... умножением оных не только капиталы богатых внутри государства к пользе природных жителей обращаются и в чужие земли не выходят, но и к тому способствуют, что продажею таких мануфактур (товаров. — *Е. Б.*) денежные суммы от них самих в государство получают»²⁴. Таким образом, Чулков понимал, что капитал, вложенный в производство, «множится», капитал же вне сферы обращения и производства является вычетом из национального богатства. Чулков сообщает о том, что в России издавна существовали соляные, юфтяные заводы, «железо как вещь необходимая к войне, ручными горнами в разных местах делано было издавна», а в XV в. была предпринята специальная экспедиция за поисками руд на Печору...²⁵.

Наиболее прогрессивной формой промышленного предприятия Чулков считал мануфактуру. Большое внимание уделялось им вопросам организации производства, рабочей силы. Необходимо отметить одну из характернейших черт экономических рассуждений Чулкова — освещение проблемы взаимосвязи и взаимозависимости развития различных сфер экономики.

Высказываясь в пользу расширения сети промышленных предприятий, Чулков не ограничивается выявлением государственно-финансовой стороны вопроса, он подмечает общенациональные выгоды промышленного развития.

Развивая мысль о взаимообусловленности процессов, происходящих в различных сферах экономики, Чулков полемизирует с дворянскими идеологами (к примеру, Щербатовым), утверждавшими, что развитие сельского хозяйства ослабляется с ростом мануфактур и заводов, с ростом рабочих, перешедших на обслуживание нужд промышленности. «Самый большой союз имеют мануфактуры и фабрики с деревенской экономией. Сия не только подает для содержания художников съестные припасы, но и должна ставить нужные материалы к мануфактурам... как деревенская экономия много способствует к приведению в цветущее состояние мануфактур и фабрик, так напротив того и они приращению оной споспешествуют»²⁶. Чулков подчеркивает, что развитие отечественной промышленности поднимет благосостояние всей нации. Он пишет, что с развитием ману-

фактур «последует приращение к наисильнейшему споспешествованию не только купеческой и казенной, но и всенародной прибыли»²⁷.

Чулков проанализировал также условия, необходимые для расширенного развития российской промышленности, не раз останавливался на вопросах природных ресурсов, которыми располагает Россия. Он говорит об экономическом развитии Англии и Голландии, которые добились ведущей роли в мировой экономике на основе скромных собственных ресурсов, эксплуатируя другие, менее развитые государства. Россия имеет перед ними то преимущество, что она чрезвычайно богата полезными ископаемыми. По мнению Чулкова, «сия пространная империя в пределах своих почти все те пользы имеет, которые по целой Европе разделены, и она подлинно в состоянии сама собою довольствоваться и наслаждаться своим изобилием, весьма мало или совсем ничего не заимствуя от других народов»²⁸.

Однако Чулков хорошо понимал, что для того чтобы «наслаждаться своим изобилием» России предстоит пройти долгий и непростой путь экономического развития. Для ускорения его Чулков предлагал ряд конкретных мер. Он считал, что первоначально, до того момента, когда русские товары смогут конкурировать с европейской продукцией, отечественную промышленность надлежит «подкреплять государственным коштом». Необходимо было, по мысли Чулкова, разработать практические научные рекомендации по различным отраслям экономики. Не в полной мере осознавая тормозящую роль крепостнической системы, Чулков тем не менее считал необходимым привлекать наемный труд в промышленности. На первом этапе из-за нехватки квалифицированной рабочей силы мастеров можно было выписывать из-за границы. Чулков советовал заранее учитывать этот момент, т. е. возможность обеспечения рабочей силой, при постройке заводов и мануфактур и располагать их в местах, «где большее число работников можно сыскать и содержать их малым коштом»²⁹.

Вопросами организации и рационального использования рабочей силы Чулков занимался серьезно и ставил их широко. Примером может служить его рассуждение о вреде и нерациональности использования бурлаков для судоходства по Волге: «По Рейну вместо бурлаков работают лошади... вместо кучи народу, которая для бечевки употреблена, довольно было 5 лошадей. Сим способом вывозимые из Астрахани товары гораздо меньшего потребовали б иждивения на провоз. Волжские жители получили б новую отрасль промысла, а... хлебопашцы, которых неимоверное число (считают до 1 миллиона рабочих людей и рыболовов по Волге вниз и вверх ежегодно на судах бывает), оставя бурлачество, по несколько тысяч четвертей ежегодно высевают...»³⁰. На этом примере ясно видна характерная черта рассуждений Чулкова — всесторонний подход к рассматриваемому явлению, учет его воздействия в разных отраслях экономики (транспортном хозяйстве, торговле, земледелии).

Нельзя не упомянуть еще об одной черте исследовательского подхода Чулкова — это учет конкретных особенностей в развитии экономики разных районов страны. Создавая общую картину, он постоянно отмечал отличия, специфические черты, свойственные раз-

ным хозяйственным отраслям, и с их учетом советовал организовывать хозяйство. Приведем пример такого рода рассуждений. Сообщая о сокращении торговли через Архангельский порт, Чулков обращает внимание на последствия этого процесса для прилегающей «нехлебородной округи», жители которой «во всеконечную скудность пришли», хотя во время «доброто там купечества довольное пропитание имели»³¹. Чулков считает необходимым в нехлебородных областях России всячески поддерживать развитие промыслов и торгов. Аналогично его предложение об организации постоянных кито- и рыболовецких промыслов на Кольском полуострове. По мнению Чулкова, это позволит значительно поднять уровень экономического развития этого края, улучшить материальное положение его жителей.

Чулков особое внимание уделял вопросам развития внутреннего товарообмена, считая «купечество» организатором хозяйственной жизни страны. Такой взгляд исследователя представляется глубоко оправданным, так как на этом этапе развития капиталистического уклада купцы-предприниматели осуществляли основную организующую, сплачивающую функцию как в процессе складывания общенационального рынка, так и в производственной сфере, обладая значительными оборотными капиталами. В силу этого та роль, которую Чулков придавал купечеству (иногда даже преувеличивая ее), обусловлена реальным значением формирующейся русской буржуазии в экономике России конца XVIII в. Чулков верно отметил это обстоятельство, однако то, что характеризовало современную ему экономику, оказывалось преувеличением в качестве общетеоретического тезиса. Он рассматривал торговлю уже не с меркантилистских позиций, а главным образом с позиций подчинения торговли интересам производства. Как правильно отмечает Е. В. Приказчикова, его позиция, в отличие от взглядов меркантилиста И. Т. Посошкова, «отражает новый этап экономического развития России, возникновение капиталистического уклада, переход купечества к предпринимательской деятельности»³².

Регулятором экономической жизни Чулков считал свободную конкурентную борьбу как в сфере производства, так и в сфере обращения товаров. Чулков исходил из того, что государство не должно вмешиваться во внутреннюю торговлю и только в сфере внешней торговли может проводить режим благоприятствования по отношению к отечественным товарам. Внутренняя торговля имеет для государства, и в этом глубоко убежден Чулков, наибольшее значение.

Чулкову принадлежит оригинальная и глубоко верная мысль о значении экономических процессов, в особенности расширения и укрепления товарообмена между различными областями государства, для его национальной и политической консолидации.

Излагая историю России периода междоусобиц и раздробленности, Чулков отмечает, насколько пагубное влияние они оказали на экономику страны, и в особенности на торговлю. «Задержания купцов с их товарами по разделении государства частые и многие внутри России происходили»³³. Размышляя об историческом значении торговли, он особо подчеркивает роль деятельности Минина и всего

нижегородского купечества в сплочении русского народа, в восстановлении хозяйственной жизни начала XVII в.: «Здесь откровенно видеть можно всякому, что коммерция не токмо что бывает подпорою государству, но в том горестном и бедственном состоянии оногу служит надежнейшим спасением всех обитающих в нем народов. А потому и есть оная из нужнейших классов империи, и происходящая от нее польза свету столь велика и необходима, что купечества без опровержения всего сожигия гражданского отрешить невозможно»³⁴.

Все товары Чулков подразделял на два рода — «суровые», т. е. сырье, не подвергшееся обработке, и «мануфактуру», т. е. продукты промышленного или ремесленного труда. Он констатировал, что как во внутренней, так и во внешней торговле России преобладает сельскохозяйственное сырье, что являлось следствием неразвитости промышленной базы. Преодоление этого недостатка Чулков и выдвигает в качестве первоочередной задачи.

Интересны и характерны для его времени взгляды Чулкова на методы организации торговли, в частности на создание торговых компаний. Трезво оценивая общий уровень русского торгового сословия, прекрасно зная реальные результаты «компанейской» деятельности, Чулков приходит к выводу, что в современных условиях компании не приносят пользы ни государственной экономике, ни большинству купечества. Он делает вывод: «Полагается невозможным подумать, чтоб компания, из превеликого числа участников состоящая, а некоторыми только управляемая, могла устоять на долгое время», так как в таких компаниях «капитальные» купцы «убытчат» остальных³⁵. Исходя из уровня экономического развития страны, Чулков видит, что она еще не созрела для создания компаний, и выступает сторонником свободной конкуренции. Несомненно, он чувствовал отличие западноевропейских компаний от русских в том, что в России зачастую компания — это «не коммерция даже», так как основывается она не на экономических закономерностях, а на феодальном праве, зачастую внеэкономическом принуждении. Чулков выступает и против системы монополий и откупов, так как государству в целом и всем его жителям это невыгодно. Он пишет, имея в виду право на откуп: «И для того есть грешно *прогиву нации*, чтоб такой клад вовсе отдать партикулярной фамилии и наследникам оной, который... может содержать тысячи подданных... Сверх того, не может никакой партикулярный купец иметь мочи так важное дело в совершенство привести. Ибо для всенародной пользы партикулярный интерес всегда имеет оставлен быть»³⁶.

Характерную для буржуазной идеологии и, несомненно, прогрессивную позицию занимал Чулков в вопросах налоговой политики. Он считал необходимым заменить подушную (феодальную) подать подоходным налогом, что, конечно же, невозможно было осуществить в крепостническом государстве.

Выступая поборником промышленного развития России, Чулков видел преобладание сельского хозяйства в современной ему экономике. Как уже отмечалось, он понимал меру влияния уровня развития сельского хозяйства на всю экономическую жизнь. Перспективы

развития сельского хозяйства он видел в «обуржуазивании» поместья, в активном включении дворянства в экономическую жизнь страны, т. е. в том, что стало исторической действительностью почти век спустя и что мы называем «прусским путем» развития сельского хозяйства.

Представление о конкретных практических рекомендациях Чулкова мелким помещикам можно составить из его «Экономических записок». Отношения между помещиками и крестьянами определялись экономической реальностью времени. Вне зависимости от мировоззрения и экономических взглядов на перспективы развития должны были организовывать свои хозяйства многие просвещенные деятели того времени. Степень, мера эксплуатации определялась волей помещика, но сущность производственных отношений — всем феодально-крепостническим строем.

Поэтому не следует смешивать теоретические взгляды Чулкова и его практические конкретные рекомендации и действия. Это явления хотя и взаимосвязанные, но неравнозначные. При определении отношений у себя в поместье Чулков исходил из мысли, что дворянство несет ответственность за судьбы принадлежащих им крестьян. В их власти и обязанности наиболее рационально организовывать их труд, обучить их ремесленным навыкам и грамоте; следить за исправностью и ухоженностью крестьянского хозяйства; обеспечить врачебную помощь, организовать хлебные, кормовые, животноводческие резервы на случай неурожая или падежа скота; при удобном местоположении организовать лавку для продажи товаров крестьянского труда. По мнению Чулкова, «по убории урожая помещик должен собрать всех крестьян с женами и детьми, сделать им почести за их труды, покормить и напоить довольно». Чулков прививал своим читателям мысль, что «земледелие человека благородного всех промыслов достойнее»³⁷.

Норму крестьянской работы на помещика он определял количеством пашни на тягло: «Соха каждая должна обработать на помещика земли полторы десятины в каждом поле»³⁸. Это была обычная норма для средней полосы России. Такую же норму приводят Радищев в «Описании моего владения», Болтин, Татищев в «Экономических записках». Такая «урочная» система считалась более удобной для крестьян, чем поденная барщина³⁹. Чулков считал возможным тягло класть на крестьян по достижении 16 лет. Помимо работы на барщине, крестьяне должны были во всех делах быть подотчетны помещику, контролировавшему все их доходы. Чулков запрещал производить продажи без ведома помещика (у мелкопоместных). Для мелкого помещика оброк не приносил той выгоды, какую давало барщинное хозяйство. И поэтому Чулков заявляет: «оброчные крестьяне обществу бесполезны»⁴⁰.

Истинное отношение Чулкова к своим крестьянам видно из его пространного рассуждения о том, как отличить трудолюбивого крестьянина от ленивого. «Шкала измерения» состоит из 27 пунктов, в одном из которых о нерадивом крестьянине сказано: «мало рубах, один кафтан; коса, серп, топор худы; на полосе хлеб хуже всех; здо-

ровый ходит по миру; дети наги и босы; во время работы живот болит»⁴¹.

Есть в этом перечне и указания на нежелание работать («хлеб убирает позднее всех» и пр.). Чулков еще здесь не считается с тем, что это явление — прямой результат незаинтересованности крестьянина в результатах своего труда. В «Историческом описании» в теоретическом плане он верно отмечал, что сельское хозяйство тогда будет прогрессировать, когда крестьяне будут заинтересованы в результатах своего труда, но в своей практике не учитывал этого. Следует все же отметить, что в инструкции Чулкова мы не найдем свирепых, жестоких мер воздействия, приемов эксплуатации, которыми была столь богата реальная жизнь.

В отношениях крестьян между собой Чулков положительно оценивал роль общины, «союзом спрягающей народные общества»⁴². Считал необходимым «согласие между крестьянами и взаимную помощь, друг другу стараться всеми силами вскоренить»⁴³, пресекать хищничество и воровство. Государственные подати Чулков считал необходимым собирать «раскладкою», смотря по состоянию крестьян. «Кому платить нечем, отдавать в батраки богатому, который будет кормить и платить за него, не согласны — брать в господский дом». Так Чулков в условиях крепостничества предлагал бороться с малоземельем и неравенством среди крестьян. Стоит отметить, что и в небольших деревнях Чулкова, находившихся постоянно в крепостной зависимости, имущественное неравенство среди крестьян было заметным явлением. Инструкция Чулкова может рассматриваться как образец организации мелкого поместья средней полосы России.

Экономические взгляды и практические хозяйственные рекомендации Чулкова тесно связаны с его оценками и характеристиками социальной структуры русского общества, различных социальных типов, выведенных в его художественных произведениях. Все творчество Чулкова, ученого и писателя, отмечено вниманием к социальной тематике. Попытаемся проследить формирование авторских взглядов на роль дворянства, крестьянства и купечества в жизни русского общества, насколько это возможно в рамках небольшой статьи.

Не проводя специального анализа художественных произведений 60—70-х годов, констатируем появление в них критики в адрес правящего класса — дворянства. Это ярко проявилось в образах недоросля Болабана (описание семьи полковника в «Пересмешнике»), в повестях «Великодушный рогоносец», «Скупой и Вор», «Дьявол и отчаянный любовник». Чулков отмечает, что праздность, роскошь порождают умственную и моральную деградацию дворянства, усугубляемую сословной спесью. Показателен в этом смысле образ «литературной дамы» в «Пригожей поварихе». Никчемность дворянской молодежи, «петиметров и щеголих», их преклонение перед иностранной модой служат постоянными объектами критики Чулкова (материалы «И то и сие» и «Парнасского Шепетильника», «Словаря русских суеверий»).

Презрение к отечественному, народному, национальному, столь

характерное для русского дворянства, вызывает у писателя стыд и горечь («И то и сие» — письмо Афанасия Фирюлина; в «Пересмешнике» Чулков пишет о незнании дворянством русского языка и пренебрежительном пренебрежении им).

Наибольшей обличительной силы достигает Чулков в повести «Пряничная монета». Образ дворянина Фуфаева «достойно» завершает галерею дворянских портретов. На примере его хозяйственной деятельности писатель показывает, как обманывают и обворовывают дворяне государство, защищающее их интересы. Служа в армии, они заботятся не о пользе государства и службе отечеству, а только о наполнении собственных карманов, выйдя в отставку, пекутся не о прогрессе земледелия, а обманным путем присваивают казенные доходы. Паразитическое дворянское сословие рисуется Чулковым как обуза государству. Дворянское богатство, по мнению автора, нажитое нечестным путем, не приносит пользы государству. В этом плане Чулков противопоставляет дворянский «мертвый» капитал — купеческому. Осуждая с точки зрения государственной пользы действия Фуфаева, он пишет: «Под именем умножения, приобретения и накопления имения и угомонив вовсе глас вопиющей к нему совести, вознамеревается принадлежащее право казне под покровом непроницаемой хитрости обратить в пользу своего приращения и доход, ей принадлежащий, привести в собственные сундуки... не страшась должного по законам возмездия». Но есть и богатство другого рода, утверждает здесь же Чулков, приносящее пользу обществу, — это капиталы, пущенные в оборот, в производство, они и нажиты иным путем: «богатство и приобретается двумя противными друг другу действиями, а именно, во-первых, трудолюбием и бережливостью, а, во-вторых, наглостью и жестокосердием. Итак, одно из них есть невинное, а другое порочное»⁴⁴.

Паразитизм образа жизни, существования — вот главное, что берет на прицел Чулков, рисуя социальный тип дворянина в своих художественных произведениях.

В 60—70-е годы Чулков специально не интересовался проблемой взаимоотношений дворянства и крестьян, однако, на наш взгляд, характерной для его социальной позиции в этот период является эпитаграмма, напечатанная в «И то и сие», в 12-й неделе: «Мужик, не забывайся, что ты рожден мужик, боярин, не ломайся, что чином ты велик; мужик рожден пахать — паши и не ленися, боярин помогать об этом не пекися». В ней отражались просветительские идеи той эпохи о взаимных обязательствах подданных и их владетелей, об общем их долге перед государством. На практике, в повседневной жизни это оборачивалось феодальной эксплуатацией крестьян, никакими законоположениями не ограниченной... Характерно, что на этом этапе Чулков в основном исходит из своего жизненного опыта, а он ограничен наблюдением городской жизни. Чулков пишет о крестьянах, попадающих в город (вероятно, о торгующих в первую очередь): «Мужик ни знанием, ни чином не велик, в деревне староста и все его теснят, а в город как придет пощечины дарят» («И то и сие», 21-я неделя).

В 80-е годы М. Д. Чулков сталкивается с жизнью крестьянства и деревни непосредственно. Повесть «Горькая участь», посвященная крестьянской судьбе, по праву считается достижением литературы конца XVIII в. Рассказом о жизни Сысоя Дурносопова завершается «крестьянская тема». Вот что пишет Чулков о значении крестьянства для государства в этой повести: «Крестьянин, пахарь, земледелец, все сии 3 названия по преданию древних писателей, в чем и новейшие согласны, означают главного отечеству питателя во время мирное, а в военное крепкого защитника, и утверждают, что государство без земледельца обойтись так как человек без головы жить не может...»⁴⁵.

Как же живет это важнейшее в государстве сословие? Автор показывает судьбу рядового крестьянина — Сысоя с детского возраста: «Витязь сей повести Сысой Дурносопов родился в деревне, отдаленной от города, воспитан хлебом и водою, быв повит прежде пеленками, которые тонкостью и мягкостью своей немного уступали цыновке, лежал на локте вместо колыбели в избе, летом жаркой, а зимой дымной, до 10-летнего возраста ходил без кафтана... слепни, комары, пчелы и осы вместо городского жиру во времена жаркие наливали тело его опухолью. До 25 лет — в лучшем убранстве против прежнего — в лаптях и в сером кафтане, ворочал он землю в поте лица своего, употребляя первобытную ж свою пищу, то есть хлеб и воду, со удовольствием»⁴⁶. Однако в трудовую жизнь Сысоя вмешиваются более состоятельные односельчане, и его отдают в рекруты, несмотря на то что комиссия его бракует по нездоровью. Взятка от богатых крестьян, стремившихся избежать призыва, решила его участь, он стал солдатом. Деревня, описанная Чулковым, — государственная, и хозяйничают в ней зажиточные крестьяне, как их называет Чулков, «съедуги». Он пишет о них: «Имея жребий прочих крестьян в своих руках, богатеют на их счет, давая им займы деньги, а потому запрягают их в свои работы так, как волов в плуги; и где таковых два или один, то вся деревня составлена из бедняков, а он только один между ними богатый; для того, что сев, жатва и сенокос должниками его убираются прежде, а те всегда севом своим опоздать должны. И когда опоздали сеять, то убирать уже будет нечего, а затем и оставшиеся в вечном долгу у съедуги, который из того не убыток, но приращение имеет, ибо вся деревня к нему на работу, как на барщину, приходит»⁴⁷.

Чулков нарисовал картину уже не имущественного неравенства, а социального расслоения деревни, где легко можно видеть элементы распада общины, эксплуатации зажиточными хозяевами обедневших односельчан. В среде государственных крестьян эти процессы шли интенсивней. Заслуга Чулкова как исследователя и описателя социальных процессов в жизни русского общества в том, что он эти явления заметил, дав первую в русской литературе характеристику начальным процессам распада феодальной деревни.

Итак, Сысой попал в солдаты по вине «съедугов». Чулков описывает плачевное состояние русской армии, воровство и разгильдяйство офицеров и безграничную храбрость русского солдата. Малорос-

дый и неказистый Сысой храбро воюет и теряет в заграничном сражении правую руку. «Мирским подаением» он возвращается в родную деревню, где ждет его несчастье. Вся семья его погибла, хозяйство разорено. «А несчастный воин, похоронив всю свою семью и употребив остатки имения на погребение их, остался наследником двора своего родителя, без скота и хлеба... а что всего еще более бедному человеку чувствительно, и без правой руки своей, без которой он не только целого, но и половины доброго и прилежного крестьянина составить не мог»⁴⁸.

Просто, искренне рассказывает Чулков о жизни Сысои. И в этой простоте формы, сдержанности рассказа есть глубоко народное начало. В этой авторской манере повествования жизненная правда и убедительность. Автору, вышедшему из народа, не нужно специально доказывать, что крестьяне чувствовать, любить и страдать умеют. Чулков последовательно реалистичен, ему чужд сентименталистский подход к крестьянской теме. Он знает жизнь народа, сочувствует ему, но не видит возможности реально ему помочь.

Анализируя социальную позицию Чулкова в 80-е годы, его окончательно сложившуюся точку зрения на «крестьянский вопрос», следует признать, что он, как и лучшие его современники, видел экономическую несостоятельность феодализма, видел социальное расслоение крестьянства. С сочувствием относясь к крестьянам, Чулков, как и Новиков, критикуя крепостнические отношения, не видел реальных возможностей изменить их положение.

На протяжении всей литературной деятельности Чулков неоднократно обращался к характеристике русского купечества, именно его представителей считая основными своими читателями.

В одной из первых повестей «Пересмешника», вышедшей в 1766 г. («Дьявол и отчаянный любовник»), он избирает весьма актуальную тему одворянивания купечества. Его позиция по этому вопросу недвусмысленна: он подчеркивает вред, приносимый торговым делам отвлечением капиталов из производственной сферы. В этой повести намечены многие мотивы, впоследствии развитые Чулковым в других сочинениях. Постоянные объекты его внимания — вопросы образования и воспитания. Вот что рассказывает о себе в этой повести молодой купчик: «Я родился в Астрахани, отец мой был винный компанейщик, которому весьма задалось таким ремеслом накопить денег, только с некоторою обидою другим, чего, однако, никто не примечал, или боялись ему выговаривать». Далее Чулков характеризует «имение» зажиточного купца середины XVIII в.: «Он имел в двух городах по 30 домов, также по столько или с лишком лавок». Все беды молодого купца Чулков объясняет пороками его воспитания — отец не сумел привить ему ни уважения к себе, ни любви к делу: «Когда начал я приходить в возраст, то он, меня любя, много давал мне воли во всем, даже и в себе самом, что я ни делал, меня за то не наказывали, и так такое воспитание сделало во мне великую антипатию как к отцу моему, так и винной компании и, наконец, ко всему купечеству, а произвело великую охоту гонять голубей»⁴⁹.

Чулков высказывает верную мысль, что стремление купечества «одворяниться» идет в ущерб торговле и проистекает от незнательного отношения к своему месту в жизни государства и низкого уровня образования и организации торговли. Обогащаясь откупам, купцы не умели правильно распорядиться своими капиталами. Чулков высмеивает их страсть к нерациональному накопительству, когда деньги не возвращаются в сферу обращения и производства, а хранятся под спудом. С горечью он констатирует, что «человек торговый больше думает о барышах, нежели о науках». Именно невежество препятствует формированию верной самооценки в купеческой среде. Он приводит в «Историческом описании» список 150 фамилий московских купцов, разорившихся в течение 80 лет XVIII в. вследствие своей необразованности и неумения вести торговлю поновому⁵⁰.

Появляются сатирические материалы из жизни купечества и на страницах «И то и сие», и романа «Пригожая повариха». Прекрасное знание купеческой среды отразилось и на составе «Собрания разных песен», где благодаря вниманию автора к городскому фольклору сохранились впоследствии утраченные образцы посадско-торговых песен.

Как видим, купеческо-предпринимательское сословие интересовало Чулкова уже в 60—70-е годы в силу социальной близости, даже родства, но в большей степени по тому значению, которое он придавал «коммерции» в жизни государства.

Однако «купеческая» тема не занимает ведущего положения, она привлекает внимание Чулкова в основном в связи с более общими проблемами — воспитания и образования, веры, семейной морали и пр. В полной мере взгляды Чулкова на современное ему торговое сословие России, его роль и значение выразились в «Историческом описании российской коммерции». Если в ранних повестях рассуждения Чулкова носят в значительной мере эмпирический характер, диктуются непосредственно его собственным жизненным опытом, то в «Историческом описании» они складываются на материале глубокого изучения экономической действительности и на основе научных обобщений, с учетом исторического опыта развитых стран.

Чулков считал, что современное ему купечество не в состоянии выступить преобразователем экономической и политической жизни. Как идеолог формирующегося третьего сословия в России, Чулков тем с большей силой обличал пороки, мешающие русской зарождающейся буржуазии осуществить ее историческую миссию.

Критикуя своих современников, Чулков всемерно стремился в своих изданиях, художественных произведениях просветить, обучить купечество новым приемам хозяйственной деятельности, освободить их умы от феодальных, сословных предрассудков и невежества, вывести на широкую дорогу активного буржуазного предпринимательства. Задавшись этой целью, Чулков называет своими именами все пороки, свойственные торговому сословию, не боясь его уязвить. В первоначальном варианте материалов к «Историческому описанию», написанном в середине 70-х годов и сохранившемся в

рукописи, Чулков так характеризует российских купцов: «искать своего прибытка они даже до беспокойства неутомимы, вдумчивы и рачительны, почему часто с превеликими затруднениями ездят и по 1000 миль для своей корысти; прилежны в подражании иностранных художеств и всего того, что только пользу и прибыток приносить может; услужливее, нежели голландцы, и гостеприимчивее, нежели англичане; однако же живут без роскоши, неохотно услуживают кому без довольного награждения; будучи недоверчивы, неохотно дают в долг деньги и товары, кто бы как честное имя не имел; но тем с большею охотою берут у иностранцев кредит, хотя бы и лежало у них иногда много лишних денег. При всяких предприятиях надобно иметь деньги и кредит, а при кораблеплавании иностранном надобно и то и другое. Но как здешние купцы недоверчивы, то только редко отваживаются посылать свои товары по спекуляции морем, причем они, как в лотереи, и убыток и барыш получить могут... При порте же могут продавать их произвольно тамошним иностранным комиссионерам за наличные деньги или складывать в чайнии больших цен в построенных для того от короны анбарах и пакгаузах. Таковы намерения не позволяют им стараться о прибытке через собственное кораблеплавание...»⁵¹.

Он убеждает: не пристало столь славному купечеству, как русское, издавна не боявшемуся риска и опасностей пути, перепродавать товары иностранцам. Следует отринуть косность и предосторожности и самим на своих, русских кораблях вести внешнюю торговлю. Пока русские купцы ориентируются на иностранных комиссионеров, они не самостоятельны, и их «барыши» — это лишь малая доля причитающихся России доходов. Чулков стремился обучить широкие слои купечества бухгалтерии, учету и организации торговли по европейским образцам. С этой целью он издал «Наставление, необходимо нужное для российских купцов, а более для молодых людей, содержащее правила бухгалтерии», «Краткую историю российской торговли», «Словарь учрежденных в России ярмарок», «Юридический словарь...», помогающие ориентироваться на огромной территории России и пользоваться несистематизированным законодательством.

Чулков понимает разницу между феодальным сословием купечества и буржуазией. Он пишет, что старое купечество, которое «вошло в великие капиталы не коммерциею, но подрядами и откупками... и приобрело проворство без всякой идеи... внутри государства перекупая у всех бессильных продукты... не знало никаких порядков конторских и не имело к тому никакой охоты, будучи неискусным в спекулятивном торге, с небольшим только знанием рыночной и лавочной купли и продажи...»⁵². Новое купечество, буржуазия, должно прежде всего сознательно организовывать процесс торговли. Чулков критикует старые порядки, привлекает внимание к новым прогрессивным начинаниям. В пример всем он ставит деятельность крупных купцов-предпринимателей. В «Историческом описании» фигурирует множество купеческих фамилий, на основе этого труда складывается «коллективный портрет» русского купечества в сово-

купности всех присущих ему противоречивых черт. Феодалному купечеству противопоставляется деятельность новых людей типа купцов Бажениных. Историю их рода, как и многих других, Чулков прослеживает на нескольких поколениях. Вот что он пишет: «Сии почтенные граждане издавна в кораблестроении упражняются... Искусство их в строении мореходных судов доведено до желаемого предмета, и на сей верфи строят 3-мачтовые купеческие корабли, которые продают датчанам и голландцам. В роде купцов Бажениных особливой похвалы достойно то, что они детей своих для изучения кораблестроения посылают в молодых летах или в Голландию или в Англию»⁵³. Чулков был уверен, что талантливые русские люди сумеют выучиться у европейцев всему лучшему и отстоять экономическую самостоятельность своего отечества, а в этом он видел залог будущего прогрессивного развития государства.

Отмечая недостатки русского купечества, Чулков понимал истинные причины незрелости русской буржуазии. В «Историческом описании» он привел рассуждения из анонимной статьи русского автора о дворянском государстве, где «купцы в презрении, их дети в числе подлага народа почитаются и между прочими в солдаты набираются; и потому они стыдятся своего состояния, стараются о получении честнейшего чина, хотя сие и обществу и им самим вредительно»⁵⁴.

Чулков принадлежит к умеренно-демократическому течению в культуре русского Просвещения. Но как и большинство демократической интеллигенции, он не находил реальных путей, средств и возможностей изменить существующие общественные отношения.

Пафос произведений Чулкова заключен в основном в критических характеристиках современной действительности, значительно меньше у него высказываний, проливающих свет на социальный идеал автора. Тем не менее можно отметить следующие позитивные моменты в социальной позиции Чулкова. Неоднократно он проявляет себя как противник строгой замкнутости и иерархии сословий феодального общества и выступает за социальную мобильность, конкретизируя этот буржуазный взгляд на общественную структуру в художественных образах. Он считает необходимым и решающим критерием оценки человеческих достоинств нравственные качества и умственные способности, что, безусловно, в духе «восходящей» буржуазной идеологии. Чулков постулирует, что «бывает и великой богач — великой дурак, случается и бедный человек, не последний в городе купец»⁵⁵.

Наблюдая в жизни имущественное, правовое, социальное неравенство, художник не мог не обдумывать путей преодоления его. В «Пересмешнике» (I часть) Чулков создал образ «доброго разбойника», близкого по образу существования к «естественному человеку» Руссо, порвавшего с обществом и на свой лад осуществлявшему социальную справедливость. «Два дня рассуждал я о сем разбойнике и не знал, как бы мне его наименовать: ибо мне казалось, что добродетель превышала его пороки. Он отнимал у богатых половину их имения и сию часть делил на две: одну оставлял себе, а другую от-

давал бедным людям. Обиженные не столько на него негодовали, сколько награжденные им его благодарили. Мне показался он новым философом»⁵⁶.

Наиболее полно итоги этих исканий Чулкова подведены в его утопическом описании Лунного государства в снах Кидала в «Пересмешнике». Исторически обусловленным было распространение в его время социальных утопий, как опыта конструирования идеальной модели общества. В России утопия становится неперенным достоянием общественной мысли. Утопические сочинения создавались в широчайшем социально-идейном спектре. В утопическую форму облекали политические размышления носители дворянской идейной традиции Сумароков и Щербатов; многие представители демократической интеллигенции—Я. П. Козельский, П. М. Захарьин, И. И. Тревогин, В. Левшин и др. Утопия предстает в качестве одной из исконных форм народного социального мышления. Развиваясь как идеология протеста и выключения из крепостнической действительности, утопическая мысль воплотилась в практическом опыте коллективных форм общезжития⁵⁷.

В утопическом сочинении М. Д. Чулкова, на наш взгляд, встретились две исторически параллельно развивающиеся традиции — народная утопия и обобщенный опыт литературных исканий идеальной модели общества.

В одном из фантастических снов герой повести Чулкова Кидала переносится в идеально устроенное Лунное государство. Жители его, пребывающие в «золотом веке», руководствуются следующими принципами общественно-социальной организации: чтут общего творца и управляют им. Он выступает в качестве «высшей силы», регулирует общественную жизнь, благодаря чему отпадает необходимость в существовании законов. В Лунном государстве нет представления также и о правах, так как они одинаковы для всех и определены существом высшим. Жители заняты различными делами, дающими им все необходимое для жизни. Чулков упоминает земледельцев, ремесленников, ученых-философов. Сфера производства ограничена производством минимального набора предметов жизненной необходимости, люди не знают и не стремятся к излишеству, их быт прост и прекращен. Отсутствует в идеальном государстве и торговля, в ней нет необходимости, все потребности удовлетворяются посредством натурального обмена. Исходя из таких условий жизни в ней нет места имущественному, социальному неравенству. Важнейшим моментом в созданной Чулковым утопии является отрицание зависимости и соответственно паразитирования одних членов общества за счет других: «Всякий довольствуется от своих трудов, и никому не уделяет: ибо кому он даст, тот будет иметь лишнее, чего у нас никогда не бывает»⁵⁸. Прямым следствием имущественного равенства и независимости является социально-политическое равноправие. Все скольконбудь важные события обсуждаются сообща, «ибо было там такое обыкновение, что никто не скрывал таланта своего от другого, и за открытие оно не требовал воздаяния, для того, что все почитали они общим между собой». Морально-нравственные проступки осуж-

даются всенародным судом, и преступники изгоняются из общества. В этом государстве нет войн и соответственно военных, крепостей и оружия, так как отсутствуют побудительные к тому причины.

Отношения между людьми регулируются старшими в роду, мнение которых почитается истиной. Религией и мировоззрением лунных жителей является служение творцу, самопознание и самосовершенствование — стремление «быть добродетельным и покорять пристрастия свои собственным разумом». Достигшие в самопознании совершенства становятся учеными, выбираемыми обществом за добродетельность. В совершенствовании человеческой природы идеальные люди преуспели, они даже не употребляют «одушевленную» пищу, благодаря чему рядом с ними существует прекрасный животный мир. Вообще Луна описана Чулковым как воплощенный рай, сосредоточивший совершенство растений, животных и человека, сосуществующих в гармонии. При всей утопической благополучности, даже это общество не избежало искушения «злом», свойственным человеческой природе. Для преодоления искушения «жадности к богатству» или, напротив, «неумеренного воздержания» и пр. луняне изобрели вещества, способные удовлетворить их без реального обладания. Для излечения душевных травм существуют книги. Досуг и празднества описаны Чулковым с явной ориентацией на спорт, театр и мифологию древних греков.

Устройство утопического общества было бы незавершенным, если бы Чулков не создал институт незыблемости устоев. Всякий, желающий что-либо изменить в раз и навсегда отлаженном механизме, изгонялся из общества подобно преступнику.

«Лунная утопия» Чулкова находится в ряду сочинений русских утопистов-рационалистов XVIII в.— И. И. Тревогина (1761—1790 гг.)⁵⁹, П. М. Захарьина, социально-утопический роман которого «Аркфасад» в основных социальных установках близок утопии Чулкова (Захарьин также связывает социальную справедливость с тем временем, «когда не знал род человеческий собственности», когда мысли всех были направлены на «снискание общего блага»⁶⁰). Та же социальная программа, актуальная в условиях крепостнической России, предстает в творчестве Т. С. Сковороды, а также в сочинениях, вышедших из среды духовного христианства (в «Записке 1791 года» читаем о праве на собственность, созданную «истинно собственными трудами и руками нашими», «без обиды ближнему»)⁶¹.

Создавая картину общества социального благоденствия, Чулков исходил из представления о погубном влиянии цивилизации на человеческое общество. Архаизация экономического и общественного развития казалась ему и многим его современникам альтернативой существующей системе неравенства и бесправия. В то же время у автора «Лунной утопии» не было четкого представления о реальной общественной структуре, способной создать равные возможности, права и обязанности для всех членов общества. Создать проект демократически организованного управления Чулков не смог. Поэтому в конечном счете равноправие и свобода членов лунного государства основываются на воле высшего существа, а не на закономерностях

внутренней организации. Однако наряду с этим им описаны общественные институты демократического характера, такие, как «народоправство», свобода слова и суда и пр.

Безусловно прогрессивным и знаменательным является отказ Чулкова от каких бы то ни было видов эксплуатации. Интересна также его мысль о том, что если в обществе нет экономической основы для социального неравенства и нет института реальной власти одного над другими, то нет и стремления выделиться из общества равных, нет стремления подчинить себе других. Чулков ошибочно связывал эти моменты с неразвитостью сферы производства и обмена. Он не видел реальных путей установления справедливости и свой идеал связывал с архаичными формами человеческого общества. В идеальном варианте, предложенном Чулковым, человек должен «довольствоваться от своих трудов». Подобное утверждение в дворянском государстве звучало вызовом общественной системе. В том же плане следует воспринимать гласность и народность суда, свободы слова, общественное обсуждение важнейших проблем. Чулков явно руководствовался примерами древних демократических республик, в их числе и русского республиканского устройства Новгорода.

Реальностью жизни России конца XVIII в. наваяно отрицание войн. По-видимому, этот мотив вообще был близок Чулкову (вспомним, что он работал над созданием проекта о вечном мире) и являлся последствием многих хотя и успешных, но тягостных для народа войн екатерининского царствования.

В сфере умственной, духовной жизни, морали Чулков воплощает свои идеалы самосовершенствования, сложившиеся под влиянием идей Эпиктета, трактат которого наряду с произведениями Руссо был его настольной книгой. Этот призыв был не только близок идеалам Просвещения, но и прогрессивен и своевременен в русском обществе того времени.

«Лунная» утопия Чулкова относится к попыткам создать некий идеальный образ новой формы общежития, направленной ко взаимному удовлетворению материальных и духовных нужд их участников, структура которых исключает эксплуатацию человека человеком. Утопическая мысль второй половины XVIII в. пыталась разрешить противоречия, порожденные новым экономическим развитием в сложной обстановке, когда новые экономические процессы происходили в недрах господствующих феодально-крепостнических отношений.

¹ Краткая история российской торговли. М., 1788; Словарь существующих в России ярмарок. М., 1788; Сельский лечебник. М., 1789; Юридический словарь... М., 1792—1795; Краткий мифологический лексикон. М., 1767.

² Приказчикова Е. В. Идеолог купечества М. Д. Чулков. — В кн.: История русской экономической мысли. М.; 1955, Ч. 1, с. 490—519.

³ Наиболее полная оценка дана в диссертации: Степанов В. П. М. Д. Чулков и русская проза 1750—1770. М.: ИРЛИ, Л., 1972.

⁴ Некоторые биографические сведения опубликованы им самим в добавлении к «Опыту словаря» Новикова, однако он сообщил в основном лишь перечень своих произведений. Даты жизни, родственные и общественные связи М. Д. Чулкова восстанавлива-

лись впоследствии рядом исследователей: в начале XX в. — академиком П. К. Симоном (его разыскания до сих пор полностью не обработаны и не опубликованы), Б. Томшевским (Ироикомическая поэма. М., 1933); В. Б. Шкловским (Чулков и Левшин. М., 1934). Специальные тщательные архивные поиски были осуществлены литературоведом В. П. Степановым в указанной диссертации, уточнившим многие даты и обстоятельства жизни Чулкова. Нами впервые обработаны новые фонды в архивах ЛОИИ, МГИА, ЦГАДА, Дмитровского краеведческого музея, ЦГИАЛ. В результате получена новая информация.

- ⁶ Пересмешник или славянские сказки. Ч. I—III. СПб., 1766; 3-е изд. М., 1789, ч. I—V.
- ⁸ Русские повести первой трети XVIII в. М.; Л., 1965, с. 185—186.
- ⁷ Вопросы формирования русской буржуазной нации. М., 1958.
- ⁸ Исследованием прозаического наследия М. Д. Чулкова специально занимались: Степанов В. П. М. Д. Чулков и русская проза 1750—1770: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972; Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1909; Мечникова Е. На заре русского романа. — Голос минувшего, 1911, № 6; Нечаева В. С. Русский бытовой роман XVIII в., М. Д. Чулков. — Учен. зап. РАН ИОН. М., 1928, т. II; Западов А. В. М. Д. Чулков и русская проза XVIII в. М.; Л., 1950.
- ⁹ Вопросы журналистской деятельности Чулкова освещены в следующих работах: Мордовцев Д. Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности. — Русское слово, 1860, № 2—3; Западов А. В. Журнал Чулкова «И то и сие». Сборник XVIII в. М., 1940. Т. 2; Мельцева Г. И. Сатирические журналы Чулкова и Эмина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953, и др.
- ^{10—12} Русская проза XVIII в. М., 1950.
- ¹³ Нам удалось установить в результате исследования архивных материалов (ЦГИА г. Москвы, ф. 4, оп. 10, № 2424; ЦГАДА, Госархив, ф. 7, оп. 2784, л. 28), что Чулков был женат с 1761 г. на Анне Гавриловне Батальной (Поповой), дочери комиссара Гаврилы Ивановича Попова, и имел сына Владимира (1766 г. р.). Г. И. Попов — замечательная личность в истории русской общественной мысли. В 80—90-е годы он создал «рассуждения» о необходимости отмены крепостного права в России, тщательно обосновав экономическую, политическую и нравственную необходимость этого шага. Он высказал голос в защиту крестьянства «вслед Радищеву». В 1792 г., будучи уже семидесятилетним стариком, он отослал письма с просьбами отмены крепостного состояния в России Екатерине, Безбородко и Бецкому. За это был судим и заключен в монастырь (об этом см.: Сивков К. Г. И. Попов — представитель передовой общественной мысли в России конца XVIII века. — Вопросы истории, 1947, № 2).
- ¹⁴ ЦГАДА ф. 286, кв. 561, л. 105—106; д. 566, л. 84, 86—90; ф. 1261, оп. 6, д. 1643, 157, 838, 178; ф. 276, ор. 2, д. 2671, л. 1—11.
- ¹⁵ В архиве ЛОИИ находятся рукописные материалы к «Истории коммерции» Чулкова, на основании которых можно проследить этапы накопления документального материала и овладения темой (ф. 36, оп. 1, д. 572, 560, 573, 569, 578, 575).
- ¹⁶ См.: Бондарева Е. А. Исторические источники «Исторического описания русской коммерции» М. Д. Чулкова. — История СССР, 1982, № 2.
- ¹⁷ Марков А. В. Чулковский песенник и его значение для изучения великорусских народных песен. Пг., 1918; Баранская Н. В. Песни народного протеста в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова. Известия АН СССР, отделение русского языка и литературы. М., 1956; Сельванюк Р. М. Собрание разных песен М. Д. Чулкова. — Учен. зап. Костром. педин-та, 1957, вып. 3; Матхаузьева С. Собрание разных песен

- Чулкова и славянские народные песни Челаковского. — В кн.: Русская литература XVIII в. и ее международные связи. Л., 1975, и др.
- ¹⁸ ЦГИА г. Москвы, ф. 4, оп. 10, № 2424; ЦГАДА ф. 286, л. 808; л. 77, 110—111; ф. 269, оп. 1/2, № 2715, л. 1—2 об.
- ¹⁹ Сельский лечебник, или словарь врачевания болезней. М., 1789—90. Ч., кн. 1.
- ²⁰ Словарь юридический или свод российских узаконений. М., 1792—1795.
- ²¹ ЦГИА ф. 468, оп. 43, д. 440, ч. IV, л. 76—77. Об этом сообщает в прошении к Павлу I оказать финансовую поддержку сын М. Д. Чулкова — Владимир. Он пишет: «мой отец по смерти оставил мне с матерью... всего 70 душ крестьян, но из оных еще 50 душ заложено им при жизни в государственном Сиб. осмилетнем заемном банке суммою в 2 тыс. руб. на материал для напечатания словаря юридического...»
- ²² Словарь юридический или свод российских узаконений. М., 1792. Ч. I. Преуведомление.
- ²³ Чулков М. Д. Экономические записки... М., 1788, с. 4.
- ²⁴ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции... М.; СПб., 1783.
- ²⁵ Чулков М. Д. Историческое описание..., т. 1, кн. 1, гл. VI.
- ²⁶ Там же, Предисловие, с. 46—47.
- ²⁷ Там же, Предисловие, с. 46—47.
- ²⁸ Там же, с. 9.
- ²⁹ Там же, т. I, кн. 2, с. 95.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же, с. 154.
- ³² Приказчикова Е. В. Идеолог купечества М. Д. Чулков. — В кн.: История русской экономической мысли. М., 1955, т. I, с. 504.
- ³³ Чулков М. Д. Историческое описание, т. 1, кн. 1, с. 86.
- ³⁴ Там же, с. 147.
- ³⁵ Там же, с. 31.
- ³⁶ Там же, т. 1, кн. 2, с. 350.
- ³⁷ Чулков М. Д. Экономические записки..., с. 68.
- ³⁸ Там же, с. 68.
- ³⁹ Семевский В. И. Крестьяне в царствование им. Екатерины II. СПб., 1881, т. 1, с. 64.
- ⁴⁰ Чулков М. Д. Записки экономические... М., 1790, с. 79.
- ⁴¹ Там же, с. 50.
- ⁴² Чулков М. Д. Экономические записки..., с. 3.
- ⁴³ Там же, с. 113.
- ⁴⁴ Русская проза XVIII в. М., 1950, с. 150.
- ⁴⁵ Там же, с. 145.
- ⁴⁶ Там же, с. 146.
- ⁴⁷ Там же, с. 147.
- ⁴⁸ Там же, с. 150.
- ⁴⁹ Там же, с. 142.
- ⁵⁰ Чулков М. Д. Историческое описание... т. 1, кн. 1, с. 50.
- ⁵¹ Архив ЛОИИ ф. 36, оп. 1, д. 572. Описание о точном состоянии и свойстве российского торга..., с. 18—18-об., 19.
- ⁵² Чулков М. Д. Историческое описание, т. I, кн. 1, с. 31.
- ⁵³ Там же, с. 446—447.
- ⁵⁴ Там же, т. VI, кн. 4, с. 13.
- ⁵⁵ Пересмешник. М., 1784, ч. IV, с. 188.
- ⁵⁶ Русская проза XVIII в., с. 118.
- ⁵⁷ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России (период феодализма).
- ⁵⁸ Пересмешник, 1789, ч. IV, с. 39.
- ⁵⁹ О нем см.: Курмачева М. Д. Проекты государственного устройства Ивана Тревогина. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975.
- ⁶⁰ Аркфасад. Халдейская повесть. Издание Козловского однодворца Петра Захарьина. М., 1793, с. 23—24.
- ⁶¹ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России (период феодализма). М., 1977, с. 239.

ПРОБЛЕМЫ ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТРУДАХ И ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЗДЕНЕКА НЕЕДЛЫ В 1941—1945 ГГ.

Б. М. Руколь

Крупнейший чехословацкий историк-марксист Зденек Неедлы являлся и выдающимся политическим деятелем, борцом против фашизма и войны. Еще в конце 20-х — середине 30-х годов он был участником антиимпериалистических конгрессов во Франкфурте, Амстердаме, Брюсселе. В 1936 г. он возглавлял чехословацкую делегацию в Испании и выезжал на фронт. В годы второй мировой войны находился в СССР, стал одним из организаторов и вице-председателем Всеславянского комитета.

Вопросы гуситского движения в статьях и выступлениях З. Неедлы военных лет — проблема комплексная и требует изучения не только его научной, но и научно-педагогической и общественно-политической деятельности, которые были у него неразрывно связаны между собой.

Чем бы ни занимался З. Неедлы, он всегда оставался прежде всего ученым. Выработанная им концепция гусизма определяла содержание и лекций в университете, и выступлений в печати, по радио, в чехословацкой воинской части в СССР, во Всеславянском комитете.

О жизни и трудах З. Неедлы в СССР имеется ряд работ в чехословацкой и советской историографии¹.

Однако проблема гуситского движения, как она рассматривалась З. Неедлы в статьях и выступлениях военного времени, еще не стала предметом специального изучения.

Научные книги, статьи и публицистика З. Неедлы, выступления по радио, воспоминания самого Неедлы и воспоминания о нем, статьи в «Руде право» и советской прессе военных лет, хроника журнала «Славяне» и сам журнал, архивные фонды Всеславянского комитета, архив Института славяноведения и балканистики, архив кабинета З. Неедлы в Праге, документы архивов Московского университета и Академии наук позволяют судить о вкладе, внесенном З. Неедлы в изучение гусизма в годы Великой Отечественной войны.

Сопоставление результатов его научных исследований с публицистическими статьями и выступлениями по радио показывает, какое место занимала тема боевых гуситских традиций в общественно-политической деятельности З. Неедлы. Сохранившиеся материалы радиопередач для чехословацкой воинской части в СССР о военных традициях гуситов, воспоминания командира части, будущего президента Чехословакии Людвика Свободы и бойцов-антифашистов дают представление о значении выступлений З. Неедлы для международного и патриотического воспитания чехословацких воинов.

Интерес к движению гуситов у Зденека Неедлы проявился рано. На торжествах в Карловом университете 30 мая 1951 г. по случаю

50-летия получения степени доктора З. Неедлы в своей речи сказал: «Мне было около десяти лет, когда в библиотеке своего отца я нашел „Сочинения Яна Гуса“, изданные Эрбеном... я так зачитывался произведениями Гуса, что до сих пор знаю на память из них целые части. Меня привели к гусизму не великие события того времени, а новый взгляд на человека, на общество, на народ, который я нашел в сочинениях Гуса. На меня произвело впечатление, что этот новый мир возник в Чехии и стал основой всей нашей национальной истории».

Когда мне было двенадцать лет, я принес из городской библиотеки... „Историю чешского народа“ Ф. Палацкого... Я получил у Палацкого полное представление об истории. Мне было 15 лет, когда я в 1893 г. написал свой первый „том“ — „Историю гусизма“ в четырех частях...»².

Этот «том», точное название которого «Гуситское движение и гуситские войны», сохранился. Из 13 работ, написанных. З. Неедлы в гимназии, четыре были по гуситской тематике³. В заметке 1899 г. о первой опубликованной статье по истории гусизма Неедлы написал: «Я старательно изучал теологию после того, как, еще будучи гимназистом, принял решение посвятить себя гуситской истории. Писать о гусизме и понимать теологию казалось мне само собой разумеющимся»⁴.

Первые три опубликованные статьи Неедлы 1899—1900 гг. относились к истории гуситского движения⁵, являлись подготовительными работами к его первой большой монографии — «История гуситской песни»⁶, которая состоит из трех частей: «История догуситской песни в Чехии» (1904 г.), «Возникновение гуситской песни» (1907 г; докторская диссертация) и «История гуситской песни в период гуситских войн» (1913 г., магистерская диссертация). Этот капитальный труд об истоках и развитии гуситского песнетворчества, как характеризует его известный советский искусствовед И. Ф. Балза, являлся и выдающимся историческим сочинением своего времени⁷.

Продолжив и развив концепцию Ф. Палацкого о гусизме как религиозном и национальном движении, Неедлы раскрыл его демократический характер, показал крестьянство как носителя самых радикальных идей.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции Зденек Неедлы начал пересматривать свою концепцию гусизма. В этом отношении очень интересна его статья «Магистр Ян Гус и его правда», опубликованная в 1919 г.⁸ В ней Неедлы на основе сочинений, проповедей и писем Яна Гуса впервые характеризует его учение как имеющее «социальный смысл»⁹, который проявляется в требовании равенства всех людей, в порицании жадности, порожденной богатством, в протесте против самоуправства и несправедливых войн. Заканчивалась статья утверждением: «правда Гуса вечна, поэтому не умерла с ним, но живет сегодня, как жила тогда»¹⁰.

Первое знакомство с трудом В. И. Ленина «Государство и революция», вышедшим в 1919 г. на чешском языке, оказало большое

влияние на Неедлы. Он написал работу «Гус и наше время» (1919 г.)¹¹, которая является переработанной статьей «Магистр Ян Гус и его правда». Она дополнена материалами о таборитах. Можно согласиться с В. И. Пичетой, который назвал работу «Гус и наше время» «блестяще написанной книгой»¹². «Гус и наше время» — самое законченное сочинение о гусизме, которое создал Неедлы в период буржуазной республики. В этой работе Неедлы ссылается на В. И. Ленина, на его высказывание о государстве¹³. Влияние марксистской методологии в этом сочинении Неедлы проявляется в постановке вопроса об экономической основе государственной власти, о господствующих и угнетенных классах, об эксплуатации народных масс, их выступлениях, революции и ее вождях — Яне Гусе, Яне Жижке, Яне Желивском.

В сочинении «Гус и наше время» Неедлы впервые в чехословацкой историографии рассматривает гусизм как явление социальное, как классовую борьбу крестьян и горожан против церкви и светских феодалов. Источником власти церкви он считал ее «экономическую силу», созданную «эксплуатацией народа», а причину гуситского движения видел в «росте богатства церкви за счет увеличения эксплуатации». Неедлы проявлял особый интерес к формам борьбы против церкви, в которых он искал «социальную основу».

В движении народных масс его внимание привлекли секты как форма «организации бедноты». Из ученых, «прогрессивных интеллигентов того времени» он называл Д. Уиклифа и показал, как его учение о невидимой церкви было направлено против ее экономической мощи, что вызвало народные движения в Англии, в Чехии, которые Неедлы характеризовал как «восстания». Он выступал против утверждения буржуазной историографии о том, что правление Карла IV было для Чехии «золотым веком», и показал, как, содействуя росту церковных владений, Карл IV способствовал усилению эксплуатации и росту недовольства народных масс.

Однако З. Неедлы представил гусизм как предтечу социалистических преобразований, проведя неоправданные сравнения с победившей в СССР революцией, с социализмом и коммунизмом. В предисловии к книге З. Неедлы показывает изменение взглядов на Яна Гуса в историографии и характеризует его как «основоположника тех идей и стремлений, которым в настоящее время следуем».

В гусизме он видел революцию, причина которой — в обострении социальных противоречий, а Яна Гуса считал революционером. По его мнению, Гус «не только критик старого, но и создатель нового мира», «вождь угнетенных», он «звал к борьбе против имущих, знал, как изменить мир»; и более того, Гус — это «первый современный революционер», вызвавший революцию, «которая потрясла и потрясает мир через 500 лет». По мнению Неедлы, Ян Гус положил начало новому периоду истории. Характеризуя программу Яна Гуса, З. Неедлы называет ее «программой социализма», «программой социальных преобразований нового времени». Он неоднократно подчеркивает «силу революционного мышления Яна Гуса». Основными положениями этой программы он считал: закон коллективизма (все

принадлежит всем); отрицательное отношение к собственности; принцип равенства. Положения этой «программы» были установлены Неедлы на основании высказываний самого Яна Гуса, которые исследователь, как видно, трактует слишком широко. Так, основанием для утверждения о законе коллективизма автору послужили призывы Яна Гуса к «правде» и его требование «жить правильно». Эти призывы Неедлы истолковывает как цель современного социализма (уничтожение эксплуатации). Исходя из критики Яном Гусом стремления церкви и светских феодалов к обогащению, З. Неедлы приписал ему требование обобществления имущества и уничтожения частной собственности. Требование равенства людей исследователь вывел из выступления Гуса против светской и духовной власти и на этом основании сделал вывод, что Ян Гус — «провозвестник нового социального порядка».

З. Неедлы неправильно считал, что именно с гусизма начинается новое время и эпоха социалистических движений. В работе «Гус и наше время» он неоднократно сравнивает гусизм с социалистической революцией. Актуальность программы Яна Гуса, по его мнению, определяется тем, что она «еще не осуществлена и мы за нее боремся».

З. Неедлы допускает модернизацию истории гуситского движения. Он сравнивал пражское бюргерство с чешской буржуазией: 1918 г., а пражский плебс с рабочим классом; утверждал, что «табориты осуществили революционный идеал Яна Гуса» и что «возник новый мир, которому не было подобного на свете». Он считал, что в Таборе были установлены равенство, свобода, братство, т. е. были осуществлены лозунги Великой французской революции XVIII в.; были устранены господство и эксплуатация одних над другими, введена общность имуществ.

Из этих сравнений видно, что З. Неедлы еще не понимал различия между примитивным потребительским коммунизмом, основанным на уравнительном распределении, и социализмом, возникающим на неизмеримо более высоком уровне развития производительных сил, охватывающем и сферу производства.

Неправомерны многочисленные сравнения социально-экономических преобразований в Таборе со строительством социализма в СССР: «Принципы Табора живы и в настоящее время, мы встречаемся с ними в СССР»; «Табор отчасти можно сравнивать с государством, возникшим в результате Великой Октябрьской социалистической революции»; «в Советском Союзе всего полнее осуществлены идеи Гуса»¹⁴.

О работах З. Неедлы 20-х годов нельзя безоговорочно говорить как о сочинениях марксистских. Й. Мацек преувеличивает степень овладения Неедлы марксистской методологией, когда пишет, что З. Неедлы самостоятельно дошел до марксизма в работе «Гус и наше время»¹⁵. Сложный процесс перехода Неедлы на позиции марксистской методологии в 20-е годы только начинался.

Еще с основания КПЧ в 1921 г. З. Неедлы стал редактором близкой партии журнала «Вар» и поддерживал ее мероприятия, но особенно тесно стал сотрудничать с компартией с 1929 г. Общественно-

политическая деятельность Зденека Неедлы по осуществлению программы КПЧ, изучение трудов В. И. Ленина, работа над монографией «Ленин» в середине 30-х годов являлись факторами, способствовавшими овладению Неедлы марксистской методологией.

В Советский Союз в 1939 г. З. Неедлы приехал ученым, взгляды которого на исторический процесс были близки к марксизму. По приезде в СССР он включился в разработку проблем славяноведения и в связи с этим занимался вопросами определения главных периодов чешской истории и их места в мировом историческом процессе.

В 1939 г. он написал программу обобщающего труда — «История чешского народа», который готовил Институт истории АН СССР. Он выступил на Ученом совете исторического факультета МГУ с докладом об основных периодах чешской истории. Во всех его выступлениях 1939 г. большое внимание уделялось гусизму, который он характеризовал как величайший период чешской истории наряду с чешским национальным Возрождением.

Необходимость создания обобщающего труда по истории чешского народа З. Неедлы видел в том, что чешская историческая литература не имела капитальных работ, в которых была бы разработана вся чешская история, а имевшаяся литература была написана с идеалистических позиций. Неедлы считал, что новый труд, охватывающий всю историю Чехии, должен быть разработан «на базе исторического материализма». Чешская история должна рассматриваться как «история народных масс», а в новейшее время — как «история рабочего класса и крестьянства». Однако в вопросе о периодизации чешской истории он все еще продолжал придерживаться концепции чешского буржуазного историка Ф. Палацкого, который делит историю Чехии на древнее время (до гуситского движения), средние века (гусизм) и новое время (порабощение чешского народа в XVII в. и его возрождение в XIX в.).

Влияние Ф. Палацкого проявилось также и в том, что Неедлы видел в гусизме самое важное событие чешской истории и уделил ему в программе больше всего места (гусизму посвящено 5 страниц из 15).

З. Неедлы на всю жизнь сохранил пиетет перед именем Ф. Палацкого. В программе «История чешского народа» он оценивает Палацкого как самого выдающегося чешского историка¹⁶. В 1939 г. в передаче по радио о Ф. Палацком он называет его «Историю чешского народа» «одним из величайших произведений чешской культуры и одним из самых значительных исторических сочинений в мировой историографии». Он видит заслугу Палацкого в том, что тот первый увидел в гуситской революции рубеж в борьбе человечества за свободу в новое время, а также впервые провозгласил гусизм «вершиной и программой чешской истории»¹⁷.

Однако, признавая авторитет Ф. Палацкого, З. Неедлы с конца 30-х годов начал постепенно отходить от его концепции гусизма. В программе «История чешского народа» он, в отличие от Палацкого, уже рассматривал гусизм как революционный период чешской истории; движущими силами «народной революции» Неедлы считал

крестьянство и ремесленников¹⁸. В рассматриваемой программе Неедлы дал определение гусизма как антифеодального движения. Он уже не сравнивал его с буржуазными и социалистическими революциями нового и новейшего времени.

С большим вниманием относился З. Неедлы к изучению трудов русских дореволюционных славистов. В докладе «Задачи изучения в СССР истории славянских народов», сделанном 9 ноября 1942 г. на заседании ученого совета исторического факультета МГУ, посвященном 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, он в качестве первой задачи поставил критический пересмотр наследства, оставленного русским дореволюционным славяноведением¹⁹. Он выступал против трактовки гусизма русскими буржуазными историками и показал, что они не поняли ни социального, ни политического его значения. Неедлы отверг утверждение К. Я. Грота о влиянии церковнославянского языка и славянской литургии на гусизм²⁰ и не согласился с утверждением, что «гуситство было чем-то вроде скрытого православия»²¹. Неедлы считал неправильным стремление русского дореволюционного славяноведения (Гильфердинг и др.) свести гусизм к простому оживлению якобы скрывавшегося в Чехии в подполье православия²².

Можно согласиться с общей оценкой Ю. Ф. Иванова, которую он дал исследованиям Неедлы о гусизме, выполненным в СССР. По его мнению, работы З. Неедлы 1941—1945 гг. по истории гуситского движения написаны в своей основе с марксистских позиций. Ю. Ф. Иванов правильно отмечает, что марксистский подход Неедлы к гуситскому движению проявился прежде всего в интерпретации источников, в классовой оценке его хода и итогов²³.

В начале Великой Отечественной войны З. Неедлы интенсивно занимался изучением проблемы межславянских связей. Этой теме посвящена упомянутая уже статья «Гуситы и русские». Статья написана на основе польских хроник, чешских, австрийских и силезских публикаций источников. В ней широко использованы письма Яна Гуса и связанные с ним эпистолярные источники. В этой работе Неедлы рассматривал гуситское движение как борьбу классовую и национально-освободительную; католическую церковь — как крупнейшего феодала; в немцах в Чехии он видел прежде всего представителей класса угнетателей.

В статье раскрываются многосторонние межславянские связи: чешско-польские, чешско-словацкие, чешско-русские, чешско-украинские. Большое внимание уделено совместным боевым действиям славянских народов при Грюнвальде, в Чехии, Словакии. Главное достоинство статьи — ее солидная источниковая база.

Внимание автора к участию русских в гуситском движении представляет для читателя особый интерес, так как в известной мере позволяет представить себе значение гусизма в европейской истории. Однако некоторые положения статьи являются спорными. Гипотеза Ф. Палацко, которую разделял и З. Неедлы, о влиянии гуситов на организации казачества на Украине, не принята советскими историками, так как не подтверждается источниками.

Вопрос о вооруженной борьбе гуситов, их военном искусстве и международном значении гуситских войн Неедлы рассмотрел в статье «Гуситские партизаны в Чехии», написанной для сборника, посвященного партизанскому движению в странах Восточной и Западной Европы²⁴⁻²⁵. Опираясь на сочинения историков военного искусства Г. Томана и Р. Урбанека, Неедлы полемизирует с известным немецким ученым Х. Дельбрюком, отрицавшим, что гуситы использовали повозки в наступлении, и подчеркивает значение новшеств, введенных таборитами в военном деле²⁶.

Боевые действия таборитов, их военное искусство, совместные выступления чешских и словацких крестьян, называвших себя «братиками», с представителями других народов, особенно с украинцами, рассмотрены в статье «Табориты», написанной для Большой Советской Энциклопедии²⁷.

В статье «Фашистская фальсификация чешской истории» З. Неедлы подробно остановился на разоблачении фальсификаций гусизма немецкими реакционными учеными и их фашистскими эпигонами. Он писал, что в агитационно-политической литературе германских фашистов фальсификация истории чешского народа «занимает особое место», а националистическая нетерпимость немецких историков к чехам проявилась задолго до прихода нацистов к власти²⁸.

Изучение боевого содружества славянских народов в эпоху гусизма стало политически особенно актуальным в годы Великой Отечественной войны. Призывы следовать примеру гуситов стали очень популярными в годы войны. Они есть у К. Готвальда, Я. Швермы, Л. Свободы, Г. Димитрова. Исследования З. Неедлы военных лет о боевых традициях гусизма служили пропаганде единства славянских народов в борьбе против фашизма.

В уже упомянутых статьях «Гуситские партизаны в Чехии», «Табориты» З. Неедлы писал о вкладе гуситов в мировую военную науку, высоко оценивал их военную доблесть. К этим проблемам он неоднократно возвращался в своих выступлениях и публицистических статьях²⁹.

В Московском университете З. Неедлы был инициатором мероприятий, способствовавших росту интереса к гусизму и облегчавших его преподавание и изучение. В 1939 г. по инициативе кафедры истории средних веков МГУ было решено выпустить сборник по истории гуситского движения, стала проводиться специализация по истории Чехословакии³⁰.

З. Неедлы предложил перевести на русский язык «Хронику Лаврентия из Бржезовой». Эта работа была выполнена в 1940 г. доцентом кафедры древних языков В. С. Соколовым. Рукопись хранилась на кафедре, где ею могли пользоваться студенты и аспиранты не только университета, но и других вузов.

Кроме этой рукописи, были подготовлены к публикации и другие источники по истории гусизма, которые из-за условий военного времени не могли быть изданы³¹. «Хроника Лаврентия из Бржезовой» в русском переводе Соколова с предисловием и научными комментариями Й. Мацека была издана в 1962 г.

В 1940 г. Неедлы организовал на истфаке МГУ вечер, посвященный гусизму, который хорошо запомнился всем присутствовавшим на нем. После доклада Зденек Романович сел за рояль, в Актовом зале зазвучала музыка гуситского боевого гимна. Все встали.

В годы Великой Отечественной войны изменилась направленность семинара по истории гусизма, который вел З. Неедлы. В 1939/40 учебном году он был посвящен предшественникам Яна Гуса, а в 1942/43 учебном году назывался «Борьба гуситов с немцами»³².

Как истинный патриот своей Родины, на лекциях и семинарских занятиях он говорил студентам: «Сейчас я вам рассказываю о Гусе и Жижке, о таборитах и борцах пражских баррикад 1848 г., но мы далеко от Праги и Табора. Наступит час, и я покажу вам наш Табор, мы остановимся у башни Карлова моста, где боролся за свободу И. В. Фрич и его друзья»³³. Так вспоминает о лекциях З. Неедлы один из его первых учеников — ученый и дипломат И. И. Удальцов. Слушавшая лекции Неедлы преподавательница исторического факультета И. А. Миронова пишет: «Почти каждого Зденек Романович спрашивал, что ему показалось самым интересным в курсе истории славян. И почти все отвечали на это: «История гуситских войн»³⁴.

Зденек Неедлы много общался со студентами и вне аудиторных занятий. Он любил беседовать с ними, особенно на тему о боевых традициях гуситов. Еще в работе «Спор о содержании чешской истории» (1913 г.) он написал: «Скажи, что ты думаешь о гусизме, и я скажу, кто ты»³⁵. Эти слова были его любимой поговоркой всю жизнь.

В своих выступлениях по радио в передачах на Чехословакию З. Неедлы напоминал слушателям призыв таборитов: «Это не время жалости, это время святой мести»³⁶.

Из сохранившихся в архиве З. Неедлы в Праге вариантов радиопередач о воинских традициях гуситов и о Яне Гусе видно, что те проблемы, над которыми Неедлы работал в исследовательском плане, получили широкое освещение в его выступлениях по радио.

На первом Всеславянском радиомитинге в августе 1941 г. он призвал следовать примеру таборитов в их суровой борьбе с врагами. Неедлы привел слова таборитского гимна: «Не бойтесь врагов, не считайте, сколько их. Всеми средствами уничтожайте врагов нашей Родины. Это сейчас наш лозунг. И с ним мы победим»³⁷.

Речь З. Неедлы по радио и Обращение Всеславянского митинга в Москве распространялись подпольными коммунистическими партиями в протекторате Богемия и Моравия и в Словакии. Подпольная КПЧ в протекторате Богемия и Моравия организовала прослушивание московских радиопередач и запись главных выступлений и Обращения Всеславянского митинга³⁸.

Первому радиомитингу в Москве был посвящен специальный выпуск газеты «Руде право»³⁹, который готовил Юлиус Фучик⁴⁰. В нем Фучик поместил упомянутую речь Зденека Неедлы. В газете было также опубликовано Обращение Всеславянского радиомитинга, подписанное известными писателями и учеными, в том числе и Зденеком Неедлы.

Второй радиомитинг Всеславянского комитета в Москве, который проходил 4 и 5 апреля 1942 г., также получил освещение в «Руде право». В специальном выпуске «Руде право», посвященном этому радиомитингу, начинавшемся с призыва «Час решающих сражений настал, славяне, беритесь за оружие!», Ю. Фучик поместил выступление З. Неедлы под названием «Конец работе на Гитлера и его банду», в котором Неедлы обращался к «наследникам гуситской славы», чтобы они не забывали жертвы своих русских, украинских, белорусских и югославских братьев, помнили победоносные гуситские традиции Домажлиц, Усти, Тахова, где гуситы громили немецких крестоносцев, и призывал чехов «доказать, что потомки не хуже, чем были предки»⁴¹.

Зденек Неедлы часто посещал чехословацкую воинскую часть, сформировавшуюся в СССР, читал бойцам лекции. Широкую известность получила речь Неедлы, которую он произнес на торжественном вечере в Новохоперске 13 сентября 1943 г. перед выступлением чехословацкой бригады на фронт. Отрывок из нее был напечатан в газете чехословацких граждан в СССР «Чехословенские листы» под заголовком «В чехословацкой бригаде»⁴². В этой речи Неедлы рассказал о чехословацком отряде «Ян Жижка», борвшемся бок о бок с югославскими партизанами, напомнил бойцам о гениальном чешском полководце и его непобедимой армии. Зденек Неедлы считал своим долгом антифашиста и патриота представить перед бойцами чехословацкой воинской части как можно полнее и образнее военное искусство таборитов, чтобы они гордились величием своих предков и следовали их примеру в борьбе против фашизма.

Людвик Свобода в своих воспоминаниях писал, что лекции З. Неедлы были посвящены в большей своей части истории, причем подчеркивалась прогрессивная, социальная и демократическая, славянская и антинемецкая направленность чехословацкой истории. Научные аргументы и выводы лекций Неедлы, пишет Л. Свобода, снижали ему признательность и уважение солдат чехословацкой воинской части в Советском Союзе, его лекции и беседы способствовали подъему морального духа воинов⁴³.

Следует отметить, что еще в «Слове к чешской интеллигенции» в 1939 г. З. Неедлы говорил о том, что «культ прошлого не должен мешать видеть настоящее»⁴⁴. В 1944 г. в статье «Ян Гус» он вновь вернулся к этому вопросу: «Исторические условия меняются, меняются цели и методы демократических стремлений народа»⁴⁵. Однако, как уже отмечалось, у него самого в научных и публицистических статьях и в выступлениях по отдельным вопросам гусизма можно встретить некоторую его идеализацию, упрощенные формулировки. Так, например, он писал о таборитском искусстве казаков⁴⁶; называл чешское национальное Возрождение «обновленным гусизмом»⁴⁷ и т. д. В рукописи статьи «Чехословаки наступают вместе с Красной Армией» Неедлы писал о «гуситских героях»⁴⁸.

Хотя сам З. Неедлы уже не считал гусизм движением только религиозным и национальным, он продолжал идеализировать концеп-

цию Ф. Палацкого и писал в 1944 г., что «История чешского народа» Палацкого читается у нас как «книга книг», как библия народа⁴⁹.

Несмотря на слабые стороны концепции гусизма З. Неедлы, значение его работ, его научно-педагогической и общественно-политической деятельности, связанной с гусизмом, было очень велико. Научные статьи Неедлы по истории гусизма благодаря их фундаментальной источниковедческой основе сохранили свое значение до настоящего времени и занимают важное место в изучении этой проблемы.

Он разработал вопрос о роли в межславянских связях боевого содружества славянских народов, что в годы Великой Отечественной войны являлось политически актуальным. Он подготовил кадры богемистов, которые в Академии наук СССР и Московском университете продолжают его дело и для которых гусизм на всю жизнь остался темой научных исследований.

Его научные труды, лекции, радиопередачи, посвященные гусизму, как и вся его общественно-политическая деятельность, служили усилению борьбы народов Чехословакии против фашизма, росту влияния коммунистов в движении Сопротивления и победе национально-демократической революции в Чехословакии.

¹ *Gallas J.* Zdeněk Nejedlý a SSSR. — In *O Zdeňku Nejedlém. Stati k jeho sedmdesátinám.* Praha, 1948, s. 75—85; *Teichman J.* V emigraci. — *Ibid.*, s. 220—244; *Pekárek V.* Zdeněk Nejedlý. Praha, 1948; *Idem.* Ke genezi Nejedlého Dějin národa českého. — In: *Václavkova Olomouc*, 1963. *Ost-rava*, 1965, s. 125—135; *Charvát J.* Nejedlý-historik. — In: *O Zdeňku Nejedlém...*, s. 113—127; *Husa V.* Zdeněk Nejedlý a pokrokové tradice českého dějepiscetví. — In: *Zdeňku Nejedlému Československá Akademie věd. Sborník prací k sedmdesátým pátým narozeninám.* Praha, 1953, s. 247—264; *Dolanský J.* Zdeněk Nejedlý a Slovanstvo. — *Ibid.*, s. 115—156; *Мауек Й.* Зденек Неедлы как историк. — В кн.: *Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый.* М., 1964, с. 160—177; *Мацек J.* Zdeněk Nejedlý a husitství. — In: *Zdeňku Nejedlému k 75. narozeninám.* Praha: Československý spisovatel, 1953, s. 118—121; *Bergová D.* Moskevské rozhlasové projevy Zd. Nejedlého a myšlenka slovanské vzájemnosti. In: *Václavkova Olomouc*, 1963..., s. 186—191; *Грозинчик Й.* З. Неедлы и

Советский Союз. — *Сов. славяноведение*, 1973, № 6, с. 81—84; *Dvořák J.* Zdeněk Nejedlý v Sovětském Svazu (1939—1945). — *Literární měsíčník*, 1978, № 1, s. 23—33; *Čornej P.* V době moskevské emigrace — Praha — Moskva, 1978, № 1, s. 49—51; *Idem.* Historik Zdeněk Nejedlý. — *Tvorba*, 1978; № 3; *Matula V.* Profesor Moskovskej univerzity a organizátor sovietskej slavistiky. — Praha — Moskva, 1978, № 1, s. 52—53; *Beran M.* Leninský myslitel Zdeněk Nejedlý. — *Prace*, 1978, 10 listopadu; *Topol'ský M.* Udalosti a l'udia. — Praha — Moskva, 1978, N 1, s. 35—37; *Haubelt J.* Odkaz Zdeňka Nejedlého. — *Tribuna*, 1978, N 6; *Ugerek Z.* Čeští historikové v emigraci za druhé světové války. — *Slovanský přehled*, 1978, № 3, s. 177—180; *Греков В. Д.* К 75-летию З. П. Неедлы. — *Вопр. истории*, 1953, № 2, с. 62—67; *Греков В. Д.* Великий чешский vědec. — In: *Zdeňku Nejedlému Československá Akademie věd...*, s. 11—14; *Никитин С. А.* З. П. Неедлы как историк. — *Крат. сообщения Ин-та славяноведения*, 1953, № 11, с. 16—19; *Он же.* Вклад Зденека

Неедлого в изучение истории славянских стран.— В кн.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый..., с. 199—207; *Nikitin S. A. Činnost Zdeňka Nejedlého na moskevské univerzitě.*— In: *Zdeňku Nejedlému Československá Akademie věd...*, s. 15—18; *Третьяков П. Н.* К 75-летию Неедлы З. Р.— Крат. сообщения Инта славяноведения, 1953, № 11, с. 10—15; *Гундоров А. С.* Неутомимый общественный деятель. В кн.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый..., с. 143—159; *Он же.* Памяти большого друга Советского Союза.— Сов. славяноведение, 1968, № 1, с. 77—81; *Gundorov A.* Vynikající veřejný pracovník.— In: *O Zdeňku Nejedlému...*, s. 13—16; *Вайнштейн О. Л.* История советской медиавистики, 1917—1966. Л., 1963; *Бэлза И. Ф.* Зденек Неедлы как историк культуры.— В кн.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый..., с. 178—198; *Belza J.* Vynikající činitel české hudební kultury.— In: *Zdeňku Nejedlému Československá Akademie věd...*, s. 19—22; *Белявская И. М.* Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке.— В кн.: Славянская историография. М., 1966; *Она же.* Советское славяноведение за 50 лет.— В кн.: Сов. славяноведение: Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969, с. 10—22; *Белявская И. М., Воронков И. А.* Советское славяноведение в Московском университете.— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1968, № 1, с. 9—11; *Воронков И. А.* Изучение истории зарубежных славян в Московском университете.— Сов. славяноведение, 1970, № 5; *Иванов Ю. Ф.* Гуситские исследования советских историков (конец 30-х—40-е годы).— В кн.: Славяне в эпоху феодализма: К 100-летию академика В. И. Пичеты. М., 1978, с. 303—310; *Иванов Ю. Ф.* Гуситское революционное движение в советской историографии (Конец 30-х — начало 50-х го-

дов).— Сов. славяноведение, 1982, № 3, с. 43—51; *Карасев В. Г., Уткина Л. И.* В. И. Пичета в Московском университете: (Из истории становления советского славяноведения).— В кн.: Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981, с. 96—112; *Королюк В. Д.* Московский период в жизни Зденека Неедлого и развитие советского славяноведения.— В кн.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый..., с. 208—218. *Он же.* Памяти Зденека Неедлы (1878—1962).— Вопр. истории, 1970, № 8, с. 72—85; *Марченко А. И.* Куйбышевский период деятельности Зденека Неедлы.— Сов. славяноведение, 1974, № 2, с. 56—58; *Рухоль Б. М.* Зденек Неедлы в Московском университете.— В кн.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый..., с. 219—230; *Она же.* Славяноведение в Московском университете (1939—1941).— В кн.: Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968, с. 200—213; *Она же.* Педагогическая и научная деятельность Зденека Неедлы в Московском университете.— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1978, № 3, с. 3—12; *Санчук Г. Э.* Гуситское движение в советской историографии.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, с. 44—58.

² *Nejedlý Z.* Z mého života. Z řeči Zdeňka Nejedlého při slavnosti 50 výročí doktorátu na universitě Karlově v Praze 30. května 1951.— In: *Nejedlý Z.* Velké osobnosti. Praha, 1953, s. 7—8.

³ *Nejedlý Z.* Moje práce. Praha, 1973, s. 9—10.

⁴ *Ibid.*, s. 14.

⁵ *Ibid.*, s. 14—20.

⁶ *Nejedlý Z.* Dějiny husitského zpěvu: Sebrané spisy Zdeňka Nejedlého. Sv. XL—XLV. Praha, 1954—1956.

⁷ *Бэлза И. Ф.* Указ. соч., с. 184.

⁸ *Nejedlý Z.* Má vlast. Symfonie doby, života a díla. Praha, 1975.

⁹ *Ibid.*, s. 20.

¹⁰ *Ibid.*, s. 28.

- 11 *Nejedlý Z.* Hus a naše doba. vyd. 2. Praha, 1926, s. 43.
- 12 *Вопр. истории*, 1947, № 10, с. 143.
- 13 *Nejedlý Z.* Hus a naše doba. vyd. 2, s. 43.
- 14 *Ibid.*, s. 8—49.
- 15 *Macek J.* Zdeněk Nejedlý a husitství. ČSN, 1953, № 1, s. 25.
- 16 Архив Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР (далее: АИС), Неядлы З. Программа «История чешского народа», л. 2, 4.
- 17 *Nejedlý Z.* Novoří Moskva: Rozhlasové projevy z let 1939—1945. Praha, 1977, s. 28—29.
- 18 Программа «История чешского народа», л. 4, 10.
- 19 Архив МГУ, ф. 9, он. 2, д. 4, л. 45.
- 20 *Неядлы З.* К истории славяноведения до XVIII в.— Историк-марксист, 1941, № 2, с. 85.
- 21 *Неядлы З.* Гуситы и русские.— Ист. журн., 1941, № 10/11, с. 126.
- 22 *Неядлы З.* К истории славяноведения до XVIII в. ..., с. 85.
- 23 *Иванов Ю. Ф.* Указ. соч., с. 305.
- 24—25 Партизанская борьба в национально-освободительных войнах Запада. М., 1943, с. 8—19.
- 26 Там же, с. 14.
- 27 БСЭ. 2-е изд. М., 1946, с. 392—394.
- 28 Учен. зап. МГУ. Сборник исторического ф-та. Преступления фашистов против исторической науки. 1945, вып. 81, с. 136—162.
- 29 *Nejedlý Z.* Ve stopách Husových. Moskevské stati. S. S. sv. III, Praha, 1950, s. 37—45; *Неядлы З.* Чехословаки наступают вместе с Красной Армией.— Славяне, 1943, № 3, с. 19—24; *Он же.* Ян Гус.— Славяне, 1944, № 7, с. 35—36; *Nejedlý Z.* Novoří Moskva..., s. 93, 109—110.
- 30 Архив МГУ. 1, оп. 4, д. 32, л. 39.
- 31 См. *Иванов Ю. Ф.* Гуситские исследования советских историков (конец 30-х — 40-е годы).— В кн.: Славяне в эпоху феодализма: К 100-летию акад. В. И. Пичеты. М., 1978.
- 32 Архив АН СССР, ф. 1548, оп. 3, д. 217, л. 8.
- 33 *Udalcov J.* Naš Zdeněk Romanovič.— In: Na paměť Zdeňka Nejedlého. Praha, 1966, s. 322.
- 34 *Mironovová J.* Několik slov o Zdeňku Romanoviči Nejedlém.— Praha Moskva, 1978, N 1, s. 62.
- 35 *Nejedlý Z.* O smyslu českých dějin. S. S. sv. XVI, vyd. II, Praha, 1953, s. 49.
- 36 *Nejedlý Z.* Novoří Moskva... s. 114.
- 37 К братьям угнетенным славянам. Выступления представителей славянских народов на Всеславянском митинге, состоявшемся в Москве 10—11 августа 1941 г. Огиз, 1941, с. 21.
- 38 *Бареш Г.* Три схватки Яна Зики. М., 1965, с. 322, 383.
- 39 *Rudé právo*, 1939—1945. Praha, 1971, s. 207—209
- 40 *Фучикова Г.* Воспоминания о Фучике. М., 1974, с. 406.
- 41 *Rudé právo*, 1939—1945..., s. 304—305.
- 42 *Nejedlý Z.* V československé brigádě. Moskevské stati. S. S. sv. III, s. 109—114.
- 43 *Svoboda L.* Vzpomínky na prof. dr. Zdeňka Nejedlého.— In: O Zdeňku Nejedlém... s. 26—27.
- 44 *Nejedlý Z.* Novoří Moskva... s. 52.
- 45 Славяне, 1944, № 7, с. 36.
- 46 Ист. журн., 1941, № 10/11, с. 129.
- 47 *Nejedlý Z.* Ve stopách Husových... s. 41.
- 48 ЦГАОР, ф. 1970, оп. I, д. 58, л. 82.
- 49 *Неядлы З.* Как в чехословацких школах Англии «обучают» историю.— Славяне, 1944, № 5, с. 20—21.

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»: 100 ТОМОВ

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»: 100 ТОМОВ. ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

К. Н. Тарновский

Сотый том «Исторических записок» вышел в свет в 1977 г.

В сложном деле, называемом научным исследованием, много этапов и стадий. От первых гипотез и догадок до научной монографии — большой путь. С ним связаны поиски и сомнения, оформленные концепции (это — как озарение!) и ее беспощадная критика фактами, отстаивание своих положений в ходе научных дискуссий, создание предварительных вариантов глав и разделов (это потом они становятся предварительными, а начинали писаться как «окончательные»)...

И на всех этапах научного поиска исследователю чрезвычайно важно знать мнение научной общественности и просто необходимо делиться итогами и результатами своего труда, своих раздумий. Ему необходимы самопроверка, необходимы публикации. На разных этапах — разные. Выступление в ходе обсуждения проблемы, так или иначе относящейся к теме исследования; публикация интересного документа; историографический обзор и постановка темы; научное сообщение; исследовательская статья, может быть — несколько статей и, наконец, — книга...

В достаточно разветвленной системе научных периодических и непериодических изданий находится место для научных публикаций самого различного характера. И в этой системе «Исторические записки» с первых же своих выпусков и по сотый, юбилейный том занимают совершенно определенное место. Соотнося всю систему научных изданий со стадиями процесса научного исследования, место это можно определить как отражение *предмонографического этапа* исследовательского труда. На этом этапе окончательно оформляются результаты исследования. Аргументация разворачивается в систему доказательств, прежде всего фактического характера. Доказанное строго отграничивается от предположений и гипотез. Заданный объем монографии, предполагающий окончательное определение масштаба изложения, т. е. степени его подробности и структуру книги (из готового текста много приходится исключать), пока не смущает, характер изложения определяется задачами исследования, как их понимает автор.

Когда наступает этот этап научной работы — идут в «Исторические записки». Здесь не очень будут лимитировать объем работы. Не

станут требовать сокращения научного аппарата — напротив, зачастую попросят его пополнить, а аргументацию — развить.

«Исторические записки» публикуют законченные исследования со всеми необходимыми элементами по принципиальным проблемам отечественной истории — и только такие исследования. И именно таким характером публикуемого материала определяется значимость издания, его актуальность в самом прямом научном смысле этого слова, его место в развитии советской исторической науки. И по той же причине «Исторические записки» с наибольшей, может быть, отчетливостью и полнотой отражают пройденный советской исторической наукой путь с 1937 г., когда вышел первый том этого издания, и по настоящее время. Не претендуя пока на «иредмонографический» характер изложения — это, надеемся, будет сделано в недалеком будущем, — попробуем на основании нашего стотомника наметить основные направления и некоторые итоги изучения отечественной истории за 40 лет по двум ее разделам — феодализму и капитализму.

Двести девяносто статей опубликовано на страницах «Исторических записок» по проблемам истории капиталистической России*. Они написаны 223 авторами**. Из прилагаемой таблицы видно, что статьи распределяются далеко не равномерно по времени и тематике. В первых сорока пяти томах, с 1937 по 1953 г. включительно, опубликовано всего 64 статьи, причем в 13 томах исследований по периоду капитализма не было вовсе. Перелом намечается на рубеже 1950 и 1951 гг. (публикации идут без пропусков, нередко по 2 статьи в каждом томе), а начиная с 1954 г. капиталистическая проблематика становится одним из основных направлений публикаторской деятельности «Исторических записок».

Неравномерно распределяются материалы и по тематике. Более половины всех публикаций (165 из 290) приходится на 4 проблемы: революция 1905—1907 гг. (51), разночинский период освободительного движения (45), монополистический капитализм (40) и внешняя политика России второй половины XIX — начала XX в. (35 статей). Мы сейчас увидим, что указанными четырьмя циклами статей определяется характер вклада и воздействие «Исторических записок» на развитие науки в целом.

Разночинский период освободительного движения

Публикации по данной проблематике начались до Великой Отечественной войны. Из 5 статей, напечатанных в 1937—1941 гг., одна посвящена крестьянскому движению на Украине в 70-х годах XIX в. (т. 5) и три — национальному движению на Кавказе (т. 8, 10, 12). Пятая статья — «Чернышевский в годы революционной ситуации» —

* Сюда включаются работы, посвященные подготовке буржуазных реформ 1860-х годов, с одной стороны, и всему периоду перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую — с другой.

** В тексте будут называться авторы трех и более статей.

принадлежит перу М. В. Нечкиной. Из этой работы развилось впоследствии целое научное направление.

В первое послевоенное десятилетие (по 1955 г. включительно) успешно продолжалось изучение революционного движения и общественной мысли 1860-х годов (т. 26, 37, 45, 54), публикуются исследования о крестьянском и рабочем движениях в Латвии (т. 45), стачечной борьбе рабочих Урала (т. 27), о рабочих союзах 70-х годов (т. 44) и первых марксистских группах в России (т. 53). Что же касается истории революционного народничества 1870-х годов, то она все еще остается в тени. Единственное исключение — статья Ш. М. Левина о демонстрациях в Петербурге и Одессе в связи с судебными процессами над В. И. Засулич и И. М. Ковалевским (т. 54).

Так, на материалах «Исторических записок» полностью подтверждается общий вывод о степени изученности проблемы к середине 1950-х годов, сделанный в свое время Б. С. Итенбергом: «Из поля зрения исследователей выпадала, таким образом, двадцатилетняя история (примерно с середины 60-х до середины 80-х годов XIX в.) освободительной борьбы в России. Оказались забытыми даже героические страницы истории революционного народничества 70-х — начала 80-х годов, имеющие большое научное и воспитательное значение»¹.

Вывод Б. С. Итенберга сформулирован в 1962 г., когда после первых научных дискуссий и нескольких выступлений постановочно-обзорного характера² исследователи разночинского периода освободительного движения не только осознали необходимость углубленного изучения истории революционного народничества 70-х годов, но и начали его. Наступила очередь «Исторических записок». В 1959 г. здесь (т. 65) публикуется статья Б. П. Козьмина, содержащая обстоятельную характеристику народничества как целого на различных этапах освободительной борьбы в России. Не следует противопоставлять революционных демократов народникам, народнические взгляды в 70-х годах столь же соединены с революционным демократизмом, как и в 60-е, — таково основное положение автора, одного из крупнейших знатоков проблемы.

Статья Б. П. Козьмина оказалась своего рода научным завещанием. Эстафета была принята. Уже в следующем, 1960-м году в т. 67 публикуются сразу три статьи — одна историко-теоретического и две конкретно-исторического характера: Б. С. Итенберг рассмотрел вопрос о влиянии революционеров эпохи падения крепостного права на народников первой половины 70-х годов, а В. А. Твардовская — об организационных основах «Народной воли». В дальнейшем такое хронологическое размежевание между основными авторами «Исторических записок» по истории революционного народничества сохранилось. Очередное исследование Б. С. Итенберга посвящено началу массового «хождения в народ» (т. 69, 1961 г.; через четыре года вышла в свет его монография на эту тему³), а В. А. Твардовская обратилась к рассмотрению некоторых проблем идеологии народничества (т. 74, 82). Свои изыскания в данном направлении она также завершила специальной книгой⁴. И вообще, в 1960-х годах тема

«семидесятников» — ведущая в публикациях «Исторических записок». В итоге оказались рассмотренными отдельные направления деятельности организаций революционных народников, в том числе среди рабочих (т. 74, две статьи), проанализирована революционная пропагандистская литература 70-х годов (т. 71), охарактеризованы общественно-политические взгляды некоторых выдающихся деятелей: «Народной воли» (т. 72), изучены эмигрантские центры 70-х годов (т. 88, 98). Все это, однако, отнюдь не привело к свертыванию ранее намечившейся проблематики. В 1960—70-х годах «Записки» публикуют ряд содержательных работ по истории первой «Земли и воли» (т. 79, две статьи), ишутинской организации (т. 68), восстания ссыльных поляков на Байкале в 1866 г. (т. 72) и другие материалы о первом демократическом подъеме в России. Продолжалась разработка истории первых рабочих организаций (т. 70), рабочего и крестьянского движения в различных центрах и районах России (т. 68, 80, 89) и т. д. В результате на страницах издания оказалась воссозданной история революционного движения *на всем протяжении* разночинского периода — таков первый итог публикаторской деятельности «Исторических записок».

Второй итог состоит в выявлении интереса исследователей революционного народничества к двум направлениям общественно-политической мысли 60—80-х годов — охранительному (т. 91) и либеральному (т. 98). Следует иметь в виду и прямое воздействие активного изучения разночинского периода освободительного движения на смежные направления исторической науки, прежде всего на изучение *экономики пореформенной России*. В ходе дискуссий по проблемам народничества прямо ставился вопрос об уровне и характере развития капитализма на различных этапах капиталистической эволюции страны⁵. Разумеется, были и другие причины, стимулировавшие разработку некоторых проблем экономики России второй половины XIX в., мы скажем о них ниже. И вместе с тем вряд ли случайно, что именно на 1960-е годы, время наиболее интенсивного изучения революционного народничества, приходится половина всех публикаций «Исторических записок» по проблемам экономического развития пореформенной России (т. 66, 67, 69, 73, 76, 81, 82)⁶.

Революция 1905—1907 годов

Если разночинский период освободительного движения освещен благодаря публикациям «Исторических записок» в целом на всех его этапах, то разработка проблем третьего, пролетарского периода велась «Записками» посредством активной разработки революции 1905—1907 гг. в России. К тому же в ходе этой разработки на протяжении сорокалетней истории издания выделяются два этапа, своего рода два массивованных наступления. Первый приходится на середину 1950-х годов (в 8 томах «Записок», вышедших в 1954—1956 гг., опубликована 21 статья), второй — на десятилетие с 1965 по 1975 г. (в 7 книжках — 14 статей). А в каждом из двух указанных

натисков на проблему в свою очередь имеется один «ударный» том: в 49-м (1954 г.) помещено 13 статей о революции, в 95-м (1975) — шесть. В двух книгах, разделенных интервалом в 20 лет, — почти половина публикаций!

Чтобы представить характер сдвигов в разработке истории первой русской революции, достаточно, таким образом, сопоставить проблематику юбилейных 49-го и 95-го томов. Следует подчеркнуть, что стремление отметить пятидесятилетний и семидесятилетний юбилей выдающегося события начала XX столетия не привело к снижению качества опубликованных материалов. Выходу в свет обоих томов предшествовала огромная исследовательская работа. По-настоящему она развернулась в первой половине 1950-х годов в связи с подготовкой многотомной публикации «Революция 1905—1907 годов в России». Над ней работали сотни историков и архивистов не только Москвы и Ленинграда, но и других городов страны. С того времени история первой буржуазно-демократической революции в России входит в число ведущих проблем советской историографии.

Революционное движение в различных районах России на протяжении первого года революции — такова основная проблематика сорок девятого тома. В нем имеются содержательные характеристики рабочего движения в Костроме и Лодзи, крестьянского — на Украине, в Молдавии и Рязанской губернии, революционное движение в армии дано на примерах московского, петербургского гарнизонов и Маньчжурской армии. Специальные статьи посвящены декабрьским 1905 г. восстаниям на Украине и в Грузии. За рамками этой проблематики всего две статьи: о Советах рабочих депутатов на Украине в 1905 г. и об участии демократической интеллигенции в Октябрьской политической стачке.

Иной принцип — проблемно-исторический, опирающийся на результаты изучения всей истории революции, а не только ее первого года, — применен при комплектовании 95-го тома. Главная проблематика — гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции нового типа. Исследования: статья о большевистской партии — руководителе борьбы пролетариата и всего народа, содержательный очерк о деятельности В. И. Ленина в Петербурге, стостраничная статья («маленькая монография») о рабочем классе в революции 1905—1907 гг. (охарактеризовано забастовочное движение в 1905 г., Советы как органы революционной борьбы, профессиональное движение, вооруженные восстания в декабре 1905 г., арьергардные бои 1906—1907 гг., а также идейная борьба в рабочем движении на втором этапе революции и легальные формы борьбы пролетариата). Крестьянское движение: эта тема удачно решена в историографическом, а не конкретно-историческом плане и дополнена специальным сообщением о борьбе пролетариата за крестьянские массы, за упорочие и развитие союза пролетариата и крестьянства. Так охарактеризован в теме революционно-демократический лагерь в революции. История либерального лагеря показана на примере анализа деятельности главной партии российского либерализма — партии кадетов. Помещенная в сборнике статья — конкретно-историче-

ская. Специально изучается вопрос о провале деятельности кадетов в массах в 1906—1907 гг. И, наконец, дворянско-черносотенный лагерь в революции. Эта проблема решается на примере борьбы церкви с революцией — тема, к которой, кажется, впервые специально обратилась советская историческая наука.

Обратимся к другим, опубликованным «Записками» работам по истории революции 1905—1907 гг., выполненным за истекшее десятилетие, чтобы определить устойчивость выявленных только что тенденций. Д. А. Колесниченко, автор сообщений о борьбе за крестьянские массы в т. 95, опубликовала в «Записках» еще два исследования по истории трудовиков, Трудовой группы, выразившей интересы революционного крестьянства (т. 82, 92). Не случайна и статья о деятельности кадетов: в т. 86 В. В. Шелохаевым детально охарактеризована их аграрная программа и рассмотрен процесс ее разработки в предреволюционный период.

В этой связи обратимся к соседней сверху строчке нашей таблицы. Из девяти статей, посвященных началу пролетарского периода революционного движения (1895—1907 гг.), семь опубликованы в 1965—1976 гг. Напечатанные ранее статьи посвящены крестьянскому восстанию на юге России в 1902 г. (т. 38) и деятельности Ф. Э. Дзержинского в середине 90-х годов XIX в. (т. 45). Из семи позднейших статей три посвящены революционному рабочему движению и социал-демократическим организациям (т. 82, 84, 91), две — земско-либеральному движению (т. 91, 97) и две — самодержавно-крепостническому лагерю накануне первой русской революции (т. 77, 92). Перед нами ситуация, совершенно аналогичная той, которая была выявлена при рассмотрении хода изучения революции 1905—1907 гг.: разработка истории революционного движения — на первом этапе и выход на проблему формирования трех лагерей, окончательно выявившихся и столкнувшихся в 1905—1907 гг., — на втором. Организующая, стимулирующая роль разработки истории первой русской революции на развитие проблематики смежных периодов революционно-освободительного движения — несомненна.

Вместе с тем устанавливается и сходство структур исследовательских комплексов по истории пролетарского и разночинского периодов освободительного движения, окончательно сложившихся в 1970-х годах: мы уже видели, что исследователи второй половины XIX в. всерьез занимаются разработкой не только истории революционного движения, но и истории либерализма и самодержавно-крепостнического лагеря в пореформенное время.

Монополистический капитализм в России

Истории изучения данной проблемы посвящена большая литература. Остановимся поэтому на общей логике разработки и связях проблемы со смежными научными направлениями.

Уже первое выступление «Записок» по истории монополистического капитализма оказалось знаменательным и симптоматичным: в 1946 г. в т. 20 П. И. Лященко опубликовал важнейший источник

по изучению монополий синдикатского типа — контрагентский договор Общества для продажи изделий русских металлургических заводов («Продамета»). Вскоре вышло в свет его учебное пособие по истории народного хозяйства в СССР. Содержавшийся в нем раздел о российском империализме образовал на первых порах своего рода канву для специального изучения монополистических объединений в России. Оно началось послевоенным поколением исследователей в первой половине 1950-х годов, велось в хронологических рамках от начала XX столетия до первой мировой войны на материалах главным образом топливной и металлургической промышленности (т. 35, 38, 42, 43, 47, 52, 54; главные исследователи — П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, А. Л. Цукерник). История отрасли и сложившихся здесь монополий сопровождалась изучением правительственной политики по отношению к монополиям.

Данное направление разработки темы развивалось и впоследствии (см. т. 62, 70, 86, 88), не определяя, однако, характера разработки всей проблематики. Между тем уже в середине 1950-х годов предметом самостоятельного изучения становится правительственная политика по отношению к монополиям. Таков первый признак наступления новой полосы исследования проблемы.

Другой состоит в расширении хронологических рамок изучения вопроса — появляются работы по периоду первой мировой войны, причем от главных правительственных органов регулирования военного производства — Особых совещаний (этот вопрос к тому времени был уже хорошо изучен А. Л. Сидоровым — см. т. 15, 26, 54) — внимание исследователей было направлено на комитеты военного времени, занимавшиеся регулированием отдельных отраслей народного хозяйства (Комитет по делам металлургической промышленности, Химический комитет) или ведавшие специальными направлениями этого регулирования (русский правительственный комитет в Лондоне). Этот переход привел к выдвиганию и принципиальному решению проблемы государственно-монополистического капитализма в России и его особенностей (три статьи в т. 57, по две в т. 69, 75, 83). Тогда же началась исследовательская разработка истории экономической политики Временного правительства (П. В. Волобуев — т. 67, 69, 73) и деятельности банков и банковских монополий (т. 55, 58, 64, 66, 73, 78, 84).

Главный итог конкретного изучения проблемы состоит в пересмотре положений о слабости, недоразвитости монополистического капитализма в России, о ее полукOLONиальном положении в системе мирового империализма. В России имелись налицо материально-технические и организационные предпосылки для победы пролетарской революции и приступа к социалистическому строительству — этот тезис обоснован теперь достаточно полно и всесторонне.

Другой итог состоит в активном выходе исследователей монополистического капитализма в сопредельную, смежную проблематику — смежную как в плане хронологическом, так и тематическом. Отмеченное выше расширение хронологических рамок изучения проблемы не остановилось на рубеже Великой Октябрьской социалистической

революции. От выяснения предпосылок проведения социалистических преобразований в области экономики исследователи российского империализма обратились к вопросу их использования в первые послереволюционные годы. Это сделано как на примере органов по общему и непосредственному регулированию (т. 69, 90), так и целых отраслей народного хозяйства (т. 86) ⁷.

Вместе с тем вывод о раннем возникновении государственно-монополистических тенденций в России с момента перехода к империалистической стадии развития выдвинул вопрос о причинах такого явления и привел к изучению экономической политики царизма пореформенного времени (проблема «насаждения капитализма сверху»; цикл исследований И. Ф. Гиндина, одна из работ — т. 82), а вслед за тем аграрной политики (М. С. Симонова — т. 75, 81, 83) и специально — политики по отношению к дворянству (т. 88). Выход в социальную проблематику — таково еще одно направление, выросшее на базе изучения монополистического капитализма в России. В наибольшей степени продвинулось исследование российской буржуазии (В. Я. Лаверычев — т. 70, 99; см. также т. 92, 97). Появляются и первые работы о российском дворянстве (т. 87). В итоге к сложившемуся уже циклу работ о российском пролетариате (т. 46, 54, 67, 70, 72, 79, 81, 91, 98) прибавились исследования об эксплуататорских классах.

По проблеме социальной структуры России, ее динамики на протяжении периода капитализма формируется научное направление. И вряд ли в этой связи случаен рост интереса к вопросам демографии. Он зафиксирован и «Историческими записками» (т. 88).

И, наконец, выход исследователей российского империализма в социально-политическую тематику (т. 77, 97) и через нее — к различным проблемам революционно-освободительного движения (т. 92). Таков еще один сдвиг научных интересов, отраженный в «Исторических записках».

Обобщая сказанное, можно констатировать, что на рубеже 60—70-х годов наметился и к настоящему времени произошел переход от преимущественной разработки социально-экономической проблематики периода российского империализма к проблематике социально-политической в рамках капиталистической эпохи в целом. Обозначился и выход в следующий уровень общественной структуры — общественно-политическую мысль и проблемы культуры капиталистической России.

Внешняя политика России и международные отношения второй половины XIX—начала XX в.

Освещение в «Исторических записках» разработки внешнеполитической проблематики в советской историографии за последние 40 лет в целом подтверждает выводы, сделанные по предыдущим разделам: журнал не только отражал процесс развития советской науки, но публикуемыми материалами активно влиял на этот про-

цесс, способствовал углублению методологии изучения внешнеполитической истории, поднимал новые проблемы, стоящие на стыках внешней политики с другими аспектами государственной политики и общественной деятельности, стимулировал комплексность исследований, выдвигая на первый план задачу выяснения взаимосвязей между различными факторами внешней и внутренней политики — социально-экономическими, политическими, военными и психологическими, тем самым уточняя и углубляя общую картину международных отношений, показывая диалектику и взаимообусловленность общеисторических процессов эпохи. Хотелось бы подчеркнуть и другую сторону деятельности журнала — научную и политическую актуальность большинства публикуемых внешнеполитических статей, вскрывавших исторические корни, тенденции тех или иных явлений современной международной жизни.

Несмотря на систематичность, сравнительную равномерность публикации внешнеполитических материалов на протяжении всех ста томов, хронологическое и тематическое распределение материала не было равномерным. Основное внимание уделялось периоду империализма, т. е. с конца XIX в. до 1917 г. включительно. Из 39 статей лишь в восьми исследовались международные отношения второй половины XIX в., и то главным образом 80—90-х годов, т. е. периода перехода от капитализма к империализму.

Изучению подверглись узловые проблемы международных отношений и внешней политики России второй половины XIX в. Большинство статей носило, так сказать, крупномасштабный, постановочный характер, что частично можно объяснить недостаточной разработанностью в советской историографии 40—50-х годов внешнеполитической проблематики XIX в. В серии статей А. Л. Наронниченко были рассмотрены некоторые важнейшие проблемы дальневосточной политики крупнейших капиталистических государств и России (т. 19, 24, 44)⁸. А. Л. Попов исследовал среднеазиатский узел противоречий, уделив основное внимание англо-русскому соперничеству в этом районе (т. 7, 9). Уяснению сложного комплекса причин и мотивов движения царской России в Среднюю Азию и Закавказье и колониальной политики царизма в целом способствует ряд статей, выходящих за рамки чисто внешнеполитической проблематики: об экономических интересах царизма в этих регионах (статьи М. К. Рожковой и др. — т. 8, 18, 66, 67, 99), о национально-освободительных движениях (т. 10, 12). В. М. Хвостову принадлежит приоритет в советской исторической науке в раскрытии роли России как единственной в тогдашней Европе силы, сдерживавшей агрессивные устремления германского милитаризма; он поставил проблему предыстории франко-русского союза (т. 18)⁹. Необходимо отметить, однако, что в дальнейшем, начиная с 50-х годов, проблематика международных отношений и внешней политики России второй половины XIX в. не получила в журнале своего развития. Публикация статей этой проблематики носила эпизодический характер, и посвящены они были сравнительно частным вопросам (т. 69, 99).

В центре внимания специалистов по внешней политике России периода империализма были главные проблемы эпохи — происхождение первой мировой войны, военная и дипломатическая история самой войны и внешнеполитические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. Заслуга в постановке и начале разработки крупных внешнеполитических проблем эпохи принадлежала старшему поколению советских историков-международников, выступивших со своими статьями на страницах «Исторических записок» незадолго или сразу после Великой Отечественной войны. Цикл статей Б. А. Романова, статья Гальперина, посвященные дипломатической истории русско-японской войны 1904—1906 гг., осветили важный период перестройки международных отношений на Дальнем Востоке в начале XX в., в связи с образованием Антанты (т. 8, 10, 46, 50)¹⁰. Статьями Ф. И. Нотовича, в которых была представлена общая картина нарастания империалистических противоречий между крупнейшими капиталистическими державами и усиления агрессивных тенденций германского империализма в 1907—1914 гг., было положено начало освещению в журнале проблем происхождения первой мировой войны, роли и места царской России в ее возникновении (т. 17, 23).

Конкретное раскрытие содержания этих проблем принадлежало более молодому поколению историков, пришедших в науку в начале 50-х годов. Оно шло по линии нарастания комплексности исследования, расширения проблематики и выявления взаимосвязей различных факторов внешней и внутренней политики. Это выразилось не только в том, что внешняя политика России стала изучаться в плане выявления всего комплекса политических, военных и финансово-экономических отношений царизма с другими странами, прежде всего с союзниками — Францией и Англией, и в разных регионах (т. 29, 50, 59, 64, 77, 81), но и освещение чисто дипломатической истории обрело более широкие и емкие рамки: внешнеполитические отношения стали рассматриваться в свете более полного отражения в них экономических, военно-стратегических и прочих интересов государств (см., например, статью И. И. Астафьева о Потсдамском соглашении 1914 г. — т. 85)¹¹.

Дипломатическая подготовка России к мировой войне стала изучаться в связи с программами развития вооруженных сил, военно-стратегическими планами России (т. 77). В свою очередь рассмотрение этих вопросов тесно связано с выявлением военно-экономического потенциала России (т. 99), с военно-экономической политикой правительства и монополий, влиянием иностранных капиталов на развитие военной промышленности, внутриполитической борьбой в правящих классах за распределение средств для армии и флота и т. д. (серия статей К. Ф. Шацилло и др. — т. 64, 69, 74, 75, 83)¹². Таким образом, устанавливалась тесная взаимосвязь внешней и внутренней политики страны.

Расширение представлений о дипломатической и военной подготовке России к войне, как и исследования политической системы третьеиюньской монархии (т. 53, 62), поставило на очередь пробле-

му социальной природы внешней политики царской России. Статьи И. В. Бестужева, посвященные борьбе классов и партий в России в 1907—1914 гг. по вопросам внешней политики, показали увеличение влияния Государственной думы и буржуазно-помещичьего общественного мнения на определение внешнеполитического курса страны, что явилось отражением общего процесса дальнейшей эволюции царизма к буржуазной монархии (т. 64, 75)¹³. Эта проблематика, однако, в дальнейшем не была развернута на страницах издания.

Заметный вклад внесли публикации «Исторических записок» в изучение военно-политической роли России в период первой мировой войны, в освещение внешнеполитических условий перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1917 г. Поднятая А. Л. Сидоровым проблема военно-экономических связей России с союзниками и США (т. 15)¹⁴ была в дальнейшем продолжена (т. 29, 57, 81, 83)¹⁵ и развита в плане освещения этих отношений по общим политическим и военно-стратегическим вопросам ведения войны (т. 59, 75, 77, 79, 83)¹⁶.

Нет необходимости подчеркивать резко возросшую взаимосвязь в условиях мировой войны всего комплекса поднятых выше вопросов с проблемами внутреннего развития страны, нашедшими отражение на страницах «Исторических записок», — работой военной промышленности и производством вооружений, возникновением и развитием политического кризиса «верхов» и особенно нарастанием революционного движения в армии и в тылу. В ряде статей было показано определяющее влияние последнего на изменение форм и методов внешней политики Временного правительства, в главном вопросе — продолжение мировой войны — оставшегося преемником империалистической политики царизма (т. 67, 89)¹⁷. Публикации «Исторических записок» показали две противоположные политические позиции по вопросам мира и развития революции в России: контрреволюционный курс Временного правительства продолжения войны во имя якобы спасения революции (т. 56, 73, 75, 87, 93), а также попытки Антанты осенью 1917 г. заключить сепаратный мир с Германией за счет России для того, чтобы с ее помощью удушить русскую революцию (т. 77)¹⁸, и большевистский курс на революционный выход из империалистической войны, поддержанный подавляющим большинством народных масс России (т. 75, 81).

Два обстоятельства: то, что «Исторические записки» являются органом Института истории СССР АН СССР, ведущего центра изучения отечественной истории, и второе — это издание, публикующее исследования на завершающем этапе разработки проблемы, — позволяют им в достаточно полном и «спрямленном» виде отражать развитие исторической науки. С другой стороны, за 40 лет издание нашло и достаточно последовательно применило свои, ему лишь свойственные и для него лишь характерные пути и средства воздействия на развитие науки. Они состоят в *выявлении и всяческом содействии развитию перспективных научных направлений*. Вряд ли случаен интерес издания к исследованиям историографического типа с преиму-

№ п/п	Количество авторов	Проблематика	Количество статей	1955					1956				1957			1958		1959		1960		1961			1962		1963	
				50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74
1	14	Экономика капитализма	16																1	1		1						1
2	9	1-я рев. ситуация	13					1			1	1				1						1						
3	40	Буржуазные реформы 60—70-х гг.	44				1	5						1	1						3	1	1	1	1	1	1	3
4	8	II период освобод. движения. Революционное народничество	10					1													1			1	1	1		
5	2	Рабочий класс	2																					1		1	1	
6	6	Дворянство	7					1																1				
7	10	Буржуазия	9																									
8	38	1895—1904	51	1		1	1	1	1	2	1																	
9	5	1905—1907	7					1						1	1						1			1				
10	11	1908—1913	16					1					1	1									1				1	
11	18	1-я мировая война	20								1	1		1	3									1		1	1	
12	24	Февраль—октябрь 1917	40			2		1	2		2	2				1					1	1		2	1	2		
13	8	Монополистический капитализм в России	15					1						2														
14	22	Аграрный вопрос	30	2						1			1			2						1			1		1	
15	8	Внешняя политика	9																					1	1			
		Разная	290	3	—	3	3	12	3	4	6	4	5	6	—	2	3	2	4	3	8	3	5	6	2	3	5	5

№ п/п	Количество авторов	Проблематика	Количество статей	1965		1966		1967		1968		1969		1970		1971		1972		1973		1974		1975		1976		1977	
				75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
				1	14	Экономика капитализма	16	1					1	2								1							
2	9	1-я рев. ситуация	13				1						1																
3	40	Буржуазные реформы 60—70-х гг.	44				1	1							1	1	1	1	1							1	1		
4	8	II период освобод. движения. Революционное народничество	10						1																				
5	2	Рабочий класс	2													1	1						1						
6	6	Дворянство	7																										
7	10	Буржуазия	9			1				1		1									1				1	1			1
8	38	1895—1904	51			2				1	2				1						2	1				1			
9	5	1905—1907	7								1	2			1						1								
10	11	1908—1913	16	1	1		1			1		1																	
11	18	1-я мировая война	20	1						4						2	1												
12	24	Февраль — октябрь 1917	40	3		1					3	1		1						1									1
13	8	Монополистический капитализм в России	15	1						1		1																	
14	22	Аграрный вопрос	30	2	1					1	2		1						1			2							2
15	8	Внешняя политика	9								1					1													
		Разная	290	8	1	5	1	3	1	9	4	9	3	2	3	4	6	3	2	4	5	—	1	7	1	3	2	5	

пественным вниманием к развитию советской исторической науки. Подобные исследования чрезвычайно важны не только для подведения итогов сделанного, но для оценки перспектив развития науки, для выявления «ударных» тем и перспективных направлений. Что же касается содействия развитию этих последних, то оно оказывается единственным, но зато и наиболее эффективным образом: публикация вне очереди, преимущественная публикация исследований, относящихся к активно развивающимся научным направлениям. Как показывает все изложенное выше, именно этот принцип и осуществлялся «Записками» на протяжении всех сорока лет и всех ста томов. Руководствуясь этим принципом, нельзя, разумеется, достигнуть равномерности, пропорциональности отражения на страницах издания всех разделов отечественной истории или всей проблематики, над которой работает Институт истории СССР. Но зато достигается нечто гораздо большее и существенное. Как свидетельствует опыт «Исторических записок», развитие научного направления рано или поздно приводит к выходам в смежные, сопредельные темы и уровни исторической науки. Количество этих выходов — один из показателей активности и перспективности научного направления. И именно эти выходы образуют, осуществляют связи различных разделов советской исторической науки друг с другом, связи как по горизонтали, т. е. в хронологическом отношении, так и по вертикали — ставящие в зависимость друг от друга различные уровни науки, образующиеся по мере восхождения от базиса к надстройке. И в итоге достигается *связанность* науки, соответствие ее разделов друг другу, их взаимная обусловленность, «стыкованность». Появляется и весьма эффективное средство проверки истинности полученных результатов: проверки на связанность.

Сорокалетний, столетний путь «Исторических записок», огромный материал, накопленный ими, требуют своего всестороннего осмысления именно в этом направлении. Цель данного обзора состояла прежде всего в показе возможности такой работы. Для ее осуществления нужен несколько иной, чем сейчас принято, вид историографического исследования. Сейчас в науке преобладает *проблемный* историографический очерк, задача которого состоит в изучении и выявлении логики развития данной проблемы. При выполнении такой работы неизбежно остаются в стороне, более того, сознательно отсекаются всякие другие побочные линии и отклонения, т. е. выходы в сопредельную смежную проблематику. Но если мы хотим выявить и зафиксировать все сложное, взаимоопределяющее, пересекающееся и проникающее движение науки и в итоге показать нарастание связанности и комплексности исследований, тогда то, что до сих пор исключалось, должно стать предметом надлежащего внимания, учета и изучения.

¹ Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР: Сб. статей. М., 1962, с. 259.

² См. о них — Там же, с. 260—263.

³ Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение

- в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965.
- ⁴ *Гвардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969.
- ⁵ Подробнее: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР, с. 263.
- ⁶ А. С. Нифонтов, в 1968 г. опубликовавший в «Записках» (т. 81) свое исследование по статистике урожая в России XIX в., впоследствии отмечал: «Замысел работы шел от опыта конкретно-исторического исследования различных сторон отечественной истории XIX в. Отсутствие специального труда по истории земледелия в России сказывалось на изучении всего процесса социально-политического развития страны... Упрощенно рисовался процесс расслоения крестьянских хозяйств, а тем самым и характер классовых противоречий в деревне... В конечном итоге не получили должного объяснения особенности освободительного движения в России с середины XIX в. (*Нифонтов А. С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974, с. 3).
- ⁷ Помещенное здесь исследование В. В. Журавлева о национализации частных железных дорог в нашей стране включает раздел о состоянии частного железнодорожного хозяйства накануне и в годы первой мировой войны. Он носит настолько обстоятельный характер, что данную работу можно с полным основанием «числить» как по периоду капитализма, так и по истории советского общества.
- ⁸ В 1956 г. был опубликован капитальный труд А. Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895 гг.»
- ⁹ Материалы данной статьи были использованы автором в докладе об историческом значении франко-русского союза, сделанном на X Международном конгрессе историков в Риме. См.: Десятый Международный конгресс историков в Риме, сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации. М., 1956.
- ¹⁰ См.: *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907. М.; Л., 1947. В 1955 г. вышло в свет дополнительное и расширенное второе издание книги.
- ¹¹ *Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения, 1905—1911 гг. М., 1973.
- ¹² *Шацилло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны, 1906—1914 гг. М., 1968.
- ¹³ *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906—1910. М., 1961.
- ¹⁴ Этот раздел в расширенном виде вошел в опубликованную посмертно книгу А. Л. Сидорова «Экономическое положение России в годы первой мировой войны» (М., 1973).
- ¹⁵ *Ганелин Р. Ш.* Россия и США, 1914—1917. Л., 1969.
- ¹⁶ *Емец В. А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977.
- ¹⁷ *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.
- ¹⁸ *Васюков В. С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966.

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»: 100 ТОМОВ. ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

Л. В. Волков

В «Исторических записках» было опубликовано 400 статей, сообщений и заметок по истории народов СССР до крестьянской реформы 1861 г., в том числе 144 — в 1937—1948 гг. (т. 1—27),

192— в 1949—1962 гг. (т. 28—72) и 64 — в 1963—1977 гг. В связи с усилением внимания к истории социалистической и капиталистической эпох, проявившимся с конца 40-х и особенно с начала 60-х годов, удельный вес работ по докапиталистической проблематике падал. При этом почти все они посвящены периоду феодализма. Лишь 5 работ касаются истории древних государств, которые принято считать рабовладельческими. Среди них наибольший интерес представляют статьи видных ученых Я. И. Манандяна и С. П. Толстова об общественном строе доаркашдской Армении (т. 15) и тирании Аброя (т. 3). Используя широкий круг источников, Манандян подверг убедительной критике представление о развитом рабовладении в древней Армении (до середины I в. н. э.) и пришел к выводу, что армянское общество той эпохи было полупатриархальным, полуфеодальным. Этот тезис и сейчас находит приверженцев, но точка зрения о господстве в древней Армении рабовладельческих отношений все же преобладает. То же следует сказать и о древних государствах Средней Азии, проблему общественных отношений в которых затронул С. П. Толстов. Он высказал мнение, что среднеазиатские оазисы второй половины V в. н. э. — это раннерабовладельческие города-государства. Представление Толстова о существовании в Бухаре тирании Аброя вошло в историческую науку.

Из работ, посвященных эпохе феодализма на территории СССР, следует в первую очередь сказать о статье Б. Д. Грекова «Волжские болгары в IX—X веках» (т. 14). Тщательно проанализировав свидетельства письменных источников об общественном и политическом строе Волжской Болгарии, исследователь пришел к выводу, что рабовладение не было господствующим способом производства у волжских болгар и что в IX—X вв. у них сохранились сильные пережитки первобытнообщинных отношений. Во время опубликования названной статьи (1945 г.) Б. Д. Греков придерживался представления, что это государство, как и Киевская Русь и Армения эпохи Тиграна Великого, было дофеодальным. Такое мнение, разделявшееся до дискуссии о периодизации истории СССР (1949—1951 гг.) большинством исследователей, было связано в значительной мере с тем, что во второй половине 30-х — в 40-х годах начальной гранью эпохи феодализма неправомерно считалось время перехода к феодальной раздробленности. Исходя из того что Волжская Болгария была относительно единой, Греков и высказал мнение о ней как о дофеодальном государстве. После упомянутой дискуссии так называемые дофеодальные государства (у тех народов, которые не знали рабовладельческой формации) с полным основанием были признаны раннефеодальными.

Наиболее значительные статьи из 14 работ по истории Киевской Руси, опубликованных в «Исторических записках», появились во второй половине 50-х — начале 70-х годов. Л. В. Черепнин в статье «Из истории формирования феодально-зависимого крестьянства на Руси» (т. 56) выяснил время появления в источниках, степень распространения, постепенное изменение значения терминов, обозначающих различные категории сельского населения Древней Руси, и

смог более полно, чем его предшественники, проследить процесс развития феодальных отношений на Руси в IX—XII вв.

Вопросам политической истории домонгольской Руси посвятили свои работы А. А. Зимин (т. 76) и Л. В. Черепнин (т. 89). Первый из названных авторов проследил процесс складывания и развития феодального права в Древней Руси под влиянием социально-экономического развития страны, второй — немало сделал для выяснения особенностей древнерусской государственности на разных этапах ее развития и в разных землях.

Как видим, труды по истории Киевской Руси, опубликованные в «Исторических записках» с середины 50-х годов, отличаются прежде всего тем, что в них ее социальный и политический строй рассматривается в развитии. Это одно из самых существенных достижений в изучении Киевской Руси за последние почти три десятилетия.

Что касается внешней политики Древнерусского государства, его международных связей, войн, которые оно вело, то отдельные важные вопросы данной темы получили обстоятельное освещение на страницах «Исторических записок» еще в 40-х годах (5 статей в т. 6, 18, 22, 26).

Работы по истории эпохи феодальной раздробленности на Руси были опубликованы в этом издании главным образом в конце 30-х — в 50-х годах (всего их 20). Особый интерес среди них представляет статья Л. В. Черепнина «Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв.» (т. 9). Здесь на основании материалов Московской митрополичьей кафедры были рассмотрены важнейшие вопросы социально-экономической и политической истории Северо-Восточной Руси в основном в эпоху феодальной раздробленности. Существенным достоинством статьи является то, что в ней дается сопоставление русских феодальных порядков с западноевропейскими. Полемизируя с буржуазными историками, Черепнин, в частности, показывает, что в Северо-Восточной Руси, как и на западе Европы, «узы вассалитета» были достаточно прочными. Основные вопросы истории Новгородской феодальной республики стали предметом рассмотрения А. В. Арциховского (т. 2). На основании данных о новгородских вотчинниках и лицах, занимавших высокие посты в Новгородском государстве, Арциховский убедительно доказал, что именно землевладельцы, а не буржуа, как полагал М. Н. Покровский, правили в Новгороде. Немало внимания ученый уделил обоснованию того, что Новгород — это республика.

В других работах по истории Руси эпохи феодальной раздробленности затрагивались более частные вопросы. При этом значительное внимание уделялось внешней торговле и внешней политике Новгорода (т. 28, 39, 62, 63 и др.), а также внутривнутриполитической истории Пскова (т. 20, 33, 50).

В «Исторических записках» напечатано 47 статей, целиком посвященных истории России конца XV—XVI в. В 25 из них рассматриваются вопросы внутренней политики Русского государства в ту эпоху. Это отражает интенсивность разработки данных вопросов со-

ветскими учеными, особенно на протяжении последнего двадцатилетия. Немалый вклад в науку внесен и опубликованными в «Исторических записках» трудами по аграрной истории России XVI в., которая тесно связана с политическими событиями того времени. Так, С. Б. Веселовский на основании актового материала показал, что во второй половине XVI в. за счет земель служилых людей росло монастырское землевладение (т. 10). Особенно значительным этот рост был в годы опричнины.

Большая часть работ по внутривосточной истории России конца XV—XVI в., напечатанных в «Исторических записках», посвящена времени правления Ивана IV. Однако и предшествующая эпоха привлекла к себе пристальное внимание. Очень большую работу по выяснению состава дворцовых чинов конца XV—XVI в., дьяческого аппарата и наместников второй половины XV — первой трети XVI в. проделал А. А. Зимин (т. 63, 87, 94). Весьма обстоятельна статья С. М. Каштанова о феодальном иммунитете в годы боярского правления (т. 66). На основании жалованных грамот ученых установил, как в эти годы менялась иммунитетная политика, что имеет немаловажное значение для выяснения особенностей политики отдельных боярских правительств в целом. Н. Е. Носов подробно остановился на истории проведения губной реформы в конце 30-х — начале 40-х годов (т. 56). Осуществление боярско-княжеской аристократией этой реформы, которая способствовала централизации управления, историк объясняет ее страхом перед усилением классовых борьбы.

В ряде исследований анализируется политика «Избранной рады», слабо изученная в дореволюционной и ранней советской историографии. Эта политика в целом стала предметом рассмотрения в статье С. В. Бахрушина (т. 15). Историк высказал обоснованное предположение, что «Избранная рада» — это ближняя дума царя, и наметил ее состав. Высокую оценку Бахрушин дал реформам «Избранной рады», подчеркнув, что они способствовали централизации государственной власти. Вместе с тем ученый писал о компромиссе между различными слоями класса феодалов, отразившемся в политике «Избранной рады». Такое представление получило широкое распространение среди советских историков. На страницах «Исторических записок» его обосновывали Б. А. Романов (т. 38, 52) и А. А. Зимин (т. 55).

Нельзя не упомянуть об источниковедческих статьях Д. Н. Альшица, посвященных припискам к лицевым летописным сводам (т. 23, 25). На основании тонкого анализа приписок, сопоставления их с другими источниками исследователь высказал мнение, что их автором был Иван IV, а главное, как представляется, доказал недостаточную достоверность сведений приписки к Царственной книге о боярском мятеже 1553 г. К сожалению, И. И. Смирнов, выступивший со специальной статьей об этом мятеже (т. 43), не учел исследований Альшица и дал подробное изложение событий по приписке к Царственной книге. В этой статье проявилось стремление к непомерному возвеличиванию Грозного. Идеализировалась политика

Ивана IV и в статье И. У. Будовница «Иван Грозный в русской исторической литературе» (т. 21). Однако для «Исторических записок» с их академизмом в лучшем значении этого слова в общем не было характерно бездоказательное восхваление деятельности Грозного. Весьма критическое отношение к ней было у С. Б. Веселовского, в 40-е годы опубликовавшего здесь три работы по истории России XVI в. Немалый интерес представляет его статья, касающаяся испомещения «избранной тысячи» под Москвой. Историк показал отличие земельной политики 1550 г. от той, которая проводилась в годы опричнины, но вместе с тем обратил внимание на то, что опричники, как и тысячники, набирались из состава государева двора. Веселовский высказал обоснованное мнение, что Грозный «всегда ценил породу, родовитость своих людшек»¹. Однако Веселовский склонен был недооценивать значение объективно существовавших противоречий между различными слоями светских феодалов. Вообще, труды этого исследователя старой школы отличались определенной описательностью. Это относится и к весьма ценной статье Веселовского «Последние уделы в Северо-Восточной Руси» (т. 22). В ней ученый показал, при каких обстоятельствах ликвидировались уделы в годы правления Ивана IV. Он пришел к заключению, что в политике Грозного в отношении уделов не было ничего принципиально нового. Эту точку зрения поддержал видный специалист по истории опричнины Р. Г. Скрынников, который в статье «Опричнина и последние удельные княжения на Руси» (т. 76), полемизируя с С. М. Каштановым и А. А. Зиминим, по нашему мнению, убедительно доказал, что трудно говорить об антиудельной направленности опричной политики. Вместе с тем Скрынников указывал, что, способствуя «развитию русской монархии в направлении к абсолютизму», опричнина опосредованно воздействовала «также на судьбы последних уделов на Руси»².

История опричных финансовых приказов стала предметом обстоятельного исследования П. А. Садикова (т. 10). Земским соборам времени правления Грозного посвятили свои работы А. А. Зимин (т. 71) и С. О. Шмидт (т. 76). При этом последний остановился на известиях, которые, с его точки зрения, подтверждают созыв при Грозном целого ряда соборов. Состояние источников таково, что мнение Шмидта о значительном количестве соборов, имевших место в 60-х — начале 80-х годов, естественно, не является бесспорным³. Однако историк, думается, правильно охарактеризовал особенности соборов XVI в., подчеркнув, что тогда происходило лишь становление сословных учреждений.

Политике правительства Бориса Годунова посвящена только статья П. П. Смирнова о посадком «строении» при этом царе (т. 4). Она имеет весьма важное научное значение, ибо в ней впервые показано, что при Годунове проводилось «строение» ряда посадов, предвосхитившее посадское «строение» середины XVI в. Смирнов совершенно правильно указывал, что в своей политике в отношении посадов правительство Годунова руководствовалось фискальными интересами.

Необходимо подчеркнуть, что работы по внутриполитической истории России XVI в., напечатанные в «Исторических записках», представляют собой очень весомый вклад в изучение данной темы. В частности, на большом фактическом материале была показана противоречивость политики Грозного, которая раньше зачастую трактовалась упрощенно.

Меньше внимания было уделено внешней политике Русского государства конца XV—XVI в. Однако и эта тема получила освещение в ряде содержательных работ (т. 27, 34, 76 и др.). Среди них, с нашей точки зрения, особое значение имеет сообщение И. П. Шаскольского (т. 35), в котором путем установления на основании писцовых книг границ прибалтийских уездов, оставшихся за Россией после окончания Ливонской войны, было доказано, что эта война не привела к полной потере нашей страной выхода к Балтийскому морю.

В нескольких ценных статьях затрагивается история Великого княжества Литовского в XV—XVI вв. Среди них особое значение, с нашей точки зрения, имеет статья Д. Л. Похилевича «Движение феодальной ренты в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв.» (т. 31), в которой было показано, что к середине XVI в. в Литве и Белоруссии широкое распространение получила денежная рента, а с этого времени проявилась тенденция к развитию барщины.

В основной массе статей «Исторических записок» освещаются вопросы истории позднефеодальной России. Большую часть этих статей составляют локальные исследования. Однако публиковались и проблемные статьи. Это прежде всего работа Н. И. Павленко «О некоторых сторонах первоначального накопления в России (По материалам XVII—XVIII вв.)» (т. 54). Павленко справедливо связывал первоначальное накопление в нашей стране с ростом налогового гнета, владельческих повинностей, которые в свою очередь объяснял развитием товарно-денежных отношений, рынка. Определенное внимание историк уделил отходничеству крестьян, с полным основанием отметив, что «отходник — своеобразная для России фигура первоначального накопления»⁴. Все же в связи с неразработанностью вопроса об экспроприации непосредственных производителей в России Павленко уделил ему сравнительно мало внимания. Более полно был освещен ученым вопрос о накоплении капиталов. В частности, на конкретном материале Павленко показал значение откупов и подрядов для обогащения купцов. Совершенно справедливо историк указывал на противоречивую роль российского абсолютизма в процессе первоначального накопления.

Обобщение наблюдений и выводов советских историков о барщинном хозяйстве, связанном с рынком, в различных регионах европейской части СССР давалось в статье З. К. Янель (т. 78). Основное внимание в ней уделялось лучше изученной барщинной системе Прибалтики, Украины и Белоруссии, при этом делались интересные сопоставления ее с той системой барщинного хозяйства, которая получила распространение в Центральной России с XVIII в. Янель показала роль внешнего рынка для возникновения и развития фоль-

варков, остановилась на реакционной роли барщинного хозяйства в процессе социально-экономического развития.

Среди 39 конкретных исследований по аграрной истории позднефеодальной России, преимущественно относящихся к концу 30-х — 50-м годам, особое значение имеют статьи А. А. Новосельского, В. И. Шункова, П. И. Лященко, И. Д. Ковальченко. Новосельский сделал чрезвычайно важное наблюдение, что в первой половине XVII в. в южные уезды Московского государства бежали главным образом довольно зажиточные крестьяне со своими семьями (т. 16). В. И. Шунков показал, что в XVII в. были достигнуты значительные успехи в развитии земледелия в Западной Сибири (т. 11). Это выразилось в том, что к концу века Сибирь начинала обходиться без хлеба, привозимого из Европейской России.

П. И. Лященко в статье «Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в.» (т. 15) на основании широкого круга архивных источников пришел к заключению, что технический уровень сельского хозяйства России на протяжении XVIII в. почти не изменился. По мнению Лященко, в конце этого столетия в нашей стране начался кризис крепостного сельского хозяйства. Такой вывод делался на основании некоторых свидетельств современников о «падении» сельского хозяйства, о низкой производительности труда на барщине и т. п. Следует заметить, что вопрос о критериях кризиса крепостного хозяйства Лященко не был разработан.

Данный вопрос получил разработку в статье И. Д. Ковальченко о хозяйстве барщинных крестьян в Рязанской и Тамбовской губерниях в первой половине XIX в. (т. 56). На основании подворных описей четырех крупных имений Гагариных историк показал, что в 30—50-х годах в отличие от предшествующих десятилетий крестьянское хозяйство этих имений переживало хронический упадок, не обеспечивая в общем даже простого воспроизводства. Ковальченко привел данные, что в большинстве других имений Рязанской и Тамбовской губерний положение было еще хуже, чем у Гагариных. При этом упадок крестьянского хозяйства вел к упадку и помещичьего. Из своего исследования Ковальченко делал вошедший в историческую науку вывод о кризисе феодально-крепостнической системы в России с 30-х годов XIX в.⁵, когда уже исчерпались возможности развития производительных сил на крепостнической основе (это и было проявлением кризиса).

В ряде работ изучалась проблема расслоения крестьян в России конца XVIII — первой половины XIX в. В 4-м томе «Исторических записок» были опубликованы сразу три статьи по данной проблеме — Г. Н. Бибикова, Е. И. Драхохруст и П. Г. Рынτζюнско. В них на основании подворных описей и писем крестьян констатировалось, что в оброчной деревне конца XVIII — начала XIX в., где большое развитие получили промыслы, расслоение крестьян было весьма значительным, а в барщинной имели место общее обеднение крестьян и нивелировка их имущественного положения. Такие наблюдения, несомненно, имели важное научное значение.

Новый шаг вперед в разработке названной выше проблемы сде-

дал И. Д. Ковальченко. В его статье «О характере и формах расслоения помещичьих крестьян России в первой половине XIX в.» (т. 78) использовались подворные описи крестьянских хозяйств сельскохозяйственных и сельскохозяйственно-промысловых сел и деревень, принадлежащих Гагариным, а также промыслового села Великого Ярославского уезда, часть из которых была обработана на электронно-вычислительной машине. Ковальченко пришел к заключению, что в этом селе капиталистическое расслоение крестьян наблюдалось в ярко выраженной форме, в сельскохозяйственно-промысловой деревне оно уже началось, а в сельскохозяйственной среди крестьян имело место лишь «мелкотоварное» расслоение. На значительном фактическом материале исследователь показал, что крепостническая эксплуатация не способствовала расслоению крестьян.

Новым моментом в изучении истории русского крестьянства в последние годы является то, что внимание исследователей все больше привлекает история сельской общины. В. А. Александров в статье «Сельская община и вотчина в России (XVII — начало XIX в.)» (т. 89) на основании помещичьих инструкций, вотчинной переписки и других материалов сделал интересные наблюдения о разных вариантах взаимоотношений между помещиками и общинами, констатировал большую роль общины в оброчной деревне, чем в барщинной.

В «Исторических записках» было опубликовано 14 работ по аграрной истории отдельных народов СССР в позднефеодальную эпоху. Среди них наиболее интересными являются статьи Д. Л. Похилевича о движении феодальной ренты в Литве и Белоруссии в XVII—XVIII вв. (т. 37, 39). Исследователь выяснил, что в XVII — первой половине XVIII в. крестьяне Великого княжества Литовского переводились с барщины на денежный оброк, а во второй половине XVIII в. имел место обратный процесс. Такой значительный «зигзаг» в развитии барщинного хозяйства Литвы и Белоруссии Похилевич объяснял прежде всего неустойчивостью обстановки в период Тридцатилетней войны, затруднявшей внешнеторговые связи, и разорением Великого княжества Литовского в последующее время. Он попытался ответить на вопрос, почему в Германии и Польше последствия разорения были иными, чем в Белоруссии и Литве.

Как видим, многие важные вопросы аграрной истории народов СССР в XVII — первой половине XIX в. получили освещение на страницах «Исторических записок».

Много ценных статей опубликовано и по истории промышленности и торговли на территории СССР в позднефеодальную эпоху (все-го их 60). Среди работ о развитии промышленности в России XVII в. преобладают статьи по истории ремесла и мелкого товарного производства (это, видимо, в немалой мере объясняется тем обстоятельством, что мануфактурное производство Русского государства XVII в. было довольно обстоятельно изучено еще в ранней советской историографии). Причем была опубликована лишь одна работа, основным предметом рассмотрения которой является уровень развития ремесла и социальные отношения среди ремесленников (в остальных главное внимание уделялось вопросам организации ремесла и свя-

зи производства с рынком). Это статья М. Я. Волкова «Ремесленное и мелкотоварное производство юфти в России во второй половине XVI — первой половине XVII в.» (т. 92), написанная прежде всего на основании писцовых и переписных книг. Путем скрупулезного анализа источников исследователь выяснил неверно освещавшийся до него важный вопрос об узкой специализации в кожевенном производстве, получившей широкое распространение в первой половине XVII в. Основной вывод Волкова сводится к тому, что к середине века в изучаемой им отрасли были созданы предпосылки возникновения более высоких, чем мелкое товарное производство, форм промышленности.

Определенную разработку на страницах «Исторических записок» получил вопрос о том, существовали ли в Русском государстве XVII в. ремесленные объединения, подобные западноевропейским цехам. Большинство авторов — В. И. Шунков (т. 5), К. А. Пажитнов (т. 8), Е. М. Тальман (т. 27) — с полным основанием отвечали на данный вопрос отрицательно.

С интересной статьей по истории предприятий XVII в., принадлежавших некоторым крупным торговцам, выступил С. В. Бахрушин (т. 8). Историк показал, что предприниматели XVII в., вкладывавшие капитал в производство, зачастую разорялись. Он с полным правом писал о слабости торгового капитала того времени.

Работы по истории промышленности России в XVIII — первой половине XIX в. представлены в основном статьями о крупном производстве, получившем в то время сравнительно большое развитие. Все же определенное внимание уделялось и мелкой промышленности. Так, А. Л. Шапиро в статье о крестьянских промыслах и мануфактурах в России XVIII в. (т. 34), написанной на основании разнообразных архивных материалов, выразил несогласие с мнением П. Г. Любомирова о преобладании крупной промышленности над мелкой в ту эпоху, приведя сведения, что последняя обслуживала массовый спрос. Исследователь показал, что на базе промыслов в 30—40-х годах XVIII в. возникает крестьянская текстильная мануфактура.

В исследованиях по истории крупной промышленности, основанных на разнообразных архивных источниках, много внимания уделялось вопросу о формировании кадров рабочей силы на предприятиях и о характере эксплуатации отдельных категорий рабочих. При этом в статье И. С. Курицына «Формирование рабочей силы на текстильных мануфактурах в XVIII в.» (т. 5) отразилось старое одностороннее представление о крепостническом характере российских мануфактур XVIII в. Значительный шаг вперед в решении вопроса о социально-экономической сущности мануфактур того времени сделала Е. И. Заозерская, автор обстоятельных трудов по истории российской промышленности XVIII в. Она показала, что до 1721 г. на частных железоделательных заводах широко применялся наемный труд квалифицированных рабочих, хотя и существовали затруднения с обеспечением предприятий рабочей силой (т. 12). Немаловажной заслугой Заозерской было то, что она выдвинула обоснован-

ный тезис о сочетании наемного и принудительного труда, капиталистических и крепостнических элементов на мануфактурах Москвы середины XVIII в. (т. 33).

Вопрос о соотношении наемного и крепостного труда и о формировании рабочего класса в масштабах всей России на страницах «Исторических записок» получил освещение только в применении к предреформенному времени. Попытка выяснить число лиц наемного труда, а также крестьян-отходников накануне крестьянской реформы была предпринята в статье А. Г. Рашина «К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30—50-х годах XIX в.» (т. 53). Подсчеты автора представляют интерес, хотя, как указано в редакционном примечании к его статье, «ввиду несовершенства статистики в России первой половины XIX в.» они в некоторых случаях «носят гипотетический характер»⁶. Рашин пришел к выводу, что накануне реформы в России было около 4 миллионов лиц наемного труда. Эти данные представляются завышенными. В число лиц наемного труда Рашин включил и крепостных рабочих⁷.

Менее, чем проблема формирования рабочих кадров, разработан вопрос о другом важнейшем условии возникновения промышленных предприятий — вложении капиталов в производство. Данному вопросу были посвящены лишь две статьи — П. Г. Любомирова и Н. И. Павленко (т. 16 и 62).

Определенное внимание на страницах «Исторических записок» уделялось вопросу о техническом уровне и объеме промышленного производства в России XVIII — первой половины XIX в. и, в частности, о промышленном перевороте в нашей стране. Наиболее полное освещение этот последний вопрос получил в статье Б. В. Тихонова «Развитие свеклосахарной промышленности во второй половине 40-х и в 50-х годах XIX в. (К истории начала промышленного переворота)» (т. 62). Историк показал, что с середины 40-х годов началось систематическое введение паровых машин на сахарных заводах.

Работы по истории торговли позднефеодальной России, опубликованные в «Исторических записках», представляют собой очень заметный вклад в изучение данной темы. Особенно интенсивно изучалась внутренняя торговля Русского государства XVII в., что было не случайно: редакция «Исторических записок» поставила своей задачей «печатание работ, иллюстрирующих на конкретном историческом материале известное ленинское положение о возникновении в XVII в. всероссийского рынка»⁸. Были опубликованы статьи, посвященные ряду значительных рынков Русского государства XVII в. (т. 13, 20, 25, 34, 39 и др.). Почти все они написаны прежде всего на основании таможенных книг. В них, как правило, приводились сведения о пунктах, связанных торговлей с данным рынком, о его оборотах, о предметах торговли па нем и пр. Большинство авторов не ставило вопроса, в какой мере в XVII в. сложился всероссийский рынок. Лишь Е. В. Чистякова поставила его, придя к выводу, что особенности торговли того времени говорят о «начальной стадии образования всероссийского рынка»⁹. К статьям по истории формиро-

вания всероссийского рынка примыкает важная работа Н. В. Устюгова «Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в.» (т. 34), в которой на основании разнообразных архивных материалов и исследований историков было показано, что в России XVII в. различные отрасли ремесла в большей или меньшей мере перерастали в мелкое товарное производство. Исследователь констатировал значительную роль скупщиков на рынке ремесленных изделий во второй половине XVII в.

Ценные работы были опубликованы и по истории внутренней торговли России XVIII — первой половины XIX в. А. Л. Шапиро в статье «Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время» (т. 27) приходил к обоснованному заключению, что петровские преобразования способствовали развитию крестьянской торговли, несмотря на противоречивую торговую политику правительства Петра I. М. К. Рожкова в исследовании о значении ярмарок во внутренней торговле России первой половины XIX в. (т. 54), основанном на донесениях губернаторов и других материалах, привела интересные данные, свидетельствующие о развитии ярмарочной торговли на окраинах и упадке ее в центре страны в тот период. В этом явлении историк не без основания видел отражение кризиса феодально-крепостнической системы.

Из работ, посвященных торговым связям России с другими государствами (т. 27, 54, 91, 93, 98), особый интерес, думается, представляет статья Р. И. Козинцевой, в которой на основании материалов Сената и Кабинета Петра I детально исследован вопрос о роли казны в торговле разными товарами в первой четверти XVIII в. (т. 91), причем показано, что эта роль историками сильно преувеличивалась.

Таким образом, в работах по истории промышленности и торговли позднефеодальной России содержится очень большой фактический материал и дается, с нашей точки зрения, верное решение ряда важных проблем, прежде всего проблемы социально-экономической сущности российских мануфактур XVIII в. Преобладающее число этих работ было опубликовано в конце 30-х — в 50-х годах. (Так, после 1952 г. в «Исторических записках» не появилось ни одной статьи о формировании всероссийского рынка в XVII—XVIII вв.) Однако в последние годы обстоятельнее стала изучаться история ремесла (статья М. Я. Волкова) и более интенсивно, чем раньше, исследовались внешнеторговые связи России XVIII в.

Проблемы классовой борьбы в феодально-крепостническую эпоху всегда привлекали пристальное внимание советских историков. В «Исторических записках» напечатано 29 работ о самых различных проявлениях классовой борьбы народных масс в позднефеодальной России: крестьянских войнах, отдельных восстаниях и волнениях, самозванстве. Ряд работ посвящен истории первой и четвертой крестьянских войн в нашей стране. В статьях И. И. Смирнова (т. 20, 22) путем скрупулезного анализа опубликованных источников показаны широкий размах вооруженной борьбы накануне восстания Болотникова и социальный характер движения в Астрахани

в 1606—1607 гг. В. А. Фигаровский в статье «Крестьянское восстание 1614—1615 гг.» (т. 73) на основании разнообразных опубликованных и неопубликованных источников выяснил, что крестьяне некоторых северных уездов оказывали ожесточенное сопротивление попыткам закрепить их. В центре же его внимания находится движение казаков. Фигаровский сделал важный вывод, что события 1614—1615 гг. являются составной частью Крестьянской войны начала XVII в. Думается, что лишь в результате дальнейшего изучения ее может быть установлено, насколько правомерен такой вывод, находящийся в соответствии с проявившейся с конца 50-х годов тенденцией значительно расширить хронологические рамки первой крестьянской войны в России.

Работы по истории Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, опубликованные в «Исторических записках» (их всего пять), посвящены в основном повстанческому движению на заводах Урала и волнениям крестьян одной из крупных вотчин на Правобережье Волги (т. 8, 36, 58, 80). Их авторы значительно дополнили знания о внутренней жизни повстанческого лагеря, подробно остановившись, в частности, на обстоятельствах изготовления орудий и боеприпасов для восставших (статья А. В. Пруссак в т. 8).

Статьи и сообщения об отдельных крестьянских волнениях и крестьянском движении в определенные годы содержат немалый фактический материал, интересные наблюдения. Значительную научную ценность представляет небольшая статья Н. Л. Рубинштейна «К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х годов XVIII в.» (т. 40). На основании донесений новгородского генерал-губернатора историк показал, что после подавления восстания Пугачева острая классовая борьба крестьянства продолжалась. Рубинштейн справедливо отметил, что представление о длительной паузе в этой борьбе в большой мере связано с неизученностью вопроса, и указал на необходимость обращения к материалам местных архивов для восполнения пробела.

Среди работ, посвященных классовой борьбе крестьян в Российской империи первой половины XIX в., наиболее интересной является статья Ю. И. Герасимовой «Крестьянское движение в России в 1844—1849 гг.» (т. 50), написанная на основании документов III Отделения и Министерства внутренних дел. Автор показала, каковы были интенсивность и формы классовой борьбы крестьян в различных районах страны, как нарастало крестьянское движение по годам, чего добивались крестьяне. Герасимова сделала обоснованный вывод, что объективным содержанием борьбы российского крестьянства в 40-х годах XIX в. было отстаивание революционного пути буржуазного развития.

Крупный вклад в изучение своеобразной формы классовой борьбы — самозванства был внесен К. В. Сивковым, выступившим с обширной статьей «Самозванчество в России в последней трети XVIII в.» (т. 31). На основании документов Тайной экспедиции Сената автор подробно рассмотрел деятельность всех самозванцев 60—90-х годов XVIII в. (за исключением Е. И. Пугачева и княжны Тара-

кановой), показав, что, как правило, они представляли низы общества, особенно однодворческие массы. Рост самозванства в последней трети XVIII в. Сивков с полным основанием связывал с обострением классовой борьбы.

Несколько обстоятельных работ было посвящено крупным городским восстаниям в России XVII — начала XVIII в. Особенно полно отразили изучаемые события М. Н. Тихомиров в статье «Новгородское восстание 1650 г.» (т. 7) и В. А. Александров в работе «Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в.» (т. 59). Первый из названных авторов показал социальный характер выступления новгородцев, а второй выяснил, что движущей силой мощных сибирских восстаний конца XVII в., направленных против местной администрации, были служилые люди. В. И. Буганов вскрыл существенную роль служилых людей в «Медном бунте» (т. 66). Статья С. К. Богоявленского «Хованщина» (т. 10) — одна из наиболее значительных работ о восстании в Москве в 1682 г. В отличие от буржуазных авторов, сводивших события 1682 г. главным образом к борьбе между придворными группировками, Богоявленский убедительно обосновывал тезис о самостоятельном характере выступления стрельцов. Вместе с тем ученый, как представляется, верно подчеркивал ограниченность требований стрельцов, их стремление удовлетворить свои интересы за счет других представителей народа. При всем этом Богоявленский преувеличивал изолированность восставших стрельцов от посадских людей Москвы, которые, как он сам показал, готовы были совместно со стрельцами участвовать в борьбе на завершающем этапе восстания. Он склонен был преувеличивать и роль И. А. Хованского в событиях¹⁰. Само название его статьи нельзя признать удачным. В ней проявилась тенденция рассматривать восстание 1682 г. как реакционное движение, что характерно для советской исторической науки конца 30—50-х годов¹¹. Эта тенденция не заметна в статье Л. В. Черепнина «Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства» (т. 4), в которой показано, что под влиянием восстания в Москве в 1682 г. развернулось движение низов донского казачества, стремившихся объединиться со стрельцами.

Немало внимания уделялось социальным движениям народных масс (прежде всего крестьян) в национальных районах в XVII — первой половине XIX в. (т. 12, 13, 34, 55, 67 и др.).

Классовая борьба народных масс в позднефеодальную эпоху на страницах «Исторических записок» изучалась примерно с одинаковой интенсивностью и глубиной на протяжении конца 30-х — начала 60-х годов.

В «Исторических записках» было опубликовано 19 работ о декабристах. Большая часть из них напечатана в 96-м томе, посвященном 150-летию восстания декабристов. Однако несколько обстоятельных статей о декабристах появилось еще в 40-е годы. М. В. Нечкина выступила тогда с работами «Союз Спасения» (т. 23) и «План государственного переворота в день восстания 14 декабря 1825 г.» (т. 27). Она выяснила обстоятельства создания, личный со-

став и деятельность первого тайного общества декабристов. Установление плана переворота, который был у декабристов накануне восстания 14 декабря, — одна из наиболее существенных заслуг Нечкиной как декабристоведа. В «юбилейном» томе исследователь опубликовала интересную статью, в которой остановилась на основных направлениях дальнейшего изучения декабристского движения. В этой статье кратко охарактеризованы все другие работы тома, поэтому нам нет нужды их рассматривать. Следует заметить только, что с опубликованием статьи Н. А. Рабкиной «Декабрист Г. С. Батеньков в годы революционной ситуации» началось разрешение поставленной Нечкиной задачи вписать деятельность декабристов «в общественное движение и революционную борьбу последующего периода»¹².

Весьма ценные работы были напечатаны в «Исторических записках» и по истории революционного движения в России во второй четверти XIX в. И. А. Федосов в статье «Революционные кружки в России в конце 20 — начале 30-х годов XIX в.» (т. 59), написанной на основании материалов III Отделения, делал важное наблюдение, что деятели революционного движения того времени в отличие от декабристов уже начинали понимать необходимость участия в революции народных масс. В. Р. Лейкина-Свирская, используя следственное дело петрашевцев, полно осветила их практическую деятельность (т. 47).

Как видим, на страницах «Исторических записок» получил освещение ряд весьма важных вопросов революционного движения в Российской империи первой половины XIX в.

Уделялось внимание и внутривластной истории позднефеодальной России (ей посвящены 22 работы), прежде всего развитию бюрократического аппарата и социально-экономической политике самодержавия. Интерес к первой теме значительно усилился в последние годы в связи с начавшейся разработкой проблемы российского абсолютизма. С работами по ней в 1972 г. выступили Н. Ф. Демидова, автор сообщения «Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования)» (т. 90), и С. М. Троицкий, опубликовавший статью «Социальный состав и численность бюрократии России в середине XVIII в.» (т. 89). Демидова кропотливо изучает историю приказных людей как определенной сословной группы на основании громадного количества дел о назначении на должность, определении жалованья и пр. Значительное внимание она уделяет правительственной политике в отношении этой группы. Троицкий путем скрупулезного изучения материалов переписи чиновников середины XVIII в. выяснил, что среди бюрократии тогда преобладали лица недворянского происхождения, но высшие посты занимали, как правило, потомственные дворяне.

Большой интерес представляет обширная статья Н. Л. Рубинштейна об Уложенной комиссии 1754—1766 гг. (т. 38). Используя материалы Сената и самой Уложенной комиссии, историк осветил основные вопросы ее деятельности. Он установил наличие двух принципиально отличных одна от другой редакций проекта Уложе-

ния. В этом Рубинштейн с полным основанием видел отражение борьбы между более прогрессивной и реакционной дворянскими группировками. Саму эту борьбу ученый связывал с бурным хозяйственным развитием страны в середине XVIII в.

Перу Н. М. Дружинина принадлежит обстоятельная статья «Государственные крестьяне в дворянских и правительственных проектах 1800—1833 гг.» (т. 7). Он показал, что в первой трети XIX в. государственная власть не пошла на поводу у сторонников крайней крепостнической позиции в отношении государственных крестьян и стала сознательно стремиться сохранить и широко использовать «государственный феодализм».

Экономическая политика самодержавия (таможенная, в области кредитования и т. д.) исследовалась в некоторых статьях (т. 33, 44, 53, 69, 71 и пр.).

В ряде работ рассматриваются обстоятельства присоединения к России отдельных нерусских народов и показывается его прогрессивное значение (т. 7, 46), а также характеризуются политика самодержавия в отношении этих народов и их национальные движения. Образцом конкретного анализа политики самодержавия на национальных окраинах является статья Н. Ф. Демидовой «Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в.» (т. 68). Демидова показала, в частности, что русское правительство стремилось «приравнять всех башкир к государственным крестьянам»¹³. Однако свободное от схематизма изучение политики самодержавия в отношении нерусских народов и их национальных движений в советской исторической науке началось не сразу. До второй половины 40-х годов в ней господствовали представления, что царское правительство всегда стремилось опереться на национальных феодалов и что в освободительных движениях последние играли предательскую роль. Из таких представлений исходил В. И. Лебедев в ценной своим фактическим материалом статье «Башкирское восстание 1705—1711 гг.» (т. 1)¹⁴.

Значительный шаг вперед в изучении национальных движений нерусских народов России был сделан Н. В. Устюговым. В статье «Башкирское восстание 1662—1664 гг.» (т. 24) ученый, используя богатый архивный материал, показал, что мероприятия русского правительства накануне этого восстания противоречили в первую очередь интересам башкирских феодалов и что именно они стали инициаторами и руководителями движения. Давая общую оценку восстанию, Устюгов указал на наличие в нем и его результатах реакционных и прогрессивных черт¹⁵.

Отдельные проблемы истории внешней политики и войн позднефеодальной России, которым посвящено 35 работ, изучались неравномерно. Уделялось внимание национально-освободительной борьбе русского народа против польско-шведских интервентов в начале XVII в. (т. 8, 32, 40), войнам России с Польшей и Швецией в середине XVII в., дипломатической истории Северной войны (т. 7, 10, 30, 65 и др.), средиземноморской политике России в конце XVIII — начале XIX в., Отечественной войне 1812 г. и т. д. Остановимся на

работах, в которых, с нашей точки зрения, сделаны наиболее важные выводы.

С. С. Гадзяцкий на основании богатого архивного материала установил, что в середине XVII в. население Карелии и Ижорской земли всячески поддерживало русские войска (т. 11, 16). То же самое в отношении Смоленской земли и Белоруссии выяснил А. Н. Мальцев (т. 37). Г. К. Бабушкина, используя разнообразные источники, показала, что крымские походы русских войск 1687 и 1689 гг. играли существенную роль в действиях антитурецкой коалиции. Однако ее вывод о решающем влиянии этих «походов на прекращение турецкой экспансии в Европе»¹⁶ не получил убедительного обоснования.

П. Г. Алефиренко на основании архивного материала выяснила, что правительство Екатерины II весьма активно участвовало в борьбе с французской буржуазной революцией (т. 22).

Существенный вклад в разработку всей совокупности вопросов средиземноморской политики России в начале XIX в. вносит статья А. Л. Шапиро (т. 56), хотя автор использовал лишь опубликованные источники. Историк вскрыл и четко сформулировал цели этой политики и средства их достижения, которые менялись. В. Г. Сироткин, согласившись с основными выводами Шапиро, более полно, чем последний, осветил некоторые аспекты средиземноморской политики Александра I на основании документов МИДа (т. 67). Своеобразие политики царизма в греческом вопросе в 1798—1807 гг., связанное с его уступками «духу времени», показано А. М. Станиславской (т. 68), которая также использовала документы МИДа.

Попытку обосновать стратегическое значение московского пожара предпринял И. И. Полосин в пространной статье «Кутузов и пожар Москвы» (т. 34). Он много сделал для выяснения «хронологии и географии» пожара.

Таким образом, в работах по внешнеполитической проблематике наиболее полно и глубоко исследовалась политика царизма в Средиземноморье в конце XVIII — начале XIX в. Ей были посвящены статьи, изданные во второй половине 50-х — начале 60-х годов, основная же масса работ о внешней политике России XVII — первой половины XIX в. была напечатана раньше.

Есть еще одна тема, которой много внимания уделяли и уделяют советские исследователи, занимающиеся позднефеодальной эпохой, — история русской экономической и общественно-политической мысли XVIII — первой половины XIX в. В статьях И. С. Бака об экономических взглядах П. И. Рычкова (т. 16) и В. Н. Татищева (т. 54), о воззрениях Д. А. Голицына (т. 26) и А. Я. Поленова (т. 28) вскрываются основные особенности идей этих мыслителей. В последние годы весьма обстоятельно изучает биографию и воззрения В. Н. Татищева А. И. Юхт, выступивший со статьями о его деятельности на Урале в 1720—1722 гг. (т. 97) и поездке в Швецию (т. 88).

Сложный вопрос об особенностях революционности А. Н. Радищева получил освещение в статьях Э. С. Виленской «Радищев — первый идеолог крестьянской революции» (т. 34) и Ю. Ф. Карякина и

Е. Г. Плимак «О некоторых спорных проблемах мировоззрения А. Н. Радищева» (т. 66). Показав, что Радищев был идеологом крестьянства, Виленская вместе с тем проводила идею о нем как мыслителе, не окончательно утратившем веру в просвещенного монарха (при этом она опиралась на ряд высказываний Радищева). С таким выводом можно согласиться. Однако вызывает возражение утверждение Виленской, что Радищев был первым в мире мыслителем-революционером. Такое утверждение связано с характерной для конца 40-х — первой половины 50-х годов тенденцией преувеличения достижений России в области культуры, общественно-политической мысли и недооценкой воздействия передовых западноевропейских идей на русских мыслителей. Карякин и Плимак сделали, как представляется, не очень удачную попытку доказать, что в «Путешествии из Петербурга в Москву» либеральные идеи высказывались с целью их сатирического осмеяния.

Особое место среди работ по истории русской общественной мысли занимает статья М. М. Штранге (т. 39), в которой на основании документов Тайной экспедиции Сената и других источников было показано, что в разночинных слоях русского общества идеи Великой французской революции встречали немалое сочувствие.

Две интересные работы посвящены истории утопического социализма в позднефеодальной России. В статье И. И. Зильберфарба «Идеи Фурье в России в 30—40-х годах XIX в.» (т. 27) анализируются особенности разных оттенков русского фурьеризма, причем показывается, что ранняя русская социалистическая мысль отличалась своеобразием и самостоятельностью. Исследование влияния европейского утопического социализма на русскую общественную мысль 30—40-х годов было продолжено О. В. Орлик (т. 82), которая много внимания уделила вопросу о воздействии социалистических идей на либералов.

История русской общественной мысли в годы Крымской войны освещалась в работах Ш. М. Левина и И. Н. Ковалевой. Левин в статье «Герцен и Крымская война» (т. 29) тонко и глубоко исследовал особенности противоречивой позиции А. И. Герцена по отношению к этой войне. Ковалева в работе о славянофилах и западниках в период Крымской войны (т. 80), на наш взгляд, убедительно доказала принципиальное единство идей представителей этих двух течений русского либерализма, широко используя архивные материалы, в частности неопубликованные письма славянофилов. Следует заметить, что лишь в последние два десятилетия история либерализма в России начинает привлекать пристальное внимание советских историков¹⁷.

Таким образом, «Исторические записки» внесли немалый вклад в изучение истории СССР периода феодализма. В статьях, опубликованных в этом издании, была впервые достаточно полно показана эволюция общественного и политического строя Киевской Руси, обоснован вывод о феодальном характере Новгородской республики, выяснен ряд важных вопросов политической истории Русского государства XVI в., получила разработку проблема кризиса крепостни-

ческих отношений в сельском хозяйстве России, дан большой материал по истории промышленности нашей страны в позднефеодальную эпоху и о складывании всероссийского рынка, высказаны верные идеи об особенностях мануфактур в России, получили обстоятельное отражение различные формы классовой борьбы в XVII — первой половине XIX в., имело место преодоление схематизма в изучении политики царизма в отношении нерусских народов и их национальных движений. В 60—70-х годах расширилась проблематика исследований (появились статьи о сельской общине, воззрениях либералов), усилилось внимание к слабо разработанным ранее вопросам внутриполитической истории нашей страны.

- ¹ *Веселовский С. Б.* Первый опыт преобразования власти при Иване Грозном.— Ист. зап., т. 15, с. 68.
- ² *Скрынников Р. Г.* Опричнина и последние удельные княжения на Руси.— Там же, т. 76,
- ³ Оно было подвергнуто критике со стороны Н. И. Павленко. См.: *Павленко Н. И.* К истории земских соборов XVI века.— *Вопр. истории*, 1968, № 5.
- ⁴ *Павленко Н. И.* Некоторые стороны...— Ист. зап., т. 54, с. 417.
- ⁵ Значительно более полно этот вывод был обоснован в монографии И. Д. Ковальченко «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века» (М., 1967).
- ⁶ *Рашин А. Г.* К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30—50-х годах XIX в.— Ист. зап., т. 53, с. 144.
- ⁷ Там же, с. 166.
- ⁸ *Макаров И. С.* Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в.— Ист. зап., т. 14, с. 148.
- ⁹ *Чистяков Е. В.* Псковский торг в середине XVII в.— Ист. зап., т. 34, с. 212.
- ¹⁰ *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969, с. 140.
- ¹¹ Там же, с. 8.
- ¹² *Нечкина М. В.* 150-летний юбилей восстания декабристов.— Ист. зап., т. 96, с. 15.
- ¹³ *Демидова Н. Ф.* Управление Башкирией и повинности населения.— Ист. зап., т. 68, с. 112.
- ¹⁴ То же следует сказать и о В. И. Писареве, выступившем со статьей «Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в.» (т. 9).
- ¹⁵ Концепция Н. В. Устюгова в настоящее время разделяется не всеми историками. Но и те авторы, которые склонны видеть лишь прогрессивные стороны башкирских восстаний, признают существенный вклад, внесенный Устюговым в изучение одного из них (*Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII — первой трети XVIII в. Уфа, 1978, с. 6).
- ¹⁶ *Бабушкина Г. К.* Международное значение крымских походов 1687 и 1689 гг.— Ист. зап., т. 33, с. 172.
- ¹⁷ См. также: *Розенталь В. Н.* Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х годов XIX в. (по материалам «Русского вестника» за 1856—1857 гг.)— Ист. зап., т. 70.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

УЧАСТИЕ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОМИТЕТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК (МКИН) (1928 Г.—СЕРЕДИНА 30-Х ГОДОВ)

Лютц-Дитер Берендт
(ГДР)

Одной из важных сторон развития советской исторической науки в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции (с 1917 г. до середины 1930-х годов) являлась борьба за участие в международных организациях историков.

В исторической литературе международная деятельность советских историков во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов изучена недостаточно. В обобщающих работах по истории советской исторической науки эта проблема рассматривается фрагментарно¹. Интересный архивный материал по рассматриваемой проблеме приводит Л. В. Бадя², но и она ограничивается лишь рассказом о выступлениях А. М. Панкратовой на исторических конгрессах в Варшаве в 1933 г. и в Риме в 1955 г.

Е. А. Дудзинская в своей монографии о международных научных связях советских историков впервые дает сжатый очерк об их деятельности на международных исторических конгрессах и на пленумах МКИН с конца 20-х и до середины 30-х годов³.

Цель настоящей работы — исследование деятельности советских историков в Международном комитете исторических наук начиная с конгресса историков в Осло в 1928 г. и до середины 30-х годов. Его источниками является прежде всего современная советская периодика, публикации МКИН и материалы советских архивов.

VI Международный конгресс историков в Осло был первым историческим конгрессом, на который СССР получил официальное приглашение. В V Международном конгрессе историков в Брюсселе в апреле 1923 г. принимали участие историки, тогда еще не вставшие на марксистские позиции: В. В. Бартольд, Н. П. Оттокар и Е. В. Тарле. На конгрессе они рассматривались не как представители СССР, а лишь как представители Российской академии наук⁴. Созданный 14 мая 1926 г. Международный комитет исторических наук (МКИН) сначала сотрудничал только с Академией наук СССР. Постоянный секретарь Академии наук СССР С. Ф. Ольденбург стал ее представителем в Международном комитете исторических наук⁵, а член Академии Е. В. Тарле участвовал в разработке программы

международной организации историков⁶. Наряду с этим продолжались попытки приглашать на международные конференции в качестве самостоятельных делегаций группы антисоветских историков-эмигрантов⁷. В последний раз такое приглашение было сделано организаторами конференции историков Восточной Европы в Варшаве и Кракове в июле 1927 г., после чего советские представители не поехали на конференцию⁸.

Перелом в позиции МКИН по отношению к советской исторической науке произошел при подготовке к конгрессу в Осло, состоявшемуся 21 декабря 1927 г. Президент Комитета, председатель организационного комитета VI Международного конгресса историков норвежский историк проф. Хальдан Кут обратился с письмом к М. Н. Покровскому. Ссылаясь на официальное приглашение, направленное Советскому правительству и ВОКС, Кут выразил надежду, что «русские историки также придут к нам по этому случаю и примут участие в работе конгресса»⁹. Он оценивал как «ужасное упущение» то обстоятельство, что при создании МКИН не было советских представителей. Как президент МКИН, Х. Кут считал «потребностью и долгом сделать все возможное, чтобы дополнить международное сотрудничество историков вступлением русских коллег». Поэтому он «хотел бы убедительно просить своих коллег из Советского Союза прибыть в таком количестве, как это возможно, и принять самое активное участие в конгрессе в Осло»¹⁰. Обращаясь лично к Покровскому, он писал: «По отношению лично к Вам я хотел бы еще сказать, что меня особенно порадует, если я увижу у нас именно Вас. После того, что я узнал о Вашей научной деятельности, я думаю, что у нас имеются некоторые общие интересы в написании истории. Недавно я опубликовал книгу о крестьянской классовой борьбе в Норвегии (через несколько месяцев книга появится также на французском языке), а к конгрессу историков я представил доклад на тему: «Значение классовой борьбы в новой истории». Что Вы скажете об этой теме?»¹¹ В другом письме, от 5 апреля 1928 г., Кут вновь отметил, что он придает большое значение тому обстоятельству, «что русская наука с этого времени активно вступает в общую жизнь европейской науки» и «надеется, что мы взаимно сможем получить от этого большую пользу»¹².

Эти письма Кута доказывают возросший интерес к советской исторической науке со стороны прогрессивных буржуазных историков. Приглашение давало возможность советским историкам выступить на международном форуме. Поэтому Покровский отправил 17 января 1928 г. копию письма Кута заместителю народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинову с просьбой принять приглашение.¹³⁻¹⁴

После того как ЦК ВКП(б) и Совнарком одобрили участие советских историков в Международном конгрессе, под руководством М. Н. Покровского была составлена делегация, в которую входили В. В. Адоратский, В. П. Волгин, С. М. Дубровский, Е. А. Косминский, Н. М. Лукин, П. Ф. Преображенский, Е. В. Тарле, А. Е. Пресняков, Б. Л. Богаевский, М. С. Хручевский, В. А. Юренич.

М. Н. Злобченко, А. С. Федоровский, М. И. Яворский, а также Игнатовский и В. И. Пичета¹⁵⁻¹⁶.

Восемь делегатов — Адоратский, Дубровский, Игнатовский, Яворский, Юренич, Лукин, Покровский и Волгин — были членами партии. Из 9 беспартийных большинство уже перешло на марксистские позиции¹⁷⁻¹⁸.

М. Н. Покровский предложил в качестве делегата Международного конгресса историков А. М. Коллонтай, которая являлась автором ряда работ по истории женского революционного движения¹⁹. А. М. Коллонтай приняла активное участие в выступлениях советских историков в Осло. Она вместе с сотрудником советского посольства в Норвегии С. М. Мирным помогала советской делегации в ходе ее подготовки к конгрессу. В письме от 7 марта 1928 г. она писала Покровскому: «Профессор Кут — сам марксист, политически это человек радикально-левых убеждений, и мы рассчитываем, что Кут в качестве марксиста будет искать сближения и «смычки» с союзными делегатами. Вы бы очень облегчили нам подготовку почвы в этом направлении при переговорах и встречах с проф. Кутом, если бы сообразили нам имена намеченных участников союзной делегации на Конгрессе, curriculum vitae и, по возможности, прислали бы их научные труды»²⁰. Эти материалы должны были использоваться для того, чтобы показать в печати и в общественных кругах научные достижения советской делегации²¹. По свидетельству членов делегации, во время своего пребывания в Осло советские ученые не могли даже представить себе большей заботы, чем ту, которую проявляла о них А. М. Коллонтай²².

Окончательный состав советской делегации в Осло включал в себя М. Н. Покровского, В. В. Адоратского, Б. Л. Богаевского, С. М. Дубровского, М. И. Яворского, В. А. Юренича, Е. А. Косминского, Н. М. Лукина, В. И. Пичету, П. Ф. Преображенского и В. П. Волгина, а также И. И. Минца, который, однако, официально не входил в состав делегации²³. А. С. Федоровский, М. С. Хручевский, С. Я. Лурье и Е. В. Тарле, которые уже представили тезисы своих докладов, а также значившиеся в списке членов делегации конгресса Н. В. Кьюнер и А. Е. Пресняков по болезни не смогли принять в нем участие²⁴.

Приезд советских историков на конгресс в Осло был воспринят многими присутствующими учеными как сенсация²⁵. Небольшая советская делегация, которая составляла как раз один процент от 1033 участников из 40 стран, принимала активное участие в работе конгресса. Руководитель делегации М. Н. Покровский был избран членом президиума конгресса, В. В. Адоратский и В. А. Юренич были членами президиумов на заседаниях секций, а Б. Л. Богаевский выполнял функции секретаря секции древней истории²⁶. Советские историки выступили с 10 докладами, выступали в прениях.

Доклады советских ученых были встречены с большим интересом. Часто после них возникали оживленные дискуссии. Особое внимание было уделено М. Н. Покровскому, который на заключительном пленарном заседании сделал доклад «Возникновение русского аб-

соллютизма с точки зрения исторического материализма»²⁷. И. И. Минц сообщал об этом: «Во время доклада Покровского было такое напряженное внимание, как будто все ждали чего-то совершенно неожиданного»²⁸. Генеральный секретарь МКИИ Мишель Лёригье, который вел себя в Осло по отношению к советским историкам очень дружелюбно, отметил: «...даже не являясь марксистом, можно одобрить многие собственно исторические выводы Покровского, если не по форме, то по крайней мере — по содержанию»²⁹.

Признание большой научной ценности исследований советских историков нашло свое выражение в таком эпизоде на конгрессе: после доклада В. Л. Богаевского, посвященного проблемам истории культуры Крита³⁰, «поднялся проф. Корнеман и заявил, что он уже много лет размышляет над проблемой, которую затронул Богаевский, и что он теперь убедился, что она решена. Это дает ему право считать материалистический метод в истории таким же научным методом, как все другие»³¹.

В Осло Покровский, Адоратский и Яворский повторили свои доклады, сделанные с большим успехом во время исторической недели в Берлине³².

После того как Адоратский подвел итоги развитию советского архивоведения с 1917 г., датский историк О. Фрис и немецкий историк О. Мейснер на основе личного знакомства с архивами в СССР засвидетельствовали большие успехи советского архивного дела³³. Так, Мейснер, в частности, указал на то, что в Советском Союзе хорошо разработана система комплектования и классификации архивных материалов. Он подчеркнул также важную роль национализации частных архивов как основы дальнейшего развития исторической науки.

Польский историк И. Пачковский выразил свое восхищение коренным преобразованием архивного дела, проведенным в СССР. По инициативе Покровского конгресс принял решение, требующее чтобы ученые-архивисты определяли структуру и профиль архивов, кассирование не подлежащего хранению материала. В дискуссии по этому вопросу Адоратский и Мейснер указали на то, что в Советском Союзе это требование уже выполнено. Единогласное принятие этого решения конгрессом было справедливо оценено Адоратским как «признание правильности принципа, который лежит в основе организации архивного дела в Советском государстве и проводится у нас в жизнь уже в течение десяти лет»³⁴.

В. П. Волгин сделал сообщение «Социализм и эгалитаризм в истории социальной теории». В нем он подчеркнул «необходимость более точной терминологии для правильного понимания процесса развития социальных идей». Определяя различия между эгалитаризмом и социализмом, он, в частности, указал, что термин «социализм» не может быть применен к античному эгалитаризму, к концепции равенства у Руссо и к тому подобным теориям³⁵.

Большое политическое значение имел доклад С. М. Дубровского «Крестьянское движение в России в XX в.». Докладчик рассмотрел крестьянское движение в связи с борьбой политических партий за

крестьянство, обосновал закономерность победы Великой Октябрьской социалистической революции³⁶.

Е. А. Косминский посвятил свой доклад социальным отношениям в английской деревне XIII в. Он рассмотрел прежде всего роль барщины и денежной ренты³⁷. П. Ф. Преображенский попытался выяснить с материалистических позиций основы зарождения религий³⁸. В. А. Юренич охарактеризовал главные течения современной украинской литературы. В своем докладе он стремился подчеркнуть связь литературного процесса с общественным развитием. Докладчик подчеркнул, что только социалистическая революция принесла угнетенным народам, в том числе украинскому народу, «национальное освобождение и возможность свободного развития и расцвета их культуры», «что именно благодаря революции мы идем навстречу ренессансу украинской литературы»³⁹.

В приветственной телеграмме ВОКС конгрессу историков выражалась надежда, «что участие историков Советского Союза послужит правильному освещению исторического развития нашей страны»⁴⁰. Зарубежные наблюдатели должны были признать, что благодаря советским докладом история России была представлена на конгрессе достаточно широко⁴¹. Советские историки с полным правом были признаны как единственные представители «русской» исторической науки. Историки, эмигрировавшие из России, не могли представить своей делегации, они могли принимать участие в конгрессе только в качестве представителей тех стран, в которых они проживали. Хотя США, Польша, Югославия и Чехословакия предоставили им несколько мест, немецкая делегация не взяла в Осло ни одного русского историка-эмигранта, проживавшего в Германии. В этом можно усмотреть первое воздействие контактов, установившихся между немецкой и советской исторической наукой. Произошедшее в Берлине сближение советских и немецких историков способствовало, таким образом, признанию советских историков в международном научном мире.

Антисоветские историки-эмигранты предприняли отчаянную попытку свести на нет действенность приглашения советской делегации на конгресс. Буржуазный историк М. И. Ростовцев, прибывший в Осло как член делегации США, в газете «Афтенпостен» от 15 августа 1928 г. выразил свое сожаление по поводу того, что Покровский был избран в президиум конгресса⁴², и сделал ряд оскорбительных заявлений в его адрес. Выпады в адрес главы советской делегации были на следующий же день официально опровергнуты президентом конгресса Х. Кутом. Редакция «Афтенпостен» попросила Покровского дать ответ на выпады Ростовцева.

Этот эпизод сделал такую рекламу советским ученым, что общество культуры «Кларте» пригласило их на специальный митинг в университете, на котором члены советской делегации Преображенский и Юренич выступили с сообщениями о развитии науки в Советском Союзе, о решении там национального вопроса, о проблеме национальной культуры.

VI Международный конгресс историков был первым международным научным конгрессом, на котором была представлена такая большая советская делегация обществоведов-марксистов.

Само собой разумеется, что факт выступления советских историков как в Осло, так и в Берлине требовал подробного рассмотрения, чтобы использовать опыт этих форумов для дальнейшего упрочения международных научных связей СССР⁴³.

Итоги конгресса в Осло обсуждались на заседании Коммунистической академии, на совещании Общества историков-марксистов и на I Всесоюзной конференции историков-марксистов, где выступал М. Н. Покровский⁴⁴. Н. М. Лукин 4 октября 1928 г. выступил на заседании Общества историков-марксистов с докладом о Международном конгрессе историков в Осло⁴⁵.

В этих выступлениях отмечалось положительное значение участия советских ученых в международных конгрессах: советская историческая наука получила возможность оказывать влияние на широкие общественные круги за рубежом; появилась возможность лучшего изучения новейших направлений и течений буржуазной исторической науки⁴⁶. М. Н. Покровский был направлен в качестве представителя РСФСР и Коммунистической академии в МКИН. Он принимал участие в его пленуме в Осло⁴⁷. Одновременно было внесено предложение предоставить место также для представителей Украинской и Белорусской ССР⁴⁸. Советские историки участвовали также в ряде комиссий МКИН, и прежде всего в комиссии по вопросам преподавания истории, членом которой был, в частности, М. Н. Покровский⁴⁹. Он был также избран и в комиссию по изучению эпохи просвещенного абсолютизма⁵⁰.

Советские историки ехали в Осло, надеясь, что на конгрессе можно будет начать объединение историков-марксистов в международном масштабе. Однако это намерение тогда осуществить не удалось.

На созванном в Осло советской делегацией собрании, кроме советских историков, было только два ученых, близких к марксизму — оба норвежцы: Х. Кут и Э. Булль⁵¹. Президент Норвежской Академии наук Кут симпатизировал советским историкам и оказывал им в Осло всяческую поддержку. По характеристике Покровского, он был «остатком вымирающего уже типа честного буржуазного радикала, искреннего демократа — немножко крестьянского типа»⁵². Как выразился Покровский, их (Кута и Булля) марксизм был «очень мягким»: в нем отсутствовала революционная диалектика⁵³.

Тем не менее Покровский видел в историках, близко стоящих к марксизму, настоящих союзников: «...Если мы хотим воздействовать на зарубежную историческую общественность, приходится связаться именно с этими элементами, потому что если мы начнем отыскивать там настоящих марксистов, мы, вероятно, найдем не больше 3—4 человек, которые не составляют никакой массы и на которые опираться нельзя»⁵⁴.

Конгресс в Осло давал еще одну возможность для усиления влияния советской исторической науки: совместные действия с историками славянских стран. Склонность к сближению с советскими исто-

риками проявили ученые Болгарии и Югославии. Как отмечал М. Н. Покровский: «Мы могли бы, несомненно, при немного большей бойкости с нашей стороны организовать этих славянских историков около себя»⁵⁵.

Кроме норвежских и славянских историков, установить контакты с посланцами советской науки в Осло хотели также ученые из Германии, Франции, Испании и США⁵⁶. Так, тюрингский историк церкви И. Лер обратился во время конгресса к Покровскому с просьбой достать ему печатные материалы о политике Советского правительства в отношении религии и церкви (законы, указы, статистику и т. д.) и оказать ему помощь в получении разрешения на въезд в СССР для поездки с научными целями⁵⁷. Наряду с приглашением на официальный банкет конгресса, на котором Покровский произнес краткий тост⁵⁸, он получил приглашение на прием французской, итальянской и польской делегаций⁵⁹. «К нашей делегации подходили многие другие участники конгресса. Были установлены очень полезные контакты с учеными других стран»⁶⁰, — вспоминал С. М. Дубровский. Норвежский король во время приема в беседе с советскими историками высказался за дальнейшее развитие советско-норвежских культурных связей.

Конгресс в Осло ознаменовал выход советских историков-марксистов на международную арену. В последующие годы не было ни одной значительной международной конференции историков без участия историков из СССР⁶¹.

На нем марксистско-ленинская историческая наука непосредственно столкнулась с буржуазной историографией. Причем борьба была неравной. В этом заключалось его особое значение. Весь конгресс казался, по словам И. И. Минца, «диспутом, на котором большая часть докладчиков направила свои удары против непропорционально слабо представленного марксизма»⁶². Обострение классовой борьбы в международном масштабе в 20-е годы позволяло ожидать в будущем еще более ожесточенной идеологической борьбы. «Несомненно, нам предстоит бой, — подчеркивал Покровский, — на нас надеются в этих боях те немногочисленные марксисты, которые существуют в Западной Европе и Америке; они стараются вокруг нас группироваться, и мы были бы, помимо всего прочего, изменниками и предателями, если бы не приняли вызова, который нам бросается со всех сторон, и не начали борьбу»⁶³.

1-я Всесоюзная конференция историков-марксистов СССР после обсуждения конгресса в Осло приняла решение и в будущем направлять делегации советских историков на зарубежные конгрессы и конференции⁶⁴.

Большие достижения марксистско-ленинской исторической науки в СССР, ее международное признание делали первостепенной задачей целенаправленное распространение марксистского толкования истории во всем мире. В центре внимания прежде всего стояли следующие три проблемы: преодоление сопротивления сплоченного фронта буржуазной историографии, собирание немногих, рассеянных во всех странах мира марксистско-ленинских историков, дока-

зательство или демонстрация научного превосходства марксистского метода в исследовании конкретной истории⁶⁵.

В Международном комитете исторических наук и подчиненной ему комиссии по вопросам преподавания истории советские историки видели организацию, в которой можно было бы наиболее эффективно решать поставленные задачи. К этому выводу приводили и те полезные контакты, которые советская делегация установила во время конгресса в Осло с норвежскими историками, близкими к марксизму. Так, Э. Булль предложил в письме Покровскому от 29 октября 1928 г. совместные действия на намечавшемся на 1929 г. заседании комиссии по вопросам преподавания истории. Он писал: «Глубокоуважаемый коллега, дорогой товарищ, Вы, как и я, конечно, получили сообщение от Бюро Международного комитета исторических наук о том, что первое заседание комиссии по вопросам преподавания истории должно состояться в начале мая 1929 г. в Венеции. Как мы договорились здесь в Осло во время конгресса историков, я позволю себе теперь написать об этом Вам, так как я считаю необходимым, чтобы мы, марксисты, заранее основательно подготовили вопрос. У Вас в России уже сейчас есть, конечно, разработанные планы требований, которые мы должны предъявлять к занятиям. Я был бы Вам благодарен, если бы Вы смогли дать мне по возможности точную информацию о таких планах, с тем чтобы мы могли выработать единую позицию.

С сердечным приветом — преданный Вам Эдуард Булль»⁶⁶.

Вследствие болезни Покровский, как и Булль, не смог принять участие в заседании комитета⁶⁷, однако подготовил доклад об основах преподавания истории в Советском Союзе, который и был представлен комиссии⁶⁸. Советским представителем на III пленуме МКИН, проходившем в Венеции с 5 по 9 мая 1929 г., был Г. С. Фридлянд. Вопреки сопротивлению председателя комиссии по вопросам преподавания истории Г. Глоса (Франция), «чьи политические принципы выразились прежде всего в попытке не допустить политических дебатов на заседании комиссии»⁶⁹, Фридлянд доказал в своем выступлении во время дебатов в комиссии принципиальное различие между преподаванием истории в Советском Союзе и в капиталистических странах⁷⁰.

На пленуме МКИН дискуссия об основных политических вопросах преподавания истории вспыхнула вновь во время обсуждения отчета о работе комиссии. В отличие от Глоса президент комитета Х. Кут неоднократно предоставлял возможность также высказывать свою точку зрения и представителю Советского Союза. Итальянские фашистские историки Джузеппе Вольке и Пьетро Феделе поставили в дискуссии под вопрос необходимость существования комиссии по вопросам преподавания истории, обосновывая это тем, что преподавание истории якобы не имеет ничего общего с исторической наукой, что оно является якобы национально-государственным делом. Их стремление распустить единственную комиссию МКИН, в которой обсуждались основные вопросы толкования истории, было попыткой сузить компетенцию МКИН и лишить компетенции пред-

ставленную в МКИИ со времени конгресса в Осло марксистскую историческую науку СССР.

Возражая фашистским историкам, Фридлянд утверждал, что преподавание истории самым тесным образом связано с исторической наукой, а последняя неразрывна с политикой. Все это вызывает необходимость обсудить спорные вопросы, касающиеся преподавания истории. Свое выступление Фридлянд заключил словами: «Я совершенно согласен, что в Италии и в СССР историческое образование построено на различных, классово противоположных принципах, но именно поэтому и желательно провозгласить эти принципы здесь, перед лицом представителей мировой исторической науки. Мы, историки СССР, готовы это сделать. Мы категорически отвергаем предложение итальянцев, но считаем, что его следует обсудить подробно здесь или на международном конгрессе»⁷¹.

Пленум принял, наконец, решение по предложению датчанина О. Фриса сохранить комиссию, однако исключить из ведущихся в ней дискуссий спорные проблемы и политические вопросы. Эта формулировка, поддержанная всеми представителями буржуазной историографии, не могла быть безоговорочно принята советским представителем. Поэтому перед голосованием Фридлянд еще раз взял слово. Одобряя решение о дальнейшей работе комиссии, он подчеркнул, что проблема преподавания истории имеет принципиальное значение. «Вопросы педагогики и исторического образования — вопросы классовой борьбы», — заявил он⁷².

Боевое и наступательное выступление Фридлянда сыграло большую роль. Он наглядно показал буржуазным историкам, что революционное толкование истории, несмотря на всяческое сопротивление, завоевало себе прочное место в международном объединении историков.

Своей последовательной позицией Фридлянд произвел впечатление и на Кута, который приветствовал инициативу Фридлянда расширить рабочую программу комиссии по преподаванию истории за счет включения в нее вопроса об историческом образовании рабочих.

На IV пленуме МКИИ, проходившем с 28 апреля по 3 мая 1930 г. в Кембридже, Лондоне и Оксфорде, принимали участие три советских историка: В. П. Волгин, Н. М. Лукин и Г. С. Фридлянд⁷³. Они внесли предложение о создании новой комиссии по вопросам истории социальных движений нового времени или по истории пролетариата и крестьянства. В представленном МКИИ от имени Института истории Коммунистической академии меморандуме они дали подробное обоснование этого предложения: «История современного человечества, история последних десятилетий развивается под знаком социального вопроса. Война и послевоенный период с новой силой подчеркнули значение социальной проблемы, постоянно возрастающую роль трудящихся масс в общественной жизни всех стран и в еще большем масштабе — их роль в построении общества будущего»⁷⁴.

Советская делегация представила также общие соображения о рабочем плане комиссии. В сфере ее деятельности должна была быть

не только Европа, но и Америка, а также страны Востока. По мнению советских историков, комиссия должна была исследовать процессы генезиса пролетариата, формирование и развитие рабочих организаций, их участие в социальной борьбе, историю развития крестьянства, в том числе в условиях современного буржуазного общества, а также историю аграрного вопроса в революциях XIX и XX столетий.

Вопросу о создании этой комиссии советские историки придавали чрезвычайное большое значение, так как они предполагали, «что, во-первых, эта комиссия может явиться действительно тем живым делом, вокруг которого можно будет группировать ряд наших советских историков, а с другой стороны, эта комиссия может явиться тем организационным ядром, вокруг которого нам удастся сплотить ряд близких к нам марксистов и полумарксистов Запада»⁷⁵.

Формирование комиссии происходило, однако, очень медленно. На заседании МКИИ в Гааге в июле 1932 г., в котором участвовали А. В. Луначарский, В. П. Волгин и Н. М. Лукин⁷⁶, было создано бюро по руководству комиссией и одобрено, с некоторыми дополнениями, представленный советской делегацией предварительный список членов. Как гласит циркуляр МКИИ от 29 января 1933 г. об образовании комиссии по истории социальных движений⁷⁷, в это первое, временное бюро входили Х. Кут (президент), проф. истории социальных движений в Сорбонне К. Бужле (вице-президент), Н. М. Лукин (секретарь). Для сотрудничества были приглашены: из Франции — секретарь национального архива в Париже Ж. Буржен, профессор Страсбургского университета Ж. Лефевр и специалист по социально-экономической истории Франции и Европы А. Сэ; из Германии — Э. Хорляк, известный позднее борец антифашистского Сопротивления, профессор Ленц из Берлина⁷⁸ и Г. Майер, историк, занимавшийся вопросами рабочего движения; из Великобритании — Д. Х. Коул (Оксфордский университет), М. Добб (Кембриджский университет) и Сидней Вебб; из Италии — К. Барбагалло и Р. Микельс, П.-Н. Госиоровска; из США — Л. Готшалк и С. Нириг; из СССР — В. П. Волгин, А. М. Панкратова, Н. Н. Ваняг, В. М. Далин, Ф. В. Потемкин, С. М. Дубровский, Г. С. Зайдель и С. Г. Томсинский⁷⁹.

Политические концепции и исторические взгляды всех этих историков были весьма различны. Однако среди членов комиссии не было откровенно реакционных историков.

На первом заседании комиссии 24 августа 1933 г. в Варшаве, в котором принимали участие Кут, Лукин, Госиоровска, Барбагалло, Горин, Готшалк, Микельс и Волгин, она окончательно конституировалась⁸⁰. Было принято решение сконцентрировать ее усилия на исследовании воздействия промышленной революции на пролетариат и крестьянство. Первым шагом должно было стать составление библиографии по истории социальных движений XVIII и XIX столетий. Советские историки в этой области достигли уже значительных успехов в результате библиографической работы, проведенной в Коммунистической академии⁸¹. На заседании комиссии в Париже (март

1934 г.) Лукин доложил о состоянии библиографической работы по истории социальных движений в Институте истории Коммунистической академии, а Панкратова проинформировала об исследованиях по истории пролетариата в СССР. Советская делегация внесла предложение создать периодический орган комиссии для публикации архивных материалов⁸². На следующем заседании в Бухаресте (апрель 1936 г.) комиссия приняла решение «без промедления начать публикацию архивных документов, относящихся к 18-му и 19-му вв.», и создать для этого два центра подготовки публикаций — в Москве и Амстердаме (Институт социальной истории). Был образован также комитет по руководству публикациями, в который входили: Кут, Госиоровска, Буржен, Постумус и Лукин⁸³.

Руководство МКИН проявило большой интерес к организации исторических исследований в Советском Союзе. М. Н. Покровскому был предложен целый ряд вопросов. Ценный материал о размахе исторических исследований в СССР дал составленный МКИН «Всемирный список исторической периодики», в котором было перечислено 105 советских журналов. От Советского Союза в работе над библиографией принимали участие сотрудники Института истории и археологии АН СССР под руководством Н. М. Лукина и О. А. Старосельской⁸⁴.

На пленумах МКИН в Лондоне (1930 г.) и Варшаве (1933 г.) Коммунистическая академия и Академия наук СССР организовали выставки советской исторической литературы⁸⁵. Аналогичная выставка была организована на VII Международном конгрессе историков в Варшаве. Она показывала результаты развития советской исторической науки в первой пятилетке.

Целям лучшей информации о достижениях советской науки служило также принятое по предложению советской делегации решение МКИН о включении в международную комиссию по составлению библиографии исторических наук раздела этнографии и этнологии; о существенном расширении раздела методологии истории; о сосредоточении литературы по истории рабочего движения, социализма и коммунизма под особой рубрикой⁸⁶.

Сотрудничество советских ученых получило высокую оценку со стороны руководства МКИН и комиссии по вопросам преподавания истории. Эта комиссия занималась сравнением преподавания истории в странах — участницах МКИН. Советские представители в комиссии всегда первыми подавали необходимые для этого сообщения об историческом образовании на различных ступенях советской системы образования, начиная от начальных школ и кончая высшими учебными заведениями⁸⁷. Затребованный на заседание комиссии в Кембридже доклад о преподавании истории в начальных школах СССР Покровский разработал лично и своевременно представил, несмотря на тяжелую болезнь⁸⁸. Этот доклад был опубликован в Бюллетене МКИН⁸⁹.

Таким образом участие советских историков в деятельности МКИН способствовало распространению за рубежом правдивой информации о советском преподавании истории. Опубликованные

МКИН советские сообщения являются ценными источниками по изучению истории исторического образования в Советском Союзе.

Выражением признания советских историков в МКИН было их участие в VII Международном конгрессе исторических наук, проходившем с 21 по 28 августа 1933 г. в Варшаве. Советскую историческую науку представляли на нем В. П. Волгин, Н. С. Державин, Н. М. Лукин, П. О. Горин, А. М. Панкратова и П. Ф. Преображенский. В состав делегации входил также А. В. Луначарский, который подготовил доклад по историко-методологическим вопросам, однако не смог ввиду болезни поехать в Варшаву⁹⁰. Несмотря на то что советская делегация была по количественному составу меньше, чем в Осло, она выступала значительно эффективней.

МКИН, «чтобы не разжигать политических страстей», не пропустил ни одной темы по истории первой мировой войны, Великой Октябрьской социалистической революции⁹¹. Поэтому А. М. Панкратова вынуждена была, например, отказаться от первоначально предусмотренного доклада на тему: «Октябрьская революция и ее влияние на европейское рабочее движение»⁹². Формально не выходявшие за рамки установленного хронологического периода доклады советских историков благодаря выбору тем имели, однако, большую актуальность и огромное политическое значение. Они рассматривали прежде всего социально-экономические и революционные процессы и тем самым коренным образом отличались от сообщений на конгрессе буржуазных историков. За исключением доклада Державина, исследовавшего отношение славян к Византии в VI в.⁹³, все доклады советских историков были посвящены истории нового времени.

Руководитель делегации Волгин, член Президиума конгресса⁹⁴, которому было предоставлено слово на заключительном пленарном заседании, сделал доклад «От Бабёфа к Марксу». В нем он продолжил затронутую в Осло тематику⁹⁵. В руководимой Волгиным секции по истории социальных движений Лукин выступил с докладом: «I Интернационал и Парижская Коммуна», который привлек большое внимание⁹⁶. В дискуссии по нему Кут подчеркнул, что исследование Лукина имеет большое значение не только для истории Парижской коммуны, но и для истории рабочего движения вообще⁹⁷. Президент Академии наук Белорусской ССР П. О. Горин выступил с сообщением о политике царской России по отношению к Польше⁹⁸. Прочитанное на польском языке, оно вызвало большие симпатии польской общественности. Польские ученые попросили Горина повторить свой доклад перед более широкой аудиторией⁹⁹. В выступлении Преображенского исследовалось влияние русско-японской войны на образование Антанты, при этом были вскрыты некоторые важные черты империалистической политики¹⁰⁰.

Особый интерес вызвал доклад Панкратовой «История заводов СССР» на секции экономической и социальной истории¹⁰¹. Сама она сообщала об этом: «...перед моим докладом присутствовало мало людей и после него многие ушли, а во время моего доклада было много народа»¹⁰². Панкратова ставила перед собой две задачи¹⁰³: во-первых, дать общую информацию о разработке исследовательских про-

грамм в этой области, связанных с теми экономическими и политическими задачами, которые решало в это время Советское государство, и, во-вторых, разработать основные методологические вопросы, прежде всего выявить различие между марксистской концепцией, с одной стороны, и всеми формами буржуазных теорий о производстве — с другой. Полемизируя с новейшими немецкими публикациями, которые она подробно изучила во время своего пребывания в Германии в 1932 г., А. М. Панкратова подчеркнула, что действительно научная история заводов и фабрик может быть написана лишь в социалистическом обществе, где исследователь имеет открытый доступ к производственным архивам. «История заводов СССР», отметила Панкратова, представляет собой труд, который по своему содержанию, форме, коллективному участию в нем и привлечению широкой общественности, нацелен на мобилизацию массового писателя и читателя в таком объеме, который немыслим в капиталистических странах¹⁰⁴. История заводов и фабрик «никоим образом не рассматривается как академическая научная работа». «Более того,— подчеркивала А. М. Панкратова,— она ставит перед собой ясную политическую задачу: путем изучения прошлого мобилизовать массы и облегчить им понимание настоящего для борьбы за будущее. Для марксистов нет и не может быть науки, объективность которой состоит в отрыве от задач общественной жизни»¹⁰⁵. Весьма существенным был выдвинутый ею методологический принцип, что исследование истории заводов включает также исследование технико-экономической истории предприятий. «Вопрос научно-технического развития производства,— указывает А. М. Панкратова,— должен изучаться не как самостоятельный фактор, а в тесной связи с состоянием развития пролетариата и его классовой борьбы»¹⁰⁶.

Направленные против буржуазной трактовки истории заводов доводы Панкратовой, которая в своем выступлении высказалась даже по «запрещенной» теме послевоенного периода, вызвали протест проживавшего в Чехословакии русского эмигранта П. Н. Савицкого, который ставил под сомнение принципиально новый подход к изучению истории заводов и фабрик¹⁰⁷. В своем ответе Панкратова подчеркнула еще раз, что теперь речь идет о гораздо большем масштабе работы, чем раньше, что она ведется с позиций марксизма. Исследования «в таком масштабе...— отмечала она,— возможны лишь в пролетарском государстве, которое дает полную возможность исследований и оказывает большую помощь в этой работе»¹⁰⁸.

Большую активность проявили советские историки в свободной дискуссии. В методологической секции конгресса они убедительно отразили совместное наступление многих буржуазных историков на основы исторического материализма. Опасаясь того, что «не только в Советском Союзе, но и во многих буржуазных странах... в последнее время исторический материализм вырос в мощный фактор науки»¹⁰⁹, как констатировал в своих тезисах Кайльхау (Осло), буржуазные историки пытались противопоставить марксизму-ленинизму логически последовательную историческую теорию.

На Варшавском конгрессе для многих присутствующих историков «знаменем, под которым велась борьба против исторического материализма», стала прежде всего теория «синтеза истории», развита французским ученым Андри Бером¹¹⁰. Она представляла собой попытку объединить традиционное написание истории с исторической философией и социологией в едином грандиозном «синтезе», осуществленном на основе идеализма¹¹¹. Эта теория, претендующая на преодоление недостатков традиционного буржуазного понимания исторического процесса, старой философии истории и на снятие противоположности между идеализмом и материализмом, получила довольно широкое распространение.

На Варшавском конгрессе основы этой теории были изложены самим ее творцом¹¹², а также норвежским историком Кайльхау¹¹³. Бер признал, что «влиянию Маркса подвержены и его признают все умные и серьезные историки». В полемике с противниками своей теории в буржуазном лагере он опирался на отдельные положения исторического материализма. Однако в целом марксистское учение он не принимал¹¹⁴. Бер и его последователи не только показали непонимание сущности исторического материализма, но и вели с ним борьбу, пользуясь старыми, однако каждый раз по-новому использовавшимися врагами революционного мировоззрения приемами буржуазной науки. Так, например, Кайльхау отождествлял марксизм с экономическим материализмом и потому предлагал покончить с ним, как с «устаревшим» и «односторонним». «Мы,— говорил Кайльхау,— должны выйти за рамки политической односторонности прошлого и из экономической односторонности исторического материализма». Ход исторического процесса, по его мнению, определяют психологические факторы, человеческие инстинкты (инстинкт самосохранения, половой инстинкт и т. д.), они первоначальные движущие силы исторического развития¹¹⁵.

Преображенский указал на ненаучность этих положений, отметив, что Кайльхау претендует на то, чтобы опровергнуть марксизм, не упомянув, однако, ни разу о центральной категории марксистского понимания истории — развитии производительных сил. «За основу исторического процесса,— подчеркнул он,— Маркс принимал не многообразие всех экономических явлений, а именно развитие производительных сил (сюда следовало бы добавить — и производственных отношений.— Л. Б.). Состояние производительных сил характеризует отношение данного общества к природе, т. е. действительную основу жизни того или иного общества»¹¹⁶. Он показал, что Кайльхау интуитивно принимал как обязательное то, «что еще само требовало исторического пояснения», и тем самым становился на антиисторическую позицию¹¹⁷.

Наступление на исторический материализм велось в Варшаве также и сторонниками агностической концепции Г. Риккерта, которая, как и прежде, была распространена среди буржуазных историков. Выразителем этого направления был американский историк М. Флинг¹¹⁸. Выдвинутый им принцип противопоставления естественных и исторических наук встретил решительное возражение Вол-

гина. Он заявил: «Для меня история — наука, которая преследует те же цели, что и любая другая наука, и только относится к своему специфическому объекту. Действительность, которую исследует история, как любая другая действительность, закономерна». Поэтому история не может «отказаться от задачи вскрывать исторические законы, так как в противном случае она была бы малоценной как наука». Стремление противопоставить историю социологии, как это делал Флинг, Волгин характеризовал как «логически неправомерное и нездоровое» и подчеркивал: «Социология, которая не опирается на исторический материализм, может дать нам лишь бессодержательные абстракции, а не законы исторического развития общества. История же, которой недостает какого бы то ни было понимания закономерности, законов развития, может предоставить нам только грудку необработанных материалов, но ни в коем случае не может считаться наукой»¹¹⁹.

Вместе с тем Волгин подчеркивал классовый характер исторического познания: «Историк является продуктом своего класса и своей эпохи. От этого никуда не уйдешь. И причины возникновения теории, которая стремится оторвать историю от естественных наук, мы, марксисты, видим в общественном бытии, которое определяет сознание». Не было вечных объективных ценностей. Однако тому, кто, как Флинг, исходит из их существования, необходим для их объяснения фетиш. «Мы, историки-марксисты, гордимся тем, что нам не нужна гипотеза... — заканчивал он свое выступление на дискуссии. — И если кто-нибудь в XX в. будет искать в ней прибежище, мы охарактеризуем это как выражение научной реакции, являющейся отражением реакционного настроения данного класса общества»¹²⁰. Лукин дополнил выступление Волгина, изложив содержание принципа историзма с марксистской точки зрения, объяснив роль диалектического понимания исторического процесса¹²¹.

На секции по вопросам преподавания истории взяла слово Панкратова во время дебатов по реферату Леритье о сравнении школьных учебников¹²². Она подчеркнула классовый характер каждого исторического исследования и каждого занятия по истории и сделала из этого вывод, что истинно научное сравнение учебников по истории возможно только на марксистской основе по критерию классовой борьбы. Этим она продолжила начатое на секции методологии наступление советских историков-марксистов на буржуазную историческую науку. Она заявила: «Мы как марксисты убеждены, что в классовом обществе существует лишь классовая наука. История является одной из самых политических наук, так как она самым непосредственным образом отражает политические интересы и служит политическим целям господствующего класса, даже если она пишется под знаком стоящей над классами объективности»¹²³. Далее Панкратова проинформировала о последних мерах Партии и Советского правительства в отношении новых учебных программ и разработки новых учебников, причем она подчеркнула, что в противовес мнению некоторых участников конгресса это не означает возврата к буржуазной школе¹²⁴.

В секции новейшей истории руководитель секции Лукин и Преображенский вели острую полемику с реакционным немецким историком Э. Бранденбургом, который в своем докладе «Термин и история империализма» охарактеризовал империализм как «стремление к образованию нового единого целого», которое охватило «части постепенно выросшего в ходе истории сверхнационального государства»¹²⁵. Преображенский критиковал Бранденбурга за рассмотрение империализма в отрыве от экономики¹²⁶. Лукин охарактеризовал толкование Бранденбурга как антиисторическое и недостаточное. Он указал на то, что Бранденбург при анализе различных теорий империализма не учитывал ленинскую теорию империализма¹²⁷.

В секции по истории Восточной Европы Державин вступил в спор о содержании понятия «Восточная Европа», развиваемого чешским историком Я. Бидло, который утверждал об особом типе культурно-исторического развития славяно-греческого мира, делая тем самым доминирующим религиозный фактор¹²⁸. Державин констатировал, что имущественные отношения и человеческая деятельность остались полностью вне поля зрения Бидло. Для того чтобы определить как научное понятие восточноевропейскую цивилизацию, необходимо принимать во внимание все элементы ее материальной культуры¹²⁹.

Особое внимание советские делегаты уделили присутствующим на заседаниях конгресса польским студентам и учителям, которые проявляли интерес к марксизму¹³⁰. Так, А. М. Панкратова передала привезенные с собой учебники истории польской учительской библиотеке¹³¹.

По приглашению жителей Золиборжа некоторые члены советской делегации с успехом выступили с докладами в этом варшавском рабочем районе. Лукин сделал доклад «Маркс, как историк», Панкратова — «Основные проблемы истории пролетариата в СССР», Волгин — «Академия наук и социалистическое строительство». Слушатели проявили интерес к многочисленным вопросам, связанным с развитием советской исторической науки и положением ученых в СССР¹³². Державин провел беседу с польским публицистом Т. Бой-Зеленским о роли польской истории и литературы в СССР, которая была опубликована в журнале «Вьядомосци литератцкие»¹³³.

Варшавский конгресс еще раз доказал возможность и пользу встреч историков различных мировоззрений, и вместе с тем он показал, что все попытки исключить на этих встречах дискуссию по основным методологическим и политическим вопросам обречены на провал. Кроме того, Варшавский конгресс вновь продемонстрировал, что участие советских ученых в международных совещаниях имеет положительное значение для укрепления государственных, культурных и научных связей между страной, принимающей гостей, и Советским Союзом.

После подписания советско-польского пакта о ненападении 25 июля 1932 г. наблюдался подъем советско-польских связей во всех областях¹³⁴. Это нашло свое отражение в дружественном приеме советской делегации польскими историками, польской прессой, а так-

же польским правительством¹³⁵. После возвращения в Советский Союз советская делегация нанесла визит польскому послу в Москве, чтобы поблагодарить за гостеприимство. При этом посол Польши высказался за укрепление и расширение культурных связей между обеими странами¹³⁶.

Советский Союз был полон решимости продолжать сотрудничество в МКИН. Так, Н. М. Лукин направил 3 сентября 1934 г. официальное приглашение МКИН провести одно из следующих его заседаний в СССР, в Москве или Ленинграде¹³⁷.

Однако советские историки все больше сталкивались с откровенно реакционными тенденциями в международной организации исторической науки. На VIII пленум МКИН весной 1934 г. советские историки представили послание, в котором критиковали тенденциозные методы работы редакции журнала «Международная историческая библиография»¹³⁸. На том же заседании обнаружилось, что в результате политических разногласий в комиссии по вопросам преподавания истории принятые в Варшаве планы, в частности сравнение школьных учебников, невозможно осуществить¹³⁹. На IX пленуме МКИН в апреле 1936 г. в Бухаресте Советский Союз представлял свою историческую науку в последний раз в довоенный период. Члены советской делегации Волгин и Лукин предложили десять важных исторических проблем, которые должны были обсуждаться на VIII Международном конгрессе историков в 1938 г. в Цюрихе, в том числе возникновение пролетариата, социальные движения в конце XVIII в. и международные отношения современности¹⁴⁰. Но в самом конгрессе советские историки уже не смогли принять участие.

Сложная международная обстановка накануне второй мировой войны, наступление фашизма во многих странах Европы, усиление откровенно реакционных течений в официальной исторической науке многих государств, затем война и последующий период «холодной» войны привели к почти двадцатилетнему перерыву в отношениях советской исторической науки с МКИН. Когда советские историки возобновили свое сотрудничество в МКИН на X Международном конгрессе исторических наук в сентябре 1955 г. в Риме, они могли опираться на ценный опыт своей деятельности в Международном объединении историков периода 1928—1936 гг.¹⁴¹

¹ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. 4, с. 177—179; Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада, 1917—1941 гг. М., 1974, с. 32—34; Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917—1932. М., 1975, с. 260—264; Русские и советские ученые на международных конгрессах историков.—

Вопр. истории, 1955, № 8, с. 230—233; Дремина Г. А., Корионов Ю. Ф., Кривошеин Л. Н., Шабловский О. В. Международные связи советских историков-архивистов.— Исторический архив, 1956, № 4, с. 242—248; Желенина И. А. Из истории международных конгрессов исторических наук.— Вопр. истории, 1964, № 9, с. 182—189; Она же. Международные конгрессы ис-

- ториков. — В кн.: Советская историческая энциклопедия. М., 1966, т. 9, с. 269—276.
- ² *Бадя Л. В.* Советские историки на международных конгрессах (20—50-е годы). — История СССР, 1974, № 3, с. 63—71.
- ³ *Дудзинская Е. А.* Международные связи советских историков. М., 1978, с. 22—34.
- ⁴ Вопр. истории, 1955, № 8, с. 231.
- ⁵ Bulletin of the International Committee of Historical Sciences (Bulletin CISH), 1927, Bd. 1, № 2, S. 126.
- ⁶ Ibid., S. 154, 179.
- ⁷ Ibid., 1926, № 1, S. 13.
- ⁸ Ibid., № 4, S. 551 ff.; *Epstein F.* Die marxistische Geschichtswissenschaft in der Sowjetunion seit 1927. — In: Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slawen, 1960, 6, S. 114 f.
- ⁹ Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР. (Далее: ОРФ ИИ СССР), ф. 5, оп. 4, ед. хр. 239, л. 1.
- ¹⁰ Там же, л. 2.
- ¹¹ Там же, л. 2—3.
- ¹² Там же, л. 4.
- ^{13—14} Там же, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 60, л. 2.
- ^{15—16} Там же, ед. хр. 404, л. 6. В другом списке без даты кроме других были названы и Г. М. Пригоровский, и Е. Б. Пашуканис (Там же, ед. хр. 100, л. 6).
- ^{17—18} Там же, ед. хр. 404, л. 6.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, ед. хр. 236, л. 4.
- ²¹ Письмо А. М. Коллонтай М. Н. Покровскому, 29 марта 1928 г. (Там же, л. 8).
- ²² *Покровский М. Н.* О поездке в Осло (Доклад на заседании Президиума Коммунистической академии 15 декабря 1928 г.). — Вестн. Ком. академии, 1928, № 30, с. 231; *Миндлин Э.* Необыкновенные собеседники: Книга воспоминаний. М., 1968, с. — 343—344, 349.
- ²³ *Милиц И.* Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI Международном конгрессе историков в Норвегии. — Историк-марксист, 1928, № 9, с. 94.
- ²⁴ См.: *Fedorowsky A. S.* Âge de pierre et âge de bronze en Ukraine d'après de nouvelles données. — In: VIe Congrès International des Sciences Historiques: Résumés des communications présentées du Congrès (далее: Résumés). Oslo, 1928, S. 62, ders: Monuments dell'époque de la transmigration des peuples en Ukraine. — Ibid., S. 126; *Crushevs-ky M. S.* L'Ukraine et la situation politique dell'Europe Orientale dans la moitié du XVIIe siècle. — Ibid., S. 137 f.; *Luria S.* War Peisistratos Vorkämpfer der attischen Bourgeoisie? — Ibid., S. 96 f.; *Tarle E.* La classe ouvrière en France à la veille de la Revolution... — Ibid., S. 291 f.; VI. Internationaler Historikerkongress, Oslo 1928. Mitgled-erlista, S. 30.
- ²⁵ *Lhéritier M.* Le VIe Congrès international des Sciences historiques. — In: Revue des études historiques. P., 1928, Jg. 94, S. 352.
- ²⁶ Bulletin CISH, 1929, Bd. 2, N 6, S. 31, 40, 118, 57.
- ²⁷ *Pokrovski M. N.* Les orihines de l'absolutisme russe au point de vue du matérialisme historique. — In: Résumés, S. 7 f.
- ²⁸ Историк-марксист, 1928, № 9, с. 93.
- ²⁹ *Lhéritier M.* Op. cit., S. 352.
- ³⁰ *Bogajewsky B.* Die Götter der Töpferei des minoischen Krets. — In: Résumés, S. 80 f.
- ³¹ Историк-марксист, 1928, № 9, с. 95; Bulletin CISH, 1929, Bd. 2, № 6, S. 56.
- ³² Доклад В. В. Адоратского на VI Международном конгрессе исторических наук в Осло. — Архивное дело, 1928, № 3, с. 69—70; *Adoratsky V. V.* Zentralarchiv RSFSR. — In: Résumés, S. 19 f.; *Jaworsky M.* Westeuropäische Einflüsse auf die Ideenformung der sozialen Bewegung in der Ukraine im zweiten und dritten Viertel des XIX. Jahrhunderts. — Ibid., S. 290 f.
- ³³ Bulletin CISH, 1929, Bd. 2, N 6, S. 39; *Милиц И.* Указ. соч., с. 95; *Адоратский В.* Архивное дело на VI конгрессе историков. — Историк-марксист, 1928, № 9, с. 97—100; Доклад В. В. Адоратского на VI международном конгрессе исторических наук в Осло. — Архивное дело, 1928, № 3, с. 60—62; *Friis A.* Nordiske Undersgelser af de russiske Statsar-

- kiver.— In: Historisk Tidsskrift. Kopenhagen, 9. Folge, Bd. 6 (1928/29), S. 292.
- ³⁴ Архивное дело, 1928, № 3, с. 100.
- ³⁵ *Volguin V. P.* Sozialismus und Egalitarismus in der Geschichte der Sozialtheorien.— In: Résumés, S. 289 f. Русский текст доклада: *Волгин В. П.* Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М., 1975, с. 249—260.
- ³⁶ *Dubrovsky S. M.* Die Bauernbewegung in Rußland in XX. Jhd.— In: Résumés, S. 144.
- ³⁷ *Kosminsky E. A.* English Village in the Thirtieth Century.— In: Résumés, S. 270 f.
- ³⁸ *Preobražensky P.* The realistic features in early religions belief.— In: Résumés, S. 183 f.
- ³⁹ *Jurinetz V.* Hauptströmungen in der zeitgenössischen ukrainischen Literatur.— In: Résumés, S. 311—314.
- ⁴⁰ Bulletin CISH, 1929, Bd. 2, N 6, S. 169.
- ⁴¹ Revue d'histoire moderne. Paris, 1928, Juli/August, S. 302.
- ⁴² *Покровский М. Н.* Указ. соч., с. 233—234; *Миц И. И.* Указ. соч., с. 91—92; *Миндлин Э.* Указ. соч., с. 343, 349.
- ⁴³ *Пашуканис Е. Б.* Неделя советских историков в Берлине.— Вестн. Ком. академии, 1928, № 3, 30, с. 240.
- ⁴⁴ См.: *Покровский М. Н.* О поездке в Осло; *Он же.* Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов; *Он же.* Историческая наука и борьба классов: (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.; Л., 1933, вып. 2, с. 363; *Он же.* Классовая борьба и «идеологический фронт».— Там же, с. 325; На боевом посту марксизма: Стеногр. торжественного заседания, посвящ. 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности М. Н. Покровского. М., 1929, с. 32.
- ⁴⁵ ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 369, карт. 310, д. 47, л. 34.
- ⁴⁶ *Покровский М. Н.* Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов, с. 5—6.
- ⁴⁷ Bulletin CISH, 1930, Bd. 2, N 8, S. 342.
- ⁴⁸ См.: *Миц И. И.* Указ. соч., с. 94. В письме от 20 августа 1928 г. генеральному секретарю МКИН Леритье, в котором М. Н. Покровский официально сообщил, что он сам и Ольденбург являются советскими представителями в МКИН, советская сторона снова потребовала третье место в МКИН для представителя Украины (ОрФ ИИ СССР, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 59, л. 1—2). III сессия МКИН в мае 1929 г. решила вопрос положительно.
- ⁴⁹ Bulletin CISH, 1930, Bd. 2, N 8, S. 365.
- ⁵⁰ См.: Там же, 1929, Bd. 2, N 6, S. 72.
- ⁵¹ *Покровский М. Н.* Очередные задачи историков-марксистов, с. 365; *Миц И. И.* Указ. соч., с. 95.
- ⁵² *Покровский М. Н.* О поездке в Осло, с. 232—233.
- ⁵³ *Покровский М. Н.* Классовая борьба и «идеологический фронт», с. 330; *Он же.* Очередные задачи историков-марксистов, с. 366.
- ⁵⁴ *Покровский М. Н.* Классовая борьба и «идеологический фронт», с. 366.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ См. доклад М. Н. Покровского о поездке в Осло в: ОрФ ИИ СССР, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 31, л. 140—141.
- ⁵⁷ Там же, оп. 4, ед. хр. 313, л. 20.
- ⁵⁸ Bulletin CISH, 1929, Bd. 2, N 6, S. 187.
- ⁵⁹ ОрФ ИИ СССР, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 206, л. 1; ед. хр. 314, л. 9, 22.
- ⁶⁰ Цит. по: *Иоффе А. Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917—1932, с. 263.
- ⁶¹ *Покровский М. Н.* Очередные задачи историков-марксистов, с. 366.
- ⁶² *Миц И. И.* Указ. соч., с. 95.
- ⁶³ На боевом посту марксизма..., с. 35.
- ⁶⁴ См. Историк-марксист, 1929, № 11, с. 230.
- ⁶⁵ *Фридлянд Г.* Третья сессия интернационального комитета исторических наук (Венеция, 6—

- 10 мая 1929 г.). — Историк-марксист, 1929, № 13, с. 269.
- ⁶⁶ ОРФ ИИ СССР, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 313, л. 10.
- ⁶⁷ Bulletin CISH, 1920, Bd. 2, № 8, S. 378.
- ⁶⁸ См. письмо Покровского секретарю комиссии, профессору Отто Брандту (Эрланген) от 18 января 1929 г. (ОРФ ИИ СССР, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 7, л. 1).
- ⁶⁹ Фридлянд Г. Указ. соч., с. 271.
- ⁷⁰ Там же, с. 272.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же, с. 273.
- ⁷³ См.: Bulletin CISH, 1931, Bd. 3, N 12, S. 179.
- ⁷⁴ Там же, S. 249.
- ⁷⁵ Лукин Н. М. О поездке делегации СССР на сессию международного исторического комитета в Кембридж: Доклад на заседании президиума Коммунистической академии 2 июля 1930 г. — Вестн. Коммунистической академии, 1930, № 37/38, с. 164—165.
- ⁷⁶ Bulletin CISH, 1933, Bd. 5, N 21, S. 814. См. также: Лукин Н. М. Пленум Международного исторического комитета в Гааге (4—6 июля 1932 г.): Из доклада на заседании бюро президиума Комакадемии от 13 июля 1932 г. — Историк-марксист, 1932, № 6, с. 147—150.
- ⁷⁷ Bulletin CISH, 1933, Bd. 5, N 18, S. 201.
- ⁷⁸ В документах имя не названо, но можно считать, что речь шла об экономисте Ф. Ленце, председателе Кругла по изучению советско-русского планового хозяйства (Арплан), созданного в 1931 г.
- ⁷⁹ Историк-марксист, 1933, № 1, с. 158.
- ⁸⁰ Bulletin CISH, 1935, Bd. 7, N 26, S. 113 f.
- ⁸¹ ОРФ ИИ СССР, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 180, л. 7—8.
- ⁸² Лукин Н. М. VIII пленум Международного комитета исторических наук в Париже, 21—23 марта 1934 г. — Историк-марксист, 1934, 3, с. 93—96.
- ⁸³ См. Bulletin CISH, 1936, Bd. 8, N 30, S. 191.
- ⁸⁴ World-List of Historical Reviews. — Bulletin CISH, 1936, Bd. 8, N 31, S. 199 ff.
- ⁸⁵ Вестник Коммунистической Академии, 1930, № 37/38, с. 156; Историк-марксист, 1933, № 31, с. 118; Райнов Т. Выставка советской исторической книги на конгрессе. — Борьба классов, 1933, № 10, с. 91; № 6, с. 117.
- ⁸⁶ Лукин Н. М. Пленум Международного исторического комитета в Гааге, с. 147.
- ⁸⁷ Bulletin CISH, 1933, Bd. 5, N 21, S. 818; 1935, Bd. 7, N 26, S. 91.
- ⁸⁸ См. автограф М. Н. Покровского (ОРФ ИИ СССР, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 324, л. 39 сл.) и письмо Отто Брандта М. Н. Покровскому от 12 июля 1929 г. (Государственный музей революции, Москва, ф. 48, д. 31642/319—25).
- ⁸⁹ L'enseignement de l'histoire dans les écoles de l'URSS. — Bulletin CISH, 1932, Bd. 4, N 17, S. 729—735; Der Geschichtsunterricht in den Mittelschulen der UdSSR. — Bulletin CISH, 1934, Bd. 6, N 23, S. 202—210.
- ⁹⁰ La méthode du matérialisme dialectique dans l'histoire de la Littérature. — Bulletin CISH, 1933, Bd. 5, N 19, S. 389—403. Кроме Луначарского, С. М. Дубровский, А. С. Ерусалимский, С. Ф. Ольденбург, С. Г. Томсинский и Г. С. Зайдель прислали доклады или тезисы, но не принимали участия в конгрессе (Лукин Н. VII Международный исторический Конгресс в Варшаве. — Историк-марксист, 1933, № 5, с. 126).
- ⁹¹ Панкратова А. Седьмой Международный конгресс исторических наук в Варшаве. — Борьба классов, 1933, № 10, с. 8.
- ⁹² Бадя Л. В. Указ. соч., с. 64.
- ⁹³ Державин Н. К вопросу о славянской колонизации Балканского полуострова. — Борьба классов, 1933, № 10, с. 38—43. См. также: Derzavin N. S. Les Slaves et Byzance du VIe siècle (Sur la méthode dans l'étude de l'histoire des peuples des Balkans). — In: Résumés, Bd. 1, S. 87.
- ⁹⁴ Bulletin CISH, 1935, Bd. 7, N 26, S. 66.
- ⁹⁵ Волгин В. От Бабефа к Марксу. — Борьба классов, 1933, № 10, с. 44—48.

- ⁹⁶ *Лукин Н. I* Интернационал и Парижская коммуна: По неопубликованным документам.— Борьба классов, 1933, № 10, с. 49—57.
- ⁹⁷ См.: Bulletin CISH, 1936, Bd. 8, № 33, S. 569.
- ⁹⁸ *Горин П.* Национальная политика царизма в Польше в XX в.— Борьба классов, 1933, № 10, с. 63—69. См. также: *Gorin P. O.* La politique coloniale de l'autocratie russe en Pologne dans la deuxième moitié du XIXe siècle et au commencement du XXe siècle.— In: Résumés, Bd. 2, S. 272—274.
- ⁹⁹ Dokumenty i materialy do historii stosunków polsko-radzieckich. Warszawa, 1967, Bd. VI, S. 78.
- ¹⁰⁰ *Преображенский П. П.* Русско-японская война и образование Антанты.— Борьба классов, 1933, № 10, с. 58—62.
- ¹⁰¹ *Панкратова А.* «История заводов СССР».— Борьба классов, № 10, с. 70—86. См. также: *Pankratova A. M.* Die Geschichte der Betriebe der UdSSR.— In: Bulletin CISH, 1939, Bd. 5, N 18, S. 153—170.
- ¹⁰² Цит. по: *Бадя Л. В.* Указ. соч., с. 66.
- ¹⁰³ Там же, с. 64—65.
- ¹⁰⁴ *Pankratova A. M.* Op. cit., S. 155.
- ¹⁰⁵ Ibid., S. 154.
- ¹⁰⁶ Ibid., S. 166.
- ¹⁰⁷ Bulletin CISH, 1936, Bd. 8, N 32, S. 451.
- ¹⁰⁸ Там же, S. 452.
- ¹⁰⁹ *Keilhau W.* Historischer Materialismus oder historische Synthese.— In: Résumés, Bd. 2, S. 166.
- ¹¹⁰ Bulletin CISH, 1936, Bd. 8, N 33, S. 498.
- ¹¹¹ *Kon I. S.* Die Geschichtsphilosophie des 20. Jahrhunderts. Kritischer Abriß. Philosophie und Geschichtsschreibung. Geschichtsphilosophische Fragen der heutigen burgerlichen Historiographie. Berlin, 1964, Bd. 2, S. 177—184.
- ¹¹² *Berr H.* Synthese.— In: Résumés, Bd. 2, S. 78.
- ¹¹³ *Keilhau W.* Op. cit., S. 166—168.
- ¹¹⁴ *Berr H.* Le VIIe Congrès international des Sciences historiques (Varsovie, 21—27 août, Cracovie, 28 août) et la science de l'histoire, in Revue Synthèse, Bd. V: Synthèse historique; III (Bd. 53 de la Revue de Synthèse historique). Paris, 1933, S. 199 f.
- ¹¹⁵ *Keilhau W.* Op. cit., S. 167 f.
- ¹¹⁶ Bulletin CISH, 1936, Bd. 8, N 33, S. 494.
- ¹¹⁷ Ibid., S. 495.
- ¹¹⁸ *Fling F. M.* Historical Synthesis.— In: Résumés, Bd. 2, S. 168—170.
- ¹¹⁹ Bulletin CISH, 1936, Bd. 8, N 33, S. 496.
- ¹²⁰ Ibid., S. 497.
- ¹²¹ Ibid., S. 497—499. См. также: *Волгин В.* Методологическая дискуссия на Варшавском конгрессе.— Борьба классов, 1933, № 10, с. 24—26.
- ¹²² *Lhéritiér M.* Etude comparée pour l'histoire du XIXe siècle et plus spécialement pour l'histoire des années 1815—1830, de quelques manuels d'enseignement supérieur parus dans différents pays.— In: Résumés, Bd. 2, S. 187—190.
- ¹²³ Bulletin CISH, 1936, Bd. 8, N 33, S. 511.
- ¹²⁴ Ibid., S. 512; см. также: *Бадя Л. В.* Указ. соч., с. 67.
- ¹²⁵ *Brandenburg E.* Begriff und Geschichte des Imperialismus.— In: Résumés, Bd. 1, S. 225.
- ¹²⁶ Bulletin CISH, 1936, Bd. 8, N 32, S. 413.
- ¹²⁷ Там же; *Преображенский П.* История международных отношений на Варшавском конгрессе.— Борьба классов, 1933, № 10, с. 17—23.
- ¹²⁸ *Bidlo J.* Was ist die osteuropäische Geschichte? (Deren Inhalt und Perioden).— In: Résumés, Bd. 2, S. 197—207; Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, 1933, Bd. 8 (N. F. 4), S. 92—100.
- ¹²⁹ Bulletin CISH, 1936, Bd. 8, N 33, S. 528.
- ¹³⁰ Вopr. истории, 1964, № 9.
- ¹³¹ *Бадя Л. В.* Указ. соч., с. 67.
- ¹³² Там же, с. 68, с. 184.
- ¹³³ Dokumenty i materialy do historii stosunków polsko-radzieckich, Bd. VI, S. 85 f.
- ¹³⁴ *Фалькович С. М.* Из истории советско-польских культурных связей.— Советско-польские отношения, 1918—1945: Сб. статей. М., 1974, с. 166—206.

- ¹³⁵ Панкратова А. М. Советская делегация и польская общественность. — Историк-марксист, 1933, № 5, с. 132.
- ¹³⁶ См. записку немецкого посольства в Москве от 26 сентября 1933 г. (ZStA Potsdam, Deutsche Botschaft Moskau, N 405, Bl. 165).
- ¹³⁷ Bulletin CISH, 1935, Bd. 7, N 28, S. 279.
- ¹³⁸ Лукин Н. VIII пленум Между-народного комитета исторических наук, с. 94—95.
- ¹³⁹ Известия, 1934, 15 апр.
- ¹⁴⁰ Лукин Н. Пленум Международного исторического комитета в Бухаресте. — Историк-марксист, 1936, № 3, с. 76—84.
- ¹⁴¹ За дальнейшее укрепление научных связей между историками всех стран. — Вопр. истории, 1955, № 8, с. 9.

ВКЛАД ПОЛТАВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ В РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

А. М. Аббасов

Советское историческое краеведение — важная отрасль исторической науки. Оно занимается изучением общества, его закономерностей на сравнительно небольшой территории (обычно область, район, город, село).

За последние годы советское историческое краеведение достигло значительного развития. В печати появилась серия публикаций по общим теоретическим вопросам исторического краеведения¹.

Историки Советской Украины успешно решили задачу создания многотомной истории республики. Стотысячным авторским коллективом на общественных началах выполнено комплексное исследование истории городов и сел Украинской ССР с момента возникновения их до наших дней. Это — новый тип работы в области истории².

Издание 26-томной «Истории городов и сел Украинской ССР» положило начало новому направлению в советской историографии. На основе марксистско-ленинской методологии, в неразрывной связи с историей братских народов СССР, и в первую очередь с историей русского народа, в этом фундаментальном труде особенно полно показано развитие Украинской ССР за годы Советской власти. На конкретных примерах деятельности местных партийных организаций раскрыта руководящая роль КПСС в строительстве развитого социализма.

Признанием больших научных и общественно-политических заслуг историков-краеведов Украинской ССР со стороны Коммунистической партии и Советского правительства явилось присуждение Государственной премии СССР руководителям — членам Главной редколлегии многотомника³.

О дальнейшем развитии исторического краеведения на Украине свидетельствует факт создания при Институте истории АН УССР отдела историко-краеведческих исследований, возглавляемого академиком П. Т. Тронько, а также проведение 18-19 ноября 1980 г. в

городе Полтаве по инициативе Академии наук и Министерства просвещения Украинской ССР республиканской научно-методической конференции по вопросам исторического краеведения.

Историческое краеведение на Украине имеет свои традиции. Важный вклад в развитие дореволюционного исторического краеведения Украины внесли историки Полтавского края.

Полтавщина богата историко-краеведческими традициями. В XVIII в. трудами дворянско-буржуазных историков, писателей, ученых: В. Я. Ломиковского (1777—1848), Н. А. Цертелева (1790—1867), Н. А. Маркевича, Д. Н. Бантыш-Каменского, И. И. Срезневского, В. В. Пассека и других — были заложены основы изучения местной истории.

Краеведением занимались губернские земства и различные статистические комитеты и бюро, а также отдельные любители-краеведы.

В начале XX в. Полтавской ученой архивной комиссией был уже накоплен определенный опыт историко-краеведческих исследований. Комиссия сыграла также заметную роль в сохранении и бережении архивов и памятников старины.

Губернские архивные комиссии в России стали создаваться после 1884 г. в ответ на хлопоты Российской академии наук, обеспокоенной состоянием архивного дела на местах, массовой гибелью и варварским уничтожением важных исторических документов.

На первых порах «в виде опыта» было позволено создать четыре комиссии — Тверскую, Тамбовскую, Рязанскую и Орловскую.

На Украине первая губернская архивная комиссия была создана в Чернигове в 1896 г. А в 1903 г. они возникли в Полтаве и Екатеринославе. В Киеве комиссия начала деятельность значительно позже (только в 1914 г.), да и то не имела своего печатного органа.

Лишь перед первой мировой войной царское правительство разрешило открытие ученых архивных комиссий в других местностях Украины — Волынской, Подольской, Харьковской и Херсонской губерниях. Однако за короткий срок существования они не смогли широко развернуть свою работу.

Следует подчеркнуть, что до сих пор вклад архивных комиссий в разработку вопросов исторической науки рассмотрен еще недостаточно. Наибольший интерес для исследования многих важных вопросов отечественной истории имеет плодотворная деятельность Черниговской и Полтавской ученых архивных комиссий.

О деятельности этих комиссий написана кандидатская диссертация Н. В. Бржостовской⁴. Убедительно о важности «Трудов» комиссий заявила советский историк-библиограф О. И. Шведова⁵. Она правильно подметила, что ценным начинанием архивных комиссий являлась публикация массы документального материала, который подчас отсутствовал в центральных государственных архивах. Обе эти работы не ставили цели историографического исследования «Трудов» комиссий.

На Украине первая попытка историографического анализа трудов Черниговской, Екатеринославской и Полтавской комиссий была

предпринята украинским историком, доктором исторических наук В. Г. Сарбеем⁶. Вкладу Полтавской ученой архивной комиссии в развитие исторического краеведения посвятил свою кандидатскую диссертацию А. М. Аббасов⁷. Этими работами далеко не исчерпана названная проблема. Не исследована деятельность Черниговской, Екатеринославской и других комиссий.

Полтавская ученая архивная комиссия была открыта 26 октября 1903 г. Председателем ее был избран полтавский губернатор, секретарем — И. Ф. Павловский, который, по сути дела, стал ее руководителем. Комиссия состояла из 60 членов, из них 19 — почетных. Это историки Д. И. Яворницкий, О. И. Левицкий, Д. И. Багалея, Н. Ф. Сумцов, А. Я. Ефименко и др.

Денежные средства комиссии слагались из членских взносов (5 руб. в год) и от продажи своих печатных трудов.

Всего за период существования комиссии, 1903—1917 гг., было издано 15 выпусков объемом более 200 печатных листов.

Формы работы комиссии были самые разнообразные — от заслушивания докладов, рефератов, сообщений до проведения выставок, экскурсий и археологических раскопок. За 15 лет своего существования комиссия провела более 100 заседаний, на которых 32 человека сделали 100 научных сообщений. В этих сообщениях, а также печатных трудах всесторонне освещена история края, наиболее яркие страницы истории Украины и России XVIII—XIX вв., история запорожского казачества, полтавское сражение 1709 г. со шведами, раскрыта история памятников и достопримечательных мест губернии⁸.

Многосторонняя деятельность Полтавской ученой архивной комиссии связана с именами прогрессивных деятелей культуры — писателей М. М. Коцюбинского, В. Г. Короленко, поэтессы Л. Украинки, художника А. Г. Сластона, историков В. Б. Антоновича, Д. И. Багалея, Н. Ф. Сумцова, Д. И. Яворницкого, В. А. Пархоменко, М. Я. Рудынского и др.

Почетный член Полтавской ученой архивной комиссии Д. И. Яворницкий — неутомимый исследователь запорожского казачества — на заседании 8 декабря 1903 г. сделал доклад о раскопках, которые он проводил в Екатеринославской и Херсонской губерниях. Этот доклад был опубликован в 1904 г. в «Вестнике Екатеринославского земства».

В археологическом отношении Полтавщина представляла собой интересный объект исследования. Впервые о Полтаве как населенном пункте упоминается в Ипатьевской летописи за 1174 г.⁹

Полтава возникла на заре образования Древнерусского государства и была в тот период пограничным городком Переяславского княжества. С XI по XV в. край терпел непрестанные набеги половцев, междоусобные войны, нашествия монголов. В XVII в. Полтава — полковой казачий город.

Археологические раскопки на территории края показали, что край является местом обитания древнейших славянских племен. Раскопками в 1873 г. вблизи села Гонцы Лубенского уезда удалось открыть

первую в России и Европе палеолитическую стоянку. Затем велась раскопки на Лысой горе под Лубнами. Загадочное Бельское городище и другие курганы и урочища края являлись объектами поисков членов Полтавской ученой архивной комиссии.

В 1905 г. в Полтаве на Соборной площади при земляных работах были найдены серебряные женские украшения. Полтавский археолог, член ученой архивной комиссии Н. Макаренко, проанализировав находки, датировал их X—XI вв. Об этих, а затем и серии других находок вблизи села Иванихи Лохвицкого уезда он опубликовал статью «Материалы по археологии Полтавской губернии»¹⁰.

Н. Е. Макаренко каждое лето вел полевые исследования на Полтавщине. В 1916 г. о новых археологических находках он рассказал в статье «Материалы по археологии Полтавской губернии», опубликованной в XIV выпуске «Трудов ПУАК»¹¹. А в 1917 г. вышла книга Н. Е. Макаренко «Городища и курганы Полтавской губернии», где дано детальное описание его многолетних археологических раскопок.

Археологические раскопки проводили также члены комиссии — заведующий Полтавским музеем губернского земства М. А. Олеховский совместно с краеведом И. А. Зарецким. В 1911 г. они провели пробные раскопки на околице села Кишеньки Кобелякского уезда¹². Большой успех им выпал летом 1912 г. в селе Малое Перещепино Константиноградского уезда, где был найден клад византийского происхождения. Эта находка имела мировое значение. Из ямы извлекли амфору и несколько золотых и серебряных чаш (общий вес — 25 кг золота, 30 кг серебра). На место находки прибыл член Полтавской ученой архивной комиссии И. А. Зарецкий, который и сделал опись найденного клада. Наиболее древним среди найденных вещей, было золотое сасанидское блюдо с изображением царя Шапура II (310—363 гг. н. э.). Вероятное время, когда клад был зарыт в землю — VII в. н. э. Эта находка красноречиво свидетельствовала об экономических и культурных связях славян с Ближним и Средним Востоком.

Активный член Полтавской ученой архивной комиссии И. А. Зарецкий подготовил и издал об этой находке брошюру «О кладе, найденном в Малом Перещепино» (Полтава, 1912 г.).

Определенную лепту в изучение истории края внесла Екатерина Скаржинская, прогрессивная общественная деятельница. При ее материальной помощи в 1880 г. вблизи села Лубны в урочище Лысая гора были организованы археологические раскопки. Полевые работы вел историк В. Г. Ляскоронский. Материалы этих раскопок и личная коллекция Е. Скаржинской позволили ей в 1885 г. в селе Круглик Лубенского уезда основать музей с отделами: этнографическим, археологическим, нумизматическим и церковной старины¹³.

В октябрьском номере журнала «Киевская старина» за 1890 г. в статье «Лубенский музей Е. Н. Скаржинской» подробно описаны экспозиции музея. Сама Е. Н. Скаржинская была членом нескольких научных обществ. В 1889 г. она принимала участие в археологическом съезде в Москве, где демонстрировалась коллекция этого музея.

В 1904 г. почетный член губернской комиссии Е. Н. Скаржинская подарила свой музей Лубенской городской думе, которая, в свою очередь в 1906 г. передала все экспонаты музею Полтавского губернского земства. Музей Е. Н. Скаржинской, несмотря на то, что экспонаты для него собирались бессистемно, без научного отбора¹⁴, все же сыграл определенную роль в пропаганде исторических знаний о крае.

Полтавский губернский естественноисторический музей был открыт летом 1891 г. по инициативе профессора В. В. Докучаева. Для вновь созданной экспозиции музея он передал около 4 тыс. образцов почвенно-геологических исследований полтавского края¹⁵.

Члены комиссии и археологический отдел Полтавского губернского музея каждое лето проводили полевые археологические раскопки, в ходе которых добывали интересные материалы. В 1912 г. археолог-любитель И. Я. Стеллецкий в Лубнах исследовал жилища славян периода Киевской Руси¹⁶.

В мае 1913 г. вблизи Переяслава были найдены остатки неолитической стоянки, а на следующий год полтавские археологи вели раскопки городища времен Киевской Руси у с. Гельмязова Золотоношского уезда.

В начале 1900-х годов профессор В. А. Городцов, обследуя западные склоны Вельского городища, нашел обломки керамических изделий, датированные VI—VII вв. н. э. Результаты своих исследований он доложил XIV археологическому съезду в 1911 г. В трудах этого съезда был опубликован и «Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии»¹⁷.

Раскопки В. А. Городцова, Н. Е. Макаренко и других полтавских археологов продолжил молодой исследователь М. Я. Рудынский. Его исследования и полевые раскопки в 1915—1916 гг. дали много фактического материала по археологии Полтавщины¹⁸.

Таким образом, археологическое изучение Полтавщины в дореволюционный период велось силами любителей местной истории, краеведами. Широких археологических исследований со стороны царского правительства не предпринималось.

Следует заметить, что круг исследовательских интересов краеведов Полтавщины — в основном историческое прошлое края.

В 1905 г. в «Трудах Полтавской ученой архивной комиссии» была опубликована довольно крупная работа Л. В. Падалки «Древние земляные сооружения в пределах Полтавской губернии». Пользуясь сообщениями местных жителей, печатными и архивными источниками, он выявил 94 древних городища на территории губернии¹⁹.

В 1914 г. вышла его книга «Прошлое Полтавской территории и ее заселение». По мнению автора, колонизация края во второй половине XVII в. была в основном казацкой. Крестьяне Киевской, Подольской, Черниговской губерний и из других мест, спасаясь от гнета помещиков, бежали в степь, селились на Полтавщине, вблизи Запорожской Сечи.

В 1914 г. вышли книги Л. В. Падалки «Карта казацких полков на Полтавской территории», «Карта Боплана о заселении Полтавской территории во второй половине XVII ст.» и др. Перу этого ак-

тивного члена Полтавской ученой архивной комиссии принадлежит около 30 больших работ по истории Украины и более десяти значительных работ по статистике²⁰.

Наиболее плодотворной оказалась деятельность членов Полтавской ученой архивной комиссии в изучении истории городов и сел края. В этом отношении богатый материал представил И. Ф. Павловский²¹. О Полтаве и ее памятниках интересно рассказал служащий Полтавского окружного суда В. Е. Бучневич. Он же автор вышедших в свет отдельными изданиями или опубликованных в «Трудах ПУАК» работ о городах Полтаве, Кременчуге, Ромнах и других населенных пунктах²².

Интересную работу по истории города Миргорода и Миргородского полка подготовил земский врач И. А. Зубковский, член Полтавской ученой архивной комиссии с 1911 г. Находясь на воинской службе, он с 1874 по 1894 г. работал в различных архивах и библиотеках России, где собрал богатейший историко-краеведческий материал. Обработав его, он в 1894 г. опубликовал статью по истории Миргорода в газете «Южный край», а в 1912 г. отдельным изданием вышла брошюра «Историческая заметка о Миргороде». Этой работой И. А. Зубковский утвердил за собой право первого летописца Миргорода. Кстати сказать, И. А. Зубковский является основателем бальнеологического курорта «Миргород», открытого им в 1917 г. на месте знаменитой «миргородской лужи», описанной великим русским писателем Н. В. Гоголем.

Много внимания уделял прошлому края лубенский краевед, преподаватель местной гимназии М. Г. Астряб²³.

Об истории населенных пунктов Полтавщины материалы содержатся в работах В. Пархоменко²⁴, А. Н. Маламы²⁵, Ф. Д. Николаичика²⁶ и других краеведов.

Специалист по истории Киевской Руси и западных славян В. А. Пархоменко начал свою научную и педагогическую деятельность в Полтаве. С 1905 г. он преподавал историю в Полтавской духовной семинарии и активно занимался историко-краеведческими исследованиями. Его интересовали памятники старины, история Колиивщины, жизнь и деятельность писателя И. П. Котляревского. К 1000-летию города Переяслава им был опубликован ряд статей в «Трудах ПУАК», «Киевской старине», «Полтавских епархиальных ведомостях». Материалы многих из этих работ легли в основу его магистерской диссертации. Диссертацию «Очерк истории Переяславско-Бориспольской епархии»²⁷ он защитил в 1912 г.

В этот же период начал свою исследовательскую деятельность известный историк академик Б. Д. Греков (1882—1953).

Краеведческому изучению Полтавщины много сил и энергии отдал историк буржуазно-либерального направления В. Л. Модзалевский, являвшийся членом Полтавской комиссии. В работах «Материалы для истории Полтавского полка» (Труды ПУАК, вып. I и III), «Казаки Полтавского полка по материалам Румянцевской описи» (Полтава, 1913) он осветил различные стороны жизни украин-

ского левобережного казачества в XVIII в., их полковое устройство, правовое положение старшинской верхушки, положение низов казачества.

В ряде работ, опубликованных в 1903—1906 гг., В. Л. Модзалевский описал различные стороны быта украинцев XVI—XVIII вв. Особую ценность представляет подготовленный им сборник документов «Архивные книги Полтавского городского уряда XVII в.»²⁸.

В тесной связи с исследованием городов и сел стояло изучение памятных исторических мест и архитектурных достопримечательностей. 10 октября 1904 г. на одном из заседаний комиссии был прочитан реферат «О монастырях в пределах Полтавской епархии», в котором был поставлен вопрос о необходимости исследования церковных построек как памятников культуры и хранилищ различных документов об историческом прошлом.

На этих заседаниях часто присутствовал писатель В. Г. Короленко. Каждое лето, отдыхая в селе Хатки близ села Великие Сорочинцы, писатель неоднократно слышал легенды о Велико-Сорочинском монастыре, развалины которого еще сохранились. Беседуя со старожилами, он записывал их рассказы. Так, в 1906 г. в журнале «Киевская старина» появилась его статья об истории этого монастыря²⁹.

Краеведческому изучению Полтавского края В. Г. Короленко уделял пристальное внимание. В период революции 1905—1907 гг., когда царизм жестоко расправился с жителями села Великие Сорочинцы, он первым поднял голос протеста против самодержавия. На всю страну прозвучало его обвинение в зверском избиении невинных крестьян³⁰.

Изучение памятников прошлого неотделимо от их сохранения. В начале 1905 г. на одном из заседаний комиссии был прочитан реферат о исторических памятниках Полтавщины, и комиссии, избранной на этом же заседании из трех человек, было поручено разработать положение об охране памятников старины. В начале 1906 г. был разработан проект положения, который направили на рассмотрение губернатору. Но он не утвердил его.

Архивная комиссия много внимания продолжала уделять памятникам истории. Летом 1906 г. комиссия поручила Л. В. Падалке и другим членам обследовать находящиеся на территории Полтавщины старинные сооружения, каменные скифские бабы и другие исторические ценности. Снимки и рисунки их должны были экспонироваться на XIII археологическом съезде. Л. В. Падалка успешно справился с заданием и в своем выступлении на съезде рассказал об археологических находках в урочище «Сечь» в Роменском и Хорольском уездах, «освещающих вопрос об эволюции козацких сечей на Приднепровье», «земляных сооружениях на реке Орель, известных под именем «майданов», «городков», и других остатках древностей на территории края³¹.

В период подготовки к празднованию 200-летия Полтавской битвы 1709 г. по инициативе членов Полтавской ученой архивной комиссии был поднят вопрос о создании исторического музея в память

об этом событии. Бессменный секретарь ученой комиссии И. Ф. Павловский лично изготовил ряд проектов и макетов для музея, отыскивал интересные экспонаты. Летом 1908 г. он писал, что, будучи в Москве, «побывал во многих музеях и везде высматривал, что можно получить... выпросить в Главной палате и для музея на Шведской могиле. Здание к музею готово, собственно помещение будет в комнатах, пристроенных к храму»³². Когда в 1909 г. музей Полтавской битвы был открыт, И. Ф. Павловский стал его первым директором. В музее было собрано до 400 экспонатов: картин, образцов оружия, знамен, медалей и т. п.

В связи с празднованием 200-летия Полтавской битвы было опубликовано много работ, как научно-исследовательских, так и популярных³³. В значительной степени они, как и большинство мероприятий, связанных с юбилеем, использовались властями для прославления царствовавшей династии дома Романовых. Наиболее значительный вклад в разработку истории Полтавской битвы внес И. Ф. Павловский³⁴. Он впервые обнародовал многие факты в своих работах, написанных на основе тщательного изучения документов архивов Петербурга, Москвы, других городов России, а также Стокгольма.

На одном из первых заседаний Полтавской архивной комиссии И. Ф. Павловским был прочитан реферат о деятельности декабристов Полтавщины³⁵. Однако издать этот реферат удалось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции³⁶.

И. Ф. Павловским опубликована также статья о революционной деятельности членов Кирилло-Мефодьевского общества³⁷. В ней дана характеристика членов этого общества — В. М. Белозерского, А. М. Маркевича и других, т. е. тех, кто был связан с Полтавщиной. Указав, что общество возникло с целью просвещения, автор принизил его общественно-политическое значение, не раскрыл антикрепостнической направленности его программы, не дал четкой классовой оценки деятельности отдельных его членов.

И. Ф. Павловский является наиболее крупной и колоритной фигурой в историческом краеведении Полтавщины. Фактически он был организатором архивной комиссии и ее секретарем. Работая преподавателем истории в Петровском кадетском корпусе в Полтаве, он все свое свободное от преподавания время отдавал изучению края. Ценность большинства его работ состоит в том, что все они созданы на архивных материалах, на первоисточниках. Но, пожалуй, самой интересной работой И. Ф. Павловского, которая оставила след в истории украинской культуры, надо считать «Краткий биографический словарь ученых, писателей Полтавской губернии с половины 18 ст.» (Полтава, 1912). В нем помещено около 450 биографий уроженцев края. Положительные отклики на эту книгу были опубликованы в специальных изданиях того времени — «Русский архив», «Исторический вестник», «Русская мысль».

В 1913 г. автор подготовил к печати «Первое дополнение к краткому биографическому словарю», в которое внес еще 85 новых биографий.

До конца жизни И. Ф. Павловский работал над словарем, дополняя и исправляя его. В 1920 г. он писал: «У меня множество работ для печатания в словаре... около 80 новых биографий писателей — полтавских уроженцев»³⁸.

За весь период существования Полтавской ученой архивной комиссии И. Ф. Павловский опубликовал около 50 статей, заметок, документов, множество ценных трудов по истории Украины, Полтавщины. Круг его научных интересов был широк и разносторонен. В 1911 г. вместе с краеведом Л. А. Явойским он подготовил и издал «Систематический указатель журнала „Киевская старина“» (1882—1906 гг.). В него вошла библиография по вопросам археологии, истории и культуры не только края, но и всей Украины.

В 1912 г., в канун 100-летия Отечественной войны 1812 г., он издал ряд работ, посвященных этой тематике.

Оценивая все сделанное И. Ф. Павловским, следует учитывать, что он историк буржуазно-либерального направления, и к его оценкам общественно-политических явлений необходимо подходить критически.

Большая заслуга И. Ф. Павловского и членов ученой архивной комиссии состоит в систематизации и упорядочении архивного дела в губернии. Не имея своего архива, члены комиссии все же находили время для просмотра различных ведомственных бумаг, документов, отчетов. Наиболее интересные материалы они публиковали в «Трудах ПУАК». Однако основная масса архивных документов различных учреждений и ведомств, которые не удавалось просмотреть, безвозвратно гнила.

В Полтаве был архив губернского правления, в котором хранились дела с 1802 г., т. е. с момента возникновения Полтавской губернии. Другим большим архивохранилищем был архив губернского земства и архив городской управы. В уездных городах сосредоточивались архивы земств и управ.

Полтавская ученая архивная комиссия своими силами предприняла попытку изучения архивного дела в губернии. С этой целью было подготовлено 1500 опросных листов, которые разослали во все города губернии. Кроме того, для изучения ряда архивов наиболее интересных в историческом отношении выехали: в Кременчуг — И. Ф. Павловский, в Лубны и Прилуки — М. Г. Астряб, в Миргород — Л. В. Падалка и т. д.

Результаты обследования архивов, которые в большинстве случаев были в плачевном состоянии, И. Ф. Павловский изложил в специально изданной брошюре³⁹.

Пропаганда исторических знаний о крае занимала видное место в работе комиссии. Члены комиссии приняли участие и выступили с отчетами об опыте работы на трех Всероссийских археологических съездах (в 1902 г. в Харькове — И. Ф. Павловский, в 1905 г. в Екатеринославе — Л. В. Падалка, в 1908 г. в Чернигове — И. Ф. Павловский и Л. В. Падалка, в 1911 г. в Новгороде — И. Ф. Павловский). А в 1914 г. в Петербурге состоялся I съезд представителей губернских ученых архивных комиссий, где выступал И. Ф. Павловский.

Позже им была подготовлена и издана брошюра о работе этого съезда ⁴⁰.

Много усилий внесли члены архивной комиссии и в изучение историко-этнографических проблем. Глубоко и всесторонне изучались эти вопросы Л. В. Падалкой, В. П. Милорадовичем и др.

Л. В. Падалка с 1896 по 1901 г. возглавлял губернский статистический комитет, много внимания уделял изучению народного быта и памятников прошлого. Его перу принадлежат такие работы, как «Историческая обстановка формирования бытового уклада народной жизни на Полтавщине» («Труды ПУАК», вып. VII), «Что сказало население Полтавской губернии о своем старом быте» («Труды ПУАК», вып. XI) и др.

В нескольких выпусках «Трудов ПУАК» были опубликованы записи народных сказок и рассказов В. П. Милорадовича, который был одним из первых исследователей, обративших внимание на крестьянский фольклор в крае. Его этнографические изыскания были удостоены серебряной медали Российского географического общества.

Определенный вклад внесли полтавские краеведы в освещение жизни и творческой деятельности украинских писателей Г. С. Сквороды, И. П. Котляревского, Т. Г. Шевченко, В. В. Капниста, Е. П. Гребенки, артиста М. С. Щепкина и др. Довольно активно вели фольклорные и историко-этнографические исследования П. Д. Мартынович ⁴¹, А. М. Лазаревский ⁴² и др.

В эти годы член Полтавской ученой архивной комиссии художник А. Г. Сластион публично выступил против «теории» упадка народного творчества, которую настойчиво пытались утвердить в науке некоторые буржуазные ученые, раскрыл эстетическое и идейное богатство самобытного искусства украинских кобзарей. По его предложению в 1908 г. поэтесса Леся Украинка организовала музыкально-этнографическую экспедицию на Полтавщину. Здесь был записан богатый репертуар народных певцов — кобзарей Михайла Кравченко, Афанасия Баря (Савченко), Ивана Скубия, Микола Дубины и самого Афанасия Георгиевича Сластиона (художник был большим знатоком искусства кобзарей и прекрасным исполнителем исторических дум и песен). Итогом этой экспедиции явился большой двухтомный труд ⁴³. Кроме того, А. Г. Сластион был инициатором создания в Полтаве музея имени И. П. Котляревского ⁴⁴, его усилиями создана иконографическая портретная галерея кобзарей Украины ⁴⁵, имеющая в настоящее время мировое значение.

В сохранении документальных материалов по истории Украины и России, в выработке определенной традиции в организации историко-краеведческих исследований на территории губернии комиссия сыграла заметную роль. Теперь, когда в результате гражданской и Великой Отечественной войн множество архивных документов утрачено навсегда, опубликованные в 15 выпусках «Трудов» комиссии материалы приобретают значение первоисточников.

Советские историки, отбрасывая мишуру верноподданнических чувств и учитывая буржуазно-либеральную ограниченность полтав-

ских краеведов во многих оценках и трактовках, могут свободно пользоваться фактическим материалом «Трудов Полтавской ученой архивной комиссии».

Характерно, что в дооктябрьской литературе по истории Полтавщины вопросы классовых отношений, борьбы пролетариата и крестьянства с царизмом и буржуазией освещены крайне слабо. Не изучалась революционная деятельность декабристов и народников, хотя происхождение многих из них связано с Полтавщиной. В этом сказалась классовая ограниченность историков прошлого.

Подводя итоги деятельности полтавских историков в Полтавской ученой архивной комиссии, можно сказать, что с появлением губернских ученых архивных комиссий историческое краеведение заметно оживилось. Но в условиях буржуазно-помещичьего строя оно оставалось совершенно оторванным от социальных и культурных интересов трудящихся, не могло стать и не стало массовым.

Лишь победа Великого Октября на повестку дня выдвинула задачу создания новых форм научной деятельности, в том числе и в области исторического краеведения. Глубоким изучением местной истории стали заниматься широкие слои рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Родилось советское историческое краеведение — подлинное творчество масс.

- ¹ Строев К. Ф. Краеведение. М., 1967; Краеведение в школі, Київ, 1968, Вып. XI; Историческое краеведение. Основные источники изучения истории родного края. М., 1969; Юньев И. С. Краеведение и туризм. М., 1974; Историческое краеведение / Под ред. Г. Н. Матюшина. М., 1975; Мамонтов А. В., Щерба Н. Н. Краеведческая библиография. М., 1978.
- ² Тронько П. Т. История и общество. — *Вопр. истории*, 1977, № 1, с. 15.
- ³ Правда, 1976, 7 нояб.
- ⁴ *Бржостовская*. Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884—1917): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1951, с. 13.
- ⁵ Шведова О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий. — В кн.: *Археол. ежегодник за 1957 год*/Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1958, с. 377—429.
- ⁶ Сарбей В. Г. Вклад губернских архивных комиссий в историографию Украины. — В кн.: *Друга республ. наукова конф. архі-*
- вознавства та інш. спец. історич. дисциплін, Київ, 1965.
- ⁷ Аббасов А. М. Становление и развитие исторического краеведения Полтавщины от его зарождения до наших дней. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1980.
- ⁸ Труды Полтавской ученой архивной комиссии (далее: Труды ПУАК). Полтава, 1905, вып. 1, с. I—III.
- ⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2. Ипатьевская летопись, с. 568—569.
- ¹⁰ Труды ПУАК, Полтава, 1908, вып. V, с. 203—211.
- ¹¹ Труды ПУАК, Полтава, 1916, вып. XIV, с. 1—20.
- ¹² Там же, 1912, вып. IX, с. 11—120.
- ¹³ Лубенский музей Е. Н. Скаржинской. Этнографический отдел: Описание коллекций народных писанок. М., 1899.
- ¹⁴ За период с 1898 по 1901 г. музей посетило всего 1228 человек (см.: ПОГА, ф. 222, оп. 1, д. 6—8, л. 1).
- ¹⁵ Приложение к отчету Полтавской губернской земской управы за 1891 год. Полтава, 1891, с. 125.

- ¹⁶ *Пересветов Р.* Тайны выцветших строк. М., 1970, с. 97.
- ¹⁷ *Падалка Л. В.* Прошлое Полтавской территории и ее заселение. Полтава, 1914, с. 239.
- ¹⁸ Записки українського наукового товариства досліджування й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині. Полтава, 1919, вип. 1, с. 97.
- ¹⁹ Труды ПУАК. Полтава, 1905, вып. I с. 213.
- ²⁰ Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. Київ, 1963, с. 34.
- ²¹ *Павловский И. Ф.* Статистические сведения о Полтавской губернии 100 лет назад.— Труды ПУАК, 1906, вып. II; *Он же.* Полтава в XIX ст. Полтава, 1907; *Он же.* Описание городов Полтавской губернии и их окрестностей в 1810 г.— Труды ПУАК, 1916, вып. XV.
- ²² *Бучневич В. Е.* Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава, 1902.
- ²³ *Астряб М. Г.* Лубенский ботанический сад.— Труды ПУАК, вып. XV; *Он же.* Столетие Лубенского высшего Начального училища (1814—1914 гг.).— Труды ПУАК, вып. XI; *Он же.* Население Малороссии по ревизии 1729—1764 гг.— Труды ПУАК, вып. IX; и др.
- ²⁴ *Николайчик Ф. Д.* Город Кременчуг: Ист. очерк. СПб., 1891; *Он же.* Начало и рост полтавских владений князей Вишневецких. М., 1901.
- ²⁵ *Пархоменко В.* Тысячелетие города Переяслава.— Труды ПУАК, вып. IV.
- ²⁶ *Малама А. Н.* К истории села Малые Крынки.— Труды ПУАК, вып. VIII.
- ²⁷ *Павловский И. Ф.* Краткий биографический словарь ученых, писателей Полтавской губернии (с половины 18 века). Полтава, 1912, с. 146.
- ²⁸ Архивные книги Полтавского городского уряда XVII в. Чернигов, 1912—1914. Вып. I—III.
- ²⁹ Киевская старина, 1906, № 7/8, с. 71—74.
- ³⁰ *Короленко В. Г.* Сорочинская трагедия. Полтава, 1907.
- ³¹ Труды ПУАК, Полтава, 1910, вып. VII. Приложение, с. 185—186.
- ³² ЦНБ АН УССР. Отдел рукописей, архив Левицкого О. И., № 53740. Письмо И. Ф. Павловского от 19 августа 1908 г., л. 1.
- ³³ *Ковалинский.* К 200-летию Полтавской битвы. М., 1909; *Плетнев М. Д.* Дни полтавских торжеств. М., 1909; Полтавский сборник в память 200-летия Полтавской битвы. СПб., 1909; и др.
- ³⁴ *Павловский И. Ф.* Битва под Полтавой 27 июня 1709 и ее памятники. Полтава, 1908; *Он же.* Полтавская битва 27 июня 1709 года. Полтава, 1908; *Он же.* Каталог музея Полтавской битвы на Шведской могиле. Полтава, 1910.
- ³⁵ Труды ПУАК, Полтава, 1905, вып. I, с. IX.
- ³⁶ *Павловский И. Ф.* Из прошлого Полтавщины: К истории декабристов. Полтава, 1918.
- ³⁷ *Павловский И. Ф.* К истории Кирилло-Мефодьевского общества в Киеве.— Русская мысль, 1911, № 2.
- ³⁸ ЦНБ АН УССР, Отдел рукописей, Шифр III — 53744, л. 2—3.
- ³⁹ *Павловский И. Ф.* Описание архивов Полтавской губернии, Полтава, 1915.
- ⁴⁰ *Павловский И. Ф.* Первый съезд представителей губернских архивных комиссий в Петербурге, 6—8 мая 1914 г. Полтава, 1915.
- ⁴¹ *Мартинович П. Д.* Українські записи Порфирія Мартиновича. Київ, 1906.
- ⁴² *Лазаревский А. М.* Из истории сел и селян Левобережной Малороссии.— Киевская старина, 1891, № 1; *Он же.* Полтавщина в XVII в.— Киевская старина, 1891, № 9.
- ⁴³ Мелодії українських народних дум/ Списав по фонографу та відредагував Філарет Колесса. Львів, 1910—1913, т. I—II.
- ⁴⁴ *Сластийон А.* К вопросу о музее Когляревского в Полтаве.— Киевская старина, 1905, № 10.
- ⁴⁵ Портрети українських кобзарів О. Сластьона / Під ред. Ю. Турченка. Київ, 1961.

СТАТУС ЖЕНЩИН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ США

В. А. Тишков

Американским женщинам не повезло в смысле отражения их роли в анналах отечественной истории. На протяжении многих десятилетий на страницах научных трудов и учебников по истории США фигурировали исключительно мужчины, а женские имена и связанные с ними события появлялись лишь в самых редких случаях, причем чаще в иллюстративном материале, чем в тексте. Проделанный в 1970 г. анализ 27 учебников по американской истории для колледжей с подсчетом упоминаний женских имен выявил примерно следующую картину: доля материала, освещающего роль женщин в истории, в сравнении с остальным текстом варьировалась максимум от 2% у таких авторов, как Ч. и М. Бирд, до 0,05% у таких, как Ч. Селлерс. В известном курсе американской истории С. Э. Моррисона всего 0,33% текста посвящено женщинам, но зато им отведено 5% иллюстраций¹.

Пронизывавший исторические тексты мужской шовинизм был не только отражением общей ситуации с решением женского вопроса в Соединенных Штатах Америки и ценностными ориентациями американской историографии, но и результатом того обстоятельства, что армия тех, кто создавал эти тексты, состояла почти исключительно из мужчин. На протяжении долгого времени число женщин среди профессиональных историков США было относительно небольшим. Если взять кадры высшей квалификации, т. е. докторов философии по истории², то с 1930 по 1973 г. женщины составляли примерно 13% среди получивших ученую степень³.

До самого последнего времени американская историография не знала каких-либо крупных имен женщин-историков, а в общей массе университетской профессуры — основной сферы занятости американских историков — женщинам было отведено периферийное место в виде главным образом временных и низко оплачиваемых должностей.

Особенно неблагоприятно обстояло дело с доступом женщин к профессорским должностям на исторических факультетах наиболее престижных университетов. Хотя женщины и получали ученые степени от этих университетов, это совсем не означало, что они могли рассчитывать на преподавательскую и исследовательскую работу в тех же стенах, а тем более на обычное продвижение по службе до должности полного профессора. Предпринятое в 1970 г. Американской исторической ассоциацией (АИА) обследование исторических факультетов десяти крупнейших университетов выявило следующую картину:

Университет	1959/60 уч. год						1968/69 уч. год					
	профессор		доцент		ассист.		профессор		доцент		ассист.	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
Калифорнийский	0	17	1	15	0	9	0	33	0	18	0	18
Чикагский	0	15	0	8	1	7	0	23	1	11	0	22
Колумбийский	0	30	0	13	0	2	0	47	1	13	1	10
Корнельский	0	8	0	3	0	1	0	16	0	3	0	4
Гарвардский	0	23	0	5	1	7	0	29	0	0	0	7
Мичиганский	0	12	0	8	0	5	1	19	0	13	1	10
Принстонский	0	13	0	6	0	7	0	21	0	5	0	12
Стэнфордский	0	11	0	5	0	2	0	16	0	6	0	10
Висконсинский	0	14	0	8	0	0	0	32	0	10	0	15
Йельский	0	17	1	7	0	6	1	36	0	11	1	24
Всего:	0	160	2	78	2	46	2	272	2	90	3	132

Источник: Report of the Committee on the Status of Women. American Historical Association (АНА). Wash., 1970, App. А.

Из этих данных видно, что 98—99% преподавательского состава в 60-е годы составляли мужчины и лишь мизерное число женщин работало в должности доцентов и ассистентов. В пяти из десяти университетов женщины вообще отсутствовали среди профессорско-преподавательского состава!

Неравенство и дискриминация в отношении женщин-историков имели место также в оплате труда, в вопросах продвижения по службе, представительства в профессиональных организациях и научных собраниях. В программах ежегодных съездов исторических ассоциаций и других конференций, в составах руководящих органов, комитетов и комиссий женщины-ученые фигурировали редко, причем ситуация в 60-е годы ухудшилась по сравнению с предыдущими десятилетиями:

Год	Участие в съездах			Участие в комиссиях		
	всего	женщин	%	всего	женщин	%
1939	182	12	6	117	11	10,6
1949	169	12	7	68	3	4,4
1959	233	4	1,7	118	5	4,2
1969	402	15	3,7	162	6	3,7

Источник: Report of the АНА Committee on the Status of Women, App. А.

В 70-е годы под влиянием общественных движений, в том числе общеамериканского феминистского движения, вопрос об обеспечении равноправия женщин приобрел особую остроту в среде американских историков. Прежде всего резко возрос в американской историографии интерес к так называемой истории женщин, активизировались исследования в этой области, результаты которых внесли

существенные коррективы в общую интерпретацию событий и явлений американской истории. Об объеме этих исследований дает представление специально подготовленная АИА библиография для XV Международного конгресса исторических наук и доклад от США по теме «Женщины в истории»⁴. Библиография включает несколько сот новейших исследований по истории женщин. Наиболее плодотворными оказались направления, связанные с изучением исторической роли женщин в контексте истории американской семьи, трудовых отношений, социальных конфликтов, общественных движений.

В нашу задачу не входит концептуально-содержательный анализ всей этой литературы, однако с точки зрения структурных, организационных начал история женщин как новая отрасль научной специализации оказала определенное влияние на американскую историческую науку. С начала 70-х годов в программу съездов крупнейших исторических ассоциаций стали регулярно включаться доклады и даже специальные заседания, посвященные обсуждению проблем истории женщин. С 1975 г. ежегодно проводятся Беркширские конференции (штат Массачусетс), на которые представляются сотни докладов по данной тематике. Начали выходить периодические научные издания, в том числе уже завоевавший хорошую репутацию «Джорнел оф фэмили хистори». Возникли многочисленные общества и ассоциации, объединяющие женщин-историков или же специалистов по истории женщин. Примечательно, что две последние категории фактически совпадают, т. е. история женщин является почти исключительно сферой интересов и областью специализации историков-женщин. Это обстоятельство приводит в последнее время к так называемой геттоизации научного и преподавательского труда женщин-историков. Администрация высших учебных заведений смотрит на женщин-историков при найме на работу преимущественно как на тех, кто должен преподавать курсы по истории женщин, которые в большом числе стали возникать в учебных программах исторических факультетов.

Нельзя не отметить, что интенсивные исследования в области истории женщин, авторами которых выступают, как правило, сами женщины, носят «самоутешительный» характер, ибо процесс пересмотра общепринятых трактовок учебных текстов по истории идет очень медленно. Один из немногих специалистов-мужчин в данной области, бывший президент ОАИ профессор К. Деглер писал в этой связи: «Мы все еще должны признать, что ни история женщин, ни история семьи не добились особых успехов в интеграции в общую историю... Задача сейчас в том, чтобы переосмыслить нашу концепцию прошлого так, чтобы женщины и семья неотъемлемо включались в процесс преподавания и изучения истории»⁵.

Не менее, а даже более сложным оказался вопрос устранения дискриминации в отношении женщин-историков внутри самой профессии. В ответ на петиции и требования в 1970 г. две ведущие организации историков — АИА и ОАИ — учредили постоянные комиссии по проблемам представительства женщин в исторической профессии. В том же году в Нью-Йорке был основан Координацион-

ный комитет женщин в исторической профессии, имевший одной из своих целей организацию конференций по истории женщин и научных заседаний в программах ежегодных съездов двух ведущих ассоциаций.

В ноябре 1970 г. комиссия АИА представила предварительный доклад, который после его одобрения стал официальным документом ассоциации по данному вопросу. В докладе содержался призыв к руководству АИА принять «решительные меры по устранению существующей несправедливости и установлению подлинного равенства для женщин-историков»⁶. Комиссия рекомендовала АИА выразить свое официальное неодобрение дискриминации женщин в вопросах приема в аспирантуру, предоставления субсидий и ученых степеней, найма на работу, оплаты и условий труда, продвижения по службе. АИА должна была взять на себя обязательство активно действовать в направлении увеличения числа женщин среди профессиональных историков, более широкого вовлечения женщин в деятельность ассоциации, содействия их научной и преподавательской карьере, увеличения представительства женщин в Исполнительном совете и постоянных комиссиях ассоциации, в программах ее ежегодных съездов. На основе этого доклада в декабре 1970 г. съезд АИА принял соответствующие резолюции по вопросу обеспечения равенства женщин в профессии⁷. Еще раньше, в апреле 1970 г., на съезде в Лос-Анджелесе аналогичные резолюции приняла Организация американских историков.

По примеру общенациональных возникли многочисленные комитеты и комиссии по положению женщин при исторических обществах штатов, при других региональных и отраслевых научных ассоциациях. Во второй половине 70-х годов роль лидера и координатора действий в феминистском движении взяла на себя комиссия при ОАИ под энергичным председательством доктора Диан Кемпбелл, декана факультета «женских исследований» (обозначение для всего комплекса междисциплинарных исследований по проблемам женщин) Индианского университета. В 1979 г. эта комиссия организовала общенациональную конференцию женских комитетов и организаций в области гуманитарных и социальных наук. 125 участников конференции представляли 70 профессиональных ассоциаций, 9 частных и правительственных организаций и 46 отдельных женских групп. На конференции была учреждена Коалиция женщин в гуманитарных и социальных науках⁸.

Отражением растущей активности и общественной сознательности женщин-историков стало их участие в общенациональном движении за права американских женщин. С середины 70-х годов в США развернулась борьба за принятие XXVII поправки к федеральной конституции, так называемой поправки о равных правах, которая гласит: «Равенство прав по закону не должно отрицаться или ущемляться Соединенными Штатами или каким-либо штатом на основе различия пола». Для того чтобы эта поправка стала законом, была необходима ее ратификация legislaturesми 38 штатов. Усилиями женских организаций, демократической общественности

США к концу 70-х годов удалось добиться ратификации поправки 35 штатами. Препградой на пути новой конституционной поправки стали 15 штатов Юга и Запада — оплота американского консерватизма и реакции. В октябре 1978 г. под давлением общественности президент Картер продлил на три года (до 30 июня 1982 г.) срок для ратификации поправки штатами, прежде чем окончательно должна будет решиться ее судьба. В конечном итоге поправка так и не была принята.

Все эти годы феминистские организации вели упорную, полную драматизма борьбу за ратификацию «поправки о равных правах». Женские организации историков приняли в ней самое активное участие, справедливо рассматривая эту борьбу как необходимое условие достижения собственных целей. В частности, был поддержан метод бойкотирования тех 15 штатов, которые не ратифицировали поправку, например, отказываясь от проведения в них съездов и конференций научных ассоциаций. Такая тактика имела целью оказать давление на деловые круги штатов, прежде всего владельцев отелей, которые могли понести крупные убытки от несостоявшихся собраний.

Координационный комитет по проблемам женщин в исторической профессии обратился к руководству исторических ассоциаций с просьбой поддержать тактику бойкота. В соответствующем письме исполнительный секретарь комитета Дж. Белл писала исполнительному секретарю ОАИ Р. Киркендейлу: «Я пишу Вам, чтобы просить отнестись благоприятно к петициям, которые Вы получаете в поддержку бойкота штатов, еще не ратифицировавших федеральную поправку о равных правах. Как Вы знаете, этот вопрос будет на голосовании Исполнительного совета ОАИ в ноябре. Ваша поддержка несомненно поможет принятию соответствующей резолюции. Отказ проводить будущие ежегодные съезды в 15 штатах, которые не ратифицировали поправку, поставит ОАИ в длинный и почетный ряд организаций, борющихся за правое дело. Угроза лишиться возможности получать доллары за съезды возможно выглядит немного грубым методом, но, учитывая нажим, применяемый противниками поправки, экономические санкции могут быть единственным, к чему захотят прислушаться легислатуры штатов...»⁹

Реакция руководства ассоциаций была неоднозначной, прежде всего из-за боязни быть втянутыми в политическую борьбу, чего, как правило, научные общества стараются избегать. В ответном письме председателю комиссии по статусу женщин при ОАИ президент организации профессор Кеннет Стэмп писал: «Я убежденный сторонник поправки, и меня пугает, что некоторые штаты отказались ее ратифицировать. Хотя вопрос о поправке — это не только моральная проблема первостепенной важности, это также и политический вопрос. Поэтому я сомневаюсь, стоит ли ОАИ начинать действовать в качестве группы политического давления. Должны ли мы в таком случае бойкотировать штаты, которые отказываются предоставить равные права гомосексуалистам, или штаты, которые де-факто терпят расовую сегрегацию в государственных школах?»¹⁰

Сомнения насчет целесообразности для организации выходить в своей деятельности за строгие рамки профессиональных вопросов и превращаться в «активистскую организацию, которой до всего дело, от бедственного положения черных в Южной Африке до защиты детенышей котиков на Ньюфаундленде», были высказаны членом Исполнительного совета профессором Франком Фриделом¹¹.

Несмотря на разногласия в руководстве ОАИ, несколько сот писем-петиций от членов организации сделали свое дело и в ноябре 1977 г. Исполнительный совет одобрил тактику бойкота¹². Это решение не касалось уже достигнутой договоренности о проведении очередного съезда в Новом Орлеане (штат Луизиана), но предложения о проведении будущих съездов, поступившие из штатов Аризона и Флорида, были отклонены.

Многие рядовые члены организации высказали свое полное одобрение позиции руководства. «Цель моего письма — выразить благодарность Совету Организации американских историков за поддержку бойкота Национальной организацией женщин штатов, которые не ратифицировали поправку о равных правах... Я хочу, чтобы Вы знали, что в нашей стране много историков — мужчин и женщин, — которые довольны и горды, что одна из наших профессиональных организаций осознала всю важность этого вопроса. В отличие от тех, кто опасается, что Ваше решение является „политизацией“ профессии, я твердо убеждена, что молчание по вопросу простой справедливости является также завуалированной позицией политического характера. Еще раз примите мою благодарность»¹³ — такое письмо, например, направила профессор С. Купер на имя президента ОАИ.

Многие историки выразили свое одобрение решением стать членом Организации американских историков. Один из редакторов бумаг Бенджамин Франклин, К. Прелинжер, направила президенту ОАИ следующее письмо: «Я пишу Вам, чтобы сообщить о решении вступить в ОАИ и тем самым выразить мою поддержку позиции организации в отношении поправки о равных правах... Как женщина, посвятившая всю свою взрослую жизнь профессии историка, я буду счастлива находиться среди тех, кто своими действиями в данной ситуации признал необходимость защиты прав женщин»¹⁴.

Однако в штаб-квартиру ОАИ пришли письма и другого рода. Некоторые историки выразили свое несогласие с решением руководства. «Организация американских историков этой и другими своими акциями показала, что она перестала быть просто организацией историков. ОАИ стала группой политического давления и больше не заслуживает поддержки серьезных историков», — заявил один из профессоров, решив прекратить свое членство в организации¹⁵.

Опасения встретить подобного рода реакцию, видимо, повлияли на позицию более осторожного и консервативного руководства Американской исторической ассоциации по вопросу о бойкоте, несмотря на то что 600 членов ассоциации подписали петиции с требованием присоединиться к 170 другим профессиональным обществам США, которые уже приняли решения не проводить своих съездов в этих 15 штатах. Данная петиция была представлена Совету АИА в де-

кабре 1977 г., но последний решил провести по почте голосование по данному вопросу среди членов ассоциации. Результаты опроса — 798 за и 709 против бойкота. И все же в марте 1978 г. Совет АИА проголосовал за то, чтобы отложить принятие резолюции по данному вопросу.

Позиция руководства вызвала возмущение среди женских организаций: Координационный комитет по проблемам женщин обратился с призывом к членам АИА не платить ежегодные денежные взносы и тем самым оказать давление на руководство ассоциации, а также потребовал отставки некоторых руководящих деятелей со своих постов. Следует отметить, что этот призыв действительно сказался на сокращении численности АИА: за один год ассоциация потеряла 582 члена. По некоторым сведениям, негибкая политика по вопросу о положении женщин в профессии послужила в конечном итоге одной из причин ухода доктора М. Томсона с поста исполнительного директора Американской исторической ассоциации.

В конечном итоге руководство АИА осталось в стороне от бурных общенациональных дебатов по вопросу обеспечения равноправия женщин в стране. Это отражало в какой-то мере и степень подлинной заинтересованности в решении данной проблемы в рамках исторической профессии.

Более десяти лет феминистское движение в среде американских историков боролось за достижение своих целей. Женские комитеты проводили обследования, слушания, выступали с петициями, показаниями, регистрировали случаи открытой дискриминации и нарушения прав женщин, предпринимали усилия по уменьшению безработицы среди своих коллег. Все это дало определенные позитивные результаты, которые к началу 80-х годов нельзя было не заметить.

Во-первых, в общем росте численности историков высшей квалификации, имевшем место на протяжении последнего десятилетия, пропорция женщин, получивших докторскую степень, заметно выросла и они составляют в настоящее время уже довольно многочисленный отряд исторических кадров высшей квалификации:

Год	Число	%	Год	Число	%
1969	121	13,7	1974	220	18,6
1970	144	13,2	1975	263	22,2
1971	135	12,7	1976	232	22,2
1972	183	15,4	1977	216	22,5
1973	179	14,8	1978	215	26,0

Источник: Данные получены в штаб-квартире АИА в 1980 г.

Во-вторых, администрации университетов и другие работодатели стали чаще обращаться к услугам женского труда. В 1980 г. среди вновь принятых на работу женщины составили 25% в сравнении с 10% в 1968 г. В-третьих, заметно увеличилось участие женщин в ежегодных конгрессах исторических ассоциаций, особенно ОАИ, руководство которой наиболее энергично поддерживает феминисток. Об

этом свидетельствуют следующие данные об участии женщин в ежегодных конгрессах ОАИ:

Год	Председатели заседаний		Докладчики		Комментаторы		Всего	
	число	%	число	%	число	%	число	%
1975	17	21	34	20	21	16	77	19
1976	22	19	41	18	18	14	81	17
1977	16	18	32	17	19	14	67	16
1978	15	10	73	21	37	14	125	16
1979	53	29	120	28	77	25	250	27
1980	45	22	102	30	66	28	213	29
Всего:	168	23,8	402	26,8	238	22,2	813	24,8

Источник: Программы ежегодных съездов ОАИ.

На ежегодном съезде ОАИ в апреле 1982 г. женщины составили свыше 30% его участников. Что касается АИА, то на ее последних съездах женщины составляли около 15—18% участников.

В последние годы имело место явное увеличение представительства женщин в руководящих органах исторических ассоциаций. В 1980 г. женщины составили 30% избранных на различные руководящие должности в АИА и около 30% вновь вступивших в ассоциацию. В ОАИ среди членов Исполнительного совета, избранных в 1980 г., женщины составили 23 и 25% новых членов организаций¹⁶. Примечательным фактом стало избрание в 1981 г. президентом ОАИ (избирается на один год) профессора Герды Лернер и исполнительным секретарем организации доктора Джоан Хофф-Уилсон. В 1983 г. президентом ОАИ снова была избрана женщина-профессор Энн Скотт. Однако за этими позитивными переменами скрывается неравенство в других, пожалуй, самых главных областях, а общий прогресс оказался гораздо более медленным в сравнении с затраченными усилиями.

Прежде всего фактически мало что изменилось в области занятости женщин-историков. Прделанный нами анализ профессорско-преподавательского состава исторических факультетов тех же самых десяти ведущих университетов на 1979/80 учебный год выявил следующую картину:

Университет	Профессор		Доцент		Ассистент		Итого	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
Калифорнийский	1	42	3	4	1	2	5	48
Чикагский	1	26	2	10	0	6	3	34
Колумбийский	1	44	1	8	2	5	4	57
Корнельский	0	10	1	10	1	5	2	25
Гарвардский	0	28	0	2	2	9	2	39
Мичиганский	1	31	1	7	1	10	3	48
Принстонский	1	18	1	5	2	9	4	32
Стэнфордский	0	12	1	12	2	5	3	27
Висконсинский	0	35	1	7	0	5	1	47
Йельский	0	27	2	6	7	25	9	58
Всего:	5	273	13	61	18	81	36	415

Источник: Guide to Departments of History, 1979—80. Wash., 1980.

Из приведенных данных хорошо видно, что женщины по-прежнему сохраняют маргинальные позиции среди академической профессуры, особенно если речь идет о наиболее престижных университетах и наиболее высокооплачиваемых должностях. Составляя ныне около 15% всех академических историков США, женщины занимают всего 8,7% профессорско-преподавательских мест на исторических факультетах десяти крупнейших университетов. Но неравное представительство усугубляется еще тем, что и без того малое число женщин занимает низшие должности ассистентов (22,2%), а должности полных профессоров по-прежнему фактически им недоступны (1,5%). Пять из десяти университетов остаются «неприступными» в отношении допуска женщин в ранг полной профессуры. Создается впечатление, что администрации факультетов предприняли некоторые «косметические» меры в отношении представительства женщин-историков среди преподавателей и сочли это более чем достаточным.

Но может быть положение женщин-историков в сфере высшей школы лучше в рядовых учебных заведениях? Мы располагаем годовым (1980) отчетом комиссии по статусу женщин при Академии истории штата Огайо (за столь вычурным названием стоит обычное почти для всех американских штатов региональное объединение историков). Женщины составляют около 18% преподавателей колледжей штата Огайо. На протяжении последних лет доля занимаемых ими профессорских должностей остается примерно на одном и том же довольно низком уровне: 6,5% полных профессоров и 11,5% доцентов. Только на уровне ассистентов с 1975 г. имел место заметный рост с 15 до 44%. Женщины занимают только 9,4% постоянных должностей и 42% временных¹⁷.

По данным Национального исследовательского совета распределение (в процентах) докторов-историков по должностям в зависимости от пола выглядело в 1977 г. следующим образом в целом по стране:

	Профессор	Доцент	Ассистент	Лаборант	Нет данных
Мужчины	44,2	31,0	17,5	3,1	4,4
Женщины	22,1	28,9	28,8	14,1	3,2

Источник: Employment of Humanities Ph. D.'s: A Departure from Traditional Jobs. Wash., 1980, p. 44.

Наиболее болезненной проблемой для женщин, особенно молодых докторов, только что получивших степень, остается проблема трудоустройства. Так, из получивших в 1977 г. докторскую степень 216 женщин не имели постоянной работы 85. В целом к началу 80-х годов 25% женщин-историков не имели полной занятости¹⁸. Кстати, такая ситуация и в других гуманитарных дисциплинах. Хотя женщины в 1977 г. составили менее 1/4 всех докторов-гуманитариев, почти половина из 2 тыс. безработных докторов наук были женщины¹⁹.

Более сложной и не столь легко различимой является дискриминация внутри отдельных женских групп. Среди женщин-историков явно слабо представлены афро-американки, женщины испанского происхождения и представители других национальных меньшинств.

Предпринятый Национальным исследовательским советом в 1977 г. опрос 1600 женщин-докторов по истории, работающих в колледжах и университетах, смог обнаружить только 36 женщин-негритянок, 38 — азиатского происхождения, 11 — испанского. Ни одна женщина испанского происхождения с докторской степенью не занимала должности выше ассистента²⁰.

Еще труднее получить данные о дискриминации в сфере оплаты труда. Однако разница в оплате труда историков-мужчин и женщин существует. При одинаковом трудовом стаже (от 11 до 15 лет) американские профессора-мужчины получают годовую зарплату на 2,2 тыс. долларов больше, чем профессора-женщины²¹.

Оценивая состояние изучения роли женщин в американской истории и их статус в среде американских историков (эти две проблемы, несмотря на их различный характер, оказались тесно взаимосвязанными), следует отметить прежде всего существенный сдвиг, который произошел за последние 10—15 лет в американской исторической науке в области изучения длительно игнорировавшихся сюжетов. Отныне история женщин стала одним из наиболее популярных и активно разрабатываемых направлений в историографии. И хотя процесс переосмысления устоявшихся трактовок отечественной истории с учетом достижений этого направления еще далек от своей реализации, усилия исследователей оказали существенное влияние на общественный климат в стране по женскому вопросу, способствовали общенациональному движению американских женщин за равноправие.

Отражением такой перемены в американском обществе стал принятый конгрессом США в июле 1981 года закон, установивший с 7 марта 1982 года ежегодно отмечаемую Национальную неделю истории женщин (National Women's History Week). Инициаторами такого празднования, приуроченного к Международному женскому дню 8 марта, выступили феминистские организации историков, получившие затем широкую общественную поддержку. В резолюции конгресса признается, что «роль американских женщин постоянно игнорировалась и недооценивалась в трактовке американской истории» и принимаемый ныне закон воздает должное «американским женщинам, независимо от их расового, классового и этнического происхождения, которые помогли делу основания нации самыми различными путями»²².

Однако если научные исследования, общественная деятельность женщин-историков нашли определенное признание в стране, то внутри самой профессии улучшение статуса последних столкнулось с существующей в американском обществе системой дискриминации женщин в вопросах найма и оплаты труда. Исключением в данном случае не стала и сфера научного и преподавательского труда. Несмотря на значительное увеличение численности профессиональных историков-женщин, их реальное положение остается приниженным. Медленный прогресс в данной области объясняется не столько морально-психологической природой данной проблемы (стереотипы в отношении способностей женщин и их места в самостоятельном тру-

де), сколько социальными и экономическими факторами. Система частного предпринимательства, построенная на предельной эксплуатации человеческого труда, постоянно растущие в последние годы безработица и инфляция, сокращение ассигнований на социальные нужды трудящихся, на развитие науки и образования в пользу гонки вооружения, возрождение ультраконсерватизма и патриархальных ценностей фактически делают невозможными осуществление в современной Америке системы реальных равных возможностей и гарантий соблюдения прав для трудящихся женщин, в том числе в сфере исторической профессии.

- 1 Report of the Committee on the Status of Women to the Organization of American Historians (ОАН), 1970, p. 4. Материал получен в штаб-квартире Организации американских историков (ОАИ) в 1980 г.
- 2 Эта ученая степень соответствует примерно степени кандидата наук. См.: *Филлипова Л. Д.* Высшая школа США. М., 1981, с. 72.
- 3 OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 11.
- 4 Recent United States Scholarship on the History of Women. АНА. Wash., 1980.
- 5 The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States / Ed. by M. Kammen. Ithaca; London, 1980, p. 326.
- 6 Report of the АНА Committee on the Status of Women, 1970, p. 1.
- 7 АНА Newsletter, 1971, March, p. 25—27.
- 8 Report of the ОАН Committee on the Status of Women, 1978—1979. Получено в штаб-квартире ОАИ в 1980 г.
- 9 Дж. Белл — Р. Киркендейлу, 25 сентября 1977 г.— Переписка по «поправке о равных правах». Штаб-квартира ОАИ (г. Блумингтон).
- 10 К. Стэмп — Д. Кемпбелл, 29 июля 1977 г.— Там же.
- 11 Ф. Фридэл — Р. Киркендейлу, 20 июля 1977 г.— Там же.
- 12 OAH Newsletter, 1978, Jan., vol. 5, N 2, p. 5.
- 13 С. Купер — К. Стэмп, 6 марта 1978 г.— Переписка по «поправке о равных правах». Штаб-квартира ОАИ.
- 14 К. Прелинжер — К. Стэмп, 22 марта 1978 г.— Там же.
- 15 Л. Борн — исполнительному секретарю ОАИ, 20 февраля 1978 г.— Там же. См. также: Р. Бергхофер — Р. Киркендейлу, 4 марта 1979 г.— Там же.
- 16 OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3.
- 17 Report of the Committee on the Status of Women to the Ohio Academy of History, 1980, Apr., p. 1—2.
- 18 OAH Newsletter, 1981, July, vol. 9, N 2, p. 23.
- 19 Employment of Humanities, Ph. D.'s, p. XI.
- 20 OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 10.
- 21 Employment of Humanities Ph. D.'s, p. 47.
- 22 OAH Newsletter, 1981, Oct., vol. 9, N 3, p. 16.

БИБЛИОГРАФИЯ

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ

(1851—1916 гг.)

Фридрих Энгельс в письме к известной русской общественной деятельнице Е. Э. Паприц писал в 1884 г., что русская историческая литература «стоит бесконечно выше того, что создано в этом отношении в Германии и во Франции официальной исторической наукой»¹. Это бесспорный факт. Заслуги русских исследователей П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, И. В. Луцицкого, А. Н. Савина в изучении, например, аграрной истории Западной Европы эпохи феодализма более чем очевидны². Видное место в этом ряду принадлежит и М. М. Ковалевскому, замечательному историку, социологу, юристу, активному общественному деятелю. В кратком вступлении, предпосылаемом ниже приведенной библиографии работ М. М. Ковалевского, мы не ставим своей целью проанализировать его творческий путь и общественную деятельность, ибо это является задачей специальных исследований³. Мы стремимся дать лишь канву научной и общественной деятельности М. М. Ковалевского, чтобы показать многогранность его научных интересов и свершений.

М. М. Ковалевский, закончивший курс Харьковского университета, в 1872—1876 гг. работал в европейских архивах, библиотеках, собирая материал для своей магистерской диссертации. К этому времени относятся его встречи с Г. Спенсером и К. Марксом, сыгравшие решающую роль в становлении исторического мировоззрения Ковалевского. Знакомство с Г. Спенсером и «Курсом положительной философии» О. Конта завершили формирование позитивистских взглядов молодого исследователя. Идею медленного, эволюционного развития Ковалевский явно предпочел революционной теории Карла Маркса, с которым он познакомился в 1874 г. Дружба с Марксом многое определила в системе взглядов молодого ученого⁴. Ковалевский до конца своих дней сохранил благодарную память о Марксе как «о дорогом учителе», общение с которым наметило до некоторой степени перспективу его научной деятельности⁵.

В 1876 г. Ковалевский вернулся на родину и в 1877 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1878 г. он получил приглашение занять кафедру государственного права европейских держав Московского университета, где по 1887 г. читал курсы по сравнительному законодательству иностранных держав, истории американских учреждений, истории сословий на Западе и в России и т. д. В этих курсах молодой ученый стремился показать либеральный характер западноевропейских порядков в сравнении с русским самодержавным строем. Результат не замедлил сказаться — в 1887 г. по приказу министра на-

родного просвещения И. Д. Деянова М. М. Ковалевский был уволен из университета ⁶.

В московский период своей деятельности М. М. Ковалевский совместно с В. Ф. Миллером издает журнал «Критическое обозрение», как орган исторической критики ⁷.

В 1887—1905 гг. М. М. Ковалевский живет за границей. Вначале он получил приглашение в Стокгольмский университет, где читал лекции от фонда Лоренса (первая попытка организации высшей школы общественных наук). В 1888 г. он был приглашен в Оксфордский университет, где им был прочитан курс «современного обычая и древнего закона в России» ⁸. Далее Ковалевский в течение пяти лет читал курс истории экономического развития Европы и России в Новом Брюссельском университете ⁹, публикуя его в форме отчетов в периодической печати Брюсселя, а затем и в России двумя изданиями.

В 1901 г. М. М. Ковалевский основывает в Париже с группой единомышленников Русскую высшую школу общественных наук для эмигрантской молодежи. Директором этой школы был сам Ковалевский, почетным председателем — И. И. Мечников. С лекциями выступали Н. И. Кареев, М. И. Туган-Барановский, С. А. Муромцев, Ю. С. Гамбаров, Г. В. Плеханов. В феврале 1903 г. В. И. Ленин прочитал здесь четыре лекции на тему «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России» ¹⁰. Деятельность Русской высшей школы привлекла внимание А. Л. Шанявского, который в это время вынашивал идею Вольного университета в Москве. После закрытия Парижской школы А. И. Чупров от имени Шанявского предложил М. М. Ковалевскому взять руководство этой школой в Москве, но этим планам, к сожалению, не удалось осуществиться ¹¹.

Параллельно с Высшей школой Ковалевский читал лекции и в «Collège libre des sociales» в Париже, которые пользовались также большим успехом ¹². Вскоре он получил приглашение из Америки и стал вести курсы в университетах Чикаго и Сан-Франциско.

В эти годы М. М. Ковалевский становится признанным авторитетом в мировой науке. Его труды широко публикуются на Западе. Он был избран членом-корреспондентом Французского института («Академии Нравственных и политических наук»), почетным членом Академии Законодательства («Academie de Legislation») в Тулузе, действительным членом «Société de l'histoire Revolution Française», итальянской «Societa de historia patria», членом Британской ассоциации наук, вице-председателем, а затем и председателем Международного Института социологии в Париже. Он привлекается к сотрудничеству в парижском «Nouvelle Revue Historique de droit» и в лондонском «Archaeological Review». М. М. Ковалевский в эти годы являлся непременным членом и участником всех международных конгрессов: на съезде Британской ассоциации историков в Оксфорде он выступает с рефератом на тему «О древнейшей постановке рабочего вопроса в Италии», на съезде ориенталистов в Лондоне он сделал доклад «Об иранской культуре на Кавказе», а на первом Международном конгрессе сравнительной истории права и на съезде Международного института социологии в Париже — «О работах русских этнографов,

статистиков, юристов и историков» и «Переход от коллективной ответственности к индивидуальной» и др. Он был активным участником повторяющихся каждые три года съездов Международного института социологии, много времени он уделял и выступлениям в периодической печати. Все эти напряженные творческие годы М. М. Ковалевский не порывал связей с Россией. В частности, он в течение ряда лет был посредником газеты «Русские ведомости» в ее сношениях с литераторами-эмигрантами¹³.

В 1905 г. М. М. Ковалевский вернулся в Россию, активно включился в общественную и научную жизнь страны. Он занял предложенную ему кафедру в Петербургском политехническом институте, в Психоневрологическом институте возглавил первую в России кафедру социологии¹⁴, в 1906—1916 гг. читал курсы в Петербургском университете и на Высших женских курсах. На высших курсах биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта он читал лекции по социологии на общеобразовательном отделении, с которого эти курсы и начали свое существование, а Ковалевский был первым их директором. В 1908 г. М. М. Ковалевский был избран президентом Педагогической академии в Петербурге. Наряду с этим он являлся председателем Петербургского юридического общества, Петербургского отделения общества «Мир», Вольного экономического общества, членом Общества имени Т. Г. Шевченко, литературного кружка имени А. И. Герцена, позже — Петроградского общества народных университетов, а также Общества славянского научного единения, Общества английского флага, Общества сближения России с Америкой и т. д. О высоком научном авторитете М. М. Ковалевского свидетельствует и тот факт, что он был избран Англией третейским судьей в ее столкновении с САСШ¹⁵.

Избранный в 1899 г. членом-корреспондентом Академии наук, в 1914 г. он стал ее действительным членом.

Не менее насыщенной была и его общественно-политическая деятельность. В 1906 г. он был избран в I Государственную думу от Харьковской губернии. Вскоре он стал одним из организаторов и лидеров партии демократических реформ, партии, не сыгравшей, правда, активной политической роли. В 1907 г. Ковалевский был избран членом Государственного совета. Политическим идеалом Ковалевского была конституционная монархия («конституционализм, дополненный реформаторством»)¹⁶. Он считал необходимым более решительное вмешательство государства в экономическую и социальную сферы. По сути дела позиция М. М. Ковалевского отражала интересы той части российской буржуазии, которой «необходим прогресс и сколько-нибудь упорядоченный правовой строй, соблюдение законности, конституции, обеспечение некоторой политической свободы»¹⁷.

В этот период М. М. Ковалевский активно сотрудничает в ряде центральных газет, а в 1906—1907 гг. сам издает газету «Страна»¹⁸. В 1909 г. он приобрел право на издание журнала «Вестник Европы». При ближайшем его участии издается политический журнал «Запросы жизни».

Плодотворно сотрудничество М. М. Ковалевского и в русских эн-

циклопедиях: «Новом энциклопедическом словаре Брокгауз — Ефрон» он вел (совместно с В. Д. Кузьминым-Караваемым и М. Я. Пергаментом) отдел политических и юридических наук и опубликовал здесь ряд ценных исследовательских статей. Одновременно он был одним из редакторов (совместно с Ю. С. Гамбаровым, В. Я. Железновым, С. А. Муромцевым и К. А. Тимирязевым), а также автором статей «Энциклопедического словаря Русского Библиографического института Гранат» (7-е издание).

В это же время М. М. Ковалевский выступил редактором таких интересных изданий, как, «История нашего времени. Современная культура и ее проблемы» (совместно с К. А. Тимирязевым), «Новые идеи в социологии». Т. 1—4 (СПб., 1913—1914), совместно с Е. В. де-Роберти, «Итоги в теории и практике». Т. 1—12 (М., 1911—1915), совместно с Н. Н. Ланге, Н. А. Морозовым и В. М. Шимкевичем.

Общее число работ М. М. Ковалевского не может не поражать, особенно если вспомнить, в каких условиях эти работы готовились — скитания, активная преподавательская и общественная деятельность. Первые попытки создания подобной библиографии¹⁹, при всей ее очевидной неполноте (не привлекался материал газет, энциклопедий, художественных и научных сборников и альманахов) грешат и чисто фактическими ошибками. Первые библиографические опыты были нами учтены при предварительной полной проверке.

Настоящая библиография была составлена с учетом данных каталогов и картотек Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград), а также печатных каталогов: *Catalogue Général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Paris*; *British Museum. General Catalogue of Printed Books. London, 1962*; *The National Union Catalogue. Mausell, 1973*. За отдельными исключениями, все учтенные в настоящей библиографии работы просмотрены нами *de visu*; книги и статьи, описание которых не удалось проверить *de visu*, отмечены звездочками.

Впервые была предпринята попытка проверки газет («Биржевые ведомости», «Речь», «Русские ведомости», «Русское слово», «Страна»), журналов («Былое», «Минувшие годы», «Вестник Европы», «Мир Божий», «Критическое обозрение», «Юридический вестник», «Запросы жизни», «Московский еженедельник», «Самоуправление», «Вестник воспитания») и энциклопедий («Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона», Словарь т-ва «бр. А. и И. Гранат»). Естественно наши поиски ограничивались лишь привлечением материалов русской периодики.

Материал расположен в хронологическом порядке. Внутри каждой годовой рубрики вначале помещены в алфавитном порядке монографии, а затем в хронологическом порядке журнальные и газетные статьи. Периодические издания даются, в свою очередь, в алфавитном порядке.

- 1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 36, с. 147.
- 2 Об этом см. подробнее: *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1960, т. 2, с. 323—328.
- 3 Учитывая это обстоятельство, мы считаем необходимым приложить также и библиографию работ о М. М. Ковалевском.
- 4 В письме к И. И. Янжулу от 15 октября 1875 г. молодой Ковалевский повторяет восторженную оценку К. Маркса, говоря, что это «благороднейшая и даровитейшая натура».
- В то же время он не принимает диалектического метода Маркса, не понял его «Капитала», оставаясь по-прежнему на позитивистских позициях. (Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. СПб., 1910, вып. 1, с. 137).
- 5 *Ковалевский М. М.* Мои встречи с Марксом. — В кн.: *Воспоминания о Марксе и Энгельсе.* М., 1956, с. 316.
- 6 Свообразным доносом на лекции М. М. Ковалевского явилась анонимная статья «Самодержавие по-ученому. Из литографированных курсов настоящего», опубликованная в газете «Русское дело» (1886, № 33, 6 дек.). Не называя имени Ковалевского, автор статьи, излагая содержание его лекций, возмущался тем, что, по мнению «крамольного профессора», русский государственный строй был лишь «стадией мирового развития государственности» и в разные моменты существования России изменялся в прошлом, а, следовательно, может измениться и в будущем!
- 7 Критическое обозрение (Журнал научной критики и библиографии в области наук историко-филологических, юридических, экономических и государственных). М., 1879—1880; в 1880 г. — Журнал научной и литературной критики / Издатели-редакторы: В. Миллер и М. Ковалевский. Журнал выходил два раза в месяц.
- 8 Здесь уместно отметить следующий интересный факт: несмотря на то что этот курс читался на французском языке, благодаря М. М. Ковалевскому русский язык в этом университете был допущен на равных правах с другими европейскими языками.
- 9 Как замечает известный русский историк В. И. Модестов, приглашение Ковалевского к чтению лекций в европейских научных центрах — «явление, до того времени небывалое» (Рус. мысль, 1890, № 5, с. 88).
- 10 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 107—116, 475—476.
- 11 *Вагнер В. А. М. М. Ковалевский* в вопросах просвещения. — В кн.: М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. статей. Пг., 1917, с. 102.
- 12 В. А. Гольцев писал о выдающемся успехе лекций М. М. Ковалевского, свидетелем которого он был сам. Он приводит высказывание известного французского критика Ф. Сарса, напечатанное в журнале «*Annales politiques et littéraires*», который свидетельствует: «...аудитория была битком набита;... слушатели буквально упивались словами лектора... Я вышел из аудитории положительно восхищенный всем тем, что видел и слышал» (Рус. мысль, 1897, № 12, с. 179—180).
- 13 *Анучин Д. Н.* Памяти Максима Максимовича Ковалевского. — *Этногр. обозрение*, 1916, кн. СХ—СХ (109—110), с. 16.
- 14 Этот институт, получивший по новому уставу название частного Петроградского университета, был основан в 1907 г. по инициативе М. М. Ковалевского. Ковалевский участвовал в выработке учебного плана, читал лекции по конституционному праву и социологии. С 1910 г. он стал деканом юридического факультета после смерти Д. А. Дриля.
- 15 *Ивановский А. А. М. М. Ковалевский* [Некролог]. — *ЖМНП*, 1916, № 12, с. 123.
- 16 *Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский* как социолог. М., 1960, с. 74.
- 17 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 472.
- 18 Страна (Политическая, экономическая и общественная газета),

1906, № 1—252; 1907, № 1—10. Тираж 2500 экз. В июле 1906 г. издание было временно приостановлено, и в перерыве выходила газета «Равенство», № 1—3 (18—20 июля). Определением СПб. судебной палаты от 13 января 1907 г. издание газеты «Страна» было окончательно прекращено.

- ¹⁹ Самый первый опыт составления библиографии трудов ученого относится к 1895 г. См.: приложение, составленное М. Иолшиным, к работе М. М. Ковалев-

ского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (СПб., 1895), а также «Материалы для библиографического словаря действительных членов имп. Академии наук». Пг., 1917, ч. 2. М — Я, с. 311—322. Библиогр.: с. 317—322; «Списка трудов М. М. Ковалевского», составленный его учеником Н. Д. Кондратьевым (М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917, с. 264—274).

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

1875

1. Рец. на кн.: *Etudes sur l'histoire et la dogmatique du droit international*. Par le professeur A. N. Stoinov. Leçons données à l'Université de Kharkov durant l'année académique 1873—1874. Kharkov, 1875.— *Revue du droit international et de législation comparée*. Bruxelles, 1875, t. VII, p. 703—704. Без подш.

1876

2. Опыты по истории юрисдикции налогов во Франции с XIV века до смерти Людовика XIV. Т. I. Юрисдикция налогов в провинциях, удержавших сословное представительство. Вып. I. Происхождение юрисдикции налогов во Франции.— Юрисдикция налогов в Лангедоке. М. X+XXIV+ +186+VII с.
Рец.: *Лебедев В.*— Сборник государственных знаний. СПб., 1878, т. VI, с. 48—50.— То же, отд. отт.
3. Очерк истории распадаения общинного землевладения в кантоне Ваадт. Лондон. 38 с.— То же. Нем. пер.: *Umriss einer Geschichte der Zerstückelung der Feldgemeinschaft im Kanton Waadt*. Zürich, 1876.
(Перевод Мейера фон Кнонау, дополненный автором).
Рец.: *Кареев Н. И.* Заметка о распадении поземельной общины на Западе.— *Знание*, 1876, № 4, с. 1—14. *Янжул И. И.*— Газ. Неделя, 1876, № 15.
4. Полиция рабочих в Англии в XIV веке и мировые судьи, как судебные разбиратели споров между предпринимателями и рабочими. Лондон. 36 с.— То же. 2-е изд. Лондон, 1877.
5. Собрание неизданных актов и документов, служащих к характеристике полицейской администрации в английских графствах в XII, XIII и XIV-м веках, предшествующее монографией о полиции рабочих в Англии в XIV-м веке. Приложение к истории полицейской администрации в Англии с древнейших времен до смерти Эдуарда III-го. Лондон. 168 с.
- 6*. Из письма к редактору «Вперед!». Лондон, 21 октября.— *Вперед!*: Двухнедельное обозрение, Лондон, 1876, № 44 от 1 ноября, с. 667.

* Об авторстве М. М. Ковалевского см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. т. 34, с. 169—170. Письмо К. Маркса П. Л. Лаврову от 21 октября 1876 г., где публикуемый отрывок письма приводится целиком.

7. История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III. К вопросу о возникновении местного самоуправления в Англии. Прага 2+219 с. [Магистерская диссертация].— То же, 2-е изд. Прага, 1877. 223 с.
Рец.: Лешков М.— Юрид. вестн., 1877, № 9/10, с. 15—20.
8. Положения из диссертации «История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III». Харьков. 6 с.

1878

9. История государственного права по лекциям... 1877—78 гг. [М., 1878]. 216+84+56 с. (литограф).
10. Критическая заметка. Материалы для изучения Болгарии.— Вестн. Европы, 1878, № 3, с. 436—441.— То же, отд. отт.
11. О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений (вступительная лекция к курсу сравнительной истории права).— Юрид. вестн., 1878, № 1, с. 3—24.— То же, отд. отт. М., 1878. 22 с. (ценз.) Перераб.— см. № 30.
12. Mea si ra.— Рус. ведомости, 1878, № 10.
13. Юридическое общество. Реферат г-жи Евреиновой.— Там же, № 72.

1879

14. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М. Ч. I. Общинное землевладение в колониях и влияние поземельной политики на его разложение. 6+VII+235 с.
См. также № 677.
Рец.: Арсеньев К. К.— Вестн. Европы, 1879, № 1, с. 305—315. Подп.: *К. К. <Михайловский Н. К.>*— Отечеств. зап., 1879, № 9, с. 58—63. Без подп.
О причинах распада первобытной общины.— Слово, 1879, № 10, с. 136—140. Подп.: *П...*
Свет, 1879, № 9 [обложка]. Без подп.
Неделя, 1879, № 23, 24.
Современные известия, 1879, № 334.
Зибер Н. И.— Юрид. вестн., 1880, № 8, с. 673—682. Подп.: *Н. З.*
Плеганов Г. В. Поземельная община и ее вероятное будущее.— Рус. богатство, 1880, № 1, с. 35—55; № 2, с. 17—36.
Подп.: *Г. В.*
Луцицкий И. В. Следы общинного землевладения в Левобережной Украине в XVIII веке. (Посвящается М. М. Ковалевскому).— Отечеств. зап., 1882, № 11, с. 91—116.
15. *Рец. на кн.: «Слово».* Декабрь, 1878.— Крит. обозрение, 1879, № 1, с. 36—39.
16. *Рец. на кн.: Е. Нассе.* О средневековом общинном землевладении. Ярославль, 1878.— Там же, № 2, с. 30—32.
17. *Рец. на кн.: Histoire de Montesquieu, sa Vie et ses Oeuvres, d'après des documents nouveaux et inédit par Louis Vian.* Paris, 1878 [Луи Вьян. Биография Монтескье].— Там же, № 3, с. 31—37.
18. Ответ профессору Чичерину.— Там же, № 4, с. 33—37.
19. *Рец. на кн.: Г. А. Де-Волян.* Угорская Русь. Исторический очерк. М., 1878.— Там же, № 4, с. 44—46.
20. Еще о Самоквасове и его методологических приемах [*Рец. на кн.: Д. Самоквасов.* История русского права. Варшава, 1878. Т. I].— Там же, № 8, с. 15—25.
21. *Рец. на кн.: Н. Кареев.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.: Историческая диссертация. М., 1879.— Там же, № 9, с. 17—36. Подп.: *Ред.**
22. По поводу нового сочинения о Локке. [*Рец. на кн.: Locke J. Sa vie et son oeuvre d'après des documents nouveaux par Henry Marion.* Paris, 1878 (Bibliothèque de philosophe contemporaine)] — Там же, № 13, с. 17—27.

* См. ответ Н. И. Кареева.— Там же, № 10, с. 45—48.

23. Рец. на кн.: [«Зап. имп. РГО по отд. этнографии», т. VIII, изд. под ред. П. А. Матвеева. СПб., 1878). Сборник народно-юридических обычаев, изданный Матвеевым.— Там же, № 14, с. 20—27.
24. Рец. на кн.: Лучицкий И. В. Провинциальные собрания во Франции при Людовике XIV и их политическая роль. Киев, 1879.— Там же, № 15, с. 32—33.
25. Объяснение по поводу г. Чичерина.— Рус. ведомости, 1879, № 56.
26. Заметка по поводу проекта болгарской конституции.— Слово, 1879, № 3, март, с. 134—139.
27. Иностранное влияние на политическую мысль Англии в XII и XIII столетиях: (К истории политической мысли в Англии в средние века).— Юрид. вестн., № 1, с. 71—90; № 2, с. 198—216; № 7, с. 103—119.

1880

28. Английская конституция и ее историк [В. Стеббс]. М. 61 с.
Рец.: *Арсеньев К. К.*— Вестн. Европы, 1880, № 4, с. 746—752.
Подп.: *К. К.*
Фриман Э., Стеббс В. Опыты по истории английской конституции.— Отечествен. зап., 1880, № 10, с. 195—196.
Водовозов В. В.— Мир божий, 1893, № 12, с. 158—159.
Подп.: *В-зов.*
29. Государственное право европейских держав. Лекции... 1879—1880 гг. [М., 1880]. 136 с. (литограф.)
30. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М. 72 с.
Рец.: *Арсеньев К. К.*— Вестн. Европы, 1879, № 12, с. 821—825.
Подп.: *К. К.*
Новая школа русских юристов.— Слово, 1879, № 12, с. 150—157. Подп.: *Л. С.*
Кистяковский А.— Протокол заседания Киевского юридического общества, 1879, № 13, с. 125—126.
31. История иностранных законодательств: По лекциям... 1879—80 ак. г. [М., 1880]. 128+4 с. (литограф.)
32. Общественный строй Англии в конце средних веков. М. 396 с.
Рец.: *Арсеньев К. К.*— Вестн. Европы, 1880, № 9, с. 371—377. Подп. *К. К.*
Водовозов В. В.— Мир божий, 1893, № 12, с. 159—160. Подп.: *В-зов.*
33. Рец. кн.: Фриман Э., Стеббс В. Опыты по истории английской конституции: Пер. с англ. студентов Московского университета... М., 1880.
Рец.: *Арсеньев К. К.*— Вестн. Европы, 1880, № 6, с. 751—754.

1883

34. История государственного права: По лекциям орд. проф... Курс 1882—1883 гг. [М., 1883]. 336 с. (литограф.)
35. История иностранных законодательств: По лекциям орд. проф... 1882—1883 ак. г. [М., 1883]. 211 с. (литограф.)
36. Поземельная политика североамериканцев.— Рус. мысль, № 4, с. 152—194.
37. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа.— Там же, № 12, с. 137—154.
Перераб.— см. № 88.
Фр. пер. гл. «Матриархат».— см. № 117.
- Рец.: *Абрамов Я. В.* М. М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа.— Отечествен. зап., 1884, № 2, с. 163—167.
Гуккаев С., Урисбиев С. Письмо в редакцию (по поводу статьи Я. В. Абрамова).— Отечествен. зап., 1884, № 4, с. 275—276.
38. Мое знакомство с Кэблем. Из недавней поездки в Америку.— Вестн. Европы, 1883, № 5, с. 313—323. Подп.: *К. М.*
39. Национальный характер североамериканцев.— Рус. ведомости, 1883, № 71, 72, 73.

40. Воспоминания об И. С. Тургеневе.— Там же, № 265.
 41. Александр Иванович Кошелев.— Там же, № 314.
 42. The customs of Ossets and the light they throw on the evolution of law compiled from professor Kovalevsky's russian work on "Contemporary custom and ancient law" and translated with notes by E. Delmar Morgan.— Journal of the Royal Asiatic Society, 1883, N 20.

1884

43. Государственное право европейских держав: Курс лекций орд. проф... за 1883—1884 уч. г. [М.]. 384 с. (литограф.)
 44. История иностранных законодательств: Курс лекций орд. проф... 1883—1884 ак. г. [М., 1884]. 292 с.
 45. В горских обществах Кабарды: Из путешествия Всев(олода) Миллера и Макс(има) Ковалевского.— Вестн. Европы, № 4, с. 540—588.
 46. Шестой археологический съезд в Одессе.— Вестн. Европы, № 12, с. 835—845.
 47. Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из венецианских архивов.— Рус. мысль, № 1, с. 104—114.
 48. О труде г. Иванюкова по истории крепостного права в России. [Иванюков И. Падение крепостного права в России. М., 1882].— Юрид. вестн., № 5, с. 215—230.
 49. Празднование трехсотлетнего юбилея Эдинбургского университета.— Рус. ведомости, № 105, 108.
 50. Тургенев как политический мыслитель и художник.— Там же, № 323, 324.
 51. Ред. кн.: Мэн Г.-С. Древний закон и обычай. Исследования по истории древнего права / Пер. с англ. А. Аммона и В. Дерюжинского... М.: Изд. редакции «Юридического вестника». 312 с.
 Рец.: Вестн. Европы, 1884, № 11, с. 427—428. Без подп.
 Рус. мысль, 1884, № 8, с. 39—41. Без подп.
 Юрид. вестн., 1884, № 1, с. 149—150. Подп.: В. Д.
 Неделя, 1884, № 35.

1885

52. Государственное право европейских держав: Лекции, читанные в 1884/5 г. I. [М.]. 84 с. (литограф.)
 53. Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие.— Вестн. Европы, № 2, с. 793—820.
 54. Памяти графа А. С. Уварова.— Там же, с. 883—889.
 55. Национальный вопрос в старом и новом свете.— Там же, № 6, с. 677—731.
 56. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин.— Юрид. вестн., № 6/7, с. 319—332.
 Перераб.— см. № 88.
 Фр. пер.— см. № 117.
 Англ. реф.— см. № 42.

1886

57. Государственное право европейских держав: Лекции... 1885—1886. [М., 1886]. 270 с. (литограф.)
 58. Древности брачного права преимущественно арийских народов.— Труды VI Археологического съезда (1884). Т. I. Одесса, с. XXVII. [Упоминание об этом докладе, а также еще двух: «Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» и «Древности уголовного права и в частности вопрос об ордалиях»].
 59. Местное самоуправление в Англии и Франции: Лекции орд. проф... на 1885/6 г. [М., 1886]. 311 с. (литограф.)
 60. Первобытное право. М. Вып. I. Род. 168 с. Вып. II. Семья. 171 с.
 Рец.: Соколовский П. А.— ЖМНП, 1887, № 5, с. 171—179.
 Щеглов В.— Юридическая библиография, изд. Демидовским юридическим лицеем. Ярославль, 1887, № 5, с. 8—37.
 Ефимов В.— Юридическая библиография, изд. Юридическим фак-том СПб. университета, 1886, № 8, с. 315—318; № 9, с. 356—358. Подп.: В. Е.

- Дело, 1886, № 8, с. 43—51. Подп.: *Д. К.*
 Рус. мысль, 1887, № 2, с. 97—98. Без подп.
Русанов Н. С. — Рус. мысль, 1889, № 6, с. 210—211.
61. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М. Т. 1, 2; Т. 1 — УП+340 с.; Т. 2 — 410 с. *Англ. пер.* — см. № 42.
Фр. пер. — см. № 116.
 Рец.: Наблюдатель, 1886, № 12, с. 34—35.
 Новь, 1886, т. XI, № 20, с. 461.
 Рус. мысль, 1886, № 12, с. 357—361.
Пономарев С. — Сев. вестн., 1886, № 12, с. 149—157.
 Вестн. Европы, 1886, № 12, с. 910—916. Подп.: *И. Д.*
 Там же, 1886, № 11 [обложка].
Дарест А. — Юрид. вестн., 1887, № 1, с. 529—530.
Стоянов А. Н. — Там же, № 10, с. 259—264; № 11, с. 529—530.
Соколовский П. А. — ЖМНП, 1887, № 3, с. 150—163; № 5, с. 171—179.
 Подп.: *П. С.-ский.*
Пазман С. В. — Отчет имп. Рус. геогр. о-ва. СПб., 1888. Приложение.
Ефименко А. Я. Народный суд в Западной Руси. (Исторический очерк). — Рус. мысль, 1893, № 8, с. 2.
Богданович Л. А. — Юрид. обозрение, 1886, № 296, с. 389—394; № 297, с. 413—418. Подп.: *Лео.*
62. Сословия в России: Лекции, читанные в Московском университете в 1885—1886 гг. М. 142 с. (*литограф.*)
63. У подошвы Эльбруса. Очерк. — Вестн. Европы, № 1, с. 83—112; № 2, с. 553—580 (совместно с *И. И. Иванюковым*).
64. Кризис в западных конституциях. — Там же, № 5, с. 161—202.
65. В Сванетии. Из путешествия *И. Иванюкова* и *М. Ковалевского*. — Там же, № 8, с. 566—612; № 9, с. 5—59.
66. Обзор важнейших явлений в области политической литературы в Англии, Соединенных Штатах, Франции и Германии. — Сев. вестн., № 11, с. 28—41.
67. О русских и других православных рабах в Испании. — Юрид. вестн., № 2, с. 238—254.
68. Древнегерманская марка. Ответ *Фюстель де Куланжу*. — Там же, № 4, с. 675—699. — То же, отд. отт.
69. Взгляд на историю и современное состояние местного самоуправления в Англии. — Там же, № 6/7, с. 259—284.

1887

70. Государственное право европейских держав. Лекции орд. проф... 1886—1887. [М., 1887]. 192 с. (*литограф.*)
71. Происхождение частного землевладения у аллеманов. — Юрид. вестн., № 1, с. 3—20; № 2, с. 239—263.
72. Взгляд на историю русской дипломатии в Швеции: (На основании данных Королевского архива в Стокгольме). — Там же, № 5, с. 16—57.

1888

73. Заметки о юридическом быте татов. — Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XLVIII (48). Вып. 2 («Труды этнографического отделения», кн. VIII. М., с. 42—49).
74. Секуляризация монастырской собственности в Англии и ее ближайшие последствия. — Рус. мысль, № 1, с. 112—126; № 2, с. 98—131.
75. Стокгольмский университет. — Рус. ведомости, № 294.
76. Университет и жизнь в Швеции. — Там же, № 305.
77. Пшавы (этнографический очерк). — Юрид. вестн., № 2, с. 193—226.
Перепис. — см. № 88.
78. Родовое устройство Дагестана. — Там же, № 12, с. 513—551.
Перепис. — см. 88.
Ит. пер. — см. № 118.
79. Сизов *В. И.* Доклад о предметах, найденных *М. М. Ковалевским* в одной

пещере на Кавказе (прочитанный по поручению М. М. Ковалевского).— Тр. имп. Моск. археол. о-ва, М., т. 12, вып. I, с. 41—42.

80. Сизов В. И. [прочел доклад М. М. Ковалевского «Археологические заметки из путешествия по Кавказу»].— Там же, вып. II, с. 169—171.
81. Early English Land Tenures. I. Mr. Vinogradoff's work.—Law Quarterly Review, 1888, vol. IV, N 15, p. 1—10.— То же, отд. отт. London, 1888. 9 p.
82. Iranian culture in the Caucasus.— The Archaeological Review, London, 1888, vol. I, N 4.

1889

83. Буланжизм.— Рус. ведомости, № 38.
84. Сельская община в Закавказье. (Егiazаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Ч. I. Сельская община [Казань 1889]).— Юрид. вестн., № 6/7, с. 342—352.
85. Декларация прав человека и гражданина.— Там же, № 8, с. 445—477.

1890

86. Взгляд на происхождение и развитие семейства и собственности. СПб Рец.: Книж. вестн., 1890, кн. 7, с. 272.
87. Дагестанская «Народная Правда» («Lex Barbarorum»).— Этногр. обозрение, 1890, № 1, с. 1—24.
Перераб.— см. № 88.
Англ. пер.— см. № 227.
Рец.: Рус. мысль, 1891, № 10, с. 469.
88. Закон и обычай на Кавказе. М. Т. 1, 2. Т. 1—290 с.; Т. 2—304 с.
Фр. пер. гл. «Матриархат» — см. № 117.
Рец.: Книж. вестн., 1890, № 11, с. 442—443.
Сев. вестн., 1890, № 12, с. 129—130. Без подп.
Латкин В.— Ист. вестн., 1891, № 1, с. 237—242.
Щеглов В.— Юридическая библиография, изд. Демидовским юридическим лицеем, 1891, № 23, с. 23—50; № 24, с. 1—31.
Jagiš V. (Ягич И. В.).— Archiv für slavische Philologie, 1892, Bd. XIV, S. 629—630.
89. Etudes sur le droit coutumier russe. (Premier article).— Nouvelle Revue historique de droit français et étranger, Paris, 1890, 14, N 3.
90. Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété, Scrifter utgifna af Lorenska Stiftelsen, Publication de l'Institution Loren, N 2, 1890. Stockholm, 1890, 4+1+202 p.
Рус. пер.— см. № 123, 650.
Исп. пер.— см. № 564.
Рец.: Рус. богатство, 1891, № 2, с. 166—168.
91. История американской конституции. [М., 1890—1891?]. 150 с. (литограф.)
Рец.: Старожев В. Н.— Юрид. вестн., 1890, № 10, с. 300—303. Подп.: В. Н. С-въ.

1891

92. Народ в драме Лопе де Веги «Овечий источник».— В кн.: В память С. А. Юрвева: Сборник, изданный друзьями покойного. М., с. 97—130.
93. Поворотный момент в истории землевладения и земледельческих классов в Англии.— Ист. обозрение, № 3, с. 22—71.
Рец.: Сев. вестн., 1892, № 3, с. 62.
94. Общественный строй Англии в эпоху республики. 1. Аграрный вопрос.— Юрид. вестн., № 12, с. 479—513.— То же, отд. отт.
95. De l'appropriation du sol par le travail en Petite-Russie et en Ukraine. Deuxième article.—Nouvelle revue historique de droit français et étranger, Paris, 1891, 15, N 4.
Рус. перевод — см. № 105.
96. Modern Customs and Ancient laws in Russia. Being the Ilchester lectures for 1889—90. London, 1891. 260 p.

1892

97. Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждою.— В кн.: Помощь голодающим: Науч.-лит. сб. М., 1892, с. 352—369.

- Рец.: Рус. мысль, 1892, № 1, с. 3—4. Без подп.
98. Кромвель и свобода совести в Англии.— В кн.: Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая / Под ред. И. В. Лучицкого. Киев, 1892, с. 5—22.
Рец.: Рус. мысль, 1892, № 6, с. 253.
99. Англомания и американофильство во Франции XVIII века: Очерки.— Вестн. Европы, № 11, с. 5—35; № 12, с. 445—477.
100. Учредительное собрание и борьба венецианского правительства с его политическими принципами: (По неизданным депешам венецианских резидентов и по тайному архиву государственных инквизиторов).— Ист. обозрение, 1892, т. IV, с. 115—176.
101. Зарождение республиканской партии во Франции.— Там же, т. V, с. 65—118.
102. Родоначальники английского радикализма.— Рус. мысль, № 1, с. 1—17; № 2, с. 46—62; № 3, с. 36—58.
103. Кавалеры и круглоголовые: Опыт изучения их политических воззрений.— Сев. вестн., № 7, с. 65—96; № 8, с. 153—162.
104. Политическая доктрина Франции прошлого столетия.— Юрид. вестн., № 11, с. 327—367.
105. Труд как источник права собственности на землю в Малороссии и на Украине / Пер. с фр. Н. В-ча.— Там же, № 5/6, с. 3—35.
106. Предисл. к кн.: *Sophje Kovalevska. Une nihiliste*. Нигилистка. Софья Ковалевской. Женева: Вольная русская типография, с. I—II; переизд.: Женева, 1895; Женева, 1899; в России: *Ковалевская С.* Нигилистка: Роман из эпохи 60—70-х годов. М.: Изд. П. В. Кохманского, 1906.

1893

107. «Из-за дали и разлуки...» (Стихотворение).— Волна: Сб. русской художественной лирики. СПб., с. 173. Подп.: *М. М. Ковалевский* *.
108. Конституция графа Лорис-Меликова. Лондон: Издание Фонда Вольной Русской Прессы, вып. 7. 43 с.
109. Токвиль в его воспоминаниях, письмах и разговорах.— Вестн. Европы, № 7, с. 100—135.
Рец.: Рус. мысль, 1893, № 8, с. 403.
110. Пребывание Вольтера в Англии: (К истории литературных воздействий).— В кн.: Путь-дорога: Научно-литературный сборник в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб., с. 149—167.
111. Рабочий вопрос во Франции накануне революции.— Рус. мысль, № 2, с. 1—29.
112. Крестьянское хозяйство во Франции сто лет назад: (Посвящается Александру Ивановичу Чупрову).— Рус. богатство, № 2, с. 193—237; № 3, с. 143—174; № 4, с. 105—151.
113. Социальное законодательство Конституанты. Народные запросы и правительственные решения.— Сборник правоведения и общественных знаний: Тр. Юрид. о-ва, состоящего при имп. Моск. ун-те, и его стат. отд-ния, т. I, с. 1—84.
Рец.: Рус. мысль, 1893, № 5, с. 232. Без подп.
Сев. вестн., 1893, № 9, с. 74. Без подп.
114. Первая постановка вопроса о всеобщем голосовании.— Там же, т. II, с. 13—43.
Рец.: Рус. мысль, 1894, № 9, с. 453—454. Без подп.
Сев. вестн., 1894, № 3, с. 94. Без подп.
115. Общественные доктрины прошлого века.— Сев. вестн., № 3, с. 41—73; № 4, с. 37—51; № 5, с. 97—124; № 6, с. 113—147; № 7, с. 125—141; № 8, с. 71—100.
Рец.: Рус. мысль, 1893, № 4, с. 204—207; № 8, с. 405; № 9, с. 454.
116. *Coutume contemporaine et loi ancienne: droit coutumier ossétien, éclairé par l'histoire comparée*. Paris, 1893. 520 p.

* Указание на авторство М. М. Ковалевского см.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965, с. 401.

117. La famille matricarcale au Caucase. — *Antropologie*, 1893, N 4.
 118. L'organizzazione del clan nel Daghestan. — *Rivista italiana di sociologia*, 2, 1893, N 3.
 119. Издал: Литературные сочинения С. В. Ковалевской. СПб. 320 с.

1894

120. Беглые заметки об Оксфорде. — *Рус. ведомости*, № 232, 234.
 121. Два парламента: Отрывок из истории пуританских движений в Англии. — *Рус. богатство*, № 2, с. 81—108; № 3, с. 31—61.
 122. Кондорсе (1743—1794): Характеристика. — *Вестн. Европы*, № 3, с. 99—144; № 4, с. 469—507.
 Рец.: *Колубовский Я.* Философский ежегодник: Обзор книг, статей и заметок, преимущественно на русском языке, имеющих отношение к философским знаниям. Год второй. 1894. М.: Изд. Л. Ф. Пантелеева. 1906, с. 109, № 403.

1895

123. Очерк происхождения и развития семьи и собственности: Лекции, читанные в Стокгольмском университете / Пер. с фр. М. Иолшина. СПб. 152 с. (Популярно-научная библиотека Ф. Павленкова). 2-е изд. — СПб., 1899.
 Рец.: *Михайловский Н. К.* — *Рус. богатство*, 1895, № 11, с. 46—60.
ЖМНП, 1895, № 10, с. 386—389. Без подп.
 Новое слово, 1895, № 1, октябрь, с. 71—74. Без подп.
 Мир божий, 1895, № 8, с. 25—28. Без подп.
 Новое слово, 1896, № 12, сент., с. 100—104. Без подп.
 124. Происхождение современной демократии. М. Т. I—III. Т. I—658 с.; Т. II—570 с.; Т. III—352 с.; Т. IV— см. № 139. Отд. главы изд. на фр. яз.
 Рец.: *Виноградов П. Г.* Франция перед революцией. (М. Ковалевский. Происхождение современной демократии. Т. I. М., 1895). — *Рус. мысль*, 1895, № 11, с. 83—93.
 <Никольский А.> — Рец. на т. I. — *Рус. богатство*, 1895, № 2, с. 77—81.
 <Ардашев П. Н.> Рец. на т. II. — Там же, 1896, № 7, с. 64—65.
Алексеев К. — *ЖМНП*, 1895, № 5, с. 238—241.
 Подп.: А. К.
Фортунатов С. — *Рус. ведомости*, 1895, № 360; 1897, № 23; 1899, № 341.
Никольский Б. В. — *Ист. вестн.*, 1895, № 4, с. 299—301. Подп.: Б. В. Н.
Сев. вестн., 1895, № 3, с. 83—84.
 Новое слово, 1896, № 4, январь, с. 87—90.
Рус. мысль, 1898, № 4, с. 138.
Вестн. Европы, 1897, № 3 (обложка).
 Гласность, 1897, № 32.
Хвостов М. М. Новые работы русских исследователей о землевладении и земледельческом классе во Франции перед революцией. Реферат, читанный в заседании Исторического общества 10 марта 1896 года. — В кн.: Издания Исторического общества при имп. Московском университете. Рефераты, читанные в 1896 и [18]97 году. М., 1898, т. II, с. 1—35, 57—91.
 125. Молодость Бенжамена Констана: Очерки. — *Вестн. Европы*, № 4, с. 657—688; № 5, с. 121—154.
 126. Из истории французской публицистики. Прево-Парадоль. — В кн.: Почин: Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., с. 302—327.
 127. Мое научное и литературное скитальчество. — *Рус. мысль*, № 1, с. 61—80.
Перепеч.: *Вестн. знания*, 1916, № 3, с. 223—224.
 128. Английская Пугачевщина. — *Рус. мысль*. № 5, с. 1—30; № 7, с. 24—55; № 9, с. 34—65; № 10, с. 128—156.
 129. Последние десять лет царствования Екатерины в депешах венецианских послов. — *Рус. ведомости*, № 260, 289, 293.
 130. I dispacchi degli ambasciatori Veneti alla corte di Francia durante la rivoluzione. Torino, 1895, vol. I. XXII+516 p.
 130-а. Докл.: «Доисторическое время в России» («Le préhistorique en Russie»).

[Прочитан 1 октября 1894 г. в Париже на II социологическом конгрессе].— Рус. богатство, № 3, с. 84—85 *.

1896

131. Программа государственного права: (Программа чтения для самообразования). 2-е изд. СПб.
132. Месяц в Сицилии: Очерки.— Вестн. Европы, № 10, с. 426—482.
- 132-а. Развитие идеи государственной необходимости и общественной правды в Италии: Ботеро и Кампанелла.— Вопр. философии и психологии, № 1, январь, с. 131—168.
Рец.: Рус. мысль, 1896, № 2, с. 54—55. Без подп.
133. Новое издание книги Маурера [Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadt-Verfassung und der öffentlichen Gewalt, von Georg Ludwig von Maurer. Zweite Auflage mit einleitenden Vorwort von Heinrich Cunov. Wien, 1896; «Die sociale Verfassung des Inkaereichs» von Heinrich Cunov, 1896].— Рус. мысль, № 7, с. 37—43.
134. Вопрос о размерах крестьянской собственности до революции и о том, в чьи руки перешла масса конфискованных у церкви земель.— Там же, № 8, с. 126—141.
135. Coup d'oeil sur l'évolution du régime économique et sa division en périodes. Paris, 1896. 19 p. (Extrait du «Devenir social», N 6, juin, 1896, p. [481]—499.
136. L'avènement du régime économique moderne au sein des compagnes... Paris, 1896. (Extrait de la «Revue internationale de Sociologie». 48 p.).
137. Le passage historique de la propriété collective à la propriété individuelle.— Annales de l'Institut International de Sociologie, t. II. Travaux du second congrès tenu à Paris en septembre—octobre 1895. Paris, 1896.
[Bound with his: Coutume contemporaine et loi ancienne: droit coutumier ossétien, 1893.]— Рус. пер.— см. № 160.

1897

139. Происхождение современной демократии. М. Т. IV. 333 с.; Т. I—III — см. № 124.
140. Новое сочинение о восстании Уота Тайлера в Англии.— Рус. мысль, № 5, с. 46—69.
141. Социология и социологи.— В кн.: Сборник в пользу недостаточных студентов Московского университета / Под ред. В. А. Гольцева. М., с. 1—13.
Рец.: Богданович А. И.— Мир божий, 1897, № 3, с. 11.
Подп.: А. Б.
Соловьев Е. А.— Новости, 1897, № 30. Подп.: Скриба.
Михайловский Н. К.— Рус. богатство, 1898, № 4, с. 160.
142. L'Agriculture en Russie. Paris. 24 p. (Extrait de la «Revue Internationale de Sociologie»).
143. Le système du clan le pays de Galles.— Revue Internationale de Sociologie, 5, N 13.

1898

144. Конституция графа Лорис-Меликова. Лондон.
145. Эволюция экономического строя и ее деление на периоды:
Пер. с фр.— Образование, № 7, с. 97—112; 2-е изд. СПб., 1899.
Перевеч.: «Le Devenir Social».
146. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М. Т. I. 712 с. М., 1900—1903. Т. II—III.
Рец.: Зак Л. С. Новый труд профессора М. М. Ковалевского.— Рус. богатство, 1898, № 11, с. 110—119.
Подп.: Л. С. З.
Новости, 1898, № 203.
Рус. ведомости, 1898, № 186.

* Выступление на данном конгрессе в качестве председателя. См.: Новое слово, 1895, № 1, октябрь, с. 98—99.

Панченко Б.— ЖМНП, 1899, № 4, с. 462—498.

Ист. вестн., 1899, № 5, с. 720—721. Подп.: П. К-ий.

147. La regime économique de la Russie. Paris. 363 p. («Bibliothèque sociologique internationale», t. XIV).
Рец.: Сын Отечества, 1898, № 220, 236.
Рус. ведомости, 1899, № 351.
Gide Ch.— Revue d'Economie Politique, 1899, avril.
148. Ред. и предисл. к кн.: Эсмен А. Основные начала государственного права / Пер. с фр. Н. К(ончевской). М., 1898—1899. Т. I, II; т. I, с. IX—X.
Рец.: Фортунатов С. Ф.— Рус. ведомости, 1899, № 101, 144. Подп. С. Ф.
149. Издал: Арнольди С. С. [Лавров П. Л.]. Задачи понимания истории: Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. М., 1898. 371 с.; 2-е изд. СПб., 1903. 340 с.

1899

150. Краткий обзор экономической эволюции и подразделение ее на периоды / Пер. с фр. В. Палеолог. СПб. 28 с.
Рец.: Новый мир, 1899, № 10, «мозаика».
Рус. ведомости, 1899, № 190. Без подп.
151. Монтескье и подготовительные работы к «Духу законов».— В кн.: Дело: Сборник литературно-научный, изданный Московским отделением Общества для усиления средств СПб. женского медицинского института. М., с. 124—145. [Примечание: «Начало обширной главы о подготовительных работах Монтескье к «Духу законов», вновь написанной автором для 2-го издания его «Происхождения современной демократии»].
Рец.: Рус. мысль, 1899, № 1, с. 2—3.
152. Происхождение идеи долга.— В кн.: Памяти В. Г. Белинского: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. М.: Издание Пенз. обществ. 6-ки им. М. Ю. Лермонтова. М., с. 401—412.
Рец.: Рус. мысль, 1899, № 4, с. 121.
153. Происхождение современной демократии. 2-е изд. М. Т. I. Ч. III—IV. 577 с.
154. Развитие народного хозяйства в Западной Европе: Публичные лекции, читанные в Брюссельском университете. СПб., с. 4. ненап.+225.
Рец.: (Берлин П. А.).— Рус. богатство, 1899, № 6/8, с. 77—78.
Вестн. Европы, 1899, № 5, (обложка).
Рус. ведомости, 1899, № 39.
155. Сравнительно-историческое правоведеие и его отношение к социологии: Методы сравнительного изучения права.— В кн.: Сб. по общественно-юридическим наукам / Под ред. проф. Ю. С. Гамбарова. СПб., вып. 1, с. 1—29.
156. Экономический строй России: Пер. с фр. СПб. 146 с. (Библиотека научного обозрения).
157. La fin d'une aristocratie ou Chute de la République de Venise. Bocca frères. Turin, [1899], X+349 p.
158. Morale sociale. Leçons professées au Collège libre des sciences Sociales par G. Belot, Marcel, Bernes, Brunschweig, F. Buisson, Dauriac, Delbert, Ch. Gide, M. Kovalevski... Préface de Emile Boutroux. Paris.

1900

159. Международная школа Парижской выставки: (Лекция, читанная в Париже).— Рус. ведомости, № 295, 300.— То же, отд. изд. М., 1900. 15 с.
160. Эволюция собственности. Исторический переход от коллективных форм землевладения к частной собственности / Пер. с фр. М. Ф. Суперанского.— Вестн. всемирной истории, № 3, с. 85—124. [Примечание: L'évolution de la propriété. La passage historique de la propriété collective à la propriété individuelle очерк, прочитанный автором на II Международном социологическом конгрессе и помещенный в т. II последнего].

161. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М. Т. II. Английское поместье во второй половине средних веков. 1004 с.+6 ненап.
162. Экономический строй России: Пер. с фр. СПб. 240 с.
Рец.: *Стукалич В. К.* М. Ковалевский. Экономический строй России: Пер. с фр. СПб., 1901. Библиографическая заметка. Витебск, 1901, 36 с.
163. Предисл. к кн.: Монтескье. О духе законов или отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. К чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных / Пер. с фр. под ред. А. Г. Горнфельда и М. М. Ковалевского. СПб. с. I—XCI.
164. Предисл. к кн.: Морган Л.-Г. Первобытное общество: Исследование прогресса человечества из дикого состояния к варварству и из варварства к цивилизации / Пер. П. П. Румянцева под ред. проф. Д. Н. Кудрявского... СПб., с. IX—XIII.

1901

165. Происхождение современной демократии. 2-е изд. М. Т. I, ч. I—II. IX+687 с.
Рец.: *Алексеев К.*— Ист. вестн., 1901, с. 1187—1191.
166. Новые данные о Ж.-Ж. Руссо.— В кн.: Помощь евреям, пострадавшим от неурожая: Литературно-художественный сборник. СПб., с. 69—76.
167. Поездка в Америку.— Рус. ведомости, № 171, 176, 192, 198, 212, 222, 231, 236, 244, 253, 260, 266, 280.
168. В стране мормонов.— Там же, № 272.
169. Государственный университет Калифорнии.— Там же, № 290.
170. Предисл. к кн.: Пост А.-Г. Зачатки государственных и правовых отношений: Очерки по всеобщей сравнительной истории государства и права / Пер. Н. В. Теплова. М., с. 3—7.
171. Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der Kapitalistischen Wirtschaftsform. Berlin: R. L. Prager, 1901—1914. Vol. 1—7. (Bibliothek der Volkswirtschaftslehre und Gesellschaftswissenschaft XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XX). Bd. I—1901; Bd. II—1902; Bd. III—1905; Bd. IV—1909; Bd. V—1911; Bd. VI—1913; Bd. VII—1914). Bd. I. Römische und germanische Elemente in der Entwicklung der mittelalterlichen Guts-herrschaft und der Dorfgemeinde. Uebersetzt von Leo Motzkin. Berlin, 1901.
172. La fin d'une Aristocratie; traduit du russe de par Casimir Krauz. Turin, [1901], X+349 p.
173. Le problème du droit comparé, ses méthodes et son rapport avec la sociologie.— Annales de l'Institut International de sociologie, t. VI, contenant les travaux de l'année, 1899. Paris, 1901.

1902

174. Социология и сравнительная история права. М. 35 с.
175. Рабочий вопрос в средние века.— Вестн. всемирной истории, № 1, с. 1—11.
176. Поклонение предкам у кавказских народов.— Там же, № 3, с. 1—16.
Перепечат.: газ. Кавказ, 1902, № 107, № 108; газ. Терские ведомости, 1902, № 138.
177. Современные социологи.— Рус. ведомости, № 267, 272.
178. Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der Kapitalistischen Wirtschaftsform. Berlin: R. L. Prager. Bd. II. Die Feudalisierung des Grundbesitzes in ökonomischer Beziehung. Uebersetzt von Leo Motzkin. 1902. 466 S.
179. Rozwój stosunków economicznych w Zachodniej Europie. Warszawa, 1902. 330 S.
180. Russian political institutions. The growth and development of these institutions from the beginnings of Russian history to the present time. Chicago, 1902. IX+299 p.
181. [Выступление на Международном социологическом конгрессе в Брюсселе]

1903

182. Задачи Русской высшей школы общественных наук.— В кн.: Гамбаров Ю. С., Ковалевский М. М. Русская высшая школа общественных наук в Париже. Ростов н/Д, с. 11—15.
183. Международная школа Парижской выставки: (Лекция, читанная 13-го октября н. с. в Париже).— Там же, с. 39—57.
184. Международная школа Парижской выставки: (Лекция, читанная 13-го октября в Париже).— В кн.: Русская высшая школа общественных наук в Париже, 1901/02 уч. год. Первый академический год / Париж: Издание Рус. высш. шк., с. 1—23.
185. Речь... произнесенная на фр. яз. в Русской высшей школе, в день открытия ее, 14 ноября 1901 г.— Там же, с. 23—28.
186. Речь... произнесенная в Русской высшей школе, в первый день открытия ее, 14 ноября 1901 г.— Там же, с. 29—33.
187. Низшая земская единица в Соединенных Американских Штатах.— В кн.: Мелкая земская единица: Сб. статей / Изд. кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховского, при участии редакции газеты «Право». 2-е изд., перераб. и доп. СПб., [1903], с. 87—107.
188. О задачах Школы общественных наук.— Вестн. воспитания, № 6, с. 1—17.— То же, отд. отт. М., 1903, 19 с.
189. Теория заимствования Тарда.— Там же, № 9, с. 1—15 [Примечание: «Доклад, прочитанный по-французски профессором М. М. Ковалевским на парижском социологическом конгрессе в июле 1903 г.»].— То же, отд. отт. М., 1903, 17 с.
190. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М. Т. III. Организация промышленности и рабочий вопрос в середине века. 434 с.
191. Этюды о современном обычае и древнем законе России: (Лекции, читанные в Оксфордском университете). Этюд I. Брачные обычаи и нравы русского народа и эволюция брака в их освещении.— Всемирный вестн., № 1, с. 1—21.
192. [Этюды о современном обычае и древнем законе России]. Этюд II. О современной русской семье и главным образом о т. н. большой семье или семейной общине у великороссов.— Там же, № 2, с. 1—26.
193. Early Slawonic Law.— Quarterly Review, London, 1903, vol. XIX, p. 76—83.
194. Institutions politiques de la Russie. Naissance et développement de ces Institutions des commencements de l'histoire de Russie jusqu'à nos jours. Paris, 1903, 370 p. Traduit de l'anglais par M-me Derocquigny. Paris, 1903. 370 p. («Bibliothèque internationale de droit public, publiée sous la direction de Max Boucard et Gaston Jèrè»).
195. Zarys Początców i Rozwoju i Własności. (Wykkady w universytecie Sztokholmskim). Przekład z francuskiego Marji Gomółńskiej. Warszawa, 1903. 238 p.
196. Издал: А. Доленга [Лавров П. Л.]. Важнейшие моменты в истории мысли. М. 998 с.

1904

197. Вместо предисловия. Массовые перемещения жителей, прилив их в города и отлив в села. Этюд из области социальной динамики.— В кн.: Вандервельде Э. Деревенский отход и возвращение на лоно природы, Одесса, с. [III]—XXIV.
198. Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин, [1904]. 117 с. Ч. 106.
199. Этнография и социология.— В кн.: Вестн. воспитания, № 3, с. 34—66 [Примечание: «Лекция, прочитанная... на фр. яз. в парижской «Ecole Libre des Hautes Etudes Sociales»»].
200. Юридический быт генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в.— В кн.: Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Вла-

димирскому-Буданову его учениками и почитателями / Изд. под ред-
М. Н. Ясинского. Киев, с. 195—228.

1905

201. Действительная природа Государственной думы: Доклад, прочитанный в заседании Харьковского юридического общества 11 сентября 1905 года. Харьков. 29 с.
202. Из истории государственной власти в России. М. 112 с.
203. К истории всеобщего избирательного права.— В кн.: Пифферун О. Европейские избирательные системы: (Парламентские, провинциальные и муниципальные) / Пер. Ю. Стеклова: Редактор П. А. Берлин. СПб.: Издание Г. Ф. Львовича, с. 334—361 (Сер. «Современная Европа»). [Примечание: «Актовая речь, произнесенная в Новом Университете в Брюсселе. (Пер. с фр., пром. и испр. автором)].
204. К ранней истории Азова. Венецианские и генуэзские колонии в Танае в XIV веке.— В кн.: Тр. XII Археологического съезда в Харькове, 1902. Харьков, 1905, т. 2, с. 109—174.
205. К ранней истории Азова. М. 66 с.
206. Д. И. Каченовский. Характеристика Д. И. Каченовского в связи с личными о нем воспоминаниями.— В кн.: Памяти Дмитрия Ивановича Каченовского. Торжественное заседание Юридического общества при имп. Харьковском университете 22-го ноября 1903 года. Харьков, с. 21—42.— То же, отд. отт. 21 с.
207. Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века. СПб. 47 с. («Всеобщая библиотека» Г. Ф. Львовича).
208. Происхождение всенародного голосования.— Всемирный вестн., № 5, с. 3—25.
209. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. СПб. 191 с.
210. Рабочий вопрос во Франции накануне революции. СПб. 56 с. («Библиотека Марии Малых», № 53) (ценз.).
211. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. Вып. I, II. Приложение к журналу «Вестник и библиотека самообразования», февраль и март 1905 г. («Брокгауз и Ефрон. Библиотека самообразования»). СПб. 312 с. (ценз.)
212. Русская высшая школа общественных наук в Париже: Лекции профессоров РВШ в Париже / Под ред. проф. Е. В. де-Роберти, Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевского. СПб.
 - а) Ковалевский М. М. Предисловие, с. I—VII.
 - б) Он же. Социальная доктрина Спенсера, с. 58—84.
 - в) Он же. Исходные моменты в развитии капиталистического хозяйства, с. 247—273.
 - г) Он же. Взгляд на общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века, с. 497—530.
213. Северо-Американские Соединенные Штаты.— В кн.: Политический строй современных государств. СПб., т. 1, с. 272—400.
214. Современные социологи. СПб. XIV+413 с.
215. Новое социологическое общество [в Лондоне и его сборник «Sociological Papers». London, Macmillan, 1905].— Мир божий, № 8, с. 35—49.
216. Представительство имущества не есть представительство населения.— Право, № 35, стб. 2835—2842.
217. Учение о личных правах.— Рус. мысль, № 4, с. 97—125.— То же, отд. отт. 42 с.; 2-е изд. М., 1906.
218. Политические доктрины протестантизма во Франции.— Там же, № 10, с. 103—137.
219. Предисл. к кн.: Вильсон В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений / Пер. под ред. А. С. Яценко и М. М. Ковалевского. С приложением текста важнейших конституций. М., с. XXIX—XLIII. Рец.: (Верховский П. В.) — Ист. вестн., 1905, № 3, с. 948—950. Подп.: П. В. В.

220. К открытию семестра.— Рус. ведомости, № 241.
 221. Докл.: Сопещение земских и городских деятелей.— Там же, № 253.
 222. Отношение России к окраинам.— Там же, № 264.
 223. Докл.: «Съезд земских и городских деятелей». — Там же, № 296.
 224. Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der Kapitalistischen Wirtschaftsform. Bd. III. Englische, deutsche, italiensche und spanische Wirtschaftsverfassung in der zweiten Hälfte des Mittelalters. Uebersetzt von J. Stein und Rasum Brodsky. Berlin, 1905.
 225. L'évolution de la libertés publiques en Russie. Paris, 1905. 19 p. (Extrait de la «Revue internationale de sociologie».)
 226. Le Clan chez les tribus imigènes de la Russie. Paris, 1905. 23 p.
 227. The Lex Barbarorum of the Daghestan.— Journal of the Anthropological Institute. London. 1905, 25.
 228. Introduction. Voir Cosentini F. La Sociologie génétique. Paris, 1905 («Bibliothèque de philosophie contemporaine»).

1906

229. Бельгийская конституция. В кн.: Политический строй современных государств. СПб., т. II, с. 50—93.
 230. [Выступления]: — В кн.: Государственная дума: Стенографические отчеты, 1906 год. Сессия первая. СПб., т. I, с. 42, 46, 60, 66, 75, 105—108, 158—160, 171, 172—174, 181, 183, 186, 216, 220, 247, 278, 343—344, 435—437, 448, 557, 658—660, 771, 791; т. II, с. 968—969, 1037—1039, 1085, 1165—1168, 1201—1202, 1287—1288, 1389, 1458—1460, 1468, 1858, 1862. См. также: Работа Первой Государственной думы / По стенографическим отчетам составил И. Бонч-Осмоловский; Под ред. С. И. Бондарева. СПб., с. 14, 41, 62—64, 70, 95—96, 115—116, 128—130, 136, 365—366, 390—392, 428—429, а также: Собрание речей гг. депутатов Государственной думы I и II созыва. СПб., 1908, кн. I, с. 20, 52—55, 85—90, 104; кн. II, с. 129—131; кн. III, с. 251—253, 293—297.
 231. Государственное право Англии. Курс, составленный под ред. проф... по лекциям, читанным в СПб. университете в 1906—7 ак. г. (Изложение конспективное). СПб. 321 с. (*автограф.*)
 232. Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Лондон; СПб., [1906]. 80 с.
 233. Национальный вопрос и равенство подданных перед законом. Варшава. 15 с. (Перепеч. из газ. «Русское слово»).— То же. 2-е изд. СПб., [1907].— То же, перепеч.: в кн.: Евреи и равноправие. Одесса, 1905, (*цена.*)
 234. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. М., 1906. Т. I—III; т. I—VIII+520 с.; т. II—493 с.; т. III—293 с.
 Рец.: *Фортуатов С. Ф.*— Рус. ведомости, 1906, № 275. Ист. вестн., 1906, № 3, с. 1048—1050; 1907, № 1, с. 342—343. Подп.: *П. Б.*
 235. Очерк истории развития социологических учений.— В кн.: История XIX века. (Западная Европа и внеевропейская государства) / Под ред. проф. Лависса и Рамбо; Пер. с фр., с доп. ст. проф. П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. СПб.: т-во бр. А и И. Гранат и К^о, т. V, с. 292—339.
 236. Партия демократических реформ и ее программа.— Вестн. Европы, № 1/2, с. 786—793.— То же, отд. отт. 7 с.
 237. Политическая программа нового союза народного благоденствия. Очерк. СПб. 23 с.
 238. Русская конституция. (Политическая библиотека. «Биржевые ведомости»). Бесплатное приложение к «Биржевым ведомостям» второго издания (вып. 5, 6). I. Свободы; II. Избирательное право. СПб. 48+36 с.
 239. Учение о личных правах. М. 42 с.
 240. Что такое парламент? СПб. 41 с. (Сер. Библиотека самообразования; вып. 2).
 241. Kwestja robotnicza we Francyi we przededniu Revolucyi. Warszawa.

242. La crise Russie. Notes et impressions d'un temoin. Paris. 304 p.
243. L'Agriculture en Russie. [Paris].
244. Отчет членов Государственной думы, избранных для участия в междупарламентской конференции в Лондоне [совместно с М. Острогорским, Ф. Родичевым и А. Свечинным].— Речь, № 129.
245. Как обратить обывателя в гражданина? — Рус. ведомости, № 292.
246. Манифест 17 октября.— Рус. слово, 6 ноября [под заглавием «Государственная дума»], 8, 11, 16 ноября.
247. Макиавеллизм на русской почве.— Страна, № 1.
248. Самобытность реформы 19 февраля. Подп.: М. К.— Там же.
249. [Партийная жизнь: о собраниях членов партии демократических реформ и о поездке М. Ковалевского и А. Посникова в Москву].— Там же.
250. Смертный приговор [П. П. Шмидту].— Там же, № 2.
251. За что карают.— Там же, № 5.
252. Верховья двух освободительных течений.— Там же, № 7.
253. Учредительное собрание или парламент? — Там же, № 8.
254. Памяти Лорис-Меликова.— Там же, № 9.
255. Политическая программа нового союза народного благоденствия.— Там же, № 10.
256. [Выступление]. Собрание партии демократических реформ.— Там же, № 12.
- 257*. Вольные школы общественных наук.— Там же, № 20.
258. Права законодательного почина.— Там же, № 38.
259. Земельный вопрос на предвыборных собраниях.— Там же, № 39.
260. О государственном вмешательстве в сферу землевладения.— Там же, № 41.
261. Воспоминания о Сан-Франциско.— Там же, № 42.
262. Будущий Государственный совет.— Там же, № 43.
263. Проект новых основных законов.— Там же, № 44.
264. Ответственность министров в проекте основных законов — Там же, № 45.
265. Почин народного представительства в налоговом обложении.— Там же, № 46.
266. Права Думы и Совета.— Там же, № 47.
- 267*. Общинное и подворное землевладение.— Там же, № 50—53.
268. К съезду партии народной свободы. Подп.: К.— Там же, № 53.
269. От слов к делу [о съезде членов демократической партии].— Подп.: К.— Там же, № 54.
270. Оставшиеся за флагом.— Там же.
271. К открытию Думы.— Там же, № 55.
272. Эволюция партий.— Там же, № 56.
273. Свободы.— Там же, № 57.
274. Бюро Думы.— Там же, № 58.
275. Приветствия Думе. Подп.: М. К.— Там же, № 60.
276. Амнистия в Государственной думе.— Там же, № 61.
277. О Государственном совете.— Там же, № 64.
278. Внутренняя жизнь думы.— Там же, № 65.
279. Внутренняя жизнь Государственного совета.— Там же, № 66.
280. Вечные требования.— Там же, № 67.
281. На двух полкосах.— Там же, № 68.
282. Неприкосновенность личности.— Там же, № 69.
283. Наказ Государственной думе.— Там же, № 70.
284. Взгляд в ближайшее будущее.— Там же, № 73.

* 4 марта 1906 г. в Дворянском собрании на учредительном заседании «Лиги образования» М. М. Ковалевский выступил с докладом «О пользе, какую могут принести распространению общественных знаний вольные школы».— Речь, 1906, № 11.

** 17 апреля 1906 г. М. М. Ковалевский в зале Тенишевского училища прочитал лекцию «Общинное землевладение и подворное» в пользу крестьян, пострадавших от неурожая.— Страна, 1906, № 46.

285. Речь... при первом чтении закона о неприкосновенности личности.— Там же.
286. Думские задачи и решения.— Там же, № 74.
287. Крестьянское красноречие.— Там же, № 75.
288. Прения по вопросу об отмене смертной казни: (Речи М. Ковалевского и В. Кузьмина-Караваева).— Там же, № 76.
289. За и против.— Там же, № 78.
290. Запад и Восток.— Там же, № 79.
291. Тактика и партийность: По поводу странной заметки «Слова».— Там же, № 81.
292. Ответ г. Кофоду.— Там же.
293. Почему мы так настаиваем на политической ответственности министров? — Там же, № 82.
294. Член Государственной думы Герценштейн.— Там же, № 85.
295. Чего ждали и что получили.— Там же, № 86.
296. В поисках за предками.— Там же, № 87.
297. «Избыток добродетели становится пороком».— Там же, № 88.
298. [Передача М. М. Ковалевским и А. Г. Спягиным обращения к Николаю II об отмене смертной казни].— Там же.
299. Свобода совести.— Там же, № 89.
300. Нравственный авторитет Думы.— Там же, № 91.
301. Речь..., произнесенная в заседании Думы 7 июня.— Там же, № 92.
302. Кому направить запрос о нерадении властей на Кавказе? — Там же, № 93.
303. Женский вопрос.— Там же, № 94.
304. Речь... в заседании 9-го июня 1906 года по поводу ответа министра внутренних дел.— Там же, № 95.
305. Наш долг: (Письмо в редакцию). [О погроме в Белостоке]. Подп.: А. и М. Лукашевич, М. К., А. Д.— Там же, № 96.
306. Стыдно...— Там же, № 97.
307. Прекраснодушие и зверство.— Там же, № 98.
308. Казачество.— Там же, № 99.
309. Религиозная свобода.— Там же, № 100.
310. Открытое письмо министру внутренних дел [об Антоне Щербак].— Там же.
311. По поводу земельной программы новой партии прогрессистов.— Там же, № 101.
312. Социал-демократическая партия в Государственной думе.— Там же, № 103.
313. Речь... о праве собраний.— Там же.
314. Что же дальше? — Там же, № 104.
- 315*. Кадетское понимание английской конституции.— Там же, № 105.
316. Законодательные теснины, прорываемые жизнью.— Там же, № 108.
317. Обращение к писателю земли русской [Л. Н. Толстому].— Там же, № 109.
318. Длинноземье.— Там же, № 111.
319. Земельная община и крестьянское равноправие.— Там же, № 112.
320. Чересполосность.— Там же, № 113.
321. Борьба с чересполосицей в Германии и России.— Там же, № 116.
- 322**. Что же дальше? — Там же, № 124.
323. Свидание в Фридрихсее.— Там же, № 128.
324. Водворение порядка.— Там же, № 130.
325. Государственный банк или банк Мендельсона и К^о? — Там же, № 134.
326. Некролог [Николай Иванович Юрасов].— Там же, № 135.
- 327***. Панисламизм.— Там же, № 137.

* См. ответ: <Левин Д. А.> Недоразумения между проф. Ковалевским и английской конституцией.— Речь, 1906, № 105. Подп.: Д. Л.

** В московских и ленинградских комплексах газеты отсутствуют номера 121, 122, 123.

*** См. возражения А. Бек-Ахвердова «Максиму Ковалевскому (письмо в редакцию)».— Речь, 1906, № 145.

328. Откровенное объяснение.— Там же, № 141.
329. Крестьянские благодетели.— Там же, № 143.
330. Возможно ли соглашение венгров с чехами в ущерб немцам? — Там же, № 144.
331. Соперничество Англии с Германией на Востоке и интересы России.— Там же, № 148.
332. Что думают за границей о новых приемах борьбы с крамолой.— Там же, № 150.
333. Покойная дума в оценке Европы.— Там же, № 151.
334. К погрому в Седлеце.— Там же, № 156.
335. Всеобщее голосование в Австрии.— Там же, № 157.
336. Колонизационная политика и морские вооружения Германии.— Там же, № 162.
337. Князь Петр Долгоруков и курские дворяне.— Там же, № 163.
338. В тесном общении с Одиссеем.— Там же, № 164.
339. Современная Россия в оценке немецких ученых.— Там же, № 166, 173.
340. Наступила ли в обществе реакция? — Там же, № 167.
341. О границах закономерной свободы служащих.— Там же, № 169.
342. Вопросы если не сегодняшнего, то завтрашнего дня.— Там же, № 170.
343. За восемнадцать лет.— Там же, № 171.
344. Раскрепощение.— Там же, № 182.
345. Верить ли? — Там же, № 184.
346. Непомнящие родства.— Там же, № 185.
347. Под общим знаменем.— Там же, № 186.
348. Итоги.— Там же, № 188.
349. P.S. [к статье: М. К-в. Отрывок из воспоминаний о Н. Г. Чернышевском]. Подп.: М. К.— Там же.
350. Определенность.— Там же, № 189.
351. Действительная задача высшей школы.— Там же, № 191.
352. Новые течения мировой политики.— Там же, № 192.
353. А. И. Чупров и его проект решения аграрного вопроса в России.— Там же, № 194.
354. Природа парламентаризма: (Вступительная лекция... в СПб. Университете). I. Переход от сословной к конституционной монархии в Англии. II. Зарождение парламентаризма. III. Природа и виды министерской ответственности.— Там же, № 197, 198, 200.
355. Неосуществленные надежды.— Там же, № 202.
356. Говорят... — Там же, № 203.
357. Вите — революционер.— Там же, № 206.
358. Петербургские кандидаты в Думу.— Там же, № 207.
359. Можно ли править Россией без Думы? — Там же, № 208.
360. Поход на блоки.— Там же, № 209.
361. Представительство столицы в Государственной думе.— Там же, № 210.
362. Coup d'état министерства Столыпина.— Там же, № 212.
363. Не уважай корыто.— Там же, № 213.
364. Усердие по разуму.— Там же, № 215.
365. Аграрный вопрос в бывшем грузинском царстве.— Там же, № 217.
366. Кончина Гольцева и «Русской мысли».— Там же, № 218.
367. В неизвестности.— Там же, № 219.
368. Мирные обновленцы.— Там же, № 220.
369. Аграрный вопрос в мусульманской части Закавказья.— Там же, № 221.
370. Со скрепой или без закрепы... — Там же, № 223.
371. Нарушение министрами основных законов.— Там же, № 226.
372. Вторая девственность.— Там же, № 227.
373. Законодатели себе на беду.— Там же, № 228.
374. Русско-японские недоразумения.— Там же, № 229.
375. Переоценка силы и переоценка слабости.— Там же, № 232.
376. Посредническое решение русско-японского разномыслия.— Там же, № 233.
377. Условия мира на Дальнем Востоке.— Там же, № 234.
378. Примирение двух держав на счет третьей.— Там же, № 235.

379. Наши владения на Тихом океане: (Беседа с одним из прежних управителей этой окраины).— Там же, № 236.
380. Первая Дума и ее критика.— Там же, № 238.
381. Счастливый оборот русско-японского разномыслия: (Пора взяться за ум).— Там же, № 240.
382. Официальное сообщение о ходе наших переговоров с Японией.— Там же, № 241.
383. Внепартийные? — Там же, № 242.
384. «Московский еженедельник» и его редактор.— Там же, № 244.
385. Лебединый ручей.— Там же, № 245.
386. О народной гордости и о долге перед родиной.— Там же, № 246.
387. Откровенная беседа со старым профессором и его редактором.— Там же, № 247.
388. Испытательное средство против правительственной реакции.— Там же, № 248.
389. С кем возможны предвыборные соглашения? — Там же, № 249.
390. Анархия.— Там же, № 250.
391. Пора быть справедливым.— Там же, № 251.
392. Вечнонаследственная аренда крестьян в Западном Закавказье.— Там же, № 252.
393. Беседа в Берлине.— Равенство, № 1.
394. Отчет членов Государственной Думы, избранных для участия в международной конференции в Лондоне. Подп.: М. М. Ковалевский, М. Острогорский, Ф. Родичев, А. Свечин. СПб., 17 июля 1906 года.— Там же.
395. Равенство.— Там же, № 2.
396. Убийство члена Думы Герценштейна.— Там же, № 3.
397. В. Ф. Миллер. Подп.: М. К.— Там же, № 10.
398. Исторические параллели. (Письмо к редактору).— Самоуправление, № 1 (30 ноября), с. 20—22.
399. Ред. кн.: Государственное право Англии: Составлено... по лекциям, читанным в имп. СПб. университете в 1906—7 гг. СПб. 321 с. (литограф.)

1907

400. К депутатам второго призыва.— Московский еженедельник, № 8 (24 февраля), с. 6—9.
401. [Объявление: О выдвижение партий Народной Свободы кандидатами в Государственную думу от СПб.— Гессена И. В., Ковалевского М. М., Кутлера Н. Н., отца Григория Петрова, Родичева Ф. И. и Струве П. Б.] — Речь, 1907, № 26*.
403. Они не ведают, что творят.— Рус. ведомости, № 61.
404. Столыпин в роли профессора конституционного права.— Там же, № 79.
405. На чьих помочах? — Там же, № 87.
406. Университет и общественная наука.— Там же, № 91.
407. Отражение русских событий во французском сознании.— Там же, № 104.
408. По наклонной плоскости вниз.— Там же, № 114.
409. Мнимый Герострат.— Там же, № 121.
410. Амнистия.— Там же, № 123.
411. Мораль и право.— Там же, № 235.
412. Масонство.— Там же, № 241.
413. На рубеже двух течений.— Там же, № 257.
414. К юбилею К. К. Арсеньева.— Там же, № 266.
415. Республика краснокожих.— Там же, № 277.
416. Борьба с пьянством.— Там же, № 283, 285.
417. Бывшее и будущее.— Страна, № 1.
418. Новые явления в русской политической литературе за 1906 год.— Там же, № 2.
419. О понимании правительством начала неприкосновенности собственности (Обращение к «охранителям»).— Там же, № 3.
420. Вопрос Пилата Христу.— Там же, № 4.

* Об этом см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 16.

421. Чем управляется Россия? — Там же, № 5.
 422. Макиавелли или государственный младенец? — Там же, № 6.
 423. Призраки. — Там же, № 8.
 424. Распределение ответственности. — Там же, № 9.
 425. О службе верой и правдой и о любви к казенному ящику. — Там же, № 10.
 426. Предисл. к кн.: Тахтарев К. М. Очерки по истории первобытной культуры. М., с. III—IX. (Народный Университет. Серия наук общественно-гуманитарных); 2-е изд. М., 1916.
 427. Рец. на кн.: Авалов З. Присоединение Грузии к России. 2-е изд. СПб., 1906; Он же. Децентрализация и самоуправление во Франции. СПб., 1905. — Вестн. Европы, № 3, с. 371—374.

1908

428. Общее конституционное право: Лекции, читанные в имп. СПб. университете и Политехникуме в 1907—1908 году / Изд. студента Н. П.-м. СПб. 120+IV с.
 429. Очерки по истории политических учреждений России / Пер. с разрешения автора А. Баумштейна под ред. Е. Смирнова. СПб., [1908]. 243 с. Рец.: *(Мякотин В. А.)* — Рус. богатство, № 10, с. 181—184.
 430. Александр Иванович Чупров: (По личным воспоминаниям о покойном). — Вестн. Европы, № 4, с. 773—777.
 431. Портсмут: Очерк. — Там же, № 6, с. 473—512.
 432. Происхождение старозамячского землевладения в Слободской Украине. — Журн. М-ва юстиции, № 9, с. 38—53.
 433. «Русская Правда» Пестеля. — Минувшие годы, № 1, с. 1—19.
 434. Рец. на кн.: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907. — Там же, с. 294—298.
 435. Воспоминания об И. С. Тургеневе. — Там же, № 8, с. 5—20. Перепеч. с сокращениями — см. № 669.
 436. По случаю полемики двух недавних министров. — Рус. ведомости, № 7, 8.
 437. 87-я статья, ее прошлое, настоящее и будущее. — Там же, № 35.
 438. Революционный консерватизм во Франции в конце XVIII столетия. — Там же, № 49.
 439. Иллюзии и действительность. — Там же, № 66.
 440. Направо кругом, марш! — Там же, № 104.
 441. Недоумения. — Там же, № 110.
 442. Славянская неделя. — Там же, № 116.
 443. Контроль русских законодательных палат над администрацией. — Там же, № 121.
 444. Амурская дорога. — Там же, № 128.
 445. Можно ли закрыть женщинам доступ в университет. — Там же, № 133.
 446. Самоотречение. — Там же, № 267.
 447. Что готовит нам закон о разделе мирских земель? — Там же, № 279.
 448. Предисл. к кн.: Лоу С. Государственный строй Англии / Пер. с англ. В. И. Браудо, под ред. проф. бар. Б. Э. Нольде. СПб., с. 7—12.
 449. Предисл. к кн.: Янжул И. И. Как англичане критикуют свои государственные расходы. Ливерпульская ассоциация финансовых реформ. 2-е изд. [«Примечание: «Посвящается другу моему М. М. Ковалевскому»]. СПб., [1908], с. III—VI.
 450. Orígenes y evolución de la familia y de la propiedad; con un prólogo para la edición, española, por Máximo Kovalevsky... Traducción con autorización del autor por Antonio Ferrer y Robert... Barcelona, [1908], 232 p.
 451. [Статья в «Revue bleue», 1908, ноябрь, в которой М. М. Ковалевский выступает против закона 9 ноября 1906 г.] *

1909

452. Конституционное право: Лекции, читанные в СПб. университете и имп. Политехническом институте в 1908—1909 году. СПб. 120 с. Издание Кассы

* См.: Вестн. Европы, 1909, № 3, с. 215.

Взаимопомощи студентов имп. СПб. Политехнического Института (*автограф.*)

453. Общее учение о государстве. Лекции..., читанные на 3 и 4-ом семестре Экономического [отделения] имп. СПб. Политехнич[еского] инст[итута] в 1908—9 г. СПб. Издание Кассы взаимопомощи студентов имп. СПб. Политехнического института. 214 с. (*автограф.*)
454. Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der Kapitalistischen Wirtschaftsform. Bd. IV. Die Zersetzung der Grundherrlichkeit, des Prozess der Bauernbefreiung. Uebersetzt von August Scholz. Berlin, 1909. 582 S.
455. La France économique et sociale à la veille de la Révolution. Vol. I—II. Paris, 1909—1911. Vol. I. Les campagnes; Vol. II. Les villes. («Bibliothèque sociologique Internationale», 39—40).
456. Спор об основах конституционного права.— Вестн. Европы, № 1, с. 81—99.
457. Порто-Франко во Владивостоке.— Там же, с. 423—437.
458. Общинное землевладение на Западе.— Там же, № 3, с. 196—216.
459. Устарел ли Гоголь? — Там же, № 4, с. 640—648.
460. Причины обезземеления крестьян в Англии.— Там же, с. 758—770.
461. Две жизни.— Там же, № 6, с. 495—522; № 7, с. 5—23.
Перепеч. с сокращ.: см. № 651, 657, 671, 672.
462. К оценке недавних событий в Турции.— Там же, № 6, с. 840—849.
463. Сравнительная история религий как предмет преподавания.— Там же, № 8, с. 843—851.
464. Как решен был на Западе еврейский вопрос.— Там же, № 9, с. 125—154.
465. Мильтон, как поборник народного самодержавия и автономии личности.— Там же, № 11, с. 121—214; № 12, с. 461—481.
466. Обзор русской литературы по государствоведению за 1909 год.— Там же, № 12, с. 842—855.
467. «Грехи» интеллигенции.— Запросы жизни, № 1, с. 3—10.
468. О законе 9-го ноября: Недоговоренная речь (Речь чл. Гос. Сов. ...на заседании Гос. Совета 17-го октября, прерванная председателем, как «выходящая из рамок вопроса»).— Там же, № 2, с. 5—6.
469. Право публичных собраний.— Там же, № 9, с. 3—6.
470. Мир.— Там же, № 11, с. 4—5.
471. Воспоминания о Николае Ильиче Стороженко.— В кн.: Памяти Н. И. Стороженко. М., с. 85—89.
472. Юбилей Л. Н. Толстого.— Рус. ведомости, № 1.
473. Век нынешний и век минувший.— Там же, № 2.
474. Единственные в своем роде палаты.— Там же, № 26.
475. Гоголевские дни.— Там же, № 96.
476. Дворянская честь.— Там же, № 213.
477. Предисл. к кн.: Вильсон В. Государственный строй Соединенных Штатов / Пер. с 20-го издания под ред. П. П. Гронского, Ф. И. Корсакова и М. М. Ковалевского. СПб., с. I—IV.
478. Предисл. к кн.: Кондорс М. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Пер. с фр. Г. К. Шапиро; Под ред. В. Н. Сперанского. Вып. I. Родоначальники социологии. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, с. I—XV.

1910

479. Баденский период жизни Тургенева.— В кн.: Юбилейный сборник Литературного фонда, 1859—1909. СПб., с. 551—583.
480. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности: Глава из истории прогресса.— В кн.: Интеллигенция в России. Сб. статей. СПб., с. 59—88.
481. Дарвинизм в социологии.— В кн.: Памяти Дарвина. М., с. 117—158.
482. Из воспоминаний о В. А. Гольцеве.— В кн.: Памяти Виктора Александровича Гольцева: Статьи, воспоминания, письма / Под ред. А. А. Кизеветтера. М., с. 117—119.
483. История политических учреждений нового времени. Лекции, читанные в имп. СПб. Политехническом институте в 1909—1910 гг. СПб.: Изд. Сту-

- денческой Кассы Взаимопомощи при имп. Политехническом Институте 1909—1910 гг. 293 с. (литограф.)
484. Как решен был на Западе еврейский вопрос. М. 46 с.; 2-е изд. М., 1916.
485. Социология. Т. I. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. Т. II. Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. СПб. Т. I. IX+300 с.; т. II.+296 с.
Рец.: Михайлов П. Е. Возрождение социологии. Максим Ковалевский. Социология. Т. I, II. СПб., 1910.— Научное обозрение, 1911, № 18/19, стб. 560—562.
486. Спор о сельской общине в комиссии Государственного совета.— Вестн. Европы, № 1, с. 259—284; № 3, с. 259—272 (здесь — «Спор о сельской общине»).
487. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века. (Личные воспоминания).— Там же, № 5, с. 178—221.
Перепеч. с сокращ.: см. № 658.
488. Судьбы общинного землевладения в нашей верхней палате.— Там же, № 6, с. 58—81.
489. Финляндский вопрос.— Там же, № 7, с. 253—277.
490. С выставки. (Письмо из Брюсселя).— Там же, № 10, с. 305—319.
491. Сергей Андреевич Муромцев. Опыт его характеристики.— Там же, № 11, с. 363—368.
492. Дмитрий Андреевич Дриль.— Там же, № 12, с. 427—436.
493. Момент.— Запросы жизни, № 1, стб. 2—7.
494. О мерах борьбы с пьянством. [Речь, произнесенная на заключительном собрании первого Всероссийского съезда для изыскания средств борьбы с пьянством 6-го января].— Там же, № 2, стб. 79—88.
495. К приезду французских гостей.— Там же, № 6, стб. 321—324.
496. Неисполненные заветы 19-го февраля.— Там же, № 9, стб. 517—526.
497. Право и насилие в аграрной реформе.— Там же, № 12, стб. 705—715.
498. Семейная собственность: (Речи чл. Гос. совета..., произнесенные на заседаниях Гос. совета 24 и 27 марта при обсуждении 9 ст. законопроекта о крестьянском землевладении, устанавливающей право единоличного распоряжения домохозяина с землюю, укрепленною в личную собственность).— Там же, № 14, стб. 2—16.
499. О рабочем законодательстве. [Речь, произнесенная чл. Гос. совета... в заседаниях Гос. совета... 7-го мая].— Там же, № 18—19, стб. 7—16.
500. Общеперское законодательство и финляндская автономия. [Речь чл. Гос. совета..., произнесенная на заседании Гос. совета 8-го июня].— Там же, № 22, с. 9—22.
501. Писаная и действующая конституция.— Рус. ведомости, № 1.
502. Памяти С. А. Муромцева.— Там же, № 228.
503. О распадах и раздьяконах.— Там же, № 294.
504. Предисл. к кн.: Конт О. Дух позитивной философии: (Слово о положительном мышлении) / Пер. с фр. И. А. Шапиро. СПб., с. 5—8.
505. Ред. (совм. с К. А. Тимирязевым) кн.: История нашего времени: (Современная культура и ее проблемы). СПб., 1910—1917. Т. I—VIII.
506. Введение. Государство на Западе в начале XX века.— Там же, т. 1, с. 1—42.
507. Составитель кн.: Сборник мнений русских профессоров государственного права о природе отношений России к Финляндии. (Мнения Лохвицкого, Чичерина, Сергеевича, Ивановского, Алексеева, Куплевасского, Свешникова...). СПб. 32 с.

1911

508. Дмитрий Андреевич Дриль.— В кн.: Д. А. Дриль как ученый и общественный деятель. СПб., с. 3—12.
509. История американских учреждений: Лекции, читанные в 1907—1908 учебном году / Студ[енты] — составители С. Бернштейн-Коган, Конс[антин]

- Курсель. СПб., [1911—1912?]. 128 с. Изд. Кассы взаимопомощи имп. СПб. политехнического института (*литограф.*)
510. История политических учений нового времени. Лекции, читанные в СПб. политехническом институте... во втором полугодии 1910—11 уч. г. СПб. 89 с. Изд. Кассы взаимопомощи студентов имп. СПб. политехнического института (*литограф.*)
511. Народ в драме Лопе де Вега «Овечий источник» (Фуэнте Овехуна).— В кн.: Сочинения Лопе де Вега. I. Фуэнте Овехуна. Овечий источник. [СПб., 1911], с. 10—38.
512. Необходимость общеобразовательных высших курсов. (К открытию Высших курсов в здании Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта). СПб. 10 с.
513. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. Вып. I. СПб. 312+VII с. (Сер. Библиотека самообразования. Брокгауз — Ефрон).
514. Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der Kapitalistischen Wirtschaftsform. Bd. V. Hoirechtliche Verfassung des Gewerbes und des Zunftwesens. Der schwarze Tod und seine wirtschaftlichen Folgen. Deutsch von Dr. M. V. Kupperberg. Berlin, 1911. 458 S.
- 514-а. Английская конституция.— Новый энцикл. словарь Брокгауз—Ефрон. СПб., [1911], т. 2, стб. 560—593.
515. Бельгийская конституция.— Там же. СПб., [1911], т. 6, стб. 748—762.
516. История Великобритании.— Энцикл. словарь Т-ва А. и И. Гранат. СПб., [1911], т. VIII, стб. 223—692; т. IX. СПб., [1911], стб. 1—271.— То же, отд. изд. СПб., 1911.
Рец.: *Тарле Е. В.*— Запросы жизни, 1911, № 8, с. 511.
517. Значение работ В. И. Сергеевича для сравнительной истории государства.— Вестн. Европы, № 1, с. 363—374.
518. Земство в шести губерниях Западного края.— Там же, № 3, с. 243—259.
519. Прошлое и настоящее 87-й статьи.— Там же, № 4, с. 408—418.
520. Прошлое и настоящее крестьянского землеустройства.— Там же, № 5, с. 234—264.
521. Знаменитый французский юрист Дарест.— Там же, с. 331—335.
522. Василий Осипович Ключевский (Некролог).— Там же, № 6, с. 406—411.
523. Вспехе женское образование.— Там же, с. 416—425.
524. Очерки социального быта Франции. I. Крестьянское землепользование до революции; [II]. Общинное пользование во Франции старого порядка и обязательный раздел мирских угодий, предписанный Конвентом; [III]. Кустари-крестьяне и фабричные рабочие накануне революции; [IV]. Принудительное отчуждение и судьба национальных имуществ во Франции.— Вестн. Европы, № 7, с. 96—142; № 8, с. 204—255; № 10, с. 51—76; № 11, с. 270—289; № 12, с. 183—203.
525. Свобода совести.— Запросы жизни, № 6, стб. 321—330.
526. Затяжье.— Там же, № 12, с. 705—712.
527. Итоги.— Рус. ведомости, № 1.
528. К предстоящему в Думе обсуждению запроса.— Там же, № 91.

1912

529. Дмитрий Андреевич Дриль.— В кн.: Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. С прилож. портрета автора и статей М. Слобожанина, академика А. Ф. Кони... и академика В. М. Бехтерева. СПб., с. IX—СХХI.
530. История монархии и монархических доктрин. Лекции, читанные на экономическом отделении имп. СПб. политехнического института в 1911—1912. СПб. Вып. 1—3. 196+58+146 с. (*литограф.*) Изд. Кассы взаимопомощи при имп. СПб. политехническом институте.
531. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. СПб. 191 с. (*ценз.*)
532. Происхождение современной демократии. Т. I. Общественный и политический строй Франции накануне революции. 3-е изд., испр. и доп. СПб. XII+664 с.

- Рец.: *Иванюков И. И.* Экономическое состояние Франции накануне революции.— Вестн. Европы, 1912, № 4, с. 364—375.
533. Социальное законодательство Государственной думы третьего призыва.— Вестн. Европы, № 1, с. 202—217.
534. Прогресс.— Там же, № 2, с. 225—260.
535. Равноправие в Финляндии.— Там же, с. 428—444.
536. Начало русско-английского сближения.— Там же, № 3, с. 241—264.
537. Наивный цинизм.— Там же, № 4, с. 279—285.
538. Законодательные заимствования и приспособления.— Там же, № 5, с. 47—72.
539. Иван Иванович Иванюков. Опыт характеристики.— Там же, с. 320—339.
540. Герцен и освободительное движение на Западе.— Там же, № 6, с. 211—244.
541. 1812-й год: (Посвящается памяти моего отца, прапорщика в армии Кутузова).— Там же, № 7, с. 193—224.
542. Две смерти. (Фредерик Пасси и Анатоль Леруа-Болье).— Там же, с. 363—367.
543. Освободительное движение на Балканах.— Там же, № 11, с. 321—330.
544. Как возникла конституция Французской республики.— Там же, № 12, с. 200—228.
545. [Речь. Права женщин на наследование..., произнесенная в заседании Гос. совета 7-го февраля 1912 г.].— Запросы жизни, № 7, стб. 398—404.
546. Судьи-начальники и судьи-крестьяне. (В Гос. совете).— Там же, № 8, стб. 449—460.
547. М. И. Долина: (По случаю ее двадцатипятилетнего юбилея).— Там же, № 9, стб. 535.
548. И. И. Иванюков (Некролог).— Там же, № 14, стб. 817—820.
549. Делание выборов.— Там же, № 40, стб. 2241—2248.
550. Смеяться никому не возбраняется.— Там же, № 49, стб. 2781—2784.
551. Свобода совести в нашей Верхней палате.— Рус. ведомости, № 1.
552. Националистические дурачества и надежды прогрессистов.— Там же, № 111, 113.
553. Анатоль Леруа-Болье.— Там же, № 131.
554. П. Ф. Лесгафт.— В кн.: Памяти Петра Францевича Лесгафта. СПб., с. 201—204.
555. Cosentini F. Sociologia; genesi ed evoluzione dei fenomeni sociali, con un'introduzione, «Sociologia e neo-positivismo», del prof. Enrico Morselli, e uno scritto sulla «società primitiva» del prof. Massimo Kowalewsky. Torino, 1912.

1913

556. Демократия и ее политическая доктрина. Курс лекций, читанный на экономическом отделении имп. СПб. Политехнического Института в 1912—1913 гг. СПб. Вып. 1—2. 192+205 с.
557. Какой свет бросает изучение славянского права на бытовые порядки русского крестьянства?— В кн.: Славянский вопрос в его современном значении: Речи и статьи члена Государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева..., Янко Лаврина, проф. П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и проф. М. П. Чубинского. СПб., с. 24—36. [Примечание: «Речь на открытии Общества славянского научного единения 4 сентября 1912 г.». (Общество славянского научного единения).]
558. Мои воспоминания.— Рус. ведомости, 1863—1913: Сб. статей. М., с. 159.
559. Социология на Западе и в России.— В кн.: Новые идеи в социологии: Непериодическое издание, выходящее под ред. профессоров М. М. Ковалевского и Е. В. де-Роберти. Сб. первый. Социология. Ее предмет и современное состояние. СПб., с. 1—10.
560. Веротерпимость на Западе.— Новый энцикл. словарь Брокгауза — Ефрона. СПб., [1913], т. 12, стб. 167—187.
561. Государство.— Там же, т. 14. СПб., [1913], стб. 521—570.— То же: Энцикл. словарь т-ва А. и И. Гранат, т. 16, СПб., [1913], стб. 284—313.
562. Гримм Давид Давидович.— Новый энцикл. словарь Брокгауза — Ефрона, т. 15. СПб., [1913], стб. 47—48. Подп.: М. Р.
563. Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der Kapitalisti-

schen Wirtschaftsform. Bd. VI. Das Verschwinden der Hörigkeit und die Wandlungen der Grundherrschaft in England und Italien. Bauernbefreiung und Grundentlastung in Deutschland und Russland. Uebersetzt von A. Stein. Berlin, 1913, 501 S.

564. Orígenes y evolucion de la familia y de la propiedad. Trad. al español por Feller y Robert. Barcelona, 1913.
565. Судьбы Балкан.— Вестн. Европы, № 1, с. 197—223.
566. Первое собрание сочинений Лопе де Вега на русском языке. Т. I.— Там же, № 3 с. 310—317.
567. Н. К. Михайловский как социолог.— Там же, № 4, с. 192—212.
568. Поход Верхней Палаты против суда присяжных.— Там же, № 5, с. 346—369.
569. Можно ли считать Толстого продолжателем Руссо? — Там же, № 6, с. 343—352.
570. Две смерти [Поль Жансон и Гектор Дени].— Там же, с. 398—401.
571. Современные французские социологи.— Там же, № 7, с. 339—369.
572. Столыпин и объединенное дворянство.— Там же, № 10, с. 406—423.
573. Объединенное дворянство и свобода печати.— Там же, № 11, с. 263—272.
574. Эссен.— Там же, с. 398—408.
575. Армянский вопрос.— Там же, № 12, с. 289—309.
576. Памяти Всеволода Федоровича Миллера.— Там же, с. 361—367*.
577. В. М. Соболевский.— Рус. ведомости, № 108.
578. Чем русские университеты обязаны объединенному дворянству.— Там же, № 145, 146.
579. Благодарность [о запрещении въезда в Россию Г. Брандесу].— Там же, № 230.
580. Провал волостного земства и объединенное дворянство.— Там же, № 273.
581. Речь [о реформе городского самоуправления. Заседание Петербургской городской Думы].— Там же, № 274.
582. Премственность или непрерывность законодательных работ.— Юрид. вестн., № 1, с. 76—83.

1914

583. Заимка.— Новый энцикл. словарь Брокгауза — Ефрона, т. 18, 'СПб., [1914], стб. 103—106.
584. История аристократии: Курс лекций, читанных на Экономич[еском] отделении СПб. Политехнич[еского] Института в 1913—14 уч. году. СПб.: Изд. Кассы Взаимопомощи студентов СПб. Политехнического Института имп. Петра Великого. Вып. 1, 2. 176+156 с.
585. Обословление дозволенных и недозволенных действий.— В кн.: Новые идеи в социологии. Сборник четвертый. Генетическая социология. СПб., с. 84—108.
586. Очерк истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века.— В кн.: История нашего времени. (Современная культура и ее проблемы) / Под ред. М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. Пг. Т. VII, вып. 27—28. Пг., 1914—1915, с. 1—145.
587. Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии.— В кн.: Итоги науки в теории и практике, М., т. X, с. 3—213.
588. Чем Россия обязана союзу объединенного дворянства. СПб. 72 с.
589. Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der Kapitalistischen Wirtschaftsform. Bd. VII. Die Bauern als Eigent über des Bodens in Frankreich von der Revolution. Ihre Lage am Ausgang des XVIII. Jahrns. Die Wirtschaftsmonopole und die Feudalrechte der Grundherren und ihre Beseitigung. Aufhebung mittelalterlichen Standesund Besitzordnung. Einführung der gleichen Erbfolge. Die Säkularisation der Kirchengüter und die Einziehung der Emigrantengüter. Die Aufhebung des Zehnten. Autoren- und Sachregister über das gesammte Werk. Uebersetzt von A. Stein. Berlin, 1914. 509 S.

* Доклад на эту же тему был прочитан М. М. Ковалевским на заседании Этнографического отдела.— Этногр. обозрение, 1914, № 3—4, с. 213.

590. *La Russie sociale*. Paris, 1914. 180 p. («Bibliothèque sociologique internationale». Serie in 18. Н.»).
591. Тени прошлого.— Вестн. Европы, № 1, с. 318—335.
592. За рубежом: (Из переписки русских деятелей за границей: Герцена, Лаврова и Тургенева).— Там же, № 3, с. 210—230.
593. Спасительный тормоз или гибельная запруда? — Там же, № 4, с. 196—210.
594. Памяти Петра Петровича Семенова.— Там же, с. 400—403.
595. Прав ли Государственный Совет, отклоняя постатейное рассмотрение проекта о волостном земском управлении? — Там же, № 6, с. 337—343.
596. Конфликт палат из-за закона о государственной росписи.— Там же, № 7, с. 378—389.
597. Франция эпохи Возрождения. Глава I. Внешние судьбы Франции в эпоху Возрождения. Войны с Италией, Испанией и Англией. Глава II. Внутренний быт Франции в эпоху Возрождения.— Там же, № 7, с. 124—156; № 8, с. 133—177.
598. К вопросу о реформе городского самоуправления.— Там же, № 8, с. 332—340.
599. А. Ф: Кони.— Рус. ведомости, № 22.
600. Предисл. к кн.: Парламентские речи по еврейскому вопросу. Под ред. и с примеч. С. В. Познера. СПб., ч. 1, с. V—XIII.
601. Предисл. к кн.: де-Роберти Е. В. Понятия разума и законы вселенной / Пер. с фр. под ред. автора... СПб., с. 3—4.
602. Предисл. к кн.: Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., с. III-VII.
603. Preface. Voir Chenisse L. *Les Idées politiques des physiocrates*. Paris, 1914.
604. За всесословное волостное земство: Речи, произнесенные в Государственном Совете А. В. Васильевым, Максимом Ковалевским, графом А. П. Толстым, Д. И. Багалеем, Н. В. Мариним и Е. Л. Зубашевым. СПб., с. 16—27.
605. Ред. кн.: Украинский народ в его прошлом и настоящем / Под ред. проф. Ф. К. Волкова (антропология, этнография и искусство), проф. М. С. Грушевского (история, география и статистика), проф. М. М. Ковалевского (хозяйство), акад. Ф. Е. Корша (язык, литература и искусства), проф. А. Е. Крымского (язык и литература), проф. М. И. Туган-Барановского (хозяйство) и акад. А. А. Шахматова (язык и литература). СПб. 1914—1916. Т. 1—2.
606. [Статья М. М. Ковалевского в газ. «Frankfurter Zeitung», 1914 от 3(18) мая с призывом к мирному согласию немецкого и славянского миров] *.

1915

607. Василий Иванович Покровский: Некролог. (Читано в заседании историко-филологического отделения 28 октября 1915 г.).— Изв. Акад. наук. 1915. СПб., стб. 1723—1726.
608. Национальный вопрос и ревизионизм.— В сб. статей: Вопросы мировой войны, под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., с. 549—561.
609. Граф С. Ю. Витте [Некролог].— Вестн. Европы, № 4, с. 362—367.
610. Германцы против англичан. [Примечание: «Речь, произнесенная 12 апреля с. г. в Москве в зале консерватории»].— Там же, № 5, с. 265—296.
611. Е. В. де-Роберти: [Некролог].— Там же, с. 421—423.
612. Страница из истории нашего общения с западной философией.— Там же, № 6, с. 157—168.
613. Армянский вопрос.— Там же, с. 256—274.
614. Рец. на кн.: Барон Б. Э. Нольде. Внешняя политика. Исторические очерки, 1915.— Там же, с. 408—410.
615. Массонство во времена Екатерины: (К истории немецкого влияния в России).— Там же, № 9, с. 96—115.
616. Иностранное обозрение.— Там же, с. 342—350.
617. Борьба немецкого влияния с французским в конце XVIII и первой половине XIX столетия.— Там же, № 10, с. 123—163.

* См.: К 10-летию 1-й Государственной думы. Пг., 1916, с. 220—221.

618. Иностранное обозрение.— Там же, с. 346—360.
 619. Шеллингианство и гегельянство в России: (К истории немецких культурных влияний).— Там же, № 11, с. 133—170.
 620. Философское понимание судеб русского прошлого мыслителями и писателями 30-х и 40-х годов.— Там же, № 12, с. 163—201.
 621. К столятидесятилетию юбилею Вольного экономического общества.— Там же, с. 389—399.
 622. Кавелин К. Д.— Новый энцикл. словарь Брокгауза — Ефрона, СПб., [1915], т. 20, стб. 267—271.
 623. Кампанелла Т.— Там же, стб. 649—652.
 624. Кондорсе А.-Н.— Там же, СПб., [1915], т. 22, стб. 441—447.
 625. Локк Д.— Там же, т. 24. СПб., [1915], стб. 821—826 (стб. 817—827 — *Э. Радлов*).
 625а. Лоу (Low) С.— Там же, стб. 940—941.
 626. Мак-Ленан Д.-Ф.— Там же, СПб., [1915], т. 25, стб. 487—488.
 627. Об А. П. Чехове.— Биржевые ведомости, № 15185. Перепеч.: см. № 659.
 628. Граф. С. Ю. Витте.— Рус. ведомости, № 49.
 629. Страничка из воспоминаний о С. Ю. Витте.— Там же, № 50.
 630. Воспоминания о покойном друге.— Там же, № 59.
 631. Сдвиги и группировки в нашей Верхней Палате.— Там же, № 200.
 632. А. Ф. Кони, как член высшей законодательной палаты.— Там же, № 223.
 633. Предисл. к кн.: М<оголия>ский Е. А. Дневник заложника. 7 месяцев в Карлсбаде. Пг., с. 5—8.

1916

634. Как решен был на Западе Еврейский вопрос. 2-е изд. М. 46 с.
 635. Первая Дума и ее заветы.— В кн.: К 10-летию 1-й Государственной думы, 27 апреля 1906—27 апреля 1916. Пг., с. 89—94.
 636. Соперничество немецкого, французского и английского влияний на русскую интеллигенцию с середины прошлого столетия.— Вестн. Европы, № 1, с. 210—234.
 637. Юбилей А. С. Посникова.— Там же, с. 456—459.
 638. Одна или две ученые степени [Примечание к статье И. А. Линниченко «Проект нового университетского устава»].— Там же, № 2, с. 197—199. Рец.: *Линниченко И. А.* По поводу заметки М. М. Ковалевского о двух ученых степенях. Одесса, 1916[6].
 639. Ранние ревнителы философии Шеллинга в России.— Чаадаев и Иван Киреевский.— Рус. мысль, № 12, с. 115—135*.
 640. Мормоны.— Новый энцикл. словарь Брокгауза—Ефрона, т. 27, СПб., [1916], стб. 208—231. Подп.: *М. М. К.*
 641. Мэн Г.-С.— Там же, стб. 689—692.
 642. Общество.— Там же, СПб., [1916], т. 29, стб. 175—179.
 643. Предисл. к кн.: Тахтарев К. М. Очерки по истории первобытной культуры. 2-е изд. М., с. 3—6 (Народный университет Серия наук общественно-гуманитарных). 1-е изд. М., 1907.

1917

644. (Автобиография).— В кн.: Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Пг., ч. 2, с. 311—322.
 645. Международная война и ее вероятные последствия.— В кн.: История нашего времени. (Современная культура и ее проблемы) / Под ред. М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. Пг., т. 8, вып. 31, с. 1—54.

1918

646. Отзыв о сочинении Ф. В. Тарановского «Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке». Юрьев, 1911.— В кн.: Сб. отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. Академией

Наук. Отчеты за 1912 год. Премия им. М. Н. Ахматова. Пг., с. 294—303; то же, отд. изд. Пг., 1916, 9 с.

1923

647. Vývoj hospodářského zřízení v Západní Evropě. Přednášky jež na brusselské «Svobodné Universitě» konal prof. M. M. Kovalevskij. Z ruského přeložil Jaroslav Kábrle. Praha, [1923]. 139 S.

1925

648. Письмо М. М. Ковалевского А. Н. Пыпину от 11 декабря 1883 г.— В кн.: Из переписки деятелей Академии Наук / Подгот. к печати проф. Д. И. Абрамович. Государственная публичная библиотека в Ленинграде. Серия II. Материалы по истории русской науки, литературы и общественности под общей ред. проф. Н. С. Державина. Л., с. 80—81.
649. Письмо М. М. Ковалевского А. Н. Пыпину от 31 января 1884 г.— Там же, с. 81.

1939

650. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / Пер. с фр. С. П. Моравского; Под ред., с предисл. и примеч. профессора М. О. Косвена. М., 186 с.
Рец.: *Толара Д.*— Историк-марксист, 1940, № 6, с. 120—121.

1940

651. [Встречи с Марксом].— В кн.: Воспоминания о Марксе. М., с. 169—177.
652. Письмо М. М. Ковалевского Л. Н. Толстому от 23 декабря 1887 г.— В кн.: Корреспонденты Л. Н. Толстого / Сост. Ф. В. Буслаев; Под ред. Н. Н. Гусева. М., с. 75.

1951

653. Воспоминания друга.— В кн.: Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., с. 388—395.— То же.— В кн.: Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. 2-е изд., испр. М., 1961, с. 386—393.
654. Действительный феминизм.— В кн.: *Ковалевская С. В.* Воспоминания и письма, с. 393—407; Изд. [2-е], с. 393—405; впервые — газ. Биржевые ведомости, 1916, 1 и 2 марта.
655. Речь на могиле.— В кн.: Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. с. 407; [2-е изд.], с. 405.

1955

656. [Записи М. М. Ковалевского об А. П. Чехове. Архив АН СССР].— В кн.: Гитович Н. И. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., с. 485—486, 500, 645—646, 653.

1956

657. [Встречи с Марксом].— В кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., с. 306—316.
658. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века. (Личные воспоминания).— В кн.: Московский университет в воспоминаниях современников. М., с. 287—294; коммент., с. 471—472.

1960

659. Об А. П. Чехове.— В кн.: А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., с. 447—452.

1966

660. Отд[ельные] мысли для хар[актеристики] Тург[енева]. Неоконченная статья М. М. Ковалевского о повести И. С. Тургенева «Призраки». Публика-

ция Н. С. Никитиной.— Тургеневский сборник. Материалы для полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. II. М.; Л., с. 171—172.

1967

Письма:

661. М. М. Ковалевский — К. Марксу. [Лондон], 22 октября [1875 г.].— В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., с. 320.
662. М. М. Ковалевский — К. Марксу. [Лондон, 1878—1879 гг.].— Там же, с. 356; впервые — В кн.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. [1-е изд.]. М., 1947, с. 190—191; То же. 2-е изд. М., 1951, с. 233—234.
663. М. М. Ковалевский — К. Марксу. [Лондон, 9 сентября 1879 г.].— Там же, с. 394—399.
664. М. М. Ковалевский — К. Марксу. Ницца, [1879—1880 гг.].— Там же, с. 398—399. Впервые: Из переписки К. Маркса с М. М. Ковалевским. (Сообщение И. К. Лушоло).— В кн.: Летописи марксизма. VI. М., 1928, с. 62—75 (письмо, с. 67).
665. М. М. Ковалевский — К. Марксу. Барселона, 8 декабря 1881 г.— В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 454. Впервые: Летописи марксизма. VI, с. 68.
666. М. М. Ковалевский — Ф. Энгельсу. [Лондон, август, 1892 г.].— В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 619—620.
667. М. М. Ковалевский — Ф. Энгельсу. [Лондон], 24 сентября 1892 г.— Там же, с. 626—627.
668. М. М. Ковалевский — Ф. Энгельсу. [Ницца], 2 мая 1894 г.— Там же, с. 677.

1969

669. Воспоминания об И. С. Тургеневе.— В кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969, т. 2, с. 139—154.
670. Из воспоминаний «Моя жизнь». Публикация и предисловие «Воспоминания М. М. Ковалевского» В. М. Шевырина.— История СССР, № 4, с. 59—79; № 5, с. 76—100.
671. [Из статьи «Мое научное и литературное скитальчество»].— В кн.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., с. 59—61.
672. [Встречи с Марксом] из статьи «Две жизни».— Там же, с. 62—78.
673. М. М. Ковалевский — П. Л. Лаврову. Лондон, 27 августа 1879 г.— Там же, с. 161.
674. М. М. Ковалевский — П. Л. Лаврову [Москва, сентябрь 1880 г.].— Там же, с. 188.
675. М. М. Ковалевский — П. Л. Лаврову. Лондон, [июль 1884г.].— Там же, с. 206—207.

1975

676. Моя жизнь. Глава I. Университет / Подгот. текста, публ., предисл. и коммент. М. А. Алпатова и Ю. Н. Емельянова.— В кн.: История и историки. Историогр. ежегодник. 1973. М., 1975, с. 262—297.

1977

677. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Часть первая. (Der Gemeindelandbesitz. Ursachen, Verlauf und Folgen seines Zerfalls.—Erster Teil). Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der 1879 im Verlag F. B. Miller, Moskau, erschienenen Ausgabe mit einer Einleitung von Hans-Peter Hastick. Compus Verlag, Frankfurt; New York, 1977. 235 S. Н.-П. Harstick. Einleitung, S. V—XVI.

ЛИТЕРАТУРА О М. М. КОВАЛЕВСКОМ

Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу. 10 августа 1876 г.— Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 19—22.
- Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу, 11 декабря 1876 г.— Там же, с. 23—25.
- Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу, 17 сентября 1878 г.— Там же, с. 63—65.
- Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу, 27 августа 1879 г.— Там же, с. 81—82.
- Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу, 10 сентября 1879 г.— Там же, с. 87—88.
- Маркс К.* Письмо Н. Ф. Даниельсону, 15 ноября 1878 г.— Там же, с. 276—278.
- Маркс К.* Письмо Н. Ф. Даниельсону, 19 сентября 1879 г.— Там же, с. 323.
- Маркс К.* Письмо М. М. Ковалевскому, 9 января 1877 г.— Там же, с. 185.
- Маркс К.* Письмо М. М. Ковалевскому, Апрель 1879 г.— Там же, с. 286—287.
- Маркс К.* Письмо П. Л. Лаврову, 7 октября 1876 г.— Там же, с. 161—162.
- Маркс К.* Письмо П. Л. Лаврову, 21 октября 1876 г.— Там же, с. 168—170.
- Маркс К.* Конспект книги М. Ковалевского «Общинное землевладение...» — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 45, с. 153—226.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Главы II и VII.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 34—85, 130—144.
- Энгельс Ф.* К истории первобытной семьи...— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 22, с. 214—225.
- Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке».— Там же, с. 294, 298.
- Энгельс Ф.* Письмо К. Марксу, 19 сентября 1878 г.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 67—69.
- Энгельс Ф.* Письмо К. Марксу, 25 августа 1879 г.— Там же, с. 77—78.
- Энгельс Ф.* Письмо К. Марксу, 9 сентября 1879 г.— Там же, с. 84—86.
- Энгельс Ф.* Письмо П. Л. Лаврову, 31 июля 1882 г.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 288.
- Энгельс Ф.* Письмо Е. Э. Паприц, 26 июня 1884 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 147—148.
- Энгельс Ф.* Письмо П. Лафаргу. 27 августа 1890 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 384.
- Энгельс Ф.* Письмо К. Каутскому, 16 сентября 1892 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 38, с. 391.
- Энгельс Ф.* Письмо П. Лафаргу, 10 февраля 1891 г.— Там же, с. 20—23.
- Энгельс Ф.* Письмо К. Каутскому, 29 сентября 1892 г.— Там же, с. 414.
- Ленин В. И.* Примечание 60 к работе «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России».— Ленин В. И. Полн. собр.соч.,т. 7, с. 107—116, 475—476.
- Ленин В. И.* Последнее слово «искровской» тактики или потешные выборы как новые побудительные мотивы для восстания.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 360.
- Ленин В. И.* Правительство, Дума и народ.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 112, 113.
- Ленин В. И.* Тактика РСДРП во время избирательной кампании.—Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 16.
- Ленин В. И.* Близкий разгон Думы и вопросы тактики.— Там же, с. 72.
- Ленин В. И.* Либерализм и демократия.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 242.
- Ленин В. И.* Беседа о «кадетовстве».— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 62.
- Ленин В. И.* Кадеты и националисты.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 157—158.
- Ленин В. И.* Национал-либералы.— Там же, с. 244—246.
- Ленин В. И.* О «юбилее русской интеллигенции».— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 76—77.
- Ленин В. И.* Политические партии в России и задачи пролетариата.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 204.
- Ленин В. И.* К солдатам и матросам.— Там же, с. 224—226.
- Ленин В. И.* Против погромщиков. К рабочим, солдатам и всему населению Петрограда.— Там же, с. 228.

Ленин В. И. Письмо М. И. Ульяновой. 22 декабря 1898 г.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 122—123.

* * *

- Анучин Д. И. Памяти Максима Максимовича Ковалевского.— Этногр. обозрение, 1916, кн. СХ/СХ(109/110), № 1/2, с. 1—16.
- Арсеньев К. К. Максим Максимович Ковалевский.— Вестн. Европы, 1916, № 4, с. V—X.
- Арсеньев К. К. На темы дня... Годовщина смерти М. М. Ковалевского.— Вестн. Европы, 1917, № 3, с. 372.
- Афанасьев П. И. Современники: Альбом биографий. СПб., 1909, т. 1, с. 120—132.
- Боголепов А. А. М. М. Ковалевский как историк политической мысли.— Вестн. Европы, 1916, № 7, с. 249—269.— То же, отд. изд. Пг., 1917.
- Бусекул В. П. М. М. Ковалевский как историк.— газ. Южный край, 1916, 27 марта.
- Вагнер М. Максим Максимович Ковалевский как социолог.— Вестн. Европы 1916, № 8, с. 125—148.
- Вандервельде Э. О смертной казни. (Письмо М. М. Ковалевскому).— Страна, 1906, № 26.
- Васильев А. В. Идея парламента и Первая Государственная дума.— В кн.: К 10-летию I-й Государственной думы. 27 апреля 1906—27 апреля 1916. Пг., 1916, с. 144—156.
- Васильев А. В. Незабвенной памяти М. М. Ковалевского (ум. 23 марта 1916 г.). (Слово, сказанное 28 марта 1916 г. в собрании кружка имени А. И. Герцена).— Там же, с. 217—221.
- Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Пг., 1914, Т. III, с. 114—117.
- Вернадский В. И. Ковалевский в Московском Университете.— Рус. ведомости, 1916, № 69.
- Вилич В. Умер М. М. Ковалевский.— Вестн. знания, 1916, № 3, с. 220—226.
- Виноградов П. Г. Максим Максимович Ковалевский: Некролог. (Составлен и читан в заседании Общего собрания имп. Академии Наук 9 мая 1916 г.).— Изв. Академии наук. Сер. VI, 1916, т. X, № 13, с. 1163—1170.
- Ганцзуккин М. Б. Народонаселение как самостоятельный фактор в экономической эволюции. М., 1899, с. 43—51.
- Гольцев В. А. Иностранное обозрение.— Рус. мысль, 1897, № 12, с. 179—180. Подп.: В. Г.
- Грацианский И. П. М. М. Ковалевский как историк средневековья.— Вестн. Европы, 1916, № 6, с. 143—155.
- Гримм Д. Д. М. М. Ковалевский в Государственном Совете (1907—1916).— Рус. ведомости, 1916, № 69.
- Гримм Д. Д. Ковалевский М. М.— Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., [1915], т. 22, стб. 37—39. Подп.: Д. Г.
- Дживелегов А. К. Максим Максимович Ковалевский.— Изв. литературно-художественного кружка, 1916, сентябрь, вып. 14—15, с. 19—23.— То же. Энцикл. словарь т-ва А. и И. Гранат, т. XXIV. СПб., [1916], стб. 393—398. Без подп.
- Дерман А. Первая лекция.— Вестн. Европы, 1916, № 5, с. 189—191.
- Дикгоф А. А. Мечников о Ковалевском (корреспонденция из Парижа).— Рус. ведомости, 1916, № 71. Подп.: Деренталь.
- Иванов Б. П. М. М. Ковалевский (1851—1916). Казань, 1916.
- Ивановский А. А. М. М. Ковалевский. (Некролог).— ЖМНП, 1916, № 12, с. 102—123.
- Ивановский А. А. М. М. Ковалевский. Биографический очерк. Пг., 1916.
- Измайлов А. М. М. Ковалевский.— Биржевые ведомости, 1916, № 15164.
- Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892, т. I, кн. 1, с. 506, 1490, 1501, 1503, XXIII; Киев, 1908, Т. II, кн. 2, с. 163, 200, 621, 661, 1076, XXXIII.
- Кареев Н. И. М. М. Ковалевский в своих исторических работах.— Право, 1916, № 13.
- Кареев Н. И. М. М. Ковалевский как историк.— Речь, 1916, № 81.

- Кареев Н. И.* М. М. Ковалевский как историк Французской революции. — Вестн. Европы, 1917, № 2, с. 211—226.
- Кареев Н. И.* Эпоха Французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902—1911). СПб., 1912, с. 37—46, 57—59, 111.
- М. М. Ковалевский в Петрограде. — Рус. ведомости, 1916, № 69. Без подп.
- М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб. статей Пг., 1917, 274 с.
- Содерж.: Гл. I. Ковалевский Е. П. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям, с. 5—47; Гл. II. Некрологи и речи. 1. Туган-Барановский М. М. М. Ковалевский как человек, с. 51—53; Арсеньев К. К. М. М. Ковалевский, с. 54—60; Виноградов П. Г. Памяти М. М. Ковалевского, с. 61—65; Гл. III. Законодательная деятельность. 1. Кони А. Ф. М. М. Ковалевский в Государственном совете, с. 69—86; 2. Кузьмин-Караваев В. М. М. Ковалевский в первой Думе, с. 87—93; Гл. IV. Профессорская деятельность. 1. Вагнер В. А. М. М. Ковалевский в вопросах просвещения, с. 97—108; Ивановский А. М. М. Ковалевский в Петроградском университете (1906—1916 гг.), с. 109—114; 3. Гогель С. Одно из крупных дел М. М. Ковалевского, с. 115—118; Гл. V. Научная деятельность. 1. Котляревский С. М. М. Ковалевский и его научное наследие, с. 121—135; 2. Милюков П. Н. М. М. Ковалевский как социолог и как гражданин, с. 136—143; 3. Вагнер В. А. М. М. Ковалевский как социолог, с. 144—168; 4. Кареев Н. М. М. Ковалевский как историк и социолог, с. 169—179; 5. Питирим Сорокин. Теория факторов М. М. Ковалевского, с. 180—195; 6. Кондратьев Н. Д. Рост населения как фактор социально-экономического развития в учении М. М. Ковалевского, с. 196—217; 7. Филиппов А. М. М. Ковалевский как исследователь обычного права, с. 218—232; 8. Соколов К. М. М. Ковалевский как учитель конституционного права, с. 233—244; К-ая И. В. Максим Ковалевский и свобода личности, с. 245—252. Последствие. Последние дни М. Ковалевского. Смерть. Похороны. Отклики общества и прессы, с. 253—263. Список трудов М. М. Ковалевского, с. 264—274.
- М. М. Ковалевский: [Некролог]. — Ист. вестн., 1916, № 5, с. 571—574; Рус. ведомости, 1916, № 69, 71; Экстренное приложение к № 70 от 26 марта.
- Кондратьев Н. Д.* М. М. Ковалевский как учитель. — Вестн. Европы, 1916, № 5, с. 183—188.
- Кони А. Ф.* М. М. Ковалевский в законодательной деятельности. — Вестн. Европы, 1916, № 4, с. XI—XXVII.
- Котляревский С. А.* Памяти М. М. Ковалевского. — Юрид. вестн., 1916, кн. XIV (2), с. 134—136.
- Котляревский С. А.* М. М. Ковалевский как ученый. — Рус. ведомости, 1916, № 69.
- Круазе А.* О смертной казни: (Письмо М. М. Ковалевскому). — Страна, 1906, № 39.
- Кузьмин-Караваев В. Д.* Вопросы внутренней жизни. Черты общественно-политического облика М. М. Ковалевского. — Вестн. Европы, 1916, № 4, с. 304—320.
- Кузьмин-Караваев В. Д.* М. М. Ковалевский в I Думе. — В кн.: К 10-летию I Государственной думы, с. 221—226.
- Магазинер Я.* Политическая идея М. М. Ковалевского в связи с характеристикою его личности. — Вестн. Европы, 1917, № 3, с. 305—326. — То же, отд. отт. *Максимов А.* Работы М. М. Ковалевского в области первобытного права. — Рус. ведомости, 1916, № 70. — То же — Этногр. обозрение, 1916, кн. СІХ—СХ (109—110), с. 56—66.
- Милюков П. Н.* М. М. Ковалевский как социолог и как гражданин. — Речь 1916, № 91 (Речь на публичном заседании Герценовского кружка 28 марта).
- Михайловский Н. К.* Литература и жизнь. — Рус. богатство, 1895, № 11, с. 46.
- Михневич В. О.* Наши знакомые. СПб., 1884, с. 277.
- Модестов В. И.* Русская наука в последние двадцать пять лет. — Рус. мысль, 1890, № 5, с. 88.
- Нечаев В. М.* М. М. Ковалевский. — Журн. М-ва юстиции, 1916, № 4, с. 305—311.
- О лекциях и кухмистерской М. М. Ковалевского. — Былое, 1917, № 2 (24), с. 216—217.

- Овсянко-Куликовский Д. Н.* Воспоминания. Пг., 1923, с. 160—166.
- Овсянко-Куликовский Д. Н.* Последнее прости.— Вестн. Европы, 1916, № 4, с. XXVIII—XXX.
- Памяти М. М. Ковалевского.— Рус. ведомости, 1916, № 70.
- Памяти А. С. Алексеева и М. М. Ковалевского.— Юрид. вестн., 1916, кн. XIV(2), с. 109—112.
- Первые члены I Государственной думы. СПб., 1906, с. 7.
- Пруакин А. С.* Московский иллюстрированный календарь-альманах на 1887 г. М., 1887, с. 270.
- Рец. на кн.: Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. СПб., 1894.— Рус. богатство, 1894, № 5, с. 36.
- Родичев Ф.* У гроба М. М. Ковалевского.— Рус. ведомости, 1916, № 69.
- Русанов Н. С.* Памяти Ковалевского Максима Максимовича.— Рус. зап., 1916, № 3, с. 303—309.
- Русанов Н. С.* В эмиграции / Под ред. и с предисл. и примеч. И. А. Теодоровича. М., 1929, с. 143, 144, 147, с. 245.
- Савин А. Н.* М. М. Ковалевский как историк.— Ист. изв., 1916, № I, с. 170—183.
- Савин А. Н.* Памяти М. М. Ковалевского.— Рус. ведомости, 1916, № 70.
- Самодержавие по-ученому. Из литографированных университетских лекций настоящего.— Рус. дело, 1886, № 3.
- Святиков С. Г.* Опальная профессура 80-х годов.— Голос минувшего, 1917, № 2, с. 5—78.
- Семенов Е.* Высшая Русская Школа в Париже.— Рус. мысль, 1902, № 2, с. 167—181.
- Список учреждений и лиц, приславших в редакцию «Вестника Европы» выражение соболезнования по случаю кончины М. М. Ковалевского.— Вестн. Европы, 1916, № 9, с. 395—397.
- Сорокин П.* Памяти дорогого учителя и обожаемого друга.— Рус. ведомости, 1916, № 69.
- Сорокин П.* Ковалевский и его западные друзья.— Биржевые ведомости, 1916, № 15529.
- Сорокин П.* М. М. Ковалевский как профессор.— В кн.: Путь студенчества. Пг., 1916, с. 20—22.
- Сорский С. М.* М. М. Ковалевский как социолог.— Дело, 1916, № 7—8, с. 3—10.
- Струве П. Б.* М. М. Ковалевский (Некролог).— Рус. мысль, 1916, № 5, с. 98—100.
- Таганцев Н. М.* М. М. Ковалевский как член Верхней палаты.— Рус. ведомости, 1916, № 69.
- Тарановский Ф. В.* Незабвенной памяти М. М. Ковалевского.— Право, 1916, № 13.
- Тарановский Ф. В.* М. М. Ковалевский как историк права.— Вест. гражданского права, 1916, № 5, с. 5—17.
- Тимирязев К. А.* Памяти друга: (Из воспоминаний о М. М. Ковалевском).— Летопись, 1916, № 8, с. 221—225.
- Перепечат.: Тимирязев К. А. Сочинения. М., 1939, т. VIII, с. 323—340. Приложение к статье «Памяти друга».— Там же, с. 341—342.
- Трубецкой Е.* Открытое письмо М. М. Ковалевскому.— Страна, 1906, № 224.
- Фатеев Ар.* Максим Ковалевский: (К годовщине смерти), 1851—1916. Харьков, 1917.
- Филиппов А. Н.* М. М. Ковалевский как ученый исследователь обычного права.— Юрид. вестн., 1916, кн. XV(3), с. 143—156; То же, отд. отд.
- Хвостов М. М.* Памяти М. М. Ковалевского.— газ. Камско-Волжская речь, 1916, № 69.
- Чеботаревская Анас.* В Парижской школе.— Биржевые ведомости, 1916, № 15164.
- Чубинский М.* К вопросу о смертной казни. Письмо к М. М. Ковалевскому.— Страна, 1906, № 36.
- Чубинский М. П.* М. М. Ковалевский.— Биржевые ведомости, 1916, № 15164.
- Шарапов С. Ф.* Максим Ковалевский о демократии и парламентаризме. [СПб., 1906].
- Шетинин Б. А.* М. М. Ковалевский и Московский университет (страничка из воспоминаний).— Ист. вестн., 1916, № 5, с. 483—490.
- Л. В.*—газ. Кавказ, 1897, № 266.

* * *

- Алпатов М. А. М. М. Ковалевский.*— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. II, с. 351—370; т. III. М., 1962, с. 412—448.
- Бабинцев М. А.* Проблема рода и общины в экономических исследованиях М. М. Ковалевского. М., 1947.
- Боборыкин П. Д.* За полвека. (Мои воспоминания). М.; Л., 1929.
- Боборыкин П. Д.* Письмо Ф. Энгельсу от 3.VI 1895 г.— В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 736—737.
- Бувескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л., 1929, с. 201—218. Сер. Академия наук СССР. Труды комиссии по истории знаний. 7.
- Васильева Л. М.* Кавказоведческие труды М. М. Ковалевского и проблемы первобытной истории.— В кн.: Некоторые вопросы кавказоведения. Ставрополь, 1971, вып. 1, с. 101—127.
- Вебер Б. Г.* Максим Максимович Ковалевский.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1962, т. III, с. 449—463.
- Вебер Б. Г.* Вклад М. М. Ковалевского в освещение аграрных отношений во Франции к концу XVIII века.— В кн.: Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974, с. 280—312 и след.
- Вебер Б. Г.* Ковалевский М. М.— СИЭ. М., 1965, т. 7, стб. 452—456.
- Вебер Б. Г., Сафронов Б. Г.* Ковалевский М. М.— В кн.: БСЭ. 3-е изд. М., 1973, т. 12, с. 357.
- Гагикаев К.* Памяти М. М. Ковалевского (1916—1946).— Сов. этнография, 1946, № 3, с. 146—149.
- Гамаюнов Л. С.* О записях Карла Маркса, сделанных им при изучении книги Максима Ковалевского «Общинное землевладение...» — Сов. востоковедение, 1958, № 2, с. 34—45.
- Гамаюнов Л. С., Ульяновский Р. А.* Труд русского социолога М. М. Ковалевского «Общинное землевладение...» и критика его Марксом. М., 1960.
- Гуревич П. В.* Максим Максимович Ковалевский: Странички воспоминаний.— Изв. вузов. Правоведение, 1971, № 5, с. 127—130.
- Гутнова Е. В.* Историография средних веков (середина XIX—1917 г.). М., 1974, с. 280—289.
- Даниельсон Н. Ф.* Письмо Ф. Энгельсу от 30.III.1895 г.— В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 728—730.
- Дюркина М.* Русская библиотека Карла Маркса.— Книжное обозрение, 1978, № 18(624).
- Дейч Л. Г.* Плеханов Г. В. Материалы для биографии. Вып. I. М., 1922.
- Зонов В. Т.* К вопросу об эволюции взглядов М. М. Ковалевского на сельскую общину.— Тр. Том. ун-та, 1964, т. 173. Сер. истории, вып. 2, с. 146—173.
- Зонов В. Т.* Идеино-теоретические основы исторических исследований М. М. Ковалевского (70—90-е годы XIX в.).— Тр. Том. ун-та, 1969, т. 209. Сер. истории, вып. 6, с. 136—169.
- Из неопубликованных рукописей Карла Маркса / Записи, сделанные при изучении работы М. М. Ковалевского «Общинное землевладение...»* С предисл. Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. (Публикация Р. П. Конюшей).— Сов. востоковедение, 1958, № 3, с. 3—13; № 4, с. 3—22; 1959, № 1, с. 1—7; Народы Азии и Африки, 1962, № 2, с. 3—17.
- Из переписки членов семьи К. Маркса с русскими революционерами и общественными деятелями.*— Вопр. истории КПСС, 1974, № 9, с. 88—98.
- Исаевич Я. Д.* Ковалевский и Украина.— Укр. ист. журн., 1966, № 4, с. 135—136. На укр. яз.
- Историография нового времени стран Европы и Америки.* М., 1967, ч. 4, гл. VI.
- Казаков А. П.* Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский). Л., 1969, гл. 3.
- Калоев Б. А. М. М. Ковалевский: (К 50-летию со дня смерти).*— Сов. этнография, 1966, № 6, с. 30—42.
- Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа.* М., 1979.

- Каратаев П. К.* Экономические науки в Московском университете (1755—1955). М., 1956, с. 148—150.
- Кареев Н. И.* Историки Французской революции. Т. III. Изучение Французской революции вне Франции. Л., 1924, с. 181—202.
- Кареев Н. И.* Письмо Карла Маркса к М. М. Ковалевскому о физиократах.— *Былое*, 1922, № 20, с. 103—105.
- Ковалевская С. В.* Воспоминания детства и автобиографические очерки. М.; Л., 1945.
- Ковалевская С. В.* Воспоминания и письма. М., 1977.
- Ковалевский М. М.*— В кн.: БСЭ. М., 1938, т. 33, стб. 201—203.
- М. М. Ковалевский о книге Бельтова. Сообщение Б. Н(иколаев)ского.— *Летописи марксизма*. М., 1928. Т. V, с. 56.
- Ковалевская Елизавета Николаевна.— *Энцикл. словарь Т-ва А. и И. Гранат*, т. 40, с. 192.
- Конюшая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975.
- Косевн М. О.* Семейная община. (К истории вопроса).— *Изв. АН СССР. Сер. истории и философии*, № 3, 1946, с. 349—362.
- Косевн М. О.* М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед. (К 100-летию со дня рождения).— *Сов. этнография*, 1951, № 4, с. 116—135.
- Косевн М. О.* Предисловие к кн.: М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, с. 3—14.
- Косевн М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.
- Косминский Е. А.* Английская буржуазная революция XVII в. М., 1954, т. II, гл. 25.
- Курпич Н. Я.* Ковалевский. М., «Юридическая литература». 1978. Серия: «Из истории политической и правовой мысли».
- Лавров П. Л.* Письмо Ф. Энгельсу от 11.VIII 1878 г.— В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 349—350; 1-е изд.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947, с. 186.
- Лавров П. Л.* Письмо Ф. Энгельсу от 30.VII. 1882 г.— Там же, с. 469.
- Лавров П. Л.* Письмо Элеоноре Маркс от 17.III 1883 г.— Там же, с. 480—481; 1-е изд.: с. 216.
- Лавров Н. Л.* Письмо Ф. Энгельсу от 26.III 1883 г.— Там же, с. 483—484; 1-е изд.: с. 219.
- Лавров П. Л.* Письмо Ф. Энгельсу от 17.X 1884 г.— Там же, с. 505.
- Лавровский В. М., Барг М. А.* Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х гг. XVII в. М., 1958, гл. 1.
- Лаптин П. Ф.* Община в русской историографии. Киев, 1971.
- Лаптин П. Ф.* Проблема общины в трудах М. М. Ковалевского.— *Вопр. истории*, 1955, № 9, с. 110—120.
- Лаптин П. Ф.* Исторические взгляды М. М. Ковалевского.— *Укр. ист. журнал*, 1962, № 1, с. 91—96. На укр. яз.
- Левандовский Л.* Елизавета Николаевна Ковалевская. М., 1928, с. 14—15.
- Лиоренцевич И. Г.* Плюралистическая теория М. М. Ковалевского.— В кн.: Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века / Под ред. чл.-кор. АН СССР Б. А. Чагина. Л., 1978, с. 241—226.
- Лукичев С. С.* Политические и методологические позиции М. М. Ковалевского.— *Учен. зап. Том. ун-та. Юридические науки*, 1957, с. 195—222.
- Луппол И. К.* Из переписки К. Маркса с М. М. Ковалевским.— *Летописи марксизма*. М., 1928. Т. VI, с. 65—75.
- Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.— начала 900-х годов. Томск, 1969.
- Мошковиц Г. Г.* М. М. Ковалевский как историк средневекового города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
- Мошковиц Г. Г.* Проблема западноевропейского города в трудах М. М. Ковалевского.— *Науч. тр. Краснодар. пед. ин-та*, 1969, вып. 103, с. 176—212.
- Мягков Г. П.* О некоторых аспектах политических взглядов М. М. Ковалев-

- ского. — Казанский ун-т: Сб. аспирантских работ. Гуманитарные науки. История, Казань, 1971, с. 44—55.
- Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодалного общества в Западной Европе VI—VIII веков. М., 1956, с. 41—42 и др.
- Ольшеская М. И. М. М. Ковалевский о некоторых вопросах истории осетинского народа.* — Изв. Сев.-осет. науч.-исслед. ин-та, т. 28. Орджоникидзе, 1970, с. 227—238.
- Омаров А. С. М. М. Ковалевский как исследователь обычного права народов Дагестана.* — Учен. зап. ин-та истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1957, т. 3, с. 90—105.
- Покровский В. С.* Социально-политические и правовые взгляды М. М. Ковалевского. — Сов. государство и право, 1957, № 4, с. 90—101.
- Полянский Ф.* О русских буржуазных историках английской деревни. — Вопр. истории, 1949, № 3, с. 93—107.
- Полянский Ф.* Проблема общины в работах М. М. Ковалевского. — Вест. МГУ, 1952, № 7, с. 87—100.
- Рожданова И. И.* Английская буржуазная революция середины XVII века в освещении М. М. Ковалевского. (Лекции по спецкурсу «Историография новой истории»). Воронеж, 1974.
- Рудяк Б. М.* Рукопись К. Маркса «Русское в моей библиотеке». — Вопр. истории КПСС, 1975, № 9, с. 95—113.
- Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979. См. указатель имен.
- Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог.* М., 1960.
- Стулов П. М. М. М. Ковалевский о Марксе (1875 г.).* — Вестн. АН СССР, 1933, № 3, с. 35—38.
- Стулов П. М. В. И. Ленин и русская высшая школа общественных наук в Париже.* — Вестн. АН СССР, 1931, № 1, с. 20—21.
- Токарев С. А.* История русской этнографии: (Дооктябрьский период). М., 1966.
- Трунов Д.* Русские ученые в Дагестане. Исследования М. М. Ковалевского. — Дагестанская правда, 1952, № 240.
- Утин Н. И.* Письмо К. Марксу от 7.XII 1876 г. — В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 335—336.
- Федотов Г. Л.* Взгляды М. М. Ковалевского на государство и право. — Тр. Всесоюз. юрид. заоч. ин-та, вып. 27, ч. 2. М., 1972, с. 127—154.
- Федотов Г. Л.* Политическое учение М. М. Ковалевского. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
- Шкуринов П. С.* Позитивизм в России XIX века. М., 1980.
- Шувалов Ф.* Русский друг Карла Маркса. (К истории взаимоотношений К. Маркса и историка и политического деятеля М. М. Ковалевского). — Народ. образование, 1968, № 5, с. 91.
- Дополнения:**
- Рец. на кн.: Боровой А. А. История личной свободы во Франции. Старый порядок и революция. М., 1910. Т. I. — Вестн. Европы, 1910, № 11, с. 427—435.
- Значение работ В. И. Сергеевича для сравнительной истории государства. — Вестн. Европы, 1911, № I, с. 363—374. — То же. — В кн.: Тр. Юрид. о-ва при имп. СПб. ун-те, т. 5 (1911). СПб., 1913, с. 189—201.
- Иван Иванович Иванюков. — В кн.: Изв. СПб. политехн. ин-та. Т. XVII. Отдел наук экон. и юрид. СПб., 1912, с. V—XXXI.
- Отзыв о работе Н. А. Виташевского «Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права». — В кн.: Отчет имп. РГО за 1915 год. СПб., 1916, с. 68—71.

ГРИГОРИЙ ФЕДОРОВИЧ ДАХШЛЕЙГЕР
(1919—1983)

Б. А. Тулепбаев, В. Я. Басин

Григорий Федорович Дахшлейгер, видный советский историк, один из крупнейших организаторов исторической науки в Казахстане, талантливый исследователь и педагог, родился 2 ноября 1919 г. в Одессе в семье рабочего. В 1937—1941 гг. учился на историческом факультете Одесского государственного университета, закончил обучение в декабре 1941 г. в Среднеазиатском государственном университете (г. Ташкент). В 1942—1945 гг. служил в Советской Армии, принимал участие в боевых действиях, был награжден орденом Красной Звезды и медалями. В 1946 г. поступил в аспирантуру Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, после окончания которой с 1949 г. работал в том же институте в должностях ученого секретаря, старшего научного сотрудника, заведующего Отделом социалистического строительства, а с 1957 г. и до кончины — заместителем директора по научной работе.

В 1950 г. Г. Ф. Дахшлейгер защитил кандидатскую диссертацию на тему «История строительства Турксиба», а в 1966 г. на основании монографии «Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.)» — докторскую диссертацию. В 1972 г. он был избран членом-корреспондентом АН КазССР. За цикл работ — «Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.)», «Историография советского Казахстана», «В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии» — Г. Ф. Дахшлейгер в 1979 г. был удостоен премии Президиума Академии наук Казахской ССР имени Ч. Ч. Валиханова первой степени. В том же году ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР», в 1982 г. за большой вклад в создание пятитомной «Истории Казахской ССР» он был удостоен звания лауреата Государственной премии Казахской ССР.

Научные изыскания Г. Ф. Дахшлейгера начались в конце сороковых годов с исследования истории строительства Туркестано-Сибирской железной дороги, его влияния на экономику примыкающих районов, процесс формирования национальных кадров советского рабочего класса. Эта тема отражена в ряде его статей и в первой монографии «Турксиб — пренец социалистической индустрии».

стриализации» (1953 г.), написанной на основе тщательного изучения архивных первоисточников.

Большой цикл работ Г. Ф. Дахшлейгер посвятил слабо изученным и сложным проблемам истории социальных преобразований в казахском ауле и в русских поселках Казахстана до перехода к массовой коллективизации сельского хозяйства. Автор поставил и разрешил ряд важных вопросов: о социальном характере и локальных особенностях проведенных преобразований, о связанной с ними классовой борьбе, об их значении для перехода на основе социалистической индустриализации к коллективным формам сельского хозяйства.

Результатом многолетних исследований явился фундаментальный труд «Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.)» (1965 г.), в котором автор, опираясь на массу выявленных и впервые введенных в научный оборот архивных документов, рассмотрел всю совокупность социальных преобразований, разрушивших докапиталистические институты казахского аула, способствовавших его движению к социализму, минова капитализм, а также динамику социальной структуры аула и села, влияние новой экономической политики на середняков, каналы связей сельского хозяйства республики с рынком, развитие форм кооперативного строительства и их приспособленность к образу жизни казахского кочевого и полукочевого населения.

Естественным продолжением упомянутой монографии является книга «Маршрутом социального прогресса» (1978 г.). В ней на значительном документальном материале обобщен конкретный опыт перехода к оседлости в период от Октября до середины тридцатых годов почти семисот тысяч казахских шаруа и, что особенно важно, освещены социально-культурные последствия оседания, включая сближение казахской социалистической нации с братскими нациями других союзных республик, образование и укрепление этнокультурных контактов между ними, усиление прогрессивных традиций в жизни казахского народа.

В монографии прослеживается магистральная линия ленинской аграрной политики, дается конкретный ответ на вопрос, в чем суть советского опыта решения аграрных проблем в бывшем отсталом колониальном крае — Казахстане.

Пути перехода к оседлости казахского населения царской России были изучены Г. Ф. Дахшлейгером глубоко и всесторонне. Он познакомил с результатами исследований в этой области научную общественность многих стран на ряде международных форумов.

Особого внимания заслуживают историографические труды Г. Ф. Дахшлейгера. Он внес большой вклад в изучение истории исторической науки в Советском Казахстане, посвятив этой проблеме 2 монографии и 27 статей. В книгах «Историография Советского Казахстана» (Алма-Ата, 1969), «В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии» (Алма-Ата, 1973) показано огромное зна-

чение ленинского творческого наследия для становления и развития одной из наиболее важных отраслей исторической науки. Этими книгами охвачена огромная историческая литература, в том числе историко-партийная. Г. Ф. Дахшлейгер оценивает достижения историографии, руководствуясь принципами марксистско-ленинской методологии, историзма, партийности, объективности. В его книгах не замалчиваются трудности становления исторической науки, широко раскрыто содержание дискуссий по крупным проблемам казахстанской историографии, детально изложен вклад ряда видных партийных и государственных деятелей Казахстана (бывших одновременно историками) в историческую науку.

В статьях, опубликованных на страницах союзных и республиканских изданий, он сумел обобщить процесс развития казахстанской историографии в последние годы.

Работы Г. Ф. Дахшлейгера по истории исторической науки ныне широко используются преподавателями высших учебных заведений, включены в «Очерки истории исторической науки в СССР».

Будучи по преимуществу историком Советского Казахстана, Г. Ф. Дахшлейгер тем не менее уделял пристальное внимание проблемам дореволюционной истории, писал о добровольном присоединении Казахстана к России, об истории рабочего движения в Казахстане в период первой русской революции, об Омско-Петропавловской стачке железнодорожных рабочих в феврале 1907 г., о посредничестве Казахстана в торговых сношениях между Россией и Индией в XVII—XVIII вв. и т. д.

Г. Ф. Дахшлейгер известен и как видный археограф. Им выявлены и введены в научный обиход ценные документы по истории Казахстана XVIII—XIX вв. и главным образом — советской эпохи (например, крестьянские наказания периода Октябрьской революции, отчеты о социальных обследованиях казахского аула в 20-е гг. и др.) из разных архивохранилищ, в том числе из Центрального партийного архива при ЦК КПСС. Г. Ф. Дахшлейгер был составителем сборника документов «Образование Казахской ССР», составителем, автором предисловия и членом редколлегии сборника документов «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период» и других публикаций.

Широко известны труды Г. Ф. Дахшлейгера по этнографии, в частности исследования, освещающие процесс оседания казахского кочевого и полукочевого крестьянства, в которых показаны масштабы и темпы оседания, взаимообусловленность роста оседлости и социальных преобразований в ауле, влияние оседания на традиционные социальные институты и на изменения бытового уклада казахов.

Представление о Г. Ф. Дахшлейгере — ученом будет не полным, если не сказать о его редакторской и научно-организаторской деятельности. Он был членом Национального комитета историков Советского Союза, научного проблемного Совета по истории историче-

ской науки при Отделении истории АН СССР, Научного совета по истории социалистического и коммунистического строительства при Отделении истории АН СССР, заместителем председателя специализированного Совета по защите докторских диссертаций в ИИАЭ АН КазССР, заместителем главного редактора журнала «Известия АН КазССР (серия общественных наук)», заместителем председателя Казахской секции Советской ассоциации политических наук, заместителем председателя комиссии по уникальным ценностям АН КазССР, членом Президиума Республиканского общества «Знание».

Г. Ф. Дахшлейгер отдал много сил подготовке научных кадров, был профессором исторического факультета Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, руководил аспирантами, создал свою научную школу, воспитанники которой энергично развивают идеи и положения, выдвинутые этим талантливым и многогранным исследователем.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Г. Ф. ДАХШЛЕЙГЕРА *

1949

В Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР: [Итоги работы института за 1948 г. и план на 1949 г.].— Вестн. АН КазССР, № 1, с. 102—105.

Научная сессия Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. [1—3 июня 1949 г. Итоги работы института за 2 года].— Вестн. АН КазССР, № 6, с. 102.

1950

Первенец сталинских пятилеток [Турксиб].— Вестн. АН КазССР, № 10, с. 40—50.

К истории Семиреченской железной дороги (Арысь — Фрунзе).— Учен. зап. КазГУ, т. 13, вып. 4. История, с. 35—49.

История строительства Турксиба: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Алма-Ата 20 с. В надзаг.: АН КазССР. Ин-т истории археологии и этнографии.

Научная работа Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР [за 1949 г.].— Изв. АН КазССР. Сер. ист., вып. 5, с. 84—87.

1951

Сост.: Проспект первого тома «Истории Казахской ССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». 3-е изд., перераб. и доп. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 39 с. Совместно с С. В. Юшковым, С. Н. Покровским и др. На правах рукописи.

Рец.: Савосько В. К. Преобразование Казахской Автономной ССР в Союзную республику / Отв. ред. А. Н. Нусупбеков. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1951. 109 с.— Казахст. правда, 9 дек.

1952

О некоторых итогах обсуждения проспекта нового издания первого тома «Истории Казахской ССР».— Вестн. АН КазССР, № 1, с. 66—72.

В Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.— Вопр. истории, № 2, с. 146—151.

Первые исследователи Казахстана: (Из истории изучения Казахстана русскими учеными).— Казахст. правда, 17 авг.

1953

Турксиб — первенец социалистической индустриализации: (Очерк истории постройки Турксиба) / Отв. ред. В. Н. Антонов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 133 с. В надзаг.: АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии.

Рец.: *Абишева Б. Н.* — Вопр. истории, 1954, № 7, с. 145—146; *Калистратов Н., Мухтаров А.* — Учен. зап. КазГУ, 1956, т. 20, с. 148—151; *Копылов Н.*,

* Составитель М. Г. Дахшлейгер.

Пермяков Г.— Казахст. правда, 1953, 13 нояб.; Омаров Ж.— Коммунист Казахстана, 1953, № 11, с. 61—63.

О роли социалистической индустриализации СССР в переходе казахского народа к социализму, минуя капитализм.— Вестн. АН КазССР, вып. 2, с. 33—48. Пер. на чеш. яз.: Dachslejger G. O úlohe socialistickej industrializacie SSSR v prechode kazašského národa k socializmu bez štádia kapitalizmu.— In: Sovětská Historie. Pr., 1954, č. 3, roč. IV, s. 365—379. Československo sovětsky institut.

К итогам обсуждения макета первого тома «Истории Казахской ССР».— Вестн. АН КазССР, № 7, с. 9—20. Совместно с В. Ф. Шахматовым.

Отв. ред.: Нусупбеков А. Н. Объединение казахских земель в Казахской Советской Социалистической Республике. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 99 с. с карт.

1954

Казахская Советская Социалистическая Республика. [Раздел «История»].— В кн.: Энциклопедический словарь, т. 2, с. 10—12.

Выдающийся исследователь Аральского моря — Алексей Иванович Бутаков.— Вестн. АН КазССР, № 2, с. 81—87.

Добровольное присоединение Казахстана к России.— Вестн. АН КазССР, № 5, с. 14—27. Совместно с Н. Г. Ашоловой.

Животворный советский патриотизм.— Коммунист Казахстана, № 11, с. 17—23.

Реакционная идеология панисламизма и пантюркизма.— Сов. Казахстан, № 11, с. 90—96.

1955

К вопросу о продовольственной разверстке в Казахстане.— Изв. АН КазССР. Сер. истории, экономики, философии и права, вып. 2, с. 25—42.

В. И. Ленин и первые шаги социалистического строительства в Казахстане: [К 85-летию со дня рождения В. И. Ленина].— Вестн. АН КазССР, № 4, с. 10—22.

Из истории рабочего движения в Казахстане в период первой русской революции.— Коммунист Казахстана, № 8, с. 16—24.

О периодизации дореволюционной истории Казахстана.— В кн.: Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, с. 457—464.

Рец.: Анов Н. И. Ак-Мечеть: Исторический роман. Алма-Ата: Казгосиздат, 1954. 343 с.— Алма-Атинская правда, 26 февр.

Рец.: Турсунбаев А. Б. Нерушимая дружба русского и казахского народов. Алма-Ата: Казгосиздат. 125 с.

1956

Из истории русско-индийских связей в XVII — первой половине XVIII веков: (Об использовании территории Казахстана как транзита для развития русской торговли с Востоком).— Вестн. АН КазССР, № 3, с. 75—82.

Чл. редкол. и авт. глав: История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 609 с.

Из содерж.: Гл. VII. § 3. Казахские ханства в XVI—XVII вв., с. 171—179; Гл. IX. Начало присоединения Казахстана к России, с. 221—246.

Отв. ред.: Труды Ин-та истории, археологии и этнографии. Т. 2. История. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 228 с.

Страница прошлого: Из истории русско-индийских экономических связей.— Казахст. правда, 20 июня.

По ленинскому пути.— Казахст. правда, 22 апр.

Расцвет наций в СССР — воплощение великих ленинских идей.— Приурал. правда, 3 авг. Совместно с Л. Карасаевым.

- Омско-Петропавловская стачка железнодорожных рабочих в феврале 1907 года. — Изв. АН КазССР. Сер. истории, экономики, философии и права, вып. 1, с. 77—86.
- К вопросу об экономике Казахской АССР накануне перехода к нэпу. — Изв. АН КазССР. Сер. истории, экономики, философии и права, вып. 2, с. 3—20.
- Переход к новой экономической политике в Казахской АССР (1921—1922 гг.). — Вестн. АН КазССР, № 9, с. 54—67.
- Сост.: Образование Казахской АССР: Сб. документов и материалов / Под ред. С. Н. Покровского. Алма-Ата Изд-во АН КазССР. 367 с. Совместно с Е. Л. Виленским, Н. П. Калитой, А. Н. Нусупбековым, В. К. Савосько.
- Рец.: *Айтиев Т., Ким В.* — Казахст. правда, 1957, 19 апр.; *Байчиков Н.* — Ленинское знамя, Петропавловск, 1957, 4 июня; *Мухтаров А.* — Коммунист Казахстана, 1957, № 5, с. 57—59.
- Чл. редкол. и авт. предисл.: Советское строительство в аулах и селах Семиречья, 1921—1925 гг.: (Сб.: документов и материалов). [В 3-х ч.]. Алма-Ата: Казгосиздат, ч. 1. 283 с. с ил.
- Из содерж.: Предисловие, с. 3—12. [Без подписи.]
- Рец.: *Турсунбаев А. Б.* Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957. 326 с. — Коммунист Казахстана, № 8, с. 60—62. Совместно с К. Сафранковым.

1958

- Из истории советского строительства в Казахстане (1923 г.) — Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии, вып. 3, с. 15—24.
- К истории аграрных реформ в Казахстане (1921—1922 гг.). — Вестн. АН КазССР, № 10, с. 18—31.
- [Выступление на Объединенной научной сессии о специфических чертах экономики Казахстана в начале 20-х годов]: — В кн.: Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма. Алма-Ата, с. 434—439.
- Рец.: Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 506 с. Совместно с др.
- Ильич в казахской степи — Казахст. правда, 22 апр.
- Чл. редкол. и авт. главы: История Казахской ССР / Редкол.: М. О. Ауэзов, С. Н. Покровский (гл. ред.) и др. Т. 2. [Эпоха социализма]. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 735 с. Из содерж.: Гл. 3. Казахстан в период восстановления народного хозяйства, с. 162—235.
- О полной и окончательной победе социализма в СССР — Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии, вып. 2, с. 3—15.
- Правда об освоении целины и вымыслы буржуазных фальсификаторов. — Парт. жизнь Казахстана, № 12, с. 20—27. Совместно с А. Б. Турсунбаевым, Ш. Я. Шафиро.
- Хроника научной жизни Института истории, археологии и этнографии. — Вестн. АН КазССР, № 1, с. 102—105.
- Рец.: Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 г. — декабрь 1936 г.). Алма-Ата. 286 с.

1960

- К истории подготовки постановления ЦК РКП(б) «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане» (июнь 1920). — История СССР, № 2, с. 197—206.
- Красный караван ЦИК КАССР (1922 г.). — Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии, вып. 2, с. 30—41.
- В. И. Ленин и создание Казахского советского государства. — Учен. зап. КазГУ, т. 49. Сер. юрид., вып. 6, с. 5—17. Совместно с К. Ф. Котовым.
- В. И. Ленин о Казахстане. — Казахст. правда, 22 апр. Совместно с А. Н. Нусупбековым.
- Рец.: Фридман Ц. Л. Иностраный капитал в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. 144 с. — Казахст. правда, 19 окт.

- К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921—1928 годы).— Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 10. Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане, с. 63—108.
- О характере социально-экономических преобразований в казахском ауле в 1921—1928 гг.— История СССР, № 6, с. 13—37. Библиогр.: 62 назв.
- К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921—1928 гг.): Материалы для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М. 56 с. (Ин-т истории АН СССР. Научный совет по проблеме «История социалистического и коммунистического строительства в СССР»). На правах рукописи.
- Рец.: Минувя капитализм: (О переходе к социализму республик Средней Азии и Казахстана). Сб. статей. Предисл. И. Верховцева. М.: Госполитиздат, 1961. 248 с.— Парт. жизнь Казахстана, № 9, с. 70—76.

1962

- Письмо группы казахских историков.— История СССР, № 2, с. 229—234. Совместно с С. Б. Байшевым, Т. Е. Елеуовым, А. Н. Нусупбековым, С. Н. Покровским, В. К. Савосько.
- Наказы крестьян-переселенцев Северного Казахстана о земле (ноябрь — декабрь 1917 г.).— Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии, вып. 1, с. 84—98. Совместно с Н. Калитой.
- Ред. и авт. предисл.: Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921—1925 гг.): Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 593 с. Из содерж.: Предисловие, с. 3—10.

1963

- Чл. редкол. и авт. главы: История Казахской ССР. Эпоха социализма. Изд. перераб. и доп. / Редкол.: С. Б. Байшев и др. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 910 с. Из содерж.: Гл. 3. Казахстан в период восстановления народного хозяйства, 1921—1925 годы, с. 180—277.
- Рец.: *Хабиев Х.*— Соц. Казахстан, 1964, 28 апр. (на каз. яз.)
- Выступление в прениях по проблеме «Социально-экономические отношения в советской доколхозной деревне».— В кн.: История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР: Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве. М., с. 136—137.
- Заключительное слово.— Там же, с. 162—164.
- Славный путь Коммунистической партии Казахстана: (К выходу в свет «Очерков истории Коммунистической партии Казахстана». Алма-Ата, 1963).— Парт. жизнь Казахстана, № 6, с. 7—14. Совместно с А. С. Рахимовым.
- Солдат партии: (О жизненном пути большевика А. Айтиева).— Казахст. правда, 2 ноябр.

1964

- Основные этапы развития исторической науки в Советском Казахстане.— Вопр. истории, № 10, с. 3—35.
- К вопросу о советизации казахского аула (по поводу книги А. П. Кучкина «Советизация казахского аула». М., 1962).— Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 25—39. Совместно с Т. Ж. Жангельдиным.

1965

- Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.) / Отв. ред. А. Н. Нусупбеков. Алма-Ата: Наука. 536 с. (АН КазССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова).
- Рец.: *Аминова Р. Х.*— Вопр. истории, 1967, № 6, с. 162—165; *Она же.*— Сельское хозяйство Казахстана, 1968, № 8, с. 58—59; *Айтиев Т., Розманов М.*—

Кооператор Казахстана, 1966, № 5, с. 49—51; *Бейселебаев С.* — Казахст. правда, 1965, 3 дек.; *Дриккер, Х. Н.* — История СССР, 1966, № 4, с. 179—182; *Сулейменов Б.* — Парт. жизнь Казахстана, 1966, № 2, с. 75—77; *Шаймуханов Д., Жумасултанов А., Кулыбеков М.* — Соц. Казахстан, 1966, 5 марта (на каз. яз.), Рец.: Пахмурный П. М. Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1965. 454 с. — Казахст. правда, 14 июля. Совместно с А. Б. Турсунбаевым.

Рец.: Турсунбаев А. Б. Торжество идей пролетарского интернационализма в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1965. 248 с. — Парт. жизнь Казахстана, № 10, с. 73—76.

Рец.: Аминова Р. Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к нэпу. Ташкент: Наука, 1965. 347 с. — Обществ. науки в Узбекистане, № 11, с. 57—59.

Рец.: Асылбеков М. Х. Железнодорожники Казахстана в период первой русской революции. Алма-Ата: Наука. 182 с.

1966

Казахстан накануне нэпа. — Вопр. истории, № 8, с. 20—34.

Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства). — Сов. этнография, № 4, с. 3—23.

Из опыта строительства социализма в Казахстане и Средней Азии: (К социализму, минуя капитализм). — Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, № 4, с. 5—13.

Новая экономическая политика и разрешение аграрного вопроса в Средней Азии. — История СССР, № 5, с. 117—126.

История ничему не научила. — Парт. жизнь Казахстана, № 8, с. 63—67.

Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение аграрного вопроса в Казахстане. — Сел. хоз-во Казахстана, № 12, с. 40—43.

Рец.: Шаумян М. Х. От кочевья к социализму. Алма-Ата: Казахстан, 1965. с. 200. — История СССР, № 6, с. 132—134; Казахст. правда, 21 июля. Совместно с Х. И. Бисеновым.

Отв. ред.: Нурмухамедов С. Б., Савосько В. К., Сулейменов Р. Б. Очерки истории социалистического строительства в Казахстане (1933—1940 гг.). Алма-Ата: Наука. 280 с. с табл. Из содерж. От редактора, с. 3—4.

Отв. ред.: Пинегина Л. А., Федюкин С. А. Джебказган — город меди: Исторический очерк. Алма-Ата: Наука. 182 с.

1967

Чл. редкол. и авт. главы: История Казахской ССР: Эпоха социализма. 3-е изд., перераб. и доп. / Редкол.: С. Б. Баишев и др. Алма-Ата: 751 с. (АН КазССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Посвящ. 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Из содерж.: Гл. 3. Казахстан в период восстановления народного хозяйства, 1921—1925 годы, с. 158—241.

Авт. раздела: История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2-х сер., 12-ти т. / Гл. ред. совет.: В. Н. Пономарев (председатель) [и др.]. М.: Наука, 1967 (АН СССР, Ин-т истории). Вторая серия. Т. 8. Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР, 1921—1932 гг. / Отв. ред. Ю. А. Поляков.

Гл. 7. Разд. 2. Особенности восстановительного периода в национальных республиках, с. 319—331. Совместно с Ю. М. Кочаровой, М. К. Ковалем. Октябрь и угнетенные народы царской России. М.: Знание. 48 с.

Рец.: *Власова З., Рудянский Д.* — Парт. жизнь Казахстана, 1968, № 2, с. 75. Проблема национально-государственного строительства Советского Казахстана в современной исторической литературе: (К 50-летию Великого Октября). — Изв. АН КазССР. Сер. обществ., № 4, с. 3—16.

- В. И. Ленин и некоторые вопросы казахстанской историографии: (К 50-летию Великого Октября).— Вестн. АН КазССР, № 4, с. 8—17.
- Развитие исторической науки в Казахстане.— В кн.: Октябрь и наука Казахстана. Алма-Ата, с. 471—497. Совместно с А. Н. Нусупбековым, С. Н. Покровским.
- Тема дружбы народов в советской исторической литературе: Историографический обзор.— Народы Азии и Африки, № 2, с. 55—72.
- Рец.: Тулепбаев Б. А. Осуществление ленинской аграрной политики в Средней Азии. М.: Мысль, 1967. 325 с.— Қазақстан коммунисті, № 6, с. 78—80. Совместно с Т. Б. Балакаевым (на каз. яз.).

1968

- On the sedentarization of nomadic Kazakh in Soviet time.— In: VIII International Congress of Anthropol. and Ethnol. Sci. (Tokyo, September 1968). М. 15 р.
- Рец.: Поляков Ю. А. Переход к нону и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 511 с.— Вопр. истории, № 3, с. 156—160.
- Рец.: Бейсембаев С. Б. Ленин и Казахстан (1897—1924 гг.) / Под ред. П. М. Пахмурного. Алма-Ата: Казахстан, 1968. 536 с.— Парт. жизнь Казахстана, № 9, с. 76—78.
- Рец.: Берхин И. Б. История СССР (1917—1964): Учебное пособие для ун-тов. М.: Высшая школа, 1966. 652 с.— История СССР, № 1, с. 150—152.
- Рец.: История коммунистических организаций в Средней Азии / Пред. редкол. А. М. Богоутдинов. Ташкент: Узбекистан, 1967. 783 с.— Парт. жизнь Казахстана, № 4, с. 61—63. Совместно с С. Есовой.
- Рец.: Покровский С. Н. Разгром иностранных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918—1920 гг.). Алма-Ата: Наука, 1967. 367 с.— История СССР, № 5, с. 175—177.

1969

- Историография Советского Казахстана: Очерк / Отв. ред. А. Н. Нусупбеков. Алма-Ата: Наука. 191 с. В надзаг.: АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. 50 лет КазССР. 1920—1970. Рец.: *Асылбеков М., Нурпеисов К.*— Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1969, № 4, с. 74—76; *Балакаев Т.*— Қазақстан коммунисті, 1969, № 9, с. 77—78 (на каз. яз.); *Каракеев К.*— Вопр. истории, 1970, № 5, с. 165—169; *Нурмухамедов С. Б.*— Парт. жизнь Казахстана, 1969, № 8, с. 71—72; *Пахмурный П., Козыбаев М.*— Соц. Казахстан, 1969, 15 нояб. (на каз. яз.); *Хабиев Х.*— Казахст. правда, 1969, 19 авг.; *Он же.*— История СССР, 1970, № 4, с. 175—177; *Христоворова Э.*— Индустр. Караганда, 1969, 20 авг.
- Опыт перехода казахского народа к социализму в современной исторической литературе.— В кн.: Вопросы истории Компартии Казахстана: Сб. статей. Алма-Ата, вып. 6, с. 131—150.
- The theme of the friendship of the peoples in soviet historical literature (An historical survey).— In: Asia in Soviet studies. М.: Central Dep. of Orient. Lit., p. 245—280.
- Фальсификаторы не унимаются: Ответ мистеру Д. Уилеру и редакции «Центрально-Азиатского обозрения».— Парт. жизнь Казахстана, № 4, с. 68—72.
- В. И. Ленин о переходном периоде от капитализма к социализму.— Қазақстан коммунисті, № 2, с. 9—14 (на каз. яз.). Вопросы историографии опыта ленинского кооперативного плана в Казахстане (1917—1940 гг.).— В кн.: Историография аграрной истории советского периода в Казахстане, Туркмении, Якутии и Армении: Материал для обсуждения на сессии по проблеме: «В. И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР». III секция. М., с. 1—22. На правах рукописи.
- Рец.: Коммунистическая партия в борьбе за освоение целинных земель в Казахстане / Под ред. П. М. Пахмурного. Алма-Ата: Казахстан, 1969. 602 с.— Казахст. правда, 15 мая.
- Отв. ред.: Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма и дружбы народов: Материалы межресп. науч.-теорет. конф. Апр. 1968. Алма-Ата. 368 с. (О-во «Знание» КазССР).

- Проблемы национально-государственного строительства Советского Казахстана в современной исторической литературе.— В кн.: Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР: Материалы Всесоюзной научной сессии в Душанбе, Май 1968 г. Душанбе, с. 100—114.
- Проблема многоукладности при переходе от докапиталистических отношений к социалистическим. [Изложение выступления на Международном симпозиуме, посвященном вопросам национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1969].— В кн.: Проблемы национально-освободительного движения. М., с. 268—269.
- Проблемы перехода казахов-кочевников и полукочевников на оседлость.— Орбита, № 4 (февраль). Изд. АПН с. 27 (на араб. яз.).
- Seine Lehre [V. I. Lenin] leuchtet uns voran.— Neues Leben, 22. April.
- Ред.: Ахметов А. Р. Рабочий класс Казахстана в борьбе за коммунизм. Партийное руководство развитием производственной активности и укреплением рядов индустриальных рабочих республики в период строительства коммунизма. Алма-Ата. 280 с.
- Отв. ред.: Суздетов С. А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана: На материалах Северо-Восточных областей. Алма-Ата. 127 с.

1971

- Об особенностях новой экономической политики в Казахстане и Средней Азии.— В кн.: Историческое значение новой экономической политики (в связи с 50-летием перехода к нэпу): Всесоюзная сессия. Материалы обсуждения.— М., вып. 2, с. 124—130.
- Вопросы историографии опыта ленинского кооперативного плана в Казахстане (1917—1940 гг.).— В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы науч. конф. 9—12 июня 1969 г. М., с. 301—308. Выступление в прениях.— Там же, с. 325—327.
- On the sedentarization of nomadic Kazakhs in Soviet time.— In: VIIIth Congress of Anthropol. and Ethnol. Sci. Tokyo, 1971, p. 318—321.
- Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахстан).— Ежегодник БСЭ, вып. 15, с. 133—138. Совместно с М. Базарбаевым, М. Козыбаевым и др.
- Principales étapes des transformations socio-économiques au Kazakhstan.— In: Pour combler le retard économique: Formes et méthodes d'action: (L'apport de l'expérience historique des républiques de L'Orient soviétique). Redaction «Sciences Sociales Aujourd'hui» Académie des Sciences de L'U.R.S.S. Moscou, 1971, N 8 (Problèmes du monde contemporain), p. 62—80.
- Main Stages of Social-Economic Transformations in Kazakhstan.— In: Overcoming economic backwardness: Forms and methods (From the historical experience of the Eastern Soviet Republics). «Social Sciences Today» Editorial Office, USSR, Academy of Sciences, Moscow, (Problems of Contemporary world), 1971, N 1(9), p. 60—77.
- «Будет Россия Социалистическая». [Казахстан в годы нэпа].— Парт. жизнь Казахстана, № 3, с. 58—61.
- Сэн Катаяма в сердце казахских степей: [Из истории пролетарской солидарности советских и японских трудящихся].— Советский Союз сегодня: № 9. Изд. АПН, с. 19 (на яп. яз.).
- Отв. ред.: Балакаев Т. Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Алма-Ата: Наука. 350 с. с ил. (АН КазССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова). Библиогр. с. 330—348.
- Ред.: Шерстобитов В. П. В. И. Ленин и крестьянство Советского Востока (на материалах Киргизской ССР). Фрунзе: Илим, 1969. 723 с.— Вопр. истории, № 3, с. 159—162.

1972

- Опыт перехода казахского народа к социализму и его международное значение.— В кн.: Казахстан в нерушимом союзе братских республик: К 50-летию образования СССР. / Отв. ред. А. Н. Нуусупбеков. Алма-Ата, с. 90—123.

- Основные этапы социально-экономических преобразований в Казахстане (20—30 гг.).— В кн.: *Формы и методы преодоления экономической отсталости: Из ист. опыта сов. республик Востока* / Под ред. Л. Макудова. М.: Изд-во АПН, с. 123—141.
- Опыт аграрных преобразований и их место в переходе казахского народа к социализму.— В кн.: *Опыт социалистических преобразований в СССР. Экономические проблемы современного этапа некапиталистического развития освободившихся стран: Тезисы выступлений к международной научной конференции «Опыт социалистических преобразований в СССР и его международное значение»*. Ташкент, октябрь 1972 г. М., ч. 1, с. 133—136.
- Этнографическое изучение казахского народа: (К 50-летию образования Союза ССР).— *Сов. этнография*, № 4, с. 34—41. Совместно с В. В. Востровым, Х. А. Кауановой.
- Восточные исследования в Казахстане.— *Народы Азии и Африки*, № 2, с. 225—229. Совместно с Т. Султановым.
- Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахстан).— *Ежегодник БСЭ*, вып. 16, с. 119—124. Совместно с М. Козыбаевым, Р. М. Петуховым, У. К. Садыковой и др.
- Образование СССР и строительство социализма.— *Парт. жизнь Казахстана*, № 11, с. 12—19.
- Вдохновляющий пример. Решение национального вопроса в СССР — величайшее завоевание социализма.— *Казахст. правда*, 14 марта.
- Рец.: *Дружбой великой сильны: Ист. опыт КПСС по организации братской взаимопомощи и сотрудничества народов Сов. Союза и полит.-экон. и культ. развития КазССР*. Алма-Ата: Казахстан, 416 с. / Авт. А. Байшин (руководитель), З. А. Голикова, М. К. Козыбаев и др. (Ин-т истории партии при ЦК КП Казахстана — филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).— *Казахст. правда*, 19 дек.
- Рец.: *Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к войне, 1921—1924 гг.* М.: Наука, 1971. 271 с.— *История СССР*, № 1, с. 174—176.

1973

- В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии / Отв. ред. А. Нусупбеков. Алма-Ата: Наука. 216 с. (АН КазССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова).
- Рец.: *Бейсембаев С.*— *Казахст. правда*, 1974, 29 янв.; *Бекмаханова Н. Е.* Лукин Б. В.— *История СССР*, 1975, № 1, с. 181—183; *Жандосов А.*— *Соц. Казахстан*, 1974, 20 апр. (на каз. яз.); *Жумабеков Ж., Джандосов А.*— *Народы Азии и Африки*, 1975, № 5, с. 206—210; *Ибрагимов А., Маликов Ф.*— *Коммунист Узбекистана*, 1975, № 4, с. 76—77; *Пазмурный П. М.*— *Парт. жизнь Казахстана*, 1974, № 4, с. 91—92; *Турта В., Персиков М.*— *Ленинское знамя (Петропавловск, Сев. Казахстан)*, 1974, 21 мая.
- Историческая наука в Казахстане.— В кн.: *БСЭ*, 3-е изд., т. 11, с. 164—165 (стб. 479—481).
- Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахстан).— *Ежегодник БСЭ*, вып. 17, с. 123—128. Совместно с М. Козыбаевым, А. Кошановым и др.
- Оседание и традиционные социальные институты бывших кочевников (на примере казахского народа).— В кн.: *IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук*. (Чикаго, сент., 1973). Докл. сов. делегации. М.: Наука, 16 с.
- Settlement and traditional social institutions of the former nomads (On the example of the Kazakh people).— In: *IXth Intern. Congr. of Anthropol. and Ethnol. Sci.*, Chicago, p. 55.
- Новое в производственном и семейном быту казахского сельского населения.— В кн.: *Торжество ленинской национальной политики КПСС: Материалы межресп. науч.-теорет. конф., посвящ. 50-летию образования СССР*, 11—13 окт. 1972 г. Алма-Ата, с. 379—384. Совместно с Х. А. Аргынбаевым, Х. А. Кауановой.

- Отв. ред.: Михайлов Ф. К. Совхозное строительство в Казахстане (1946—1970 гг.) Алма-Ата: Наука, 299 с. с табл.
- Ред.: Программа по истории Казахской ССР для студентов исторических, юридических, историко-филологических факультетов и факультетов журналистики университетов и педагогических вузов республики. Алма-Ата, 1973. 58 с. (МВ и Ср. СО КазССР. Науч.-метод. кабинет). Совместно с С. М. Кенжебаевым.

1974

- Об особенностях новой экономической политики в Казахстане и Средней Азии.— В кн.: Новая экономическая политика: Вопр. теории и истории. М., с. 171—176.
- Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахстан).— Ежегодник БСЭ, вып. 18, с. 125—131. Совместно с М. Козыбаевым, А. Кошановым, Ш. Сатпаевой и др.
- Марксистско-ленинская теория социально-экономических формаций и некоторые вопросы истории Казахстана.— В кн.: Межинститутская конференция «Методологическая роль принципа историзма в познании социальных явлений»: (Тезисы докл. Алма-Ата, 1974, с. 4—5. АН КазССР. Бюро философских (методологических) семинаров при Фрунзенском райкоме партии г. Алма-Аты. Ротапринт.
- Старший друг историков Казахстана (А. М. Панкратова).— Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, № 2, с. 9—13.
- К истории объединения казахских земель в Казахской ССР.— Сов. этнография, № 6, с. 13—24.
- Отв. ред.: Савосько В. К., Шамшатов И. Ш. Колхозное строительство в Казахстане (1946—1970 гг.) Алма-Ата: Наука, 280 с.

1975

- Выступление в секции «Кочевые общества», посвящ. проблеме истории кочевых обществ в буржуазной историографии.— Материалы XIV международного конгресса исторических наук. (Сан-Франциско, 1975) — 7 с. (на англ. яз.). Ротапринт.
- Проблемы развития исторической науки в Казахстане и Средней Азии на современном этапе.— Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, № 6, с. 3—15.
- Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахстан).— Ежегодник БСЭ, вып. 19, с. 127—132. Совместно с Ю. Айбасовым, А. Кошановым, И. Мальяром и др.
- Социально-экономические итоги освоения целинных земель в Казахской ССР.— Вопр. истории, № 3, с. 21—40. Совместно с С. Б. Башпевым.
- Поворотный пункт в истории России: (К 70-летию первой русской революции).— Парт. жизнь Казахстана, № 3, с. 74—79.

1976

- Из истории борьбы за марксистско-ленинское освещение Октября: (По материалам казахстанской историографии).— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М. В. Нечкиной. М., с. 305—316.
- Развитие этнокультурных контактов народов (на материалах Казахстана).— В кн.: Всесоюз. тюркол. конф., 27—29 сент. 1976 г. Секция № 3. Этн. и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тез. докл. и сообщ. Алма-Ата, с. 39—41.
- Некоторые проблемы истории кочевых обществ на XIV Международном конгрессе исторических наук (Сан-Франциско, 22—29 авг. 1975 г.).— Сов. этнография, № 4, с. 168—170.
- Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахстан).— Ежегодник БСЭ, вып. 20, с. 124—129. Совместно с Ю. Айбасовым, А. Кошановым, И. Мальяром и др.
- Рец.: Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине: (Историко-этнографический очерк).— Киев: Наукова думка, 1975. 276 с.— Вестн. АН КазССР, № 3, с. 71—72.

Ред. и авт. предисл.: Есмагамбетов К. Л. Действительность и фальсификация: (Англо-американская историография о Казахстане). Алма-Ата: Казахстан. 200 с. Из содерж.: Предисловие, с. 3—6.

1977

Чл. редкол. (зам. гл. ред.) и авт. предисл.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. Т. 1. Алма-Ата. 479 с. Из содерж.: Предисловие, с. 7—44. (Без подписи). То же на каз. яз. Алма-Ата. 1981. 496 с. Предисловие, с. 7—47.

Рец.: *Окладников А. П.*— Вопр. истории, 1978, № 4, с. 143—147.

Чл. редкол. (зам. гл. ред.), ред. тома и авт. глав: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. Т. 4. Алма-Ата. 640 с.

Из содерж.: Гл. 5. Переход к новой экономической политике в Казахстане (1921—1923 гг.), с. 237—325; Гл. 6. Воссоединение казахских земель в Казахской АССР. Казахстан в канун восстановительного периода (1924—1925 гг.), с. 326—346.— То же на каз. яз. Алма-Ата, 1981. 676 с. Гл. V, с. 249—345; Гл. VI, с. 344—366.

Рец.: *Жумабеков Ж.*— Казахст. правда, 1977, 15 нояб.

Чл. редкол. и авт. статьи: Великий Октябрь в Казахстане: Сб. статей. Алма-Ата. 262 с.

Из содерж.: Октябрь и некоторые проблемы истории решения национального вопроса в Казахстане: (Пролетарский интернационализм в действии), с. 36—58.

К истории рождения социалистического уклада в сельском хозяйстве Казахстана.— Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, № 5, с. 22—26.

Проблемы казахской историографии к 60-летию Великого Октября.— Вестн. АН КазССР № 11, с. 25—37.

Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахстан).— Ежегодник БСЭ, вып. 21, с. 121—127. Совместно с Ю. Айбасовым, С. Бейсембаевым, У. Джанибековым и др.

Ред. и сост.: История крестьянства Советского Казахстана: Проспект. Алма-Ата. 36 с. Совместно с К. Алдажумановым, Х. Аргынбаевым, Т. Балакаевым и др.

Рец.: Советский народ — новая историческая общность людей: Становление и развитие. М.: Наука, 1975. 520 с.— Вопр. истории, № 4, с. 151—154. Совместно с Р. Х. Аминовой.

Рец.: Медный гигант на Балхаше: Сб. документов и материалов. В 2-х т. Т. 1. (1929—1952 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1977, 368 с.— Парт. жизнь Казахстана, № 11, с. 93—94.

1978

Маршрутом социального прогресса. Алма-Ата: Казахстан, 160 с.

Рец.: *Агаджанов С. Г.*— Изв. АН ТССР, 1979, № 6, с. 89—90; *Аминова Р. Х.*— Обществ. науки в Узбекистане, 1979, № 8, с. 43; *Аргынбаев Х.*— Книжное обозрение, 1979, № 21, с. 6; *Бактыгулов Д., Воропаева В.*— Сов. Киргизия, 1980, 4 мая; *Басин В., Галиев А.*— Казахстан коммунист, 1981, № 5, с. 91—93 (на каз. яз.); *Бейсембаев С.*— Казахст. правда, 1979, 23 янв.: *Белоус О. Н.*— Парт. жизнь Казахстана, 1979, № 7, с. 94; *Зеленин И. Е.*— Вопр. истории, 1980, № 3, с. 129—131; *Костина Д. М.*— Обществ. науки ОНИОН АН КазССР: Реферативный сб. Советская литература. Вып. 3, Алма-Ата, 1979, с. 26—30.

Социальная структура казахского аула по материалам Всесоюзной сельскохозяйственной переписи 1917 г.— В кн.: Великий Октябрь. История, историография, источниковедение: Сб. статей. М., с. 59—62.

Октябрь и исторический опыт реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства (на примере Казахстана).— Народы Азии и Африки, № 3, с. 40—53. Settlement and traditional institutions of the formerly nomadic Kazakh people.— In: The nomadic alternative. The Hague; Paris, [1978], p. 361—369.

Nomadic and semi-nomadic cattle-breeding and sedentary farmings: Mechanism of interaction (A case study of Central Asia and Kazakhstan).— In: X Intern.

- Congr. of Anthropol. and Ethnol. Sci. (Dehli, India, Dec. 10—21, 1978). Moscow: USSR Acad. of Sci. N. N. Miklucho-Maclay Inst. of Ethnography, p. 101—114.
- Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахстан).— Ежегодник БСЭ, вып. 22, с. 116—121. Совместно с Ю. Айбасовым, С. Бейсембаевым, Ж. Калиевым и др.
- Отв. ред. и авт. предисл.: Бактыгулов Д. С. Социалистическое преобразование киргизского аила, 1928—1940. Фрунзе: Илим. 274 с. Из содерж.: От редактора, с. 3—5.
- Наша цель — коммунизм. [О книге: *Кунаев Д. А.* Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1978. 511 с.].— Соц. Қазақстан, 29 нояб. Совместно с К. Н. Нурпейсовым (на каз. яз.).
- Рец.: КПСС и Советское правительство о Казахстане, 1917—1977 гг. Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Казахстан. 396 с.— Народное хозяйство Казахстана, № 11, с. 92—94. Совместно с С. Б. Баишевым.

1979

- Чл. гл. редкол. (зам. гл. ред.), ред. карт-схем и авт. глав: История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Т. 2. Алма-Ата, 423 с. Из содерж.: Второй раздел. Гл. 3. Образование казахского ханства. § 1. Исторические предпосылки образования казахской народности, с. 251—255. Гл. 5. Социально-экономическое положение в Казахстане в XVI—XVII веках. § 3. Патриархально-феодальные отношения, с. 322—334.
- Рец.: Карты-схемы.— Там же, с. 9. То же на каз. яз. 1983. 438 с.
- Рец.: *Исхаков А., Шалехенов У.*— Казахст. правда, 1980, 17 мая; *Литвинский Б. А., Кычанов Е. И.*— Народы Азии и Африки, 1981, № 6, с. 188—194.
- Интернационализация общественной жизни при социализме.— Парт. жизнь Казахстана, № 9, с. 81—86.
- Первые шаги революционных земельных преобразований в Степном (Казахском) крае.— В кн.: Ленинский Декрет о земле в действии: Сб. статей. М., с. 245—260.
- Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахстан).— Ежегодник БСЭ, вып. 23, с. 110—114. Совместно с Ю. Айбасовым, С. Бейсембаевым, Ж. Калиевым и др.
- Рец.: Пахмурный П. М. Григорьев В. К. Октябрь в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1978. 224 с.— Парт. жизнь Казахстана, № 3, с. 92—93.
- Рец.: Турсунбаев А. Б., Ковальский С. Л. Подвиг в бою и в труде. Алма-Ата. 1979. 60 с.— Агитатор Казахстана, № 21, с. 27—29. Совместно с Н. Г. Паном.
- Рец.: Баишев С. Б. Социально-экономическое развитие Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 372 с.— Соц. Қазақстан, 30 сент. Совместно с А. К. Кожановым (на каз. яз.).
- Чл. редкол. (зам. гл. ред.), ред. карт-схем: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. Т. 3. Алма-Ата, 539 с. То же на каз. яз., 1982. 560 с.
- Рец.: *Агаджанов С. Г., Буганов В. И.*— История СССР, 1980, № 3, с. 182—185.

1980

- Основные направления исторических исследований в Казахской ССР.— В кн.: Советская историческая наука в 1975—1979 гг. М., с. 313—320.
- Формирование многонационального региона и этнокультурные контакты (на материалах Казахской ССР).— В кн.: Проблемы современной тюркологии: Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции (27—29 сент. 1976 г.). Алма-Ата, с. 295—300.
- Характер и масштабы этнокультурных контактов сельского населения в условиях развитого социализма (на материалах КазССР).— В кн.: Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии: XVIII сес. симпоз. по изуч. пробл. аграрной истории. Тез. докл. и сообщ. Воронеж, 25—29 сентября 1980. М., ч. 1, с. 42—47.
- Чл. науч.-ред. совета и авт. статей: Казахская Советская Социалистическая Республика: Энциклопедический справочник. Алма-Ата: Гл. ред. КСЭ. 752 с. (на каз. яз.). Из содерж.: Казахстан в период восстановления народного хозяйства. Победа социализма, с. 216—226; Исторические науки, с. 482—490.

Мы дружбой народов сильны.— В кн.: Освоение целины.— Всенародный подвиг. М., с. 31—35.

Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахстан).— Ежегодник БСЭ, вып. 24, с. 117—121.

Отв. ред. и авт. введ.: Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков: Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата: Наука, 1980. 256 с. с ил., карты.

Из содерж.: Введение, с. 3—13.

Отв. ред.: Пахмурный П. М. Коммунистические субботники в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 184 с.

Рец.: Великий подвиг партии и народа — массовое освоение целинных и залежных земель: Сб. документов и материалов / Отв. ред. И. М. Волков. М.: Наука, 1979. 439 с.— История СССР, № 4, с. 182—184.

1981

Казахстанская историография в международных связях советской исторической науки.— Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, № 1, с. 28—33.

Налоговая политика Советского государства и ее особенности в казахском ауле (20-е годы).— В кн.: Экономическая политика переходного периода в СССР. Проблемы методологии и истории: Всевоюз. сес. Тезисы. М., вып. 2, с. 162—166. Совместно с Ж. Б. Абылхожиным.

Исторические науки (в Казахстане).— В кн.: Казахская Советская Социалистическая Республика: Энцикл. справочник. Алма-Ата, с. 465—472.

Казахстан в период восстановления народного хозяйства. Победа социализма (1928—1937).— Там же, с. 212—221.

Вся жизнь — творчество: (К 80-летию со дня рождения академика М. В. Нечкиной).— Изв. АН КазССР, Сер. обществ. наук, № 2, с. 90.

SeBhaftwerdung von Nomaden. Erfahrungen über die Dynamik traditioneller Einrichtungen (am Beispiel des kazachischen Volkes).— In: Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. B., 1981, H. 33, S. 109—127.

Чл. редкол. (зам. гл. ред.): История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней): В 5-ти т. Т. 5. Алма-Ата. 692 с.

Отв. ред. и авт. предисл.: Алексеенко Н. В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870—1914 гг.) Алма-Ата: Наука, 112 с.

Рец.: Муканов М. С. Казахская юрта. Алма-Ата: Кайнар, 1981. 223.— Казахст. правда, 17 окт.

1982

Изменение социальной структуры казахского аула в период перехода к социализму.— В кн.: Изменение социальной структуры народов СССР: Вопросы истории и историографии социальных преобразований 20—30-х годов. М: Изд-во МГУ, с. 52—81.

Исторична наука в Казахський РСР на сучасному етапі.— Укр. іст. журн., № 7, с. 52—60.

Проблема присоединения Казахстана к России в статье А. Боджера.— Общественные науки АН КазССР. Зарубежная литература: Реф. сб. Вып. 1(12). Советологические концепции истории современного развития Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата: Наука, с. 5—18.

Отв. ред.: Кауанова Х. А. Образ жизни и быт рабочих сетей (на материалах Казахстана). Алма-Ата: Наука. 166 с.

Проблема присоединения Казахстана к России и современная буржуазная историография.— В кн.: Навеки вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата: Наука, с. 315—323.

Радус-Зенькович Виктор Алексеевич (1877—1971).— В кн.: Борцы за Советскую власть в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, вып. 1, с. 190—197.

Ред.: Атлас Казахской ССР. Т. I. Природные условия и ресурсы. М. 81 с. Совместно с А. М. Кунаевым, К. Б. Ахмедовой, Г. А. Токмагамбетовым и др.

Employment and national relations in polyethnic environment: (A study of a non-capitalism way of development).— In: Stud. in ethnogr. and anthropol. Pap. presented by Soviet participants. Pt I (XI Intern. Congr. of Anthropol. and Ethnol. Sci. Vancouver-Quebec, Aug. 1983). Moscow, p. 29—38.

К некоторым проблемам кочевниковедения.— Общест. науки АН КазССР. За-рубежная литература: Реф. сб. вып. 15. Кочевники в прошлом и настоящем: (Проблемно-темат. сб.). Алма-Ата, с. 6—15.

Чл. редкол. и авт. статей: Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата. 256 с.

Из содерж.: Некоторые проблемы историографии кочевниковедения и оседа-ния кочевников и полукочевников в СССР, с. 48—56; Некоторые итоги и ак-туальные проблемы изучения истории Казахстана, с. 5—29. Совместно с Б. А. Тулепбаевым, М. К. Козыбаевым.

Предисл.: Алдамжаров З. А. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане: (Историография проблемы). Алма-Ата: Казахстан. 176 с.

Из содерж.: Предисловие, с. 3—7.

Чл. редкол. и науч. конс.: Алма-Ата: Энциклопедия. Алма-Ата. 607 с. То же на каз. яз., 1982. 623 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- Ленинское учение об электрификации в советской историографии 3
И. Г. Гришков
- О ежегоднике «Историографические исследования в Украинской ССР» (1968—1973 гг.) 16
Н. В. Комаренко
- Вопросы парламентской тактики рабочего класса в период первой российской революции 1905—1907 гг. в освещении советской историографии 32
Д. А. Колесниченко
- Освещение общественно-политической мысли России конца XVII в. в советских учебниках и обобщающих трудах (1917—1981) 51
Л. Н. Пушкарёв

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- Американская критическая историография о внешней политике США XX в. (60—70-е годы) 63
В. В. Соэрин
- История и социология: основные тенденции в современной англо-американской урбанистике 88
Л. П. Репина
- Вольтер и вольтерьянцы о крестовых походах XI—XIII вв. 112
М. А. Заборов

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

- Основные направления развития английской историографии буржуазной революции XVII в. в Англии 119
И. И. Шарифжанов
- Феодальная Рига в послевоенной зарубежной историографии 140
Х. П. Стродс

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

- Академик Б. Д. Греков — историограф 163
В. Г. Сарбей
- «История белорусского народа» В. И. Пичеты и ее роль в изучении истории Белоруссии 175
Н. Н. Улащик

Социально-экономические взгляды М. Д. Чулкова . . . 186
Е. А. Бондарева

Проблемы гуситского движения в трудах и выступлениях
Зденека Неядлы в 1941—1945 гг. 208
Б. М. Руколь

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»: 100 ТОМОВ

«Исторические записки»: 100 томов. Период капитализма 220
К. Н. Тарновский

«Исторические записки»: 100 томов. Период феодализма 236
Л. В. Волков

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Участие советских историков в Международном комитете
исторических наук (МКИИ) (1928 г.—середина 30-х годов) 254
Люц-Дитер Берендт (ГДР)

Вклад Полтавской ученой архивной комиссии в развитие
исторического краеведения 275
А. М. Аббасов

Статус женщин в исторической профессии США 287
В. А. Тишков

БИБЛИОГРАФИЯ

Максим Максимович Ковалевский (1851—1916 гг.) . . . 298
Ю. Н. Емельянов

Библиография трудов М. М. Ковалевского 303

Литература о М. М. Ковалевском 331

Члeп-кoрр. АН СССР Б. А. Тулепбаев, В. Я. Басин. Григорий Федорович Дахшлейгер (1919—1983) 338

Библиография трудов Г. Ф. Дахшлейгера 342

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
Историкографический ежегодник
1980

Утверждено к печати
Научным советом по проблеме
«История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР
Институтом истории СССР АН СССР
Институтом всеобщей истории АН СССР

Редакторы издательства
Г. И. Рыкова, Ф. Н. Арский, Л. И. Беленькая,
А. Л. Куприянова, Е. А. Мишакова
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Т. С. Жарикова
Корректоры Е. Н. Белоусова, Е. В. Шевченко

ИБ № 28526

Сдано в набор 03.10.83
Подписано к печати 08.05.84
Т-02392. Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная

Печать высокая.

Усл. печ. л. 22,5 Уч.-изд. л. 27,7 Усл. кр.-отт. 23,5
Тираж 2450 экз. Тип. зак. 791
Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Наука» 117846
ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Набрано в ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

Отпечатано во 2-й типографии издательства
«Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский
пер., 10